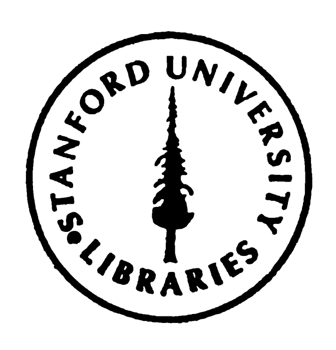
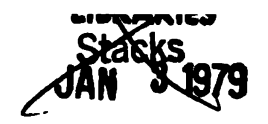

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СЕМАСІОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ

ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

М. М. Покровскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Программа и задачи настоящаго изслѣдованія подробно выяснены мною во введеніи, и я пользуюсь этими строками лишь для разъясненія и улучшенія нѣкоторыхъ пунктовъ моей работы. Она возникла не случайно и не столько подъ вліяніемъ существующихъ сочиненій по семасіологіи, сколько въ связи съ моими старинными занятіями греко-латинской морфологіей сравнительно съ морфологіей другихъ индоевропейскихъ языковъ. Эти занятія постоянно приводили меня къ вопросу о психологическихъ явленіяхъ языка вообще и семасіологическихъ въ частности,—и напр. теорія, главнѣйшія основанія которой намѣчены на стр. 1—8 и 23—25, сложилась у меня уже 6 лѣтъ тому назадъ. Далѣе, спеціальное разсмотрѣніе исторіи значенія словъ, принадлежащихъ къ той или другой морфологической категоріи, постоянно ставило меня лицомъ къ лицу съ принципомъ семасіологической ассоціаціи или аналогіи, какъ съ основой раздѣленія извѣстной морфологической категоріи на спеціальныя, видовыя группы (ср. хотя бы тѣ примѣры, которые приведены на стр. 13 и 45—55); при этомъ приходилось наблюдать, что такое раздѣленіе извѣстной категоріи въ одномъ языкѣ въ общихъ чертахъ сходно съ раздѣленіемъ соотвѣтствующей категоріи въ другихъ родственныхъ языкахъ (ср. стр. 54—55 и др.); а это наблюденіе наводило на мысль, что семасіологическія явленія не отличаются большимъ произволомъ, но что наоборотъ за ними скрываются какіе-то законы; въ свою очередь, эта мысль подтверждалась чтеніемъ сочиненій, посвященныхъ исторіи индоевропейскихъ языковъ въ связи съ

исторіей индоевропейскихъ народовъ (стр. 15—19). Но дойдя до вопроса объ ассоціаціи словъ, сходныхъ или прямо-противоположныхъ по значенію, я встрѣтился со спеціальными работами, такъ или иначе затрогивающими этотъ вопросъ. Изученіе этихъ работъ поставило на очередь новыя затрудненія, которыя окончательно убѣдили меня въ томъ, что систематическое изслѣдованіе морфологическихъ категорій будетъ преждевременно до тѣхъ поръ, пока семасіологія вообще не станетъ на твердую научную почву: вотъ почему морфологическій отдѣлъ этой книги (главы 2-я и 3-я) является какъ бы приложеніемъ къ спеціально-семасіологическому (глава 1-я).

Такова первая особенность настоящей работы. Во-вторыхъ, поставивъ себѣ цѣлью усовершенствованіе методовъ семасіологическаго изслѣдованія, я, конечно, могъ исходить только изъ такого матеріала, который мнѣ представлялся болѣе или менѣе надежнымъ. Этимъ отчасти объясняется нѣкоторая неполнота данныхъ, употребленныхъ мною въ дѣло. Но есть, конечно, и другія причины: въ большинствѣ случаевъ приходилось создавать не только объясненіе матеріала, но и самый матеріалъ; чрезвычайныя затрудненія, связанныя съ подборомъ и группировкой данныхъ, а также съ самимъ изложеніемъ, естественно, могли привести къ тому, что нѣкоторые изъ фактовъ ускользнули отъ моего вниманія.

Основной цѣлью данной работы объясняется и еще одна изъ ея особенностей: главный матеріалъ для нея былъ подобранъ изъ обоихъ классическихъ языковъ, но я пользовался въ широкихъ размѣрахъ и другими индоевропейскими языками [1]). Въ этомъ

---

[1]) Я долженъ, однако, оговориться, что многимъ примѣрамъ изъ неклассическихъ языковъ я придаю только служебное значеніе: такъ напр., исторія германскихъ субстантивированныхъ причастій (стр. 72—76) интересовала меня не сама по себѣ (вполнѣ разобраться въ ней можетъ только германистъ по спеціальности), но какъ средство къ пониманію соотвѣтствующихъ причастій въ классическихъ языкахъ. Пользуюсь случаемъ сдѣлать другую оговорку — относительно непослѣдовательности въ транскрипціи словъ неклассическихъ языковъ: такъ, междузубное *t* я регулярно передавалъ черезъ *ϑ*, но германское междузубное *d* я сначала пробовалъ (стр. 17, прим. 1; стр. 38) передавать общепринятымъ способомъ (черезъ *đ*, перечеркнутое наверху горизонтальной чертой), но такъ какъ знакъ, употребленный типографіей, очень походитъ на *cl*, то начиная со страницы 73 я предпочелъ для обозначенія этого звука—* δ*.

пунктѣ я расхожусь съ нѣкоторыми направленіями, существующими въ семасіологической литературѣ. Такъ, напр., одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ семасіологовъ Heerdegen полагаетъ (Verhandlungen der 41. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner, pp. 210—211), что только послѣ созданія семасіологіи какъ грамматической дисциплины въ отдѣльныхъ языкахъ можно перейти къ индоевропейской дисциплинѣ этого рода; на ряду съ явленіями, общими всѣмъ языкамъ, каждый языкъ имѣетъ свои собственныя индивидуальныя стороны, и потому семасіологія, какъ спеціально латинская дисциплина, имѣетъ полное право на существованіе. На это мы замѣтимъ, что при занятіяхъ семасіологіей нельзя ограничиваться только древними языками, т.-е. такими языками, которыхъ мы, такъ сказать, не чувствуемъ; потому что при этомъ условіи мы никогда не застрахованы отъ искусственныхъ и мертворожденныхъ построеній; тѣмъ болѣе опасно ограничиваться какимъ-нибудь одни мъ древнимъ языкомъ. Въ частности, сравнительный методъ безусловно необходимъ при рѣшеніи вопроса о томъ, какія семасіологическія явленія извѣстнаго языка свойственны только ему одному. И вообще, если сравнительный методъ приноситъ большую пользу при занятіяхъ напр. фонетикой, то тѣмъ болѣе неизбѣжно его примѣненіе при занятіяхъ новообразованіями по аналогіи, синтаксисомъ и семасіологіей, такъ какъ эти послѣднія явленія несравненно труднѣе поддаются анализу, группировкѣ и объясненію, чѣмъ явленія фонетическія. Однимъ словомъ, если изслѣдователь синтактическихъ, семасіологическихъ и т. п. фактовъ извѣстнаго языка освободитъ себя отъ справокъ въ другіе языки, то онъ въ лучшемъ случаѣ можетъ представить тонкія наблюденія надъ отдѣльными подробностями, или интересное собраніе матеріала, но за то безъ общихъ выводовъ или же съ общими выводами сомнительнаго достоинства. Въ русской ученой литературѣ есть одна работа, принадлежащая профессору Ѳ. Е. Коршу («Способы относительнаго подчиненія»), которая ясно показываетъ, что при изслѣдованіи психологическихъ, въ частности синтактическихъ, явленій языка, необходимо привлеченіе къ дѣлу всевозможныхъ языковъ, не говоря уже о языкахъ родственныхъ.

Съ такой же оговоркой мы должны встрѣтить и соображенія

Мишеля Бреаля, который склоненъ считать сравнительную семасіологію дѣломъ преждевременнымъ; но за то нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ его взгляду, что исходнымъ пунктомъ для семасіолога долженъ служить его родной языкъ. Бѣда только въ томъ, что русскій семасіологъ поставленъ въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ, напр., его французскіе или нѣмецкіе товарищи, располагающіе такими превосходными историческими словарями, какъ словарь Литрé или словарь Гримма и его продолжателей. Съ своей стороны, я старался не упускать изъ виду родного языка, но я хорошо сознаю, какъ недостаточенъ и отрывоченъ русскій матеріалъ моей книги, и на случай, если ее прочтутъ наши славискы, я обращаюсь къ нимъ съ покорнѣйшей просьбой дополнить или, еще лучше, переработать тѣ данныя изъ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, которыми я пользовался.

Позволю себѣ еще нѣсколько словъ pro domo sua. Тезисъ, съ которымъ я выступаю, очень простъ a priori, но его практическое обоснованіе фактами языка представляетъ большія затрудненія. Я, конечно, хорошо понимаю, что собраннаго мною матеріала далеко недостаточно для этой цѣли; и я, можетъ быть, не рѣшился бы въ настоящее время опубликовать этотъ матеріалъ, еслибы меня не ободрялъ самый ходъ работы. Изслѣдованіе не прекращалось во все время печатанія книги (начавшагося съ двадцатыхъ чиселъ октября), и мнѣ нерѣдко удавалось, уже послѣ отпечатанія извѣстной главы или §, подобрать новыя данныя, которыми какъ нельзя лучше подтверждались предположенія, высказанныя въ этой главѣ или §: съ этой цѣлью я прошу читателя обратить особое вниманіе на приложенныя къ книгѣ «Дополненія». Съ другой стороны, этотъ дополнительный матеріалъ, не измѣняя по существу высказанныхъ мною предположеній, иногда позволялъ точнѣе формулировать ихъ, а иногда давалъ возможность устанавливать связь между такими фактами, которые до этого времени представлялись мнѣ обособленными (ср. особенно стр. 55—62 съ примѣчаніемъ на стр. 108 и съ соотвѣтствующимъ пунктомъ въ «Дополненіяхъ»). Такимъ образомъ, я убѣждался въ полной справедливости пословицы dies diem docet, и я увѣренъ, что одной изъ первыхъ поправокъ со стороны читателей,—особенно если они не ограничатся только тѣмъ матеріаломъ, который собранъ въ этой книгѣ,—будетъ обоб-

щеніе этого матеріала. Съ своей стороны замѣчу слѣдующее: распредѣляя слова по тѣмъ «сферамъ представленія», къ которымъ они относятся (этимъ, можетъ быть, нѣсколько неопредѣленнымъ терминомъ у меня обозначаются фактическія границы ассоціаціи словъ), я, конечно, не утверждаю, что языкъ состоитъ изъ множества ячеекъ, совершенно обособленныхъ другъ отъ друга: наоборотъ, гдѣ только можно, я отмѣчалъ сходныя явленія въ исторіи значенія словъ, принадлежащихъ къ различнымъ сферамъ представленій (ср. стр. 52, 104 и пр.). Прибавлю еще одно подобное замѣчаніе: со словами, обозначающими *мѣру*, мы соединяемъ представленіе не только объ измѣряющемъ инструментѣ, но и объ измѣряемомъ предметѣ, по крайней мѣрѣ о его количествѣ или величинѣ; далѣе, слова *столъ*, *блюдо*, *бутылка* употребляются нами въ смыслѣ «того, что̀ находится на столѣ, на блюдѣ, въ бутылкѣ»; или, слово *кругъ* въ просторѣчіи употребляется какъ въ смыслѣ извѣстной кривой линіи («окружность», какъ говорятъ математики), такъ и въ смыслѣ пространства, заключеннаго въ ея предѣлахъ (ср. опредѣленіе нѣмецкаго *Ring* въ словарѣ Гримма: «der von Personen gebildete Kreis, sowie der von diesen eingeschlossene Raum», — ср. также соотвѣтствующія слова другихъ языковъ); равнымъ образомъ, словами, обозначающими зданія, частныя или общественныя, можетъ называться и то, что въ этихъ зданіяхъ находится (ср. *домъ* въ смыслѣ его обитателей, *Казенная Палата* въ смыслѣ засѣдающаго въ ней начальства); или, напр., слово *улица* въ народномъ языкѣ обозначаетъ не только пространство, но и обывателей, находящихся на этомъ пространствѣ («на пожаръ сбѣжалась вся улица») и т. д. Всѣ эти примѣры принадлежатъ къ различнымъ «сферамъ представленія», и тѣмъ не менѣе всѣ они проникнуты одной общей тенденціей—смѣшеніемъ содержащаго съ содержимымъ.

Мнѣ остается исполнить пріятную обязанность—выразить мою глубокую признательность моимъ уважаемымъ учителямъ профессорамъ Московскаго Университета Θедору Евгеніевичу Коршу и Филиппу Θедоровичу Фортунатову: ихъ лекціи, которыя я въ свое время слушалъ, бесѣды съ ними по поводу различныхъ вопросовъ языковѣдѣнія, между прочимъ, и вопросовъ семасіологическихъ, наконецъ, многія спеціальныя указанія

какъ фактическія, такъ и библіографическія,—все это, безъ сомнѣнія, могло выгодно отразиться на нѣкоторыхъ пунктахъ моей книги; но само собой разумѣется, что ни Ѳ. Е. Коршъ, ни Ф. Ѳ. Фортунатовъ не отвѣтственны за ея слабыя стороны. Итакъ, τύχη ἀγαθῇ!

Михаилъ Покровскій.

Москва, 1 декабря 1895 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ этомъ небольшомъ изслѣдованіи я рѣшаюсь поставить до сихъ поръ почти незатронутый, но очень важный какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи вопросъ о закономѣрности психологическихъ явленій языка. Если мы возьмемъ тѣ явленія, которыя связаны съ измѣненіями звуковъ языка, то закономѣрность этихъ явленій для насъ будетъ ясна уже эмпирически, хотя бы мы и не имѣли никакого понятія о языковѣдѣніи. Всякій знаетъ, что тотъ, кто произноситъ напр. *з* нѣсколько шепелявo, произноситъ его такимъ образомъ всюду, гдѣ оно попадется; мало того, соотвѣтственнымъ образомъ онъ произнесетъ и *г* и т. д. Это — явленія фонетическія. Но есть другія болѣе сложныя и болѣе субъективныя явленія въ жизни каждаго языка. Это, во-первыхъ, такъ-называемыя новообразованія по аналогіи. Что значитъ этотъ терминъ? Дѣло въ томъ, что формы языка объединяются въ нашей душѣ, независимо отъ нашего сознанія, въ различныя категоріи, въ связи съ ихъ взаимнымъ сходствомъ: таковы напр. категоріи именъ латинскаго 2-го склоненія, 4-го спряженія и т. д. Если есть пункты сходства между цѣлыми категоріями формъ, то и категоріи объединяются въ одну. Напримѣръ, какъ въ латинскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ, въ концѣ концовъ, смѣшались имена съ основой на *о*—и съ основой на *и*—; причиной для смѣшенія было, между прочимъ, то обстоятельство, что отдѣльныя падежныя формы и тѣхъ и другихъ именъ, въ данномъ случаѣ, совпали въ звуковомъ отношеніи. Именно въ латинскомъ языкѣ -*ŏ-s*, -*ŏm* (окончанія именительнаго и винительнаго падежей ед. ч. 2-го склоненія) съ теченіемъ времени фонетически обратились въ *ŭ-s*, *ŭ-m* и, такимъ образомъ, въ извѣстную эпоху языка ничѣмъ не отличались отъ окончаній соотвѣтствующихъ

падежей 4-го склоненія. Тоже было и въ славянскихъ языкахъ: здѣсь *ŏ-s*, *ŏ-m*, *ŭ-s*, *ŭ-m* одинаково обратились въ ъ; кромѣ того, *o-ns* *u-ns* (окончанія винительнаго падежа множ. числа) одинаково обратились въ ы: ср. ст. слав. **рабъ, рабъ, рабы** (основа на-*ŏ*-) **сынъ, сынъ, сыны** (основа на *u*-: ср. д. и *sūnu-s* и пр.); вслѣдствіе этого стали возможны такія формы, какъ напр. русскій родительный падежъ *сына* (ст. слав. **сыноу** = д. и sūnōs и пр.) по аналогіи род. пад. *раба* и мн. др. Это объединеніе двухъ первоначально различныхъ категорій, повторяю я, происходитъ безсознательно. Это видно изъ того, что въ данномъ случаѣ творчество можетъ совпадать съ ошибкой: ученики младшихъ классовъ гимназіи иногда образуютъ («по разсѣянности») отъ *sentio* perf. *sentivi*, суп. *sentitum*, увлекаясь сходствомъ нѣкоторыхъ формъ этого глагола съ формами *munio* и др. и, такимъ образомъ, смѣшивая обѣ категоріи глаголовъ. Къ такому же результату пришелъ и латинскій языкъ передъ распаденіемъ на романскія нарѣчія: ср. франц. *senti*, итальянское *sentito* и пр. Позволю себѣ еще одинъ примѣръ: въ ученическихъ тетрадяхъ мы часто встрѣтимъ infinit. *moriri* отъ *morior* по аналогіи съ *orior*, *orīri*. Эта, безсознательно образованная ученикомъ, форма извѣстна намъ очень хорошо изъ Плавта (напр. *capt.* 732: non moriri certiust) и изъ Овидія (*met.* 14,215: mortemque timens cupiensque moriri); она же (точнѣе сказать, *morīre*) послужила образцомъ для соотвѣтствующихъ романскихъ формъ: фр. *mourir*, ит. *morire*, исп. *morir* и пр. Присматриваясь къ различнымъ новообразованіямъ этого рода въ различныхъ языкахъ, мы, конечно, на первый разъ будемъ поражены ихъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и причудливостью. Однако, несмотря на безсознательное и субъективное происхожденіе этихъ новообразованій, мы не можемъ утверждать, чтобы они зависѣли отъ простого случая; наоборотъ, если мы попытаемся ихъ классифицировать, то увидимъ въ нихъ нѣчто похожее на закономѣрность, на регулярность. Во-первыхъ, мы убѣждаемся въ томъ, что два (или болѣе) разныхъ языка могутъ, по отношенію къ одному и тому же данному случаю, выработать одинаковыя или сходныя новообразованія, если для этихъ новообразованій въ указанныхъ языкахъ были на-лицо одинаковые или сходные поводы. Мы уже успѣли привести одинъ примѣръ

подобнаго рода изъ латинскаго и славянскихъ языковъ. Приведемъ другой, не менѣе ясный.

Греч. ὖ-ς, лат. *sū-s* принадлежать къ той же морфологической категоріи, какъ напр. д. инд. *bhū-s*, *bhrū-s*. Какъ показываетъ д. индійскій языкъ, *ū* сохранялось только передъ такими суффиксами, которые начинались съ согласнаго, напр. *bhū-bhis*, *bhū-bhyas*, *bhū-šu*; а передъ суффиксами, начинавшимися съ гласнаго, оно разлагалось на *ŭ*+*u̯*: *bhŭv-as*, *bhŭv-i* и пр. Какъ въ латинскомъ языкѣ (послѣ *u*), такъ и въ діалектахъ греческаго языка (во всѣхъ положеніяхъ) это *u̯* исчезало. Благодаря этому, получились такія формы: gen-sing. ὔ-ός, dat. (loc.) ὔ-ΐ, nom. pl. ὕες, gen. ὔ-ῶν, dat. (loc.) * ὖσί; *sŭ-is*, *sŭ-ī*, *sŭe*, *sŭes*, *sūbus*. Подъ вліяніемъ формъ съ ὔ, въ греч. яз. * ὖσι и т. п. обратились въ ὔσί съ краткимъ υ. Нѣчто подобное было и въ латинскомъ языкѣ: такъ, у Лукреція, на ряду съ *sūbus* (1 разъ V 969) [1]), мы находимъ два раза *sŭbus*:

nam saetigeris *sŭbŭs* acre venenumst (VI 974).

Spurcities, eadem *sŭbŭs* haec iucunda videtur (VI 977).

Возьмемъ склоненіе βοῦς и ναῦς въ діалектахъ греческаго языка. Сравненіе этихъ словъ съ санскритскими *nāus* и *gāus* показываетъ,

---

[1]) Saetigerisque pares *sūbus*, silvestria membra... Чтобы привести этотъ стихъ въ соотвѣтствіе съ VI 974 и VI 977, Munro читаетъ его такъ: saetigerisque pares *sŭbŭ' sic* silvestria membra. Но это—совершенно ненужное измѣненіе. Новообразованія по аналогіи вообще характеризуются тѣмъ, что они въ первое время по возникновеніи не вытѣсняютъ коренной формы. Напр., нѣмецкій глаголъ *fragen* спрягается и по сильному и по слабому спряженію, т. е: *ich frage*, *du fragst*, *er fragt* или *frägst*, *frägt*. Вѣроятно, когда нибудь языкъ освободится отъ одной изъ этихъ формъ, но въ настоящее время одно и то же лицо употребляетъ тѣ и другія формы (напр. *es fragt sich nun* и *es frägt sich nun*). Это положеніе дѣйствительно для всѣхъ новообразованій, возникшихъ психологическимъ путемъ. Возьмемъ какое-нибудь синтактическое явленіе: напр. *exercere* (*se exercere*, *exerceri*) употреблялось съ творит. падежомъ, въ значеніи „упражнять или упражняться въ чемъ". Въ классическую эпоху латинскаго языка появляется новая конструкція *in* aliqua re, но она пока не вытѣсняетъ старой, но употребляется съ нею параллельно, даже у одного и того же писателя. Напр., у Цицерона находимъ se vehementissime exercere *in* his subitis dictionibus рядомъ съ sese quotidianis commentationibus exercere. То же самое мы встрѣтимъ и въ семасіологіи: ниже (въ серединѣ 1-й главы) у меня приведенъ примѣръ, показывающій, какъ *lĕvis* въ смыслѣ „благосклонный, мягкій" (орр. *gravis* „жестокій, крутой") было съ теченіемъ времени вытѣснено *facilis* и *lenis*; но это вытѣсненіе состоялось не сразу: у Плавта (*Trinumm.* 684) *lĕvis* еще сохранилось въ указанномъ значеніи.

что въ корнѣ ихъ были дифтонги *ōu̯*, *āu̯*; для ναῦς это засвидѣтельствовано, кромѣ того, какъ самимъ греческимъ языкомъ (напр., νῆες изъ * νᾱϜες и др.) такъ и лат. *nāv-i-s*. Указанные дифтонги сократились въ греч. языкѣ передъ *s* въ *ŏu̯ ău̯*: ср. Ζεύς изъ * *di̯ēu̯s*=д. инд. *dyāus*; въ положеніи передъ *-m* и *-ns* (слѣдовательно, въ винит. ед. и множ. числа) дифтонгъ *ōu̯* еще въ индоевр. языкѣ потерялъ неслоговую часть: ср. др. инд. *gām gās* и и также *dyām dyās* (изъ * *di̯ēu̯m*, *di̯ēu̯ns*)=гр. діалект. Ζήν, лат. *diēm* (изъ болѣе ранняго *diēm*), acc. pl. *diēs*. Такимъ образомъ, обще-греч. склоненіе βοῦς было слѣдующее: nom. sing. βοῦς, acc. βῶν, acc. pl. βῶς. Что касается ναῦς, то acc. sing. и plur. этого слова образовывались, какъ показываетъ др. инд. языкъ, не съ помощью суффиксовъ *-m* и *-ns*, но съ помощью суффиксовъ *a̭n̥*, *a̭n̥s* (*nāv-am*, *nāv-as*). Въ виду этого, обще-греч. склоненіе ναῦς было слѣдующее: nom. ναῦς, acc. νᾶϜα, acc. pl. νᾶϜας, откуда въ аттическомъ и іоническомъ діалектахъ получилось ναῦς νῆα νῆας (въ болѣе древній періодъ νῆϜα νῆϜας). Греческіе діалекты отдѣлались отъ такого несходства падежныхъ формъ; при этомъ въ аттическомъ діалектѣ въ *обоихъ* случаяхъ были измѣнены формы acc. sing. plur. подъ вліяніемъ nom. sing.: ναῦς ναῦν ναῦς, βοῦς βοῦν βοῦς. Въ другихъ діалектахъ наблюдается обратный процессъ: іон. νηῦς по образцу νῆα νῆας, дорич. βῶς по образцу βῶν βῶς.

Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, что новообразованія въ языкѣ выражаются, можетъ быть, въ опредѣленныхъ формахъ, имѣютъ какъ бы опредѣленное направленіе. Въ этомъ отношеніи интересна исторія словъ Ζεύς, ἴς и τίς: она показываетъ, какъ одинъ и тотъ же процессъ распространился на эти три слова, вообще между собой не связанныя. А именно, ἴς, или лучше сказать Ϝίς, имѣло основу *vī-* = лат. *vī-s*. Винит. ед. ч. долженъ былъ первоначально звучать какъ *Ϝῖ-ν = лат. *vim*; но онъ былъ распространенъ посредствомъ суффикса -α: Ϝῖνα. Разъ появилось въ языкѣ такое образованіе, то оно естественно стало пониматься какъ Ϝῖν-α, т. е. отсюда выдѣлилась основа Ϝῖν-, отъ которой далѣе образованы: nom pl. ἶνες (Ϝῖνες), гомеровскій dat. pl. ἴν-εσι и т. д. Равнымъ образомъ, наряду съ acc. Ζήν возникъ тѣмъ же путемъ accus. Ζῆνα, откуда далѣе gen. Ζηνός, dat. Ζην-ί (уже у Гомера). Далѣе, τίς = лат. *quis* имѣло первоначальную

основу *ti-* (изъ **qi-*: ср. лат. *qui-bus*, nom. pl. *quēs* изъ **quĕj-ĕs*, какъ *ignēs* изъ **ignĕj-ĕs*, д. и. *agnay-as*). Вмѣсто первоначальнаго винительнаго падежа *τί-ν въ языкѣ развился acc. τί-ν-α, откуда далѣе τίν-ος, τίν-ι и пр.

Выше мы сказали, что dat. (loc.) plur. *ὑσί былъ вытѣсненъ ὑσί подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Такую же судьбу имѣетъ этотъ падежъ и во многихъ другихъ основахъ: напр. πόλεσι вм. πόλισι возникло по аналогіи *πόλεες, gen. πόλεων; ср. ἡδέσι (вм. *ἡδύσι, ср. д. и. *svādu-šu*) подъ вліяніемъ *ἡδέ-ες, ἡδέων. Не лишено вѣроятности предположеніе (G. Meyer Griech. Gramm.[2], p. 355), что подъ вліяніемъ gen. pl. τοκέων acc. τοκέας возникли и dativ'ы на-έσι (вм.—εῦσι): τοκέσι (на одной поздней аттической надписи), δρομέσι (у Каллимаха) [1]).

Съ такимъ же процессомъ мы встрѣчаемся и при именахъ съ основой на *on*, *en*. Эти имена, какъ извѣстно (см. хотя бы Brugmann Griech. Gramm.[2] § 71), склонялись съ чередованіемъ сильныхъ и слабыхъ видовъ основы, напр. *ōn ēn*, *ŏn ĕn*, *n* и *n̥* (точнѣе, *a̯n̥*): послѣдній видъ основы (по греч. α и по др. инд. *a*) употреблялся въ такихъ формахъ, падежные суффиксы которыхъ начинались съ согласнаго, напр. др. инд. loc. plur. *takšasu* (изъ **tekta̯n̥su*) при nom. pl. *takšānas*. Въ виду этого, въ греч. яз. мы ждали бы при nom. pl. φρένες ποιμένες τέκτονες—dat. (loc.) plur. φρασί (изъ *φρα̯n̥σί), *ποιμάσι, *τέκτασι. Первая изъ этихъ формъ, дѣйствительно, извѣстна изъ Пиндара и изъ одной аттической надписи 6-го вѣка до Р. Х. (G. Meyer Gr. Gr.[2], p. 354) Какъ извѣстно, слабый видъ *n* и *a̯n̥* въ греческомъ склоненіи этихъ

---

[1]) Ср. у того же Г. Мейера очень важное подстрочное примѣчаніе: „δρομέσι ex Simonide affertur in libro pseudepigrapho 'Ηρωδιανοῦ περὶ Ζητουμένων κτλ. An. Oxon. 3, 254, 21. Lentz zu Herod 2. 638,9».—Обыкновенно эти формы (напр. у Бругмана) объясняются аналогіей со стороны ἡδέσι: ср. ἡδεῖς-βασιλεῖς, ἡδέων-βασιλέων. Для поздне-атт. τοκέσι и Каллимаховскаго δρομέσι такое объясненіе, конечно, вполнѣ возможно (хотя и не обязательно): дѣло въ томъ, что въ аттич. склоненіи словъ βασιλεύς и т. п. уже съ 324 г. до Р. Х. окончательно утвердился nom. pl. на -εῖς, который вскорѣ (около 300 года) сталъ замѣнять собою и старый acc. на -έας (Meisterhans Gramm. der attisch. Inschriften[2], p. 110): такимъ образомъ, въ 3-ьемъ вѣкѣ до Р. Х. склоненіе βασιλεύς во множ. ч. совпадало съ склоненіемъ множ. числа отъ ἡδύς въ трехъ формахъ: nom., accus., genit.—Но по отношенію къ Симониду эти соображенія врядъ ли имѣютъ силу.

именъ, за двумя—тремя исключеніями (вродѣ gen. sing. ἀρν-ός при nom. ἀρήν), исчезъ и замѣнился въ косвенныхъ падежахъ среднимъ видомъ *-ŏn*, *-ĕn*: τέκτονος, ποιμένος, τεκτόνων, ποιμένων. Посмотримъ мы теперь на новообразованія φρεσί, ποιμέσι, τέκτοσι: изъ *-ονσι, *-ενσι ихъ вывести нельзя, потому что эти сочетанія дали бы напр. по аттически -ουσι, -εισι съ долгими закрытыми *ō* и *ē*,—ср. τούς изъ τό-νς (еще сохранилось въ критскомъ діалектѣ), εἰς изъ ἐνς (засвидѣтельствовано грамматиками для того же критскаго діалекта). Какъ понять данныя формы? **Во всѣхъ этихъ случаяхъ гласный α въ dat. (loc.) plur. былъ замѣненъ гласнымъ ο или ε, находившимся въ косвенныхъ падежахъ, напр. въ τεκτόνων φρενῶν**; ср. еще dat. (loc.) κυσί при gen. κυνῶν, acc. κύνας: этого κυσί точно также нельзя понять, по вышеуказанной причинѣ, изъ *κυνσί. Этотъ послѣдній примѣръ интересенъ въ томъ отношеніи, что склоненіе κύων κυνός стояло особнякомъ отъ ποιμήν; а между тѣмъ, дѣйствіе аналогіи выразилось здѣсь въ совершенно такой же формѣ, какъ и въ примѣненіи къ ποιμήν φρήν τέκτων и пр. Кромѣ того, всѣ эти явленія совершенно аналогичны съ выше разобранными dat. (loc.) pl. ὑσί, πόλεσι, ἡδέσι и м. б. δρομέσι, съ которыми они и подавно не имѣли прямой связи. Наконецъ, фактъ вытѣсненія въ dat. pl. α, являющагося параллельно съ ο, ε, ω, η другихъ падежей, находитъ себѣ полную аналогію въ соотвѣтствующемъ явленіи, наблюдаемомъ въ спряженіи глаголовъ на -μι (τίθημι ἵημι δίδωμι). Спряженіе это въ нашихъ памятникахъ, даже древнѣйшихъ, представляется сильно отступившимъ отъ первоначальнаго образца, и въ большинствѣ діалектовъ, не исключая гомеровскаго, эти глаголы мало по малу переходятъ въ такъ называемое тематическое спряженіе, въ спряженіе на ω. Въ чемъ же состояли особенности первоначальнаго спряженія этихъ глаголовъ? Какъ показываетъ др. индійскій и отчасти даже латинскій языкъ, въ слабомъ видѣ основы этихъ глаголовъ являлось такъ называемое schwa indogermanicum,—звукъ, который въ индоиранскихъ нарѣчіяхъ совпалъ съ *ĭ*, а въ языкахъ европейскихъ и армянскомъ—съ *ă*. Въ видѣ α звукъ этотъ обыкновенно является и въ греческомъ языкѣ (см. Brugmann Griech. Gramm.[2] § 11): напр. στᾰτός στάσις ср. съ д. и. *sthitás sthitis*, лат. *stătus* и *stătiō*. Та-

кимъ образомъ, въ праграческомъ языкѣ основы θη-, ἡ-, στᾱ-, δο-чередовались съ *θα-, ἁ-, στᾰ-, δα- (ср. д. и. *hi-ta-s*, лат. *să-tu-s*, *stă-tu-s*, *dă-tu-s*, гр. сущ. δά-νος). Кромѣ того, еще въ обще-греческомъ языкѣ появился, при особыхъ фонетическихъ условіяхъ, третій видъ основы θε-, ἑ-, δο-, στα-,—именно въ томъ случаѣ, когда первоначальные θη-, ἡ- и пр. приходились передъ ντ- (напр. въ причастіи): долгіе гласные въ этомъ положеніи сокращались (ср. aor. pass. 3 л. мн. ч. ἔμιγεν изъ *ἐμιγηντ: Brugmann ibid. §§ 11 и 26 [1]). Такимъ образомъ, уже обще-греч. языкъ имѣлъ три вида основы θη- θε- θα-, δω- δο- δα-, и очень можетъ быть, что еще въ обще-греч. языкѣ третій видъ былъ утраченъ; этому могло благопріятствовать то обстоятельство, что въ глаголахъ, исходившихъ на ᾱ (напр. въ ἵστᾱμι), и 2-й и 3-й видъ фонетически совпадали. Но, разумѣется, процессъ вытѣсненія третьяго вида могъ произойти и на почвѣ отдѣльныхъ діалектовъ: дѣло въ томъ, что въ отдѣльныхъ діалектахъ 2-ой (новый) видъ могъ находить себѣ большее примѣненіе, вслѣдствіе новыхъ сокращеній первоначально-долгаго гласнаго—напр. въ conjunctiv'ахъ (первоначальныя θή-ω, δώ-ω могли въ отдѣльныхъ діалектахъ обращаться въ *θέω *δόω и пр.) Какъ бы то ни было, общіе результаты ясны: изъ трехъ видовъ основы θη- θε- θα-, δω- δο- δα-) третій видъ, не соотвѣтствующій по своей вокализаціи первымъ двумъ, былъ вытѣсненъ вторымъ,—фактъ, совершенно аналогичный съ вытѣсненіемъ слабѣйшаго вида основы въ склоненіи именъ на *-on -en* [2]).

---

[1]) ἔμιγεν особенно ясно указываетъ на то, что это сокращеніе долгихъ гласныхъ передъ ντ принадлежитъ обще-греческой эпохѣ: въ данномъ случаѣ сокращеніе долготы можно понять только въ положеніи передъ ντ-; но конечное τ въ діалектахъ уже отсутствуетъ, слѣдовательно, оно существовало только въ общегреческую эпоху и при этомъ въ обще-греч. языкѣ, какъ показываетъ ἔμιγεν и т. п., отпало уже послѣ сокращенія долгихъ гласныхъ передъ ντ-.

[2]) Съ этимъ греческимъ новообразованіемъ можно сопоставить одно новонѣмецкое новообразованіе, распространяющееся какъ на склоненіе, такъ и на спряженіе. Еще въ средне-нѣмецкомъ существовало общегерманское чередованіе звуковъ, соотвѣтствующихъ ново-нѣм. *h* и *ch*, въ силу котораго первый звукъ стоялъ въ началѣ слога, а послѣдній въ концѣ слога и передъ согласнымъ: напр, *sehen*- *ich sach*—*wir sahen*, *Schuoch*—*schuohes*, *rūch* (*rauh*)—gen. *rūhes*. Какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи *ch* одинаково вытѣснено черезъ *h*: *ich sah*: *wir sahen*, *Schuh*—gen. *Schuhes* и т. д. Старое *ch* осталось въ *hoch* (при *hoher*) и, вообще говоря, въ та-

Укажу еще на слѣдующіе факты изъ греческаго языка: такъ какъ *m* въ концѣ словъ и въ положеніи передъ *s* еще въ общегреч. языкѣ перешло въ *n* (ν- ср. τόν изъ **tom*), то тѣ немногія имена, основа которыхъ оканчивалась на первоначальное *m*, совпали въ именительномъ падежѣ и, отсюда далѣе въ косвенныхъ падежахъ, съ именами на *n*: таково χθών χθονός (изъ *χθωμ *χθομος—ср. χθαμ-αλός); χιών χιόνος (изъ *χιωμ *χιομος—ср. лат. *hiem-*); εἷς, крит. ἕνς, сред. р. ἕν, косв. падежи ἑνός и пр. (изъ *ἑμ-ς *ἑμ *ἑμος—ср. ὁμ-ός, лат. *sem-el*). Всѣ эти три слова получили въ косвенныхъ падежахъ одинаковое новообразованіе, а между тѣмъ одно изъ нихъ—εἷς стояло особнякомъ отъ двухъ другихъ [1]).

Во-вторыхъ, отмѣтимъ одну общую особенность въ слитномъ склоненіи именъ на *o-* и на *os-es-* въ аттическомъ діалектѣ. Сложныя имена, вродѣ περίπλοος περιπλόου, pl. περίπλοοι περιπλόων, склоняются по аттически такъ: περίπλους περίπλου (вм. *περιπλοῦ), περίπλοι περίπλων (вм. *περιπλῶν)—ср. въ сигматическомъ склоненіи gen. pl. συνήθων (вм. *συνηθῶν изъ συνηθέων *συνηθέσων). Такимъ образомъ, одинаковое новообразованіе распространилось на двѣ различныя категоріи именъ. Судьба первой категоріи въ аттическомъ діалектѣ поучительна еще въ одномъ отношеніи: если съ одной стороны сложныя περίπλους *περιπλοῦ стали склоняться какъ περίπλους περίπλου, то съ другой стороны несложныя *χρύσους χρυσοῦ, *χάνουν χανοῦ (изъ χρύσεος χρυσέου, χάνεον χανέου) склоняются какъ χρυσοῦς χρυσοῦ, χανοῦν χανοῦ.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, я думаю, уже достаточно выяснился тотъ фактъ, что новообразованія по аналогіи прежде всего поддаются классификаціи; далѣе, что тѣ психическія

кихъ формахъ, которыя стояли особнякомъ: предл. *nach*, *Geschichte* при *geschehen* *flucht* при *fliehen*, *Rauchwerk* при *rauh* и пр. То есть, и въ этомъ случаѣ нововнѣмецкій яз. представляетъ аналогію греческому, въ которомъ *a* изъ *ə удержалось лишь тогда, когда слово, заключающее это *a*, находилось внѣ связи съ извѣстными категоріями: таково δά-νος (даръ) при δο-τός и др.

[1]) Съ этимъ оригинальнымъ греч. новообразованіемъ въ косвенныхъ падежахъ я рѣшаюсь сопоставить одно явленіе французскаго языка. Собств. имена *Серафимъ*, женск. *Серафима* звучатъ по французски *Séraphin Séraphine*. Это *n* въ женскомъ имени (вм. *m*) объясняется, можетъ быть, аналогіей со стороны формы мужского имени, гдѣ конечное *m* фонетически обратилось въ призвукъ тембра *n*.

сили, которыми вызываются эти новообразованія, подчиняются довольно опредѣленнымъ направленіямъ и выражаются въ языкѣ въ опредѣленныхъ формахъ. Въ третьихъ, два или нѣсколько языковъ могутъ въ одномъ и томъ же случаѣ придти къ одинаковому новообразованію, если для этого новообразованія въ данныхъ языкахъ есть одинаковые поводы.

Однако не эти явленія будутъ занимать насъ въ предѣлахъ настоящаго изслѣдованія. Есть еще одна группа явленій также психологическаго характера — явленія семасіологическія, къ которымъ мы и перейдемъ окончательно. Если мы и отвели много мѣста новообразованіямъ по аналогіи, то сдѣлали мы это по той причинѣ, что исторія новообразованій по аналогіи во многихъ пунктахъ сходна съ исторіей значенія словъ. Обращаясь спеціально къ семасіологіи, мы однако не будемъ останавливаться на сущности семасіологическихъ явленій: эта задача хорошо исполнена нашими предшественниками Паулемъ, Вегенеромъ, Бреалемъ, А. Дармстетеромъ и др. [1]) Ясно одно, что эти явленія чрезвычайно сложны и, съ перваго взгляда, чрезвычайно прихотливы. Прежде всего насъ иногда можетъ поражать та масса значеній, которую пріобрѣтаютъ отдѣльныя слова: напр. лат. *judicium* значитъ «судъ» въ смыслѣ судопроизводства, «судъ» какъ приговоръ судебнаго учрежденія, «судъ» въ смыслѣ совокупность судей, «судъ» какъ мѣсто отправленія судопроизводства; далѣе, слово это употребляется въ смыслѣ «сужденіе о чемъ», «способность судить о чемъ» и пр.—Затѣмъ удивительны на первый взглядъ несоотвѣтствія значеній первоначально одного и того же слова въ разныхъ языкахъ: напр. у французовъ *mouche*

---

[1]) Hermann Paul Principien der Sprachgeschichte², 1886. Michel Bréal L'histoire des mots, 1887. Ph Wegener Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens, 1885. Arsène Darmesteter La vie des mots étudiée dans leurs significations ⁴, 1893. Von der Gabelentz Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, 1891. F. Heerdegen Semasiologie (переработка Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft Рейзига, т. 2), 1890. Max Hecht Die griechische Bedeutungslehre, 1888. Friedrich Schroeder Zur griechischen Bedeutungslehre, 1893 (Gebweiler, progr.). Karl Schmidt Die Gründe des Bedeutungswandels, 1894 (Berlin, progr—ср. по поводу этой брошюры статью Hey'я въ 9-мъ томѣ Archiv f. latein. Lexicographie) и др.

значитъ не только «муха», но и «шпіонъ»: въ другихъ языкахъ слово *муха* этого второго значенія не имѣетъ.—Или: лат. *saeculum* (*sēculum*) значитъ «поколѣніе», «время дѣятельности этого поколѣнія», «вѣкъ», «сто лѣтъ» и пр., между тѣмъ какъ несомнѣнно родственное съ нимъ литовское *sė̃klà* значитъ «посѣвъ».

Эти примѣры взяты на удачу, и число ихъ могло бы быть увеличено во много разъ. Разберемъ однако тотъ матеріалъ, который мы привели.

Значеніе «шпіонъ» во французскомъ *mouche* объясняется тѣмъ, что съ *mouche* ассоціировалось (Volksetymologie!) сходное по звукамъ *mouchard* (отъ глаг. *moucher*) соб. «тотъ кто пронюхиваетъ, проныра». (Körting Lat. roman. Wörterb., № 5497). Въ другихъ языкахъ подобной ассоціаціи не было, и поэтому слово *муха* не получило въ нихъ такого вторичнаго значенія.

Если мы теперь внимательно разсмотримъ исторію латинскаго *saeculum* (*sēculum*), то мы увидимъ, почему его можно сопоставлять съ литовскимъ *sė̃klà* и какимъ путемъ оно получило свои значенія.

У всѣхъ народовъ очень распространено сопоставленіе явленій міра растительнаго съ явленіями міра животнаго: ср. русское *плодъ* въ двухъ значеніяхъ 1) плодъ дерева 2) зародышъ ребенка («вытравленіе плода» и т. п.), или напр. *сѣмя*; греч. καρπός въ выраженіи τοῖς καρποῖς τοῖς γιγνομένοις ἐκ τῶν ἀγελῶν (Xen. *Cyr.* 1, I, 2); или напр. выраженіе ἐπὶ παίδων γνησίων ἀρότῳ, или напр. σπέρμα, σπορά, σπείρω σπερμαίνω (γενεήν Hesiod. *Op.* 736) φύω (ср. ὁ φύσας «родитель») и т. п. Въ латинскомъ яз. извѣстно употребленіе *satus* (отъ *serere*) въ смыслѣ сынъ или *prōles* (изъ * *pro-oles*), *suboles* о потомствѣ, о дѣтяхъ (отъ корня * *ol*—ср. *ad-olesco*—«расти»), ср. еще *semen*, *seminium*, *propāges* въ примѣненіи не только къ растительному, но и къ животному міру и мн. др. [1]). Въ этой обстановкѣ намъ понятно, какимъ образомъ *sēculum*, собственно «посѣвъ, посѣянное», стало обозначать «потомство, поколѣніе». Интересно, что *seculum*, наряду съ *proles* и *genus*, употребляется у Лукреція какъ дополненіе къ глаголу

---

[1]) Въ связи съ этимъ можно понять сходное значеніе словъ *prōles*, *progenies*, *propages*, а также *ind-oles* и *ingenium*.

propagare, который собственно восходитъ къ растительному міру (propagare saecla I 20, II 173; p. animantum genus I 195; propagando procudere prolem V 856). Что касается значеній «вѣкъ» и т. п., то они, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ греч. γενεά,— произошли изъ значенія «поколѣніе» [1]). Ничего необычнаго эти значенія не представляютъ, такъ какъ отчасти они наблюдаются и у синонимическихъ съ *saeculum* словъ *genus* и *proles*: ср. для перваго примѣра у Georges'a Ausführl. lat.-deutsch. Handwörterbuch [7], p. 2707 II A a подъ рубрикой *ein Geschlecht*, *Zeitalter*, *Menschenalter* (anticum genus, *Lucr.*; tertium sollers genus, *Sen. poët.*; Pyrrhae genus, *Val. Flacc.*); для второго выраженія ferrea, argentea, aenea proles (ср. aureum saeculum). Остается только вопросъ объ утратѣ у *saeculum* его перваго значенія «посѣвъ, посѣянное»: эта утрата могла наступить путемъ диференціаціи *saeculum* съ *semen*, *satio*, *sementis*.

Переходимъ къ *judicium*. Переносныя значенія «сужденіе о чемъ» и т. п. очень ясны и наблюдаются въ различныхъ языкахъ: ср. наше *судить и рядить*; *судить* о комъ, о чемъ; нѣм. *Urtheil*, собственно «судебное рѣшеніе», значитъ также «мнѣніе» и т. д. Чтò касается различныхъ значеній *judicium* въ судебномъ юридическомъ языкѣ, то такую же совокупность значеній имѣетъ напр. *consilium* («совѣщаніе», «совѣтъ», «мѣсто совѣщанія» въ выраженіи in consilium venire, «совѣщающіеся»); тоже самое мы найдемъ и въ соотвѣтственныхъ русскихъ словахъ *судъ*, *совѣтъ*; ср. греч. βουλή, нѣм. *Rath* и др.

Уже этотъ бѣглый разборъ въ значительной степени прояснилъ тотъ хаосъ, въ которомъ могли представляться значенія данныхъ словъ. Въ связи съ французскимъ *mouche* выдвигается правило элементарное, но очень существенное — а именно: при изслѣдованіи исторіи значеній извѣстнаго слова въ различныхъ языкахъ надо каждый разъ откидывать тѣ спеціальныя условія каждаго отдѣльнаго языка, которыя благопріятствовали появленію въ словѣ новаго значенія; послѣ этой работы окажется, что семасіологическія измѣненія, которымъ это слово подверглось въ разныхъ языкахъ, приблизительно одинаковы. Далѣе, изъ разбора

---

[1]) Ср. Bréal et Bailly Dictionnaire étymologique latin., p. 231, 244, 317.

словъ *judicium* и *saeculum* ясно, что исторія значеній извѣстнаго слова будетъ для насъ только тогда понятной, когда мы будемъ изучать это слово въ связи съ другими словами, синонимическими съ нимъ, и, главное, принадлежащими къ одному и тому же кругу представленій. Мы видимъ изъ этого параллельнаго разсмотрѣнія группы словъ со сходными значеніями, что въ семасіологіи нѣтъ, такъ сказать, νόμοι ἐπ'ὀνόματι; наоборотъ, семасіологическій процессъ распространяется на цѣлыя категоріи словъ. Принципъ взаимной ассоціаціи словъ, выдвинутый особенно энергично французскими семасіологами и главнымъ образомъ Мишелемъ Бреалемъ (ср. его статью L'histoire des mots въ Revue des deux mondes за 1887 г. или, въ болѣе полномъ видѣ, въ Mémoires et documents scolaires; см. также только что цитированный этимологическій словарь латинскаго языка), взятъ за исходный пунктъ настоящаго изслѣдованія, и поэтому во введеніи мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ, при томъ такихъ, которыми мы не пользуемся въ изслѣдованіи. Возьмемъ напр. греческій военный языкъ: почти всѣ слова, обозначающія какое-нибудь оружіе, могутъ употребляться для обозначенія войска, носящаго это оружіе. Таково τὰ ὅπλα у Xenoph. *Anab.* II 2 § 4: ἕπεσθε τῷ ἡγουμένῳ τὰ μὲν ὑποζύγια ἔχοντες πρὸς τοῦ ποταμοῦ, τὰ δὲ ὅπλα ἔξω. Ibid. III 2 § 36: ἀσφαλέστερον πορεύεσθαι πλαίσιον ποιησαμένους τῶν ὅπλων. Ср. ἀσπίς въ выраженіяхъ ὀκτακισχιλίη ἀσπίς (Herod. V 30), μυρία ἀσπίς (Xenoph. *Anab.* I 7 § 30), πολλὴν ἀθροίσας ἀσπίδ' Ἀργείων ἄγει (Eurip. *Phoen.* 78). Πέλτη у Эврипида *Rhes.* 410: ἀρίστοις ἐμπεσὼν κατὰ στόμα ἔρρηξα πέλτην. Можетъ быть, δόρυ въ выраженіи συμμάχῳ δορί у Эсхила *Eum.* 773. Наконецъ, у Геродота VI 118 и у Плутарха *Pyrrh.* 21 ἀκόντισμα и τόξευμα употребляются въ смыслѣ ἀκοντισταί и τοξόται.

Въ особенности интересно приложеніе принципа взаимной ассоціаціи словъ сходныхъ по значенію къ морфологическимъ категоріямъ. Нѣсколько примѣровъ, которые мы сейчасъ приведемъ, покажутъ, что здѣсь принципъ ассоціаціи самъ собою навязывается.

Возьмемъ категорію nominum actionis на *-ti-s*, *-tu-s*, *ti-ō* въ лат. языкѣ. Основное значеніе именъ, принадлежащихъ къ этой категоріи,—процессъ дѣйствія. Но часть изъ нихъ можетъ обозначать также результатъ дѣйствія, часть орудіе дѣйствія, часть

мѣсто дѣйствія. Какъ распредѣляются такого рода оттѣнки? Это видно изъ слѣдующихъ сопоставленій: *vestitus* значитъ не только процессъ одѣванія, но и одежда (nom. instrum.); такія же значенія раздѣляютъ съ нимъ *amictus*, *ornatus* и *indutus*, причемъ послѣднее можно разсматривать не только какъ nomen instrumenti (въ виду конструкціи indui aliqua re), но и какъ nomen acti (въ виду конструкціи induere aliquid). *Aratio* значитъ не только паханіе, но пашня (nomen acti): ср. *satio* и *messis*. Или, напр., мы наблюдаемъ пассивное значеніе у nomina actionis, произведенныхъ отъ глаголовъ «говорить, думать, видѣть, слышать»: *visio* (такъ Цицеронъ переводитъ φάντασμα), *visus* (ср. visus nocturni у Ливія, inopino territa visu у Овидія *Met.* IV 232), *auditio* (fictae auditiones у Cic. *Planc.* 23, 56; rumoribus atque auditionibus permotus у Caes. *b. G.* IV 5), *auditus* (prior auditus у Tacit. *h.* I 76); *cogitatio* (уже у Цицерона, напр. reticere cogitationes suas); *cantio* — ср. уменьшительное *cantiuncula* «пѣсенка», *narratio* — ср. *narratiuncula*, *dictio* (объ изреченіи оракула, еще у Пакувія); сюда же принадлежатъ — можетъ быть, *editio* (сообщеніе источника—у Ливія IV 23) и *traditio* въ смыслѣ «преданіе», «разсказъ» (у Геллія XIII 22, 14: eam quoque traditionem fuisse). Въ послѣднихъ двухъ словахъ пассивное значеніе развилось подъ вліяніемъ такихъ словъ какъ *dictio*: дѣло въ томъ, что сами глаголы *edere* и *tradere* въ классическомъ языкѣ уже приняли, между прочимъ значеніе «сообщать»; напр. quibus editum erat у Ливія XXI 62 (объ отвѣтѣ оракула) и пр. и пр. [1]).

Итакъ, мы видимъ, что семасіологическія явленія поддаются классификаціи и объясненію. Этого мало. Наблюденія показываютъ, что одинаковыя, довольно оригинальныя, значенія въ цѣломъ рядѣ языковъ, независимо другъ отъ друга, вырабатываются однимъ и тѣмъ же путемъ. Напримѣръ, многія конкретно-индивидуальныя имена, отчасти nomina agentis, произошли изъ именъ, обозначающихъ свойство предметовъ, или изъ nomina actionis— черезъ посредство собирательнаго значенія, развившагося въ этихъ послѣднихъ. Такъ, лат. *magistratus*, *imperium*, *po-*

---

[1]) О переходѣ nominum actionis въ nomina loci я говорю ниже, въ концѣ I-й и въ концѣ III-й главъ.

testas, собственно «отправленіе должности, власть», могли употребляться для обозначенія одного лица, облеченнаго властью: напр., a magistratu aut ab aliqua potestate evocatus (Cic.); erat plena lictorum et imperiorum provincia (Caes.); divum hominumque potestas (Вергилій о Юпитерѣ — ср. итал. *podestà*); промежуточнымъ значеніемъ являлось собирательное, которое, можетъ быть, только случайно засвидѣтельствовано въ языкѣ сравнительно поздно: in conspectu summi imperii говорится о совокупности властей у Валерія Максима IX 12 ext. 1; въ томъ же смыслѣ употреблено *magistratus* у Непота *Them.* 7 § 4, *Lys.* 4 § 3 и, кажется, *potestas* у Амміана (см. словарь Georges'а). Греч. ὁμηλικίη «одинаковый возрастъ» употребляется въ собирательномъ значеніи, напр. Iliad. III 175: θάλαμον γνωτούς τε λιποῦσα παῖδά τε τηλυγέτην καὶ ὁμηλικίην ἐρατεινήν,—и отсюда для обозначенія отдѣльнаго лица—ὁμηλικίη δέ μοι ἐσσί (Odyss. XXII 209). Συγγένεια, собственно «принадлежность къ одному и тому же роду», затѣмъ «совокупность συγγενεῖς» (Eur. *Or.* 733: τί πράσσεις φίλταθ' ἡλίκων ἐμοὶ καὶ φίλων καὶ συγγενείας), отсюда — въ смыслѣ συγγενής: ὦ συγγένεια πατρὸς ἐμοῦ, χάμὰς λιτάς, Ἀγάμεμνον, εἰσάκουσον (ibid. 1233). Латинское *custodia* «охрана», затѣмъ «совокупность стражей», употреблено Овидіемъ *Met.* VIII 674 объ одномъ стражѣ: unicus anser erat, minimae custodia villae. Средневерхне-нѣмецкое *dienest* обозначало «служба» (dienst), «слуги» (gesinde), «слуга». Русское *прислуга*, первоначально, вѣроятно, nomen actionis (ср. *заслуга*, *у-слуга*), употребляется не только въ собирательномъ, но и въ индивидуальномъ значеніи. Черезъ такія же стадіи прошло, можетъ быть, и *слуга* (ср. А.И. Соболевскій Фил. Обозр. III, 2, 159). Англійское *youth* значитъ «юность», «юношество» (собир.), «юноша» (по происхожденію—это такое же слово, какъ гот. *junda*, нѣм. *jugend*, лат. *juventa*): ср. старо-слав. юнота (соб. «юность»), которое употреблялось какъ въ собирательномъ значеніи, такъ и объ отдѣльномъ лицѣ. Русское и чешское *сирота* первоначально значило «сиротство» (это значеніе еще сохранилось въ чешскомъ языкѣ); промежуточная ступень—собирательное значеніе—сохранилось въ литовскомъ заимствованіи изъ славянскаго—*sìratà* и т. п. (Johannes Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, pp. 24—26).

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи будутъ подвергнуты анализу и другіе примѣры, подтверждающіе эту мысль: такъ будетъ показано, что значеніе «рѣчь» въ гр. *ἀγορά* лат. *contio* и т. п. выработалось однимъ и тѣмъ же путемъ, черезъ посредство политическаго языка. Еще примѣръ: русское *столъ*, нѣм. *Tisch* и мн. др., при основномъ значеніи «предметъ обѣденной утвари», въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ употребляются на правахъ nominum actionis («процессъ ѣды»): переходной ступенью къ этому употребленію во всѣхъ данныхъ языкахъ является одна и та же метонимія — «столъ, какъ то, что̀ на немъ стоитъ» и т. д. Третій примѣръ: слова, обозначающія «путь, дорогу, пространство, по которому происходитъ движеніе», могутъ въ разныхъ языкахъ принимать значеніе «движеніе по пути, по пространству»: это новое значеніе всюду вырабатывается однимъ и тѣмъ же путемъ, изъ однихъ и тѣхъ же неясныхъ синтактическихъ сочетаній и т. д. и т. д.

Наконецъ, на цѣломъ рядѣ примѣровъ можно показать, какъ въ различныхъ языкахъ извѣстныя слова либо получаютъ одно и то же новое значеніе, либо теряютъ одно изъ значеній—въ томъ случаѣ, если для того и другого факта въ данныхъ языкахъ были на лицо одинаковые поводы. Примѣры эти будутъ взяты изъ исторіи культуры. Успѣхи цивилизаціи вводятъ въ сознаніе народа новыя понятія, новыя представленія. Эти новыя пріобрѣтенія народъ очень часто обозначаетъ въ языкѣ новыми словами, или, въ случаѣ если представленія эти пришли со стороны, словами, заимствованными изъ другого языка. Но въ большинствѣ случаевъ народъ не увеличиваетъ своего лексикона и, несмотря на измѣненія, которымъ подверглись извѣстные предметы и понятія, продолжаетъ обозначать ихъ прежними терминами. Понятное дѣло, что новое содержаніе представленій, связанныхъ съ подобнымъ терминомъ, будетъ существенно разниться отъ стараго. При этомъ весьма интересно, что соотвѣтствующія слова разныхъ языковъ подвергаются сходнымъ семасіологическимъ измѣненіямъ, если культурно-историческія измѣненія въ жизни нѣсколькихъ народовъ были сходны.

1. Возьмемъ слова *алтынъ*, *грошъ* и т. п. Каждое, въ особенности серьезное, колебаніе денежнаго курса непремѣнно отзовется

на содержаніи представленій, связанныхъ съ этими словами. Въ настоящее время словомъ *грошъ* мы нерѣдко обозначаемъ нѣчто совершенно ничтожное; или, напр., *алтынникомъ* мы называемъ человѣка, стремящагося къ мелкой прибыли или наживѣ. А между тѣмъ, напр., во времена царя Алексѣя Михайловича (Уложеніе, гл. 24) поросенокъ однолѣтній или баранъ стоили по пяти алтынъ, а за двадцать алтынъ можно было купить годового теленка или свинью или кормленаго борова. Сходную исторію имѣло латинское *as*. Будучи первоначально фунтомъ мѣди, *as* въ древнія времена разсматривался за солидную денежную единицу, и, напр., 25 ассовъ были, по закону 12 таблицъ, серьезнымъ денежнымъ штрафомъ. Но въ концѣ республиканскаго періода, послѣ различныхъ реформъ въ монетномъ дѣлѣ, словомъ *as* обозначалась самая ничтожная цѣнность: rumoresque senum severiorum omnes unius aestimemus assis, говоритъ Катуллъ и др. Ср. также франц. *sou*.

2. Извѣстно далѣе, что переходъ отъ вѣсовой системы къ денежной оставилъ сходные слѣды въ различныхъ языкахъ, особенно въ греческомъ и латинскомъ. Прежнія единицы вѣса съ этого момента становятся вмѣстѣ съ тѣмъ и денежными единицами; таковы лат. *libra*, *as*, греч. τάλαντον, δραχμή, ὀβελός, στατήρ.

3. Въ первобытныя времена человѣчества на чужестранцевъ[1]) смотрѣли какъ на враговъ, и ξενηλασία или ἀξενία свойственны всѣмъ варварамъ, какъ замѣтилъ еще Эратосѳенъ. Съ теченіемъ времени этотъ обычай, можетъ быть по торговымъ соображеніямъ—у различныхъ народовъ начинаетъ уступать мѣсто гостепріимству, которое почти всюду выражается въ сходныхъ формахъ, а именно въ установленіи культа божествъ—покровителей иностранцевъ (напр. Ζεὺς ξένιος и т. д.), въ подаркахъ, которыми обмѣниваются гость и пріютившій его хозяинъ и т. д. Этотъ культурный переворотъ привелъ къ тому, что въ языкѣ данныхъ народовъ термины, обозначавшіе «иностранца», въ древнюю эпоху даже «оскорбителя», стали обозначать гостя, посѣщеніе котораго можетъ быть пріятнымъ для хозяина. Таковы

---

[1]) Примѣры для этого и нижеслѣдующихъ пунктовъ заимствованы главнымъ образомъ у Шрадера (Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, pp. 1—12, 113—117, 85—88).

наше *гость*, обще-нѣм. *gasts*, греч. ξένος; въ латинскомъ *hostis* это значеніе не выработалось, но ср. *hóspes*, *hospitium*. А между тѣмъ эти слова связаны по корню съ д. и. *ghas-* или *ksan-* (гр. слово изъ * ξενFος — ср. іон. ξεῖνος, эол. ξέννος, дор. ξῆνος) «оскорблять, убивать». Тотъ же семасіологическій процессъ мы находимъ и въ древне-ирландскихъ словахъ *oegi* «гость», *óegedaht* «гостепріимство», словахъ, которыя по корню обозначали «врага», «вражду» и проч. [1]) Этотъ примѣръ, какъ и предъидущіе, ясно показываетъ, какъ одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ.

4. До введенія металлической денежной системы единицей цѣнности у многихъ народовъ служатъ домашнія животныя. Понятія «деньги, собственность» и «скотъ» въ это время являются синонимами: ср. греч. κτῆνος при κτῆμα, κτάομαι, ст. сл. **скотьница** при *скотъ* (то же въ герм. яз.), лат. *pecunia*, гот. *faihu* «деньги» при н.-нѣм. *vieh* «скотъ». По отношенію къ слову * *peku* можно допустить, что оно имѣло оба эти значенія уже въ индоевропейскую эпоху и что, такимъ образомъ, язз. лат. и германскіе не вновь выработали въ этомъ словѣ значеніе «деньги»; но значеніе это, какъ новое, надо подчеркнуть въ κτῆνος и *скотъ* [2]).

5 Изъ той же торговой сферы мы возьмемъ обозначенія понятій «ярмарка», «рынокъ». У весьма многихъ народовъ былъ обычай пріурочивать ярмарки къ празднествамъ и праздничнымъ днямъ. Со словами «празднество», «праздничный день» поэтому соединялось и представленіе о торгѣ. Это привело къ тому, что слово «праздникъ» въ данныхъ языкахъ получило значеніе «ярмарка».

Такова судьба лат. *feriae* въ средне-лат., романскихъ (ит. *fiera*, исп. *feria*, порт., пров. *feira*, фр. *foire*), англійск. (*fair*) и въ нѣкоторыхъ кельтійскихъ діалектахъ. Въ класс. лат. языкѣ такую же

---

[1]) *Fick-Stokes* Vgl. Wörterb. der indogerm. Spr. II p. 47 подъ ⟨*p*⟩*oiko-s* Feind: ⟨*p*⟩*oikit*-Gast: „ir. *oech* Corm.: *oegi*, Gen. *oeged* Gast. ahd. *gi-fêh*, ags. *fâh* feindlich, *gefá* Feind, engl. *foe*, ahd. *fêhida*=ags. *faehd* Feindschaft, Fehde.—lit. *pìktas* böse, *pýkti* böse werden, *peikti* tadeln".

[2]) Вообще, переходъ отъ одного изъ этихъ понятій къ другому настолько легокъ, что исходнымъ пунктомъ можетъ служить какъ понятіе „скотъ", такъ и понятіе „собственность": ср. для послѣдняго — польское *bydlo* „имущество" (первоначальное зн.), „скотъ", старо-слав. **добытъкъ** то же.

судьбу имѣло *nundinus* съ его производными. *Nundinus* собственн значитъ «девятидневный», и *nundinae* первоначально считались з *dies nefasti* и *feriae* (7 рабочихъ дней помѣщались между двум nundinae). Такъ какъ въ этотъ день деревенскіе жители съѣзжалис въ Римъ для торговли, [Fest. Thewr de Ponor 180: nundinas fe riarum diem esse voluerunt antiqui, ut rustici convenirent mercan di vendendique causa, eumque nefastum, ne liceret cum popul agi, interpellarentur nundinatores], то *nundinae* могло значит «торгъ»: ср. Cic. *Phil.* 5, 4, 11 (totius rei publicae) Id. ib. 2 36, 92 (domesticae), ib. 2, 14, 35. *Nundinō* и *nundinor* «заниматься торговлей, продавать»: rustici nundinandi causa in urbem veni ebant (Macrob. *Sat.* I 16); jus ab aliquo (Cic. *Acc.* I 46, 119) imperium (Id. . *Phil.* 3, 4, 10), nundinari praemiarique и пр Ср. далѣе нѣмецкое *Messe* ярмарка (изъ *missa* «обѣдня, праз никъ»); баварское *Dult* «ярмарка» при средне-нѣм. *tult* «Jahrmarkt kirchliches Fest, Kirchweih», гот. *dulds*, д. вр. нѣм. *tuld* «праздникъ»

Совершенно такое же явленіе представляютъ ирл. *óenach* «праз ничное собраніе, торгъ» и *nassad* «праздникъ, собраніе, ярмарка»

Итакъ, мы видимъ, что, по культурно-историческимъ причи намъ, понятіе «ярмарка, торгъ» могло выражаться словомъ, обо значавшимъ *«время* торга».

Другой рядъ терминовъ «торгъ» заимствованъ отъ обознач ній *мѣста* торга. Въ высшей степени интересно то, что торгъ многихъ древнихъ народовъ происходилъ на тѣхъ же открытых мѣстахъ или площадяхъ, на которыхъ совершались важнѣйші отправленія общественной жизни—засѣданія вѣча, судъ и п Поэтому для обозначенія «торга» употреблялись слова, обозна чавшія вмѣстѣ съ тѣмъ мѣсто народныхъ собраній, суда и т. Таковы: гр. ἀγορά, лат. *forum*, гот. *maþl* (Marc. VII 4 употре лено для перевода греч. ἀγορά въ смыслѣ «рынокъ»—но въ других германскихъ языкахъ сохранилось старое значеніе «народное с браніе»); д.-нѣм. *hring* (по корню родственно съ ст. сл. **кржгъ** нов. н. *ring*, также имѣло оба эти значенія [1]). Тоже, можетъ быт

[1]) *Grimm* Wörterb. VIII, 991—993 (новое изданіе Морица Гейне 1893): „der v Personen gebildete Kreis, sowie der von diesen eingeschlossene Raum; ein *Ring* wu de in alter Zeit gebildet bei öffentlichen Rechtsgeschäften wie Verlobung, Trauun

надо сказать и о русскомъ *торгъ*: судя по оборотамъ «*торговая казнь*», *торжественный*, т. е. публичный и т. п., слово это въ древнемъ языкѣ могло обозначать не только рынокъ, но и публичное мѣсто.—Такъ было въ древности. Въ новое время оба учрежденія разъединены, и одно изъ нихъ функціонируетъ не на площади, а въ зданіи; сообразно съ этимъ, и наши термины утратили одно изъ значеній: такъ *ring* можетъ употребляться только о рынкѣ (преимущ. въ Силезіи) и лишь случайно уцѣлѣло для обозначенія мѣста народнаго собранія въ Швейцаріи (въ одномъ уже не новомъ текстѣ *ring* противополагается *rathhaus*—см. *Grimm* l. c.) *Торгъ* употребляется только о рынкѣ, *forum* въ романскихъ яз. сохранилось лишь въ значеніи «судъ, судопроизводство», а въ значеніи «рынокъ» вытѣснено словомъ *mercatus* (фр. *marché*, итал. *mercato* и пр.) и т. д.

Сопоставляя все выше сказанное, мы видимъ, что какъ новообразованія по аналогіи, такъ и семасіологическія явленія представляютъ много сходства другъ съ другомъ: и тѣ и другія поддаются классификаціи; подобно тому какъ сходныя формы объединяются въ одну категорію и затѣмъ имѣютъ одинаковую морфологическую судьбу, такъ и слова со сходнымъ значеніемъ проходятъ сходную семасіологическую исторію. Два или болѣе языка получаютъ одинаковое морфологическое новообразованіе при наличности одинаковыхъ поводовъ къ нему; при томъ же условіи возникаютъ и одинаковыя семасіологическія новообразованія въ различныхъ языкахъ.

Такова наша точка зрѣнія, которая проходитъ черезъ все это изслѣдованіе. Въ общемъ оно распадается на слѣдующія части. Въ первой главѣ подвергается подробному обсужденію вопросъ о взаимной ассоціаціи словъ, сходныхъ или противоположныхъ по значенію; въ виду важности этого принципа, для его подтвержденія приводятся какъ прямые, такъ и косвенные аргументы: къ

Zweikampf, bei öffentlicher Gerichtsverhandlung, Hinrichtung, gemeinsamer ernster Berathung. In den Landknechtsheeren des 16. Jahrh. ist der *Ring* noch ganz in dieser alten Bedeutung gewahrt... In der Schweiz wird die Mitte, der kreisförmige Platz einer Landgemeinde, wo der Magistrat sitzt, *Ring* genannt... Der Marktplatz in schlesischen, böhmischen, auch deutsch-ungarischen Städten wird *Ring* genannt (slav. *rynek*).

числу послѣднихъ принадлежатъ указанія фонетики, морфологіи синтаксиса. При переходѣ къ прямымъ аргументамъ разобра та формулировка принципа ассоціаціи, которая дана у Дармстете и у Шредера; этотъ разборъ вызвалъ необходимость въ метод логическихъ поправкахъ. Въ силу важнѣйшей изъ этихъ попр вокъ, въ качествѣ примѣровъ приводятся не отдѣльныя слов сходныя или противоположныя по основному значенію, но груп словъ, принадлежащихъ одной и той же сферѣ представленій:

1. Слова *собираться* и *собраніе* и ихъ судьба въ политическо языкѣ.

2. Слово *языкъ* въ различныхъ языкахъ.

3. Глаголы и имена *мѣры* и *вѣса*.

4. Слова, принадлежащія къ языку игръ и зрѣлищъ. Сло *путь*, *дорога* въ различныхъ языкахъ.

5. Слова, принадлежащія къ языку обѣдовъ, пировъ и т. д

Во второй половинѣ изслѣдованія принципъ ассоціаціи слов сходныхъ или прямо противоположныхъ по значенію, прилагает къ морфологическимъ категоріямъ. Эта вторая половина рабо дѣлится на двѣ главы. Во второй главѣ разсматриваются: 1) л тинскія существительныя на *tā*— (типа *iuventa*), *tāt*—, *tūt*— п раллельно съ нѣмецкими существительными на — *schaft* и п 2) participia praes. act. и nomina agentis; 3) nomina agentis ихъ отношеніи къ nomina instrumenti.

Третья глава посвящена nomina instrumenti и ихъ перехо 1) въ nomina acti, 2) въ nomina actionis, 3) въ nomina loci; связи съ послѣднимъ пунктомъ подвергаются анализу первон чальныя nomina actionis, переходящія въ nomina loci. — Дѣле второй половины изслѣдованія на двѣ главы обусловлено тѣ обстоятельствомъ, что не во всѣхъ случаяхъ можно было ог ничиться принципомъ ассоціаціи сходныхъ или противоположны по значенію словъ; именно, при изслѣдованіи исторіи nomin instrumenti пришлось выдвинуть и другіе семасіологическіе ф торы, напр. синтактическія сочетанія и ихъ вліяніе на измѣне значенія словъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ассоціація словъ, сходныхъ или прямо противоположныхъ по значенію. Вліяніе однихъ изъ этихъ словъ на другія.

Согласно съ планомъ, намѣченнымъ во введеніи, мы займемся въ настоящей главѣ тезисомъ, который можетъ быть формулированъ въ слѣдующей формѣ: слова и ихъ значенія живутъ не отдѣльной другъ отъ друга жизнью, но соединяются въ нашей душѣ, независимо отъ нашего сознанія, въ различныя группы, причемъ основаніемъ для группировки служитъ сходство или прямая противоположность по основному значенію. Понятно уже a priori, что такія слова имѣютъ сходныя или параллельныя семасіологическія измѣненія и въ своей исторіи вліяютъ одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются въ сходныхъ синтактическихъ сочетаніяхъ. Какъ ни простъ такой тезисъ, но онъ можетъ вызвать нѣкоторыя затрудненія. Такъ напр., хотя извѣстное слово можетъ имѣть очень много значеній, но въ отдѣльной фразѣ и говорящій и его слушатель приписываютъ ему *одно* опредѣленное значеніе, не думая при этомъ не только о синонимическихъ словахъ, но и о другихъ значеніяхъ даннаго слова. Напр., «если мы хотимъ выразить мысль, что *tel élève est à la tête de sa classe*, то слова *tête* и *classe* явятся къ услугамъ нашей мысли непосредственно въ томъ спеціальномъ значеніи, въ которомъ мы ихъ здѣсь употребимъ» (A. Darmesteter La vie des mots, p. 38). Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть по этому поводу, надо строго отличать понятіе жизни словъ отъ понятія ихъ употребленія. Извѣстныя слова и ихъ значенія могутъ жить вмѣстѣ, но употребляться отдѣльно другъ отъ друга. Къ такому же различію обоихъ понятій насъ обязываютъ, напр., и факты морфологіи. Когда мы употребляемъ въ одной, опредѣленной фразѣ

дательные падежи *слову*, *дѣлу*, то мы, разумѣется, для этого единичнаго употребленія выдѣляемъ эти формы изъ тѣхъ морфологическихъ категорій, къ которымъ онѣ принадлежатъ; ни о другихъ словахъ этихъ категорій, ни о другихъ падежныхъ формахъ этихъ словъ мы при этомъ не думаемъ. Но что слова, принадлежащія къ той или другой морфологической категоріи, *вообще*, независимо отъ единичнаго употребленія, живутъ вмѣстѣ другъ съ другомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мало того, въ данномъ случаѣ обѣ категоріи, первоначально различныя (основы на *o*-, какъ *дѣло*, и основы на *-os es*-, какъ *слово*, ср. κλέϜος), въ ново-славянскихъ языкахъ объединились и образуютъ одну категорію и т. д. Но есть и болѣе серьезныя затрудненія, которыя будутъ приведены въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ подтвердить теорію ассоціаціи словъ, сходныхъ или прямо противоположныхъ по значенію, не только прямыми, но и косвенными доказательствами. Начнемъ съ послѣднихъ.

Прежде всего, очень интересныя указанія мы получаемъ изъ нѣкоторыхъ фактовъ фонетики и морфологіи. Именно, слова, сходныя или прямо противоположныя по значенію, могутъ имѣть свои собственныя формальныя особенности; далѣе, одно изъ нихъ можетъ даже передать нѣкоторые изъ своихъ звуковъ другому; наконецъ, если слово, принадлежавшее къ извѣстной семасіологической категоріи, почему либо выходитъ изъ нея, то оно можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ утратить и формальныя особенности этой категоріи. Въ виду принципіальной важности этихъ явленій для семасіологіи, мы посвятимъ имъ особый, можетъ быть, нѣсколько длинный экскурсъ.

Такъ напр., почти во всѣхъ романскихъ языкахъ *grăvis* замѣнялось **grĕv-is* по аналогіи съ *lĕvis*: ит. *greve*, фр. *grief*, прованс. *greus* и пр.; или, напр., по аналогіи ит. *destro*, исп. *diestro* явились ит. *senestro* (съ открытымъ *e* передъ *s*), исп. *siniestro* и др. [1]). Подобныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно

[1]) Körting Lat.-roman Wörterb. 3761 и 7489. Meyer-Lübke Roman. Gramm. I p. 118 и 230; другіе примѣры этого рода можно найти у него же по Sachverzeichniss къ обоимъ томамъ (подъ рубрикой Angleichung gegensätzlicher Begriffe).

изъ разнообразныхъ индоевропейскихъ языковъ; но для насъ еще интереснѣе—группы словъ, къ которымъ мы и переходимъ.

1. *Имена родства* и *nomina agentis*. И тѣ и другія имѣютъ общій суффиксъ *tor- ter* и т. д. Какъ извѣстно, въ этомъ суффиксѣ различались три вида: сильный *-tōr- -tēr*, средній *-tor- ter-* и слабый *-tr- tr̥*. Но самое чередованіе видовъ суффикса и распредѣленіе ихъ по падежамъ у именъ родства въ отдѣльныхъ языкахъ иное, чѣмъ у nomina agentis: ср. напр., склоненіе греч. πατήρ и δοτήρ; или лат. *pater*, *mater*, *frater* съ *dator* и др.: въ то время какъ первыя провели въ склоненіи слабѣйшую форму основы *-patr-*, послѣднія, сохранивъ изъ двухъ видовъ суффикса *-tōr* и *-tēr* только *-tōr*, склоняются съ сильнѣйшимъ видомъ *-tōr-* [1]). Интересно при этомъ, что гр. φράτηρ «членъ фратріи», отдѣлившись по значенію отъ πατήρ, μήτηρ, получило новое склоненіе: dat. φράτερσι.

Или возьмемъ *несреднія имена съ основой на en* въ латинскомъ языкѣ. Въ проведеніи по падежамъ видовъ основы здѣсь прямо обнаружилась семасіологическая группировка этихъ именъ. Nomina agentis (*edō*), nomina actionis (*ratiō*) и деноминативныя имена, изъ которыхъ нѣкоторыя также приняли значеніе nominum agentis (*fabulō*, *pērō*, *Rūfō*), провели сильный видъ основы: *edōnis* и пр.; остальныя, какъ *virgō*, *compāgō*, *margō*, *grandō*—средній *-in-* (**-en-*): *virginis* и пр.; а слово *carō*, стоящее внѣ обѣихъ категорій, склоняется съ слабѣйшимъ видомъ: *carnis* и т. д.

Интересна исторія *homō*: по своему происхожденію это—деноминативное имя, какъ *pontō*, (ср. гот. *gum-a*, др. лит *žm-ŭ* «человѣкъ», собственно «земной»), образованное отъ того слова, которое въ др. инд. языкѣ является въ видѣ *kšam-*, греч. χθών, лат. *hum-u-s* (Brugmann II p. 325). Въ древне-латинскомъ языкѣ оно склонялось, какъ *pontō*: ср. *homōnem hemōnem*; но какъ только перестало сознаваться его первоначальное значеніе, оно перешло отъ *ōn-* къ *-in-* (Brugmann ibid. p. 331—ср. гр. φράτηρ).

---

[1]) Это объединеніе-суффикса *-tōr-* состоялось въ очень древнюю, м. б. еще общеиталійскую эпоху: напр. слово *auctōritas* (уже въ XII tab.) могло образоваться лишь тогда, когда соотвѣтствующее ему *auctor* уже имѣло косвенные падежи въродѣ *auctōris* (точнѣе *auctōrēs*) и пр. Повидимому, точно также склоняются nomina agentis и въ другихъ италійскихъ языкахъ.

2. *Имена родства въ ихъ отношеніи другъ къ другу и къ дру гимъ именамъ.* Еще въ индо-иранскую эпоху основа *napāt- napt* (ср. лат. *nepōt-*, *nepti-s*) получила нѣкоторыя формы по аналогіи другихъ именъ родства, какъ *pitar- mātar svasar*: ср. acc. д. инд *náptāram*, авест. *naptārem* при *napātem*, dat. abl. pl. др. инд *náptr̥bhyas* при *ná(b)dbhyas*. Также объясняется др.-инд. genit. *pá tyur* «мужа», *ǵányur* «жены» (ср. *pitúr*, *mātur*); характерно при этомъ, что какъ только слово *patis* значитъ «господинъ», а не «супругъ», то оно склоняется правильно: gen. *pates* (Wacker nagel Kuhn's Zeitschrift XXV 289).

Не менѣе интересна исторія именъ родства въ *готскомъ* языкѣ. Одно изъ этихъ именъ, засвидѣтельствованное во всѣхъ падежахъ, именно *broϑar* «братъ», во множественномъ числѣ склоняется въ трехъ падежахъ по образцу именъ съ основой на *-u-*: nom. *broϑrjus*, acc. *broϑruns*, dat. *broϑrum*, ср. *sunjus sununs sunum* (осн. *sunu-* «сынъ»). Этотъ переходъ въ другое склоненіе можно понять, исходя изъ винит. пад. *broϑruns* изъ **bhrātr̥ns* *. Значитъ, во множ. числѣ, въ склоненіи основъ *broϑr-* и *sunu-* фонетически совпали формы винительнаго падежа, что и было причиной смѣшенія остальныхъ формъ. При этомъ, однако, характерно, что сохраненіе старой формы согласнаго склоненія и переходъ въ парадигму основъ на *-u-* наблюдается только въ именахъ родства (ср. dat. pl. *dauhtrum* отъ *dauhtar* «дочь», nom pl. *svistrjus*, acc. *svistruns* отъ *svistar* «сестра»): въ другихъ же согласныхъ основахъ ничего подобнаго нѣтъ. Итакъ, здѣсь можно допустить семасіологическую аналогію со стороны *sunu-s*; вмѣстѣ съ тѣмъ, на этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ извѣстныя окончанія и вообще морфологическіе признаки становятся принадлежностью одной опредѣленной семасіологической [1]) группы.

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія интересно распространеніе окончанія *-rnus* въ латинскихъ прилагательныхъ, обозначавшихъ время. Выдѣлившись изъ *veternus* и др. оно присоединилось къ *noctū* и образовало прилагательное *nocturnus*; ср. также *hodiernus* при *hodie*; по аналогіи *nocturnus* образовалось далѣе *diurnus* (*diū*: *noctū*) и *somnurnus* Varro *sat. Men.* 427 (здѣсь играла роль очевидная ассоціація представленій „сна" и „ночи": ср. д. инд. *svapnayā* по аналогіи *naktayā*); далѣе, къ *diurnus* примыкаетъ позднѣйшее *mensurnus* (Solmsen Studien zur latein. Lautgesch. p. 100 и Ioh. Schmidt Pluralbild. der indogerm. Neutra p. 207 и 212).

3. *Nomina agentis и причастія.* Причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога могутъ субстантивироваться и переходить въ разрядъ nomina agentis. Какъ ни близки по значенію обѣ эти сферы, но переходъ изъ одной въ другую всегда сопровождается новымъ семасіологическимъ оттѣнкомъ (ср. лат. vir amans patriam и amans patriae). И вотъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ это семіологическое измѣненіе первоначальныхъ причастій связывается съ измѣненіями морфологическими. Такъ, въ германскихъ языкахъ субстантивированныя причастія сохранили слѣды стараго согласнаго склоненія, между тѣмъ какъ собственныя причастія въ однихъ изъ діалектовъ (между прочимъ, въ готскомъ) распространяются черезъ *-en-*, а въ другихъ (именно въ западногерманскихъ) черезъ *-io-* (Sütterlin Geschichte der Nomina agentis im Germanischen, p. 25).

Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для подтвержденія нашей мысли. Если слова, принадлежащія къ извѣстной семасіологической категоріи, способны пріобрѣтать—всѣ вмѣстѣ—свои особыя формальныя черты, если, далѣе, они могутъ даже передавать одно другому свои звуковыя и формальныя особенности, то для насъ вполнѣ ясно, что слова эти въ нашей душѣ дѣйствительно ассоціируются другъ съ другомъ.

Но есть и еще очень важное побочное доказательство—именно исторія падежей въ ихъ зависимости отъ глаголовъ. Въ любомъ языкѣ намъ приходится чрезвычайно часто встрѣчаться съ перемѣной конструкціи при одномъ и томъ же глаголѣ. Это зависитъ отъ того, что данный глаголъ въ позднюю эпоху языка можетъ ассоціироваться по значенію съ иными глаголами, чѣмъ въ эпоху древнюю; понятно, что благодаря этой новой ассоціаціи глаголъ можетъ потерять свою прежнюю конструкцію и пріобрѣсти конструкцію, которую имѣютъ его новые сосѣди; кстати сказать, при подобнаго рода перемѣнѣ конструкціи весьма часто наблюдается и пріобрѣтеніе новаго оттѣнка въ значеніи самаго глагола; въ виду этого изученіе даннаго синтактическаго явленія въ разныхъ языкахъ въ высшей степени интересно для семасіолога: въ этой области какъ нельзя болѣе ясны тѣ послѣдствія, къ которымъ приводитъ ассоціація словъ сходныхъ по значенію. Приведу нѣсколько первыхъ попавшихся примѣровъ.

Изъ нѣмецкаго языка мы заимствовали глаголъ *симпатизировать*; въ моментъ заимствованія и нѣкоторое время спустя русскіе писатели сохраняли нѣмецкую конструкцію этого глагола,—а именно «симпатизировать *съ* кѣмъ».—Мало по малу глаголъ этотъ привился какъ къ литературному письменному языку, такъ и къ разговорному языку образованнаго общества и ассоціировался съ русскимъ глаголомъ «сочувствовать»—отсюда его новая конструкція «симпатизировать *кому*».

Интересна исторія греческаго глагола δαίνυμι δαίνυμαι. По своему корню этотъ глаголъ находится въ родствѣ съ др.-инд. *dáyate* «онъ дѣлитъ», *dātram* (серпъ, раздѣленіе), *dātu* «часть», ст. слав. **дѣлъ** «часть» (ср. *удѣлъ*, *надѣлъ*), ср. еще д. инд. *dāti*, *dyati* «онъ отсѣкаетъ». Итакъ, первоначальное значеніе глагола—«отсѣкать», затѣмъ «дѣлить». Слѣды такого значенія сохранились не столько въ δαίνυμι, сколько въ δαίω, δαίομαι (напр., κρέα Od. 15, 140) и въ производныхъ δαιτρεύω (о мясѣ, напр. Od. 14, 433, а затѣмъ о такихъ предметахъ, которые при дѣлежѣ не разсѣкались: Il. 11, 688), δαιτρός «тотъ, кто дѣлитъ мясо между участниками обѣда» (напр. Od. 17, 331).

Въ общемъ надо замѣтить, что глаголъ δαίνυμι и производныя отъ него имена начинаютъ въ гомеровскомъ языкѣ терять образное значеніе «разсѣкать» и пріобрѣтаютъ болѣе блѣдное значеніе «дѣлить», ср. особ. δαιτρόν о порціи вина (δαιτρὸν πίνειν, Iliad. 4, 262). Но и это значеніе мало по малу исчезаетъ, въ виду того, что глаголъ этотъ и производныя отъ него имена постепенно переходятъ въ узкую сферу обѣдовъ и пировъ. У Гомера, правда, еще сохраняется старая конструкція τί τινι, напр. δαίνυ δαῖτα γέρουσι Il. 9, 70; но уже у него возможны такіе обороты, какъ δαίνυμι γάμον (Il. 19, 291), τάφον (Il. 23, 29; Od. 3, 309), гдѣ даже вторичное значеніе «дѣлить» отсутствуетъ. Въ среднемъ залогѣ эта идея окончательно исчезаетъ: δαίνυμαι значитъ [1]) «угощаюсь», «ѣмъ», напр. δαῖτα Il. 24, 802; κρέα Od. 9, 162 и т. д. Такимъ образомъ, уже въ гомеровскомъ языкѣ этотъ

---

[1]) Нелегко разъяснить, какимъ образомъ возникло такое значеніе, но параллель привести можно. Это—именно νέμω: ср. νέμω μοίρας, κρέα, σῖτον; νέμειν τί τινι и въ medium'ѣ Il. 5, 577: τοῖσι δ' ἀμβροσίην Σιμόεις ἀνέτειλε νέμεσθαι и пр.

глаголъ началъ пріобрѣтать значеніе «угощаю», pass. «угощаюсь» и, слѣдовательно, становиться синонимомъ въ ξενίζω ξεινίζω, **различаясь отъ него главнымъ образомъ по конструкціи** (ξεινίζω τινά, **напр.** τοὺς δ'ἐγὼ ἐξείνισσα καὶ ἐν μεγάροισι φίλησα **Il. 3, 207). Позднѣе, въ языкѣ Геродота и трагиковъ, оба глагола уже вполнѣ совпали какъ по конструкціи, такъ и по значенію: напр. Her. I 106:** τούτων μὲν τοὺς πλεῦνας Κυαξάρης τε καὶ Μῆδοι ξεινίσαντες καὶ καταμεθύσαντες κατεφόνευσαν. **I 162:** Ἅρπαγος... τὸν ὁ Μήδων βασιλεὺς Ἀστυάγης ἀνόμῳ τραπέζῃ ἔδαισε. **Ср. Soph.** ***frg.*** **579:** σίτοισιν ἐξενίζομεν; ζῶν με δαίσεις **Aesch.** ***Eum.*** **305. Eur.** ***Or.*** **15.**

Этотъ примѣръ, по скольку дѣло касается перемѣны конструкціи, поучителенъ, какъ доказательство ассоціаціи словъ сходныхъ по значенію; съ другой стороны, онъ свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, которое оказываютъ другъ на друга ассоціируемыя слова.

Не одно только δαίνυμι **ассоціировалось съ** ξενίζω **и пріобрѣло его конструкцію: то же надо сказать и относительно** δέχομαι. **Первоначально глаголъ значилъ «принимать что-либо отъ кого либо»** (τί τινος **или** παρά τινος: χρυσὸν Ἀλεξάνδροιο δεδεγμένος **Il. 11, 124); далѣе, «принимать кого-либо въ гости», напр.** δεξάμενος δέ με κεῖνος ἐν ὑψηλοῖσι δόμοισιν ἐνδυκέως ἐφίλει **Od. 17, 110; ср.** ξεινίζειν τινά; **затѣмъ, по аналогіи** ξενίζειν τινά τινι, **такая же конструкція выработалась и при** δέχομαι, **напр., Soph.** ***Oed. C.*** **3:**

τίς τὸν πλανήτην Οἰδίπουν καθ' ἡμέραν
τὴν νῦν σπανίστοις δέξεται δωρήμασιν;

Ср. еще λαμπροῖς δείπνοις δεξόμεθ' ὑμᾶς **Anaxand. Ath. IV 131 (v. 2)** [1].

Въ двухъ выше приведенныхъ примѣрахъ мы имѣли дѣло съ глаголами, сходными по значенію; но переходъ извѣстнаго глагола отъ одной конструкціи къ другой можетъ состояться также по аналогіи такихъ глаголовъ, которые противоположны съ нимъ

---

[1]) **Возможно также, что** δέχομαι **совпало съ** δέκνυμαι τινά τινι **„привѣтствую"** (**формы съ** ει **надо, вѣроятно, объяснять метрическимъ протяженіемъ), напр.** δεπάεσσι **Il. 4, 4,** κυπέλλοις **Il. 9, 671 и пр. (ср. д. и.** ***dāçnoti*** **„онъ служитъ, почитаетъ",** ***dāçati*** **тоже — см. Prellwitz Etymol. Wörterb. der griech. Sprache). Но и такое объясненіе, конечно, не подрываетъ выставленной нами теоріи.**

по значенію. Такъ напр., извѣстно употребленіе инструментальнаго падежа послѣ глаголовъ, обозначающихъ «быть вмѣстѣ», «сходиться», «соединяться» и т. д.: по латыни при *misceo* и *mixtus*, ст.-слав. «яко оженися ею» и пр. По аналогіи этихъ глаголовъ, такую же конструкцію (вмѣсто коренного аблатива) пріобрѣтають въ языкахъ арійскихъ и славянскихъ и глаголы «разлучать(ся), расходиться»: д. и. *strībhír vyá vartate* «онъ отворачивается отъ женщинъ», ст.-сл. старою не распустивъ ся «не разлучившись со старухой» и т. д. (Delbrück Vergleichende Syntax § 110; ср. Нетушилъ Этюды и матеріалы для научнаго синтаксиса лат. языка т. II, 268 sq.) [1]).

И такъ, еще не вступая въ область семасіологіи, мы уже убѣдились, что слова, сходныя или прямо противоложныя по значенію, другъ съ другомъ ассоціируются и проходятъ сходную или параллельную исторію. Такое положеніе вполнѣ согласуется съ психологическими наблюденіями не надъ однимъ языкомъ, но надъ представленіями человѣка вообще: именно, представленія наши могутъ ассоціироваться другъ съ другомъ какъ по сходству, такъ и по противоложности. Къ чему однако понадобился такой длинный рядъ аргументовъ для защиты столь простого и естественнаго положенія? Дѣло въ томъ, что этотъ плодотворный принципъ семасіологической ассоціаціи словъ недостаточно разработанъ и оцѣненъ семасіологами. Наши собственныя занятія семасіологіей начались съ изученія морфологическихъ категорій: въ этой области сила ассоціаціи и аналогіи слишкомъ ясна и наглядна, для того чтобы вызывать какія либо сомнѣнія; но наши предшественники работали исключительно надъ отдѣльными словами и поэтому встрѣчались съ различными затрудненіями, мѣшавшими имъ воспользоваться въ широкихъ размѣрахъ принципомъ аналогіи и ассоціаціи; мало того, въ общихъ заключеніяхъ объ ассоціаціи у нашихъ предшественниковъ есть пробѣлы, которые необходимо устранить теперь же.

Данному вопросу посвящена цѣлая глава въ книгѣ А. Дармстетера La vie des mots подъ заглавіемъ Comment les mots vi-

[1]) Вообще обѣ эти работы могутъ дать обширный матеріалъ для подобнаго рода изслѣдованій. Ср. еще Paul Principien d. Sprachgesch[2]. p. 196 sq.

vent entre eux (123—148). Несмотря на очень тонкія замѣчанія по поводу отдѣльныхъ явленій, существенная мысль главы осталась невыясненной. Авторъ прежде всего говоритъ (123): «les mots ne vivent pas isolés, dans notre pensée et sur nos lèvres. Ils sont en commerce réciproque les uns avec les autres» etc. Приводимые вслѣдъ за тѣмъ примѣры вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Напр. (мы беремъ наиболѣе достовѣрные случаи) «*perles orientales* славятся своей красотой; отсюда *perle orientale* принимаетъ смыслъ *perle brillante;* когда *oriental* приходитъ къ значенію *brillant*, то и *orient* получаетъ сходный смыслъ: ср. *l'orient d'une perle*...» «Въ прошломъ вѣкѣ употребляли прилагательное *noble* для обозначенія хищныхъ птицъ, предназначенныхъ для охоты, какъ забава знати (noblesse); по антитезѣ, остальныя хищныя птицы получили названіе *ignobles*» (p. 129). Или напр. Дармстетеръ очень ясно указалъ, какъ *dans* мало по малу приняло функціи *en*, и *avec* (первоначально употреблявшееся только въ комитативномъ смыслѣ) приняло всѣ функціи вытѣсненнаго имъ *od* или *o* (135, 136). Чрезвычайно хорошо изложена у него исторія глаголовъ *natare* и *navigare* во французскомъ языкѣ (137): «*natare* «nager» обратилось въ древне-французскомъ языкѣ въ *nouer*, *navigare* въ *nager*. Когда *nouer* стало исчезать, то его замѣстило *nager*, которое стало значить сразу и *nager* (новый смыслъ) и *naviguer* (первоначальный смыслъ)» Съ теченіемъ времени въ языкъ снова вошло, уже въ латинской формѣ, *navigare;* «и тамъ, гдѣ говорили *nager*, стали говорить *naviguer*. Смыслъ *navigare* до такой степени съузился въ *nager*, что, за исключеніемъ одного только выраженія *les rameurs nagent*, оно имѣетъ въ современномъ языкѣ только значеніе *natare*».

Но и въ другихъ мѣстахъ книги Дармстетера можно найти много примѣровъ, которые подтверждаютъ его мысль: ср. напр. субстантивированное *blanche* «c'est à dire note de musique blanche» и *noire* «c'est à dire note de musique noire» (p. 55). Или напр. на стр. 97 мы читаемъ: «*bec jaune* ou *béjaune*, jeune oiseau qui a encore le bec jaune; au fig.: jeune homme encore inexpérimenté, sot». Ср. p. 98: *niais*, oiseau qui est encore au nid; au fig.:*c'est un niais*» (т. е. глупецъ, простакъ). Очень хорошимъ примѣромъ можетъ далѣе служить исторія *dextre* и *senestre*, изложенная на

167 страницѣ: «*dextre* et *senestre* (main) ont vécu jusqu'en plein moyen français; puis ils tombent. Quels substituts leur donner? L'idée de *gauche*, *peu vif* (cf. *gauchir*, ne pas aller en ligne droite, incliner), dont les préjugés d'alors caractérisaient la main senestre, la font appeler *main gauche*. En revanche, la main *dextre* recevra par contraste le nom de *main droite*».

Въ книгѣ Дарместетера есть и еще одинъ примѣръ (р. 93), показывающій, какъ цѣлая группа словъ, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу представленій и слѣдовательно ассоціируемыхъ другъ съ другомъ, подверглась однороднымъ семасіологическимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ перемѣнъ въ культурно-исторической жизни народа: «Toute la royauté antique et guerrière des Mérovingiens paraît dans la *cour*, c'est à dire la *court*, la *cortem* [1]) mérovingienne, la *cohortem* ou basse-cour des Romains; dans ses *connétables* [2]), chefs des écuries, et dans ses *maréchaux* [3]), gardiens des chevaux, valets de ferme, et dans la *ville*, c'est à dire la *villa* [4]), la métairie» etc.

Несмотря на такое значительное количество примѣровъ, Дарместетеръ однако не настаиваетъ на выше процитированномъ положеніи. Насъ даже поражаетъ та рѣшительность, съ которой онъ ограничиваетъ это положеніе и, такимъ образомъ, какъ бы противорѣчитъ самому себѣ. Именно, на стр. 132 онъ говоритъ: «Il ne faut pas croire que ces faits de réaction jouent un rôle très considérable dans la vie du langage. Les aspects que présente cette vie sont si multiples qu'on ne doit pas être surpris de les rencontrer; mais, quelque nombreux qu'ils puissent être, on ne doit les signaler qu'à l'état d'exception. Le plus ordinairement les mots suivent chacun leurs destinées, indépendants les uns des autres; et les pertes, les faits de pathologie qu'ils peuvent éprouver ne rejaillissent pas sur les mots qui leur sont apparentés». Напр. «*avaler* se réduit à *faire descendre dans la gorge*, sans conséquence pour

---

[1]) „En latin mérovingien *curtem*, c'est à dire *cortem*, de *cohortem*, basse-cour".

[2]) „*Connétable*, *conestabulus*, altération de *comestabulus*, c'est à dire *comes stabuli*, comte ou chef de l'écurie".

[3]) „*Maréchal*, de l'ancien haut allemand *marscalc*, valet (*calc*) de cheval (*mars*)".

[4]) „*Villa*, en latin, encore aux temps mérovingiens, signifie *ferme*, *métairie*. La ville s'est développée autour de la ferme, ou autour du château".

aval, *ravaler*, *ravalement*». Съ другой стороны, *aigre* по своему употребленію шире, чѣмъ *aigrement*. Наконецъ, исчезновеніе извѣстнаго слова необязательно влечетъ за собою исчезновеніе его производныхъ: напр. *duire* и *soudre* исчезли, но ихъ производныя *conduire réduire séduire* etc., *résoudre*, *absoudre* etc. сохранились. Сюда же относится примѣчаніе на 133 стр.: «Les relations entre un radical et les dérivés qu'il peut produire n'existent, pour la conscience du langage, qu'à l'époque de la création de ces dérivés. L'usage graduellement détache ces dérivés de leurs primitifs et les en rend indépendants».

Къ такому же нерѣшительному заключенію приходитъ и другой семасіологъ Friedrich Schröder въ своей интересной брошюрѣ Zur griechischen Bedeutungslehre p. 14 (Progr. Gebweiler 1893). Онъ вообще признаетъ большое дѣйствіе аналогіи на семасіологическія измѣненія. Если напр., говоритъ онъ, извѣстный предметъ названъ именемъ какой нибудь части тѣла, то образуется тенденція примѣнять такой же способъ названія и къ другимъ предметамъ того же рода (ср. κάρα, πούς, ῥάχις, κέρας о частяхъ горы и λόφος, μαζός о холмахъ). Тотъ же Schröder указываетъ на примѣрѣ μοῖρα и αἶσα, какъ два синонимическихъ слова, родственныя не по корню, но по значенію, проходятъ параллельную семасіологическую исторію (часть, доля, должное, жребій, судьба, богиня судьбы). Весьма важны также его замѣчанія относительно словъ съ одинаковымъ окончаніемъ (напр. греч. -τις, -σις и пр.) и словъ съ разными, но родственными по значенію суффиксами (гр. -σια и -σις). При всемъ томъ, Schröder не рѣшается говорить о семасіологическихъ «законахъ». Мы видимъ, что затрудняетъ Шредера. Именно, онъ поставилъ, между прочимъ, такое положеніе: «если слово измѣнило свое значеніе, то ему обыкновенно слѣдуютъ слова, родственныя съ нимъ по корню и по значенію; при этомъ, естественно, какъ разъ производныя слѣдуютъ первичному, а не наоборотъ. ποιέω въ послѣгесіодовскія времена обозначаетъ, между прочимъ, поэтическое творчество, и такое же значеніе принимаютъ, наряду съ основнымъ, ποιητής, ποίησις, ποίημα. Но нерѣдко бываетъ такъ, что слово, вслѣдствіе удержанія стараго значенія, отдѣляется семасіологически отъ словъ родственныхъ съ нимъ по корню. Такъ, слова *ora-*

tor и *oratio* нисколько не были задѣты семасіологическимъ измѣненіемъ въ первичномъ *orare* (говорить—просить)». «Попробуемъ теперь поставить законъ», говоритъ ниже Шредеръ: «если слово измѣнило свое значеніе, то подобное измѣненіе будетъ распространяться какъ на родственныя по корню, такъ и на просто—синонимическія слова»—и этому закону будетъ недоставать самаго главнаго—всеобщности (Allgemeingültigkeit)».

Разберемъ теперь эти затрудненія. Понятное дѣло, что поставленный Шрёдеромъ законъ не имѣетъ всеобщности, но именно потому, что такого закона не слѣдовало ставить. Слова производныя или сложныя, правда, нерѣдко слѣдуютъ словамъ первичнымъ, но ждать, чтобы ихъ семасіологическая судьба была всегда параллельна судьбѣ словъ первичныхъ, мы не имѣемъ права. Новый суффиксъ или аффиксъ, который получаютъ производныя или сложныя слова, можетъ сильно видоизмѣнить значеніе корня, вошедшаго въ составъ производнаго или сложнаго слова, и такимъ образомъ разорвать семасіологическую связь между первичнымъ и производнымъ. Итакъ, съ методологической точки зрѣнія, сложныя и производныя слова должны разсматриваться отдѣльно отъ первичныхъ [1]) Это—первая существенная методологическая оговорка. Далѣе, присматриваясь къ словамъ, дѣйствительно ассоціированнымъ другъ съ другомъ, мы часто замѣчаемъ, что значенія этихъ словъ идутъ параллельно лишь до извѣстнаго пункта, что исторія одного изъ такихъ словъ можетъ быть шире или у́же исторіи другого. Возьмемъ слова *тяжелый* и *легкій*: кромѣ основного значенія *тяжелый*, *легкій* по вѣсу, намъ извѣстны и производныя значенія, напр. *тяжелая* ∾ *легкая работа*, съ кѣмъ нибудь *тяжело* ∾ *легко* жить и пр.; но называя одного человѣка *тяжелымъ* (по характеру), мы не назовемъ человѣка противоположныхъ качествъ—*легкимъ* и т. д. Можно ли разсматривать подобное несоотвѣтствіе въ исторіи двухъ завѣдомо ассоціированныхъ словъ какъ исключеніе изъ закона ассоціаціи? По нашему мнѣнію, нельзя. Здѣсь снова необходимы слѣдующія существенныя оговорки.

---

[1]) Ср. нашу статью въ „Фил. Обозр.“ VIII 2 стр. 178 и приложеніе къ 1-й главѣ настоящей работы.

1. Возможны такія случаи, когда наша мысль, употребляя одно лово для выраженія извѣстнаго представленія, не нуждается въ ыраженіи представленія противоположнаго: ср. оборотъ *смотрѣть высока*, при которомъ нѣтъ оборота, противоположнаго по значенію [1]). Мы, впрочемъ, только намѣчаемъ этотъ пунктъ, предоставляя его обработку, за недостаткомъ собственныхъ примѣровъ, удущимъ изслѣдователямъ.

2. Производнымъ значеніемъ одного изъ двухъ ассоціируемыхъ словъ можетъ быть обозначено такое представленіе, котоое уже имѣло въ языкѣ болѣе опредѣленное, техническое выраженіе. А при столкновеніи двухъ словъ со сходными значеніями озможны два выхода: либо дифференціація значеній, либо исчезовеніе одного изъ нихъ. Такимъ образомъ, въ одномъ изъ двухъ ссоціируемыхъ словъ, при особыхъ историческихъ условіяхъ, ожетъ наступить утрата одного изъ производныхъ значеній, въ о время какъ другое изъ ассоціируемыхъ словъ не испытываетъ одобной утраты. Возьмемъ лат. *grăvis* и *lĕvis*.

Въ общемъ оба слова имѣли параллельную семасіологическую удьбу: напр., они могли употребляться α) о климатѣ, ср. особ. 'arro *r.r.* 1, 4, 4: ita enim *salubritas*, quae ducitur e caelo ac erra, non est in nostra potestate, sed in naturae, ut tamen mulum sit in nobis, quo *graviora* quae sunt ea diligentia *leviora* faere possimus.

β) о движеніи [2]): inter domesticas quadrupedes levissima uilla est, gravissima bubula. *Cels.* 1, 18.

γ) Очень хорошо извѣстны значенія: «серьезный, важный, ѣнный» и противоположныя имъ: «легкомысленный, ничтожный»;

δ) *gravis* «враждебный, крутой», *levis* «благосклонный»: nunuam erit alienis *gravis* qui suis se concinnat *levem*. Plaut. *Trin.* 684 и пр.

---

[1]) Ср. еще „легокъ на поминѣ“.

[2]) Я не рѣшаюсь категорически назвать это значеніе вторичнымъ для основъ *garu-* и *langu-*: оно очень хорошо представлено во всѣхъ языкахъ, особенно для второй основы (ср. *levis*, ἐλαθρός, д. н. *laghus*). Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что это значеніе было даже основнымъ: по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что различные языки для представленія „вѣсить“ выбирали предпочтительно слова, обозначавшія движеніе; см. объ этомъ ниже.

Если мы присмотримся повнимательнѣе къ этимъ рубрикамъ (а матеріалы для подобнаго анализа дастъ любой большой словарь), то увидимъ, что *gravis* въ значеніи β гораздо рѣже употребляется, чѣмъ *levis*; наоборотъ, значенія α и δ, обычныя для *gravis*, чрезвычайно рѣдко наблюдаются въ *levis*. Такое неполное соотвѣтствіе объясняется тѣмъ, что какъ *gravis*, такъ и *levis* связаны не только другъ съ другомъ, но и съ другими синонимическими каждому изъ нихъ словами; а именно, *gravis* въ пунктѣ β уступало мѣсто *lentus* и *tardus*, а *levis* въ пунктахъ α и δ соприкасалось съ *facilis* и *lēnis* и было вытѣсняемо этими словами. Отсюда стали возможны противоположенія *gravis* не только съ *levis*, но и съ *lenis* и *facilis*, напр.: ex ipsa quaeram prius, utrum me secum severe et *graviter* et prisce agere malit, an remisse et *leniter* et urbane (Cic. *Cael.* 14, 33) Или: aurae *faciles*, Ovid. *Her.* 16, 123 и какое-нибудь *gravis* auctumnus.

3. Мы нерѣдко видимъ, что кругъ употребленія одного изъ двухъ ассоціируемыхъ словъ можетъ быть шире или уже, чѣмъ кругъ употребленія другого изъ этихъ словъ. Возьмемъ *momentum* и *pondus*: при общемъ исходномъ значеніи «вѣсъ, тяжесть» они въ значительной степени совпадаютъ и въ переносныхъ значеніяхъ, напр.: res gravissimi momenti; tuae litterae maximi sunt apud me ponderis; viri maximi momenti et ponderis и пр. Но зато *momentum* можетъ употребляться о времени (momentum horae и др.), тогда какъ *pondus* подобнаго употребленія не знаетъ. Другой примѣръ: *mansio* несомнѣнно ассоціировалось съ синонимическимъ *statio* и по аналогіи съ нимъ получило въ позднемъ языкѣ локальное значеніе «мѣсто остановки»; однако, несмотря на эту ассоціацію, *statio* имѣетъ рядъ такихъ значеній, которыхъ *mansio* не получило; напр., *statio* обозначаетъ «сторожевые посты», какъ въ смыслѣ мѣста, на которомъ стоитъ стража, такъ и въ смыслѣ отряда людей, стоящихъ на посту, т. е. въ подобномъ употребленіи *statio* соприкасается съ *vigiliae* и т. п. Еще одинъ примѣръ: греч. τάξις, по аналогіи съ στάσις (ср. Herod. IX 21: ἔχοντες στάσιν ταύτην ἐς τὴν ἐστημεν), стало обозначать не только способъ расположенія и устроенія войска, но также и мѣсто въ боевомъ строю. Но на этомъ и оканчивается связь между обоими словами: какъ τάξις не можетъ обозначать борьбы политическихъ

партій и самихъ партій, такъ, съ другой стороны, στάσις не употребляется о формахъ государственнаго строя и пр. Такихъ примѣровъ можно набрать сколько угодно, но они не подорвутъ закона ассоціаціи, а только дадутъ очень важный въ методологическомъ отношеніи выводъ. А именно, оказывается, что στάσις и τάξις ассоціированы другъ съ другомъ по стольку, по скольку они принадлежатъ къ военному языку, т. е. къ одному опредѣленному кругу представленій; равнымъ образомъ, *momentum* и *pondus* связаны между собой лишь въ предѣлахъ торговаго языка; наконецъ, *statio* проходитъ сходную исторію съ *mansio* лишь по стольку, по скольку оба слова не принадлежатъ къ военному языку, а въ военномъ языкѣ *statio* комбинируется съ словами этого языка, въ родѣ *vigiliae* и др. Такимъ образомъ, *слова ассоціируются другъ съ другомъ по стольку, по скольку они принадлежатъ одной и той же сферѣ представленій.* Отсюда—существенное методологическое правило: при изслѣдованіи семасіологическихъ явленій надо строго опредѣлять ту сферу представленій, къ которой принадлежатъ изучаемыя слова. Принявъ эту, а равно и указанныя выше мѣры предосторожности, мы наглядно убѣдимся въ закономѣрности семасіологическихъ явленій, будемъ ли мы изучать ихъ въ одномъ языкѣ или въ нѣсколькихъ языкахъ, хотя бы даже различныхъ семействъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ примѣрамъ.

I. Мы только что сказали, насколько важно опредѣлить заранѣе ту сферу представленій, къ которой принадлежатъ изучаемыя нами слова. Съ этой точки зрѣнія намъ будетъ понятно слѣдующее характерное явленіе: въ весьма многихъ языкахъ слова, обозначающія понятіе «говорить», возникли изъ словъ, первоначально значившихъ «сходиться, собираться, собираться въ кругъ». Этотъ интересный семасіологическій переходъ совершился при посредствѣ политическаго языка. Таково греч. ἀγορά (отъ ἀγείρω «собираю») «народное собраніе, рѣчь въ народномъ собраніи»; ср. ἀγορητής «ораторъ», ἀγορητύς «краснорѣчіе» (Od. 8, 168); ἀγοράομαι и ἀγορεύω «говорю въ народномъ собраніи». За этими глаголами настолько утвердилась идея «говорить», что они стали употреб-

ляться даже внѣ политическаго языка, какъ синонимы λέγειν и пр. Такъ, уже у Гомера ἀγορεύω можетъ употребляться въ значеніи «разсказывать»—въ частномъ разговорѣ (напр., Od. 14, 192: τοίγαρ ἐγώ τοι ταῦτα μάλ' ἀτρεκέως ἀγορεύσω—въ бесѣдѣ Одиссея съ Эвмеемъ; ср. также Od. 18, 15: δαιμόνι' οὔτε τί σε ῥέζω κακὸν οὔτ' ἀγορεύω—ссора Одиссея съ Иромъ). Ср. сложный глаголъ παρηγορέω «утѣшаю» и существительное παρηγορία «утѣшеніе», въ которыхъ исчезло всякое отношеніе къ политическому языку. Изъ болѣе поздней эпохи ср., напр., Soph. *Trach.* 601: ἠγορῶ ξέναις «ты говорила съ чужестранками» (схоліастъ объясняетъ черезъ ὡμίλεις) или κακῶς ἀγορεύειν τινά при λοιδορεῖσθαι въ законѣ у Эсхина I 35.

Сходную исторію имѣло ἀγωνίζομαι. Въ позднѣйшемъ языкѣ оно могло употребляться въ смыслѣ «говорить передъ народомъ», не только въ судѣ (ср. ἀγών «процессъ»), но и въ народномъ собраніи: ср. Xenoph. *Memor.* III 7 § 4 οὐ ταὐτόν ἐστι ἰδίᾳ τε διαλέγεσθαι καὶ ἐν τῷ πλήθει ἀγωνίζεσθαι, или еще лучше Plato *Menex.* 235d: ὅταν δέ τις ἐν τούτοις ἀγωνίζηται οὕσπερ καὶ ἐπαινεῖ οὐδὲν μέγα δοκεῖν εὖ λέγειν (дѣло идетъ о надгробной рѣчи). Дѣло въ томъ, что самое ἀγών, отъ котораго образовался данный глаголъ, лишь въ позднюю эпоху аттическаго языка употреблялось главнымъ образомъ о состязаніяхъ и о процессахъ. Первоначально же это слово имѣло общій смыслъ «собраніе, мѣсто собранія» [1]) и въ значительной степени соприкасалось съ ἀγορά. Нижеслѣдующіе примѣры покажутъ, что слово это первоначально могло употребляться во всѣхъ діалектахъ, не исключая аттическаго, между прочимъ, о народномъ собраніи, какъ синонимъ къ ἀγορά; въ позднюю эпоху жизни діалектовъ, согласно съ принципомъ диференціаціи, сохранилось въ этомъ значеніи либо ἀγών (у беотійцевъ) либо ἀγορά (у аттиковъ и проч.). Итакъ, ср. у Гомера θεῖος ἀγών Il. 18, 376 (о мѣстѣ собранія боговъ); λῦτο δ' ἀγών о собраніи народа Il. 24, 1: ср. λύειν ἀγορήν Il. I, 305; νεῶν ἀγών Il. 15, 428; 16, 239 (схоліастъ: ἀγῶνι τῷ ἀθροίσματι τῶν νεῶν, ὅ ἐστι τῷ ναυστάθμῳ). Весьма интересно, далѣе, примѣчаніе схоліаста

---

[1]) См. Robert Thoma's Zur historischen Entwicklung der Metapher im Griechischen. Diss. Erlangen 1891, p. 11.

въ Иліадѣ 24, 1: παρὰ δὲ Βοιωτοῖς ἀγὼν ἡ ἀγορά, καὶ τὸν ἀγορανόμον ἀγώναρχον καλοῦσιν, ὅθεν καὶ ἀγωνίους θεοὺς Αἰσχύλος τοὺς ἀγοραίους καὶ Ἡσίοδος «ἐρχόμενον δ' ἀν' ἀγῶνα». У Эсхила ἀγώνιος употреблено такимъ образомъ, напр., *Agamemn.* 496: τούς τ'ἀγωνίους θεοὺς πάντας προσαυδῶ; ср. тамъ же 91 слѣд.: πάντων δὲ θεῶν τῶν ἀστυνόμων, ὑπάτων χθονίων, τῶν τε θυραίων τῶν τ' ἀγοραίων βωμοὶ δώροισι φλέγονται. Въ той же трагедіи можно отмѣтить употребленіе ἀγών въ смыслѣ ἀγορά: τὰ δ' ἄλλα πρὸς πόλιν τε καὶ θεούς, κοινοὺς ἀγῶνας θέντες, ἐν πανηγύρει βουλευσόμεσθα (ѵ. 818). Ср., наконецъ, Pindar. P. 10, 29: ἐς Ὑπερβορέων ἀγῶνα (въ см. ἀγορά) [1]).

Можетъ быть сюда же относится и λέσχη. Происхожденіе этого слова не совсѣмъ ясно (ср. Prellwitz Etym. Wörterb. d. griech. Sprache, p. 179), но семасіологическая его исторія такова: впервые оно встрѣчается въ Одиссеѣ 18, 329: οὐδ'ἐθέλεις εὕδειν χαλκήιον ἐς δόμον ἐλθών, ἠέ που ἐς λέσχην. Ср. Hesiod. *Op.* 493:

Πὰρ δ'ἴθι χάλκειον θῶκον καὶ ἐπαλέα λέσχην
ὥρῃ χειμερίῃ, ὁπότε κρύος ἀνέρα ἔργον
ἰσχάνει, ἔνθα κ'ἄοκνος ἀνὴρ μέγα οἶκον ὀφέλλοι,
μή σε κακοῦ χειμῶνος ἀμηχανίη καταμάρψῃ.

Стало быть, λέσχη—родъ дешевой гостинницы для бѣднаго люда, мѣсто, гдѣ этотъ людъ собирается; въ Etymol. M., p. 561 находимъ указаніе, что λέσχαι παρὰ Βοιωτοῖς τὰ κοινὰ δειπνητήρια. Слово наше скоро попадаетъ въ политическій языкъ для обозначенія ратуши, собранія. Ср. ἐν ταῖς λέσχαισι (въ Спартѣ) Cratin. у Athen. IV 138 c. Pausan. 3, 14, 2. Plut. *Lyc.* 16: τὸ δὲ γεννηθὲν οὐκ ἦν κύριος ὁ γεννήσας τρέφειν, ἀλλ'ἔφερε λαβὼν εἰς τόπον τινὰ λέσχην καλούμενον, ἐν ᾧ καθήμενοι τῶν φυλετῶν οἱ πρεσβύτατοι καταμαθόντες τὸ παιδάριον... Ср. ibid. 24 и 25. У Аттиковъ ср. Soph. *Ant.* 158: (Κρέων) σύγκλητον τήνδε γερόντων προὔθετο λέσχην, κοινῷ κηρύγματι πέμψας; *Oed. C.* 166: λό-

---

[1]) Мы должны однако оговориться, что такое объясненіе для ἀγωνίζομαι „произношу рѣчь“ мы считаемъ только правдоподобнымъ, но не исключительнымъ. Возможно и то, что это значеніе возникло не въ политическомъ, а въ судебномъ языкѣ: ср. ἀγών „процессъ“.

γον ἅ τιν'ἔχεις πρὸς ἐμὰν λέσχαν... φώνει. Разъ λέσχη стало употребляться для обозначенія собранія и притомъ совѣщательнаго, то отсюда оно легко могло получить значеніе «совѣщаніе, разговоръ». Ср. Herod. I 71: γενομένης λέσχης ὅς γένοιτο αὐτῶν ἄριστος, ἔγνωσαν οἱ παραγενόμενοι Σπαρτιητέων и пр. Ср. далѣе Eur. *Hipp.* 384 (μακραὶ λέσχαι), *Iph. A.* 1001: στρατὸς γὰρ ἀργὸς λέσχας πονηρὰς καὶ κακοστόμους φιλεῖ. Herod. II 32: ἀπικέσθαι ἐς λέσχην (=ἐς λόγους ἐλθεῖν).

Итакъ, греческіе примѣры показали намъ, какъ глаголъ, обозначавшій «собираться, сходиться», въ политическомъ языкѣ могъ принять значеніе «говорить», а слово «собраніе» могло значить «рѣчь». Изъ лат. языка надо отмѣтить *cōntio* «политическое собраніе и рѣчь, въ немъ произносимая», *contionator* «ораторъ въ народномъ собраніи», *contionari* «говорить въ народномъ собраніи, говорить передъ публикой» (Cic. *Tusc.* I 49, 117: magna eloquentia est utendum atque ita velut superiore e loco contionandum, ut...—); м. б. также *circulari* «образовать кругъ, собираться въ кружкй» (ср. *circulus* въ см. «кружокъ, общество») и «говорить передъ этими кружками».

Точно такимъ же образомъ, вѣроятно, объясняется румынское *cuvînt* «рѣчь, слово» (изъ *conventum*), болгарское *сборъ* «слово».

Для кельтійскихъ языковъ можно указать хорошій примѣръ въ Vergleich. Wörterb. der indogerm. Sprach. Фика, II p. 40 подъ a <p> o — <p> rektā 1) «curia», 2) «sermo»: ir *airecht* F. Versammlung+Cymr. *areith*; jetzt *araith* F. «sermo».

Въ нѣмецкихъ языкахъ интересно готское *maþl*, которымъ переводится ἀγορά въ смыслѣ «рынокъ» (Marc. 7, 4). Слово это обозначаетъ «собраніе» и отсюда «рѣчь въ собраніи, рѣчь вообще»: ср. гот. *maþleins* f. «слово, рѣчь» (Joh. 8, 43 — λαλία), *maþljan* «говорить» (Joh. 14, 30—λαλήσω), др.-сканд. *mál* «рѣчь», *maéla* «говорить», англо-сакс. *maeđel* «собраніе», *mađolian*, *máelan* «говорить» (Kluge Etymol. Wörterb. der deutsch. Spr. [5], p. 134, подъ *Gemahl*).

Наконецъ, небезынтересна исторія нѣмецкаго' *hring*, *ring* (ср. кржгъ) «кругъ, собраніе» въ романскихъ языкахъ: «ital. *aringo* Rednerplatz, *aringa* öffentlich reden, *aringhiera*, *ringhiera* Rednerstuhl; prov. *arenga;* frz. *harangue*, dazu das Verb. *arengar*» (Körting Lat.-roman. Wörterb. № 4021).

Это разсужденіе показало, до какой степени важно точно опредѣлить ту сферу представленій, къ которой принадлежать изучаемыя слова.

Возьмемъ другой примѣръ: слово *языкъ*, какъ членъ человѣческаго тѣла [1]).

Общераспространенная метонимія—обозначеніе этимъ словомъ звуковъ рѣчи, производимыхъ языкомъ: ср. γλῶσσα, *lingua*, *языкъ* въ смыслѣ какъ *Zunge*, такъ и *Sprache* (оба значенія мы находимъ въ китайскомъ, монгольскомъ, ново-персидскомъ, турецкомъ, финскомъ, мадьярскомъ и еврейскомъ язз.). Если второе изъ этихъ значеній и отсутствуетъ въ какомъ-нибудь изъ языковъ, то это объясняется либо тѣмъ, что въ *Zunge* подчеркнута или внѣшняя форма или идея органа вкуса (ср. яз. манджурскій и литовское *lěžuvis*), либо принципомъ дифференціаціи. Дифференціація этихъ обоихъ понятій принадлежитъ обыкновенно поздней эпохѣ языка, между тѣмъ какъ въ эпоху болѣе древнюю оба понятія обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Напр., санскр. *ǧihvā* значитъ только *Zunge*, но въ праиндійскомъ языкѣ это слово имѣло, повидимому, оба значенія; по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующее слово цыганскаго языка употребляется и въ смыслѣ Sprache, напр., *romanī chip* «the Gypsy language» (Ascoli Zigeunerisches p. 56 CXC, подробнѣе у Потта Die Zigeuner in Europa u. Asien II p. 215 подъ **Dschübb*).

Нѣмецкое *Zunge* обозначаетъ почти исключительно членъ тѣла, но соотвѣтствующее англійское слово *tongue* значитъ какъ Zunge, такъ и Sprache; въ англійскомъ языкѣ только понемногу начинается дифференціація этихъ понятій, причемъ англичане заимствовали у французовъ *language* и употребляютъ его параллельно съ *tongue* въ смыслѣ Sprache: *mother tongue* «Muttersprache» при *Englisch language*.

Въ современномъ ново-нѣмецкомъ дифференціація пошла дальше, но еще до сихъ поръ баварцы говорятъ *vilzungel* о человѣ-

---

[1]) Здѣсь мы пользуемся матеріаломъ, собраннымъ въ очень хорошей статьѣ Freund'a Über die Idee einer allgemeinen sprachvergleichenden Lexicographie (Verhandl. der 7. Versammlung deutscher Philologen u. Schulmänner, p. 69 sq), и только кое-гдѣ дополняемъ его.

къ, который говоритъ на многихъ языкахъ. Ср. далѣе: so weit die deutsche Zunge klingt und Gott im Himmel Lieder singt (Arndt) **или:** fremde Sitten, fremde Zungen lernt ich üben hin und her (August Schlegel).

Третій примѣръ: глаголы и выраженія вѣса и мѣры въ нѣсколькихъ индоевропейскихъ языкахъ. Оба понятія въ различныхъ языкахъ ассоціировались другъ съ другомъ до такой степени, что нерѣдко выражались однимъ и тѣмъ же словомъ: ср. греч. σταθμός, **употреблявшееся исключительно о вѣсѣ, и напр.** σταθμάω **у Эврипида** *Ion* **1137:** πλέθρου σταθμήσας μῆκος εἰς εὐγωνίαν. **У Геродота VI 127** (Φείδωνος τοῦ μέτρα ποιήσαντος Πελοποννησίοισι) **подъ** μέτρα **разумѣются также мѣры вѣса и монетная система.** ***Mensorium*** **у Кассіодора значитъ «вѣсовая чашка». Въ древне-ирландскомъ яз.** ***to-mus*** **значитъ «мѣра», «вѣсъ»,** ***med*** **«вѣсы»** (Fick Etymol. Wörterb⁴ II p. 204). **Ср. еще** Thuc. IV 118 § 5: Λακεδαιμονίους καὶ τοὺς ξυμμάχους πλεῖν μὴ μακρᾷ νηί, ἄλλῳ δὲ κωπήρει πλοίῳ, ἐς πεντακόσια τάλαντα-ἄγοντι μέτρα.

Въ виду этого, мы будемъ разбирать глаголы и имена, обозначающія «вѣсъ» и «мѣру», насколько возможно, параллельно другъ съ другомъ.

Во-первыхъ, одно и тоже слово служитъ для обозначенія какъ измѣряющаго инструмента, такъ и количества или величины измѣряемаго предмета или вещества: ср. ***мѣра***, μέτρον **(какъ орудіе мѣры, напр. въ** Iliad. 12, 422: ἀλλ'ὥς τ'ἀμφ' οὔροισι δύ'ἄνερε δηριάασθον, μέτρ' ἐν χερσὶν ἔχοντες...), **др. инд.** ***mātrā*** **и мн. др. Тоже самое надо сказать и о вѣсахъ. Одно и тоже слово можетъ обозначать какъ вѣсовыя гири (отчасти даже вѣсы), такъ и вѣсъ предмета: д. и.** ***tulā*** **значитъ «вѣсы, вѣсовыя чашки, вѣсъ». Греч.** τάλαντον **у Гомера значитъ «вѣсы»,** Plur. **«вѣсовыя чашки»:** χρύσεια πατὴρ ἐτίταινε τάλαντα Il. 8, 69. 209; ἐπὴν κλίνῃσι τάλαντα Ζεύς 19, 223; **ср.** 12, 433. **Ср. вмѣстѣ съ тѣмъ** χρυσοῖο τάλαντον Od. 8, 393 **и пр. Со временъ Геродота** (2, 180. 6, 97) τάλαντον **начинаетъ обозначать уже опредѣленную единицу торговаго вѣса.**

σταθμός **«вѣсы»** Herod. II 65, **даже «вѣсовыя чашки»** (Aristoph. *Ranae* 1407: ἐς τὸν σταθμὸν αὐτός, τὰ παιδί', ἡ γυνή, Κηφισοφῶν ἐμβὰς καθήσθω), **вообще «то, чѣмъ вѣшаютъ»** (Iliad. 12,

434: ἥ τε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἴριον ἀμφὶς ἀνέλκει ἰσάζουσα), наконецъ «вѣсъ, тяжесть» (ἡμιπλίνθια σταθμὸν διτάλαντα Her. I 50, 92).

Лат. *libra* значитъ «вѣсы» (Cic. *fin.* 5, 30, 91: virtutis amplitudinem quasi in altera librae lance ponere), и «вѣсъ» (libra pondo), «вѣсъ одного фунта».

Pondus 1) вѣсовыя гири (Caes. *bell. gall.* 5, 12. Liv. 5, 48) 2) вѣсъ одного фунта, тяжесть.

Литовское *swāras* «фунтъ» въ древнемъ языкѣ значило также вѣсы (Ширвидъ); *swārtis*: 1) коромысло вѣсовъ, pl. вѣсы, 2) вѣсъ.

Нѣмецкое *Gewicht* обозначаетъ какъ «гири» такъ и «вѣсъ»; русское *вѣсъ* употребляется теперь о «тяжести», но ср. *разновѣсъ* (о гиряхъ) и plur. *вѣсы*: ср. англійское *weight* «вѣсъ», pl. *weights* «вѣсы».

Возьмемъ теперь глаголы «вѣшать» и «вѣсить». Большая часть ихъ въ различныхъ языкахъ имѣетъ первоначальнымъ значеніемъ «приводить или приходить въ движеніе». Греч. τάλαντον, д. инд. *tul*—значатъ первоначально «поднимать», ср. далѣе греч. ἄγω ἕλκω, (ῥέπω), д. и. *kupas* «коромысло вѣсовъ» отъ *kup* «приходить въ движеніе». Лат. языкъ послѣдовательно употреблялъ глаголы движенія, а именно въ древнѣйшемъ языкѣ *ago*, судя по *gratias agere* (Paul. Fest. 17: *agere* modo significat rependere ut cum dicimus: gratias ago), ср. *agina* (Paul. Fest. 7: *agina* est, quo inseritur scapus trutinae, id est in quo foramine trutina se vertit, unde aginatores dicuntur qui parvo lucro moventur); *examen* «язычекъ у вѣсовъ» Verg. *Aen.* 12, 725: Juppiter ipse duas aequato examine lances sustinet; *examinatio* «равновѣсіе» Vitr. 10, 8; *examinare* напр. ad. certum pondus (Caes. *b. g.* 5, 12), paribus ponderibus (Cic. *Tusc.* 1, 19, 43); *exagium* «взвѣшиваніе, вѣсы, вѣсъ» (Theod. et Val. Nov. 25), *exigo* «взвѣшивать» и «обдумывать», м. б. *exiguus*, первоначально «точно свѣшанный», отсюда «малый» (ср. *modicus*, д. и. *mitás* и греч. μέτριος). *Momentana* (поздн.) «вѣсы для монеты», *momentum* «вѣсъ = важность, значеніе», синонимъ къ *pondus* (ср. особенно Cic. *Font.* 6, 11: ad unam quamque rem existimandam momentoque suo ponderandam; Id. *r. p.* 3, 8: loquitur, ut omnia verborum momentis non rerum ponderibus examinet). *Librare* (Фикъ сопоставлялъ корень этого глагола съ санскр. *lī* «колебаться») собственно значитъ «приводить въ движе-

ніе, бросать» (напр. Verg. *A.* 9, 417: summa telum librabat ab aure), ср. *libratores* у Tacit. *a.* 2, 20 (funditores libratoresque excutere tela et proturbare hostem jubet). Наконецъ, *pendo* и *pendeo* также могли первоначально имѣть оттѣнокъ движенія (напр. *pendeo* «висѣть, качаясь»), если только они родственны съ греч. σφαδάζω (слѣдовательно, изъ **sphand-* или изъ **sphend-*).

Изъ нѣмецкаго языка можно привести *wägen*, *wiegen* (соб. «качать», ср. *Wiege* «колыбель»); *Kippe* «вѣсы для золота» отъ *kippen* «шататься, качаться» (Zȩhetmayr Analogisch-vergleich. Wörterbuch, p. 245) и пр.

Вообще, до какой степени съ идеей «взвѣшивать, вѣсить» легко связывается представленіе о движеніи или колебаніи (собственно вѣсовыхъ чашекъ или стрѣлки),—это показываетъ франц. *balance* въ смыслѣ «сомнѣніе, колебаніе» (переносно), *balancer* «качать» (букв.), «колебаться», *balancement* «качаніе, колебаніе»; между тѣмъ, слово это, какъ извѣстно, происходитъ отъ лат. *bi-lanx* «имѣющій двѣ чашки» (*libra*, у Марц. Капеллы). Это длинное отступленіе необходимо для уясненія вопроса, почему во многихъ языкахъ одинъ и тотъ же глаголъ можетъ обозначать какъ «взвѣшивать», такъ и «вѣсить, имѣть вѣсъ». Именно, вѣсы приводятся въ движеніе какъ тѣмъ человѣкомъ, который взвѣшиваетъ, такъ и тѣмъ предметомъ, который взвѣшивается. Приведемъ примѣры: *tul-* (*tolayati* или *tulayati*) значитъ «взвѣшивать» и «имѣть вѣсъ» (въ словаряхъ дано, по крайней мѣрѣ, значеніе «равняться» т. е. имѣть съ кѣмъ либо одинаковый вѣсъ). Гр. ἕλκω 1) Iliad. 8, 72 (= 22, 212): χρύσεια πατὴρ ἐτίταινε τάλαντα... ἕλκε δὲ μέσσα λαβών 2) обычное «тянуть, имѣть вѣсъ». Можетъ быть и ἄγω, у котораго извѣстно значеніе «имѣть вѣсъ», имѣло нѣкогда значеніе «взвѣшивать». Къ этому приводятъ такіе обороты какъ ἐν τιμῇ ἄγειν или ὧδέ πως τὴν σοφίαν ἄγουσι «такъ они судятъ о мудрости» (Plato *Theaet.* 172 b), ἄγοιμι ἂν θεούς (Aesch. *Suppl.* 924) «я сталъ бы цѣнить боговъ». Ср. σταθμᾶσθαι «взвѣшивать», напр. у Платона *Lys.* 205 a (цѣнить), далѣе «обсуждать» и пр. Ἀντισηκόω (ср. σήκωμα «вѣсъ», σηκωτήρ· ὁ ἀναφορεὺς τοῦ ζυγοῦ Hes.) 1) вознаграждать т. е. первоначально «взвѣшивать»:

ἀντισηκώσας δέ σε | φθείρει θεῶν τις τῆς πάροιθ' εὐπραξίας (Eurip. *Hec.* 57. Wecklein переводитъ: vices rependens prioris felicitatis aliquis deorum te pessumdat). 2) «вѣсить столько же»: τοιάδε ἐπ'αὐτοὺς ἦλθε συμφορὰ πάθους | ὡς τοῖσδε καὶ δὶς ἀντισηκῶσαι ῥοπῇ (Aesch. *Pers.* 436), т. е. «ихъ постигло такое несчастіе, что своей тяжестью вдвое перевѣсило эти, упомянутыя тобою, бѣды».

Для *pendere* въ смыслѣ «имѣть вѣсъ» мы располагаемъ слѣдующими примѣрами: nam si tantundemst in lanae glomere quantum | corporis in plumbost, tantundem pendere par est (Lucr. I 360); talentum ne minus pondo octoginta Romanis ponderibus pendat (Liv. 38, 38); bona vera idem pendunt (Sen. *ep.* 66).

pensare также значитъ «вѣшать» (напр. aurum; pensare aliquem eadem trutina Hor. *ep.* 2, 1, 29); но ср. Antonianarum navium magnitudo numerum Caesarianarum pensavit (Flor. 4, 11, 5), т. е. «уравновѣсило, сравнялось».

Романскіе потомки этого послѣдняго глагола (ит., исп., прт., *pesar*, фр, *peser*, пров. *pezar*)—всѣ имѣютъ оба значенія; «вѣшать» и «имѣть вѣсъ».—Оба значенія имѣетъ и англійское *weigh*. Современное нѣм. *wiegen* (ср. *wiegen* «качать») значитъ главнымъ образомъ «имѣть вѣсъ» въ противоположность *wägen* «взвѣшивать». Но эта дифференціація поздняго происхожденія: ср. *aufwiegen* 1) вѣшать, 2) равняться по вѣсу. Равнымъ образомъ, и въ русскомъ языкѣ дифференціація обѣихъ понятій принадлежитъ, м. б., исключительно литературному языку: ср. *отвѣсить* (кому что), ср. далѣе общеизвѣстную прибаутку: «стали вѣсить (т. е. взвѣшивать)—пудовъ десять».

Эти соображенія по поводу двойного значенія глаголовъ вѣса, понятное дѣло, не примѣнимы къ глаголамъ мѣрить, такъ какъ эти послѣдніе не вырабатываются изъ глаголовъ, первоначально обозначающихъ движеніе. Поэтому, въ тѣхъ немногихъ языкахъ, гдѣ глаголы мѣрить допускаютъ значеніе «имѣть мѣру» (санскр. *mā-* не только «мѣрить», но и «соотвѣтствовать мѣрѣ», «быть равнымъ»; нѣм. *messen* въ выраженіи er misst sechs Fuss) это второе значеніе надо объяснять аналогіей со стороны глаголовъ вѣса.—Той же аналогіей я объяснилъ бы и двойное значеніе въ *aequare adaequare* (1) уравнивать, 2) равняться съ кѣмъ, съ чѣмъ—accusat.). Второе значеніе въ данномъ глаголѣ само по себѣ не-

возможно, такъ какъ *aequare* есть causativum къ *aequus* (*aequus* «равный»: *aequare* «дѣлать равнымъ», ср. *liber* «свободный»: *liberare* «дѣлать свободнымъ, освобождать»; *vastus* «пустой: *vastare* «дѣлать пустымъ, опустошать»; *novus*: *novare*, *sacer*: *sacrare* напр. foedus и мн. др.).—Чтó сферы употребленія глаголовъ *aequare exaequare* и глаголовъ вѣсить въ значительной степени соприкасаются, это извѣстно: ср. напр. aurum auro expendetur, argentum argento exaequabitur (Plaut. *rud.* 1073) и мн. др.

Теперь мы остановимся на одной общераспространенной метафорѣ, свойственной какъ глаголамъ «вѣсить», такъ и глаголамъ «мѣрить». Именно, они легко получаютъ оттѣнокъ «цѣнить, обдумывать, думать». Для глаголовъ «мѣрить» оба значенія, какъ основное, такъ и метафорическое, существовали уже въ индоевропейскую эпоху. Возьмемъ, во первыхъ, инд.-европ. корень *mē*-: д. д. *mā*— значитъ не только «мѣрить», но также «сравнивать»; изъ сложныхъ—*anu-mā*- значитъ «заключать изъ чего»; *upa-mā*-, между прочимъ, «сравнивать» *sam-mā* «мѣрить, сравнивать, судить». Греч. μῆτις умъ, разсудокъ совѣтъ=д. и. *mātis*, англо-сакс. *maeđ* «мѣра», гр. μητίομαι «обдумывать»; лат. *mētior* «мѣрю». Наряду съ *mē* въ индоевроп. языкѣ существовалъ глагольный корень **mĕd*- сохранившійся въ европейскихъ языкахъ и обозначавшій какъ «мѣрить», такъ и «думать»: гр. μέδομαι μήδομαι μέδων μεδέων при μέδιμνος; лат. *meditor* при *modus*, *modius;* др. ирл. *midiur* «cogito judico», *mess* «judicium»; гот. *mitan mat*, др. верхн. нѣм. *mezzan*, нов. нѣм. *messen*; гот. *miton*, др. в. н. *mezzôn* «ermessen, bedenken» (Fick Vergl. Wörterb. I[4] 512).

Если мы на почвѣ отдѣльныхъ языковъ уже не найдемъ такого глагола «мѣрить», который вмѣстѣ съ тѣмъ значилъ бы «думать», то это объясняется диференціаціей между нѣсколькими параллельными образованіями, изъ которыхъ одно получило значеніе «мѣрить», другое—преимущественно значеніе «цѣнить». Съ подобной диференціаціей мы встрѣтимся и по отношенію къ глаголамъ «вѣсить» въ романскихъ языкахъ.

Что касается глаголовъ «вѣсить», то они во всѣхъ индоевроп. языкахъ имѣютъ значеніе «взвѣшивать» въ смыслѣ «обдумывать». Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ, нисколько не претендуя на полноту, тѣмъ болѣе излишнюю, что

данное явленіе—общеизвѣстно. Въ греч. языкѣ интересно σταθμάομαι: ср. Aristoph. *Ran.* 796: ταλάντῳ μουσικὴ σταθμήσεται (будетъ оцѣнена), Plato *Lysid.* 205 а: τούτων δέ τι, ἔφη, σταθμᾷ (цѣнишь ли), ὦ Σώκρατες, ὧν ὅδε λέγει; Soph. *Oed. R.* 1111: εἰ χρή τι κἀμὲ... σταθμᾶσθαι (предположить, высказать предположеніе), τὸν βοτῆρ' ὁρᾶν δοκῶ, ὅνπερ πάλαι ζητοῦμεν. Her. IX 37: ἐμηχανᾶτο ἀνδρηιώτατον ἔργον πάντων τῶν ἡμεῖς ἴσμεν ·σταθμωσάμενος γὰρ (сообразивъ, подумавъ) ὅκως ἐξελεύσεταί οἱ τὸ λοιπὸν τοῦ ποδὸς ἀπέταμε τὸν ταρσὸν ἑωυτοῦ. VII 214: τοῦτο γὰρ τῷδε χρὴ σταθμώσασθαι, ὅτι... (слѣдуетъ заключить изъ того, τῷδε...). Ср. ibid. II 2, VIII 130, III 15, IV 58, VII 10, 11, 237.

exigo. Cael. ap. Cic. *fam*, 8, 6, 1: ad summam veritatem legitimum jus (ср. exigere materiam ad regulam et libellam) и мн. др.; ср. особ. *examen* и *examino*.

pendo. Cic. *or*. 16: in philosophia res spectatur, non verba penduntur. Id. *Rosc. Amer*. 22: rem levi conjectura p.

pensito. Liv. 4, 41: pensitanda quoque magnis animis atque ingeniis essent. Tac. *a*. 3, 52: saepe apud se pensitato, an coerceri tam profusae cupidines possent.

penso. Liv. 34, 49: ex factis non ex dictis amicos pensent. 22, 51: ad consilium pensandum temporis opus esse.

pondero. Cic. *de or*. 3, 37: verborum delectum aurium quodam iudicio ponderare и пр.

perpendo. Lucr. 2, 1042: aliquid acri judicio; judicare et perpendere (Q. Cic. *pet. cons*. 6), ср. пр. composita съ *pendo* и *penso*; *libro*. Stat. *Theb*. 9, 165: paulum stetit anxius heros librabatque metus.

Въ такомъ же значеніи употребляется въ позднемъ языкѣ и *trutinō* (отъ гр. τρυτάνη). Ср. наконецъ прилагательныя и нарѣчія, произведенныя отъ перечисленныхъ глаголовъ: *librate*, *perpense* и др. съ значеніемъ «обдуманно».

Итакъ, всѣ глаголы «вѣшать» допускали въ лат. языкѣ два значенія «взвѣшивать», «обдумывать». Въ романскіе языки перешелъ глаголъ *pēnsāre* (съ фонетич. утратой носового элемента передъ *s*), повидимому, съ обоими значеніями: ср. ит. *pesatamente* «обдуманно», *pesare* не только въ смыслѣ «вѣсить, взвѣшивать», но и въ смыслѣ «анализировать», румынск. *pasa* «думать, без-

покоиться» (Körting Lat. rom. Wörterb. 6023). Надо однако замѣтить, что романскій глаголъ **pesare*, вообще говоря, имѣетъ почти исключительно непереносное значеніе «взвѣшивать, вѣсить». Потеря второго значенія «обдумывать, думать» объясняется тѣмъ, что почти всѣ романскіе народы снова заимствовали изъ лат. языка глаголъ *pensare*, и отличили его отъ **pesare* тѣмъ, что *pensare* получило значеніе только «думать», *pesare*—только «взвѣшивать, вѣсить».

Разборъ значеній глаголовъ «вѣсить» мы могли бы сдѣлать болѣе подробнымъ, но это было бы, можетъ быть, слишкомъ элементарной работой: что эти глаголы и выраженія во всѣхъ языкахъ имѣютъ приблизительно одни и тѣ же переносныя значенія,— это извѣстно каждому.

Перейдемъ къ другимъ примѣрамъ и прежде всего остановимся на значеніяхъ греч. ἀγών, такъ какъ анализъ этихъ значеній заставитъ насъ разобрать цѣлый рядъ словъ, болѣе или менѣе принадлежащихъ къ тому кругу представленій, въ которомъ употребляется ἀγών.

Мы знаемъ, что въ классическомъ языкѣ ἀγών было извѣстно преимущественно какъ nomen actionis: «игры», «процессъ», «собраніе» (κοινοὺς ἀγῶνας τιθέναι Aesch. *Ag.* 818). Уже судя по суффиксу, такое значеніе врядъ ли могло быть особенно древнимъ: вообще при помощи даннаго суффикса образовывались nomina agentis или отчасти nomina instrumenti (напр., σκίπων или σκίμπων «палка» отъ σκίμπτω «подпираю», φαγών «челюсть» отъ φαγεῖν и др.), если только это были имена не средняго рода (Brugmann Grundriss, II § 114). Если мы предположимъ, что однимъ изъ древнѣйшихъ значеній ἀγών было инструментальное, то отъ инструментальнаго значенія мы легко перейдемъ къ значенію локальному (см. ниже, глав. III, § 3). Именно это значеніе мы и находимъ у Гомера—идетъ ли рѣчь о собраніи гражданъ, боговъ или о сборномъ пунктѣ для кораблей и пр. Только одинъ разъ намъ встрѣчается у Гомера (*Od.* 8, 258 sq.) это слово въ слѣдующемъ сочетаніи: αἰσυμνῆται δὲ κριτοὶ ἐννέα πάντες ἀνέσταν δήμιοι, οἳ κατ' ἀγῶνας εὖ πρήσσεσκον ἕκαστα, λείηναν δὲ χορόν, καλὸν δ' εὔρυναν ἀγῶνα. Что въ послѣдней фразѣ ἀγών обозначаетъ

ѣсто состязанія, это ясно уже изъ εὔρυναν; но выраженіе κατ' γῶνας нѣсколько неопредѣленно: комментаторы переводятъ здѣсь ατά черезъ bei, т. е. «при играхъ, во время игръ». Можетъ быть, то и вѣрно, но, съ другой стороны, мы знаемъ сходные обороты, дѣ κατά имѣетъ локальное значеніе, напр., *Od.* 19, 344: οὐδὲ ;υνὴ ποδὸς ἅψεται ἡμετέροιο τάων αἵ τοι δῶμα κάτα δρήστειραι ἔασι. Если взглянуть на разбираемую фразу съ точки зрѣнія этого поѣдняго оборота, то ее придется перевести: «которые хорошо все устраивали на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходятъ состязанія», или, точнѣе, «на тѣхъ мѣстахъ, куда собирается народъ, чтобы смотрѣть на состязанія». Такое толкованіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ экспертовъ-эсимнетовъ: все свое вниманіе они обратили исключительно на ту площадку, гдѣ должны были состояться танцы и состязанія: λείηναν δὲ χορόν, καλὸν δ' εὔρυναν ἀγῶνα... [1]).

Итакъ, по моему мнѣнію, въ данномъ стихѣ нѣтъ надобности разсматривать ἀγών какъ nomen actionis, а въ такомъ случаѣ можно утверждать, что въ гомеровскихъ поэмахъ ἀγών этого значенія не имѣетъ. Изъ болѣе поздняго языка ср. Hesiod. *Scut.* 312: οἷσι δὲ καὶ προὔκειτο μέγας τρίπος ἐντὸς ἀγῶνος; Thuc. V 50: ;ροελθὼν εἰς τὸν ἀγῶνα ἀνέδησε τὸν ἡνίοχον и пр.

Свое абстрактное значеніе ἀγών могло получить, во-первыхъ, по аналогіи ἀγορά. О какомъ бы собраніи ни шла рѣчь, съ ἀγορά соединялось представленіе не только о его мѣстѣ, но и томъ, что въ немъ дѣлалось: съ одной стороны, ἀγορά значитъ «вѣче» и «рѣчь, произносимая на вѣчѣ», съ другой «рынокъ» и «торговля, продажа» (Aelian. *v. h.* IV, 1: ἀγορὰν παρθένων προκηρύττειν; Demosth. Γ, 26, Xenoph. *Cyr.* IV 5 § 14 и пр.). И вотъ, по аналогіи съ ἀγορὰν τίθεσθαι (еще у Гомера *Od.* 9, 171) являются обороты ἀγῶνα τιθέναι (Her. II 91, Aesch. *Ag.* 818).—Прибавимъ, что такую же исторію имѣло и ἕδρα, первоначально конкретное слово. Что оно вообще было ассоціировано съ ἀγορά, это извѣстно; ср., напр., *Od.* 3, 31: ἷξον δ' ἐς Πυλίων ἀνδρῶν ἄγυρίν τε καὶ ἕδρας, ἔνθ' ἄρα Νέστωρ ἧστο σὺν υἱάσιν. Ibid. 8, 16: καρπαλίμως δ' ἔμπληντο

[1]) Прибавлю, что ἀγών еще разъ встрѣчается въ той же 8-й пѣсни Одиссеи и тоже въ локальномъ значеніи: κοῦροι δ' ἐπιλήκεον ἄλλοι ἑσταότες κατ' ἀγῶνα (v. 380)

βροτῶν ἀγοραί τε καὶ ἕδραι ἀγρομένων. По аналогіи съ ἀγορ ποιεῖσθαι (уже у Гомера *Iliad.* 8, 2) возникло ἕδρας ποιεῖν (зас даніе) Andoc. I, 111 и др.

Возвращаемся къ ἀγών.

Употребляясь въ примѣненіи къ играмъ и состязаніямъ, ἀγ имѣло своими синонимами δρόμος, χορός, ἄεθλος, ἄεθλον, στάδι и пр. Припомнимъ, что ἀγών обозначало площадь, на котор собирались зрители игръ и на которой происходили игры, т. оно значило приблизительно то же, что στάδιον. Съ другой ст роны δρόμος значило уже у Гомера не только «бѣгъ», но «мѣсто бѣга» (напр., Od. 4, 605: ἐν δ' Ἰθάκῃ οὔτ' ἄρ δρόμοι ε ρέες οὔτε τι λειμών; ср. τρόχος у Eur. *Hippol.* 1133: ἐπιβαίνι τὸν ἀμφὶ Λίμνας τρόχον). Благодаря этому, въ языкѣ игръ эти сло стали синонимическими. Ср. Eur. *Electr.* 883: ἥκεις οὐκ ἄχρει ἔκπλεθρον δραμὼν ἀγῶν' ἐς οἴκους. *Medea* 1181: ἤδη δ' ἀνέλκ κῶλον ἐκπλέθρου δρόμου ταχὺς βαδιστὴς τερμόνων ἂν ἥπτετο.—ἔ πλεθρος ἀγών=ἔκπλεθρος δρόμος=στάδιον. Въ свою очередь, στ διον нельзя разсматривать отдѣльно отъ δίαυλος (=2 στάδι δόλιχος (=20 στάδια).

Теперь, что значатъ выраженія δρόμον, ἀγῶνα, στάδιον δραμ (послѣднее выраженіе мнѣ прямо неизвѣстно, но ср. σταδιοδρόμ σταδιοδρομέω у Платона и др.)? Какъ видно уже изъ только ч приведенныхъ примѣровъ, аккузативы ἀγῶνα δρόμον могли бы здѣсь accusativ'ами распространенія по пространству (ср. τ θάλατταν πλεῖν); но, съ другой стороны, въ выраженіи δρόμον θε δραμεῖν,—δρόμον могло пониматься и какъ винительный содержан благодаря чему и само δρόμος въ этомъ сочетаніи понималс какъ nomen actionis; а по аналогіи съ δρόμον, и ἀγῶνα въ под номъ сочетаніи могло получить значеніе nominis actionis. Отсю понятны такого рода обороты: δεινοὺς ἀγῶνας διὰ σὲ δεῖ κεῖ δραμεῖν (Eurip. *Iph. A.* 1456); Ὀρέστην κεῖνον οὐχ ὁρᾷς πέλ στείχοντ' ἀγῶνα θανάσιμον δραμούμενον (Eur. *Orest.* 877); πολλο πολλάκις ἀγῶνας δραμέονται περὶ σφέων αὐτῶν οἱ Ἕλληνες (Hero VIII 102). Кажется, этимъ путемъ подготовляется оборотъ ἀγω ζομαι ἀγῶνα, по аналогіи съ которымъ возникаетъ στάδιον (δία λον) ἀγωνίζεσθαι. ἀγών и ἀγωνίζομαι становятся синонимами ἅμιλλα ἁμιλλάομαι, съ другой стороны, къ ἆθλον въ смыслѣ «

стязаніе». Отсюда ведутъ начало обороты στάδιον (δόλιχον, δίαυλον) ἁμιλλᾶσθαι (у Платона, напр., *legg.* 833*a*); съ другой стороны, ἆθλον, или, точнѣе сказать, ἆθλα, по аналогіи ἀγών, δρόμος и пр., начинаетъ обозначать не только «состязанія» но и «мѣсто состязаній», напр., Plato *legg.* 868a: ὅστις δ'ἂν ἀκάθαρτος ὢν ἀγοράν τε καὶ ἆθλα καὶ τὰ ἄλλα ἱερὰ μιαίνῃ... Далѣе, στάδιον (δίαυλος, δόλιχος), по мѣрѣ накопленія оборотовъ, подобныхъ только что приведеннымъ, получаетъ уже устойчивое значеніе «состязаніе въ бѣгѣ», и отсюда становятся возможными обороты στάδιον (δίαυλον, δόλιχον) νικᾶν (ср. μάχην νικᾶν) и, кажется, даже ἀσκεῖν (ср. παγκράτιον ἀσκεῖν Plato *legg.* 795 b) [1]. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ словъ, обозначающихъ собственно мѣсто состязанія, по указаннымъ причинамъ, получилъ значеніе «состязаніе». Такая же судьба постигла синонимическое съ этими словами γυμνάσιον: вообще говоря, слово это обозначаетъ «мѣсто, гдѣ происходятъ гимнастическія упражненія», но ср. Plato *resp.* 539 d: γυμναζόμενος τοῖς περὶ σῶμα γυμνασίοις,—оборотъ, напоминающій собою Xenoph. *Cyr.* I 2 § 10: γυμνάζεσθαι ὁδοιπορίαις καὶ δρόμοις.

Наконецъ, къ нашимъ словамъ примыкаетъ, какъ синонимическое, θέατρον: въ языкѣ Новаго Завѣта оно обозначаетъ не только мѣсто, гдѣ даются представленія, но и самыя представленія, зрѣлища: Paul. *Cor.* I, 4, 9: δοκῶ γὰρ ὅτι ὁ Θεὸς ἡμᾶς τοὺς ἀποστόλους ἐσχάτους ἀπέδειξεν, ὡς ἐπιθανατίους, ὅτι θέατρον ἐγενήθημεν τῷ κόσμῳ. Такую же судьбу имѣло и θυμέλη: ср. Alciphron. II 3 § 16 (δραματουργεῖν τι καινὸν ταῖς ἐτησίαις θυμέλαις δρᾶμα).

---

[1]) Исторію ἀγών и т. п. нѣсколько напоминаетъ исторія κύκλος: между прочимъ, оно употреблялось о собраніи (ср. нѣм. *hring*, ἀγών и ἀγορά),—напр., Il. 18, 504: οἱ δὲ γέροντες εἵατ' ἐπὶ ξεστοῖσι λίθοις ἱερῷ ἐνὶ κύκλῳ; Sop. *Ai.* 736: ἐκ γὰρ συνέδρου καὶ τυραννικοῦ κύκλου Κάλχας μεταναστάς... По Поллуксу X 18 такъ называлась также часть рынка (ср. ἀγορά, нѣм. *hring*), ἵνα ἐπιπράσκετο τὰ σκεύη. Наконецъ, κύκλος употребляется, какъ синонимъ къ δρόμος: ὁ δ'ἅλιος ἐνιαυσίῳ χρόνῳ τὸν αὐτῶ κύκλον ἐκτελεῖ (Tim. Locr. 96e—судя по глаголу ἐκτελεῖ, κύκλος надо понимать, какъ nomen actionis, ср. Od. 10, 41: ὁμὴν ὁδὸν ἐκτελέσαντες)—ср. δρόμοι ἡλίου (Plato *Axioch.* 370 b). Сюда же, вѣроятно, относятся и такіе обороты, какъ σὲ δ'αὖ χρεὼν Παρράδιον οἰκεῖν δάπεδον ἐνιαυτοῦ κύκλον (Eur. *Or.* 1645) и, можетъ быть, Eur. *Helen.* 111: πόσον χρόνον γὰρ διαπεπόρθηται πόλις; (ΤΕΥ). ἑπτὰ σχεδόν τι καρπίμους ἐτῶν κύκλους, гдѣ Наукъ, на основаніи *Iph. Taur.* 81 (δρόμους τε πολλοὺς ἐξέπλησα καμπίμους), измѣняетъ καρπίμους въ καμπίμους.

Итакъ, для насъ достаточно выяснилось, что исторія слова ἀγών понятна только въ связи съ исторіей остальныхъ словъ, принадлежащихъ къ тому же самому кругу представленій.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ для подтвержденія этого положенія. Напр., выраженія βαλεῖν ἔξω ἀγῶνος Pind. *P.* 1, 44 (=παρὰ σκόπον) или ἔξω τοῦ ἀγῶνος «неумѣстно»—находятъ себѣ аналогію въ слѣдующихъ оборотахъ съ δρόμος: τροχοδινεῖται δ'ὄμματ' ἐλίγδην, ἔξω δὲ δρόμου φέρομαι λύσσης πνεύματι μαργῷ, γλώσσης ἀκρατής (Aesch. *Prom.* 885); πυθέσθαι δ'οὐδέν ἐστ' ἔξω δρόμου, πόθεν χοὰς ἔπεμψε (Id. *Choeph.* 514); ср. у Платона *Crat.* 414b ἐκτὸς δρόμου φέρεσθαι и иллюстрацію къ этому обороту у Эсхила *Choeph.* 1021: ἀλλ' ὡς ἂν εἰδῆτ', οὐ γὰρ' οἶδ' ὅπῃ τελεῖ ὥσπερ ξὺν ἵπποις ἡνιοστροφῶ δρόμου ἐξωτέρω· φέρουσι γὰρ νικώμενον φρένες δύσαρκτοι. Выраженіе ἀγὼν μάχης (Soph. *Trach.* 20) напоминаетъ собою гомеровское ἔρις πτολέμοιο (дѣло въ томъ, что ἔρις у Гомера и Геродота также употреблялось о состязаніяхъ), ἀγὼν λόγων (Soph. *Electr.* 1482)—ср. съ ἅμιλλα λόγων (Eur. *Hec.* 226), ἀγὼν τῶν ὅπλων 'Αχιλλείων («изъ-за оружія», Soph. *Ai.* 1219) ср. съ гомеровскимъ ἔρις ἀέθλων (букв. «изъ-за приза», *Odyss.* 8, 210) или съ ἅμιλλα λέκτρων (Eurip. *Hipp.* 1141).—Наконецъ, обороты ἐν τῷ μεγίστῳ ἀγῶνι περὶ τοῦ σώματος καθέστηκε или νῦν γὰρ περὶ ψυχῶν τῶν ὑμετέρων ὁ ἀγών параллельны съ оборотами τρέχειν περὶ ψυχῆς (Herod. 9, 37; ср. 8, 74), τὸν περὶ ψυχῆς δρόμον δραμεῖν (Arist. *Vesp.* 376); ср. Iliad. 22, 159: οὐχ ἱερήιον οὐδὲ βοείην ἀρνύσθην, ἅ τε ποσσὶν ἀέθλια γίγνεται ἀνδρῶν, ἀλλὰ περὶ ψυχῆς θέον Ἕκτορος ἱπποδάμοιο.

Съ такого же рода явленіями мы встрѣтимся и на латинской почвѣ—въ языкѣ игръ и зрѣлищъ. Такъ, одно изъ словъ этого языка—*curriculum* значило не только «мѣсто, на которомъ состязаются въ бѣгѣ», но и «бѣгъ», «состязанія въ бѣгѣ». Такое новое значеніе раздѣляютъ наравнѣ съ *curriculum* и остальныя слова этого спеціальнаго языка, что заставляетъ разсматривать ихъ вмѣстѣ. Прежде всего бросается въ глаза тѣсная ассоціація *curriculum* съ *spatium*, собственно «протяженіе, пространство», а въ языкѣ игръ «площадь опредѣленнаго размѣра, на которой происходятъ состязанія». Ср. deflexit jam aliquantum de *spatio curriculoque* consuetudo majorum (Cicer.); me ex constituto *spatio*

defensionis in semihorae *curriculum* coegisti (Cicer.); exiguum *vitae curriculum* natura *circumscripsit*, immensum gloriae (Cicer.)=quibus regionibus *vitae spatium circumscriptum est* (id.); recte et honeste *curriculum* vivendi a natura datum *conficere* (Cic.): ср. disparibus temporibus eadem *spatia conficiunt* stellae (Cic. *n. d.* I 31, 87— ср. у него же curricula solis et lunae) и пр.

Но *spatium* обозначало не только «пространство», но и «движеніе по пространству»: ср. Ovid. *halieut.* 68: septem spatiis circo meruere coronam; или duobus tribusve spatiis factis (о прогулкѣ — Cic. *de orat.* I 7, 28); cum essent perpauca inter se uno aut altero spatio collocuti (id. *r. p.* I 12; ср. у него же *spatium* въ смыслѣ «мѣсто для прогулки, аллея», напр. Academiae non sine causa nobilitata spatia и пр.). Этому вторичному значенію благопріятствуютъ различныя неясныя сочетанія, вродѣ *conficere spatia*: дѣло въ томъ, что при *conficere* могло быть дополненіемъ какъ конкретное существительное, такъ и nomen actionis (ср. conficere ambulationem, cursum, iter; съ другой стороны Verg. *Georg.* II 541: conficere aequor spatiis immensum). И вотъ, по аналогіи съ *spatium*, и *curriculum* могло пріобрѣсти значеніе «бѣгъ», напр. quod sine curriculo et sine certatione corporum fiat (Cic.); curricula ludorum circensium sollemnia septem esse (Gell.). Плавтъ употребляетъ даже curriculo currere (δρόμῳ ἰέναι). Ср. также переносные обороты: in artis curriculum descendere (судя по глаголу descendere,—curriculum имѣетъ здѣсь конкретное значеніе «арена, школа»); съ другой стороны: hae sunt exercitationes ingenii, haec curricula mentis (Cic.). Въ этомъ пунктѣ *curriculum* явно соприкасается съ *ludus*, которое обозначало не только «игры», но и «мѣсто упражненія въ нихъ, школу»; въ виду этого нѣтъ ничего мудренаго, что абстрактныя значенія *curriculum* выработались не только подъ вліяніемъ *spatium*, но и подъ вліяніемъ *ludus*. Упомянувъ о послѣднемъ, нельзя не отмѣтить и *palaestra*, которое очень рано заимствовано римлянами у грековъ—первоначально въ конкретномъ значеніи «мѣсто для упражненія въ борьбѣ, школа вообще». Уже у Теренція это слово встрѣчается какъ nomen actionis: fac periclum in litteris, fac in palaestra, in musicis (*Eunuch.* 476); ср. далѣе corporaque agresti nudant praedura palaestrae (Verg. *Georg.* II 53); habuit vires agrestes ille

quidem atque horridas sine nitore ac palaestra (Cic.); numerus (ритмическая форма) quasi quandam palaestram et extrema lineamenta orationi attulit (id.), discere palaestram (Quinctilian.) [1]) и пр. Подобно вышеприведеннымъ словамъ, и *arena*, собственно «песчаное мѣсто», въ языкѣ игръ могло употребляться не только о площади, на которой происходили состязанія, но, повидимому, также о самихъ состязаніяхъ: сюда, можетъ быть, принадлежатъ такіе обороты, какъ operas arenae promittere (Tacit.); scaenae arenaeque devotus (Sueton.), особенно municipalis arenae perpetui comites (Juvenal. 3, 34; comites здѣсь, вѣроятно, «участники въ муниципальныхъ состязаніяхъ»: ср. comes fugae и пр.).

По ассоціаціи идей я обращаюсь къ *spectaculum* и *scaena*. Первое изъ этихъ словъ, обозначавшее съ давнихъ поръ, между прочимъ, «мѣста для зрителей, театръ» (уже Plaut. *Curcul.* 653: exoritur ventus turbo, spectacula ibi ruunt), можетъ обозначать также «зрѣлище, представленіе»: напр. nondum commisso spectaculo, spectaculum gladiatorium и пр. [2]) Второе слово *scaena*, заимствованное изъ греческаго (σκηνή) въ смыслѣ «театральные подмостки, театръ», мало по малу стало пріобрѣтать значеніе «представленіе, часть драмы»; очень характерно выраженіе Целія въ письмѣ къ Цицерону (ad fam. VIII 11 § 3): scaena totius rei haec est. Ср. также Apul. *Met.* 4 p. 154, 12: specta denique scaenam meae calamitatis; id. ibid. 8 p. 215, 29: turpissimam scaenam patefaciun и мн. др.

Итакъ, мы видимъ, что греческія и латинскія слова, принадлежавшія къ языку игръ и зрѣлищъ, измѣнялись въ значені довольно однообразно, именно, при основномъ значеніи «мѣст игръ, состязаній, бѣга», они развивали значеніе «игры, состязанія, бѣгъ». — По поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ, врод στάδιον, ἀγών, *spatium*, *curriculum*, надо однако замѣтить, что эт второе значеніе могло въ нихъ развиться даже независимо от употребленія ихъ въ языкѣ игръ и состязаній: они могли ассоціироваться съ обозначеніями «пути, дороги вообще». Что к

[1]) Ср. наше *школа*, нѣм. *Schule* въ выраженіяхъ „человѣкъ съ хорошей школой“, „Ein Mann von guter Schule“; Schule=Schulung) и пр.

[2]) Пассивное значеніе *spectaculum* можно, впрочемъ, объяснить и другимъ п темъ: см. объ этомъ въ 8-й главѣ.

сается этихъ послѣднихъ словъ, то они, повидимому, во всѣхъ языкахъ допускали производное значеніе «движеніе по пути, по дорогѣ»; при чемъ весьма вѣроятно, что такое значеніе развилось изъ нѣкоторыхъ двусмысленныхъ синтактическихъ сочетаній. Начнемъ, для наглядности, съ русскаго языка. *Путь* и *дорога* обозначаютъ у насъ собственно пространство, по которому ходятъ или ѣздятъ. Но, напр., такое выраженіе, какъ *я утомился отъ дороги*, значитъ «я. у. отъ путешествія по дорогѣ», хотя первоначальный смыслъ этого выраженія былъ, несомнѣнно, конкретный: «пространство, которое я прошелъ или проѣхалъ, утомило меня». Или, напр., *на пути (на дорогѣ) со мной случилось несчастіе*; первоначальный смыслъ этого выраженія, какъ показываетъ уже самый выборъ предлога, былъ конкретный: «на одномъ изъ пунктовъ дороги или пути»; но мы обыкновенно понимаемъ такое выраженіе въ смыслѣ «во время путешествія». Выраженія *собираюсь въ путь*, *въ дорогу* совершенно равносильны выраженію *собираюсь въ путешествіе*.

Ту же исторію имѣетъ и латинское *via*; основнымъ значеніемъ, кажется, будетъ «дорога, улица» (qui mihi ex his locis viam aut semitam monstret? или decedere de via, viam sternere и пр.); вѣроятно, это значеніе сохранялось въ извѣстную эпоху и въ выраженіи *inter vias*, именно въ ту эпоху, когда *inter* имѣло мѣстное значеніе; но какъ только въ *inter* выработалось значеніе темпоральное, то *inter vias* стало значить «во время путешествія» (ср. нѣм. *Weg* при *unterwegs*); ср. еще *fessus de via* и мн. др. Нѣчто подобное было у поэтовъ со словами *semita* «тропинка» и *trames* «окольный путь» [1]): *cito* decurrit *tramite* virgo (Verg. *Aen.* V 610), *semita velox* Lunae *pigraque* Saturni (у Клавдіана).

Итальянское *strada*, собственно «мостовая» (изъ лат. *strata*, напр. *strāta viarum*), «улица», въ выраженіи *far la strada* (ср. *far il cammino*) «дѣлать путешествіе, идти» употребляется на правахъ nominis actionis.

То же самое надо сказать о санскритскихъ словахъ *ćaritram* и *yātra* (отъ *ćar-* «двигаться» и *yā-* «идти»): первоначальное

[1]) Оба слова были несомнѣнно ассоціированы другъ съ другомъ, какъ показываетъ dat. plur. *semitibus* (по аналогіи съ *tramitibus*) въ C. I. L. III 5524.

значеніе этихъ словъ «средство къ движенію» сохранилось въ *čaritram* «нога»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оба слова обозначаютъ также мѣсто движенія, т. е. путь и отсюда «движеніе, путешествіе».

Такія слова, какъ *spatium*, *curriculum*, будучи несомнѣнно ассоціированы со словами вродѣ *via*, могли получить по аналогіи съ этими послѣдними значеніе nominis actionis. Въ свою очередь, аналогіей съ *curriculum* надо объяснять такое значеніе въ *reverticulum* (ср. у Апулея annua reverticula solis съ Цицероновымъ curricula solis et lunae). Столько же къ *via*, сколько къ *curriculum*, примыкаютъ далѣе *meaculum* («ходъ» у Марціана Капеллы), *remeaculum* и *demeaculum* (у Апулея *Met.* 6 p. 174: per famulorum tuorum draconum pinnata curricula... et illuminarum Proserpinae nuptiarum demeacula et luminosarum filiae inventionum remeacula—sc. deprecor).

Вообще, благодаря синтактическимъ сочетаніямъ, понятія «дорога» и «движеніе по ней» во многихъ случаяхъ обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ, хотя бы оно по происхожденію своему было исключительно nomen actionis. Напр., *гуляніе* обозначаетъ какъ процессъ прогулки, такъ и мѣсто для прогулки; *ходъ*=1) движеніе (*дѣлать что-либо на ходу*), 2) мѣсто движенія (*идти тѣмъ или другимъ ходомъ, черный ходъ*); оба значенія имѣетъ лат. *ambulatio*, собственно «процессъ хожденія»,—съ другой стороны ср. *ambulatio tecta*, *operta*; *ambulatiuncula*. Въ позднелат. языкѣ синонимомъ къ глаголу *ambulare* сдѣлался глаголъ *gestari*, получившій значеніе «двигаться, гулять»; сообразно съ этимъ, и *gestatio* получило, ко временамъ Плинія, значеніе «мѣсто прогулки» (hortum et gestationem videt, qua hortus includitur). Лат. *actus*, собственно nomen actionis, обозначаетъ также «выгонъ»; ср. далѣе *gradatio*, *descensus*, *aditus*, *meatus*, *transitus*, *transitio*, м. б. *iter* (iter facere, съ другой стороны iter munire; середину образуютъ обороты вродѣ in itinere, гдѣ *in* можно понять и въ мѣстномъ и во временномъ значеніи). Лат. nomen actionis *cursus* «бѣгъ» въ итальянскомъ языкѣ (*corso*) значитъ «улица» и мн. др. Въ греч. языкѣ можно указать, кромѣ выше разобранныхъ δρόμος и τρόχος, на ὁδός (οὗτοι ἐπειθ' ἁλίη ὁδὸς ἔσσεται *Od* 2, 273; но ὁδὸς ἁμαξιτός, ὁδὸς εἰς ἄστυ); м. б. κέλευθος (*Od.* I 195

δή γάρ μιν ἔφαντ' ἐπιδήμιον εἶναι σὸν πατέρ', ἀλλά νυ τόν γε θεοὶ βλάπτουσι κελεύθου; Aesch. *Pers.* 747: τὴν δ'ἐβούλευε κέλευθον ἀνύειν; съ другой стороны, κέλευθος употребляется въ смыслѣ «дорога»; ἔκδυσις, ἔκβασις — ср. ὁδός, εἴσοδος, ἔξοδος (у Геродота II 123 γ—ἔκδυσις является противоположеніемъ къ ἔσοδος), κατάφευξις, ὑπόδυσις, διάβασις (1) nom. actionis, 2) «мостъ») и мн. др. Изъ древне-инд. яз. можно указать *gatis gantus*, *srutis* «движеніе», но также «дорога». Изъ языка Авесты: *gao-yaotis* «выгонъ» (ср. *actus*), *pešus* «мостъ» (ср. διάβασις); ср. также нѣм. *Trift* «выгонъ», *Fuhrt* «переправа», *Gang* «ходьба», но напр., *ein bedeckter Gang*. Литовскій языкъ: *gelis*, *genestys* «выгонъ», *traktis* (*trauktis*) «движеніе, торговая улица» отъ *traukti* «двигать, тащить» (ср. лат. *tractus*) и т. д. и т. д. [1]).

Въ заключеніе этой главы я приведу еще одинъ примѣръ, показывающій, до какой степени необходима предварительная классификація изучаемыхъ словъ по тѣмъ сферамъ представленій, къ которымъ они принадлежатъ.

Возьмемъ слова *столъ*, *блюдо*, гр. τράπεζα, лат. *mensa*, *ferculum*, *poculum*, фр. *table*, *plat*, нѣм. *Tisch*, *Tafel*, *Schüssel* и др. Прежде чѣмъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію, остановимся на этимологіи лат. *mensa*, нѣм. *Tisch* и *Schüssel*. *Tisch* есть заимствованіе изъ лат. *-discus* (въ свою очередь заимствовано изъ греч.— δίσκος) «плоскій подносъ кругообразной формы». Въ германскихъ языкахъ это слово получило значеніе какъ «блюда», такъ и «стола»: старое значеніе «блюдо» сохранилось еще въ древне-

---

[1]) Для окончательнаго разъясненія nominum actionis, переходящихъ въ nomina loci, я отмѣчу еще одно синтактическое сочетаніе, благопріятствующее этому переходу. Дѣло въ томъ, что nomina actionis въ извѣстныхъ сочетаніяхъ (напр., съ глаголами *существовать*, *не существовать*, *давать*, *лишать*) пріобрѣтаютъ такой оттѣнокъ, котораго они не имѣютъ сами по себѣ, а именно они обозначаютъ въ этихъ сочетаніяхъ не столько процессъ дѣйствія, сколько возможность дѣйствія: ср. „предоставить кому-либо *выборъ*", αἵρεσις ἔστι μοι, testamenti *factionem* (права дѣлать) non habere, dare alicui *orationem* (право, возможность говорить), dare per agros urbesque suas *transitum* и пр. Но возможность „идти, двигаться", разсматриваемая конкретно, равносильна „пути, дорогѣ". Возьмемъ выраженіе *aditus ad templum non est:* его можно понять двояко—1) къ храму нѣтъ *доступа*, 2) къ храму нѣтъ *дороги*.

верхне-нѣм. *tisc*, англо-сакс. *disk* («Schüssel, Schale, Tisch»). Такимъ образомъ, древніе германцы не проводили строгаго различія между «блюдомъ» и «столомъ»—по причинамъ культурно-историческимъ: какъ «столъ», такъ и «блюдо» были въ сущности однимъ и тѣмъ же—доской, которая въ одномъ случаѣ имѣла ножки, въ другомъ—ихъ не имѣла. Указаннаго различія не проводили, какъ мы увидимъ, и другіе древніе народы. То же слово *discus* перешло и въ романскіе языки и здѣсь точно также допускало два значенія: итал. *desco* «столъ», прованс. *des*, древ. фр. *deis dois* также «столъ», но румынское *disc* значитъ «тарелка», «подносъ», «тазъ» (Körting Lat.-rom. Wörterb. № 2605, Kluge Etym. Wörterb. d. deutsch. Spr.[5] подъ *Tisch*). Ср. далѣе лат. *scutula* или *scutella* «плоское блюдо, плоская подставка подъ блюдо», которое, перешедши въ германскіе языки, также допускало два значенія: новонѣм. *Schüssel* значитъ «блюдо», но древне-сканд. *skutell* обозначаетъ не только «блюдо» но и «маленькій столъ» (Kluge, ibid. подъ *Schüssel*). Въ связи съ этимъ стоитъ, вѣроятно, и то обстоятельство, что готы, заимствовавъ изъ лат. языка *mensa* (въ формѣ *mes*), обозначали имъ одинаково какъ «блюдо», такъ и «столъ»: viljau ei mis gibais *ana mesa* haubiþ Iohannis (Marc. VI 25, cf. ibid. § 28)=θέλω ἵνα μοι δῷς ἐξαυτῆς ἐπὶ πίνακι τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου; jah *mesa* skattjane jah sitlans þize frabujandane ahakim usvaltida (Marc. XI 15)= καὶ τὰς τραπέζας τῶν κολλυβιστῶν καὶ τὰς καθέδρας τῶν πωλούντων τὰς περιστερὰς κατέστρεψε. Оба эти значенія *mes* перешли и въ славянскіе языки, которые заимствовали это слово, въ формѣ *миса*, у германцевъ: въ чешскомъ и русскомъ языкахъ слово это обозначаетъ «тарелка», но въ словинскомъ «столъ». Наконецъ приведу еще одинъ примѣръ, который показываетъ, что древніе народы не дѣлали различія между *столомъ* и *блюдомъ*: готскому biuþs «τράπεζα» соотвѣтствуетъ въ древне-скандинавскомъ *biodh* biodr «discus», «блюдо». Въ славянскихъ языкахъ, которыми было заимствовано у германцевъ это слово, оно имѣло также два значенія: ср. съ одной стороны наше *блюдо*, съ другой—лужицкіе *blido* Tisch, *bože blido* Gottestisch, Abendmahl, *za blidom sedźić* zu Tische setzen, *blidne towaŕstwo* Tischgesellschaft, *blidować* tafeln schmausen, *blidnik* Tischgast, *blidaŕ* Tischler и пр. (Pful Wendisch

Wörterb. p. 32). Эти соображенія даютъ намъ правильную точку зрѣнія на лат. *mensa*: это есть причастіе отъ *mētiri* «мѣрить»— съ подразумѣваемымъ *tabula*—«доска», и отсюда либо «блюдо», либо «столъ» [1]). *Tabula mensa*, въ виду этого, могло значить «опредѣленнаго размѣра столъ или блюдо», или «опредѣленнаго размѣра порція кушанья, лежащая на столѣ или на блюдѣ»; т. е. это было нѣчто въ родѣ греч. δαὶς εἴση: ср. лат. *metiri* въ такихъ выраженіяхъ, какъ metiri frumentum exercitui (Cic.), metiri vinum (Horat.). Отправляясь отъ *mensa tabula*, мы, кажется, поймемъ тотъ характерный фактъ, что въ классическомъ языкѣ столъ или лавка банкира обозначались либо черезъ *mensa*, либо черезъ *tabula*.

Приступая теперь къ семасіологическому разбору приведенныхъ въ началѣ этого экскурса словъ, отмѣтимъ, что всѣ они безъ исключенія допускаютъ метонимію: «то, что находится на столѣ или на блюдѣ». Ср. *постный, скоромный столъ*, *любимое блюдо* въ смыслѣ *любимое кушанье*, *обѣдъ изъ пяти блюдъ*. Для греч. τράπεζα (буквально «нѣчто, имѣющее четыре ножки») ср. Herod. I 162: Ἅρπαγον Ἀστυάγης ἀνόμῳ τραπέζῃ (мясомъ его ребенка) ἔδαισε; Plat. *Resp.* III 404 d: Συρακοσίαν δὲ τράπεζαν (кушанья) καὶ Σικελικὴν ποικιλίαν ὄψου, ὡς ἔοικας, οὐκ αἰνεῖς; ср. еще τράπεζα ψυχρά (о холодной закускѣ), πρῶται δεύτεραι τράπεζαι и др. Для лат. *mensa* ср. mensae farreae (родъ пирожковъ); primae, secundae mensae, напр. Ovid. *Med.* IX 92: tulit mensas, *felicia poma*, secundas. *Ferculum* собственно значило «то, въ чемъ или на чемъ несутъ»: носилки (для ношенія spolia opima и пр.), далѣе «подносъ», «блюдо», и затѣмъ съ обычной метониміей «кушанье», напр. Iuven. I 94: quis fercula septem secreto cenavit avus; Horat. *sat.* II 6 v. 104: multaque de magna superessent fercula cena. Лат. *poculum* значило «то̀ изъ чего пьютъ», «кубокъ», затѣмъ «то, что находится въ кубкѣ», напр. Verg. *Georg.* III 258: pocula sunt fontes liquidi; Horat. *epod.* V 37: exsecta uti medulla et aridum jecur amoris esset poculum. Ibid. XVII 79: possim crematos excitare mortuos desiderique temperare pocula

---

[1]) Объясненіе *mēnsa* изъ *mēnsa tabula* принадлежитъ, если не ошибаюсь, Іоганну Шмидту.

(cf. Hor. *carm.* I 20, 10; *temperare* болѣе умѣстно о жидкости). Такая же метонимія существуетъ и въ другихъ языкахъ: ср. *выпить рюмку водки* вмѣсто *выпить водку, находящуюся въ рюмкѣ* и пр. Для французскихъ *table* и *plat* можно указать слѣдующіе примѣры: tenir table; avoir la table et le logement chez quelqu'um; j'avais une table esquise; un plat de viande (мясное блюдо), un plat de légumes. Нѣмецкія *Tisch* и *Tafel* (примѣры изъ словаря Гримма): man hat da einen guten Tisch; er hat mir seinen Tisch angeboten; schreib mir, ob du ein Zimmer in Wandsbeck für mich miethen kannst, und wie viel der Tisch kostet; der truckene Tisch '«prandium sine vino».—Seine Neigung zu einer guten Tafel (Göthe). Unser Fürst gab grosse Tafel (Göthe). Freie Tafel haben, offene Tafel halten и пр. Ср. также *Nachtisch* «дессертъ». Укажу еще готское *biuþs* (этимологія неясна), съ одной стороны, въ сочетаніи undaro biuda (Marc. VII 28=ὑποκάτω τῆς τραπέζης), af biuda (Luc. XVI 21=ἀπὸ τῆς τραπέζης), съ другой стороны, въ выраженіи ni maguþ *biudis* fraujins *fairaihan* jabbiudis skohsle (1 Cor. X 21=οὐ δύνασθε τραπέζης Κυρίου μετέχειν καὶ τραπέζης δαιμονίων).

Благодаря этой метониміи, разобранныя слова приблизились по значенію къ словамъ *обѣдъ, кушанье*, δεῖπνον, *cena, promulsis, vinum; diner, repas, mets; Mahlzeit, Gericht.* Тѣ и другія слова стали оказывать вліяніе другъ на друга: по аналогіи съ выраженіями *выйти изъ за стола, сидѣть за столомъ* возникли выраженія *выйти изъ за обѣда, сидѣть за обѣдомъ*; или напр. латинское выраженіе *vina coronare* (Verg. *Aen.* I 724) возникло, очевидно, подъ вліяніемъ *coronare cratera* (id. *Georg.* II 528). Такого же происхожденія Тертулліановская метонимія *promulsis* въ смыслѣ «подносъ, блюдо» (*pall.* 5), вмѣсто *promulsidare* или *ferculum* и пр.

Съ другой стороны, подъ вліяніемъ словъ *обѣдъ, ужинъ*, слова *столъ, блюдо* могутъ употребляться какъ nomina actionis, причемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ такое употребленіе можетъ быть очень широкимъ: дѣло зависитъ отъ того, какую роль получаетъ въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ дифференціація. Для наглядности начнемъ съ русскаго языка. Составными частями *обѣда* или *ужина* являются *блюда* или *кушанья* (*жареное, пирожное* и т. п.); далѣе, *чай, кофе, завтракъ, обѣдъ, ужинъ* составляютъ совокупность всѣхъ

питательныхъ веществъ, принимаемыхъ человѣкомъ въ теченіе дня. Часть изъ этихъ словъ, будучи nomina actionis, обозначаетъ также отдѣльные моменты нашего времяпрепровожденія; по аналогіи съ ними, и другія слова, напр.: *чай*, *кофе*, *блюдо*, *кушанье* получаютъ новую функцію: ср. выраженія *послѣ чая* (=послѣ чаепитія) *я отправился гулять*; *выпить вина передъ вторымъ блюдомъ или послѣ него*; *приглашать кого-нибудь къ столу* (=*къ обѣду*; идея мебели здѣсь отсутствуетъ). Въ древне-русскомъ языкѣ были еще болѣе смѣлыя сочетанія, напр.: *и прилучися у царя въ то время на нищихъ столъ* (Дювернуа Матеріалы для словаря др.-русск. яз., ст. 201); ср. въ былинахъ: «И увидѣлъ Алешу Владиміръ князь, пошелъ во свѣтлы гридни, сажалъ за убраны столы, тутъ для Алеши и *столъ пошелъ*» (Кирша Даниловъ [2], стр. 193)=«Втапоры для Потока Михайлы Ивановича и *столъ пошелъ*» (ibid. 221). Тамъ же, стр. 280: «У того то князя Воротынскаго какъ и будетъ и почестный столъ». Не менѣе интересны примѣры, гдѣ *столъ* употребляется какъ синонимъ къ *столованье*, *пиръ*, *пированье*: «У царя у благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости» (ibid., 293). «Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ, что у ласкова, сударь, князя Владиміра, а и было пированье почестной пиръ, было столованье почестной столъ» (стр. 85). «А и будетъ день въ половину дня, княженецкій *столъ во полу столѣ*» (ibid.); ср.: «Будетъ день въ половина дня, будетъ *пиръ во полу пирѣ*» (стр. 123); еще лучше: «Будетъ пиръ во полу пирѣ, будетъ столъ во полу столѣ» (стр. 161). «А какъ *столъ отойдетъ*, и *по обѣдѣ* господинъ и гости потомужъ веселятся и пьютъ другъ про друга за здоровья, розъѣдутся по домомъ» (изъ Котошихина, Буслаевъ Истор. Хр. 1225). «И сидячи *за столомъ*, *за обѣдомъ*» (ibid. 1227.) «А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора цяса и поспѣть *ко столу* княженевскому и *къ тому обѣду* къ воскресенскому» (Арханг. былины, Буслаевъ ibid. 1562). «Еще *столъ идетъ* да во полу столѣ, еще пиръ идетъ да во полу пирѣ» (ibid. 1571).

Что касается греч. τράπεζα, то я не могу привести вполнѣ ясныхъ примѣровъ его употребленія какъ nomen actionis; впрочемъ довольно характерно выраженіе μετέχειν τραπέζης въ процитированномъ нами отрывкѣ изъ 1-го Посланія къ Коринѳянамъ: вообще говоря, мы находимъ при μετέχειν и κοινωνεῖν въ каче-

ствѣ дополненія — nomen actionis, и данное выраженіе напоминаетъ собою какое нибудь μετέχειν τῆς ἑορτῆς (Xenoph. *Anab.* V 3 § 9), κοινωνεῖν τῆς σιτήσεως (у Динарха). Интересно было бы знать, какъ возникло русское выраженіе *во время трапезы*: есть ли это буквальный переводъ съ греческаго (византійской эпохи), или же это оборотъ, развившійся на русской почвѣ? Въ новогреч. языкѣ τραπέζη неизвѣстно въ подобныхъ сочетаніяхъ, но это можетъ не служить доказательствомъ противнаго: ср. исторію нашего *стола*.

Гораздо лучше обстоитъ дѣло съ латинскими словами. Для *mensa* мы имѣемъ очень хорошіе примѣры изъ Курція и Флора: Bessus circumferri merum largius jubet, debellaturus *super mensam* (во время обѣда) Alexandrum (Curt. VII 4 § 7); ср. у него же *super cenam* (VI 11 § 27, VIII 12 § 7), *super vinum* et *epulas* (VIII 4 § 30). Flor. IV 2 § 69: *super mensam et pocula* [1]) Кстати, изъ этихъ примѣровъ видно, что *poculum*, получивъ сходное значеніе съ *vinum*, прошло съ нимъ одинаковую исторію, т. е. наравнѣ съ нимъ могло употребляться какъ nomen actionis. Изъ болѣе ранней эпохи мы имѣемъ для *poculum* очень хорошій примѣръ у Цицерона *Phil.* II 25 § 63: si inter cenam *in* ipsis tuis immanibus illis *poculis* hoc tibi accidisset, quis non turpe duceret? Здѣсь это *in*, особенно въ виду inter cenam, приходится понимать въ темпоральномъ значеніи и, слѣдовательно, разсматривать *poculum* какъ nomen actionis.—Аналогіей со стороны *poculum* объясняется позднѣйшее *potaculum* или, лучше сказать, plur. *potacula* «пьянство, бражничество» (Tertull. *apol.* 39, *res carn.* 4).

Что касается *vinum*, то оно еще раньше приняло значеніе nominis actionis. Ср. Plaut. *Aul.* 793: ego me injuriam fecisse filiae fateor tuae, *per vinum* atque impulsu adulescentiae. Id. *Mil.* 631: neque *per vinum* umquam ex me exoritur discidium in convivio. Terent. *Haut.* 567: vel heri *in vino* (во время попойки) quam immodestus fuisti. Catull. 50, 6: uterque nostrum ludebat numero modo hoc modo illoc, reddens mutua *per iocum* atque *vinum*. Id. 12: Marrucine Asini, manu sinistra non belle uteris *in ioco*

---

[1]) *Super* съ accus. въ позднемъ народномъ языкѣ приняло значеніе „въ теченіе, во время“. Ср. еще Stat. *Theb.* I. 676: non super hos Divum tibi sum quaerendus honores (ты не долженъ распрашивать меня во время приношенія мною жертвы богамъ).

atque *vino*. Cicer. *Ac. pr.* II 16 § 51: quae fieri solere concedimus sive in quiete, sive *per vinum*, sive per insaniam. Horat. *carm.* I, 18, 5: quis *post vina* gravem militiam aut pauperiem crepat? (Ср. *sat.* II 40, 60: *post vinum; ep.* I, 7, 28: *inter vina* въ смыслѣ inter bibendum) и мн. др. Для полноты латинскаго отдѣла можно еще указать *cibus* «хлѣбъ», слово первоначально конкретное, но въ позднемъ языкѣ (напр., у Светонія) употреблявшееся, судя по сочетанію *cibus meridianus* (обѣдъ въ полдень), какъ nomen actionis [1]). Но гораздо интереснѣе остановиться на тѣхъ характерныхъ семасіологическихъ явленіяхъ, которыя могутъ быть поняты, главнымъ образомъ, въ связи съ исторіей *vinum*. Съ *vinum* находилось въ нѣкоторой ассоціаціи *lustrum*, слово конкретное, но точно также сдѣлавшееся nomen actionis: ср. *vino lustrisque confectus* «истощенный пьянствомъ и распутной жизнью»; еще лучше Cicer. *pro Caelio* 23 § 57: quis enim hoc non videt, judices, aut quis ignorat, in eius modi domo, in qua... *lustra*, libidines, luxuries, omnia denique inaudita vitia ac flagitia versentur, hic servos non esse servos? Переходной ступенью къ отвлеченному значенію могли быть обороты, въ родѣ is apud scortum *corruptelae* et *liberis lustris* studet (Plaut. *Asin.* 5, 2, 17) и пр.

Во вторыхъ, установивши, что *vinum* еще съ древней эпохи выработало значеніе nominis actionis, мы поймемъ особенности въ значеніи нѣкоторыхъ прилагательныхъ, на—*ōsus*. Тѣ изъ этихъ прилагательныхъ, которыя были образованы отъ nomina actionis, обозначали не только то, что субъектъ надѣленъ извѣстной дѣятельностью, но и то, что онъ склоненъ къ ней: *perfidiosus* «склонный къ измѣнѣ», *sumptuosus* «склонный къ издержкамъ, расточительный». Точно также и *vinosus* (еще у Плавта *Curc.* 79), поскольку оно относилось къ *vinum* «пьянство», значило «склонный къ пьянству». По аналогіи съ *vinosus*, такой же оттѣнокъ значенія имѣютъ *mulierosus* (уже у Плавта *Poen.* 1303 и др.), *virosus* (у Луцилія, Афранія) и, по аналогіи съ этими послѣдними, позднее *puerosus*. Дѣло въ томъ, что въ извѣстныхъ оборотахъ мысли *vinum*, *viri*, *mulieres* могли быть синонимами, т. е. могли одинаково разсматриваться какъ объекты наслажденія.

---

[1]) Ср. Paul.-Fest. Th. d. Pon. 279: *meridianum cibum* cenam appellabant.

Это отступленіе прервало первоначальный ходъ мысли, и намъ приходится напомнить читателямъ, что слова, обозначавшія нѣкоторые предметы столовой утвари, благодаря метонимическому значенію («то, что находится на столѣ, на блюдѣ и пр.») ассоціировались со словами «обѣдъ, ужинъ» и, по аналогіи съ этими послѣдними, сами могли употребляться, какъ nomina actionis. Во французскомъ языкѣ мнѣ мало извѣстно подобное употребленіе,— если не считать выраженій admettre quelqu'un *à la table* и т. п.

Зато въ нѣмецкомъ языкѣ такое употребленіе словъ *Tafel*, *Tisch* чрезвычайно распространено. Кромѣ выраженія zur Abendtafel ziehen, zur Tafel rufen, ср. особенно: über Tisch, über Tafel (во время обѣда: ср. den ganzen Tag *über* и лат. super mensam); ich wil uns nun her schaffen viel bessern Wein (als den getrunkenen Tischwein) *nach dem Tisch* («послѣ обѣда»—Kaufringer). *Nach Tische* (послѣ обѣда) komme ich selbst (Göthe). Er sollte *vor Tische* ein wenig spazieren gehen. — Es ist eine Torheit die Danksagung Gott *vor* und *noch dem Tische* underlossen (Keisersberg). Sie sung *vor der Tafel* (передъ обѣдомъ) eine Arie.—Das Gespräch schlich *während der Tafel* nur mühsam hin... Wohin die Königin *nach der Tafel* sich begiebt и пр. и пр.

Все предыдущее изложеніе, можно надѣяться, убѣдило читателя въ томъ, до какой степени важна предварительная классификація семасіологическаго матеріала по тѣмъ сферамъ представленій, къ которымъ относится этотъ матеріалъ. Послѣдній примѣръ, а также примѣры изъ юридическаго языка наводятъ на мысль, что спеціальные жаргоны (Klassensprachen) у всѣхъ народовъ имѣютъ болѣе или менѣе сходный синтаксисъ, и остается только пожелать, чтобы въ этомъ направленіи были произведены тщательные изслѣдованія. Но въ ожиданіи подобныхъ изслѣдованій можно рекомендовать темы, болѣе исполнимыя и отчасти уже исполненныя: 1) какую семасіологическую судьбу имѣетъ въ различныхъ языкахъ слово, соотвѣтствующее такому-то понятію; 2) какъ выражается въ различныхъ языкахъ такое-то понятіе.

Что касается перваго пункта, то мы уже обратили вниманіе на статью Freund'а (Verhandl. der 7. Versammlung deutsche Philologen). Съ этой же точки зрѣнія очень интересенъ экскурс

въ статьѣ Фреде Zur homerischen Wortforschung (Bezzenbergers Beiträge XX, Hft. 3—4, pp. 185—228) по поводу αὔτως «напрасно»: сопоставляя это слово съ αὔσιος (изъ * αὔτιος) и съ нѣмецкимъ *öde*, авторъ съ основаніемъ замѣчаетъ, что переходъ отъ значенія «пустынный» къ значенію «напрасный, ничтожный» — очень легокъ и наблюдается во многихъ языкахъ: ср. κενός, *cassus*, *inanis*; прибавимъ *vacuus* (напр. Tacit. *h.* I 30: si respublica ac populus *vacua* nomina sunt), русское *пустой*, *по-пусту*.

Ко второму пункту относится новая, очень интересная работа Бругмана Die Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen (Leipzig, 1894). Не входя въ ея подробности, обратимъ вниманіе хотя бы на ту ея часть, въ которой показано, какъ понятіе «весь, цѣлый», вырабатывалось въ различныхъ индо-евр. языкахъ изъ понятія «цѣльный, неповрежденный». Примѣры: *integer* (букв. «нетронутый»—въ родствѣ съ глаголомъ *tango*) въ выраженіи *integer annus* и въ романскихъ языкахъ (фр. *entier*, ит. *intero* и пр.); др. инд. *sarvas* (гр. ὅλος «весь») при сущ. *sarvatāti*—«благополучіе, здоровье»; др. инд. *an-ūna-s*—отъ *an* (не) + *ūna-s* «тотъ, кому чего-либо недостаетъ»; нѣм. *heil* (въ діалектахъ) при основномъ значеніи «здоровый»; ст.-слав. цѣлъ (родственно съ *heil*); ирл. *slán* при основномъ значеніи «здоровый»; латышское *wessels* «здоровый» (-напр. *wessela āda* «здоровая кожа»), «цѣлый» (*wessela glāse* «цѣлый стаканъ», *wessels gads* «integer annus, «цѣлый годъ») и др.—Очень большой матеріалъ для подобнаго рода работъ даетъ нѣмецкій указатель къ латино-романскому словарю Кертинга. Наконецъ, не могу не упомянуть объ очень хорошей по мысли и по богатству матеріала (къ сожалѣнію, не всегда строго провѣреннаго) брошюрѣ Энгельберта Шнейдера Ueber der Ausdruck der Gefühle (Mainz, 1892, progr.—во многихъ пунктахъ эта брошюра соприкасается съ извѣстной книгой Бехтеля Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen, 1879). Основное содержаніе этой брошюры слѣдующее: люди могли говорить о своихъ чувствахъ только метафорами; эти метафоры распадаются въ общемъ на два класса: 1) вмѣсто ощущенія—въ языкѣ обозначается внѣшній симптомъ, съ которымъ ощущеніе связано, или наглядное дѣйствіе, въ которомъ ощущеніе обнару-

живается; 2) вмѣсто ощущенія — въ языкѣ выражается причи ощущенія. Примѣры первой категоріи довольно многочислев φοβέομαι φέβομαι «пугаюсь» собственно значитъ (еще у Гоме «бѣгу»; чувство стыдливости обозначается по внѣшнему симптом краскѣ на лицѣ: лат. *rubor* значитъ не только «краснота», но «стыдъ» (Cic. *de or.* II 59, 242: praestet idem ingenuitatem et borem suum); нѣм. über etwas erröten=sich schämen. Чувство висти въ латинскомъ языкѣ обозначается, между прочимъ, с вами *livere* и *livor*, первоначальное значеніе которыхъ «быть ленымъ», «зеленый цвѣтъ» и мн. др. Къ примѣрамъ второй тегоріи относятся лат. *labor* «работа» и отсюда результатъ «утомленіе, страданіе», нѣм. *Elend* «горе» собственно значи «чужая земля, чужбина» и мн. др.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

На стр. 32 мы сказали, что сложныя и производныя сло надо строго отличать отъ словъ первичныхъ. Во введеніи бы приведенъ примѣръ, изъ котораго видно, что новообразова по аналогіи, распространяясь на несложныя слова, не задѣва словъ сложныхъ: таково *Rauchwerk* при *rauh* (стр. 8). То самое наблюдается и въ семасіологіи: нѣмецкій глаголъ *schreck* значившій нѣкогда «скакать, прыгать», теперь имѣетъ значе «пугать»; но это новое значеніе не распространяется на слож *Heuschrecke* »стрекоза» (Kluge Wörterb.[5] подъ *Schreck*). Р нымъ образомъ, сопоставляя глаголъ сложный съ соотвѣтств щимъ несложнымъ, мы часто рискуемъ уравнять двѣ величи неравныя. Возьмемъ κλώθω и ἐπικλώθω: несложный глаголъ, переносномъ значеніи (о паркахъ, прядущихъ нить судьбы; еще τὰ κλωσθέντα «судьба, участь», безъ упоминанія о парк у Платона *legg.* XII 960 c.), всегда сохраняетъ значеніе осн ное «прясть»; между тѣмъ какъ ἐπικλώθω извѣстно только переносномъ употребленіи (о паркахъ и о богахъ, предрѣш щихъ судьбу человѣка—уже у Гомера *Il.* 24,525 и очень ча въ Одиссеѣ). Совершенно такая же разница наблюдается и ме

ω и ἐπινέω. Возьмемъ примѣръ еще болѣе характерный: ἐπι-λλω въ смыслѣ «поручаю, приказываю» (τινί τι) совершенно дѣлилось отъ τέλλω, которое имѣло основнымъ значеніемъ, видимому, «приводить въ движеніе», intr. «приходить въ дви-ніе» (ср. περι-τέλλομαι «вращаюсь», напр. ἔτεος περιτελλομέ-υ Od. 11, 295 и др.; ἀνατέλλω «produco»: ἀμβροσίην ἀνέτειλεν ποις Il. 5,777; ὕδωρ Pind. I. 5,72. Διόνυσον ἀνέτειλας id. I, 6, 5 произведеніи на свѣтъ Діониса); «восхожу» о солнцѣ и пр.). риблизительно такая же разница наблюдается въ ἵημι и ἐφίημι ь смыслѣ «позволяю», «поручаю» (напр. Il. 23, 82: ἄλλο δέ ι ἐρέω καὶ ἐφήσομαι), отчасти въ σκήπτω (между прочимъ, устремляюсь», напр. Aesch. *Ag.* 293: λίμνην δ'ὑπὲρ Γοργῶπιν κηψεν φάος, также transitiv. Eur. *Med.* 1333: τὸν σὸν ἀλάστορ' εἰς ι' ἔσκηψαν θεοί) и ἐπισκήπτω (напр. Soph. *Oed. R.* 252: ὑμῖν ὑντα ταῦτ' ἐπισκήπτω τελεῖν). Отсюда сама собой вытекаетъ необ-одимость сопоставлять сложное съ сложнымъ (въ данномъ случаѣ ικλώθω съ ἐπινέω, ἐπιτέλλω съ ἐφίημι и ἐπισκήπτω). И дѣйстви-льно, если мы возьмемъ рядъ синонимическихъ глаголовъ, юженныхъ съ однимъ и тѣмъ же предлогомъ, то мы увидимъ, го этотъ предлогъ сообщаетъ всѣмъ этимъ глаголамъ тотъ же мый оттѣнокъ. Напр. предлогъ ἐπί въ сложеніи съ глаголами *ука* придаетъ имъ оттѣнокъ согласія съ дѣйствіемъ, непосред-венно передъ тѣмъ состоявшимся. Изъ гомеровскаго языка жно привести слѣдующіе примѣры: 1) ἐπ-αινέω, Il. 4, 29: τοι πάντες ἐπαινέομεν θεοὶ ἄλλοι; ср. особ. Il. 18, 412 (Ἕκτορι). адо впрочемъ оговориться, что самый глаголъ αἰνέω требуетъ имательнаго разбора. Этимологія его неизвѣстна; что касается аченія, то онъ рано, уже у Гомера, получилъ оттѣнокъ «про-авлять, хвалить». Но первоначальнымъ значеніемъ его (ср. пр. Soph. *Phil.* 1380: ὦ δεινὸν αἶνον αἰνέσας) было несомнѣнно ворить, разсказывать». Это отчасти видно изъ конструкціи ινεῖν τινι, отчасти изъ одного мѣста Одиссеи, именно: ὦ γέρον, ος μὲν ἀμύμων, ὃν κατέλεξας, οὐδέ τί πω παρὰ μοῖραν ἔπος ιερδὲς ἔειπες (14, 508). Хотя комментаторы и говорятъ, что vorhergehende Rede kulminiert in dem Lobe des Odysseus, ıако, уже въ виду καταλέγω, лучше принимать αἶνος въ смыслѣ ıзсказъ». Еще яснѣе παρ-αινέω τινί: и по конструкціи и по

значенію (<утѣшаю, ободряю, совѣтую>) этотъ сложный глаголъ вполнѣ напоминаетъ παρα-μυθέομαι, παρ-αυδάω (Od. 11, 488: μή δή μοι θάνατόν γε παραύδα), παρά-φημι (Il. 1, 577: μητρὶ δ'ἐγὼ παράφημι... πατρὶ φίλῳ ἐπὶ ἦρα φέρειν Διί), παρεῖπον (ср. имена παράφασις, παράρρητος); по значенію къ παραινέω подходитъ также παρηγορέω.—Итакъ, αἰνέω значило <разсказывать, говорить>, между прочимъ, <разсказывать, говорить о комъ>, а отсюда легко могло выработаться значеніе <прославлять кого>. Тоже надо сказать и объ αἶνος: это, вѣроятно, было vox media вродѣ κλέος, которое, между прочимъ, значило <слово, вѣсть, разсказъ>,—отсюда <слава> (въ томъ и другомъ значеніи).—Возвращаемся къ глаголамъ, сложнымъ съ ἐπί: 2) ἐπι-στενάχομαι, напр. Il. 4, 154: τοῖς δὲ βαρὺ στενάχων μετέφη κρείων Ἀγαμέμνων, χειρὸς ἔχων Μενέλαον· ἐπεστενάχοντο δ' ἑταῖροι (въ знакъ сочувствія). 3) ἐπ-ευφημέω, напр. Il. 1, 22: ἔνθ' ἄλλοι μὲν πάντες ἐπευφήμησαν Ἀχαιοί... 4) ἐπ-ιάχω, напр. Il. 7, 403: ὣς ἔφαθ', οἳ δ' ἄρα πάντες ἐπίαχον υἷες Ἀχαιῶν. 5) ἐπ-ηπύω, Il. 18, 502: λαοὶ δ' ἀμφοτέροισιν ἐπήπυον. 6) ἐπι-κελαδέω, Il. 8, 542: ὣς Ἕκτωρ ἀγόρευ', ἐπὶ δὲ Τρῶες κελάδησαν. 7) ἐπι-γδουπέω, Il. 11, 45: τῆλε δὲ χαλκὸς ἀπ' αὐτόφιν οὐρανὸν εἴσω λάμπ', ἐπὶ δ' ἐγδούπησαν Ἀθηναίη τε καὶ Ἥρη. 8) ἐπι-ληκέω, Od. 8, 379:... κοῦροι δ' ἐπελήκεον ἄλλοι (въ тактъ).

Изъ болѣе поздняго языка можно привести: ἐπίφημι въ смыслѣ <одобрять> (у Эмпедокла); ἐπιβοήσεις καὶ κρότοι (Plut. *Arat.* 23); ἐπιφωνέω: по Гарпократіону—народное выраженіе вм. ἐπισημαίνεσθαι и ἐπαινεῖν; ἐπιθορυβέω (εὐμενῶς—Xen. *Hell.* II 3 § 50); ἐπιρροθέω, Eur. *Hec.* 553: λαοὶ δ' ἐπερρόθησαν (въ знакъ сочувствія); ἐπισημαίνω, Aesch. II 49: ἐπισημαινόμενον τὸν δῆμον καὶ δεδεγμένον τοὺς παρ' ἐμοῦ λόγους; ἐπισημειόω <апплодировать> (у Плутарха *Apophthegm. lac.* p. 243); ἐπικροτέω (τὼ χεῖρε или абсолютно); ἐπιψοφέω (поздн.)—тоже [1]).

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, до какой степени раціонально сопоставлять сложные глаголы не съ соотвѣтствующими простыми, но съ глаголами синонимическими и притомъ сложенными съ тѣмъ же самымъ предлогомъ. Мало того, не оставляя пока пред-

---

[1]) Глаголы ἐπιθορυβέω и ἐπιρροθέω, ἐπισημαίνομαι (въ позднемъ языкѣ) могутъ обозначать также „шумъ, какъ знакъ неудовольствія".

лога ἐπί въ сторонѣ, мы убѣдимся, что въ сложеніи съ глаголами онъ объединяетъ такіе глаголы, которые въ простомъ видѣ другъ съ другомъ не ассоціируются. Такъ, вышеупомянутый оттѣнокъ одобренія, согласія получаютъ глаголы: 1) ἐπι-νεύω, напр. Il. 15, 75: ἐμῷ δ' ἐπένευσα κάρητι, ἤματι τῷ, ὅτ' ἐμεῖο θεὰ Θέτις ἥψατο γουνῶν λισσομένη τιμῆσαι Ἀχιλλέα πτολίπορθον. 2) ἐπι-πταίρω, Od. 17, 545: οὐχ ὁράᾳς ὅ μοι υἱὸς ἐπέπταρε πᾶσι ἔπεσσιν; 3) ἐπι-μύω (Aristoph. *Vesp*. 934) «закрывать ротъ въ знакъ согласія» и пр. Ср. экскурсъ въ одной изъ статей Θ. Е. Корша (Фил. Обозр. VII 2, крит. отд., 193) о *reserare*, *resignare* и *recludere* по поводу Horat. *carm*. I 24, 17 [1]).

---

[1]) Позволю себѣ дополнить соображенія почтеннаго автора однимъ параллельнымъ мѣстомъ изъ Проперція, которое бросаетъ свѣтъ на Гораціевское non lenis precibus *fata recludere*:

Tu modo, dum licet, o fructum ne desere vitae.
Omnia si dederis oscula, pauca dabis.
Ac veluti folia arentes liquere corollas,
Quae passim calathis strata natare vides,
Sic nobis, qui nunc magnum spiramus amantes,
Forsitan *includet* crastina *fata* dies (II 15, vv. 49—54).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приложеніе принципа ассоціаціи словъ, сходныхъ или противоположныхъ по значенію, къ морфологическимъ категоріямъ.

Еще во введеніи намъ приходилось говорить о томъ, что въ извѣстной морфологической группѣ словъ съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ наблюдаются, кромѣ общаго значенія для всѣхъ словъ этой группы, нѣкоторые спеціальные оттѣнки значенія. При этомъ опытъ показываетъ, что не каждое слово этой группы можетъ совмѣщать въ себѣ всѣ эти оттѣнки; наоборотъ, извѣстный оттѣнокъ значенія принадлежитъ только опредѣленному разряду словъ, связанныхъ между собою сходствомъ или противоположностью въ значеніи своихъ корневыхъ частей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

§ 1. *Латинскія существительныя на tā, tāt(i), tūt(i).* Эти существительныя какъ въ латинскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ обозначаютъ свойства, качества предметовъ (подробности у Бругмана Grundriss II §§ 80 и 102); но часть ихъ допускаетъ также собирательное значеніе, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, развивается при довольно опредѣленныхъ условіяхъ. Древнѣйшими латинскими примѣрами этого собирательнаго значенія являются *juventus* въ смыслѣ «молодежь, молодые люди» (напр. juventus attica у Плавта *Men.* 1), *affinitas* въ смыслѣ «свояки, родственники» (у него же въ *Trinumm.* 702: patriam deseras, cognatos, adfinitatem, amicos), *sodalitas* (у него же *Most.* 1126: nunc ego de sodalitate solus sum orator datus, qui a patre ejus conciliarem pacem). Эти существительныя произведены отъ субстантивированныхъ прилагательныхъ. Всѣ собирательныя имена съ тѣмъ же самымъ суффиксомъ изъ болѣе поздняго періода латинскаго языка—либо синонимы къ тремъ приведеннымъ словамъ либо образованы точно также отъ конкретныхъ существительныхъ или субстантивирован-

ныхъ прилагательныхъ. Таковы: *senectus* (semper agens aliquid, у Цицерона); *antiquitas* (въ см. antiqui) и по аналогіи съ нимъ *vetustas* (sic credidit alta vetustas у Силія) и *aetas* (въ см. «поколѣніе»); *gentilitas* (въ смыслѣ gentiles у Варрона и Плинія); *civitas* (напр. Helvetia); *servitus* (въ смыслѣ servi, у Горація *carm.* I 8, 18: servitus crescit nova); *nobilitas* (=nobiles «знать»); *societas* (=socii, напр. societas Bithynica, magister societatis); *vicinitas* (=vicini, напр. у Саллюстія: dum vicinitatem armis exornat, или у Цицерона: signum quod erat notum vicinitati); *familiaritas* =familiares, напр. у Тацита *ann.* XV 50: e praecipua familiaritate Neronis); *captivitas* (=captivi, у него же *ann.* XI 23: nisi coetus alienigenarum, velut captivitas, inferatur in curiam); *pubertas* (=puberes, opp. *cani*, у Валерія Максима); *mortalitas* (=mortales «человѣчество» у Плинія и др.); *humanitas* (=humani «человѣчество» у Апулея и др.); въ позднѣйшемъ языкѣ также *rusticitas* въ смыслѣ rustici; *virginitas* (=virgines, напр. adulta virginitas, у Тертулліана); *propinquitas* (=propinqui, у него же); *germanitas* «братья» и, вѣроятно, по аналогіи съ нимъ, *fraternitas* «братья» (оба слова извѣстны въ этомъ значеніи у Кипріана); *popularitas* въ смыслѣ «населеніе» у Тертулліана. Наконецъ, можно отмѣтить еще *paupertas* и *mendicitas*, которыя, повидимому, могли употребляться какъ собирательныя существительныя; для перваго ср. Plaut. *Aul.* II 2, 19: neque illo quicquamst alter hodie ex paupertate (=ex pauperibus) parcior; для второго ср. Cicer. *Vat.* 9, 23: e mendicitate (=e mendicis) emergere.

При такихъ же условіяхъ происходилъ переходъ соотвѣтствующихъ существительныхъ въ собирательныя—въ др.-индійскомъ языкѣ: ср. *bandhutā* «родство» въ см. «родственники» (отъ *bandhu-s* «родственникъ»), *devatā* (*ti-s*) «собраніе боговъ» (отъ *devas* «богъ»), *ǵanatā* «общество, народъ, человѣчество» (отъ *ǵana-s* «человѣкъ»).

Въ греческомъ языкѣ существительныя на -της, gen. -τητος, вообще говоря, оставались абстрактными, за исключеніемъ такихъ рѣдкихъ случаевъ, какъ νεότης въ смыслѣ «молодежь»; эти существительныя, какъ и въ другихъ языкахъ, соприкасались по значенію съ нѣкоторыми существительными на -ἱα, и, вѣроятно, между обоими классами именъ произошла диффеɾенціація, въ силу которой собирательное значеніе стало развиваться въ греч. языкѣ

главнымъ образомъ у именъ на *-iā*: ср. приведенныя (на стр. 14) *ὁμηλικίη*, *συγγένεια*, также *ἡλικία*, *θεραπεία*, *ὑπηρεσία*, *ἑταιρία* и др.

Славянскихъ существительныхъ на *-tā* я пока не буду изслѣдовать, такъ какъ у меня недостаетъ матеріала главнымъ образомъ по исторіи этихъ именъ въ славянскихъ языкахъ. Кое гдѣ наблюдается такой же процессъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ: ср. малороссійскія *бидота* въ смыслѣ «бѣдняки», *жонота* въ см. «жёны», *дивота* = «дѣвушки» и пр. (Miklosich II p. 165). Въ русскомъ языкѣ эти имена, повидимому, диффренцировались со сходными по значенію именами на *-ство*, при чемъ собирательное значеніе—при такихъ же условіяхъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ,—развивается главнымъ образомъ у этихъ послѣднихъ: ср. *братство*, *товарищество*, *гражданство*, *человѣчество*, *духовенство* и *священство*, *папство*, *правительство*, *студенчество*, *крестьянство*, *дворянство* и мн. др.

Во всѣхъ выше приведенныхъ случаяхъ мы имѣли дѣло съ индо-европейскими суффиксами, первоначальное значеніе которыхъ приходится лишь возстановлять путемъ сравненія соотвѣтствующихъ именныхъ категорій въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ. Но вышеизложенныя соображенія мы легко можемъ провѣрить на одномъ примѣрѣ, гдѣ первоначальное значеніе суффикса вполнѣ ясно. Мы имѣемъ въ виду нѣмецкія существительныя, обозначающія свойство,—на *-schaft*, *-keit*, *-heit*. Эти *-schaft*, *-keit*, *-heit* лишь въ новонѣмецкомъ языкѣ обратились въ суффиксы, но нѣкогда это были самостоятельныя слова, значившія «свойство» и т. п.; ср. напр. Kluge Etymol. Wörterb. der deutsch. Sprache[5], p. 163: «*heit*. Fem.-Suffix für Abstraktbildungen in den westgerm. Dialekten; eigtl. ein selbständiges Wort: mhd. *heit*. F. «Art und Weise, Beschaffenheit», ahd. *heit*. M. F. «persona, sexus, Rang Stand», angls. *hád*. M. «Stand, Geschlecht, Art und Weise, Eigenschaft», got. *haidus* M. «Art und Weise»... Часть существительныхъ на *-heit*, *-keit*, *-schaft* имѣетъ, какъ извѣстно, собирательно значеніе, которое появляется въ томъ случаѣ, когда имена на *-heit* и пр. произведены или отъ конкретныхъ существительныхъ или отъ субстантивированныхъ прилагательныхъ. Древнѣйшими примѣрами могутъ служить: др. верхне-нѣм. *liut-scaf* «natio» средне-верхне-нѣм. *heidenschaft* «die Sarazenen und ihr Land» (об

имѣра взяты у Бругмана Grundriss II p. 434); у Лютера и › простонародномъ языкѣ извѣстно коллективное значеніе для *reundschaft*; изъ современнаго языка можно привести: *Geistlichkeit* «духовенство», *Christenheit* въ смыслѣ «христіане», *Menschheit* іеловѣчество», *Dienerschaft* «прислуга», *Herrschaft* «господа» апр. ist ihre Herrschaft zu Hause?), *Bürgerschaft*, *Bauernschaft* :рестьянство», *Studentenschaft*, *Nachbarschaft*, *Bekanntschaft*, *Verwandtschaft*, *Gesellschaft*, *Genossenschaft*, *Gesandtschaft*, *Mannschaft* кипажъ корабля) и мн. др. Если не ошибаюсь, коллективное ачение развивается преимущественно у именъ на *-schaft*: это ъясняется, вѣроятно, дифференціаціей между конкуррирующими ффиксами *-schaft* съ одной стороны и *-heit*, *-keit* съ другой.

§ 2. *Причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога и mina agentis.* Обѣ эти сферы довольно тѣсно соприкасаются угъ съ другомъ, и потому переходъ одной изъ нихъ въ другую едставляетъ собою явленіе, хорошо извѣстное изъ различныхъ до-европейскихъ языковъ. Такъ, съ одной стороны, еще въ индороп. эпоху субстантивировались слѣдующія причастія: д. инд. *rant-* «ломкій, старый»: гр. γέρων; сюда далѣе относятся названія :уба»: д. и. *dant-*, *dat-*, гр. ὀδούς, ὀδών, лат. *dens*, лит. *dant-ì-s*, т. *tunþ-us* (инд. евр. **dont*, **dant*—Brugmann Grundr. II 373). ь другой стороны, повидимому, еще въ индоевроп. эпоху въ mina agentis на *-tor*, *-ter* различались двѣ формы, изъ которыхъ на была преимущественно партиципіальной (д. инд. *vásūni dā́tā* ona dans»), другая преимущественно субстантивной (*vasūnām tā́* «bonorum dator» – Brugmann ibid. 355). Далѣе, извѣстно, о въ древне-индійскомъ nomina agentis входили въ составъ ожной формы будущаго времени, напр. *bhavitāsmi*; сходное явле- › представляетъ лат. *datūrus sum* и пр.

Но при всей близости обѣихъ сферъ, переходъ извѣстнаго іени изъ одной сферы въ другую, естественно, сопровождается вымъ семасіологическимъ оттѣнкомъ, который въ этомъ имени рабатывается; а именно, если причастіе обращается въ nomen entis, то оно теряетъ оттѣнокъ ограниченія извѣстнаго дѣйвія во времени и обозначаетъ либо постоянное произведеніе

этого дѣйствія либо наклонность къ нему. Весьма важно при этомъ, что самый переходъ причастій въ nomina agentis происходитъ въ *опредѣленномъ направленіи*, т. е. распространяется только на нѣкоторыя опредѣленныя причастія съ опредѣленнымъ значеніемъ. Это видно отчасти изъ греческаго и латинскаго языковъ, но главнымъ образомъ изъ нѣкоторыхъ германскихъ нарѣчій.

Такъ, при ἑκών ср. ἄκων (ср. лат. *libens*), при χρείων ср. μέδων и прямо-противоположное по значенію θεράπων; позднѣе, по той же аналогіи—οἱ ἄρχοντες; въ юридич. яз. ὁ φεύγων при ὁ διώκων. Если иногда условія перехода и не совсѣмъ ясны, то по меньшей мѣрѣ можно указать аналогичный переходъ въ родственныхъ языкахъ; напр. параллелью къ греч. эпитету солнца φαέθων могутъ служить лат. *oriens*, *occidens* также о солнцѣ; или напр. параллелью къ названіямъ животныхъ, каково напр. δράκων, является лат. *serpens* и м. б. также общее названіе животныхъ *animans* [1]).

Латинскія субстантивированныя причастія также распадаются на группы такихъ именъ, которыя связаны между собою по значенію: напр. *potens* (ср. гр. χρείων, д. инд. *bhavant-* «господинъ» и различныя нѣмецкія обозначенія того же понятія, какъ напр. гот. *allwandans* «всемогущій» и пр.—см. ниже) хорошо ассоціируется съ прямо-противоположнымъ *cliens*, а въ другомъ значеніи съ *valens*; ср. далѣе *sons* (у Цицерона: punire sontes) при insons (у Саллюстія: insontes sicut sontes circumvenire); наконецъ, очень хорошимъ примѣромъ взаимной ассоціаціи могутъ служить *infans* (отъ *fari*) и *adulescens* (прецедентъ для этого перехода данъ еще въ индоевроп. **geront-*), къ которымъ, можетъ быть, примыкаетъ *parens* и т. д.

Что касается германскихъ языковъ, то я попытаюсь разработать матеріалъ, собранный у Зюттерлина Geschichte der Nomina agentis im Germanischen 1887 pp. 20 sq. Еще въ обще-

---

[1]) Впрочемъ θεράπων при θεράπαινα (ср. τέκτων: τέκταινα) и δράκων при δράκαινα (ср. еще λέαινα при лат. *leō*, *leōnis* и греч. λέων, λέοντος) были, вѣрнѣе всего, первоначальными nomina agentis съ основой на *-n-*.

германскую эпоху субстантивировались два причастія, обозначавшія «друга» и «врага»: гот. *friônds*, др. сакс. *friunt*, анг. сакс. *freónd* и др.; гот. *fijands*, англ. сакс. *feónd*, др. сакс. *fiunt* и др. Мимоходомъ отмѣтимъ, что такой же переходъ наблюдается и въ др. ирл. прич. *cara*, *care* «другъ» (Brugmann Gr. II 377). «Къ древнему времени восходитъ также», говоритъ Зюттерлинъ (ibid. 21), «др. норв. *hǫfundr* «Richter, Hauptmann», gen. *hǫfundar*, какъ это позволяетъ заключить видъ окончанія и флексія». Далѣе Зюттерлинъ приводитъ такія субстантивированныя причастія, которыя извѣстны изъ нѣскольких діалектовъ. Въ виду важности этого небольшого перечня, я позволю себѣ процитировать его in extenso:

got. *allwaldans* «Allmächtiger», *gardawaldands* «Hausherr», ags. *wealdend* «imperator», as. *alowaldand*, *sakwaldand* «Gegner», ahd. *allswaldande*, ahd. *waltant*.

got. *nasjands* «Heiland», ags. *nergiend;* vgl. ahd. *nerrendeo*.

ags. *âgend* «Besitzer«, an. *eigande*.

ags. *bûend* «Bauer», *neáhbûend* «Nachbar», *anbûend* «Ansiedler», engl. in *husband* «Gatte», an. *búande bonde* «freier Grundbesitzer; vgl. as. *erðbûandi* «Erdbewohner», mnd. *bunde*, *bunne* «freier Bauer».

ags. *wîgend* «Kämpfer», as. *wîgand*, afr. *wîgand*, ahd. mhd. *wîgand*.

ags. *hǣlend* «Heiland», as. *hêliand*, ahd. mhd. *heilant*.

ags. *brimlîðend* «Seefahrer», as. *wâglîdand* «Schiffer»,

Присматриваясь къ этому перечню, мы видимъ, что имена, входящія въ его составъ, представляютъ собою, по большей части, новое выраженіе уже знакомыхъ намъ понятій. Такъ, параллелью къ обще-германскому *fijand-* «врагъ» является др. сакс. *sakwaldand* «противникъ», а также англо-саксонск. *wîgend* «борецъ» и др. Идея «властителя», «владѣльца» (ср. an. *hǫfundr* и выше приведенныя имена изъ санскритскаго и греческаго языковъ) выражается черезъ гот. *allwaldands* и др., др. сканд. *búande* и др., англ. с. *âgend* и др.; идея «друга» находитъ себѣ выраженіе въ двухъ эпитетахъ Христа: гот. *nasjands* и др. англосакс. *haêlend* и др. «Спаситель». Особнякомъ стоитъ англ.-сакс.

brimlīþend и др. «морякъ». О сложныхъ съ **-bûend* надо замѣтить, что въ нихъ развиваются, подъ вліяніемъ предлоговъ, значенія «житель, сосѣдъ».

Всѣ эти примѣры, можетъ быть, такъ же, какъ обще-герм. **frīōnd-*, *fijand-*, восходятъ къ обще-германской эпохѣ; въ такомъ случаѣ, пришлось бы констатировать для самого прагерманскаго языка значительное вліяніе ассоціативной аналогіи на переходъ причастій въ nomina agentis. Но если разобранный перечень именъ и не восходитъ къ общегерманской эпохѣ, то дѣйствіе ассоціаціи уже очевидно въ несомнѣнныхъ общегерманскихъ примѣрахъ *frīōnd-* и *fijand-* (два прямо-противоположныхъ понятія).

Изъ отдѣльныхъ діалектовъ мы обратимся, прежде всего, къ готскому языку. Встрѣчавшіяся раньше понятія нашли здѣсь свое новое выраженіе въ *fraujinonds* «Herrscher», *fraweitands* «Rächer», м. б. *bisitands* «Umwohner» (ср. ags. *neáhbûend* и др.). Остальными субстантивированными причастіями обозначаются дальнѣйшіе эпитеты Христа и Іоанна Крестителя: *gibands* «Geber», *talzijands* «Lehrer», *midumonds* «Vermittler» (всѣ три о Христѣ), *daupjands* «Täufer», *merjands* «Verkündiger» объ Іоаннѣ). Готскіе примѣры взяты мною изъ той же книги Зюттерлина (21—22); изъ древнесаксонскаго онъ приводитъ: *lêriand* «Lehrer», vgl. ags. *ǣlǣrend* «Gesetzeslehrer», *helmberand* «Krieger», *râdand* «Rater», ср. ags. *rǣdend* «Berater». Изъ этихъ словъ *helmberand* родственно по значенію съ англо-сакс. *wîgend* «Kampfer» и др.; идея «учителя» выражается сходнымъ образомъ и въ другихъ германскихъ нарѣчіяхъ; для идеи «совѣтника» сходныя выраженія существуютъ въ англосаксонскомъ нарѣчіи, къ которому мы вскорѣ и перейдемъ. Болѣе опредѣленныя заключенія объ этихъ древнесаксонскихъ примѣрахъ трудно сдѣлать какъ въ виду ихъ крайней малочисленности, такъ и въ виду того, что Зюттерлинъ не привелъ тѣхъ сочетаній, въ которыхъ они засвидѣтельствованы. Переходимъ теперь къ англосаксонскому языку, изъ поэтической и прозаической литературы котораго Зюттерлинъ цитируетъ цѣлыхъ 100 примѣровъ (pp. 22—24) изучаемаго нами явленія. Такое богатство матеріала позволяетъ намъ съ бо́льшей увѣренностью, чѣмъ до сихъ поръ, выдвинуть роль аналогіи въ переходѣ причастій въ nomina agentis. Именно

бо́льшая часть этихъ примѣровъ распадается на слѣдующія группы:

Идея «врага»: *hettend*, *wiðerfeohtend* «Feind», *êhtend* «Verfolger», *wrecend* «ultor», *scǣððend* «latro», *drǣfend* «Treiber, Jäger» (м. б. сюда же относится *spyrjend* «investigator»), *lǣwend* «proditor», *lettend* «impeditor». Идея «борца»: *guð-fremmend* «Kampfer», съ которымъ далѣе ассоціируются названія воиновъ различнаго оружія: *rîdend* «Reiter», *sceótend* «Schütze».

Идея «врага» выражается далѣе такимъ словомъ, какъ *werjend* «Neider», и нѣсколькими юридическими терминами: *hyspend* «calumniator», *bêcnend* и *tácnend* «index» (два послѣднихъ примыкаютъ къ *secgend* «relator»), *teónd* «accusator». Къ юридической же сферѣ (понятно, что слова, принадлежащія къ одной и той же сферѣ представленій, болѣе или менѣе ассоціируются другъ съ другомъ—см. объ этомъ въ предъидущей главѣ) относятся: *lǣnend* и *borgjend* «faenerator», *gyltend* «debitor», *seðend* «stipulatorem», *borrhend* «fideijussor», *dêmend* «Richter»; изъ родственной государственно-правовой сферы засвидѣтельствованы: *dihtend* «dispensator», *edgildend* «renumerator», *bannend* «concionator».

Идея «друга», «спасителя», «помощника», «благодѣтеля»: *ðeccend*, *scyldend*, *werjend* «Beschützer», *helpend*, *geócend* «Helfer», *fultumjend* «adjutor», *alŷsend* «Erlöser», *freólsjend* «liberator»; *gôddônd* «Wohlthäter», *sellend* «Spender»; *feormend* «purgator», «wer aus Gastfreundschaft Speise reicht».

Это послѣднее слово въ своемъ первомъ значеніи ассоціируется съ *belâdigend* «purgator»; противоположны по значенію: *forlihtigend* «incestator», *wemmend* «scortator», *forlicgend* «adulter»; въ свою очередь эти слова связаны съ *lufjend* «amator», *forlǣdend* «seductor», *forspanend* и *forspennend* «leno».

Идея «начальника», «руководителя», «наставника» (въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ): *bebeódend* «imperator», *gŷmend* «gubernator», *wissjend* «rector», *reccend* «Lenker, Leiter», *rihtend*, *ferjend* «Führer», *ǣlǣrend* «Gesetzeslehrer», *rǣdend* «Berater», *ðeahtend* «consiliarius«, *bodiend* «hortator», *wrêhtend* «instigator», *bǣdend* «impulsor», *stihtend* «Anstifter», м. б. *tihtend* «incentor».

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, бо́льшую часть англо-

саксонскихъ именъ; можно отмѣтить еще напр. *bûgjend* ‹incola› (ср. ags. *anbûend* и др.); что касается остальныхъ именъ, то напр. *rôrend* ‹Ruderer›, съ одной стороны, ассоціируется съ такими словами, какъ *gýmend* ‹gubernator›, съ другой стороны, съ *fêrend* ‹Wanderer, Schiffer›; или напр. при *werjend* ‹Neider› ср. *onhýrgend* ‹aemulator›, ‹zelotypus›; другія слова также могутъ быть сведены къ небольшой группѣ понятій: напр. *onfônd*, *unðerfylgend* ‹susceptor›, *costnigend* ‹tentator›; *settend* ‹Setzer, Gründer›, *sceppend* (ср. ahd. *scepfant*) «Schöpfer», *metend* ‹Messer, Schöpfer›, *staðoljend* ‹fundator›; *healdend* ‹Wächter›, *forsewend* ‹provisor, speculator›, (ср. *sceáwend* ‹is qui aspicit›) *embwlâtend* ‹catascopus, inspector›.

Незначительное количество прочихъ именъ не такъ легко разлагается на большія группы, но это, вѣроятно, неважно: можно думать, что благодаря массѣ прецедентовъ суффиксъ *-end* въ концѣ концовъ сталъ въ англосаксонскомъ языкѣ суффиксомъ *nominum agentis* и, слѣдовательно, въ позднюю эпоху языка могъ присоединяться къ любому глагольному корню; но первоначальный процессъ несомнѣнно заключался въ субстантивированіи причастій, которое при этомъ происходило въ опредѣленномъ направленіи.

Изъ остальныхъ германскихъ языковъ можно сказать нѣсколько словъ о древне-скандинавскомъ (altnordisch). Здѣсь встрѣчаются, во первыхъ, уже знакомыя намъ понятія: *hatendr* ‹hostes›, *hefnendr* ‹ultores›, *domendr* ‹judices›, *haldendr* ‹qui tenent›; во вторыхъ, мы находимъ субстантивированіе причастій въ опредѣленныхъ, другъ съ другомъ синонимическихъ, сочетаніяхъ: напр. *hljótendr* (*sverðs*) «potitores, gestatores (gladii)», *hring- sverð- berendr* ‹gestores anulorum, gladii›, (*randar linna*) *rogendr* ‹gestores gladiorum›; *hýrbíðendr* ‹ignem accipientes›, *hýrtaelendr* ‹ignem consumentes› и пр. (Примѣры изъ Зюттерлина, 25—26).

§ 3. *Nomina agentis и nomina instrumenti.* Эти двѣ сферы, подобно предъидущимъ, также довольно близко соприкасаются другъ съ другомъ. Уже изъ современныхъ языковъ видно, что не только nomina agentis могутъ употребляться въ качествѣ nomina instru-

menti, но и наоборотъ, имена съ инструментальными суффиксами могутъ быть прилагаемы къ обозначенію одушевленныхъ предметовъ; примѣрами послѣдняго рода особенно богатъ русскій яз: *объѣдало*, *опивало*, *подлипало*, *громила*, *прижимала*, *запѣвала* и мн. др.

Но переходъ именъ изъ одной сферы въ другую совершается въ опредѣленномъ семасіологическомъ направленіи, какъ это особенно покажетъ исторія греческихъ nomina agentis. Въ самомъ дѣлѣ, въ греческомъ языкѣ имена, оканчивающіяся на -τήρ (отчасти -τωρ), -ων и εύς, (т. е. съ формальной стороны, nomina agentis)—могли употребляться для обозначенія, во первыхъ, членовъ тѣла, во вторыхъ, хозяйственныхъ принадлежностей; при этомъ, чѣмъ шире развивалось хозяйство домашнее и государственное, тѣмъ болѣе возрастало и число подобныхъ именъ. Исторія этого постепеннаго превращенія суффикса nominum agentis въ суффиксъ инструментальный интересна въ томъ отношеніи, что она показываетъ съ полной очевидностью, какъ почти каждый новый единичный переходъ изъ одной категоріи въ другую стоитъ въ связи съ аналогичными прецедентами въ предшествующемъ періодѣ языка.

Прежде чѣмъ обратиться къ отдѣльнымъ примѣрамъ, мы отмѣтимъ, что индо-европейскимъ (какъ, вѣроятно, и другимъ) народамъ вообще очень свойственно представленіе о частяхъ тѣла, какъ объ орудіяхъ соотвѣтствующихъ дѣйствій. Выборъ именъ съ инструментальными суффиксами для обозначенія частей тѣла начался еще въ индо-европейскую эпоху и продолжается до сихъ въ исторіи отдѣльныхъ языковъ.

Индо-европейскими примѣрами могутъ служить:

Гр. θη-λή «женская грудь», др. в. нѣм. *tila*, др. ирл. *del*.

Лат. *āla*, д. верхне-нѣм. *ahsala* «плечо», авест. *zaf-ra* n. «ротъ, пасть», др. сакс. *kaf-l*, англ. сакс. *ceafl* «Kiefer der Thiere».

Гр. κεφαλή при κέβλη—д. в. нѣм. *gebal* «Schädel, Kopf», гот. съ инымъ значеніемъ *gib-la* «Zinne, Giebel» (Примѣры изъ Brugmann'a Grdr. II 188, 190) и др.

Примѣры изъ отдѣльныхъ языковъ:

Др.-инд. *bharítram* «рука» (отъ *bhar* «носить»), *čarítram* «нога» (*čar* «ходить»), *çrotram* «ухо» (*çru* «слышать»), *daṣṭrā* «зубъ» (*daç* «кусать»).

Лат. яз. *māla*, (щека), *maxilla* (челюсть), *mandibula* (челюст *veretrum* (половыя части), *vertebra* (суставъ).

Лит. слав.: лит. *gy-sla* «жила» ст. сл. **жила** лит. *ůslýs* «нос *ůslė̃* «ноздри» отъ *ůdžiu*, «нюхаю».

Ст. сл. [1]) **грьло и жрѣло** «горло», **рыло, тѣло, урѣсла.**

Ново-слов. *bilo* «артерія» (Schlagader), *zrklo, zrkalo* «глазн яблоко», *prdalo* «задъ», *poscalo* «penis bovis», *slišalo* «ухо».

Сербск. *стопало* «нога», *пьевало* «горло».

Русск. *ѣдало* «челюсть», *зевало, зевло, нюхало, чихало* и п

Этотъ нѣсколько длинный экскурсъ мы ввели для того, что показать, что названія частей тѣла могутъ передаваться чере nomina agentis на общемъ основаніи съ остальными и нами, обозначающими орудіе дѣйствія. Началась ли еще индо-европейскую эпоху передача названій частей тѣла чере nomina agentis,—это рѣшить трудно за недостаткомъ достов ныхъ примѣровъ. Можно только сослаться на индо-европейск обозначеніе «зуба» черезъ причастіе, перешедшее уже въ само индо-европейскомъ языкѣ въ nomen agentis; равнымъ образом м. б., не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, ч нѣкоторымъ названіямъ частей тѣла еще въ индо-европейск эпоху былъ присвоенъ (правда, главнымъ образомъ, во втори номъ употребленіи) суффиксъ, который собственно употребля для образованія nominum agentis,—именно суффиксъ *-en—*: с д. инд. *mūrdh-án*—m., англо-сакс. *mold-a* m. (Brugmann Grund II 326) «голова». Къ сожалѣнію, однако, этимологія этого сло неизвѣстна.

На почвѣ отдѣльныхъ языковъ этотъ процессъ лучше засв дѣтельствованъ: ср. напр. лат. *index* «указат. палецъ», *pode mordex* (о зубахъ); или напр. въ простонародномъ нѣмецком языкѣ «носъ» называется «нюхальщикомъ» (Riecher), между тѣ какъ русскій назвалъ бы его скорѣе «нюхаломъ» или «чихаломъ

Изъ греческаго языка можно указать: οἱ τομεῖς «зубы рѣзцы οἱ γνώμονες или οἱ φραστῆρες «зубы, по которымъ узнаютъ во растъ животныхъ» (Poll. I 182: γνώμων γὰρ λέγεται ὁ ἀποπίπτ

---

[1]) Эти и нижеслѣдующіе примѣры для славянскихъ языковъ взяты изъ Миклошича Vergleich. Stammbildungslehre der slav. Sprachen 1875, стр. 92—101.

ὀδούς, τῆς ἡλικίας ὢν γνωριστικός), κραντήρ «послѣдній зубъ», κριτήρ «зубъ мудрости», ῥαίστωρ· κραντήρ Hesych., καμπτήρ «суставъ», μυκτήρ «носъ, ноздри» (у Геродота II 86: μυξωτήρ), προμυκτήρ «das äusserste Ende der Schnauze» (см. словарь Pape), φαγόνες· σιαγόνες, γνάθοι Hesych. (ср. у него же ῥαιστήρ· σφῦρα σιδηρᾶ μονοκέφαλος· τινὲς δὲ σιαγόνα), οὐρητήρ «мочевой каналъ» при οὐρήθρα; κρεμαστήρ на ряду съ значеніемъ nominis agentis употребляется въ медицинскомъ языкѣ какъ названіе мускула, поддерживающаго тестикулы; σφιγκτήρ (общеизвѣстный мускулъ); διαζωστήρ, στροφεύς, ἐπιστροφεύς (позвонки—см. Poll. II 130, 131, 179); ἀγκτῆρες· οἱ ἐν τῷ τραχήλῳ τόποι, δι' ὧν ἄγχεσθαι συμβαίνει Hesych.; πρηστῆρες «вены на шеѣ, которыя надуваются во время гнѣва» (Poll. II 134) и пр.

Обращаемся теперь къ категоріи названій орудій въ собственномъ смыслѣ слова. Обозначеніе этихъ названій черезъ nomina agentis свойственно, конечно, не одному только греческому языку: ср. др.-инд. *se-tār*—«цѣпь, оковы», ново-нѣм. *träger* (какъ nomen agentis и какъ nom. instrumenti), *halter*, лат. *runcō* «заступъ», *index* въ смыслѣ «пробный камень» (Ovid. *Met.* 2, 706), *ligō* «кирка», *pīsō* «ступка», д. верхн. нѣм. *meizil* «Meissel» (зубило), *sluzzil* «schlüssel», *slegil* «schlägel» и т. д. (Brugmann Grdr. II § 150, p. 432). Можетъ быть, еще въ индо-европейскомъ языкѣ уже существовали обозначенія нѣкоторыхъ орудій черезъ nomina agentis: тáкъ, по крайней мѣрѣ, можно думать въ виду родства лат. *pālus* съ греч. πάσσαλος [1]). Во всякомъ случаѣ, ни въ одномъ языкѣ это обозначеніе не приняло такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ греческомъ.

Примѣры изъ гомеровской эпохи:

κλιντήρ «ложе»; два названія винныхъ сосудовъ: κρητήρ и ἀμφορεύς; λαμπτήρ; нѣсколько обозначеній различнаго рода перевязи: ζωστήρ поясъ, ἀορτήρ (синонимъ τελαμών), ὀχεύς (но ἡνιοχεύς—nomen agentis) «средство держать что-либо», отсюда a) ремень, которымъ подвязывался шлемъ, b) пряжка на поясѣ, c) засовъ, ко-

---

[1]) Brugmann Grundr. II 192: „*pālus pālum* aus * *pac-slo*—oder * *pāc-slo*—zu *pacīscor*, W. *pāk*—„befestigen"; vgl. gr. πάσσαλος „Pflock, Nagel" wie von einem Präsens * πάσσω, aus * πακ-ιω (vgl. πήσσω), und daher dem nhd. *deckel* von *decken*=aisl. θ*ekja* vergleichlich".

торымъ запиралась дверь;—наконецъ деноминативное *βοεύς* (въ Одиссеѣ); *ῥαιστήρ* «молотокъ», съ не совсѣмъ понятнымъ переходомъ въ женскій родъ (*κρατερήν* Il. 18, 477; Зенодотъ читалъ, впрочемъ, *κρατερόν*), *σαυρωτήρ* «нижній конецъ копья, который могъ втыкаться къ землю»; наконецъ, можетъ быть, *ῥυτήρ* въ смыслѣ «ремень» (Iliad. 16, 475).

Примѣры изъ болѣе поздней эпохи.

Названія для разнаго рода сосудовъ: *ποτήρ* «чаша» Eur. *Alc.* 756 (при nomen agentis *οἰνοποτήρ*), *χοεύς*—извѣстная мѣра жидкихъ тѣлъ; *ῥάστωρ· κρατήρ* Hesych., *ἐπιχυτήρ* «чаша, кубокъ», *ὑποχυτήρ* и *ἐπαρυστήρ* «подливатель, которымъ наливаютъ въ лампу масло» (оба слова имѣютъ отношеніе къ *λαμπτήρ*); *λουτήρ* (Poll. VII 167: *τὸ ὕδωρ τοῦ λουτροῦ λούτριον, ἡ δὲ νέα κωμῳδία καὶ λουτῆρα λέγει*), *νιπτήρ* (Ev. Io. 13 § 5: *βάλλει ὕδωρ εἰς τὸν νιπτῆρα*), *ποδανιπτήρ* (впервые у Геродота II 172 при болѣе древнемъ *ποδάνιπτρον* Od. 19, 504 и 343), *τριπτήρ* (Poll. VII 151: *ὁ κρατὴρ εἰς ὃν ἀπορρεῖ τοῦ ἐλαίου τὸ πιεζόμενον—τριπτήρ*), *τρυπητήρ* «пробуравленный сосудъ» (math.), *ἀμολγεύς* «подойникъ» (такъ переводитъ Гесихій ѳессалійское *πελλαντήρ*), *ψυκτήρ* (повидимому, сосудъ для охлажденія вина, — ср. впрочемъ Poll. VI 99: *ὁ δὲ ψυκτὴρ πολυθρύλητος, ὃν καὶ δῖνον ἐκάλουν ἐν ᾧ ἄκρατος*), *ὑλιστήρ* (Poll. VI 19: *ὅτῳ διηθεῖται ὁ οἶνος—ὑλιστὴρ καὶ σάκος καὶ τρύγοιπος*), *ἑψητήρ*—между прочимъ, «котелъ», *ποδιστήρ*—въ позднемъ языкѣ, повидимому, «котелъ на трехъ ножкахъ», *πυρεύς* — родъ сосуда, въ точности неизвѣстнаго, *θερμαντήρ* (подъ *τὰ μαγείρου σκεύη* у Poll. VI 89).

Мало по малу мы подошли къ кухоннымъ принадлежностямъ, изъ которыхъ назовемъ еще слѣдующія: *ἀρυτήρ* «ложка», *ἐξαυστήρ* «вилка» (отъ *ἐξαύω=ἐξαιρέω*), *μακτήρ* «квашня» («*κάρδοπος*» Hesych., при *μάκτρα*), *δευτήρ* (Poll. X 105: *δευτήρ, κοινὸν ἀρτοποιῷ καὶ μαγείρῳ σκεῦος, ἀπὸ τοῦ δεύειν ὠνομασμένον*); *πνιγεύς* (схоліастъ къ Arist. *nub.* 97: *ἔνθα οἱ ἄνθρακες ἔχονται καὶ πνίγονται*).

Одежды и наряды (ср. у Гомера *ζωστήρ* и *ὀχεύς*): *χαλυπτήρ* (со временъ Аристотеля, при древнемъ *καλύπτρη*), *ἐνδυτήρ*, *σφιγτήρ· χιτών. Ταραντῖνοι* Hesych. (изъ другихъ источниковъ извѣстно значеніе «лента»), *ἀρτήρ* «родъ сапогъ», *ἑλικτήρ* «серьги, браслеты».

Перевязи, ремни, веревки: ἀγωγεύς (также nomen agentis) у Soph. *fr.* 801; ἄκτωρ· ὁ ἀγωγεύς, ἱμάς, σχοινίον Hesych.; συναγκτήρ «родъ пояса», ἀναγωγεύς и σφαιρωτήρ—виды сапожныхъ ремней; ῥομφεῖς· ἱμάντες οἷς ῥάπτεται τὰ ὑποδήματα Hesych.; ἑλκυστήρ (такъ переведено ῥυτήρ въ схоліяхъ къ Иліадѣ 16, 475), μασχαλιστήρ· ὁ διὰ τῶν μασχαλῶν δεσμὸς τοῦ ὑποζυγίου (но у Геродота I 215 такъ названъ головной уборъ); ζευκτῆρες· ἱμαντόδεσμοι Hesych. (но ζεύκτειρα, эпитетъ Афродиты, nomen agentis); ἐπιζευκτήρ· σειρά Hesych.; χιλωτήρ· τὸ τοῖς ὑποζυγίοις ἀπὸ κορυφῆς ἐξαρτώμενον, ἐν ᾧ ἡ τροφή Hesych.; συμβολεύς· ἁλιευτικὸν σκεῦος, περὶ ὃ τὰ λίνα πλέκουσι Hesych.; χερμαστήρ (также nomen agentis) «кожа пращи, откуда выбрасывались камни»; τροπωτήρ «кожаный ремень, которымъ прикрѣплялись весла къ лодкѣ»; ἀγκτήρ—родъ повязки.—Орудія ремеслъ (ср. гомер. ῥαιστήρ): τομεύς «сапожный ножъ», κνηστήρ и ξυστήρ (при ξύστρα, ξύστρον) «скобель», πρίων и πριστήρ «пила», ψηκτήρ (при ψήκτρα) «скребница», κοπεύς и κολαπτήρ «зубило», γλυφεύς «рѣзецъ», τορεύς (Poll. VII 192: τὸ φρεωρύχων ἐργαλεῖον παρὰ Φιλυλλίου καλεῖται τορεύς), χαρακτήρ «чеканъ», σημαντήρ «печать» (при древнемъ σήμαντρον), γνώμων (также nomen agentis) «отвѣсъ» (Richtschnur).

Съ ὀχεύς (въ его основномъ значеніи «средство держать что-либо») ассоціируются ἀναφορεύς (каждый инструментъ, на который что-либо вѣшаютъ и носятъ) и σηκωτήρ· ὁ ἀναφορεὺς τοῦ ζυγοῦ Hesych.; а послѣдняго нельзя отдѣлить отъ στατήρ. Въ болѣе спеціальномъ значеніи «засовъ», къ ὀχεύς примыкаютъ κατοχεύς (πυλάων, у Каллимаха), ἐπισπαστήρ (Herod. VI 96), στρεπτήρ (Arist. *Thesm.* 487).

Отсюда мы подходимъ къ названіямъ частей жилища: у Гомера уже есть κλιντήρ «постель»; въ болѣе позднемъ языкѣ— στεγαστήρ «черепица», деноминативное κλιμακτήρ «лѣстница», βατήρ «порогъ», στρωτήρ (этимъ именемъ, повидимому, обозначались діагонально расположенныя балки, на которыхъ укрѣплялась крыша; см. Poll. X 173: ἀλλὰ μὴν τῷ στεγαστῆρι ὀρόφῳ προσήκοιεν ἂν καὶ οἱ στρωτῆρες καὶ τὰ καλυμμάτια· ἄμφω δὲ ἐν Ἀριστοφάνους Βαβυλωνίοις· «πόσους ἔχει στρωτῆρας ἀνδρῶν οὑτοσί;»).

Остается отмѣтить названія нѣкоторыхъ медицинскихъ и иныхъ

инструментовъ, а также нѣкоторые термины морского дѣла: διαστολεύς «хирургическій инструментъ для открыванія закрытыхъ ранъ», διωστήρ «инструментъ для проталкиванія чего либо насквозь», ἑλκυστήρ—«родъ акушерскихъ щипцовъ», καθετήρ и κατοπτήρ (также nomen agentis) «зондъ», κλυστήρ и ἐνετήρ «клистирная трубка», καυτήρ «прижигало», περιξυστήρ «хирургическій инструментъ для очищенія костей», ἐξυμενιστήρ «ножъ для отдѣленія кожи отъ мяса».

Морскіе термины, кромѣ вышеупомянутаго τροπωτήρ: εὐθυντήρ «весло», ἐπιστατήρ· τὸ στόμα τῆς νεώς Hesych., κωπητῆρες «боковыя стѣны корабля, къ которымъ придѣлывались весла», οἱ νομέες «ребра корабля» (Herod. I 194, II 96); τερθρωτήρ· ὅπου ὁ πρωρεὺς προορᾷ τὰ ἐν τῇ θαλάσσῃ Hesych.; τροχαντῆρες· πρὸς τὰ πηδάλια· καλεῖται τῆς πρύμνης μέρος Hesych. и пр.

Въ дополненіе къ этому длинному списку можно прибавить διοπτήρ у Свиды въ смыслѣ διόπτρα, ψαλτήρ въ смыслѣ «струнный инструментъ», ἀρεστήρ (Poll. VI 67) «пирогъ для умилостивленія божества», букв. «умилостивитель», затѣмъ «умилостивляющее средство».

Что касается особенностей въ значеніи нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ именъ, то я буду разбирать ихъ въ слѣдующей главѣ, въ связи съ первоначальными nomina instrumenti.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Имена съ инструментальными суффиксами.

ь инструментальными суффиксами мы разумѣемъ суффик-
· *trā, tlo- tlā* (въ латинскомъ, въ литовскомъ и латыш-
языкахъ этотъ второй видъ суффикса является въ фор-
klā-; въ отдѣльныхъ именахъ латинскаго языка, по дисси-
klo- обращается въ *kro-*, напр. *lavācrum*); въ отдѣльныхъ
ъ, и притомъ европейскихъ, рядомъ съ *tro-* и *tlā* извѣстенъ,
гого, суффиксъ *dhro- dhrā*, *dhlo- dhlā* (гр. θρο- θλο-, лат.
- съ разновидностью *-bulo-*); наконецъ, къ инструменталь-
уффиксамъ относится *lo- lā* (подробности см. въ спеціаль-
очиненіи Остгофа Forschungen im gebiete der indoger-
ıen nominalen stammbildung I, Jena 1875 и у Бругма-
ndriss der vergl. Grammatik II §§ 62, 76 и 77). Имена,
анныя при помощи этихъ суффиксовъ, обозначаютъ глав-
бразомъ орудіе того дѣйствія, которое выражено глагольной
ı, входящей въ ихъ первую часть; затѣмъ, они могутъ
ıать мѣсто дѣйствія, процессъ и результатъ дѣйствія.
озникли эти разнообразные оттѣнки значенія? Можно ли
одить, какъ это обыкновенно дѣлается, на сходство на-
ıредставленій объ орудіи, мѣстѣ, процессѣ и результатѣ
ı? Что касается локальнаго значенія данныхъ именъ, то
нечно, легко выводится изъ значенія инструментальнаго,
акъ мѣсто дѣйствія можетъ служить средствомъ къ его
енію; за то относительно третьяго и четвертаго оттѣнка
ı приходится рѣшительно сказать, что они вообще говоря
тъ быть непосредственно выведены изъ основного инстру-
наго. Поэтому мы должны указать, какіе факторы вы-
ıодобнаго рода семасіологическія измѣненія.

§ 1. *Переходъ инструментальныхъ именъ въ nomina acti.* Одно изъ объясненій этого семасіологическаго перехода предложено было Остгофомъ (Forschungen im gebiete der indogermanischen nominalen stammbildung p. 136): «Gar nicht weit entfernt sich auch von der ursprünglichen function der gebrauch des (instrumentalen) suffixes, dass es das nomen acti bezeichnet, also in einen passivischen begriff übergeht. Dass mit einem gegenstande eine tätigkeit vorgenommen wird, wobei er sich in passivischem zustande befindet, und dass bei nur wenig verändertem standpunkte des anschauenden derselbe gegenstand als mittel zum ausfüren der tätigkeit erscheint, dis sind offenbar zwei ganz nahe an einander grenzende anschauungsweisen. Ob ich also beispilhalber *sae-culum* «sat» als etwas, das gesät wird, oder als ding, mittel zum säen, skr. *dā-tra-m*=griech. δαιτρόν «portion» als zugeteiltes oder als gegenstand zum verteilen, skr. *kr̥nta-tra-m* «abschnitzel» als etwas, das abgeschnitten wird oder als ding zum abschneiden ansehe, ob ich ferner ἐνδυ-τήρ mit Curtius de nomin. graecorum format. p. 34. übersetze durch τὸ ἐνδυόμενον oder vilmer gemäss unserer vorhin darüber geäusserten auffassung etwa durch ὄργανον τοῦ ἐνδύεσθαι: das alles ist im grunde gleich zulässig und läuft im wesentlichen auf dasselbe hinaus. Am richtigsten übersetzt man wol, um den inhalt eines solchen wortes passivisch zu umschreiben, wenigstens wenn es einem darum zu tun ist, dem durch das suffix ausgedrückten ursprünglichen sinne möglichst nahe zu kommen, durch das lateinische gerundivum; also *saeculum subligaculum jaculum* nicht=id quod seritur, subligatur, jacitur, auch nicht=id quod satum est, subligatum est, jactum est, sondern vilmer=id quod serendum, subligandum, jacendum est. Denn bei der übertragung ins deutsche lässt sich alsdann die doppelstellung zwischen passivischem und instrumentalem sinne sofort durchfülen: ein ding, das «zu säen, vorzubinden, zu werfen ist» sagt etwa gerade so vil als «zum säen, zum vorbinden, zum werfen dient».

Сущность этого разсужденія сводится къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ: 1) какое-нибудь ἐνδυτήρ есть ὄργανον τοῦ ἐνδύεσθαι, есть средство къ выполненію извѣстнаго дѣйствія (въ данномъ случаѣ, дѣйствія «одѣваться»); 2) переходъ отъ понятія «орудія» къ понятію «результата дѣйствія, этимъ орудіемъ вызваннаго», объясняется близостью воззрѣній на то и другое.

Задумано это разсужденіе очень хорошо, но дѣла оно не объясняетъ, скорѣе даже отсрочиваетъ его объясненіе. Несомнѣнно a priori, что близость воззрѣній сама по себѣ способна привести къ семасіологическому взаимодѣйствію относящихся къ этимъ воззрѣніямъ словъ. Но дѣйствительно ли воззрѣніе на орудіе близко соприкасается съ воззрѣніемъ на дѣйствіе, имъ производимое? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія указаній языка. Какъ показываетъ уже греческій языкъ, большинство подобныхъ семасіологическихъ переходовъ принадлежитъ къ эпохѣ довольно поздней; къ такому же наблюденію приведетъ и любой языкъ. Вообще, чѣмъ больше мы будемъ подвигаться къ древнѣйшимъ періодамъ языка, тѣмъ рѣже намъ будетъ встрѣчаться данное явленіе; а напр. для индоевропейской эпохи можно установить данный переходъ только для немногихъ категорій словъ, относящихся къ очень ограниченному числу понятій (см. объ этомъ далѣе). Такимъ образомъ, второе положеніе Остгофа не можетъ, по существу дѣла, распространяться на в с ѣ случаи перехода отъ дѣйствительнаго значенія къ страдательному.

Но и первое положеніе хорошо только на бумагѣ: конечно, легко объяснить себѣ ἐνδυτήρ (одежда) какъ «средство къ выполненію дѣйствія одѣваться», или ἐνετήρ (клистирная трубка) какъ «средство къ выполненію дѣйствія впускать»; но и здѣсь возникнутъ такія возможности: средствомъ къ выполненію перваго изъ указанныхъ дѣйствій можетъ напр. быть в р е м я, для выполненія второго дѣйствія, между прочимъ, необходимо, чтобы клистирная трубка была наполнена в о д о й или другой жидкостью и т. д. Возьмемъ χαρακτήρ: съ точки зрѣнія Остгофа, средствомъ къ выполненію дѣйствія χαράττειν можетъ служить какъ к л е й м о на чеканѣ, такъ и м а т е р і а л ъ, на которомъ это клеймо выдавливается; еще неблагополучнѣе обстоитъ дѣло съ ἑλικτήρ (серьга, браслетъ): «предметомъ для свертыванія» могъ быть развѣ только матеріалъ, изъ котораго дѣлались ἑλικτῆρες. Или напр. τρυπητήρ (пробуравленный сосудъ): по Остгофу это будетъ «средство къ выполненію дѣйствія «буравить, сверлить»; такъ какъ и «буравъ» является однимъ изъ подобныхъ средствъ, то для слова τρυπητήρ пришлось бы допустить такую исторію: будучи первоначально nomen agentis, оно обратилось въ nomen instrumenti со значеніемъ

«буравъ»; отъ значенія «буравъ» оно прямо перешло къ значенію «пробуравленный сосудъ». Такой **прямой** переходъ былъ бы чрезвычайно смѣлымъ скачкомъ. Но и противъ скачка можно было бы ничего не имѣть, если бы только намъ было извѣстно, что греки въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно проявляли большую смѣлость фантазіи. Этого однако нѣтъ: слово, утвердившееся въ значеніи «буравъ»—именно τορεύς или τορευτής—такой метониміи не допускаетъ. Вообще—весьма опасной стороной правила Остгофа является тотъ фактъ, что изъ массы возможностей, возникающихъ при приложеніи этого правила къ дѣлу, приходится приписывать языку только одну, не зная предварительно, соотвѣтствуетъ ли эта возможность свойствамъ фантазіи того народа, который на немъ говоритъ. Мы предпочитаемъ стать на историческую точку зрѣнія: весьма важно, что всѣ слова, о которыхъ идетъ рѣчь, возникли именно тогда, когда языкъ уже успѣлъ выработать рядъ словъ, съ ними синонимическихъ; во-вторыхъ, данныя слова появляются почти исключительно со спеціальнымъ значеніемъ (пассивнымъ по отношенію къ тѣмъ глаголамъ, отъ которыхъ они произведены): такъ, напр., τρυπητήρ никогда не значило «буравъ» и т. д. Такимъ образомъ, мы должны будемъ выяснить тѣ условія, которыя затемняли первоначальное отношеніе между суффиксомъ и корневой частью инструментальныхъ именъ.

Прежде всего, однимъ изъ такихъ условій была двусмысленность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ именъ. Напр. ἀμφορεύς, если мы его сопоставимъ съ κρατήρ (τὸ, *въ чемъ* смѣшиваютъ) и ποτήρ (*изъ чего* пьютъ), будетъ представляться инструментальнымъ именемъ (то, *въ чемъ* носятъ, напр. вино), но его можно также понять какъ «нѣчто носимое». Совершенно такія же представленія вызываетъ и латинское *praefericulum* («vas aeneum sine ansa patens summum, velut pelvis, quo ad sacrificia utebantur, Paul. Fest. Thewr. de Ponor 327): это есть собственно «то, *въ чемъ* носятъ впереди—извѣстнаго рода жидкости или предметы на религіозныхъ процессіяхъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это есть «нѣчто носимое впереди» (ср. лат. *dů̊klas* «корзина, въ которой подаютъ кормъ лошадямъ»). Двусмысленность эта зависитъ чаще всего отъ перемѣнъ въ синтактическихъ конструкціяхъ глаголовъ, отъ которыхъ произведены инструментальныя имена. Напр. ἐνδυτήρ будетъ ин-

струментальнымъ именемъ съ точки зрѣнія конструкціи ἐνδύειν τινά τινι (напр. ὅπλοις, Batrachom. 160) и пассивнымъ съ точки зрѣнія конструкціи ἐνδύειν ἐνδύεσθαί τι. *Inducula* «нижняя одежда» (Plaut. *Epid.* 2, 2, 39)—будетъ пассивнымъ, въ виду конструкціи induere alicui *aliquid*, и инструментальнымъ въ виду конструкція se induere *aliqua re*, indui *aliqua re* (Verg. *A.* 10, 775, *Georg.* 4, 143). *Subligaculum* можно понять какъ пассивное имя при конструкціи subligare alicui *aliquid* (напр. lateri atque umeris ensem Verg. *A.* 8, 459) и какъ инструментальное при конструкціи virgo subligata (Mart. 7, 66, 4). Ср. *cingulum*, *cingula* при cingere aliquem *aliquā rē* и Inutile ferrum cingitur (Priamus Verg. *A.* 2, 510). Вообще, по отношенію къ глаголамъ «одѣвать» надо всегда принимать во вниманіе разнообразіе конструкцій, которыя при нихъ возможны. Прежде всего, цѣлый рядъ отдѣльныхъ языковъ употребляетъ при этихъ глаголахъ инструментальный падежъ для обозначенія предмета, которымъ одѣваютъ или одѣваются: ср. кромѣ только что приведенныхъ греческихъ и латинскихъ примѣровъ русскую конструкцію «одѣвать, одѣваться чѣмъ», или напр. гот. *hvo vasjaima* τί περιβαλώμεθα (Math. 6, 31—Delbrück Vergl. Synt. p. 242). Что же касается двухъ винительныхъ падежей при глаголахъ «одѣвать» (напр. Od. 21, 339: ἕσσω μιν χλαῖνάν τε χιτῶνά τε), то Дельбрюкъ съ основаніемъ объясняетъ эту конструкцію вліяніемъ глаголовъ «раздѣвать», гдѣ она была индоевропейской (Vergl. Synt. p. 383). Въ виду этого рискованно приписывать исключительно-пассивное значеніе санскр. *vastram* «одежда» (отъ *vas-*): употребленіе вин. падежа вещи, въ которую одѣваютъ или одѣваются, могло быть позднимъ [1]). Далѣе, санскр. *astrám* «метательное оружіе» допускаетъ два объясненія въ связи съ тѣмъ, что *as-* «метать» употребляется какъ съ винит. падежомъ (ср. «метать *что*»), такъ и съ творительнымъ («метать *чѣмъ*»). То же надо имѣть въ виду и при объясненіи греч. ἀμφίβληστρον 1) «накидка, плащъ», 2) «сѣть для рыбной ловли». Именно, βάλλω, подобно соотвѣтствующимъ индійскимъ, славянскимъ и германскимъ глаголамѣ (см. Delbrück Vergl. Synt.

---

[1]) Ср. примѣръ instrumentalis'а у Дельбрюка Ablat. Loc. Instr. 60: vástreneva vāsayā mánmanā „одѣнь пѣснью, какъ платьемъ".

§ 120), также имѣетъ двѣ конструкціи: 1) οἳ δ' ἄρα χερμαδίοισι ἐυδμήτων ἀπὸ πύργων βάλλον (Il. 12, 185), 2) αἵ τε πρὸς ἀλλήλας ἔβαλον τανυηκεας ὄζους (Il. 16, 368). Что касается ἀμφιβάλλω и ἀμφιβάλλομαι въ смыслѣ «одѣваюсь» (безъ различія по залогамъ: ср. ἀμφὶ δ' ἄρα χλαῖναν βάλε Od. 23, 155 и ἀμφιβάλλεσθαι ὤμοισι ξίφος Il. 2, 45), то мы, правда, находимъ исключительно винительный падежъ, но, что глаголъ этотъ допускалъ вообще двѣ конструкціи, это видно изъ выраженій ἀμφιβάλλειν χεῖρας γούνασι (Od. 7, 142) и съ другой стороны ἀμφιβάλλειν τινὰ χερσίν, ὠλέναις (Eur. *Bacch.* 1361, *Phoen.* 313).

Если бы мы были увѣрены, что глаголы «бросать, метать» допускали еще въ индоевропейскомъ языкѣ обѣ названныя конструкціи, то мы не затруднились бы понять и латинское *jaculum* какъ «предметъ, *которымъ* бросаютъ, поражаютъ»; но впрочемъ см. ниже другую попытку объясненія *jaculum*.

За то *saeculum* (первоначально могло значить «сѣмя»), которое приведено Остгофомъ въ числѣ пассивныхъ именъ, можно положительно объяснить какъ инструментальное: какъ разъ глаголъ *serō* допускалъ двѣ конструкціи: aliquid in aliquo loco (напр. arbores, oleam, frumenta) и aliquid (locum, agrum) aliqua re. Напр. у Плинія одинаково встрѣчаются serere aliquid (напр. semen autumno) и seritur (terra) toto anno panico semel, bis farre. Ср. далѣе любопытное мѣсто у Цицерона, гдѣ обѣ конструкціи встрѣчаются заразъ: ut tantum sit decumae, *quantum severis*, hoc est, ut quot *jugera* sunt *sata*, totidem medimna decumae debeantur (*Acc.* 3, 47, 112). У Овидія мы находимъ serere agrum (*a.a.* 2, 668), у Тибулла arva (2, 3, 8),—sulcos (2, 3, 70) и пр. Ср. сходную конструкцію въ бѣлорусскомъ нарѣчіи («по билому полю *чернымъ макомъ* сіяно») и въ германскихъ языкахъ: напр. готск. *saian* «сѣять» съ инструментальнымъ дативомъ *fraiva* («сѣмя») Delbrück ibid. [1]).

[1]) Вообще латинскій языкъ представляетъ въ данномъ случаѣ замѣчательную аналогію съ языками германскими: какъ въ послѣднихъ съ глаголомъ „сѣять" ассоціируются глаголы „разбрасывать, лить, кропить" (см. примѣры у Дельбрюка l. c.), такъ и лат. *sero* ассоціируется съ *spargo* и *aspergo* (ср. Cic. *Rosc. Amer.* 18: sua manu *spargentem sēmen*; ср. далѣе serere opinionem, rumores и spargere voces, suspiciones и пр.), которые также имѣютъ двѣ конструкціи: alicui aliquid и aliquem aliqua re.

Дальнѣйшее примѣненіе этого метода позволитъ намъ разъяснить инструментальныя имена, произведенныя отъ χέω: Χύτρα или χύτρος «горшокъ», имя совершенно ясное, и χύτλον (при κατάχυτλον «сосудъ»—см. Poll. X 63) «жидкость, между прочимъ жертвенная» (почти=χοή),—имя, которое положительно можетъ показаться пассивнымъ, такъ какъ χέω въ смыслѣ «лить» имѣетъ при себѣ только accusativus [1]).

Впрочемъ, глаголъ этотъ, попавъ въ сакральный языкъ, употреблялся здѣсь въ древнюю эпоху исключительно въ сочетаніи χοὰς χέομαι (Od. 11, 26; 10, 518; Herod. VII 43, Aesch. *Pers*. 218, Soph. *O. C.* 478, Eur. *Or*. 472; въ первый разъ простое χέομαι въ этомъ значеніи засвидѣтельствовано у Исея 6, 51). При этомъ, данное сочетаніе,—вслѣдствіе свойствъ той сферы, въ которую оно вошло,—получило, сравнительно съ простымъ χέω χέομαι, новый оттѣнокъ значенія—какъ бы «почитать» (напр. Атосса у Эсхила въ *Персахъ* v. 621 называетъ подобное возліяніе γάποτοι τιμαί).. Въ виду этого, мы встрѣчаемъ при немъ такую конструкцію (Odyss. 10, 518): χοὴν χεῖσθαι πᾶσι νεκύεσσιν, πρῶτα μελικρήτῳ, μετέπειτα δὲ ἡδέι οἴνῳ, τὸ τρίτον αὖθ' ὕδατι. Этотъ примѣръ показываетъ, что при жертвенныхъ возліяніяхъ, какъ сосудъ (χύτρα), такъ и жидкость, въ немъ заключающаяся (χύτλον), одинаково могли разсматриваться какъ средство къ исполненію священнаго обряда.—Эти соображенія, кажется, помогутъ намъ объяснить исторію θύσθλον: въ древнемъ языкѣ оно обозначало «священныя принадлежности, употребляемыя при

---

[1]) Этимъ однако не устраняется возможность иной конструкціи для χέω въ древнѣйшую эпоху греческаго языка: при глаголахъ съ значеніемъ „лить“ и т. п. почти во всѣхъ языкахъ встрѣчается творительный падежъ для обозначенія жидкости. Изъ русскаго языка можно привести такіе обороты, какъ *харкать чѣмъ*, изъ латинскаго *spargere*, *aspergere* и далѣе *sudare*, *pluere aliqua re*; въ англосаксонскомъ яз. при глаголѣ „лить“ (напр. „слезы“) одинаково возможны и accusativ. и instrumentalis (*teáras*, *teárum geotan* и пр.—см. *Delbrück* Vergl. Syntax §§ 119—120 и Нетушилъ Падежи 308); въ греч. яз. интересно ὕω, при которомъ былъ какъ тотъ, такъ и другой падежъ: напр. ὗσε χρυσόν (Платонъ) и ὕδατι ὗσαι (Геродотъ). А ὕω было синонимомъ къ χέω: напр. χέει ὕδωρ Ζεύς (Il. 16, 385) = Ζεὺς ὗε (Iliad. 12, 25). Съ другой стороны, χέω было синонимомъ νίφω: напр. χέει (sc. Ζεὺς χιόνα—Il. 12, 281); а относительно νίφω извѣстно, что оно, подобно ὕω, допускало инструментальную конструкцію: напр. νιφέτω μὲν ἀλφίτοις при ὑέτω ἔτνει у комика Никофона (Athen. VI 269 d).

жертвоприношеніяхъ Вакху» (Iliad. 6, 133: *αἳ δ' ἅμα πᾶσαι θύσθλα χαμαὶ κατέχευαν*); это значеніе—инструментальное; но въ позднѣйшемъ языкѣ слово это встрѣчается въ смыслѣ «жертва» (nomen acti—ср. Lycophr. 459: *θύσθλα καταίθειν*). Весьма возможно, что на исторіи этого слова отразились такія же воззрѣнія, какъ и на исторіи *χύτλον* и *χύτρα*.

Еще яснѣе исторія санскритскаго глагола *hu-* и существительнаго *hotrā* (=авест. *zaoϑra*) или *hotrám*. Подобно греч. *χέω*, санскритскій глаголъ *hu-* значитъ собственно «лить» и точно также употребляется въ сакральномъ языкѣ. Но въ санскритѣ онъ еще тѣснѣе, чѣмъ въ греческомъ языкѣ, ассоціировался съ глаголами «почитать, почитать жертвоприношеніемъ» (при нихъ, напр. при *saparayati*, *dāç-*, *vidh-*, *çikṣ-*, предметъ жертвы обозначался творительнымъ падежомъ—см. Delbrück Abl. Loc. Instr, 64); по этому при немъ были возможны оба ряда конструкцій: 1) dativ. или locativ. лица+accusativ. вещи, 2) accusativ. или dativ. лица + instrumentalis вещи. Въ виду этого, всѣ производныя отъ даннаго глагола имена были двусмысленными: такъ, *hotram* съ точки зрѣнія второй конструкціи- инструментальное имя, съ точки зрѣнія первой—пассивное [1].

Равнымъ образомъ, и др. верхне-нѣмецкое *bluostar* (n.) «жертва»—первоначально могло быть инструментальнымъ именемъ, такъ какъ соотвѣтствующій глаголъ въ германскихъ языкахъ употреблялся, между прочимъ, съ творительнымъ падежомъ предмета жертвы; ср. гот. *blotan* (въ готскомъ языкѣ, несомнѣнно, существовало и существительное, соотвѣтствующее *bluostar*,—какъ показываетъ производное отъ него *blostreis* въ *gud-blostreis* «почитатель, молящійся Богу»): *fastubnjam jah bidom blotande* fraujan= *νηστείαις καὶ δεήσεσι λατρεύουσα* (Luc. II 37).—Приведу еще одинъ примѣръ изъ латинскаго языка: *pabulum* «кормъ, пища» является инструментальнымъ именемъ при глаголѣ *pasco* «кормлю, пасу»; medium *pascor* значилъ «пасусь, питаюсь чѣмъ» (напр. frondibus), но въ этомъ второмъ значеніи глаголъ *pascor*, какъ и *vescor*, ассоціировался съ глаголами «ѣсть что» и получилъ, на ряду

---

[1]) Ср. *hutás* (=χυτός) 1) принесенный въ жертву, собств. „пролитый"—ср. χυτός; 2) почтённый жертвой.

со старой конструкціей,—новую—accusativus (напр. Verg. *Aen.* II 471: qualis ubi in lucem coluber mala gramina pastus). Благодаря этому, *pabulum*, по скольку оно относилось къ *pascor*, могло казаться пассивнымъ именемъ съ точки зрѣнія новой конструкціи при *pascor* и пр.

Къ чему же приводятъ эти явленія? Благодаря накопленію двусмысленныхъ образованій, въ языкѣ утрачивается ясное и первоначальное представленіе о соотношеніи составныхъ частей инструментальныхъ именъ, и, такимъ образомъ, имена эти получаютъ болѣе расплывчивое значеніе: «то, что такъ или иначе связано съ дѣйствіемъ, выраженнымъ глагольной основой», «то, что можетъ служить къ выполненію этого дѣйствія» и т. д. Какъ видитъ читатель, я повторяю опредѣленіе этихъ именъ, данное Остгофомъ; но я еще разъ подчеркиваю разницу между методомъ и выводомъ Остгофа и моимъ: неясность значенія инструментальныхъ именъ зависитъ не столько отъ свойствъ нашихъ представленій въ самихъ себѣ, сколько отъ историческихъ условій, измѣняющихъ эти представленія.

Другимъ факторомъ, приводящимъ къ тому же результату, является семасіологическая аналогія. Такъ, напр., ἐνετήρ «клистирная трубка» возникло несомнѣнно по аналогіи съ κλυστήρ (уже у Геродота II 87); κλυστήρ собственно значитъ «очиститель», а дѣйствіе очищенія въ данномъ случаѣ сопровождалось дѣйствіемъ впусканія, введенія (ἐνίημι—техническій терминъ у медиковъ) въ прямую кишку извѣстнаго инструмента. Весьма вѣроятно, что у греческихъ врачей и ихъ паціентовъ съ выраженіями κλύζειν (очищать кишки посредствомъ клистира), и κλυστῆρα· ἐνιέναι (вводить клистирную трубку для очищенія кишокъ) связывались совершенно одинаковыя представленія, что и дало поводъ къ образованію слова ἐνετήρ. Въ свою очередь, по аналогіи ἐνετήρ могло возникнуть родственное съ нимъ по значенію καθετήρ.

Точно также можно было бы объяснить латинское *subligaculum*: оно засвидѣтельствовано впервые у Варрона (*l. l.* VI 21) и у Цицерона (*de off.* I 129),—то есть въ такую эпоху, когда глаголъ *subligare* употреблялся съ винительнымъ падежомъ (напр. lateri ensem, clipeum sinistrae у Вергилія; выраженія virgo subligata и quem balteus subligat появляются позднѣе—первое у Мар-

ціала, второе—у Валерія Флакка). Въ виду этого возможно до пустить, что *subligaculum* возникло по аналогіи съ болѣе раннимъ *succingulum* (Plaut. *Men.* 200); а это послѣднее слово, по своему образованію, безукоризненно, такъ какъ глаголъ *succingere* упо треблялся именно съ творительнымъ падежомъ одежды (напр. qua lugubri succincta est stolā у Эннія и пр.).

Возьмемъ далѣе греч. δαιτρόν. Очень характерно, что слово это извѣстно намъ въ комбинаціи δαιτρὸν (sc. οἴνου) πίνειν (Il. 4 262),—т. е. является синонимомъ къ μοῖρα (ср. Od. 8, 470: ... ὅ'ἤδη μοίρας τ' ἔνεμον κερόωντό τε οἶνον) и къ μέτρον (въ смыслѣ «часть», «отмѣренное»—ср. Iliad. 7, 471: δῶκεν 'Ιησονίδης ἀγέμεν μέθυ, χίλια μέτρα). Если мы теперь обратимся къ глаголу μετρέω то мы увидимъ, что онъ можетъ принимать такое значеніе, ко торое свойственно δαίνυμι: ср. конструкцію μετρεῖν τινί τι (*Eur. Rhes.* 772 и др.) «отмѣривать, удѣлять». Такимъ образомъ, вполнѣ ясно, что δαιτρόν получило свое пассивное значеніе подъ влія ніемъ μέτρον.

Тоже самое можно сказать и о санскритскомъ *dātram* «то, что удѣлено, имущество, состояніе». Если это слово происходитъ отъ глагола *day-* «дѣлить» (ср. *bhága-* или *bhāgá-* «имущество» отъ *bhag-* «дѣлить»), то извѣстно, что *day-* было отчасти синонимомъ къ *mā-* собственно «мѣрить», а также «удѣлять кому что»; между прочимъ, и *mātram*, подобно *dātram*, можетъ значить «имѣніе, состояніе». Итакъ, *dātram* можно понять, какъ результатъ влія аналогіи со стороны *mātram*. Приводимаго Остгофомъ (l. c. 13 *kr̥ntátram* «отрѣзокъ», кажется, нѣтъ надобности разбирать о дѣльно, въ виду его несомнѣнной ассоціаціи съ *dātram*.

Весьма возможно, что и у старо-слав. дѣлъ (ср. *удѣлъ*, *надѣлъ* старо-лит. *api-piauklas* (obrzeżek, praeputium), *at-piauklas* (odrzeżek, «отрѣзокъ»—ср. *piúklas* «пила», *piáuti* «рѣзать») пассивное значеніе объясняется вліяніемъ словъ, обозначающихъ *мѣру*. Что касается этихъ послѣднихъ словъ, то намъ еще въ 1-й гла (стр. 40) приходилось говорить о томъ, что они служатъ д обозначенія какъ измѣряющаго инструмента, такъ и количес или величины измѣряемаго предмета или вещества; отъ этого послѣдняго значенія былъ очень легокъ переходъ къ чисто пас сивному «то, что измѣрено, отмѣрено»: ср. д. инд. *mātrā*, кото рое, между прочимъ, значитъ «часть, атомъ».

Прочіе случаи семасіологической аналогіи будутъ приведены ниже, такъ какъ при ихъ объясненіи придется обратить вниманіе на другіе семасіологическіе факторы, прежде всего на синтактическія сочетанія, въ которыхъ инструментальныя имена соединяются съ другими существительными въ качествѣ приложенія или опредѣленія къ этимъ существительнымъ. Намъ уже неоднократно приходилось говорить о вліяніи синтактическихъ сочетаній на значеніе тѣхъ словъ, которыя входятъ въ ихъ составъ. Въ виду чрезвычайной важности этого явленія мы позволимъ себѣ въ данномъ мѣстѣ остановиться на немъ болѣе подробно, чѣмъ мы это дѣлали до сихъ поръ. Возьмемъ, во-первыхъ, русскія прилагательныя на *-ючій* (*учій*), *-ячій*, (*ачій*). Прилагательныя эти въ русскомъ языкѣ утратили причастное значеніе, которое они имѣли въ обще-славянскомъ языкѣ и отчасти сохранили въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ старо-славянскомъ. Дальнѣйшія ихъ значенія зависѣли какъ разъ отъ тѣхъ именъ, съ которыми они вступили въ сочетаніе. Во многихъ случаяхъ сохранилось значеніе nominis agentis, близкое къ первоначальному причастному: ср. *лежачій* въ выраженіи «лежачаго не бьютъ», *сточая вода*, *плакучая ива* (ива, которая плачетъ), *горячій*, *вонючій*, *пахучій*, и т. п.; но напр. выраженіе *горячая вода* мы уже не можемъ перевести черезъ «вода, которая горитъ»; т. е. *горячій* стало обыкновеннымъ прилагательнымъ, равно какъ и *могучій*, которое утратило свою связь съ глаголомъ *мочь*; наконецъ, новый оттѣнокъ мы находимъ въ сочетаніяхъ *сидячая жизнь*, *падучая болѣзнь*.

Понятное дѣло, что изъ подобныхъ сочетаній можетъ для даннаго имени выработаться значеніе, совершенно несовмѣстимое съ первоначальнымъ.

Напр. нѣмецкое *billig* (др. и ср. нѣм. *billîch* «gemäss, geziemend», Kluge Wörterb.) значитъ собственно «приличный, подходящій, справедливый»: ср. такіе обороты, какъ wie billig «по справедливости», recht und billig; was dem Einen recht, ist dem Andern billig» и т. д. [1])—Спрашивается, какъ развилось значеніе

[1]) Исторія этого слова и его производныхъ показываетъ, что оно часто ассоціировалось со словами, обозначающими „справедливый, правосудный" и пр. Очень характерно въ этомъ отношеніи *Unbill*, которое явилось параллельно со словомъ

«дешевый»? Вѣдь въ сущности выраженіе вродѣ eine billige Ware можетъ показаться абсурдомъ. Такое значеніе *billig* выработалось синтактическимъ путемъ, изъ сочетанія *billiger Preis* букв. «справедливая», а слѣдовательно «неповышенная», «доступная», «дешевая».

Точно также объясняется исторія нѣмецкаго *Sinn*, которое соединяетъ въ себѣ два противоположныхъ значенія: 1) чувство (значеніе основное: ср. Sinn des Gehörs, sinnlich, Sinnenlust и др.; ср. также переносное выраженіе man kann nicht nach seinem Sinne machen, т. е. «по его желанію») 2) смыслъ, разсудокъ (почти=Verstand; ср. der Sinn des Wortes, Unsinn и пр.). Это зависѣло отъ того, что *Sinn* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ употреблялось либо совмѣстно либо параллельно съ *Verstand* и потому могло быть понято, какъ его синонимъ: ср. ohne Sinn und Verstand или нпр. von Sinnen kommen «сойти съ ума», seine Sinne hatten ihn verlassen и др.,—ср. einen um den Verstand bringen «сводить съ ума», den Verstand verlieren; zu Verstande kommen «образумиться, опомниться» и пр. [1]).

Далѣе напр. франц. *pas* (passus), *point* (punctum), *personne*, *aucun* (* alcunus, aliqui unus), *rien* (rem) вслѣдствіе своего употребленія въ отрицательныхъ оборотахъ сами обратились въ отрицательныя частицы, несмотря на *le pas*, *le point*, *la personne* (A. Darmesteter La vie des mots, p. 124 sq).

Особенно въ этомъ отношеніи поучительна исторія предлоговъ и союзовъ (ср. Darmesteter ibid.). Спеціально для изслѣдованія предлоговъ даетъ обширный матеріалъ соотвѣтствующая глава въ Vergleichende Syntax Дельбрюка (I 666—774), который и самъ интересовался подобными вопросами. Ср. напр. то, что онъ

Unbilde „несправедливость". См. *Kluge* Wörterb. [5] подъ *Unbill*: „*Unbill* M., ein schweizerisches Wort, bei Maaler 1561 gebucht, aber erst um 1760 schriftsprachlich geworden und von Mylius in Hamiltons Märchen 1777 neu gebucht: urspr. nhd. *Unbilde* F. aus mhd. *Unbilde* N. „Unrecht, Ungeziemendes", welches eigentlich Abstraktum zu mhd. (selten) *unbil* (neben gewöhnlichem *unbillîch*) Adj. „ungemäss, ungerecht" ist".

[1]) См. Karl Schmidt. Die Gründe des Bedeutungswandels Программа (Берлинской Königliches Realgymnasium 1894), p. 25 и 32. Вообще отдѣлъ о синтактическихъ сочетаніяхъ (p. 31 подъ Verschmelzung) принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ отдѣловъ этой богатой по матеріалу брошюры.

говоритъ о предлогѣ μετά съ accusativ'омъ (p. 742): «μετά съ accusativ'омъ значитъ zwischen hinein (въ середину), напр. ἡ δ'Οὔλυμπόνδε βεβήκει δώματ' ἐς αἰγιόχοιο Διὸς μετὰ δαίμονας ἄλλους (Iliad. 1, 222). Часто мысль стремленія къ массѣ болѣе выдвигается на первый планъ, чѣмъ мысль погруженія въ нее, напр. ὣς εἰπὼν τοὺς μὲν λίπεν αὐτοῦ, βῆ δὲ μετ'ἄλλους (Il. 4, 292); по аналогіи съ такими оборотами, μετά затѣмъ начинаетъ употребляться по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, напр. αὐτὰρ ὃ βῆ σὺν δουρὶ μετ' ἀντίθεον Πολύδωρον (Il. 20, 407). Такъ возникаетъ значеніе hin nach, nach (къ, по направленію къ)»....

Обращаясь теперь къ nomina instrumenti, мы обратимъ вниманіе, прежде всего, на употребленіе греч. λευστήρ. Это первоначальное nomen agentis значило собственно «побиватель камнями»; значеніе это видоизмѣняется въ сочетаніи πέτρον λευστῆρα ῥίψας (Lycophr. 1187; подобный плеоназмъ извѣстенъ еще у Софокла и Эврипида—πέτροις λευσθῆναι Soph. *O. C.* 435; Eur. *I. A.* 1350), гдѣ λευστήρ обращается въ nomen instrumenti; наконецъ, совершенно иное значеніе получаетъ это слово въ сочетаніи λευστὴρ μόρος (Aesch. *Sept.* 181): здѣсь уже пропадаетъ всякій инструментальный оттѣнокъ, и первой частью сочетанія указано, что вторая—μόρος—имѣетъ своимъ главнымъ признакомъ извѣстное отношеніе къ глагольному корню λευ- (λευσ-); еще менѣе можетъ идти рѣчь о залогѣ λευστήρ въ данномъ сочетаніи, равно какъ напр. и о залогѣ ῥιπτός въ μόρος ῥιπτός (Soph. *Trach.* 356). Съ этой точки зрѣнія легко можно объяснить χιτὼν εὐνητήρ и χιτὼν ἐγκοιμήτωρ (Poll. X 123: ὁ παρὰ τοῖς κωμῳδοῖς χιτὼν εὐνητήρ, ὃς τοῦ νῦν ἐγκοιμήτωρ [sc. ἐγκοιμήτορος] ἡδίων ἐστίν): само по себѣ εὐνητήρ значитъ «усыпитель, успокоитель», а ἐγκοιμήτωρ, повидимому, «тотъ, кто спитъ» (ср. ἐγκοιμάομαι); понятно, что изъ этихъ значеній нельзя прямо придти къ значеніямъ «ночная сорочка,—сорочка, въ которой спятъ ночью»; подобное значеніе могло развиться изъ синтактическихъ сочетаній, причемъ въ одномъ изъ такихъ сочетаній εὐνητήρ могло ассоціироваться болѣе съ εὐνάομαι «сплю», чѣмъ съ εὐνάω. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, инструментальный смыслъ слова въ значительной степени затемнился.

Вѣроятно, также объясняется пассивное значеніе въ *jaculum*.

Мы не знаемъ всѣхъ тѣхъ сочетаній, въ которыхъ это слово употреблялось въ древнѣйшую эпоху латинскаго языка; но что оно первоначально употреблялось главнымъ образомъ въ сочетаніяхъ, это намъ извѣстно: напр., *rete jaculum* у Плавта, позднѣе *funi*[s] или *laqueus jaculus* у Колумеллы. Аналогичное явленіе мы нашли бы во-первыхъ, въ русскомъ литературномъ и научномъ языкѣ, именно въ прилагательныхъ на *-тельный*.

Въ старо-слав. языкѣ (откуда, вѣроятно, и заимствована большая часть данныхъ прилагательныхъ) они вполнѣ сохраняли значеніе тѣхъ nomina agentis, отъ которыхъ они произведены (Miklosich Vgl. Gramm. II р. 146). Это отчасти наблюдается и въ русскомъ языкѣ: ср. *дѣятельный*, *исполнительный* (напр. *чиновникъ*), *наблюдательный* (напр. *ученый*) и пр. Въ другихъ случаяхъ связь съ nomina agentis уже утрачена, и часть нашихъ прилагательныхъ получаетъ чисто пассивное значеніе, причемъ различные оттѣнки значенія зависятъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ именъ, съ которыми наши прилагательныя соединились. Напр., старо-слав. **гадательнъ** было nomen agentis «vaticinans» (Miklosich, ibid.), — въ русскомъ языкѣ это – пассивное имя; ср. *сомнительный*; между обоими значеніями колеблется *подозрительный*; въ старо-русскомъ языкѣ *желательный* было nomen agentis – ср. *доброжелательный* (напр. «вси желательны есми померетъ»... Дювернуа Матеріалы для словаря русск. яз.) — теперь это — пассивное имя [1]); *исполнительный* приметъ разные оттѣнки, смотря по тому, съ чѣмъ мы его бу-

[1]) Съ исторіей нашего *желательный* интересно сопоставить исторію лат. *volens*, *amans*, *amicus* и *inimicus*. Все это — имена дѣйствительнаго залога (ср. по поводу *amicus* очень хорошія замѣчанія у г. Гельвиха Наблюденія надъ прилагат. у Плавта, стр. 185); но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ развивается и страдательное значеніе: „желательный, пріятный, ненавистный". Ср. volentia plebi facturus habebatur (Sall. ap. Non. p. 186, 20); plebi volentia fuere (Tac. *ann.* XV 36); Muciano volentia rescripsere (id. *hist.* III 52); credidit volentia magis quam necessaria suadentibus (Heges. 1, 44, 3). Что касается *amans*, то пассивное значеніе мы находимъ у превосходной степени этого имени: vale mi amicissime, vale mi amantissime (Fronto ad M. Caes. 2, 10); amantissimae vineae (Vulg. *Amos*. 5, 11); amantissima eorum „самое любимое ими" (Vulg. *Isai*. 44, 9) и др. (см. словарь Георгеса). Для *amicus* ср. amicum est mihi съ Acc. c. infin „мнѣ пріятно, угодно" (Horat. *carm.* II 17, 2); nihil homini amico est opportuno *amicius* („пріятнѣе", Plaut. *Epid.* 3, 3, 34); secundum te nihil est mihi amicius („пріятнѣе") solitudine (Cic. *ad Att.* 12, 15). Для *inimicus* ср. inimicum est (Hor. *sat.* I 5, 49), inimicissimum omnium est (у Цельса); dis inimice („ненавистный") senex (Hor. *sat.* II 3, 122) и мн. др.

демъ соединять: ср. *исполнительный чиновникъ* (готовый исполнять), *исполнительная власть* (=которая исполняетъ), *исполнительный листъ*; ср. далѣе *зрительная труба* (инструментально) и *зрительныя ощущенія*; *наблюдательный человѣкъ* и *наблюдательный постъ*, *нюхательный* или *курительный табакъ*, наконецъ *метательный снарядъ* (ср. *jaculum*) и др.

Во-вторыхъ, при объясненіи *jaculum*, а также нѣкоторыхъ другихъ именъ съ инструментальнымъ суффиксомъ, но съ пассивнымъ значеніемъ, нельзя упускать изъ виду прилагательныхъ на *-torius* (*ssorius*, *-sorius*) и субстантивированныхъ именъ на *-toria*, *-torium* (*ssoria*, *-soria* и пр.). Будучи произведены отъ nomina agentis на *-tor* (*-ssor*, *-sor*), эти имена имѣли первоначально активное значеніе, но въ позднемъ языкѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ развилось пассивное значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень ясно дѣйствіе аналогіи,—возьмемъ названія различнаго рода одежды: *amictorium*, *cinctorium*, *praecinctorium*, *strictoria*, *subligatorium*, *succinctorium*, *indutorius*, *suffibulatorium*, *fibulatorius* (напр. *fibulatoria* saga). Первыя семь именъ могутъ быть поняты, какъ инструментальныя, такъ какъ соотвѣтствующіе имъ глаголы употребляются съ творительнымъ падежомъ одежды; но *fibulatorius* получило свое значеніе «застегиваемый» очевидно по аналогіи этихъ именъ, такъ какъ глаголъ *fibulare* не имѣлъ при себѣ творительнаго падежа. Съ другой стороны, въ сочетаніи съ существительными, въ родѣ *vestis* и т. п., всѣ эти имена получали особенный оттѣнокъ («предназначенный для чего-либо»), который приближалъ ихъ къ герундивамъ: ср. *litterae dimissoriae*, *onus deportatorium*, или глоссы *ereptorius* «adimendus», *subjunctorium* «ὑποζύγιον», *locatorius* «μισθώσιμαῖος» и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что страдательное значеніе у этихъ именъ развилось сравнительно поздно и притомъ развилось главнымъ образомъ благодаря ихъ сочетаніямъ съ существительными: по крайней мѣрѣ, у одного изъ нихъ—*risorius* намъ извѣстны оба значенія 1) «смѣшной», 2) «смѣющійся» (ср. serena facie, risorio ore у Августина). Опираясь на *risorius*, мы могли бы точно также понять страдательное значеніе и въ *ridiculus*, *ridiculum* («заслуживающій осмѣянія», «тотъ, надъ кѣмъ», — или «то, надъ чѣмъ—смѣются»), хотя оно можетъ быть объяснено и другимъ путемъ (ср. слѣдующій ниже пунктъ).

Мы указали такой случай, когда первоначальное nomen instrumenti переходитъ въ nomen acti благодаря сочетанію съ опредѣляемымъ существительнымъ. Исторія латинскаго *piaculum* покажетъ намъ, что такое же семасіологическое измѣненіе можетъ наступить тоже при посредствѣ синтактическихъ сочетаній, но другимъ путемъ. Выпишемъ важнѣйшіе примѣры употребленія *piaculum* изъ словарей Георгеса и Клотца. Общее значеніе слова «средство къ умилостивленію (боговъ)»; отсюда А) «умилостивительная жертва»: porco piaculum facere или dare (Катонъ и Макробій), porco feminā piaculum pati (Цицеронъ), sacra piaculaque apud lucum Dianae per pontifices dare (Тацитъ); В) «искупленіе=наказаніе»: a violatoribus gravia piacula exegit (Ливій XXIX 18 и др.).—II) «Все, что требуетъ искупленія»: А) piaculum rerum praetermissarum (Ливій), piaculum committere (Ливій), piacula sibi contrahere (Ливій), piaculum mereri («позволить себѣ проступокъ», id.), piaculo soluti (Тацитъ *ann.* I 30); eo die verberari piaculum est (Фабій Пикторъ у Геллія X 15); palam mutire plebejo piaculum est (Энній у Феста Thewr. de Pon. 124); piaculum est misereri nos hominum male rem gerentium (Plaut. *Truc.* 2, 1, 13); В) «несчастный случай, несчастіе»: ut domus tuta existimetur a piaculis omnibus (Плиній). Откуда появилось второе, страдательное, значеніе? Отвѣтъ на это мы получимъ уже изъ разбора нѣкоторыхъ примѣровъ первой группы: обороты piaculum facere и dare сходны съ оборотами *sacrum* (sacra) facere и dare, *poenas* dare; съ оборотомъ piacula exigere ср. *poenas* exigere. Переходя во вторую группу, мы видимъ, что обороты piaculum committere, contrahere, mereri тождественны съ оборотами *poenam* committere, mereri, contrahere, а также съ *scelus* committere, *nefas* contrahere; связь piaculum съ scelus объяснитъ намъ употребленіе обоихъ словъ въ смыслѣ «несчастный случай»: для *piaculum* мы уже привели примѣръ изъ Плинія, для *scelus* ср.: accidit infandum nostrae scelus puellae (Mart. VII 14). Далѣе, piaculum est съ accus. c. inf. напоминаетъ собою nec *fuerat* nudas *poena* videre deas (Propert. III 13, 18). Въ свою очередь, этого послѣдняго оборота, а также aliquid poenae est, нельзя отдѣлить отъ *religio* est, *religioni* est съ acc. c. infinit. Дальнѣйшая связь *religio* съ *piaculum* обнаруживается въ оборо-

тахъ piaculo solvere ∽ religione solvere. Въ виду всѣхъ этихъ сопоставленій, можно, во-первыхъ, утверждать, что нѣкоторыя изъ значеній *piaculum*, *poena*, *religio* могли возникнуть путемъ вліянія одного изъ этихъ словъ на другія, съ нимъ связанныя. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что пассивное значеніе въ данныхъ словахъ могло выработаться синтактическимъ путемъ. Напр., *religione*, *piaculo solutus* первоначально могло значить «избавленный отъ религіозныхъ обрядовъ, отъ очистительной или умилостивительной жертвы»; такъ какъ подобное избавленіе равнялось признанію невиновности даннаго лица, то выраженія эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, получали значеніе «свободный отъ грѣха, требующаго умилостивительной жертвы». Или, напр., глаголы *commitere*, *contrahere* и *mereri*, въ сочетаніяхъ съ которыми намъ извѣстны *poena* и *piaculum*, положительно затемняли значеніе своихъ дополненій: съ одной стороны, можно было сказать scelus committere, scelus mereri, nefas contrahere, т. е. употребить при этихъ глаголахъ имя съ пассивнымъ значеніемъ; съ другой—committere mulctam, poenam, contrahere poenam и даже porcam и пр.

Мы указали три фактора, которые приводятъ къ затемненію первоначальнаго значенія инструментальныхъ именъ. Но нельзя упускать изъ виду еще одного важнаго обстоятельства. А именно, намъ извѣстно, что многіе глаголы употребляются какъ съ дополненіями, такъ и самостоятельно. Въ первомъ случаѣ подчеркивается идея залога, во второмъ—идея эта почти отсутствуетъ сравнительно съ идеей дѣятельности, дѣйствія. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ одно и то же имя, произведенное отъ подобнаго глагола, можетъ разсматриваться и какъ инструментальное (точнѣе, каузативное, въ смыслѣ «средство къ возбужденію дѣйствія, обозначеннаго глагольнымъ корнемъ») по отношенію къ глаголу, употребляющемуся безъ дополненій, и какъ пассивное—по отношенію къ тому же глаголу, но употребляющемуся съ дополненіемъ. Таково лат. *ridiculum* или *ridiculus*: отчасти это будетъ qui, quod ridetur, ridendus (-um) est. Такой смыслъ м. б. виденъ у Лукреція II 48, м. б. также у Горація *epist.* II 1 v. 238: idem rex ille, qui tam *ridiculum* tam care prodigus emit, edicto vetuit, ne quis se praeter Apellen pingeret; изъ связи (v. 233) видно, что ridiculum poema («достойная осмѣ-

янія») принадлежала Херилу, incultis qui versibus et male natis rettulit acceptos, regale nomisma, Philippos. Такой оттѣнокъ, уже несомнѣнно, имѣло ridiculum est съ infinitiv'омъ—въ устахъ разгнѣваннаго человѣка.

Съ другой стороны, съ точки зрѣнія интранзитивнаго *ridere*, *ridiculus* или *ridiculum* будетъ «тотъ, кто (то, что) смѣшитъ, заставляетъ смѣяться»: ср. *ridiculus* «шутъ», *ridicula* «шутки», напр. Cic. *de or.* 2, 71, 286: saepe etiam sententiose ridicula dicuntur.

Точно также я объяснилъ бы *miraculum*: это будетъ собственно «средство вызвать дѣйствіе mirari», по скольку глаголъ mirari употребляется абсолютно,—и съ другой стороны, это будетъ пассивное имя съ точки зрѣнія *miror aliquid*. Можетъ быть, сюда же относится и *spectaculum*, которое можно понять какъ каузативное имя при абсолютномъ употребленіи *spectare* и какъ пассивное при *spectare aliquid*. Прибавлю, что всѣ эти три слова имѣли болѣе или менѣе сходную судьбу: ср. выраженія ridiculo, miraculo, spectaculo esse и др.

Мы должны теперь отмѣтить еще одинъ очень важный факторъ, приводящій къ тому же результату, какъ и первые четыре. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ языкъ не проводитъ рѣзкой разницы между орудіемъ и результатомъ дѣйствія—подъ вліяніемъ двойственности воззрѣній на орудіе вообще или по крайней мѣрѣ на инструментальное имя. На стр. 39 было указано, что одно и то же слово можетъ обозначить какъ Zunge (языкъ—членъ человѣческаго тѣла), такъ и Sprache (языкъ—совокупность звуковъ, словъ и оборотовъ, вырабатываемыхъ посредствомъ Zunge); а между тѣмъ, Zunge относится къ Sprache, какъ орудіе къ результату. Это характерное явленіе объясняется тѣмъ, что какъ на Zunge, такъ и на Sprache мы можемъ смотрѣть одинаково какъ на «средство говорить» (напр. «мы говоримъ *языкомъ*, а не другой частью тѣла», «мы говоримъ *языкомъ* образованнаго общества», т. е. «мы употребляемъ *слова* и *выраженія*, свойственныя образованному обществу»): разница только та, что первое воззрѣніе будетъ болѣе образнымъ, чѣмъ второе.—Эта двойственность воззрѣнія распространяется и на видовыя понятія: такъ напр. *голосомъ* въ различныхъ языкахъ называется не только ор-

танъ рѣчи и пѣнія, но и совокупность звуковъ, вырабатываемыхъ этимъ органомъ: напр. «голосъ пѣвца», «я слышу голоса»,—ср. нѣм. *Stimme*, лат. *vox*, греч. φωνή. Въ виду этого, для насъ совершенно понятно, что инструментальныя имена, образованныя отъ корней «говорить, пѣть», во всѣхъ языкахъ могутъ принимать пассивное значеніе. Изъ древне-инд. языка можно указать *hótrā* «воззваніе»; м. б. *stotrám* «хвалебная пѣснь»; *vāditram* «музыкальный инструментъ», а также «музыка»; *mantras* или *mantram* «изреченіе». Правда, послѣднее слово образовано отъ корня *man-* «думать»; но извѣстно, что понятія «говорить» и «думать» во многихъ языкахъ отождествляются: такъ, въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ понятіе «говорить» выражается глаголами «гадать» и «думать», оба значенія имѣетъ греческое φημί; ср. еще нѣм. *Rede*, *reden*, родственныя по корню съ латинскимъ *ratio* [1]. Изъ латинскаго языка намъ извѣстны *fabula* и *oraculum* (изреченіе оракула), изъ греческаго—ῥήτρα; изъ кельтійскихъ языковъ: др. ирл. *briathar* «слово», *cētal* «пѣсня», *scēl* «разсказъ» (изъ пракельт. **skue-tlon*, кор. **seq-* «говорить»). Славянскіе примѣры: старослав. **рекло** «dictum», **жрѣло** «vox» или **грьло** «guttur, vox», словинское *bajilo* «incantatio»; русское *балы* «fabulae»; можетъ быть, сюда же относится латышское *mīkla* «загадка» (отъ *mīnti* «думать»). Германскіе примѣры: др. верхне-нѣм. *galstar* «пѣсня» (*galan* «пѣть») при англо-сакс. *gealdor*, др. исл. *gal-dr*.

Можно и еще указать такіе случаи, когда пассивное значеніе въ инструментальномъ имени возникаетъ подъ вліяніемъ особенности представленій, связанныхъ съ этимъ именемъ. Таково греч. χαρακτήρ, которое было первоначально nomen agentis, затѣмъ nomen instrumenti «чеканъ», и наконецъ nomen acti: «изображеніе, полученное при помощи чекана», «монета». Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни обозначали предметы вродѣ «печати» и т. п.—своими ли словами или заимствованными, какой бы корень или словообразовательный суффиксъ мы ни употребляли для образованія соотвѣтствующихъ словъ,—характернымъ внѣшнимъ при-

[1]) Kluge Wörterb.: „*Rede* F. aus mhd. *rẹde*, ahd. *rẹdia* *rẹda* F. „Rechenschaft, Rede u. Antwort, Rede, Erzählung, Nachricht"; entsprechend asächs. *rẹdia* F. „Rechenschaft", got. *raϑjō* F. „Rechenschaft, Rechnung, Zahl"; dazu got. *ga-raϑjan* „zählen" und weiterhin in regelmässiger Lautentsprechung lat. *ratio*."

знакомъ подобныхъ предметовъ намъ всегда будетъ представляться то изображеніе, которое находится на самомъ этомъ предметѣ (моментъ инструментально-активный) и которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть передано другому предмету или веществу (моментъ пассивный). Слова *moneta*, σφραγίς, *signum*, *печать*, *Stempel*, *Gepräge*, *Siegel*, фр. *timbre*, ит. *bollo* и мн. др., естественно, обозначаютъ не только инструментъ или орудіе для отпечатанія извѣстныхъ знаковъ, но и отпечатокъ, полученный при посредствѣ этого орудія.

Такъ надо объяснять пассивное значеніе въ χαραχτήρ и напр. въ поздне-лат. *signaculum*, которое значитъ 1) печать, какъ инструментъ, 2) печать, какъ знакъ. Но по поводу χαραχτήρ надо сказать еще нѣсколько словъ,—именно для объясненія значенія «монета», полученнаго этимъ словомъ. Дѣло въ томъ, что у всѣхъ народовъ наблюдается тенденція—считать однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ монеты ея гербъ, вычеканенное на ней изображеніе. Поэтому, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ очень часто встрѣчается названіе монетъ по ихъ гербамъ: ἄγκυρα (τὸ τριώβολον. Κύπριοι. Hesych.), βοῦς, κόρη, γλαῦξ (τετράδραχμον. Ἀθήνησι. Hesych.), μέλισσα, ἵππορ (τετράχαλκον. Λάκωνες. Hes.), χελώνη, πέλεκυς (δωδεκαμναῖον), Παλλάδος πρόσωπον (στατήρ, ἐπὶ μὲν ἑνὸς μέρους Ἀθηνᾶς πρόσωπον, ἐπὶ δὲ θατέρου τὴν γλαῦκα... Hesych.) и др. (Schrader Linguistisch—historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, p. 127). У новыхъ народовъ ср. ит. *fiorino* при *fiore* «цвѣтокъ», средне-нѣм. *kriuser* при *kriuz* «крестъ», русск. *корабленники* (*корабль*) [1], франц. *écu* (*scutum*) и мн. др. (Schrader ibid. p. 139).

Это—первое замѣчаніе относительно χαραχτήρ. Во-вторыхъ, въ связи съ этимъ словомъ мы поймемъ исторію καυτήρ, которое значило 1) инструментъ для прижиганія, 2) клеймо отъ прижиганія, обжогъ. А разъ въ языкѣ понятіе «обожженная часть тѣла или кожи» можетъ обозначаться инструментальнымъ именемъ, то подобный способъ обозначенія вполнѣ примѣнимъ и къ понятію «обмороженная часть тѣла» и т. п. Такъ я желалъ бы понять χίμετλον или χείμετλον (Arist. *Vesp.* 1167 «отмороженная часть

[1]) Ср. современное народное обозначеніе сторублевой бумажки.

тѣла»: τὸ ἐν χειμῶνι γενόμενον ἕλκος ὑπὸ ψύχους Hesych., **или, какъ выражается схоліастъ къ Ликофрону 1290,** τὰ ἐκ χείματος ἀποψύγματα, τὰς τῶν ποδῶν ἀποκαύσεις· ὑπὸ γὰρ τοῦ ψύχους ἀποκαίονται οἱ πόδες αὐτῶν). **Нечего и говорить о томъ, что всѣмъ народамъ свойственно сопоставлять дѣйствіе мороза съ дѣйствіемъ жара («морозъ** ***обжигаетъ*****»): ср. у самихъ грековъ, кромѣ только что процитированной замѣтки схоліаста къ Ликофрону, напр.** Xenoph. *Cyn.* 8, 2 (ἡ χιὼν καίει τῶν κυνῶν τὰς ῥῖνας). **Правда, могутъ возразить, что** χίμετλον — **имя вторичное, но инструментальные суффиксы таковы, что они до извѣстной степени сохраняютъ свое значеніе даже во вторичныхъ образованіяхъ: ср. греч.** δακτυλήθρα (**«рукавица»**, Xenoph. *Cyr.* VIII 8, 9), **при которомъ нѣтъ глагола** δακτυλέω **и мн. др.**

Въ третьихъ, заслуживаютъ вниманія инструментальныя имена, произведенныя отъ глаголовъ ***вить, плести, прясть, ткать*****: такъ лат.** *tēla* **значитъ 1) ткацкій станокъ, 2) основа** (der Aufzug bei dem Gewebe, der Zettel, die Werfte) **и 3) ткань** (das Gewebe); **ср.** *stamen*, **которое значило 1)** der Weberzettel, die Werfte, der Aufzug, die Kette, 2) der Faden, 3) das Gewebe, ein Kleid. **Или напр.** *colus* **значило 1) прялка, 2) нить, напр.** coli quas indoctae nevere manus (Senec. *Herc. Oet.* 672); rumpere supremas colos (**о нитяхъ жизни,** Val. Flacc. 6, 645). **Ту же исторію имѣли и греческія слова: напр.** κλωστήρ **значило какъ «прялка», такъ и «нить», или, точнѣе сказать, «клубокъ нитокъ»;** ἱστός **было не только инструментальнымъ, но и пассивнымъ (напр.** Il. 3, 125: ἡ δὲ μέγαν ἱστὸν ὕφαινε) **и пр. Ср. литовско-славянскіе примѣры (взяты у Лескина** Die Bildung der Nomina im Littauischen **и у Миклошича** Vergl. Gramm. II): **чешское** *přadlo* «Gespinnst»; **лит.** *pinklas* «Geflecht» (**отъ** *pìnti* «**плести**»), *tiñklas*, **латышское** *tīkls*, **пруск. voc.** *tinklo* «Netz» (**ср. латышскій глаголъ** *tinu*, *tīt* «**свивать**»), **лит.** *pinklis* «Mischmasch, Verworrenes», *pinklė* «Netz (der Spinne)», «Schlinge» (**ср.** *pinklas*), **латышское** *saiklis* «Schrank, d. i. Garbenband von Stroh» (**отъ** *sēt* «**связывать**»), **литовское** *audēklas*, **латышское** *pineklis* «Fessel» (**отъ** *pīt*, lit. *pìnti* «flechten»), *tineklis* «Gewickeltes» (**отъ** *tinu*, *tīt*) **при литовскомъ** *výstyklas* «Windel» (**отъ** *výstyti* «wickeln») **и мн. др.**

По поводу этого перечня, далеко не полнаго, замѣтимъ слѣдующее:

1) Нѣсколько искусствъ и ремеслъ заразъ отнесены нами в одну группу, потому что все это ремесла близкія другъ къ друг и даже развивавшіяся одно изъ другого (см. Schrader Linguis tisch-historische Forschungen pp. 161—187).

2) Для удачнаго разъясненія исторіи значенія словъ, связан ныхъ съ этими ремеслами, необходимо выйти за предѣлы наук о языкѣ: многое выяснится только при знакомствѣ съ устрой ствомъ напр. ткацкаго станка, съ назначеніемъ его отдѣльных частей,—равнымъ образомъ при знакомствѣ съ исторіей данных ремеслъ у отдѣльныхъ народовъ. Хотя въ указанной книгѣ Шра дера есть нѣкоторые матеріалы для рѣшенія этой задачи, но сам я къ сожалѣнію долженъ отъ нея отказаться [1]). Замѣчу тольк одно: разговоръ со спеціалистами приводитъ къ заключенію, чт нѣкоторыя изъ словъ этой сферы, кажущіяся профану пассив ными, на самомъ дѣлѣ обозначаютъ такіе предметы, которые в ткацкомъ ремеслѣ могутъ разсматриваться, какъ орудія.

При всемъ томъ, я позволю себѣ высказать, на всякій слу чай, два соображенія по поводу приведенныхъ мною примѣров

Во-первыхъ, исторія такихъ словъ, какъ *colus*, κλωστήρ и т. п нѣсколько напоминаетъ исторію словъ, обозначающихъ *мѣру* (имѣю въ виду смѣшеніе активнаго и пассивнаго моментовъ в значеніи тѣхъ и другихъ словъ). Интересно знать, нѣтъ ли орга ническаго родства въ нашихъ воззрѣніяхъ на то и на другое Въ этомъ случаѣ, были бы характерны такія выраженія, как *colus plena*, *colus vacuus* и т. д.

Во-вторыхъ, возьмемъ такое понятіе, какъ «пеленка», или, еш лучше, «свивальникъ»: по существу своему, это—инструментал ное имя, это будетъ «то, чѣмъ свиваютъ»; но если мы обратим вниманіе на внѣшнюю форму, которую приметъ свивальникъ н тѣлѣ ребенка, то свивальникъ будетъ представляться намъ, как «нѣчто свитое»,—такая же двойственность представленій, как при понятіяхъ «печать, штемпель». Такимъ образомъ, въ наших представленіяхъ, связанныхъ съ данными словами, оба момент

---

[1]) Моей некомпетентностью въ подобнаго рода вопросахъ объясняется и т обстоятельство, что я не приложилъ ко многимъ изъ приведенныхъ мною прим ровъ русскаго перевода.

въ значеніи этихъ словъ—какъ активный, такъ и пассивный—могутъ идти параллельно, не вытѣсняя другъ друга, такъ какъ одинъ изъ этихъ моментовъ (активный) имѣетъ отношеніе къ самому назначенію предмета, обозначеннаго даннымъ словомъ, а другой моментъ (пассивный)—къ его внѣшней формѣ. Та́къ я желалъ бы понять отношеніе литовскаго *výstyklas* «свивальникъ» (Windel) къ латышскому *tineklis* «Gewickeltes». Далѣе, уже совершенно ясно, что если языкъ началъ обозначать «нѣчто свитое» инструментальнымъ именемъ, то, по аналогіи, онъ можетъ обозначать такимъ же образомъ «нѣчто сплетенное, связанное».

Въ виду всего вышеизложеннаго, неудивительно найти въ отдѣльныхъ языкахъ имена съ инструментальными суффиксами, но съ пассивнымъ значеніемъ. Такъ какъ одни и тѣ же условія этого семасіологическаго измѣненія дѣйствительны для каждаго отдѣльнаго индо-европейскаго языка, то весьма вѣроятно, что процессъ превращенія nominum instrumenti въ nomina acti начался еще въ пра-индоевропейскую эпоху.

По пути мы разъяснили почти всѣ nomina instrumenti съ пассивнымъ значеніемъ въ обоихъ классическихъ языкахъ; въ нашъ обзоръ вошли также многія имена изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ. Подробно разбирать оставшіяся имена изъ языковъ неклассическихъ мы не будемъ, предоставляя эту работу спеціалистамъ по каждой отдѣльной индоевропейской группѣ. Однако мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей на такіе случаи, въ которыхъ различные языки приходятъ къ одинаковымъ результатамъ:

1) Инструментальныя имена съ пассивнымъ значеніемъ «пища», «питье» отъ глаголовъ *ѣсть* и *пить*: др. инд. *atram* «пища», слов., болг., сербск. *jelo*, польское *jadło*, *jedło* тоже (но русское діалектическое *ѣдало* значитъ «челюсть»), старо-лит. *valgykla* «пища» (отъ *válgyti* «ѣсть»); слов. *pilo* «potus» (ср. ibid. *jelo*; но сербское *пило* значитъ «vas»), литовское *girklas* «напитокъ» (отъ *gérti*) при инструм. *gerklẽ* «горло».

2) Инструментальныя имена съ пассивнымъ значеніемъ отъ глаголовъ *давать*: др. инд. *dā́tram* и м. б. *sanitram* «даръ» (опредѣлить первоначальный оттѣнокъ значенія этого послѣдняго име-

ни трудно, въ виду пестроты значеній глагола *san*-); сербс *рило* «даръ», лит. *dů̃klė* «отдача».

§ 2. *Nomina instrumenti, переходящія въ nomina actionis.* для подобнаго перехода былъ намѣченъ нами уже раньш первой главѣ были указаны двѣ возможности подобнаго п да: во-первыхъ, инструментальное имя обращается въ лока а тѣ локальныя имена, которыя обозначаютъ мѣсто дви могутъ переходить, подъ вліяніемъ синтактическихъ сочете процессовъ аналогіи, въ nomina actionis: такъ объясня ἀγών въ смыслѣ «состязаніе», *curriculum* въ смыслѣ «бѣгъ» *caritram* и *yātrā* въ смыслѣ «движеніе»; аналогіей съ *curri* были объяснены *reverticulum*, *meaculum*, *remeaculum*, *demea* Вліяніе ἀγορά было допущено для объясненія ἕδρα въ с «засѣданіе». Во-вторыхъ, такой же переходъ возможенъ ч посредство измѣненія nominis instrumenti въ nomen act этомъ новомъ значеніи данное имя можетъ примкнуть къ такихъ именъ, которыя, въ зависимости отъ синтактиче сочетаній, употребляются какъ въ смыслѣ nominum acti, и въ смыслѣ nominum actionis. Это послѣднее значеніе, по логіи съ указанными именами, можетъ получить и такое acti, которое произошло изъ nomen instrumenti. Такъ, нами указано, что *poculum*, собственно «то, изъ чего пьютъ», вліяніемъ той среды, въ которой оно употреблялось, могло значить «напитокъ» (nomen acti); въ этомъ значеніи оно с касалось съ *vinum*, которое могло употребляться и какъ acti и какъ nomen actionis; по аналогіи, это послѣднее зн проникло и въ *poculum*, а отсюда въ *potacula*.

Оба эти фактора, т. е. аналогію и синктактическія соче мы теперь приложимъ къ другимъ примѣрамъ и прежде разберемъ исторію ἕδρα. У Гомера это слово имѣетъ локальное, т. е. конкретное, значеніе; изъ болѣе поздняго я кромѣ ἕδρας ποιεῖν и ἕδρα въ см. «засѣданіе», намъ изв Μαρδόνιος περιημέκτεε τῇ ἕδρῃ (=«бездѣйствіе», «праздное ніе», Herod. IX 41); τῶν στρατιωτῶν ἀχθομένων τῇ ἕδρᾳ (V 7; ср. у него же II 18 καθέδρα въ см. μέλλησις, ἐπίσ χωρῶμεν ἐγχονῶμεν, οὐχ ἕδρας ἀκμή («не время для сидѣн

время сидѣть», Soph. *Ai.* 811); οὐχ ἕδρας ἔργον οὐδ' ἀμβολᾶς (Bacchylid. *fr.* 23).

Это значеніе могло возникнуть по аналогіи съ ἕδος, къ которому ἕδρα было ближайшимъ синонимомъ и съ которымъ оно почти одинаково употреблялось,—между прочимъ въ сакральномъ языкѣ. Что же касается ἕδος, то оно было не только локальнымъ именемъ, но и nómen actionis (судя по суффиксу,—значеніе первоначальное), напр. οὐχ ἕδος ἐστι «некогда сидѣть» (Iliad. 11, 647; ср. 23, 205). Съ другой стороны, мы имѣемъ полное основаніе допустить ассоціацію ἕδρα со словами, обозначавшими «постель»: λέχος, κοῖτος, κοίτη, εὐνή. А эти слова были какъ локальными, такъ и nomina actionis (для первыхъ трехъ это послѣднее значеніе—вѣроятно первоначальное): для λέχος интересенъ напр. переводъ Гесихія (κοίτη, κλίνη, γάμος, μῖξις, συνουσία, γυνή), для κοῖτος ср. Odyss. 3, 334 (ὥρη κοίτοιο), для κοίτη—Herod. I 10 и V 20 (ὥρη τῆς κοίτης,—ср. ἕδρας ἀκμή), для εὐνή очень хорошимъ примѣромъ можетъ служить гомеровское φιλότητι καὶ εὐνῇ μιγῆναι,—оборотъ, напоминающій собою φιλότης καὶ ὕπνος (Iliad. 13, 636; 14, 353). Кромѣ того, всѣ указанныя слова употреблялись въ двусмысленныхъ сочетаніяхъ, которыя способствовали закрѣпленію въ нихъ двухъ значеній,—напр. ἕδραν ἔχειν (Aesch. *Eum.* 41) или κοίτας ἔχειν (Eur. *Troad.* 494), гдѣ ἕδρα и κοίτη можно понять и какъ локальное имя («имѣть мѣсто для сидѣнія, лежанія») и какъ nomen actionis («сидѣть, лежать»).

Въ предъидущемъ § было указано, что *piaculum* соприкасалось съ *sacrum*; но *sacrum* могло обозначать какъ предметъ жертвы, такъ и жертвоприношеніе, священнодѣйствіе. Возьмемъ двѣ пары оборотовъ, приведенныхъ въ томъ же 2 §: *sacra dare*∾*piacula dare*, *sacra facere*∾*piaculum facere*. Въ послѣднемъ выраженіи, возникшемъ по аналогіи съ *sacra facere*, *piaculum* обозначаетъ уже не очистительное средство, не жертвенное животное, но очистительный обрядъ,—т. е. здѣсь *piaculum* есть nomen actionis.

Равнымъ образомъ, греч. θύσθλον,—съ тѣхъ поръ какъ оно стало значить «предметы, приносимые въ жертву»,—могло ассоціироваться съ именами, обозначавшими какъ жертвенные предметы, такъ и процессъ жертвоприношенія. Такимъ именемъ было напр. θυσία (ср. еще θῦμα, σπονδή и др.). Изъ примѣровъ

его употребленія въ качествѣ nominis actionis обратимъ вниманіе на ἐν ἱερῶν θυσίαις, гдѣ ἱερῶν есть несомнѣнный genitivus objectivus (ср. ἱερὰ θύειν),—полной параллелью къ этому выраженію является слѣдующее мѣсто у Ликофрона: ἔγχωροι... αἰανῆ θεὸν λοιβαῖσι κυδανοῦσι καὶ θύσθλοις βοῶν (v. 929=720). Это θύσθλα въ данномъ сочетаніи, конечно, придется понимать какъ nomen actionis «приношеніе въ жертву».

Изъ той же сакрально-юридической сферы слѣдуетъ разобрать латинское *lūstrum*, которое довольно своеобразнымъ путемъ обратилось въ абстрактное имя. По основному значенію, это—инструментальное имя «очистительная жертва». Такъ какъ эта жертва приносилась періодически въ опредѣленные дни черезъ каждые пять лѣтъ, то ея обозначеніе—*lūstrum*—естественно ассоціировалось съ абстрактными именами, обозначавшими «время» и, по аналогіи съ ними, само стало значить «приношеніе жертвы» «время приношенія извѣстнаго рода жертвы», «пятилѣтній промежутокъ», «вообще тѣ дѣйствія, которыя были связаны съ днемъ приношенія *lustrum*» и т. д. Ср. во-первыхъ глоссу Павла Діакона (Thewr. de Pon. 86): cum ejusdem vocabuli prima syllaba producitur, significat nunc tempus quinquennale, nunc populi lustrationem; во-вторыхъ, интересно замѣчаніе Варрона *ling. l.* VI 11 lustrum nominatum tempus quinquennale a luendo, i. e. solvendo quod quinto quoque anno vectigalia et ultro tributa per censores solvebantur (т. е. здѣсь подъ lustrum разумѣется срокъ взысканія и платежа податей). Далѣе, такія выраженія, какъ lustrum condere, perficere, обозначаютъ «закончить отправленіе должности цензора», sub lustrum—«при окончаніи цензуры» съ императорской эпохи, когда въ день приношенія *lustrum* стали праздноваться капитолинскія игры, это слово стало употребляться и въ значеніи «игры»: въ этомъ отношеніи характеренъ оборотъ *lustri certamen* [1]).

---

[1]) Исторія слова *lūstrum* очень сходна съ исторіей словъ *чай*, *кушанье* и т. п. Въ концѣ первой главы мы указывали на то, что эти слова могутъ употребляться на правахъ nominum actionis (*передъ чаемъ* и т. п.); такое употребленіе развилось подъ вліяніемъ такихъ словъ, которыя обозначали не только совокупность предметовъ питанія, но и моменты ихъ принятія въ пищу. Что способствовало та-

Латинское *lāna* (ср. др. инд. *ūrṇā*, ст. слав. **влъна** и др.) было само по себѣ конкретнымъ существительнымъ «шерсть»; но въ выраженіи *lanam facere* (первоначально «обрабатывать шерсть») оно получило новый оттѣнокъ какъ-бы «обработка шерсти, пряжа». Съ *lāna* въ его первоначальномъ значеніи соприкасались *tēla* и *stamen*, изъ которыхъ первое было завѣдомо инструментальнымъ именемъ съ основнымъ значеніемъ «ткацкій станокъ», ¹) затѣмъ «основа, матеріалъ, обрабатываемый на станкѣ» (въ этомъ второмъ значеніи *tēla* совпадаетъ со *stāmen*). Такимъ образомъ, основное значеніе у *stamen* и вторичное у *tēla* были близки къ основному значенію *lāna*; по аналогіи съ *lāna*, оба слова получили абстрактное значеніе, которое мы отмѣтили для *lāna*: ср. lanā et telā victum quaeritare («пряжей и тканьемъ» — Terent. *Andr.* 75); для *stamen* ср. Propert. I 3, 41: fallebam stamine somnos («пряжей»).

Лат. *fabula*, получивъ значеніе «разсказъ» («то, что разсказано»), ассоціировалось съ именами вродѣ *narratio* (nomen actionis+acti) и само стало употребляться въ позднемъ языкѣ какъ nomen actionis: ср. fabulae convivales (Tacit. *ann.* VI 5), inter fabulas privatas (Lampr.), tempus fabulis conterere (Plin. *ep.*) и мн. др.

Какъ nomen actionis, употребляется и *spectaculum*, напр. въ выраженіи nondum commisso spectaculo; но это, должно быть, объясняется особенностями театральнаго языка, въ которомъ понятія «пьеса, зрѣлище» выражаются одинаково съ понятіями «представленіе пьесы» и т. п.

Далѣе, возможенъ такой случай, когда первоначальное nomen instrumenti употребляется на правахъ nominis actionis по аналогіи съ такими nomina actionis, которыя допускаютъ инструментальное значеніе: ср. toga picta plerumque *amiculo* (вм. *amic-*

кой ассоціаціи словъ *чай* и т. п. со словами *обѣдъ* и т. п.? Дѣло въ томъ, что чаепитіе (какъ и обѣдъ) пріурочивается къ опредѣленному времени и притомъ періодически повторяется изо дня въ день, въ болѣе или менѣе опредѣленные часы. Вслѣдствіе этого, между предметомъ и временемъ его примѣненія къ дѣлу, естественно, возникаетъ связь, въ силу которой данный предметъ становится показателемъ этого времени.

¹) Инструментальное значеніе для *tela* (какъ напр. и для *curriculum*) засвидѣтельствовано сравнительно поздно, но что оно было основнымъ, на это указываетъ суффиксъ.

tui, vestitui) erat accumbenti .(Саллюстій у Макробія *sat.* 2, 9); поводомъ для такого выраженія было то обстоятельство, что инструментальное *amiculum* мало отличалось отъ *amictus*, *vestitus* и т. п., которыя, будучи первоначально nomina actionis, употреблялись также въ качествѣ инструментальныхъ именъ.

Не совсѣмъ ясно для меня *temperacula ferri* «обработка желѣза» (у Апулея *flor.* 6 p. 5, 18); можетъ быть, это зависитъ отъ того, что у Апулея встрѣчается вообще не мало существительныхъ на *-culum* со значеніемъ nominum actionis.

Далѣе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ *offensaculum*. Это позднее слово, собственно, извѣстно какъ конкретное: offensacula pedibus latenter opponere (Lactant.), per offensacula multa ire (Prudent.); но у того же Апулея (*met.* 9, p. 221, 3) оно встрѣчается въ слѣдующей, не совсѣмъ легкой для объясненія, комбинаціи: *crebris* denique *offensaculis* et *assiduis lapsibus* jam contusis cruribus meis vix tandem ad campestres semitas fessus evadere potui. Не будь въ данномъ мѣстѣ et assiduis lapsibus,— *offensacula* можно было бы понять какъ конкретное имя: противъ этого не говоритъ и сочетаніе *offensaculum* съ *creber*, которое можетъ соединяться какъ съ отвлеченными, такъ и съ конкретными существительными (напр. ictus crebri и, съ другой стороны, crebra aedificia, castella). Но въ связи съ et assiduis lapsibus наше слово похоже на nomen actionis («мои ноги были разбиты отъ того, что я постоянно спотыкался и падалъ»).

Въ заключеніе этого перечня мы остановимся на греч. λουτρόν, лат. *lavacrum* и *balneum* (изъ βαλανεῖον).

Λουτρόν (λοϝετρόν) собственно значитъ «то, чѣмъ моютъ, моются», «вода для омовенія». [1]) Древность такого значенія засвидѣтельствована, во-первыхъ, гомеровскимъ сложнымъ именемъ λοϝετροχόος (ср. особ. Odyss. 20, 297) «льющій воду для омовенія», во-вторыхъ, употребленіемъ слова λοϝετρόν у Гомера, напр. Il. 14, 6: εἰς ὅ κε θερμὰ λοετρὰ ἐυπλόκαμος Ἑκαμήδη θερμήνῃ καὶ λούσῃ ἄπο βρότον αἱματόεντα («нагрѣетъ воду и ею смоетъ»...)— ср. Od. 8, 437: θέρμετο δ'ὕδωρ. Или, напр., Il. 23, 44: οὐ θέμις

[1]) Ср. у Аристотеля (*probl.* 4, 30) πλύντρον въ смыслѣ πλύμα т. е. „вода для мытья“.

ἐστὶ λοετρὰ καρήατος ἅσσον ἱκέσθαι, т. е. «не должна коснуться моей головы *вода*» (Ameis остроумно сопоставляетъ съ этимъ мѣстомъ Od. 6, 220: ἀμφὶ δ' ἐλαίῳ χρίσομαι· ἦ γὰρ δηρὸν ἀπὸ χροός ἐστιν ἀλοιφή). У Гомера, можетъ быть, только одинъ оборотъ не совсѣмъ ясенъ: οἴη δ' ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὠκεανοῖο (Il. 18, 489=Od. 5, 275); его переводятъ такъ: «не участвуетъ въ купаньѣ (nomen actionis!) въ Океанѣ», но вѣроятно, его можно понять и буквально: «не бываетъ въ *водѣ* Океана для купанья». Такое же значеніе сохраняется за λουτρόν и въ сакральномъ языкѣ, гдѣ оно значитъ «возліяніе». Въ болѣе позднемъ языкѣ оно начинаетъ употребляться какъ nomen actionis въ смыслѣ «купанье, омовенье» и въ Новомъ Завѣтѣ оно значитъ «крещеніе». Не располагаю матеріаломъ для объясненія этого перехода λουτρόν въ nomen actionis, но могу указать въ самомъ греческомъ языкѣ параллельное явленіе: именно, ἀλοιφή употреблялось въ древнюю эпоху исключительно въ смыслѣ «мазь», позднѣе оно встрѣчается и какъ nomen actionis, напр. Plut. *Thes.* 23, гдѣ ἀλοιφαί (а равно и θερμὰ λουτρά) сопоставлено съ κοσμήσεις и съ σκιατραφίαι, т. е. съ настоящими nomina actionis.

Сходную исторію имѣло лат. *lavacrum*,—слово довольно поздно засвидѣтельствованное: оно значило 1) «комната, въ которой моются» (lavacra, quae corruerant, exstruere), 2) «вода для омовенія» (lavacrum calidum и т. п.), 3) «купаніе, омовеніе» (напр. Apul. *Met.* 5, p. 160, 2: mox lavacro fatigationem sui diluit), а въ языкѣ Св. Писанія «крещеніе».

Равнымъ образомъ, *balneum* или *balineum*, которое было заимствовано изъ греческаго со значеніемъ «баня, какъ мѣсто, гдѣ моются, купаются»,—въ позднемъ языкѣ могло употребляться въ смыслѣ «омовеніе, купаніе»: напр. post balneum (Цельсъ), caventur pridiana balnea (Плиній) и пр. Если не ошибаюсь, сходнымъ образомъ употребляются соотвѣтствующія слова и въ новыхъ языкахъ: напр. слово *ванна* обозначаетъ приборъ или сосудъ, въ которомъ находится вода для купанья; но съ другой стороны мы говоримъ *принять ванну*, *послѣ ванны* и т. п.; ср. также *баня* въ переносныхъ выраженіяхъ *задать кому-нибудь баню* и т. д.

§ 3. *Nomina instrumenti, переходящія въ nomina loci.* Переходъ изъ инструментальныхъ именъ въ локальныя принадлежитъ къ числу наиболѣе легкихъ семасіологическихъ переходовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся въ локальныя имена, то найдемъ въ ихъ числѣ не мало такихъ, которыя могутъ быть поняты какъ инструментальныя: напр. лат. *umbraculum*, въ виду глагола *umbrare* «давать тѣнь, покрывать тѣнью», значитъ собственно «то, что даетъ тѣнь»; изъ этого основного значенія съ одинаковой легкостью выводятся какъ инструментальное («солнечный зонтъ») такъ и локальное («тѣнистое мѣсто»); лат. *scala* «лѣстница» можно разсматривать и какъ локальное («мѣсто, по которому всходятъ») и какъ инструментальное имя («средство взойти на верхъ»); греч. ποτίστρα «водопой» есть, въ сущности, «то, что даетъ воду; то, что поитъ» (instrum.) и мн. др.—При всемъ томъ, практическое изученіе инструментальныхъ именъ въ разныхъ языкахъ показываетъ, что не всѣ эти имена переходятъ и могутъ переходить въ nomina loci; мало того, историческое изученіе любого языка убѣдитъ насъ въ томъ, что большая часть подобныхъ переходовъ принадлежитъ эпохѣ относительно поздней; а сравнительное изученіе всѣхъ или нѣсколькихъ индо-европейскихъ языковъ приводитъ къ заключенію, что въ праязыкѣ и въ древнѣйшіе періоды отдѣльныхъ языковъ такой переходъ существовалъ только въ очень немногочисленныхъ именахъ, произведенныхъ отъ глагольныхъ основъ съ опредѣленнымъ значеніемъ. Увеличеніе числа подобныхъ именъ въ дальнѣйшей исторической жизни каждаго языка объясняется процессомъ аналогіи.

Въ индо-европейскомъ праязыкѣ такой переходъ былъ, повидимому, пріуроченъ къ именамъ, происходящимъ отъ глаголовъ «жить, пребывать, находиться въ спокойномъ состояніи (сидѣть, лежать или стоять)», и, можетъ быть, отъ глаголовъ движенія, ассоціирующихся съ первыми. Примѣры:

д. в. нѣм. *stadal* «Stadel, Scheune», д.-инд. *sthātram* «мѣсто для стоянія», лат. *stabulum*, русское *стойло*, чешское *stavadlo* «мѣсто для стоянія», лит. *stovỹkle* «stabulum».

др.-инд. *mandiram* «домъ», гр. μάνδρα «стойло».

Гр. ἕδρα, д. исл. *setr*; гр. ἕδεθλον, лат. *sediculum* «sedile» (Paul Fest. 500), латышское *sedeklis*, гр. ἑλλά изъ *ἑδ-λά (καθέδρα. Λά-

κωνες Hesych.), лат. *sella*, гот. *sitls* «καθέδρα (Marc. 11, 15), θρόνος (Col. 1, 16), κατασκήνωσις» (Mt. 8, 20; Luc. 9, 58), наше *село*; старо-слав. **сѣдло и сѣдѣло**, слов. *sedalo* «мѣсто для сидѣнія»; др. исл. *sǫðull*, др. в. нѣм. *satul* «сѣдло»—ср. русское *седло* (изъ **седъло*); латышское *tupeklis* «Gesäss» [1]).

Др. инд. *kšetram* (авест. *šoiϑrem*) «жилище»; лит. *buklà* «родина», чешск. *bydlo* «жилище» (соотвѣтствующее польское слово значитъ «имущество, скотъ», т. е. оно сохранило инструментальное значеніе «то, чѣмъ существуютъ, средства къ жизни»); мало-русск. *житло* «жилище», ср. русское діалект. *жило*; латышскія *dsīwůklis*, *majůklis*, *miteklis* «жилище»; греч. λέκτρον, др. исл. *lātr* «Wildlager»; греч. κλιντήρ, гот. *hleiϑra* «σκηνή», греч. κοιμήθρα «мѣсто для спанья» (такъ переводитъ Свида ἰαυθμός); болг. *легло* «постель»; лат. *cubiculum* «мѣсто для спанья, спальня», *latibulum*, *latebrae*,—ср. лит. *būklas* «latebrae ferarum» и *gulýkla* «Thierlager»; лат. *habitaculum* «жилище».

Если языкъ обозначаетъ посредствомъ инструментальнаго имени стойло для скота, то совершенно естественно встрѣтить такое же обозначеніе другихъ помѣщеній (закрытыхъ или открытыхъ) для животныхъ. Новыя имена мѣста образуются прежде всего отъ глаголовъ движенія, ассоціирующихся съ глаголами «пребыванія», а затѣмъ и отъ остальныхъ глаголовъ. Такъ возникли обозначенія: 1) выгона: лит. *ganyklà*, латышское *ganikla* или *ganeklis* (впрочемъ, здѣсь прецедентомъ было индо-европ. **agrós*—ср. д. и. *agras*, греч. ἀγρός, лат. *ager* и др. «выгонъ», «пашня»); ср. далѣе лит. *volyklà* «Stelle, wo man sich herumgewälzt hat»; лат. *volutabrum* «мѣсто, гдѣ копаются свиньи» (напр. Verg. *Georg.* III 411: saepe volutabris pulsos silvestribus apros...), ср. *lustrum* у Варрона *res rust.* II 4, 8 (lustra, in quibus volutantur sues) и у Павла Діакона Thewr. de Pon. 86 (*lustra* significant lacunas lutosas, quae sunt

---

[1]) Литовско-латышскіе и славянскіе примѣры взяты изъ упомянутыхъ выше сочиненій Лескина и Миклошича, германскіе изъ книги фонъ-Бадера Die Verbalabstracta in den germ. Sprachen, санскритскіе изъ Линднера Altindische Nominalbildung. Далѣе я пользовался матеріаломъ, собраннымъ у Остгофа (Forschungen im Gebiete der indogerm. nominal. Stammbildung, I) и у Бругмана (Grundriss II); наконецъ, значительная часть примѣровъ изъ классическихъ языковъ подобрана мною самимъ.

in silvis aprorum cubilia); лит. *knisyklė* «Wühlplatz (der Schweine)», греч. ἀλινδήθρα и κυλίστρα (о первомъ см. въ Bekkeri Anecdota: τόπος ἐν ᾧ καλινδοῦνται οἱ ἵπποι καὶ ἄλλοι ἐξακοδόμενοι τὸν κάματον; по поводу второго см. Poll. I 183, гдѣ приведены еще два синонима—ἀλίστρα и ἐξαλίστρα: τὸ δὲ κυλῖσαι καὶ ἀλῖσαι ἐρεῖς καὶ ἐξαλῖσαι, καὶ τὸ χωρίον ἀλίστρα καὶ ἐξαλίστρα καὶ κυλίστρα). Аналогіей съ этими словами, вѣроятно, объясняется греч. εὔστρα «мѣсто для опаливанія свиней» (βόθρος, ἐν ᾧ τοὺς ὗς εὕουσιν Hesych.; ср. Poll. VI 91: εὖστραι δὲ οἱ βόθροι ἐκαλοῦντο, ἐν οἷς εὕεται τὰ χοιρίδια),—съ которымъ, въ свою очередь, связано позднее καύστρα «мѣсто для сожженія труповъ» и м. б. φλογίστρα (см. словарь Папе).

2) Обозначенія водопоя: лит. *girdyklà*, сербск. *појило*, гр. ποτίστρα и въ позднемъ языкѣ πίστρα (у Страбона; у Эврипида *Cycl.* 47 слово это употреблено еще въ инструментальномъ значеніи «сосудъ, то изъ чего пьютъ»).

3) Вѣроятно въ связи съ инструментальнымъ обозначеніемъ водопоя возникли въ различныхъ языкахъ, въ виду разнообразнаго назначенія воды, такія же обозначенія мѣста для плаванья, купанья, стирки бѣлья: лат. *lavacrum*, *natabulum*, греч. κολυμβήθρα, сербск. *купало*, лит. *maudỹklė* «Badestelle», сербск. *перило* «Waschplatz».

Инструментально-локальныя имена отъ глаголовъ *движенія*: 1) обозначенія лѣстницы и ступеней (части жилища!): гр. βάθρον и βατήρ, διαβάθρα, лат. *scāla*, *grāla*, болг. *стъпало* «ступень»; обще-германское **hlaiδrō-* «Leiter» и т. п. 2) Прочія имена: д. и. *cáritram* и *yātrā* «дорога», лат. *deverticulum*; *curriculum*, *ambulacrum*, *conciliabulum* и др.; гр. ὀρχήστρα и, по аналогіи съ нимъ, θέατρον; съ другой стороны, отъ ὀρχήστρα трудно отдѣлить два синонимическихъ другъ съ другомъ слова—παλαίστρα и κονίστρα (ср. переводъ κονίσασθαι черезъ ἀγωνίσασθαι у Гесихія, и Poll. III 154: τὰ δὲ χωρία τῆς ἀσκήσεως ἀποδυτήριον, γυμνάσιον, παλαίστρα, κονίστρα).

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ спеціально о латинскихъ инструментально-локальныхъ именахъ. Благодаря аналогическимъ процессамъ, суффиксъ—*culum* скоро пріобрѣлъ въ латинскомъ языкѣ значеніе суффикса мѣстнаго. Напр.,

къ *cubiculum* (спальня) примкнуло *cenaculum* «столовая, помѣщавшаяся въ верхнемъ этажѣ» (δειπνητήριον Gloss. Labb.,—ср. Varro *l. l.* V 162: ubi cubabant cubiculum, ubi cenabant cenaculum vocitabant); отсюда выработалось значеніе «комната верхняго этажа, верхній этажъ» (ὑπερῷον Gloss. Labb.; ср. Varro *ibid.:* posteaquam in superiore parte cenitare coeperunt, superioris domus universa cenacula dicta) [1]. Ср. далѣе *deverticulum* и пр. Благодаря этимъ прецедентамъ суффиксъ—*culum* мы часто находимъ въ именахъ, обозначающихъ общественныя зданія и сооруженія: ср *oraculum* въ см. «Orakelort», *spectaculum* въ смыслѣ «театръ»; *auguraculum* appellabant antiqui quam nos arcem dicimus, quod ibi augures publice auspicarentur (Paul. Fest. 14); ср. наконецъ деноминативное *tabernaculum* (ср. *hibernaculum*), а также *senaculum* (такъ назывались зданія, въ которыхъ происходили засѣданія сената—см. Varro *l. l.* V 156, Fest. Thewr. de Pon. 518).

Мы указали, что переходъ инструментальныхъ именъ въ локальныя первоначально пріурочивался къ весьма опредѣленному числу глагольныхъ корней или основъ, отъ которыхъ произведены эти имена; дальнѣйшее увеличеніе числа nominum loci мы объясняли процессами ассоціаціи и аналогіи. Весьма характерно, что и nomina actionis, произведенныя отъ тѣхъ же глагольныхъ корней или основъ, также способны обращаться въ nomina loci; при этомъ, пути аналогіи въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковы: въ этомъ насъ убѣдитъ анализъ соотвѣтствующихъ nominum actionis въ такихъ языкахъ, гдѣ они распространены и гдѣ мы можемъ прослѣдить исторію ихъ возникновенія,—спеціально въ обоихъ классическихъ языкахъ и особенно въ латинскомъ. Приведемъ важнѣйшіе примѣры, которые такимъ образомъ явятся средствомъ для провѣрки положеній, высказанныхъ въ первой половинѣ этого параграфа.

---

[1]) Вслѣдствіе этого семасіологическаго измѣненія, вызваннаго культурно-историческими причинами, связь *cenaculum* съ *cenare* была сильно затемнена, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ курьезная глосса у Павла Діакона: *cenacula* dicuntur, ad quae *scalis ascenditur* (Thewr. de Pon. 38).

Такъ, при др.-инд. *kšetram* ср. *kšiti-s* «мѣсто жительства»; съ *kšitis* родственны по значенію *vasatis* «гнѣздо» и *vāstu* «мѣсто, домъ» (отъ глагола *vas-* «жить»), далѣе *ramatis* «мѣсто пріятнаго пребыванія» (отъ *ram-* «спокойно пребывать; наслаждаться»); сюда же относится авест. *šyēitis* «мѣсто пріятнаго пребыванія», «родина»=др. перс. *šiyātis* «мѣсто жительства»; при др.-инд. *sthātram* ср. *sthitis* «мѣсто стоянія».—Имена, произведенныя отъ глаголовъ движенія, приведены выше, на стр. 55.

Въ греческомъ языкѣ можно указать на слѣдующіе случаи: στάσις «мѣсто въ боевомъ строю» (ср. *sthitis*); аналогіей съ нимъ объясняется, во-первыхъ, τάξις (въ военномъ языкѣ), во-вторыхъ βάσις въ см. «подставка» (при βάθρον): извѣстно, что βέβηκα было, между прочимъ, синонимомъ къ ἕστηκα; ср. далѣе κλίσις при κλιντήρ; βόσις «пастбище» (Iliad. 19, 268 и др.) получило мѣстное значеніе по аналогіи съ ἄροσις (Od. 9, 134), а въ этомъ послѣднемъ мѣстное значеніе легко могло выработаться изъ страдательнаго; οἴκησις въ см. «жилище» (ср. Soph. *Phil.* 31: ὁρῶ κενὴν οἴκησιν ἀνθρώπων δίχα) и пр.

Латинскіе примѣры: *habitatio*, *mansio*, *cubitus*, *accubitio*, *accubitatio*, *discubitio*, *lectus* (при *cubiculum*), *cenatio* (при *cenaculum*), *sessio* (при *sella*), *statio* (ср. *sthitis*, στάσις), *stabulatio* при *stabulum*, *ambulatio* и *gestatio* при *ambulacrum* [1]), *contio* «мѣсто собранія» (при *conciliabulum*); *quies* въ смыслѣ «мѣсто отдохновенія» (Lucr. I 405); *aratio*, *aquatio*, *pastus*, *pastio*, *lignatio*, *lavatio* (ср. *lavacrum*), *natātio* (ср. *natabulum*), *actus* «выгонъ» и др.

Германскіе примѣры: ново-верхненѣм. *Trift* «выгонъ», обще-герм. **staþi-* «Stätte»: др. в. нѣм. *stat*, англо-сакс. *stedi-*, ново-верхненѣм. *Stadt* (ср. *sthitis*, στάσις, *statio*) [2]).

Литовско-латышскіе примѣры: лит. *kiutis* «ein Loch, das sich die Schweine wühlen» (при *kiútau* «still daliegen»),—ср. вышеупомянутое инструментальное *knisŷklė*; лит. *bŭtė* «мѣсто пребыванія,

---

[1]) *ambulatio* въ см. „мѣсто для прогулки" извѣстно со временъ Цицерона, *gestatio* относится ко временамъ Плинія; *ambulacrum* извѣстно еще у Плавта (*Most.* 754 sq.: sed senex gynaeceum aedificare volt et balineas et ambulacrum et porticum; ср. *ibid.* 817: viden vestibulum ante aedis hoc et ambulacrum?).

[2]) Отсюда очевидно, что **stəti-s*, подобно соотвѣтствующему инструментальному имени, еще въ индо-европейскую эпоху имѣло, между прочимъ, мѣстное значеніе.

жилище»,—ср. *bŭklà*; *pirtìs*, латышское *pirts* «Badestube»,—ср. лит. *maudỹklė*; лит. *gultė* «Lagestätte»; лит. *getis* и *genestỹs* «выгонъ» при *gànyklà*; латышскія: *dŭkste* «morastige Stelle», *lŭkste* «Weise auf morastigem Grunde», *sŭkste* «Sumpfstelle» и пр. и пр.

На латинскихъ примѣрахъ я позволю себѣ остановиться подробнѣе. Они показываютъ, что въ латинскомъ языкѣ было два параллельныхъ процесса, которые оба начались съ довольно древней эпохи; впрочемъ, большинство переходовъ nominum actionis въ nomina loci принадлежитъ эпохѣ болѣе поздней сравнительно съ переходомъ соотвѣтствующихъ nomina instrumenti въ nomina loci: такимъ образомъ, латинскій языкъ два раза пережилъ одни и тѣже явленія семасіологической аналогіи. Подобно тому какъ при *cubiculum* появились *cenaculum*, *hibernaculum* и далѣе *habitaculum*, такъ и при древнихъ *lectus*, *habitatio*, *statio* позднѣе возникаютъ локальныя *mansio* (временъ Плинія), *cubitus* («постель», у Плинія: hic foliis *cubitus* sibi *sternunt*, — ср. *lectum sternere)*, *accubitio* («обѣденный диванъ»—у Ламиридія), *accubitatio* («мѣсто за столомъ»—Ael. Spartianus), *discubitio* («скамья для отдохновенія»—у Гіеронима и въ надписяхъ), *cenatio* («столовая, напр. c. capax populi—у Сенеки, Плинія, Марціала); еще раньше, уже у Цицерона, сдѣлалось локальнымъ именемъ *sessio* (у Цицерона въ см. *exedra*, позднѣе въ смыслѣ «мѣсто сидѣнія вообще»,—напр. у медиковъ sessiones oculorum «глазныя орбиты», т. е. буквально «мѣста, въ которыхъ сидятъ глаза»).

Въ группѣ локальныхъ nominum actionis, относящихся къ понятіямъ «выгонъ», «водопой» и пр., нѣкоторыя изъ словъ засвидѣтельствованы позднѣе, чѣмъ соотвѣтствующія инструментально-локальныя имена: напр. *stabulatio* (ср. древнее *stabulum*) встрѣчается впервые у Апулея и Колумеллы; да и вообще эти имена, за исключеніемъ *aratio* (уже у Плавта значитъ «пашня»), принадлежатъ (я имѣю въ виду ихъ м ѣ с т н о е значеніе) либо классической либо позднѣйшей эпохѣ,—таковы: *actus* «выгонъ» (у Цицерона и др.), *pastio* въ смыслѣ «пастбище» у Цицерона и Варрона, *pastus* въ томъ же значеніи у Вергилія (*Georg*. I 381: a pastu decedens), *aquatio* въ см. «водопой» у Колумеллы и Плинія, *lignatio* «мѣсто, гдѣ рубятъ дрова» у Колумеллы.

Но нѣкоторыя изъ локальныхъ nomina actionis встрѣчаются

въ литературѣ хотя и поздно, но раньше соотвѣтствующихъ инструментально-локальныхъ именъ: таковы два синонима—*lavatio* и *natatio*: первое изъ нихъ засвидѣтельствовано въ смыслѣ «ванная комната» впервые у Витрувія, тогда какъ *lavacrum* извѣстно въ мѣстномъ значеніи лишь со временъ Геллія; равнымъ образомъ *natatio* въ см. «мѣсто для плаванія» извѣстно еще у Цельса, между тѣмъ какъ *natabulum* засвидѣтельствовано въ подобномъ значеніи впервые у Апулея.

Этимъ мы заканчиваемъ главу объ инструментальныхъ именахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всю настоящую работу. Не смотря на всѣ старанія автора, эта послѣдняя глава имѣетъ видъ скорѣе программы, чѣмъ систематическаго изслѣдованія. Это объясняется свойствомъ того матеріала, съ которымъ приходилось имѣть дѣло. Уже на первыхъ порахъ для автора выяснилось, до какой степени необходимо сопоставленіе инструментальныхъ именъ въ классическихъ языкахъ съ соотвѣтствующими именами другихъ индо-европейскихъ языковъ: только такимъ образомъ можно выработать точку зрѣнія на данныя явленія и установить методы для ихъ изслѣдованія. Но для систематической работы въ этомъ направленіи нѣтъ достаточнаго матеріала, такъ какъ въ лучшемъ случаѣ изслѣдователь можетъ располагать только болѣе или менѣе полнымъ перечнемъ инструментальныхъ именъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ безъ указанія тѣхъ синтактическихъ сочетаній, въ которыхъ эти имена встрѣчаются. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла систематическая исторія значеній инструментальныхъ именъ превышаетъ силы одного изслѣдователя. Вотъ почему автору пришлось ограничиться лишь наиболѣе ясными примѣрами и указать только путь къ рѣшенію вопроса.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 3, строка 8 сверху. Ср. старославянское склоненіе соотвѣтствующихъ именъ: именительный любы (ы=*ū), род. любъве (ъв=*ūv).

Стр. 11, строка 3 сверху: «Что касается значеній «вѣкъ» и т. п. (въ *saeculum*), то они, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ греческаго γενεά,—произошли изъ значенія «поколѣніе». Къ концу печатанія настоящей работы я обратился къ изслѣдованію словъ, обозначающихъ «время» въ различныхъ языкахъ. Это изслѣдованіе пока еще не готово во всѣхъ своихъ подробностяхъ и появится уже впослѣдствіи, какъ отдѣльная публикація; но я долженъ теперь же замѣтить, что оно не позволяетъ мнѣ принимать вліяніе греческаго γενεά на латинское *saeculum*. Въ общемъ, повидимому, придется дать такое толкованіе темпоральнымъ значеніямъ *saeculum*: 1) не слѣдуетъ упускать изъ виду, что *saeculum* ассоціировалось въ латинскомъ языкѣ съ такими словами, которыя обозначали не только «поколѣніе», но и «время жизни извѣстнаго поколѣнія»—напр. *aetas* (ср. aurea aetas∾aureum saeculum); 2) понятія «время» и «поколѣніе, живущее въ извѣстное время» вообще соприкасаются другъ съ другомъ: ср. хотя бы общепринятое въ нашихъ хронологическихъ датахъ употребленіе имени дѣятеля вмѣсто эпохи, въ которую онъ дѣйствовалъ.

Стр. 19, строка 14 сверху. Нами было указано въ своемъ мѣстѣ, что для отдѣла, кончающагося данной строкой, мы много пользовались работой Шрадера Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde; съ своей стороны мы только кое-гдѣ пополнили его данныя и опредѣленнѣе поставили тезисъ, что культурные термины разныхъ языковъ подвергаются сходнымъ семасіологическимъ измѣненіямъ, если были сходны соотвѣтствующія культурно-историческія измѣненія въ

жизни народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ. Но и другія сочиненія Шрадера могутъ дать обширный и интересный матеріалъ для подобнаго рода работы — такова его главная книга Sprachvergleichung und Urgeschichte (2-е изданіе); или напр. его брошюра Die älteste Zeittheilung des indogermanischen Volkes (Berlin, 1878), извлеченіе изъ которой можно найти и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Sprachvergleichung. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ этой брошюры (стр. 6) одинъ характернѣйшій примѣръ, который показываетъ, какъ извѣстное слово получаетъ въ различныхъ языкахъ одно и то же оригинальное и съ перваго взгляда неожиданное измѣненіе въ значеніи—при наличности одинаковыхъ культурно-историческихъ поводовъ: «Franz. *mousquet*, ital. *moschetto* heissen 1. Sperber (von der gleichsam mit Mücken [*mouches*] besprenkelten [*moucheter*] Brust). 2. Wurfgeschoss, Gewehr (davon unser «Musket»), ferner ital. *terzuolo*, franz. *tiercelet* (*tertius*. *tertiolus*) 1. Männchen einer Art Habichte; 2. Sackpuffer, Terzerol. Welcher Gelehrte, und wenn er ein Salomo wäre, würde je den Uebergang von einem Sperber zum Mordgewehr, von einem Habicht zur Pistole haben begreifen können,—wenn ihn nicht eben die Culturgeschichte belehrte' dass Habicht und Sperber nicht minder als Falke einst die beliebten und besungenen Stossvögel der mittelalterlichen Welt waren die von dem Schiessgewehr verdrängt den Arten desselben ihre Namen hinterliessen?»

Стр. 38, строка 21 сверху. По поводу румынскаго *cuvînt* и болгарскаго *зборъ* см. Miklosich Vgl. Wörterb. d. slav. Spr. p. 9: bulg. *zbor* «Versammlung, Rede»; *zborja*, *zborjuvam*, *zborvam* «reden» (vgl. serb. *divaniti;* griech. ὁμιλῶ; rm. *kuvînt* «conventus, rede»; *kuvînta* «reden»). Интересно отмѣтить, что существительныя изучаемаго разряда обыкновенно сохраняютъ при значеніи «рѣчь» старое значеніе «собраніе»; между тѣмъ какъ произведенные отъ этихъ существительныхъ глаголы имѣютъ почти исключительно значеніе «говорить».

Стр. 41, строка 11 сверху. Для слова *вѣсъ* въ древнерусскомъ языкѣ очень хорошо засвидѣтельствовано не только современное значеніе, но и значеніе «вѣсовая гиря»,—напр. «всякая мѣрила и съ поуды и в вѣсы» (около XI вѣка); «вѣсу Полоцкому быти Рижького

полупудомъ болши» (XV в.). Ср. далѣе заимствованное изъ тюркскаго *безменъ*. Мнѣ лично это слово извѣстно какъ названіе особаго инструмента для взвѣшиванія; но его исторія показываетъ, что оно употреблялось и частью употребляется до сихъ поръ (напр. въ Иркутскѣ) въ смыслѣ «вѣсъ»=«опредѣленная тяжесть предмета»,—ср.: «въ безменѣ вѣситъ полъ-третья фунта, а малыхъ гривенокъ въ безменѣ 5 гривенокъ, а золотниковъ въ безменѣ 240 золотниковъ» (Торговыя книги XVI—XVII в.; примѣры эти взяты у Срезневскаго Матеріалы для словаря древнерусскаго языка, выпускъ I; ср. словарь Даля и также Академич. Словарь: «отвѣсить масла два безмена»). Наконецъ очень интересно *вага*—славянское заимствованіе изъ нѣмецкаго (др. в. нѣм. *wāga*, ново-нѣм. *Wage*). Слово это во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (словинскомъ, чешскомъ, польскомъ, верхнелужицкомъ и др.) и въ діалектахъ русскаго языка (напр. въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ) имѣетъ инструментальное значеніе «вѣсы»; наряду съ этимъ значеніемъ мы мѣстами встрѣчаемъ значеніе «вѣсъ» и отсюда далѣе «цѣнность, стоимость»,—ср. нарѣчія воронежское, курское, саратовское и пр.: «эка вага, не вздымешь»; «дѣло это не велико, вагою ниже рубля»,—говорятъ на югѣ; «хомутъ да дуга, и вся вагá»—курская пословица; ср. далѣе малорусское *вагомъ* «по вѣсу» и бѣлорусское *вага* въ значеніи «вѣсы» и «цѣнность» (примѣры эти взяты изъ словаря Даля и изъ сравнительнаго словаря славянскихъ языковъ Миклошича, стр. 374).

Стр. 43, строка 21 сверху. Ср. в. нѣм. *wĕgen*, др. в. нѣм. *wĕgan* (откуда далѣе новонѣм. *wiegen*) имѣло оба значенія—wagen и wiegen (Kluge Wörterb.). Для русскаго *вѣсить* въ см. «взвѣшивать» ср. выраженіе *вѣсить товаръ* (Срезневскій, l. c., p. 493) и поговорку «*живутъ хорошо, золото вѣсятъ*» (словарь Даля).—Прибавимъ еще *важить* (отъ *вага*): въ южныхъ и западныхъ нарѣчіяхъ оно значитъ «тянуть, вѣсить», въ тамбовскомъ нарѣчіи «подвѣшивать, подымать вагою», въ смоленскомъ и воронежскомъ «вѣсить» и «взвѣшивать» (словарь Даля. Ср. Уманецъ и Спілка Словарь Росийсько-Украіньскій (Львів 1893) подъ словомъ *вѣсить*: 1) Почали *важити* сіль; 2) сей куль *важить* пять пудівъ).

Стр. 52, строка 24 сверху. Ср. Petron. *sat.* 33, 35: accessere continuo duo servi et symphonia strepente scrutari paleam coeperunt erutaque subinde pavonina ova divisere convivis. convertit ad hanc *scaenam* Trimalchio vultum...

Къ стр. 58—62. Намъ приходилось говорить, что отдѣльныя *блюда* или *кушанья* могутъ разсматриваться какъ моменты обѣда и употребляются какъ темпоральныя имена, какъ nomina actionis. Ср. еще лат. формулу *ab ovo usque ad mala* «отъ закуски вплоть до дессерта»,—напр. Horat. *sat.* I 3, 6: si collibuisset, ab ovo usque ad mala citaret («все время, начиная отъ—вплоть до»...). Можетъ быть, сюда же относится одно мѣсто изъ Петронія (41, 35 ed. Bücheler): *ab hoc ferculo* Trimalchio ad lasanum surrexit («послѣ этого блюда», «послѣ этой перемѣны»); изъ языка, болѣе или менѣе близкаго по времени, можно привести въ параллель очень частое у Овидія *ab his* «послѣ этого», напр. *Met.* 3, 273: surgit ab his solio. Что касается болѣе древняго языка, то мы имѣемъ одно любопытное мѣсто у Плавта (*Pseud.* 284), гдѣ однако трудно опредѣлить съ точностью значеніе предлога (postquam hercle isti *a mensa* surgunt satis poti viri...): ближе къ истинѣ будетъ, вѣроятно, предположеніе, что данное сочетаніе принадлежитъ къ числу двусмысленныхъ, т. е. что *a mensa* можно истолковать и въ локальномъ и въ темпоральномъ смыслѣ.—Гораздо важнѣе для насъ одно изъ писемъ Цицерона къ Пету (*famil.* IX 20), гдѣ Цицеронъ описываетъ свое времяпрепровожденіе и шутитъ надъ увеличеніемъ своего апетита: integram famem ad ovum affero, itaque (ab ovo) usque ad assum vitulinum opera perducitur. Это сочетаніе напоминаетъ собою такія выраженія, какъ oppugnatio *ad noctem* perducta (Ливій) или *a prima pueritia usque ad ultimum diem* familiarem amicitiam perducere (Seneca rhet.),—т. е. ovum и assum vitulinum являются въ данномъ сочетаніи моментами обѣда. Къ такому же результату приведетъ насъ и переводъ этой фразы на нѣсколько языковъ: «и такимъ образомъ я продолжаю свою работу *вплоть до жаренаго*», «und so setze ich meine Arbeit *bis zum Kalbsbraten* fort»; равнымъ образомъ, и по-французски мы употребимъ здѣсь *jusqu'au rôti* и т. д.—Чтобы покончить съ латинскимъ языкомъ, скажемъ два слова о *vinum* (ср. стр. 60) и *cibus* (стр. 61,

строка 8 сверху и 1 снизу). Для перваго ср. Петронія (*sat.* 34, 26): vita vinum est (=жизнь есть *пьянство*); для второго интересенъ примѣръ у Цельса protinus post cibum (послѣ *ѣды*, послѣ принятія пищи).

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ русскаго языка въ дополненіе къ 59 страницѣ. Наше слово *блины* употребляется не только конкретно, но и въ смыслѣ nominis actionis: «звать кого на блины»; «отложи *эти блины* (=«угощеніе блинами» или «приготовленіе блиновъ») до другого дня»; «*блинами* называется столъ у родителей молодой, на другой день послѣ свадьбы» (Даль; надѣюсь, что эти примѣры удовлетворятъ А. И. Соболевскаго,—ср. его статью въ Филол. Обозр. VIII 2, стр. 159—160).—По поводу слова *столъ* ср. у Даля: «*большой столъ*—обѣдъ на другой день свадьбы у родителей невѣсты; за нимъ слѣдуетъ *блинный*, у молодыхъ, гдѣ сама молодая печетъ блины, и наконецъ *похмельной* опять у тестя».—Изъ современнаго литературнаго языка (правда, нѣсколько архаизованнаго) ср. у А. Толстого (Князь Серебр., стр. 68): «Царь почти вовсе не ѣлъ. *Въ продолженіе стола* онъ много разсуждалъ, шутилъ и милостиво говорилъ съ своими окольными. Лицо его не измѣнилось въ концѣ *обѣда*».

Въ заключеніе, отмѣтимъ такіе случаи, когда слова *обѣдъ* и т. п. ассоціируются съ чисто темпоральными словами (ср. стр. 59, строка 3 сверху): «солнышко на *обѣдъ* пошло»; «вѣтерокъ теплый потянулъ *съ обѣда*» (Даль, подъ словомъ *обѣдъ*); ср. онежское *полуденъ* въ см. «югъ» и «южный вѣтеръ»; интересно также обозначеніе (въ Арханг. губ. и въ Сибири) юго-востока и юговосточнаго вѣтра словомъ *обѣдникъ* (см. объ этомъ у Даля); ср. еще народную примѣту: «если первый громъ *съ полудня*, то грозное лѣто будетъ» (Даль подъ словомъ *полдень*).

Стр. 70, строка 2 сверху. Ср. еще πρεσβεία въ см. «послы» (Plato *legg.* XII 950 d: κήρυξιν ἢ πρεσβείαις ἢ καί τισι θεωροῖς), θεωρία въ см. οἱ θεωροί (Xenoph. *Mem.* IV 8 § 2: ἕως ἂν ἡ θεωρία ἐκ Δήλου ἐπανέλθῃ), συμμαχία въ см. οἱ σύμμαχοι (Thuc. VI 73).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Прошу читать:*
5	1 сверху	основу τι-
—	10 снизу	zu Herod.
8	10 ›	Ph. Wegener
14	10 ›	VIII 2, 159)
18	5 сверху	Thewr.
—	16 ›	гот. *dulϑs*,
24	17 ›	**bhrātȓn̥s*.
—	23 ›	nom. pl.
25	7 ›	семасiологическое
32	9 ›	всеобщности,
33	4 снизу	ἐλαφρός
37	10 сверху	Ὑπερβορέων
41	11 снизу	ad certum
42	9 ›	λαβών,
49	6 ›	actionis:
—	10 ›	μεταστάς. .
—	11 ›	Soph. *Ai.* 749:
55	16 ›	лат. *discus*
56	23 сверху	frabugjandane
—	3 снизу	*sedźić*
58	5 сверху	quelqu'un;
63	13 ›	цѣлый»
65	13 ›	φάος; также транзитивно у
73	12 снизу	«Schifler».
74	18 сверху	*talzjands*
77	13 снизу	до сихъ поръ
78	4 сверху	*üdźiu* «нюхаю».
79	17 ›	*se-tar-*
—	2 снизу	Präsens

КАРТИНЫ

ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ НА ВАЗАХЪ.

А. М. Мироновъ.

Изъ „Ученыхъ Записокъ" Императорскаго Московскаго Университета
Отдѣлъ Историко-Филологическій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ по содержанію картинъ а тѣхъ самыхъ росписныхъ греческихъ вазахъ, которыя поставлялсь въ гробницы умершихъ, весьма естественно было бы ожидать— трѣтить болѣе или менѣе значительное количество изображеній, тносящихся непосредственно къ воспроизведенію и самой загробной изни. Судьба умершаго близкаго человѣка, который перешелъ новый, никому неизвѣстный міръ загробнаго бытія, не могла не евожить глубоко остающихся въ живыхъ родныхъ и друзей покойго; вѣчная тайна безслѣднаго исчезновенія прежде жившаго и йствовавшаго человѣка не могла не вызывать всякій разъ снова и ова запросы о томъ, что сталось съ умершимъ, каково его новое смертное существованіе, если оно продолжается и по разрушеніи ла, и не возможно-ли со стороны живущихъ по отношенію къ ершимъ, какъ и обратно, какое-либо воздѣйствіе, утѣшеніе, пощь?..—И вотъ, въ отвѣтъ на эти горячіе, настоятельные запросы, одной стороны, цѣлый народъ создаетъ рядъ превосходныхъ сказій объ этой загробной жизни человѣка, переданныхъ намъ устами родныхъ поэтовъ, жрецовъ и философовъ,—сказаній, въ которыхъ ъ, этотъ народъ, рисуя картины загробной жизни, какъ еслибы ѣ передавались самими ея очевидцами, стремится внушить вѣру это загробное бытіе сомнѣвающимся,—дать надежду и утѣшеніе рующимъ,—успокоить живущихъ, потерявшихъ близкое, дорогое ъ существо. Съ другой стороны, греческіе художники, вышедшіе ь среды этого самого народа и воспитанные въ вѣрованіяхъ, ко-

торыми жило современное имъ общество,—эти художники, какъ бы являясь на помощь поэтамъ и философамъ, облекающимъ народныя сказанія въ наилучшія формы съ помощью слова, въ свою очередь стремятся воплотить эти сказанія въ прекрасныя пластическія формы и въ длинномъ рядѣ памятниковъ скульптуры и живописи, особенно вазовой, воспроизводятъ согласно этимъ сказаніямъ картины загробной жизни въ ея цѣломъ или отдѣльныхъ важнѣйшихъ частяхъ, достигая при этомъ съ помощью пластическихъ формъ, рисунка и красокъ такого же дѣйствія на умъ и сердце зрителя, котораго достигали первые съ помощью слова;—заставляя вѣровать сомнѣвающихся, подавая надежды и утѣшеніе живымъ, постигнутымъ горемъ вѣчной разлуки съ близкимъ умершимъ...

Разсмотрѣніе того и другого,—съ одной стороны, этихъ народныхъ сказаній о загробной жизни, которыя мы узнаемъ изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ, а съ другой, воспроизведенія ихъ въ памятникахъ искусства, въ частности вазовой живописи, областью которой ограничивается наша работа,—разсмотрѣніе всего этого и составляетъ непосредственный предметъ предлагаемаго нами изслѣдованія.

Разработка интересующаго насъ предмета, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частяхъ, имѣетъ свою исторію, — правда, впрочемъ исторію краткую и несложную. Вслѣдъ за первыми публикаціями, въ которыхъ интерпретировалось содержаніе отдѣльныхъ картинъ, относящихся къ загробной жизни, съ постепеннымъ накопленіемъ однородныхъ матеріаловъ стали появляться и первыя попытки *сравнительнаго* разсмотрѣнія извѣстныхъ въ то время сходныхъ картинъ преисподней,—попытки сопоставленія ихъ другъ съ другомъ для того, чтобы съ помощью такого именно сопоставленія отдѣльныхъ частей этихъ картинъ получить возможность наиболѣе опредѣленнаго истолкованія какъ отдѣльныхъ фигуръ и группъ, составляющихъ эти картины, такъ и ихъ цѣлаго.

Попытки эти однако не были часты. Въ 1837 г. E. Braun представилъ въ Annali dell'Instituto di corr. arch., p. 219—242, первый опытъ такого сравнительнаго разсмотрѣнія содержанія картинъ преисподней на двухъ большихъ вазахъ, сдѣлавшихся извѣстными къ тому времени: на вазѣ изъ Canosa, находившейся уже тогда въ

Мюнхенской пинакотекѣ (подъ № 849), и на вазѣ изъ Ruvo, принадлежавшей въ то время Lamberti и впослѣдствіи перешедшей въ музей Karlsruhe (подъ № 388); при чемъ авторомъ указаны были съ большими подробностями предполагаемыя имъ соотношенія, съ одной стороны, между обѣими картинами на названныхъ вазахъ, а съ другой,—между ними и знаменитой картиной Полигнота въ Lesche въ Дельфахъ. Нѣсколькими годами позже опубликованы были двумя ученѣйшими археологами своего времени, F. Welcker'омъ и E. Gerhard'омъ, два новыхъ изслѣдованія по тому же предмету, захватывающихъ въ своей совокупности уже болѣе широкій кругъ изображеній загробной жизни: статья перваго подъ загл.: «die griechische Unterwelt», (въ Archäolog. Zeitung 1843, S. 177—190, Taf. XI), и статья второго: «die Unterwelt auf Gefässbildern» (въ Arch. Zeit. 1843, S. 193—202, Taf. XI—XII, и 1844, S. 225—227, Taf. XIII, XIV, XV). Обоими авторами, изъ которыхъ второй являлся какъ бы продолжателемъ работы перваго, разсмотрѣно было уже бóльшее число картинъ преисподней (на вазахъ, нынѣ наход. въ музеяхъ: Karlsruhe № 388, München № 849, Эрмитажѣ № 424, Британскомъ F. 116, Jatta 1094); и должно замѣтить, что несмотря на то обстоятельство, что впослѣдствіи, въ виду вновь открытыхъ матеріаловъ первостепенной важности, представленныя всѣми тремя вышеназванными учеными истолкованія этихъ картинъ, какъ будетъ показано далѣе, во многихъ частяхъ были рѣшительно опровергнуты,—работы эти не потеряли своего значенія и понынѣ, какъ первые образцы сравнительнаго изученія этихъ сложныхъ и съ трудомъ поддававшихся объясненію картинъ загробной жизни,—изученія, которое съ бóльшимъ успѣхомъ, благодаря открытію новыхъ данныхъ для сравненія, продолжалось впослѣдствіи.

Въ 1865 г. появляется затѣмъ изслѣдованіе V. Valentin: «Orpheus und Heracles in der Unterwelt (Berlin), въ которомъ авторъ, пользуясь цѣнными указаніями надписей на вазѣ Неаполитанскаго музея № 3222 (изъ Altamura), еще неизвѣстной въ эпоху появленія первыхъ трехъ вышеназванныхъ работъ, снова пересматриваетъ содержаніе картинъ загробной жизни на трехъ большихъ нижнеиталійскихъ вазахъ, служившихъ лучшими образцами этого рода: на в. Мюнхен. музея № 849, муз. Karlsruhe № 388 и Неаполит. № 3222. Въ отличіе отъ пер-

1*

выхъ трехъ работъ, имѣвшихъ важнѣйшею цѣлью археологическую интерпретацію содержанія этихъ картинъ, изслѣдованіе Valentin'а ведется съ точки зрѣнія скорѣе эстетической, чѣмъ археологической, такъ что главныя усилія автора направлены здѣсь не столько на доказательства правильности истолкованія, предлагаемаго имъ для каждой фигуры и группы, сколько на обсужденіе художественнаго значенія каждой отдѣльной части, равнокакъ и всего цѣлаго композиціи картины. И повидимому, именно, принятіе такой точки зрѣнія для изслѣдованія, причемъ народныя воззрѣнія на разсматриваемый предметъ игнорировались почти совершенно, (ибо авторъ легко допускаетъ существующимъ въ композиціи каждой изъ этихъ картинъ все то, чтб только кажется ему не нарушающимъ художественныхъ достоинствъ ея композиціи, какъ бы оно ни противорѣчило въ дѣйствительности народнымъ представленіямъ о загробной жизни), привело изслѣдователя къ цѣлому ряду грубыхъ ошибокъ, отъ которыхъ должно было бы предохранить его ближайшее знакомство съ этими народными представленіями [1].

Послѣ продолжительнаго, почти двадцатилѣтняго перерыва, вопросъ объ изображеніяхъ загробной жизни на вазахъ снова становится затѣмъ предметомъ вниманія археологовъ. Въ Arch. Zeitung 1884 г. появляется статья *Hartwig*: «neue Unterweltsdarstellungen auf griechischen Vasen», посвященная главнымъ образомъ разсмотрѣнію картинъ преисподней на вазахъ Santangelo (Неаполитан. музея) № 709 и Karlsruhe № 258, - статья, въ которой наиболѣе цѣнными оказываются, съ одной стороны, установленіе цѣльности композиціи всѣхъ большихъ картинъ преисподней въ томъ смыслѣ, (противоположномъ мнѣнію Valentin и нѣк. др.), что *всѣ* изображаемыя здѣсь фигуры и группы представляются находящимися внутри преисподней и такимъ образомъ композиція не дѣлится тутъ на воспроизведеніе міровъ надземнаго и подземнаго; а съ другой любопытныя соображенія о воз-

[1] Таково, напр., его истолкованіе обѣихъ группъ верхняго ряда композиціи, какъ находящихся не въ преисподней, а въ мірѣ надземномъ; истолкованіе женской фигуры на гиппокампѣ подлѣ Геракла на в. Altamura, и т. д.; см. ниже наши описанія трехъ перечисл. вазъ, гдѣ указаны подробно разнообразныя ихъ объясненія, которыя предлагались въ свое время различными изслѣдователями.

можной зависимости сложныхъ картинъ преисподней на вазахъ отъ того или иного крупнаго оригинала стѣнной живописи. Двумя годами позже (1886), *O. Benndorf* издаетъ въ Wiener Vorlegeblätter für arch. Übungen, Serie E, Taf. I—VI, серію таблицъ, воспроизводящихъ въ большихъ контурныхъ рисункахъ картины преисподней на нѣсколькихъ, уже ранѣе опубликованныхъ въ различныхъ изданіяхъ, вазахъ [1]. Таблицы эти однако не сопровождались пояснительнымъ текстомъ и потому, не давая ничего новаго въ дѣлѣ истолкованія воспроизведенныхъ тутъ картинъ, онѣ имѣютъ, (согласно впрочемъ поставленной для нихъ самими издателями цѣли), значеніе лишь постольку, поскольку облегчаютъ изслѣдователю одновременное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ картинъ, разбросанныхъ прежде по различнымъ изданіямъ и перевоспроизведеннымъ здѣсь въ ихъ совокупности весьма тщательно. Почти одновременно съ этимъ изданіемъ появляется въ «Denkmäler d. klassisch. Alterthums» Баумейстера небольшая статья подъ сл. «Unterwelt», S. 1926 и сл., въ которой авторъ, пользуясь значительнымъ количествомъ матеріаловъ по разсматриваемому предмету, извѣстныхъ въ то время, старается представить здѣсь въ сжатой формѣ результаты важнѣйшихъ предшествующихъ изслѣдованій, поскольку ими выяснено было содержаніе картинъ преисподней на вазахъ. При этомъ однако, слѣдуя въ истолкованіи всѣхъ ихъ за своими предшественниками, онъ не вноситъ въ интерпретацію этихъ картинъ никакихъ существенныхъ поправокъ, раздѣляя съ прежними истолкователями и всѣ ихъ ошибки, вслѣдствіе чего и самая статья эта получаетъ характеръ не самостоятельнаго и новаго изслѣдованія, а лишь простого резюмэ предшествующихъ работъ по тому же предмету.

Наиболѣе значительнымъ и полнымъ по количеству разсмотрѣнныхъ матеріаловъ является изслѣдованіе *A. Winkler*: «die Darstel-

[1] А именно: Taf. I: амф. изъ Canosa, Мюнхен. муз. № 849; Taf. II: амф. изъ Altamura, въ Неап. муз. № 3222; Taf. III: амф. изъ Ruvo, въ Karlsruhe № 4, и изъ Armentum, колл. Santangelo (Неаполь) № 709; Taf. IV. V. I a—I c: амф. изъ Ruvo въ Эрмитажѣ № 424, и амф. Campana, въ Эрмит. № 498; Taf. VI: oxybaphon Blacas, въ Брит. муз. (IV vase room F. 116); амф. Campana въ Эрмит. № 426; фрагм. амф. въ Karlsruhe № 258; амф. Jatta № 1094; амф. изъ Armentum, Santangelo № 11, и амф. Мюнхен. муз. № 728.

lungen der Unterwelt auf unteritalischen Vasen», помѣщенное въ Breslauer philologische Abhandlungen, Bd. III, Heft 5, (1888 г.), и обнимающее собою 16 картинъ преисподней въ вазахъ [1]). Сознавая необходимость отрѣшиться отъ воззрѣній прежнихъ истолкователей этихъ картинъ, поскольку воззрѣнія эти были опровергнуты впослѣдствіи несомнѣнными данными, добытыми вмѣстѣ со вновь отысканными матеріалами, авторъ изслѣдованія даетъ тутъ взамѣнъ отвергнутыхъ не мало новыхъ и цѣнныхъ указаній по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ отдѣльнымъ частямъ этимъ картинъ, описаніе которыхъ отличается у него столько же обстоятельностью, детальнымъ разсмотрѣніемъ, сколько и точностью. И нельзя не видѣть, что наиболѣе цѣнные изъ добытыхъ авторомъ результатовъ получены, именно, благодаря *сравнительному* изученію содержанія этихъ картинъ, имѣющихъ между собою столь многочисленные пункты соприкосновенія, нерѣдко почти полнаго сходства, которые даютъ особенно тамъ, гдѣ фигуры сопровождаются пояснительными надписями, наиболѣе прочныя основанія для точнаго и безошибочнаго истолкованія внутренняго содержанія картины. Къ сожалѣнію, ограничивая свое изслѣдованіе однимъ только разрядомъ нижнеиталійскихъ вазъ живописнаго стиля и полагая такимъ образомъ въ основу своего ограниченія признакъ чисто внѣшній, отнюдь не существенный для картинъ разсматриваемаго содержанія, авторъ изслѣдованія умышленно опускаетъ длинный рядъ картинъ однороднаго съ этими содержанія на вазахъ другихъ эпохъ и иного происхожденія, которыя между тѣмъ могли бы не мало содѣйствовать правильному пониманію наиболѣе сложныхъ картинъ загробной жизни, куда онѣ входятъ обыкновенно, какъ отдѣльныя части въ свое цѣлое. Отсюда у названнаго автора является, съ одной стороны, большая неполнота въ разсмотрѣніи существующихъ въ настоящее время матеріаловъ, имѣющихъ своимъ предметомъ изображенія загробной жизни на вазахъ, а съ другой, недостаточно опредѣленное разъясненіе нѣкоторыхъ существенныхъ

---

[1] Мюнхен. муз. № 849; Karlsruhe 388 и 258; Неаполит. 3222; Santangelo 709 и 11; Tischbein: Vases d'Hamilton, tom. IV, pl XXV, и tom. II pl. I; Jatta 1094; Petersbourg (Эрмитаж.) 424, 498 и 426; Beugnot 28; London (Британ. муз.) F. 116, F. 276 и F. 370.

пунктовъ въ содержаніи этихъ самыхъ картинъ преисподней, которымъ посвящено изслѣдованіе Winkler'а.

Наконецъ, *Kuhnert* въ небольшой статьѣ: «unteritalische Nekyien», опубликов. въ Jahrbuch d. k. deutsch. Arch. Institut 1893, S. 104—113, задается простою работой пересмотра картинъ, уже ранѣе подробно описанныхъ и объясненныхъ у Winkler, въ тѣхъ частяхъ ихъ интерпретаціи, въ которыхъ она оказывалась у этого послѣдняго, какъ мы сказали, недостаточно опредѣленною или явно ошибочною. Статья эта однако, не столько вслѣдствіе ограниченности поставленной для нея задачи, сколько благодаря отсутствію положительныхъ и ясныхъ выводовъ изъ сопоставленія отдѣльныхъ деталей разсматриваемыхъ картинъ, не представляетъ для позднѣйшаго изслѣдователя ни значительнаго интереса, ни существеннаго значенія въ дѣлѣ выясненія вопроса, разработкѣ котораго посвященъ былъ рядъ вышеуказанныхъ изслѣдованій.

Таковы,—не считая довольно многочисленныхъ описаній *отдѣльныхъ* картинъ преисподней на вазахъ, опубликованныхъ въ различное время въ періодическихъ изданіяхъ и каталогахъ, [4]— эти работы нашихъ предшественниковъ, до извѣстной степени облегчающія веденіе предлагаемаго здѣсь изслѣдованія Должно замѣтить однако, разсматривая всѣ эти работы въ совокупности, что кромѣ указанной уже весьма значительной *неполноты* ихъ по объему содержанія, (ибо наиболѣе обширная изъ нихъ, (Winkler'а), обнимаетъ всего лишь 16 картинъ позднѣйшей эпохи, игнорируя всѣ прочія), работы эти имѣютъ и другой, общій имъ всѣмъ недостатокъ, гораздо болѣе существенный въ дѣлѣ разъясненія истиннаго содержанія всѣхъ вообще картинъ, относящихся къ воспроизведенію различныхъ моментовъ загробной жизни. Выше мы уже замѣтили, что картины эти являются лишь воплощеніемъ въ художественныя формы тѣхъ самыхъ сказаній о загробной жизни, которыя созданы были греческимъ народомъ въ различныя эпохи и переданы намъ устами греческихъ поэтовъ и философовъ,— являются лишь выраженіемъ въ искусствѣ черезъ посредство художника тѣхъ самыхъ представленій о загробномъ бытіи, ко-

[4] См. указ. литературы для каждой изъ вазъ ниже, отдѣльно по отношенію къ каждой изъ разсматриваемыхъ картинъ.

Изъ „Ученыхъ Записокъ" Императорскаго Московскаго Университета
Отдѣлъ Историко-Филологическій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

нымъ внутреннимъ содержаніемъ. Съ другой стороны, въ это изслѣдованіе должно войти разсмотрѣніе по возможности всѣхъ извѣстныхъ въ настоящее время картинъ на вазахъ, относящихся къ воспроизведенію загробной жизни, причемъ для каждой изъ нихъ должно быть представлено опредѣленное и точное описаніе, которое покоилось бы какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ не на произвольныхъ домыслахъ каждаго изъ интерпретаторовъ, а на прочномъ основаніи строгаго соотвѣтствія этого описанія съ самыми представленіями греческаго народа о загробной жизни, которыя явственно раскрываются уже изъ первой части изслѣдованія.

Соотвѣтственно этому и самое изложеніе предлагаемой нами работы распредѣляется такимъ образомъ, что *описаніе самыхъ картинъ загробной жизни на вазахъ слѣдуетъ лишь за обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ тѣхъ представленій о ней греческаго народа, которыхъ художественнымъ воспроизведеніемъ являются эти картины.* Что касается *распредѣленія самыхъ художественныхъ матерьяловъ*, подлежащихъ описанію, то *принимая за основаніе для распредѣленія ихъ различіе въ тѣхъ миѳическихъ событіяхъ, которыя служатъ центромъ каждой изъ этихъ сложныхъ картинъ и съ которымъ связано неразрывно, какъ увидимъ, и воспроизведеніе самыхъ сценъ загробной жизни, оказывается возможнымъ и удобнымъ размѣстить ихъ въ слѣдующія группы.*

I) Группу первую составляютъ тѣ картины загробной жизни, въ которыхъ главнымъ сюжетомъ является *посѣщеніе преисподней Одиссеемъ*, причемъ и самая эта жизнь раскрывается въ такихъ картинахъ лишь по стольку, по скольку она могла быть (согласно подлинному Гомеровскому эпосу) доступна въ моментъ этого посѣщенія изученію самого разсказывающаго о ней Одиссея (См. №№ I—II наш. описанія).

II) Группу вторую, наиболѣе сложную по своему содержанію составляютъ тѣ картины, (№№ III—VII наш. оп.), гдѣ преисподняя воспроизводится въ связи съ событіями *посѣщенія ея Орфеемъ и Геракломъ*, причемъ оба эти разновременныя событія соединяются здѣсь въ одну художественную композицію, въ которую художникъ искусно вплетаетъ сверхъ того еще событіе, заимствованное изъ

третьяго сказанія — *о посѣщеніи преисподней Тезеемъ и Пейриѳоемъ*, которое уже миѳически тѣсно связано съ преданіемъ о похищеніи Геракломъ Кербера.

III) Изображенія преисподней въ моментъ посѣщенія ея *Орфеемъ* (№№ VIII—X наш. оп.).

IV) Изображеніе преисподней въ связи съ событіемъ посѣщенія ея *Тезеемъ и Пейриѳоемъ* (№№ XI—XIII наш. оп.).

V) Картины преисподней въ моментъ посѣщенія ея *Геракломъ* (№№ XIV—XXXII наш. оп.).

VI) Картины преисподней, связанныя съ воспроизведеніемъ сказанія *объ истребованіи Персефоны отъ Аида* черезъ посредство Гермеса (№№ XXXIII—XXXV наш. оп.).

Всѣ остальныя извѣстныя намъ картины загробной жизни на вазахъ, значительно уступающія первымъ по *сложности* своего содержанія, хотя и многочисленныя по количеству, воспроизводятъ уже немногіе *отдѣльные моменты этой жизни самой по себѣ, безъ отношенія ея къ одному какому-либо постороннему для нея миѳическому событію*, и въ сравненіи съ перечисленными выше болѣе сложными картинами представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ отдѣльныя сцены, какъ будто выхваченныя изъ этихъ сложныхъ картинъ преисподней, въ которыя почти каждое изъ этихъ меньшихъ ея воспроизведеній могло бы войти, какъ часть въ свое цѣлое. Довольно многочисленный, по количеству входящихъ въ него произведеній, классъ этихъ небольшихъ отдѣльныхъ сценъ загробной жизни можетъ быть въ свою очередь подраздѣленъ на нѣсколько группъ, которыя мы размѣщаемъ въ нашемъ изложеніи въ слѣдующемъ порядкѣ.

VII) Картины, изображающія *наказаніе Данаидъ*, причемъ таковое воспроизводится здѣсь или одновременно съ наказаніемъ *Сизифа* или *Окна*, или же противополагается положенію въ преисподней тѣхъ лицъ, которыя пользуются тамъ вѣчнымъ блаженствомъ, какъ посвященные (№№ XXXVI—XXXVIII).

VIII) Картины *наказанія въ преисподней Сизифа*, которое изображается здѣсь или само по себѣ, или одновременно съ наказаніемъ Данаидъ или Титія (№№ XXXIX—XLIII),

IX) Сцены *загробнаго суда* надъ душею умершаго (№№ XLIV—XL

X) Картины, воспроизводящія сцены *прибытія душъ умершихъ подземному озеру*, въ сопровожденіи Гермеса Психопомпа или б него, для переправы ихъ въ лодкѣ Харона (№№ XLVI—LXVI).

[Картины, разсмотрѣнныя въ приложеніи, №№ LXVII—LXXI]

Таково разнообразіе картинъ загробной жизни на греческихъ захъ, поскольку оно раскрывается намъ изъ извѣстныхъ въ наст щее время образцовъ указаннаго содержанія. Разсмотрѣніе вс ихъ на приведенныхъ выше основаніяхъ и по намѣченному вь плану и составляетъ предметъ всего послѣдующаго изложенія.

ГЛАВА I.

Эпическіе поэты.

еръ [1]. Важнѣйшимъ изъ моментовъ, отличающихъ въ Гомеров-
еологіи человѣка отъ божества, являлось, какъ это справедливо
жно многочисленными изслѣдователями [2], *безсмертіе* боговъ:
дни только по существу своему свободны отъ общей участи
человѣчества,—свободны отъ смерти; только ихъ существова-
ѣчно; только ихъ природа — неизмѣнно юна, пребывая внѣ
о вліянія времени; въ этомъ—единственный, прочно установ-
й у Гомера, признакъ, полагаемый въ основу различія по су-
между людьми и богами. Въ силу этого, придавая богамъ
ы, особенно ясно обозначающіе ихъ своеобразную природу,
ь наиболѣе часто пользуется для этой цѣли такими названія-
съ ἀειγενέται (Il. ζ, 527), ἀθάνατοι καὶ ἀγήραοι (Il. ϑ, 539 и
ιὲν ἐόντες (Il. α, 290), οὔτοι μόρσιμοι (Il. χ, 13), и т. п., въ
е отъ людей, которыхъ онъ называетъ не иначе, какъ θνητοὶ
(Od. β, 3) καταθνητοὶ, ζωοὶ βροτοὶ (Il. σ, 539) и т. д.—Гомеръ
не говоритъ намъ объ умирающихъ хотя бы на время богахъ,
рыхъ мы знаемъ въ иное время и изъ иныхъ источниковъ.
мъ образомъ, клятву боговъ водою Стикса, рѣки преиспод-
клятву, которая какъ бы указываетъ возможность смерти для

---

[1] …eri carmina et cycli epici reliquiae. [Ὁμήρου ποιήματα καὶ τὰ τοῦ κύκλου …]. Gr. et lat. Parisiis. 1862. Didot.

[2] …ffel (W. S.): Studien und Charakteristiken zur griechischen und römisch., …r deutschen Litteraturgeschichte. Leipzig. 1871, s. 33—44. *Nägelsbach* (C. Fr.): …erische Theologie, Nürnberg, 1840, S. 37 и сл. W. Furtwängler: die Idee …es in d. Mythen und Kunstdenkm. d. Griechen.—Freib. 1860 s. 170 и др.

нарушившихъ ее боговъ и о которой Putsche въ своей статьѣ: «de juramento Stygio» замѣчаетъ, что самъ Зевсъ являлся исполнителемъ наказанія за таковое нарушеніе, низвергая виновныхъ боговъ въ тартаръ,—эту клятву въ такомъ именно значеніи должно признать представленіемъ не чисто Гомеровскимъ (см. Nägelsbach, op cit. s. 40, Anm.), да и вообще не противорѣчащимъ представленію о богахъ, какъ о безсмертныхъ, ибо самая клятва эта всегда оставалась ненарушенною. Оригинально однако и интересно у Гомера пониманіе самаго *способа* безсмертнаго существованія боговъ, выясненіе котораго имѣетъ существенное значеніе и для пониманія представленій его относительно загробной жизни человѣка.

Безсмертіе Гомеровскихъ боговъ есть не что иное, какъ безсмертіе *тѣлесное*,—есть вѣчное, непрерывающееся бытіе не только духовной божественной сущности, но и внѣшней, тѣлесной, и притомъ такое, что боги, получившіе нѣкогда существованіе во времени и пространствѣ, продолжаютъ его безконечно, никогда не старѣясь, сообщая безсмертіе въ то же время даже своимъ одеждамъ, жилищамъ, сосудамъ и т. д. (Od. η, 260; ε. 346; δ, 79; Il. ξ, 178; σ 370; ω, 341 и др.).—Отыскивая причины тѣлеснаго безсмертія боговъ, Гомеръ находитъ важнѣйшую изъ нихъ въ одномъ, чисто внѣшнемъ условіи ихъ существованія: въ томъ, что вмѣсто человѣческой пищи они питаются амброзіей и нектаромъ; въ томъ, что,—по выраженію Buttmann (Lexilog. I; p. 133),—Гомеровскіе боги ѣдятъ и пьютъ безсмертіе, ибо и грамматически — питаться амброзіей и нектаромъ въ первоначальномъ значеніи этихъ словъ имѣетъ смыслъ: принимать въ себя безсмертіе, (ἀν и βροτος; νη и κταν). Поэтому въ жилахъ боговъ течетъ не кровь, которая у человѣка получается изъ его земной пищи, а такъ называемая ἰχώρ—безсмертная жидкость (Il. ε, 339 и сл.), которая служитъ условіемъ *вѣчнаго* существованія боговъ въ той же мѣрѣ, въ какой *кровь* является, какъ увидимъ, важнѣйшимъ условіемъ *конечнаго* бытія человѣка. Поэтому же и обыкновенный смертный могъ бы получить,—согласно Гомеру,—возможность безконечнаго существованія, замѣнивши только свою обычную пищу нектаромъ и амброзіей, какъ это видно изъ Od. ε, 135 и сл., 196 и сл.,—изъ того, что, напр., Одиссей имѣлъ бы такую возможность получить безсмертное бытіе еслибы только остался навсегда у нимфы Калипсо, питаясь ея божественной пищей, которая и должна

была измѣнить его кровь въ безсмертную ἰχώρ. Безсмертіе въ двухъ другихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, — безсмертіе Ганимеда и Kleitos'а обусловливается, повидимому, той-же замѣною пищи, ибо тотъ и другой, одинъ—любимецъ Зевса, другой—любимецъ богини Эосъ, унесены были на Олимпъ вмѣстѣ съ ихъ человѣческими тѣлами (Il. v, 234 и сл.; Od. 0, 250) и только затѣмъ, обитая вмѣстѣ съ богами и питаясь нетлѣнною пищей, получили также безсмертіе, подобное безсмертію этихъ послѣднихъ.

Ясное пониманіе кратковременности сознательнаго человѣческаго бытія,—того бытія, которое, будучи обусловлено *совмѣстнымъ существованіемъ тѣла и духа*, прекращается съ уничтоженіемъ перваго, уничтоженіемъ неизбѣжнымъ въ противоположность нетлѣнности божеской сущности, это пониманіе налагаетъ яркую печать на сравнительную оцѣнку значенія, въ глазахъ грека Гомеровской эпохи, жизни земной и жизни загробной для каждаго человѣка.—Сознаніе грека этого времени находитъ для себя полное удовлетвореніе въ жизни земной, потому что не отыскиваетъ никакого этическаго постулата для принятія убѣжденія въ продолженіи сознательнаго индивидуальнаго существованія послѣ смерти тѣлесной. Въ обладаніи и пользованіи благами жизни земной усматриваетъ грекъ этой эпохи высшее благо, а самый фактъ тѣлесной жизни онъ признаетъ уже благомъ настолько высокимъ, что потерю его не можетъ вознаградить для человѣка уже ничто иное въ жизни загробной [1]. Знаменательный отвѣтъ, который даетъ Одиссею Ахиллъ, когда Одиссей желаетъ утѣшить его въ преждевременной его кончинѣ тѣмъ, что тотъ и среди мертвыхъ

---

[1] Ср. *Teuffel*, s. 83.—*Nägelsbach*, въ послѣдней гл. „homerich. Theolog." S. 310 ff., напротивъ старается доказать, что человѣч. жизнь считается въ эпоху Гомера сама по себѣ уже несчастьемъ, въ силу своей ограниченности, связанности, постоянныхъ бѣдствій и страданій, общихъ для всего человѣчества и прекращающихся только со смертью человѣка. Онъ старается доказать, что согласно воззрѣніямъ этой эпохи люди являются не болѣе, какъ δειλοὶ βροτοὶ и βροτοὶ καμόντες въ противоположность μάκαρες θεοί, какъ абсолютно чуждыхъ земныхъ страданій; что весь блескъ и радости жизни были только внѣшними, не проникая собою сокровенныхъ внутреннихъ сторонъ міросозерцанія тогдашняго грека и что древнее проклятіе тяготѣло надъ человѣчествомъ уже въ эту эпоху его, повидимому, счастливой юности, уже надъ этимъ міромъ героевъ. Сопоставленіе многочисленныхъ мѣстъ изъ Ил. и Од., между которыми встрѣчаются и примѣры, приводимые самимъ же Nägelsbach'омъ (s. 328—330 и 308—309), показываетъ однако, что воззрѣнія грековъ Гомеровской эпохи на земное ихъ существованіе отнюдь не были столь пессимистическими.

остается такимъ-же царемъ и героемъ, какимъ былъ онъ и среди живыхъ, достаточно ясно показываетъ намъ ту сравнительную цѣнность, какую имѣла въ глазахъ тогдашняго грека жизнь земная и жизнь загробная. На всѣ утѣшенія Одиссея Ахиллъ отвѣчаетъ, что желалъ бы быть лучше послѣднимъ поденщикомъ на землѣ, чтобы только пользоваться счастьемъ жизни, нежели умерши царствовать хотя бы надъ всѣми умершими. (Od. λ, 488 и сл.). Такимъ образомъ, быть человѣкомъ и жить на землѣ есть уже счастье, несмотря на то, что человѣкъ въ теченіе всей земной своей жизни подвергается самымъ разнообразнымъ страданіямъ, — счастье потому что самый фактъ бытія есть нѣчто абсолютно цѣнное, есть даръ боговъ, заслуживающій всякой благодарности по отношенію къ этимъ послѣднимъ, и всякая радость, находящая себѣ сверхъ того мѣсто въ человѣческой жизни является какъ-бы актомъ особеннаго, незаслуженнаго человѣкомъ благодѣянія со стороны боговъ; а если человѣкъ въ дѣйствительности и обреченъ испытывать многочисленныя страданія, то вѣдь онъ и одаренъ для этого могучей природой, способной весьма многое вынести. (Il. ω, 49; Od. ε, 222; ρ, 284, ν, 18 и др.). Единственнымъ абсолютнымъ бѣдствіемъ такимъ образомъ для него является только неизбѣжная тѣлесная смерть послѣ кратковременнаго земного существованія. Онъ ненавидитъ ее, потому что, отнимая у него тѣло, она лишаетъ его навсегда возможности пользоваться какими-бы то ни было благами земного существованія и обрекаетъ его на безсознательное и потому несчастное пребываніе въ томъ самомъ мрачномъ царствѣ Аида, которое, по словамъ поэта (Il. ν. 65), — ненавистно даже самимъ безсмертнымъ богамъ. Поэтому только мотивы особенной важности, въ случаяхъ столкновенія между этой любовью къ жизни и представляющейся возможностью смерти, могли заставить отдать предпочтеніе послѣдней. Такими мотивами были, напр., исполненіе долга чести, любовь къ отечеству, или какое-либо особенно интенсивное чувство, скрывающее на время отъ человѣка всѣ прелести земной жизни, — доводящее его до потери сознанія ея цѣнности, какъ это видимъ, напр., въ случаяхъ невыносимой тоски, причиненной потерей любимѣйшаго существа или даже долгой разлукою съ нимъ (примѣры Ахилла, Антиклеи, Одиссея; (Il. σ, 33 и сл 98 и сл.; Od. α, 59; δ, 539; κ, 50 и др.), или чувство слишкомъ глубоко оскорбленнаго самолюбія, доводящее обиженнаго до бѣшенства,

римѣръ Аякса), причемъ однако пожеланіе смерти *добровольно* приво-
тся въ исполненіе только въ одномъ случаѣ, только Аяксомъ, если
лько можно назвать добровольнымъ этотъ актъ самоубійства, со-
ршенный имъ въ состояніи безумія.

Соотвѣтственно этому *идеалъ счастливѣйшаго существованія* не
реносится еще грекомъ Гомеровской эпохи въ жизнь загробную,
относится всецѣло къ жизни земной съ ея конечными, но ре-
ьными благами. Гомеръ называетъ блаженными, счастливѣйшими
(μάκαρες) Феакійцевъ, которые проводятъ жизнь свою въ дружес-
мъ общеніи между собою, въ пріятныхъ пиршествахъ, пѣсняхъ и
роводныхъ плясках. (Od. θ, 248). Одиссей неоднократно указы-
етъ свой идеалъ человѣческаго счастья опять таки въ томъ по-
женіи благосостоянія, которое позволяло-бы проводить земную
изнь въ веселыхъ пиршествахъ съ виномъ и пѣніемъ и въ тѣс-
омъ, разумномъ общеніи съ многочисленными согражданами (Od. ι,
—11; ζ, 154 и сл.; κ, 8 и сл. и др.).

Мы подошли теперь къ важнѣйшему для насъ пункту Гомеров-
каго міросозерцанія, — къ его воззрѣніямъ [1] на *загробную жизнь*.
сли у грека этого времени, — какимъ узнаемъ мы его изъ словъ
оэта, — существуетъ такая сильная привязанность къ жизни зем-
ой; если ея блага представляются въ его глазахъ благами высшими
единственными, то *такое именно отношеніе его къ этой жизни
буславливается непосредственно характеромъ тѣхъ представленій,
акія имѣлъ онъ относительно загробнаго существованія*. Мы оста-
авливаемся въ виду этого съ особенными подробностями на этихъ
ослѣднихъ, какъ на представленіяхъ, изслѣдованіе которыхъ состав-
яетъ ближайшій и важнѣйшій предметъ нашего труда; при этомъ мы
остараемся дать сначала *общую картину загробной жизни и самой
реисподней*, какою является она изъ простого сопоставленія отдѣль-
ыхъ ея описаній въ различныхъ частяхъ Гомеровскаго эпоса; а
тѣмъ уже, выдѣливши въ этихъ описаніяхъ представленія *под-
инно Гомеровскія* отъ разнообразныхъ позднѣйшихъ *интерполяцій*,
руппируемъ въ одно цѣлое только тѣ характерныя черты, кото-
ыхъ совокупность показываетъ уже *подлинно Гомеровскую картину*

[1] А вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, воззрѣніямъ и всего вообще греческаго на-
рода Гомеровской эпохи.

преисподней и жизни въ ней, свободную отъ всѣхъ привнесенных сюда впослѣдствіи и чуждыхъ ей элементовъ.

Каковы были первые моменты загробного существованія души моменты, непосредственно слѣдующіе за разлученіемъ души и тѣм по смерти послѣдняго?..—Въ послѣдней, 24-й, пѣснѣ Одиссеи (Od ω, 1 и сл.), поэтъ картинно рисуетъ намъ эти первые посмертны моменты существованія жениховъ Пенелопы, только что умерщвлен ныхъ Одиссеемъ. Немедленно же послѣ кончины злополучныхъ же ниховъ водитель душъ, Каллинейскій богъ, Гермесъ вызываетъ их души изъ труповъ и, взмахнувши своимъ чудеснымъ жезломъ, на водящимъ по желанію бога сонъ на бодрствующихъ и наоборот пробуждающимъ спящихъ, отводитъ ихъ безпорядочно столпившуюс подлѣ него и съ визгомъ летящую толпу въ преисподнюю. (Od. ω 1—9).—Переходъ этотъ отъ мѣста смерти до преисподней совер шается съ величайшею быстротою, ибо совершается непосредственн безъ предварительнаго суда предъ лицомъ трехъ загробныхъ судей безъ переѣзда въ лодкѣ Харона и т. п., о чемъ узнаемъ мы тольк изъ позднѣйшихъ сказаній. Одиссей, прибывши на быстромъ своем кораблѣ и при попутномъ вѣтрѣ къ мѣсту у входа въ царство Аид указанному ему Цирцеей, видитъ тамъ уже душу одного изъ своих товарищей, Эльпенора, который лишился жизни передъ самымъ от ѣздомъ Одиссея, упавши съ высокой крыши, и даже не былъ ещ погребенъ (Od. λ, 51 и сл.). На эту скорость перехода въ царств Аида обращаетъ вниманіе и самъ Одиссей, выразивши душѣ бы шаго своего товарища удивленіе, что эта послѣдняя совершила пу свой сюда гораздо скорѣе, чѣмъ самъ онъ на быстроходномъ к раблѣ и при содѣйствіи вѣтра.

Самый путь, по которому души умершихъ могли проникнуть в назначенное для загробной ихъ жизни жилище, описывается въ цѣ ломъ рядѣ послѣдовательныхъ пунктовъ ихъ шествія вмѣстѣ съ Ге месомъ въ дальнѣйшихъ стихахъ 24-й рапсодіи (Od. ω, 9—14) Гермесъ ведетъ души жениховъ прохладной дорогой черезъ быстро теченіе Океана, мимо скалы Левкада, мимо воротъ Геліоса и об ласти сна, пока, наконецъ, прибываетъ вмѣстѣ съ ними на Асфо делонскій лугъ, на которомъ находятся уже многочисленныя душ прежде умершихъ и который, повидимому, является послѣднимъ наз наченнымъ для нихъ по смерти жилищемъ.—Въ другомъ мѣстѣ,—

(Od. κ, 508—515),—Цирцея, направляя Одиссея въ царство Аида за полученіемъ предсказаній о судьбѣ его отъ пророка Тирезія, подробно описываетъ ему тѣ внѣшнія примѣты, сообразуясь съ которыми Одиссей можетъ безошибочно достигнуть этого царства. Согласно ея указаніямъ, онъ долженъ былъ прежде всего переплыть Океанъ; далѣе, прибывши къ землистому берегу, на которомъ растутъ лѣса Персефоны изъ ивъ, теряющихъ свои плоды, и черныхъ тополей, и поставивши свой корабль въ безопасное мѣсто, долженъ былъ вступить въ туманную область Аида, гдѣ протекаютъ въ Ахеронъ и широкій Пирифлегетонъ, и Кокитъ, служащій стокомъ для Стикса: здѣсь-то, гдѣ сливаются вмѣстѣ обѣ шумящія рѣки, долженъ былъ находиться утесъ, подлѣ котораго и могъ, наконецъ, Одиссей при помощи особыхъ заклинаній вызвать души умершихъ изъ самой преисподней. Такимъ образомъ, этотъ именно утесъ, подъ которымъ сливались рѣки, протекавшія въ области Аида, повидимому, являлся тѣмъ крайнимъ предѣломъ, дальше котораго не могъ уже проникнуть Одиссей, оставаясь въ живыхъ, и дальше котораго начиналась уже собственно преисподняя, обитель умершихъ.

Приблизительно такими же чертами рисуетъ и самъ Одиссей свой путь въ область Аида (Od. λ, 13—22): онъ переѣзжаетъ тотъ же Океанъ, за которымъ начинается туманная область Киммеріянъ, гдѣ никогда не показывается Геліосъ; затѣмъ, вытащивши корабль на берегъ и отправившись далѣе по направленію теченія Океана, приходитъ такимъ обр. къ мѣсту, указанному ему Цирцеей.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гомеръ, не указывая ближе никакихъ подробностей мѣстоположенія преисподней, называетъ жилищемъ, гдѣ обитаютъ души умершихъ, просто «глубокія бездны Эреба, (Il. ϑ, 368, ι, 572; π, 327 и др.;), или выражается еще болѣе неопредѣленно: κατὰ χϑονός, (Il. ψ, 100) ὑπὸ γαῖαν (Il. σ, 333), ὑπένερϑν, (Il. γ, 278) и т. п.

Самый *составъ населенія царства Аида*,—если такъ можно выразиться,—Гомеръ описываетъ въ 11-й и отчасти 24-й п. весьма подробно. Когда Одиссей совершилъ указанное ему Цирцеей жертвоприношеніе съ особыми заклинаніями и, наполнивши кровью жертвенныхъ животныхъ вырытую имъ подъ утесомъ яму, сталъ подлѣ нея съ обнаженнымъ мечемъ, къ нему слетѣлось множество душъ, жаждавшихъ отвѣдать этой жертвенной крови, чтобы хотя на ко-

роткое время получить свое прежнее сознаніе. Первой была д Эльпенора, тѣло котораго еще не было погребено въ это вј (Od. λ, 51 и сл.): разсказавши кратко о печальной своей уча она умоляетъ Одиссея предать его (Эльпенора) тѣло достойн погребенію согласно обычаямъ, что Одиссей и обѣщаетъ по прі исполнить. Первой является душа Эльпенора потому, что имѣя т еще непогребенное, она находится [1] еще не внутри преиспод а только у входа въ нее. Далѣе слѣдуетъ длинный каталогъ им въ которомъ Одиссей перечисляетъ уже обитателей самой преис ней. Отогнавши мечемъ нѣкоторыя души, появлявшіяся раньше резія, и прежде всего душу собственной своей матери Антик Одиссей видитъ, наконецъ, душу пророка; допускаетъ ее напи крови и выслушиваетъ предсказанія относительно будущей сі судьбы (Od. λ, 90 и сл.). Далѣе, допустивши къ крови прежде гихъ душу своей умершей матери и тотчасъ же послѣ этого узі ный ею, Одиссей ведетъ съ нею трогательную бесѣду, (Od. λ, и сл.), изъ которой узнаетъ о судьбѣ ея самой и судьбѣ отца; і чемъ движимый сыновнею любовью, онъ трижды пытается обі свою мать, но всякій разъ безуспѣшно потому, что душа ея, і дымъ, ускользаетъ изъ его рукъ —Вслѣдъ затѣмъ (Od. λ, 225—2 къ жертвенной крови прилетаютъ одна за другой души знамениті нѣкогда женъ, блиставшихъ при жизни своею красотою и друг достоинствами и удостоившихся по большей части любви сам безсмертныхъ боговъ. Тутъ была и Тиро, супруга Крефея, съ торой сочетался нѣкогда самъ Посейдонъ; и Антіопа, у кото отъ Зевса родились Амфіонъ и Зетосъ; и Алкмена, родившая Зевса могучаго Геракла; и Мегара, супруга Геракла; и Эпика мать и жена Эдипа, и Леда съ обоими сыновьями своими, Ка ромъ и Полидевкомъ, и еще многія другія. Каждая изъ нихъ, пившись крови, кратко разсказываетъ Одиссею о своей судьбѣ Желая затѣмъ узнать о судьбѣ въ преисподней прежнихъ свої сподвижниковъ по Троянской войнѣ, —Агамемнона, Ахилла и онъ охотно допускаетъ ихъ всѣхъ къ жертвенной крови и вед съ ними продолжительный разговоръ: причемъ только душа Ая

---

[1] Какъ это вѣрно замѣчаетъ *Bellinger*: Quae Homeri de Orci natura et animar post mortem conditione fuerit sententia commentatio. 1847, Hedamar. pag. 8.

сохранившая и послѣ тѣлесной смерти ненависть къ Одиссею, не пожелала къ нему приблизиться и, мрачно, постоявши въ отдаленіи отъ него, молча удалилась затѣмъ въ глубины преисподней. (Od. 7, 543 и сл.).—Наконецъ, вдали отъ себя, уже внутри преисподней, Одиссей увидѣлъ Миноса (568—571), сидящаго со скипетромъ въ рукѣ и рѣшающаго тяжбы спорящихъ между собою душъ, которыя сидѣли и стояли вблизи него въ ожиданіи приговора, толпясь въ пространныхъ воротахъ дома Аида. Увидѣлъ Оріона (572-575), гнавшаго тѣни животныхъ, которыя нѣкогда были убиты имъ на землѣ; Титія (576—581), печень котораго непрестанно терзали коршуны; Тантала (582—592), мучимаго вѣчнымъ голодомъ и жаждою, которыхъ онъ никогда не могъ утолить; Сизифа (530—600), вѣчно катящаго въ гору свой камень, который достигши вершины всякій разъ снова скатывался внизъ; наконецъ, Геракла (600 и сл.), котораго призракъ (εἴδωλον) съ лукомъ и стрѣлами стоялъ въ угрожающей позѣ здѣсь, въ преисподней, тогда какъ онъ самъ (αὐτὸς δὲ) пребывалъ на Олимпѣ съ богами. Послѣ того, желая еще увидѣть Тезея и Пейриѳоя, но опасаясь, чтобы изъ глубины преисподней не появилась передъ нимъ страшная голова Горгоны, Одиссей, испуганный ужаснымъ шумомъ, который подняли возлѣ него слетѣвшіяся во множествѣ души, быстро уходитъ къ кораблю и уплываетъ обратно.

Нѣкоторые изъ тѣхъ же обитателей преисподней указываются и въ 24-й п. Одиссеи (15—205), гдѣ разсказывается о томъ, что когда души убитыхъ жениховъ приведены были Гермесомъ на Асфодилонскій лугъ, онѣ застали тамъ находившіяся уже ранѣе души Ахилла, Патрокла, Антилоха, Аякса, Агамемнона и др., мирно бесѣдующія другъ съ другомъ.—Такова въ общихъ чертахъ картина загробнаго существованія, которая возникаетъ передъ нами изъ сопоставленія отдѣльныхъ ея частей, содержащихся главнымъ образомъ въ обѣихъ «nekyia» Гомера [1].

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ изъ тѣхъ моментовъ ея, которые могли имѣть болѣе или менѣе близкое *отно-*

---

[1] Какъ 11-я, такъ и 24-я рапсодіи Од. извѣстны вообще подъ именемъ или „νεκυομαντεία", или „νεκυία"; послѣднее было болѣе употребительно (Strabo V, 395; Cicero, Tusc. I, 16, 37; Longin: περὶ ὕψους IX, 2; Plato, Minos 319 c и др.) Что касается ударенія, то одни ставятъ его по образцу οἰζύα, другіе по образцу μυῖα; тогда какъ Lobeck (къ Phryn., p. 494) ставитъ его на 3-мъ отъ конца слогѣ: νέκυια.

шеніе къ вазовой живописи—въ томъ смыслѣ, что такія или иныя представленія о загробномъ царствѣ, находящіяся въ *подлинныхъ* частяхъ Гомеровскаго эпоса, могли такъ или иначе выразиться и въ этой послѣдней.

Прежде всего относительно *Гермеса*, *отводящаго души умершихъ въ царство Аида*. Представленіе о такомъ водителѣ душъ, на самомъ дѣлѣ *еще чуждо подлинному Гомеровскому міросозерцанію*: нигдѣ въ другихъ частяхъ Гомеровскаго эпоса, кромѣ какъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ 24-й п. Од., нѣтъ упоминанія о такой, именно, обязанности этого бога; самая подлинность тѣхъ стиховъ 24-й рапсодіи, гдѣ говорится о Гермесѣ -Психопомпѣ и вообще о преисподней (Od. ω, 1—205) по многимъ причинамъ подвергнута сильному сомнѣнію со стороны однихъ ученыхъ и прямо отрицается другими, и это отрицаніе кажется намъ вполнѣ основательнымъ. Nägelsbach (die Homer. Theologie, S. 349) указываетъ на то, что представленіе о Гермесѣ—Психопомпѣ въ 24-й п. по меньшей мѣрѣ странно у Гомера, ибо является здѣсь совершенно единичнымъ, не находящимъ себѣ подтвержденія ни въ какой другой части Гомеровскаго эпоса. E. Rohde (Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube d. Griech. 1890. Freib. I, S. 9.) по этому предмету замѣчаетъ слѣдующее. «Есть-ли это мысль самого поэта или, что болѣе вѣроятно, только заимствованіе изъ древнихъ народныхъ вѣрованій отдѣльной мѣстности Греціи; во всякомъ случаѣ по отношенію къ твердо установленному кругу Гомеровскихъ представленій это есть нововведеніе и притомъ нововведеніе значительное... Единственное собственно Гомеровское представленіе о водительствѣ душъ, — прибавляетъ онъ въ примѣчаніи сюда,—проглядываетъ только въ одномъ стихѣ Od. ξ, 207: «ἀλλ' ἤτοι τὸν Κῆρες ἔβαν θανάτοιο φέρουσαι εἰς Ἀΐδαο δόμους». (Ср Il. β, 302.)—Κῆρες приносятъ вообще человѣку смерть; здѣсь *онѣ сопровождаютъ*, какъ въ поэзіи позднѣйшаго времени сама Thanatos, *умершаго въ царство Аида*. Онѣ суть демоны Аида; по первоначальному значенію онѣ и сами суть покинувшія жизнь души; вполнѣ естественно поэтому, если такіе водители сопровождаютъ души только что умершихъ людей въ царство тѣней. Но у самого Гомера сохранилось упоминаніе объ этомъ въ одномъ только выраженіи».

Нѣкоторые изслѣдователи, наконецъ, прямо отвергаютъ подлинность этой части 24-ой рапсодіи, утверждая, что она есть не болѣе, какъ позднѣйшая интерполляція и, стало быть, не принадлежитъ самому Гомеру [1].—Взамѣнъ Гермеса, какъ водителя душъ, одинъ изъ этихъ авторовъ, Bellinger указываетъ (ibid. pag. 13—17), нельзя сказать однако чтобы удачно, другого водителя въ лицѣ самого Аида, стараясь доказать, что, согласно вѣрованіямъ грековъ Гомеровской эпохи, самъ Аидъ исполнялъ всѣ тѣ функціи, которыя согласно позднѣйшимъ представленіямъ раздѣлены были между нимъ, Харономъ, Гермесомъ и другими его служителями. Аргументація его однако слишкомъ слаба въ этомъ случаѣ, чтобы быть серьезно принятою во вниманіе, ибо важнѣйшимъ въ ней доводомъ служитъ указаніе на извѣстный эпитетъ Аида «κλυτόπωλος»—(знаменитый конями),—трижды повторяющійся въ Иліадѣ: ε, 654, λ, 445 и π, 625; который (эпитетъ) показываетъ, по его мнѣнію, что обязанность Аида состояла не только въ принятіи душъ умершихъ въ свое царство, но и въ сопровожденіи ихъ туда, ибо въ противномъ случаѣ его знаменитые кони никогда не были бы для него пригодны. Устраняя это послѣднее его соображеніе, какъ по меньшей мѣрѣ ничѣмъ недоказанное, мы склонны однако думать вмѣстѣ съ тѣми, которые отрицаютъ подлинность этой первой части 24-ой рапсодіи, что *представленіе о Гермесѣ-Психопомпѣ въ собственно Гомеровскомъ эпосѣ является представленіемъ чуждымъ, привнесеннымъ сюда изъ другихъ источниковъ*, хотя быть можетъ и еще болѣе древнихъ, чѣмъ даже самыя произведенія Гомера. Что касается произведеній вазовой живописи, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло съ изображеніеми Гермеса-Психопомпа, то относительно ихъ, какъ увидимъ впослѣдствіи [2], несомнѣнно, что *писаны они во всякомъ случаѣ не подъ непосредственнымъ вліяніемъ разсматриваемой первой части 24-ой рапс. Од.*, такъ какъ на всѣхъ этихъ картинахъ мы встрѣчаемъ рядомъ съ Гермесомъ также фигуру Харона,—того пресловутаго перевозчика душъ черезъ подземное озеро, на существованіе котораго Гомеръ не дѣлаетъ еще ни малѣйшихъ намековъ.

---

[1] Таково, напр., мнѣніе Bellinger: quae de Orci natura etc. p 16—Cp. Spohn: comment. de extrema parte Odyss.

[2] См. описаніе вазъ группы X-ой.

Другимъ моментомъ, на которомъ должно остановиться съ нѣсколько бо́льшими подробностями, является вопросъ *о локализаціи царства Аида*, какъ имѣющій весьма близкое отношеніе къ вазовой живописи. Изъ всѣхъ представленій о мѣстонахожденіи загробнаго царства самымъ простымъ и естественнымъ было то, которое полагало его находящимся *въ подземныхъ глубинахъ*,—въ самыхъ нѣдрахъ земли [1]: въ землю всасывается кровь раненыхъ, съ потерею которой прекращается и самая жизнь человѣка; въ землю же полагаютъ тѣло умершаго и въ землю обращается все живущее. Оттого-то въ ея мрачныхъ глубинахъ, полныхъ таинственности, прежде всего древній грекъ думалъ найти то самое мѣсто, гдѣ возможно было бы и продолженіе бытія если не для всего человѣка, потому что тѣло его по смерти очевидно для каждаго разрушается, то по крайней мѣрѣ для другой, не уничтожающейся, высшей части его существа, для его души.– Отсюда и древнѣйшія названія этой области умершихъ у Гомера: ὑπὸ γαῖαν, κατὰ χθονός, ὑπὸ κεύθεσι γαίης и т. п.,—всѣ указываютъ на такое именно *подземное* ея положеніе. Должно замѣтить однако, что это наиболѣе простое и естественное представленіе о загробномъ царствѣ оказывалось для изобразительныхъ искусствъ какъ разъ наименѣе плодотворнымъ: эти общія и неясныя указанія, дѣйствующія на *фантазію* съ такою силою, именно, благодаря своей мрачной таинственности, но лишенныя какихъ бы то ни было *живописныхъ* подробностей, характеризуя эту область умершихъ только, какъ мѣсто, полное мрака, *не давали для воспроизведенія ихъ въ живописи, имѣющей дѣло всегда съ свѣтовыми эффектами и съ объектами видимыми, никакихъ матеріаловъ.*

Иное значеніе для такого воспроизведенія могли имѣть тѣ описанія, которыя даютъ Одиссей и Цирцея, отчасти также авторъ первой части 24-ой рапсодіи Од. Несмотря на значительную неясность, которая господствуетъ еще въ этихъ описаніяхъ и которая дѣлаетъ весьма труднымъ рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ именно и въ какомъ видѣ представляется царство Аида въ подлинныхъ частяхъ «νεκυία» Гомера,—они содержатъ въ себѣ немало такихъ элементовъ, которые могли служить и дѣйствительно, какъ увидимъ, служили удобнымъ матеріаломъ для воспроизведенія ихъ въ античной живописи и даже

---

[1] Teuffel. Studien und Charakteristiken, S. 40.

пластикѣ.—*Гдѣ же, именно, согласно этимъ описаніямъ*, (содержаніе которыхъ извѣстно уже изъ предыдущаго), *локализировалось царство умершихъ и каковы были въ нихъ элементы, пригодные для пользованія художникомъ?..*

Отвѣчая на первый изъ этихъ вопросовъ, изслѣдователи подѣлились на двѣ группы: представители одной утверждали, что поэтъ указываетъ *два совершенно различныхъ мѣста*, гдѣ обитаютъ души умершихъ; одно, какъ сказано было выше, находящееся въ мрачныхъ подземныхъ глубинахъ; другое—имѣющее мѣсто гдѣ-то на далекомъ западѣ за Океаномъ и не стоящее ни въ какой связи съ первымъ изъ нихъ [1]. Представители другой группы [2], и таковыхъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ, объясняютъ кажущееся противорѣчіе въ Гомеровскихъ представленіяхъ вполнѣ удовлетворительно: согласно ихъ толкованію, къ которому и мы охотно присоединяемся, *это царство умершихъ представляется по Гомеру дѣйствительно царствомъ подземнымъ, царствомъ вѣчнаго мрака, но въ то же время такимъ, что входъ въ него находится на далекомъ западѣ, за глубокимъ и быстротекущимъ Океаномъ, обходящимъ землю съ юга на сѣверъ.*

Отсюда понятнымъ становится, въ какой степени вышеприведенныя Гомеровскія описанія могутъ служить непосредственнымъ матеріаломъ для воспроизведенія ихъ въ пластическомъ искусствѣ, и въ частности въ произведеніяхъ вазовой живописи. Говоря коротко, *содержаніе всѣхъ ихъ, взятыхъ вмѣстѣ* (мы говоримъ о подлинныхъ частяхъ Гомеровскаго эпоса), *даетъ картинное изображеніе только того пути, который ведетъ въ преисподнюю, а также самаго входа въ эту послѣднюю, причемъ этотъ входъ въ преисподнюю является тѣмъ послѣднимъ, крайнимъ предѣломъ, дальше котораго самъ Одиссей, а вмѣстѣ въ нимъ, слѣдовательно, и фантазія самого художника уже не можетъ проникнуть.*

Встрѣчающіяся на этомъ пути: широкое теченіе Океана; живописныя рощи Персефоны изъ черныхъ тополей и ивъ, растущія по

[1] Nägelsbach: d. Homer. Theolog., S. 344, и н. др.

[2] Nitzsch: erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee, Hannover 1840, III, s. 187; 297 и 307. Teuffel: Studien und Charakteristiken, s. 41 и сл.; Voss: alte Weltkunde, XIV и XXIV, и др.

берегу; цѣлая группа рѣкъ, протекающихъ въ царствѣ Аида: Ахеронъ, Пирифлегетонъ, Кокитъ и Стиксъ, вмѣстѣ съ тѣмъ утесомъ подъ которымъ сливаются послѣднія,—все это могло служить весьма подходящимъ матеріаломъ для кисти художника, совершенно независимо оттого, давалось-ли въ Гомеровскомъ эпосѣ сверхъ того и дальнѣйшее описаніе самого внутренняго устройства преисподней или нѣтъ.

Живость представленій объ этомъ пути въ преисподнюю должна была еще болѣе усиливаться для художника, если *Гомеръ*, – какъ это старались доказать уже издавна, уже въ классической древности и неоднократно впослѣдствіи,—*не просто черпалъ отдѣльныя черты своего описанія изъ собственной поэтической фантазіи, но рисовалъ ихъ непосредственно съ натуры*, съ тѣхъ реально существовавшихъ въ его время мѣстностей, которыя по народнымъ представленіямъ той эпохи служили входомъ въ царство Аида [1].—Уже у Herodot. VIII, 47 и Thukydid. I, 46 указываются исторически существовавшіе Ахеронъ и озеро Ахерусія (Ἀχερουσία λίμνη) въ Θеспротіи. Павзаній I, 17, 5, прибавляетъ къ нимъ еще указаніе Кокита въ той же мѣстности, высказывая при этомъ свое соображеніе, что именно отсюда заимствовалъ Гомеръ описаніе и самыя названія для рѣкъ своей преисподней. Изъ другихъ писателей мы узнаемъ, что и въ иныхъ мѣстахъ извѣстны были нѣкоторыя изъ этихъ именъ, какъ принадлежавшія дѣйствительно существовавшимъ водамъ: такъ Ахеронъ и озеро Ахерусія находились и близъ Гераклеи (Apoll. Rhod. II, 354 и сл. со Shol.); отдѣльно Ахеронъ указывается у Liv. VIII, 24, близъ Pandosia въ Калабріи; наконецъ, близь Cyme исторически извѣстны были Стиксъ и тѣ горячіе источники, которые могли служить первообразомъ для созданія представленія о Пирифлегетонѣ (Strabo V, 395 и сл.). Любая изъ такихъ мѣстностей, внѣшній видъ которыхъ давалъ поводъ народной и индивидуальной фантазіи представлять ихъ какъ бы, преддверіемъ въ царство Аида, могла служить такимъ образомъ для поэта или художника канвою, на которой онъ рисовалъ затѣмъ болѣе или менѣе свободно соотвѣтствующую его цѣлямъ картину.

---

[1] См. O. Müller: Prolegomena zur wissenschaftl. Mythologie, S. 363 и сл.; Nitzsch erklär. Anmerkungen, III, S. 156 и сл.

Чтобы понять далѣе, въ какой мѣрѣ всѣ остальныя части обѣихъ Гомеровскихъ «пекуіа» могли служить матеріаломъ для воспроизведенія ихъ въ искусствѣ, чтобы выяснить затѣмъ, въ какомъ именно видѣ должна была быть изображаема въ этомъ послѣднемъ самая преисподняя со всею, происходящею въ ней жизнью, если художникъ желалъ непосредственно слѣдовать за поэтомъ, — необходимо остановиться теперь на подробномъ разсмотрѣніи этихъ остальныхъ частей,—необходимо потому, что для правильнаго пониманія народныхъ представленій о преисподней въ эпоху Гомера *должно ясно выдѣлить подлинныя части Гомеровскаго описанія отъ чуждыхъ ему интерполляцій позднѣйшаго времени* не только несходныхъ, но даже нерѣдко стоящихъ въ противорѣчіи съ подлинными воззрѣніями поэта и его современниковъ. Сопоставленіе первыхъ изъ нихъ со вторыми,—подлинныхъ частей съ интерполляціями,—ясно покажетъ въ заключительномъ выводѣ, каковы именно должны быть тѣ произведенія пластическаго искусства, въ которыхъ преисподняя изображена согласно подлинному Гомеру.

Поэтъ говоритъ намъ о многочисленномъ и разнообразномъ *населеніи душъ*, обитающихъ въ преисподней... Изъ кого составлялось это населеніе?.. Каково было его положеніе въ царствѣ Аида и каково было самое внутреннее устройство подлинно Гомеровской преисподней?.. Другими словами, каковы должны были быть тѣ отдѣльные конкретные образы, изъ совокупности которыхъ могла быть воспроизведена художникомъ картина преисподней въ томъ ея видѣ, въ какомъ она раскрывается читателю въ подлинныхъ частяхъ Гомеровскаго эпоса?..—Гомеръ опредѣленно указываетъ на то, что въ составъ населенія преисподней имѣли возможность войти только души тѣхъ изъ умершихъ, которыхъ тѣла уже удостоены были обычныхъ погребальныхъ почестей; что соединеніе души умершаго съ другими внутри преисподней было невозможно втеченіи всего того времени, пока тѣло ея оставалось на землѣ лишеннымъ честнаго погребенія. Поэтому душа Эльпенора является къ Одиссею прежде всѣхъ остальныхъ и обращается къ нему съ горячею просьбой—предать его тѣло возможно скорѣйшему погребенію, чтобы тѣмъ самымъ доставить душѣ его возможность войти въ преисподнюю [1].—

---

[1] Nitzsch, ibid. III, s. 199, приводитъ по этому предмету замѣчаніе одного грамматика, съ которымъ авторъ высказываетъ свое полное согласіе: „совершенно правъ

Подобнымъ же образомъ и душа Патрокла проситъ Ахилла (Il. ψ, 71 и сл.) какъ можно скорѣе предать погребенію ея тѣло, дабы сама она могла вслѣдъ затѣмъ соединиться съ обитающими внутри преисподней душами. Въ такомъ же видѣ представилъ положеніе душъ непогребенныхъ и художникъ, создавшій извѣстную *Эсквилинскую картину* нынѣ находящуюся въ Ватиканѣ [1]: онъ изобразилъ здѣсь, согласно съ поэтомъ, душу Эльпенора не внутри самой преисподней вмѣстѣ съ другими душами, а сидящею у входа въ нее на высокой скалѣ. Только согласно интерполлированной части 24-ой пѣсни Од. души убитыхъ, но непогребенныхъ еще жениховъ могли проникнуть внутрь преисподней, непосредственно соединившись съ бывшими тамъ уже ранѣе обитателями; но это противорѣчіе ея съ несомнѣнными Гомеровскими представленіями давало александрійскимъ критикамъ, какъ и позднѣйшимъ, еще бо́льшее основаніе для признанія подложности этой первой части 24-ой рапсодіи, которая и во многихъ другихъ отношеніяхъ оказывается стоящей въ противорѣчіи съ подлинно Гомеровскими представленіями. (См. Eustath. ad Odyss. 1957, 18; Schol. A ad Il. ψ, 73 и др). Такимъ образомъ, *совершеніе погребальныхъ обрядовъ надъ тѣломъ умершаго являлось главнѣйшимъ или даже единственнымъ условіемъ для допущенія души его въ преисподнюю.* Все остальное уже не имѣло существеннаго значенія для судьбы каждой изъ этихъ душъ въ Гомеровской преисподней: всякій, кто только по рожденію своему принадлежалъ къ смертному человѣческому роду, хотя бы и былъ потомкомъ даже кого-либо изъ самихъ боговъ; всякій, кто только жилъ и умиралъ, былъ ли это великій преступникъ, или человѣкъ высокихъ добродѣтелей; славный своими подвигами герой, или обыкновенный средній человѣкъ, не совершившій при жизни ни великихъ злодѣяній, ни выдающихся подвиговъ добродѣтели,—*всякій по смерти*

былъ,—говоритъ онъ,—тотъ грамматикъ, который у Plutarch. Sympos. IX, Quest. V, 3 замѣчаетъ: τῶν Ὁμηρικῶν ψυχῶν ὅσας ἐν νεκυίᾳ κατωνόμακεν ἡ μὲν Ἐλπήνορος, ὅύπω, καταμεμιγμένη ταῖς ἐν ἅδου διὰ τὸ μὴ τεθάφθαι τὸν νεκρὸν ὥσπερ ἐν μεθορίοις πλανᾶται“.

[1] Woermann: die antiken Odysseelandschaften, München 1876; Landschaft 329 Archäolog Zeitung 1876, s. 89 и сл. Helbig: Untersuchungen über d. Campanische Wandmalerei, Leipzig 1873, S 217 и сл. Baumeister: Denkmaler d. kl. Alt. II, S. 857 и рис. 939; III, S. 1930 и др.

одинаково со всѣми другими долженъ былъ сойти въ одну и ту же преисподнюю, въ одно и то же мрачное царство Аида, гдѣ души всѣхъ, прежде жившихъ, добрыхъ и злыхъ, составляли единое, смѣшанное, безконечное по числу населеніе. Въ этомъ полномъ еще отсутствіи раздѣленія умершихъ, добрыхъ и злыхъ, героевъ и обыкновенныхъ смертныхъ, *по мѣсту* ихъ загробнаго существованія, въ этомъ помѣщеніи всѣхъ душъ въ *одну и ту же* преисподнюю заключается оригинальная особенность Гомеровскаго міросозерцанія [1].

Но, можетъ быть, въ этой единой преисподней души различныхъ умершихъ различены были *по сравнительному положенію каждой*, соотвѣтственно винѣ и заслугамъ ея въ періодъ земного существованія?..—Рѣшеніе этого, равно какъ и другихъ, вопросовъ, съ нимъ связанныхъ, оказывается уже болѣе затруднительнымъ, благодаря ихъ запутанности и сложности. Мы остановимся здѣсь, прежде чѣмъ отвѣтить на главный, предложенный только что вопросъ, на разсмотрѣніи одного важнаго пункта Гомеровской эсхатологіи, необходимомъ для того, чтобы отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ понятенъ и ясенъ.

Что такое представляла собою,—согласно вѣрованіямъ этой эпохи,—*душа умершаго по разлученіи ея съ тѣломъ*?..—Когда смерть прекращаетъ земное существованіе человѣка, этотъ прежній человѣкъ,—согласно Гомеровскимъ представленіямъ,—такъ сказать, раздѣляется на свои составные элементы, которые претерпѣваютъ въ дальнѣйшемъ совершенно различную судьбу: элементы тѣлесные, будетъ ли тѣло сожжено или погребено иначе, или вовсе лишено погребенія, подвергаются полному разложенію; прежнее тѣло человѣка уничтожается: напротивъ, его прежнее духовное «я», его такъ называемая ψυχή—душа продолжаетъ свое существованіе вѣчно, и это дальнѣйшее ея существованіе протекаетъ неизмѣнно въ пре-

---

[1] Исключеніе для Менелая, о которомъ мы узнаемъ изъ пророчества Протея (Od. δ, 561—569), исключеніе, въ силу котораго Менелай, мужъ дочери Зевса Елены, долженъ былъ быть избавленъ отъ тѣлесной смерти и посланъ на поля Елисейскія къ златовласому Радаманту,—не является опроверженіемъ всеобщности этого положенія, ибо 1) это мѣсто въ Od. есть не болѣе, какъ позднѣйшая интерполяція (см. Nitzsch III, 182), а 2) въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о простомъ продолженіи тѣлеснаго существованія внѣ обычныхъ его условій, въ силу исключительнаго акта воли самого царя боговъ Зевса, зятемъ котораго былъ Менелай.

исподней. Душа человѣка въ ея загробной жизни представляетъ собою однако уже нѣчто иное, чѣмъ душа человѣка въ періодъ его земного существованія: всѣ тѣ высшія силы или способности души, которыми обладала она при жизни человѣка, каковы: φρένες, ἦτορ, κραδίη, στῆθος, νόος, θυμός, μένος,—тѣ способности, которыя обусловливаютъ собою отправленіе высшихъ функцій сознанія, воли и чувствъ, уничтожаются вмѣстѣ съ тѣлесною смертью, потому что всѣ онѣ, согласно Гомеру, коренятся именно въ элементахъ самаго тѣла,—главнымъ образомъ, въ крови человѣка, а не въ самой его ψυχή, и потому эта послѣдняя, оставляя свое прежнее тѣло и уходя въ преисподнюю, теряетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и всѣ указанныя способности, становясь въ преисподней не болѣе, какъ лишеннымъ сознанія εἴδωλον [1]. *Это отсутствіе сознанія и связанныхъ съ нимъ актовъ воли и чувствъ* и служитъ важнѣйшею особенностью, отличающею души умершихъ, находящіяся въ преисподней, отъ душъ людей въ періодъ земной ихъ жизни, и только одному пророку Тирезію въ видѣ особой награды оставлено и въ загробномъ царствѣ его прежнее сознаніе и способность угадывать будущее (Od. γ, 493 и сл.).

Интересны представленія, стоящія въ связи съ только что указанными. Такъ какъ, именно, элементы чисто тѣлесные, и преимущественно кровь, служатъ, по Гомеру, сѣдалищемъ сознательныхъ функцій души, то при помощи крови же и всякая душа, уже находящаяся въ преисподней, способна на нѣкоторое время и до нѣкоторой степени получать сознаніе, подобное прежнему, способна оживляться, вспоминать прошедшее и понимать настоящее и т. д., но все это лишь на самое короткое время, чтобы впасть затѣмъ снова въ прежнее мрачное и безсознательное состояніе тѣней. Этимъ объясняется то обстоятельство, что души умершихъ такъ жадно устремляются къ жертвенной крови, наполняющей вырытую Одиссеемъ яму, наперерывъ стараясь отвѣдать ея; этимъ объясняется и то, что душа даже самого Тирезія, которая и вообще обладаетъ въ загробномъ царствѣ способностью предвѣдѣнія, все-таки напивается этой жертвенной крови, для того чтобы, подкрѣпившись ею, еще болѣе усилить эту свою пророческую способность.

[1] Völcker: über die Bedeutung von ψυχή und εἴδωλον in d. Ilias und Odyssee, Giessen. 1825. Nägelsbach: die Homer. Theolog., S. 331—342. Nitzsch III, 188—191 и др.

Что касается самой *субстанціи душъ* послѣ тѣлесной смерти и ихъ *внѣшняго вида*, то представленія Гомера и въ этомъ отношеніи оказываются своеобразными. Такъ какъ огонь уничтожаетъ тѣло и кости умершаго (Od. λ, 219 и сл.), то душа не уноситъ съ собою въ преисподнюю и тѣхъ тѣлесныхъ элементовъ, которые дѣлали бы ее ощутимою для человѣка (Od. λ, 206 и сл.). Въ силу этого напрасными оказываются попытки Одиссея обнять явившуюся передъ нимъ душу его матери: какъ и всѣ другія души въ Гомеровской преисподней, она оказывается подобно *тѣни*,—*видимой, но не осязаемой*, откуда и самыя названія ихъ: σκιαί, Od. κ, 495 и др., ἀμενηνὰ κάρηνα, Od. 29 и др.; εἴδωλα, Od. λ, 476 и др.—Вмѣстѣ съ этимъ однако души умершихъ,— что имѣетъ для пластическаго искусства особенное значеніе, — сохраняютъ и въ преисподней близкое *сходство* съ тѣмъ внѣшнимъ обликомъ, какой имѣли ихъ тѣла во время земной жизни, - сходство, совершенно достаточное для того, чтобы Одиссей безъ труда могъ узнавать каждую изъ являвшихся передъ нимъ душъ, а при воспроизведеніи тѣхъ или иныхъ изъ нихъ въ пластическомъ искусствѣ требующее изображенія ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ извѣстны онѣ были въ періодъ ихъ земного существованія, а не въ видѣ какихъ либо фантастическихъ призраковъ [1].

Послѣ разсмотрѣнія этихъ второстепенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ главнымъ, становится возможнымъ болѣе опредѣленно отвѣтить и на этотъ послѣдній, наиболѣе сложный изъ всѣхъ предыдущихъ.—*Каково было сравнительное положеніе душъ умершихъ въ преисподней*, согласно подлинному Гомеру?..—«Изъ сопоставленія всѣхъ указаній Гомера,- замѣчаетъ Bellinger: Quae de Orci natura etc., pag. 2—3,—можно было бы заключить, что положеніе душъ умершихъ, по его представленіямъ, могло быть троякое: изъ нихъ одно—

---

[1]) Остается однако непонятнымъ, какимъ образомъ при такой субстанціи душъ онѣ могутъ имѣть, напр., голоса, хотя и слабые (Il. ψ, 101; Od. λ, 605, 633 и др.); могутъ принимать въ себя жертвенную кровь; боятся меча, которымъ Одиссей отклоняетъ ихъ отъ этой послѣдней и т. п.; эти и нѣкоторыя другія представленія, несмотря на замѣтное разногласіе ихъ съ основнымъ Гомеровскимъ пониманіемъ состоянія душъ послѣ смерти, тѣмъ не менѣе легко уживаются рядомъ въ этомъ наивномъ еще міросозерцаніи грека Гомеровской эпохи съ его преобладающимъ матерьялистическимъ характеромъ.

ни хорошее, ни дурное, было удѣломъ всѣхъ, находящихся въ царствѣ Аида; другое—*дурное*, назначенное для нечестивыхъ въ той же самой преисподней; наконецъ, третье—*хорошее*, назначенное лишь для весьма немногихъ и притомъ уже внѣ преисподней. *Изъ трехъ этихъ представленій о положеніи душъ умершихъ только первое проходитъ по всѣмъ частямъ Гомеровскихъ произведеній* и выражается въ самыхъ опредѣленныхъ словахъ такъ часто, что немногаго недостаетъ для того, чтобы признать, что именно оно было для грековъ того времени не только первоначальнымъ и господствующимъ, но и единственнымъ».—Дѣйствительно, внимательное изслѣдованіе показываетъ, что только это представленіе объ участи въ преисподней *равной для всѣхъ умершихъ безъ различія*, было единственнымъ въ подлинныхъ частяхъ Гомеровскаго эпоса, и всякое иное представленіе, если только оно находится въ противорѣчіи съ первымъ, является здѣсь лишь чуждымъ, привнесеннымъ сюда извнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, уже самый каталогъ душъ, перечисляемыхъ Одиссеемъ, достаточно ясно показываетъ намъ, что въ этой преисподней находили для себя вѣчное посмертное жилище самые разнообразные элементы,—самыя различныя по своимъ достоинствамъ и порокамъ души прежде жившихъ героевъ и обыкновенныхъ смертныхъ. Находили-ли онѣ здѣсь для себя и *воздаяніе* за всѣ тѣ дѣла, добрыя и злыя, которыя совершены были ими въ періодъ земного существованія?..—Согласно подлиннымъ представленіямъ Гомера, *отнюдь никакого*: царь преисподней, Аидъ, равно принимаетъ въ свое царство всѣхъ безъ различія, кто только подвергся печальной участи смерти и былъ погребенъ; далѣе этого его отношенія къ душамъ умершихъ не простираются. Онъ не награждаетъ въ своемъ подземномъ царствѣ праведниковъ за ихъ добродѣтельную жизнь, но и не наказываетъ души людей преступныхъ за ихъ злодѣянія; ко всѣмъ обитателямъ преисподней отношеніе его равно индифферентно и всѣ души проводятъ тутъ одинаково печальное безсознательное состояніе, отъ котораго не свободны здѣсь ни праведники и герои, ни злодѣи и обыкновенные смертные. *Гомеровское міросозерцаніе еще не возвысилось такимъ образомъ до идеи загробнаго воздаянія точно такъ же, какъ не заключаетъ оно въ себѣ и идеи загробнаго суда.* Мы не находимъ въ Гомеровскомъ эпосѣ, даже въ неподлинныхъ его частяхъ, ни одного указанія на существованіе *суда*, производимаго надъ ду-

шами умершихъ въ царствѣ Аида и опредѣляющаго для нихъ ту или иную судьбу въ преисподней согласно заслугамъ каждой; Гомеръ и его современники еще не знаютъ о немъ ничего изъ того, что нашло себѣ мѣсто въ представленіяхъ о такомъ судѣ въ болѣе позднее время. Изъ самыхъ именъ тѣхъ четырехъ лицъ: Миноса, Радаманта, Эака и Триптолема, которыя становятся извѣстными впослѣдствіи, какъ имена постоянныхъ судей загробнаго царства, рѣшающихъ участь каждой души еще до водворенія ея въ преисподней, два первыхъ мы знаемъ, правда, уже изъ Гомера, однако знаемъ ихъ, во первыхъ, изъ тѣхъ частей, подлинность которыхъ наиболѣе компетентными критиками отвергается (см. Nitzch, III, 304—312; Hoeck: Kreta, 317 и др.); а во-вторыхъ, значеніе ихъ въ эту эпоху и въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ оказывается еще совершенно инымъ, чѣмъ впослѣдствіи. Миносъ (Od. λ, 568—571) является у Гомера отнюдь не тѣмъ судьею, который рѣшаетъ вопросъ о такой или иной будущей участи душъ въ преисподней на основаніи ихъ прошлой земной жизни и дѣяній, но только тѣмъ же критскимъ царемъ и судьею, который и въ преисподней продолжаетъ среди существующаго тамъ населенія дѣятельность, служащую призрачнымъ отраженіемъ его прежней судейской дѣятельности на остр. Критѣ. Если самыя души, собравшись вокругъ него и выслушиваютъ его рѣшенія, то въ дѣйствительности въ силу такого или иного его приговора судьба ни одной изъ нихъ въ преисподней не измѣняется ни въ малѣйшей степени; весь этотъ призрачный судъ, рѣшающій призрачныя же тяжбы однѣхъ душъ съ другими, является здѣсь только празднымъ занятіемъ душъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ загробнымъ судомъ, о которомъ мы узнаемъ изъ вѣрованій позднѣйшаго времени. Ничего общаго съ позднѣйшимъ образомъ загробнаго судьи не имѣетъ и тотъ Радамантъ, о которомъ находимъ упоминаніе въ интерполлированныхъ стихахъ Od. δ, 564 и сл.: поэтъ говоритъ лишь о томъ, что златовласый Радамантъ живетъ на поляхъ Елисейскихъ, но ни единымъ словомъ не намекаетъ на его судейскую дѣятельность въ этомъ мѣстѣ, потому что не знаетъ о таковой ничего. — Совершенно естественно поэтому, что тамъ, гдѣ нѣтъ никакого загробнаго суда надъ душами умершихъ, гдѣ нѣтъ никакой оцѣнки всѣхъ ихъ дѣяній, совершенныхъ человѣкомъ во время земной его жизни, тамъ не можетъ быть и воздаянія за

нихъ, въ силу котораго положеніе каждой души по смерти должно отличаться отъ положенія остальныхъ душъ соотвѣтственно личнымъ заслугамъ. И, повторяемъ, въ Гомеровской преисподней мы дѣйствительно не видимъ ни воздаянія за злыя дѣянія человѣка противъ подобныхъ себѣ, ни награды за добродѣтели и геройскіе подвиги: души всѣхъ безъ различія умершихъ проводятъ равно безотрадное, безсознательное существованіе въ одной и той же мрачной области Аида, безъ какихъ либо особенныхъ наказаній для грѣшниковъ, но и безъ всякихъ радостей для праведниковъ, и эта, именно, безотрадность и безсознательность бытія въ преисподней, связанная съ лишеніемъ всѣхъ радостей земной жизни и свѣта, дѣлала ее въ глазахъ грека Гомеровской эпохи столь ужасною, несмотря на отсутствіе всякаго страха передъ загробнымъ наказаніемъ, а существованіе въ ней—внушающимъ къ себѣ столь сильное отвращеніе.

Остается сказать еще о тѣхъ частяхъ описанія загробнаго царства, имѣющихся въ Гомеровскомъ эпосѣ, которыя на первый взглядъ уже кажутся стоящими въ противорѣчіи съ вышеуказанными представленіями, а именно: 1) о тѣхъ трехъ великихъ преступникахъ *Титіи*, *Сизифѣ* и *Танталѣ*, которые упоминаются здѣсь, какъ вѣчные мученики преисподней; и 2) объ *Элизіумѣ*, или островахъ блаженныхъ, гдѣ можно было бы предположить мѣстопребываніе праведниковъ послѣ смерти, въ видѣ награды за добродѣтельную ихъ жизнь.

Относительно первыхъ трехъ должно замѣтить слѣдующее. Вся та часть 11 пѣсни Од. (отъ 565 до 627 ст.), гдѣ описывается положеніе въ преисподней Миноса, Оріона, Титія, Тантала и Сизифа, многочисленными критиками и комментаторами Одиссеи рѣшительно признается интерполляціей, противорѣчащей подлиннымъ представленіямъ Гомера и принадлежащей сравнительно болѣе позднему времени, когда эти представленія вошли въ Гомеровскій эпосъ изъ иныхъ источниковъ, по большей части изъ различныхъ мѣстныхъ сказаній [1].—Не вдаваясь въ какія-либо подробности относительно этого вопроса, какъ слишкомъ многочисленныя и къ тому же излишнія въ нашихъ цѣляхъ, мы вспомнимъ здѣсь лишь нѣсколько

---

[1] См. Lehr: de Aristarchi studiis Homericis, 160 и сл. Nitzsch, III, 304 и сл., 332 и сл. Teuffel: Studien, 40 и сл.

важнѣйшихъ обстоятельствъ, указываемыхъ критиками въ доказательство такого утвержденія. Слѣдующее простое соображеніе, показывающее противорѣчіе этихъ стиховъ со всѣмъ предыдущимъ, справедливо приводится этими критиками, какъ доказательство особенно убѣдительное. Одиссей,—какъ показано было уже раньше,—находился только у входа въ преисподнюю, дальше котораго онъ никоимъ образомъ, оставаясь въ живыхъ, не могъ проникнуть; самая преисподняя, будучи царствомъ подземнымъ, представляла собою область безпросвѣтнаго мрака и все находящееся въ ней скрыто было отъ глазъ смертнаго этою непроницаемою тьмою. Въ силу этого въ *подлинныхъ* частяхъ этой νεκυία *Одиссей имѣетъ возможность видѣть только тѣ души умершихъ, которыя появлялись изъ глубины преисподней наружу, къ ямѣ съ жертвенной кровью,* и узнаетъ о ихъ загробномъ существованіи только то, что сами же души разсказываютъ ему. Все остальное, находящееся въ глубинѣ самой преисподней, стало быть, въ непроницаемомъ для взора человѣческаго мракѣ, должно было оставаться для Одиссея совершенно невидимымъ и могло сдѣлаться ему извѣстнымъ только въ томъ невозможномъ случаѣ, еслибы подобно остальнымъ и эти души приблизились бы къ жертвенной ямѣ Одиссея со всею тою сложной обстановкою и своими аттрибутами, какія описаны въ этой части рапсодіи: Миносъ со своими многочисленными судящимися кліентами, съ своимъ трономъ и жезломъ золотымъ, Оріонъ со своими стадами, горами и палицей, Сизифъ со скалой, Танталъ съ деревьями и источникомъ и т. д.—По этому уже въ Schol. Q. къ 570, 577 и 593 ст. на это именно обстоятельство обращено особенное вниманіе и неизвѣстный критикъ замѣчаетъ здѣсь между прочимъ: «ἥμενον· такимъ образомъ, Миносъ вмѣстѣ со своимъ трономъ не выходитъ изъ глубины преисподней, чтобы дать возможность увидѣть себя! Да и какъ могъ бы онъ это сдѣлать?.. И неужели же и распростертый на землѣ Титій, и Сизифъ со своею горою и камнемъ, и т. д.,—всѣ подходили къ ямѣ съ жертвенной кровью?..»—Конечно, на все это можно отвѣтить только рѣшительнымъ отрицаніемъ. Самыя подробности опиcываемаго здѣсь обширнаго пейзажа съ его высокими горами, по которымъ Оріонъ гонитъ дубиной стадо быковъ; съ водою и деревьями Тантала, скалою Сизифа и т. д., оказываются въ разладѣ съ обычнымъ Гомеровскимъ представленіемъ о безвидномъ и

однообразномъ характерѣ преисподней. Далѣе, самое качество мученій Сизифа, Титія и Тантала находится также въ противорѣчіи съ Гомеровскимъ представленіемъ о безтѣлесности или, по крайней мѣрѣ, минимумѣ тѣлесности душъ въ царствѣ Аида, ибо только обладая человѣческими тѣлами, могли они чувствовать свое наказаніе, имѣющее у каждаго изъ трехъ нихъ характеръ чисто физическій. Наконецъ, и филологическій анализъ особенностей языка въ этой части 11-й рапсодіи показываетъ (см. Lehr: de Arist. stud. Homer. 361 и сл.; Nitzsch, III, 308 и сл.), что принадлежность ея Гомеру должна быть отвергнута и часть эта должна быть признана интерполляціей позднѣйшаго времени.

Что касается характера пониманія загробнаго наказанія въ ту послѣ-гомеровскую эпоху, когда появляются сказанія о наказаніи Сизифа, Тантала и Титія въ преисподней, то въ интересахъ выясненія развитія идеи о загробномъ воздаяніи прибавимъ здѣсь слѣдующее. Даже въ это сравнительно болѣе позднее время, которое впрочемъ не было, повидимому, особенно отдаленнымъ отъ эпохи Гомера, всѣ три пресловутые мученика преисподней оказываются претерпѣвающими здѣсь наказанія не вообще за свою земную жизнь и какія-либо злыя дѣянія противъ отдѣльныхъ людей или цѣлаго общества, но только *за единичныя преступленія лично противъ того или другого изъ безсмертныхъ боговъ.* (J. Voss: Krit. Blätter, II, 457). Вслѣдствіе этого и наказанія ихъ опредѣляются не въ силу загробнаго суда, воздающаго каждому за всю его земную дѣятельность, а въ силу каждый разъ личной воли тѣхъ самыхъ боговъ, которые, будучи прямо или косвенно оскорблены ими, низвергаютъ преступниковъ въ преисподнюю, осуждая ихъ на такое или иное своеобразное наказаніе: такъ, Титій наказанъ былъ самимъ Зевсомъ за то, что оскорбилъ супругу его, богиню Латону (Od. λ, 576—581), Танталъ, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, за попытку его обмануть самихъ боговъ, которымъ онъ предложилъ въ пищу собственнаго своего сына, чтобы испытать ихъ всевѣдѣніе, а Сизифъ за своевольное обнаруженіе тайны самого Зевса, похитившаго Іо, или по другой легендѣ, за попытку обмануть самого царя преисподней Аида, отъ власти котораго желалъ онъ по смерти избавиться.

Такимъ образомъ, не принадлежа подлинной νεκυία Гомера и имѣя сравнительно съ нею позднѣйшее происхожденіе, это представленіе

о трехъ мученикахъ преисподней оказывается совершенно своеобразнымъ, стоящимъ между болѣе древними представленіями Гомеровской эпохи, по которымъ души всѣхъ безъ различія умершихъ пользуются въ загробномъ царствѣ одинаковымъ положеніемъ, и представленіями гораздо болѣе поздняго времени, напр., заключающимися въ Платоновскихъ миѳахъ, гдѣ дифференціація мѣстъ и положеній для различныхъ обитателей загробнаго міра достигаетъ уже своего высочайшаго развитія. Здѣсь, въ этой интерполированной части Гомеровской νεκυία дѣлаются извѣстными тѣ немногіе отдѣльные случаи наказанія въ преисподней за отдѣльныя же преступленія противъ боговъ, которые съ теченіемъ времени должны были развиться въ идею всеобщаго загробнаго наказанія и за все, содѣянное человѣкомъ на землѣ.

Подобнымъ же образомъ, наконецъ, и относительно Элизіума, извѣстнаго намъ изъ Od. δ, 561—567, должно замѣтить слѣдующее. Представленіе объ этомъ мѣстѣ, какъ о жилищѣ праведниковъ, назначенномъ имъ въ награду за добродѣтельную жизнь, вошло въ кругъ народныхъ представленій о загробной жизни, — по словамъ Welcker: d. griechische Götterlehre, I, S. 820 и сл., — лишь въ сравнительно весьма позднее время, — въ ту эпоху, когда народныя вѣрованія были уже сильно поколеблены, а между тѣмъ страстное стремленіе укрѣпиться въ идеѣ безсмертія все болѣе и болѣе возрастало. У самого Гомера это упоминаніе объ Элизіумѣ является совершенно единичнымъ, не находя себѣ подтвержденія нигдѣ болѣе въ его произведеніяхъ, и въ силу какъ этого, такъ и нѣкоторыхъ иныхъ соображеній справедливо признается не принадлежащимъ подлинному Гомеровскому эпосу. (См. Rohde, Psyche, I, S. 64; Nitzsch, III, S. 352 и др.).

Но и въ ту позднѣйшую эпоху, къ которой относится возникновеніе идеи объ Элизіумѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ мы находимъ въ указанныхъ стихахъ 4-й рапс. Од., она находится въ такомъ же отношеніи къ представленіямъ послѣдующаго времени о всеобщемъ блаженствѣ праведниковъ, въ какомъ оказывались выше разсмотрѣнныя представленія о трехъ великихъ грѣшникахъ преисподней относительно позднѣйшей идеи всеобщаго наказанія преступныхъ душъ послѣ смерти. Менелай долженъ былъ получить жилище въ Элизіумѣ не за какія-либо личныя свои заслуги или высоко добродѣ-

тельную жизнь, а только за то,—какъ это прямо указываетъ Протей,—что онъ былъ зятемъ самого царя боговъ Зевса, который и избавляетъ его отъ тѣлесной смерти, перенесши его въ чудесное мѣсто гдѣ-то на краю земли вдали и отъ Олимпа, и отъ жилищъ человѣческихъ, и отъ мрачной преисподней съ ея печальнымъ населеніемъ. Только постепенно легенды послѣдующаго времени, прибавляя къ прежде указаннымъ въ Элизіумѣ лицамъ еще другія, новыя, обращаютъ, наконецъ, это мѣсто въ жилище душъ всѣхъ праведниковъ, въ мѣсто ихъ вѣчнаго загробнаго блаженства.

Подводя теперь итоги всему предыдущему, мы можемъ сдѣлать слѣдующее общее заключеніе. *Царство Аида, какимъ является оно въ подлинныхъ частяхъ Гомеровскаго эпоса, оказывается по существу своему вполнѣ соотвѣтствующимъ самому своему имени: мрачнымъ, невидимымъ и дѣлающимъ все, находящееся въ немъ, также невидимымъ* [1]. Одиссей, переплывши теченіе Океана и слѣдуя путемъ, указаннымъ ему Персефоною, достигаетъ только *входа* въ подземную преисподнюю, дальше котораго, внутрь преисподней, могутъ проникать лишь души погребенныхъ умершихъ, но не допускаются ни живущіе - смертные, ни даже души непогребенныхъ умершихъ. *Оставаясь въ теченіе всего времени своего посѣщенія въ одномъ и томъ же пунктѣ близъ вырытой ямы съ жертвенной кровью, онъ получаетъ возможность видѣть только души тѣхъ изъ находящихся внутри преисподней обитателей, которыхъ стремленіе выйти на время изъ ихъ безсознательнаго состоянія тѣней заставляетъ показаться на это время изъ глубины преисподней на свѣтъ и приблизиться къ жертвенной крови*: только ихъ однѣхъ и ничего болѣе не можетъ видѣть Одиссей въ періодъ своего посѣщенія. *Всѣ тѣ картины, въ высшей степени однако живописныя, которыя рисуются неизвѣстными авторами внутри подземнаго царства Аида и которыя составляютъ содержаніе указанной интерполлированной части 11-й рапс. Од., должны быть исключены*

[1] Названія его ῞Αιδης, ἅδης, ᾿Αΐδης, ῎Αϊς (употр. въ род. и дат. пад.), равно какъ и имя Ἀϊδωνεύς, по наиболѣе удачнымъ и распространеннымъ толкованіямъ, происходятъ отъ корня гл. ἰδεῖν и α priv., что означаетъ въ своемъ сочетаніи и *невидимое* и *дѣлающее невидимымъ*. [Plato: Gorg. 495 B: „ἐν ῞Αιδου, τὸ ἀειδὲς δὲ λέγω“.—Stephanus: Thesaurus linguae graecae: „᾿Αΐδης... dictus a non videndo“.—Curtius: Grundzuge etc. 217 (2 ed.); Rocher's Lexikon, S. 1778 и др.].

изъ подлинно Гомеровской общей картины преисподней, какъ противорѣчащія внутреннему характеру этой послѣдней,—какъ недоступныя зрѣнію смертнаго въ этомъ царствѣ невидимаго. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства, если всѣ эти картины происходящаго внутри преисподней и даютъ *сами по себѣ*, независимо отъ принадлежности ихъ подлинному Гомеровскому эпосу, весьма богатый матерьялъ для изобразительнаго искусства, въ которомъ каждая изъ этихъ сценъ въ отдѣльности могла быть и повидимому дѣйствительно бывала неоднократно воспроизведена; то несмотря на это однако тѣ немногіе художники, которые желали слѣдовать только *подлинному* Гомеру должны были и на самомъ дѣлѣ легко умѣли обходиться въ художественномъ воспроизведеніи этой Гомеровской νεκυία только указанными подлинными ея чертами, — *умѣли представить и въ своихъ произведеніяхъ видимымъ только то, что могло быть видимо Одиссею, находящемуся у входа въ преисподнюю, совершенно опуская при этомъ (или въ другихъ случаяхъ выдѣляя въ особыя, самостоятельныя картины) все то, что, какъ находящееся въ мрачныхъ, безпросвѣтныхъ глубинахъ ея, должно было оставаться для него невидимымъ.*

Воспроизведенія Гомеровской «νεκυία», сохранившіяся въ греческой живописи на вазахъ.

Отыскивая среди разнообразныхъ, трактованныхъ по самымъ различнымъ источникамъ, изображеній загробнаго міра, въ цѣломъ его или отдѣльныхъ частяхъ, такого рода картинъ, относительно которыхъ можно было бы утверждать, что онѣ являются непосредственнымъ воспроизведеніемъ подлинной Гомеровской νεκυία, мы дѣйствительно находимъ (повидимому, только какъ скудный остатокъ отъ существовавшей нѣкогда длинной серіи таковыхъ) нѣсколько произведеній греческой живописи, о которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что въ ихъ художественной концепціи древніе мастера слѣдовали непосредственно только подлинному Гомеровскому описанію, устранивши всѣ прочіе, хотя бы и весьма подходящіе для художественнаго воспроизведенія элементы. Эти, именно, воспроизведенія мы выдѣляемъ здѣсь въ особую отъ всѣхъ остальныхъ группу,

какъ совершенно самостоятельную и непосредственно иллюстрирующую тѣ представленія о преисподней, которыя только что были нами изложены.

№ I. – *Одиссей, вызывающій душу Тирезія.* — Красно-фигурный кратеръ изъ Pisticci (Basilicata); прежде наход. въ собр. продавца-антикв. Raf. Barone, нынѣ въ собр. Bibliothèque Nationale въ Парижѣ (залъ De-Luynes).—Опубликов.: Bulletino Archeologico Napoletano, 1843, pag. 100 — 102, и tav. V; (картина на реверсѣ этого кратера, изобр. судъ Париса, описана тамъ же, pag. 102 и сл. и изобр. tav. VI).—Archäolog. Zeitung, 1844, S. 289—294 и Taf. XVIII. Monum. dell'Instit. IV, 19. — Baumeister: Denkmäler d. Klass. Alt. II, S. 1040 и рис. № 1254.

Уже G. Minervini, который впервые опубликовалъ разсматриваемую картину въ Bull. Arch. Napol., указ. м., безъ труда узналъ въ ней воспроизведеніе одного изъ моментовъ посѣщенія Одиссеемъ преисподней, описаннаго въ 11-й рапсодіи, и послѣдующіе изслѣдователи только повторяютъ это его истолкованіе. — Согласно указаніямъ Цирцеи,—узнаемъ мы изъ разсказа самого Одиссея,—этотъ послѣдній долженъ былъ вырыть глубокую яму подлѣ утеса и, совершивши три возліянія мертвымъ съ обѣщаніемъ – принести имъ, по возвращеніи домой, богатыя жертвы, долженъ былъ наполнить эту яму жертвенной кровью овцы и барана; затѣмъ, сидя надъ вырытой ямой съ обнаженнымъ мечемъ въ рукахъ, онъ долженъ былъ отгонять отъ жертвенной крови души умершихъ, желавшихъ отвѣдать ея, до тѣхъ поръ, пока не явится передъ нимъ душа самого пророка Тирезія и обратится къ нему съ просьбой допустить ее къ жертвенной крови, чтобы, напившись ея, онъ могъ правдиво предсказать Одиссею его будущее. Этотъ, именно, послѣдній моментъ, — появленіе души Тирезія изъ глубины преисподней передъ Одиссеемъ, и составляетъ содержаніе разсматриваемой картины на Парижскомъ кратерѣ.

На невысокомъ утесѣ, изъ расщелинъ котораго по мѣстамъ подымаются стебли травы, сидитъ Одиссей, представленный тутъ въ видѣ бородатаго мужчины въ длинной хламидѣ, которая, покрывая только спину его и часть правой ноги, падаетъ затѣмъ богатыми складками на утесъ, на половину скрывающійся подъ ними; ноги обуты въ обычныя сандаліи; черезъ плечо перекинута перевязь, удерживающая пустыя ножны, тогда какъ обнаженный мечъ онъ дер-

житъ въ правой рукѣ, спокойно положенной на колѣно; лѣвая рука опирается на утесъ. У ногъ Одиссея, подъ самымъ утесомъ, лежатъ разсѣченныя части убитыхъ жертвенныхъ животныхъ, изъ которыхъ еще сочится кровь, обозначенная здѣсь каплями. Возлѣ нихъ видна показавшаяся изъ углубленія до плечъ фигура Тирезія: пророкъ изображенъ здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ описываетъ его поэтъ (Od. ϰ, 493),—въ видѣ слѣпого бородатаго старца, ибо, какъ

Рис. № 1.

сказано было, εἴδωλα умершихъ и въ преисподней сохраняютъ извѣстное сходство съ прежнею своею человѣческой фигурой. Въ противоположность всѣмъ остальнымъ фигурамъ (Одиссея и двухъ его товарищей), которыя, какъ фигуры живыхъ, писаны болѣе широкою кистью и имѣютъ рѣзко и полно обозначенныя очертанія, художникъ весьма искусно изобразилъ здѣсь εἴδωλον Тирезія только самыми тонкими штрихами, отчего фигура послѣдняго дѣйствительно пріобрѣтаетъ характеръ призрака. На этомъ-то образѣ пророка и сосредоточенъ весь интересъ дѣйствія въ разсматриваемой сценѣ: Тирезій, показавшись изъ мрачной бездны Эреба на свѣтъ, приблизился такимъ образомъ къ жертвенной крови и обращается,— какъ

это видно изъ постановки его головы и открытаго рта,—съ извѣстною рѣчью къ Одиссею, который, наклонившись немного впередъ, внимательно выслушиваетъ его слова. Картину дополняютъ двѣ мужескія фигуры, безъ сомнѣнія, двухъ товарищей Одиссея, Эврилоха и Перимеда, которые сопровождали Одиссея въ его путешествіе къ царству Аида и которые названы были и въ знаменитой картинѣ Полигнота въ Дельфахъ, какъ помогавшіе Одиссею въ его жертвоприношеніи, хотя и въ иныхъ положеніяхъ, чѣмъ въ этой картинѣ. Здѣсь оба товарища Одиссея,—одинъ въ фригійской шапкѣ, въ хламидѣ и сандаліяхъ, съ мечемъ, вложеннымъ въ ножны, и копьемъ въ лѣвой рукѣ; другой — въ хламидѣ и сандаліяхъ, съ короткимъ копьемъ или посохомъ въ лѣвой и обнаженнымъ мечомъ въ правой, положенной на голову, рукѣ, — спокойно стоятъ по обѣ стороны подлѣ Одиссея, въ положеніи зрителей, созерцающихъ происходящее.

Какъ видимъ, художникъ, съумѣвшій совершенно правильно понять и выразить тутъ Гомеровскія представленія о преисподней, изобразилъ въ своей картинѣ только то, что могло быть, согласно этимъ представленіямъ изображено, *какъ видимое въ данный моментъ*; другими словами, только то, что происходило въ это время у жертвенной ямы, наполненной кровью, у входа въ подземную преисподнюю. Но, представляя, вмѣстѣ съ поэтомъ, Тиресія подымающимся изъ глубокой бездны Эреба, онъ не далъ въ своей картинѣ мѣста изображенію какихъ-бы то ни было изъ тѣхъ частей преисподней, которыя указаны были выше, какъ непринадлежащія Гомеровскому эпосу, равно какъ и тѣхъ, которыя вообще не могли быть видимы въ этотъ моментъ Одиссею, сидящему у жертвенной ямы внѣ преисподней [1].

№ II. *Появленіе передъ Одиссеемъ души матери его Антиклеи.* Красно-фигурная амфора изъ Nola, наход. въ коллекціи Pourtalès-Gorgier въ Парижѣ; опубликована въ Ann. d. Inst. I, p. 302; у Raoul-Rochette: Monumens inedits, etc., I, pag. 369 и сл. и pl. LXIV. [Рисунокъ № 2 изображаетъ по Raoul-Rochette, pl. LXIV, развернутую композицію обѣихъ картинъ, размѣщенныхъ на лицевой сторонѣ и на реверсѣ

---

[1] Тотъ-же характеръ пониманія этого сюжета, тоже выдѣленіе его изъ цѣлаго ряда моментовъ, описанныхъ въ Гомеровской νεκυία, мы видимъ и на извѣстномъ рельефѣ Луврскаго музея № 298, изображающемъ эту же сцену появленія Тиресія передъ Одиссеемъ. См. Winkelmann: Monum. ined, № 157; Musée Bouill. t. III, pl. 23; Clarac: Musée d. sculpt., 250, pl. 228 и др.

этой амфоры и имѣющихъ одна съ другою тѣсную внутреннюю связь].
—Въ картинѣ на лицевой сторонѣ этой амфоры мы имѣемъ передъ собою воспроизведеніе уже другого момента, ближайшаго къ моменту вышеописанному, а именно: появленіе у жертвенной ямы души умершей матери Одиссея, Антиклеи. Мы видимъ здѣсь сцену, еще болѣе простую, чѣмъ на кратерѣ изъ Pisticci, сцену, состоящую всего только изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, изъ двухъ только фигуръ: мужской и женской. Первая изъ нихъ, одѣтая въ хламиду, имѣетъ на головѣ обычную шапку греческихъ моряковъ, такъ называемый, пилосъ; лѣвая рука этого моряка опирается на своеобразную кирку подобную тѣмъ, которыми обыкновенно вскапываютъ землю; тогда какъ пра-

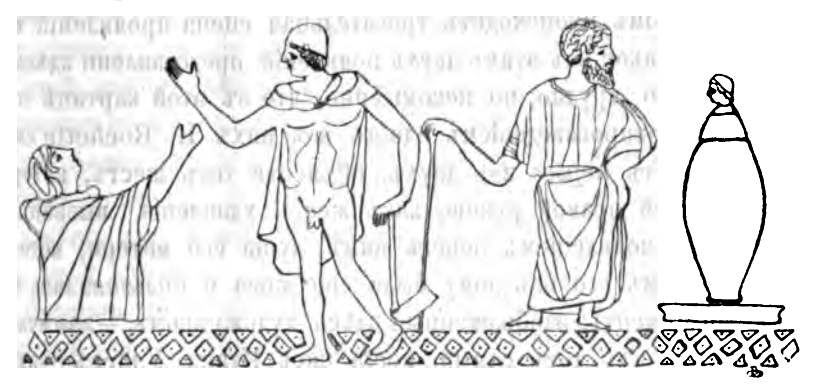

Рис. № 2.

вую руку онъ протягиваетъ впередъ по направленію къ другой, на половину показавшейся изъ подъ земли женской фигурѣ. Эта последняя одѣта въ длинную тунику и, обращая свое лицо къ стоящему, протягиваетъ къ нему обѣ руки, какъ бы обращаясь къ нему съ мольбою о чемъ-то. Обѣ ноги стоящей мужской фигуры находятся нѣсколько ниже поверхности земли, какъ бы въ углубленіи, повидимому, только что вырытомъ киркою, тогда какъ женская фигура показывается непосредственно изъ подъ земли подлѣ этого самаго углубленія. Такова несложная сцена, которая составляетъ все содержаніе этой картины. Картина, помѣщенная на реверсѣ амфоры столь же проста, какъ и первая. Слѣва (для зрителя) мы видимъ фигуру бородатаго мужа, одѣтаго въ длинный гиматіонъ; правая рука его опирается на посохъ; голова повернута въ сторону находящихся передъ нимъ двухъ предметовъ. Изъ этихъ последнихъ

одинъ представляетъ собою родъ пиѳоса съ крышкой въ видѣ человѣческаго бюста; другой— большую плоскую чашу, пригодную для возліяній.

Что касается истолкованія картины, изображенной на лицевой сторонѣ этой амфоры; то со времени остроумнаго объясненія, даннаго Р. Рошеттомъ, въ указ. м., въ ея истинномъ значеніи не остается никакихъ сомнѣній. Мы узнаемъ изъ Od. λ, 25 — 84, что душа умершей матери Одиссея дважды приближалась къ жертвенной крови: въ первый разъ раньше Тирезія, вслѣдствіе чего Одиссей не могъ позволить ей напиться этой крови; во второй разъ послѣ Тирезія, причемъ Одиссей допускаетъ ее къ крови и между матерью и сыномъ происходитъ трогательная сцена проявленій взаимной любви. Какое изъ этихъ двухъ появленій представлено здѣсь,— рѣшить, конечно, трудно; но несомнѣнно, что въ этой картинѣ имѣемъ дѣло съ воспроизведеніемъ одного изъ нихъ. R. Rochette склоненъ видѣть тутъ *первое* изъ двухъ, объясняя тотъ жестъ, который дѣлаетъ Одиссей правой рукою, какъ жестъ удивленія, вызваннаго неожиданнымъ появленіемъ передъ нимъ души его матери, которая передъ отъѣздомъ его изъ дому была еще жива и пользовалась здоровьемъ.—«Моментъ, изображенный здѣсь художникомъ,—замѣчаетъ указ. авторъ,—есть тотъ самый, когда царь Итаки, Улиссъ, видитъ показавшуюся подлѣ вырытой ямы тѣнь своей матери Антиклеи, которую онъ оставилъ еще въ живыхъ при отъѣздѣ своемъ изъ Итаки. Жестъ Одиссея при этомъ неожиданномъ появленіи ясно выражаетъ то удивленіе, которое онъ чувствуетъ. Равнымъ образомъ и самый способъ, какимъ женская фигура поднимается изъ самыхъ нѣдръ земли, протягивая къ Улиссу умоляюще руки, совершенно соотвѣтствуетъ тому описанію поэта, какое онъ даетъ относительно появленія тѣни изъ глубины преисподней,—φάσμα νερτέρων,—въ томъ ея видѣ, въ какомъ древніе греки привыкли представлять ихъ себѣ Одежды, данныя здѣсь обѣимъ фигурамъ, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ сюжетомъ. Пилосъ въ видѣ шапки моряковъ, какъ онъ изображенъ тутъ, есть весьма характерный атрибутъ Улисса при всевозможныхъ обстоятельствахъ и особенно здѣсь, и нужно быть слишкомъ предубѣжденнымъ, чтобы не узнать его въ этой фигурѣ по такому признаку и при такихъ условіяхъ. Тѣнь въ этой длинной туникѣ, которая закрываетъ ее, и съ повяз-

кой на головѣ, есть не что иное, какъ тѣнь женщины и здѣсь, слѣдовательно, Антиклеи: ψυχὴ μητρὸς κατατεθνειυίης».— Что касается картины на реверсѣ этой амфоры, то истолкованіе ея, данное R. Rochette, представляется намъ неправильнымъ: въ бородатомъ мужѣ французскій ученый видитъ *аллегорическую* фигуру, подобную олицетворенію Демоса или Хору греческихъ трагедій; а въ стоящей вазѣ, которую онъ называетъ «canope à tête humaine», признаетъ указаніе на мѣстонахожденіе здѣсь оракула мертвыхъ. Намъ кажется, что болѣе близкимъ къ истинѣ было бы объяснять мужскую фигуру, какъ изображеніе одного изъ товарищей Одиссея, принимавшихъ вмѣстѣ съ нимъ участіе въ жертвоприношеніи; тогда какъ обѣ стоящія здѣсь вазы истолковывать, какъ ближайшее указаніе на это послѣднее.—Такимъ образомъ и въ картинѣ на этой амфорѣ, какъ и на кратерѣ изъ Pisticci, художникъ изобразилъ только то, что могло быть видимо Одиссею въ данный моментъ близъ жертвенной ямы: все остальное, происходящее въ глубинахъ преисподней, какъ бы ни было оно интересно само по себѣ и удобно для воспроизведенія въ живописи, совершенно исключено изъ этой картины.

Воспроизведеніе Гомеровской νεχυία *въ живописи на стѣнахъ Эсквилинской залы* [1]. Считаемъ необходимымъ въ дополненіе къ предыдущему прибавить здѣсь нѣсколько замѣчаній о композиціи извѣстной Эсквилинской картины, (нынѣ хранящейся въ Ватиканской библіотекѣ), которая какъ произведеніе стѣнной живописи, хотя и не входитъ непосредственно въ предѣлы нашей работы, тѣмъ не менѣе представляетъ значительный интересъ въ томъ особенно смыслѣ, что показываетъ намъ съ большою ясностью, какимъ именно образомъ возможно было достигнуть практическаго разрѣшенія трудностей этой самой темы для художника, который желалъ бы, оставаясь вѣрнымъ духу Гомера, изобразить его преисподнюю уже не въ тѣсныхъ предѣлахъ поверхности вазы, а на широкой площади цѣлой стѣны или даже нѣсколькихъ вмѣстѣ.

---

[1] Helbig: Untersuchungen über die Campanische Wandmalerei, Leipzig 1873, S 217 и сл. Wörmann: die antiken Odysseelandschaften, München 1876; Landschaft 320. Arch. Zeitung 1876, S. 89 и сл.—Baumeister: Denkmäler II, S. 857; III, S. 1930. Woltmann: Geschichte d. Malerei, I, 118 и др.—

Сцена посѣщенія Одиссемъ преисподней представлена здѣсь въ обстановкѣ уже гораздо болѣе сложной и живописной, чѣмъ та, какую мы видѣли выше въ картинахъ на вазахъ,—въ обстановкѣ, имѣющей уже характеръ чисто ландшафтный, столь удобный для большихъ произведеній стѣнной живописи. Передъ глазами зрителя раскрывается широкая панорама той самой мѣстности, въ которой происходитъ изображаемое дѣйствіе,—той мѣстности, которой началомъ является тутъ далекій горизонтъ безконечнаго Океана, а центромъ — тотъ самый входъ въ царство Аида, въ вѣчную обитель душъ послѣ смерти тѣла, передъ которымъ Одиссей совершилъ свое жертвоприношеніе съ его условными заклинаніями. Слѣва вдали видны широкія воды,—то теченіе Океана, которое Одиссей только что переплылъ вмѣстѣ со своими товарищами; ближе, у самаго берега, остановился по приказанію Одиссея корабль съ немногими спутниками этого послѣдняго въ ожиданіи его возвращенія. Самъ Одиссей съ двумя своими товарищами, Перимедомъ и Эврилохомъ, несшими жертвенное животное, уже прошелъ тѣ высокія ворота, составленныя нагроможденными другъ на друга и покрытыми болотной растительностью скалами, которыя представляютъ здѣсь собою какъ бы послѣднюю границу, отдѣляющую область живыхъ отъ царства умершихъ. Совершивши жертвоприношеніе подлѣ указаннаго Цирцеей небольшаго утеса, онъ стоитъ, наклонившись надъ жертвенной ямой въ то самое время, какъ подлѣ нея уже столпились тѣни умершихъ, вышедшія на время изъ глубины преисподней, чтобы напиться живительной крови: Тирезій, Федра, Леда и Аріадна отмѣчены среди нихъ греческими надписями; надписью же обозначена здѣсь и душа Эльпенора, печально сидящая на одной изъ скалъ, расположенныхъ внѣ преисподней у входа въ нее. Болѣе на переднемъ планѣ картины, — тамъ, гдѣ оканчивается небольшой кусокъ материка, на которомъ стоитъ Одиссей со своими спутниками, начинается снова вода, повидимому, Ахеронтова озера или одной изъ тѣхъ, указанныхъ у Гомера, рѣкъ, которыя сливаются вмѣстѣ у входа въ царство Аида. Наконецъ, позади указанной группы Одиссея съ товарищами и тѣней, стоящихъ у жертвенной ямы, представленъ и самый входъ въ преисподнюю съ небольшою частью этой послѣдней. Нѣсколько тѣней умершихъ, почти совершенно исчезающихъ въ глубокомъ мракѣ преисподней, еще замѣтны здѣсь для глаза зрите-

ля, какъ выходящія постепенно на свѣтъ; тогда какъ все послѣдующее, что должно предполагать находящимся въ глубинѣ преисподней, уже совершенно устранено художникомъ изъ этой картины и сдѣлано содержаніемъ другой, вполнѣ отдѣльной отъ первой и даже помѣщенной на другой стѣнѣ залы, картины, гдѣ художникъ изобразилъ какъ разъ именно тѣ части преисподней съ происходящимъ въ ней (какъ, напр., наказаніе Сизифа, Титія, охота Оріона и т. д.), которыхъ описаніе является въ Гомеровской νεκυία позднѣйшей интерполляціей, съ присоединеніемъ сюда сверхъ того еще нѣкоторыхъ сценъ, (какъ, напр., наказаніе Данаидъ), заимствованныхъ изъ иныхъ источниковъ.

Нетрудно видѣть, что въ картинѣ, только что описанной, художникъ весьма близко подошелъ къ указанному нами выше пониманію Гомеровской преисподней. Взявши декоративную обстановку для совершающейся сцены, повидимому, прямо съ натуры, списавши ее съ какой-либо изъ соотвѣтствующихъ по характеру мѣстностей, которыхъ было такъ много и въ Греціи, и въ Италіи, онъ, правда, не слѣдовалъ при изображеніи этой обстановки непосредственно и во всѣхъ подробностяхъ ни описанію Гомера, ни описанію Аполлонія Родосскаго (Apoll. Rhod. II, 729 и сл.), какъ послѣднее старался показать Helbig въ указ. мѣстѣ, ибо нѣкоторыя подробности этой обстановки разнятся столько же и отъ перваго изъ нихъ, сколько и отъ второго. Тѣмъ не менѣе во всемъ остальномъ и при томъ важнѣйшемъ художникъ идетъ уже непосредственно за поэтомъ, изобразивши въ своей первой картинѣ только то, что могло быть видимо Одиссею въ его положеніи, и ясно выдѣливши ее въ особое самостоятельное цѣлое, при помощи пилястръ и иныхъ живописно-архитектурныхъ орнаментовъ, отъ нѣсколькихъ другихъ, находившихся въ той же залѣ картинъ, служащихъ иллюстраціями къ 10 и 11 пѣснямъ Одиссеи. Если изъ этихъ остальныхъ картинъ одна, упомянутая выше, иллюстрирующая интерполированныя части Гомеровской νεκυία, и является какъ-бы продолженіемъ первой, то этимъ самымъ еще не нарушается правильность пониманія характера Гомеровской преисподней въ первой картинѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи художественной перспективы. Не умѣя выдѣлить въ позднѣйшей редакціи Гомеровской νεκυία ея подлинныя части отъ интерполированныхъ, но въ то же время правильно понимая на-

стоящій характеръ Гомеровской преисподней въ ея отношеніи къ міру надземному, художникъ съумѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія искусно и просто, раздѣливши то наружно связанное цѣлое, которое составляетъ содержаніе всей этой рапсодіи въ ея позднѣйшемъ видѣ, на двѣ отдѣльныя части, на двѣ отдѣльныя картины, изъ которыхъ одна является живописнымъ комментаріемъ къ подлиннымъ стихамъ Гомеровскаго описанія преисподней, тогда какъ другая служитъ иллюстраціей для позднѣйшихъ добавочныхъ частей его, стоящихъ въ такой же чисто внѣшней связи съ первыми, въ какой находятся и обѣ разсматриваемыя картины по отношенію другъ къ другу [1].

Гезіодъ [1]. Мы видѣли выше, каковъ былъ истинный характеръ народныхъ представленій о преисподней и жизни въ ней душъ умершихъ, поскольку представленія эти выразились въ подлинныхъ частяхъ Гомеровскаго эпоса: по выдѣленіи, при помощи анализа, позднѣйшихъ интерполляцій отъ частей принадлежащихъ первоначальному тексту Гомера, мы получили представленія въ высшей степени простыя и ясныя, не взирая на всю ихъ своеобразность. Все то, что находимъ по тѣмъ же вопросамъ у другого эпическаго поэта, у Гезіода, носитъ совсѣмъ уже иной характеръ,—отличается тою спутанностью представленій, которая заставляетъ естественно видѣть здѣсь скорѣе чисто личные, еще недостаточно установившіеся и продуманные, лишенные ясности и часто послѣдовательности *поэтическіе домыслы самого автора «Θеогоніи» и «Трудовъ и дней», чѣмъ выраженіе воззрѣній на этотъ предметъ всего греческаго народа этой эпохи*, выработанныхъ предшествующими вѣками.

---

[1] Что касается знаменитой картины Полигнота въ Lesche въ Дельфахъ; то мы не входимъ здѣсь въ ея разсмотрѣніе по двумъ причинамъ: 1) потому, что она принадлежитъ къ числу произведеній не вазовой, а стѣнной живописи и, слѣдов., не является *обязательнымъ* предметомъ нашего изученія; а 2) потому, что она не сохранилась для насъ ни въ малѣйшей своей части, и описанія Павзанія (X, cap. 25—29), хотя и подробнаго, совершенно недостаточно для того, чтобы опредѣленно судить о ея композиціи. Можно принять за достовѣрное однако, что картина эта *не* была воспроизведеніемъ только Гомеровской νεκυία, въ ея подлинныхъ и интерполированныхъ частяхъ, но заключала въ себѣ сверхъ того и иные элементы, заимствованные художникомъ изъ другихъ источниковъ. Объ *отношеніи* картины Полигнота къ картинамъ преисподней на вазахъ см. въ заключеніи нашей работы.

[2] Ἡσιόδου ποιήματα. Gr. et lat. Parisiis. 1811. Ed. F. Lehrs.

Поэтъ рисуетъ намъ густыми, мрачными красками Тартаръ и царство Аида, и передъ нами въ быстрой смѣнѣ возникаютъ одна за другою оригинальныя детали этой фантастической картины; и тѣмъ не менѣе цѣлое всей этой картины лишено необходимаго единства, а расположеніе всѣхъ деталей ея относительно другъ друга оказывается недостаточно яснымъ и понятнымъ для читателя. Описаніе это,—которое мы передаемъ тутъ по большей части словами самого поэта (Θεογονία, ст. 720—780), изображаетъ преисподнюю въ ея цѣломъ, какъ состоящую изъ Тартара и собственно царства Плутона съ его обитателями, въ слѣдующемъ видѣ.—Одинаково, — говоритъ поэтъ,—разстояніе земли отъ неба и отъ мрачнаго Тартара: мѣдная наковальня, брошенная съ неба, по прошествіи 9 дней и ночей на десятый достигаетъ земли; равнымъ образомъ, будучи брошена съ земли, она достигаетъ, черезъ 9 дней и ночей на десятый, мрачнаго Тартара. Тартаръ обведенъ мѣдной оградой; вокругъ него распростирается въ три ряда ночь; сверхъ него выросли корни земли и безплоднаго моря. Туда въ мѣсто, полное мрака, на краю обширной земли сброшены божественные Титаны по волѣ тучегонителя Зевса, и оттуда для нихъ нѣтъ болѣе выхода: Посейдонъ заградилъ его мѣдными воротами и со всѣхъ сторонъ обставилъ жилище ихъ стѣною. Тамъ обитаютъ Gyas, Cottus и Briareus,—вѣрные хранители эгидодержавнаго Зевса. Тамъ находятся источники и предѣлы темной земли, и мрачнаго Тартара, и безплоднаго моря, и звѣзднаго неба,—мрачные отвратительные, ненавистные даже самимъ богамъ. Тамъ находится огромная, неизмѣримая пропасть, такъ что, вошедши въ нее черезъ ворота, въ продолженіи полнаго года пути, невозможно достигнуть земли; но сильная буря носитъ вошедшаго туда съ одного мѣста на другое, и даже для самихъ безсмертныхъ боговъ ужасно это чудовище. Тамъ-то стоитъ страшный домъ мрачной ночи, покрытый черными тучами; стоящій передъ нимъ сынъ Іапета поддерживаетъ головою и неутомимыми руками широкое небо. Тамъ Ночь и День, слѣдуя другъ за другомъ, взаимно побуждаютъ другъ друга, попеременно уходя подъ мѣдный широкій полъ: когда День намѣревается войти, тогда Ночь уходитъ, но никогда этотъ домъ не удерживаетъ внутри себя ихъ обоихъ... День разсылаетъ живущимъ на землѣ радостный свѣтъ, а губительная Ночь, покрытая черными тучами, держитъ въ рукахъ своихъ Сонъ и Смерть. Они обитаютъ

также здѣсь, эти мрачныя дѣти Ночи, страшные боги: Сонъ и Смерть, и никогда блестящее солнце, подымаясь на небо или опускаясь съ него, не касается ихъ своими лучами: Смерть враждебна даже безсмертнымъ богамъ.—Тамъ же въ передней части стоитъ издающій звуки дворецъ подземныхъ боговъ, храбраго Плутона и страшной Персефоны. Широкія ворота его охраняетъ ужасная, свирѣпая собака, которая ко входящимъ туда ласкается, выражая эту свою ласку хвостомъ и ушами; выходить же оттуда уже никому не позволяетъ, но наблюдаетъ за всѣми и пожираетъ каждаго, кого только она поймаетъ, какъ ушедшаго за ворота этого дома храбраго Плутона и страшной Персефоны. Тамъ обитаетъ и ненавистная безсмертнымъ богиня, ужасная Стиксъ, старѣйшая дочь вѣчно текущаго Океана: она живетъ отдѣльно отъ боговъ, въ чертогахъ, покрытыхъ огромными камнями и прикрѣпленныхъ къ небу серебряными колоннами... . . . . . .

Изъ всего этого запутаннаго описанія поэта, который прибавляетъ сюда еще многочисленныя подробности, опущенныя здѣсь нами, возвозможно установить болѣе или менѣе опредѣленно только слѣдующее. Что собственно Тартаръ представлялъ собою нѣчто отдѣльное по отношенію къ царству Плутона и что его (Тартара) обитателями являлись только немногіе Титаны, сброшенные туда по волѣ Зевса въ вѣчное заключеніе. Что расположенъ онъ былъ (какъ повидимому, и самое царство Плутона) на такой же глубинѣ подъ землею, на какой высотѣ помѣщается небо надъ землею. Что тамъ же, на страшной глубинѣ подъ землею, находится и мрачная обитель Ночи и Дня, передъ воротами которой на предѣлахъ, гдѣ соединяются и Тартаръ, и небо, и земля, и море, сынъ Іапета (Атласъ?) поддерживаетъ головой и руками самое небо. Что, наконецъ, на первомъ планѣ всей этой фантастической и безконечной мѣстности стоитъ и самый дворецъ Плутона и Персефоны, охраняемый у входа собакой, которая охотно впускаетъ всѣхъ внутрь этихъ чертоговъ, но никому не дозволяетъ удаляться оттуда,—и что, слѣдовательно, *только въ этихъ чертогахъ Плутона и Персефоны* (какъ должно заключить изъ словъ поэта) *обитали вмѣстѣ съ властителями преисподней и самыя души умершихъ, легко туда допускаемыя, но никогда впослѣдствіи оттуда не возвращающіяся.*

Каково, именно, было *положеніе* всѣхъ этихъ обитателей царства

Плутона и каково было *отношеніе* къ нимъ ея властителей,—относительно этого поэтъ не даетъ намъ здѣсь никакихъ свѣдѣній.

Что касается вопроса о томъ, *изъ кого, именно, состояло это населеніе царства Плутона,*—о томъ, кто именно изъ жившихъ когда-либо на землѣ долженъ былъ низойти въ преисподнюю, мы находимъ у Гезіода, въ другомъ его произведеніи и по другому поводу, указанія, которыя могутъ въ извѣстной мѣрѣ служить отвѣтомъ на предложенный только что вопросъ. Указанія эти имѣютъ мѣсто въ любопытномъ разсказѣ Гезіода *о пяти поколѣніяхъ человѣческихъ, о пяти различныхъ вѣкахъ,* находящемся въ его «Ἔργα καὶ Ἡμέραι», ст. 109—180.

Происхожденіе боговъ и людей было нѣкогда одинаково,—разсказываетъ тутъ поэтъ. Безсмертные боги создали вначалѣ *вѣкъ золотой* для людей: жили они тогда подъ властью Кроноса, подобно самимъ же богамъ, свободные отъ трудовъ, болѣзней и старости, наслаждаясь безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны всѣми благами жизни. *Когда земля сокрыла въ своихъ нѣдрахъ это поколѣніе, тогда по волѣ Зевса всѣ его представители сдѣлались добрыми демонами, обитающими на землѣ и охраняющими смертныхъ, наблюдая за ихъ добродѣтелями и беззаконіями.*

Слѣдующій, *серебряный вѣкъ* былъ уже значительно хуже предшествующаго: люди не были похожи на первыхъ ни по внѣшности своей, ни по духу; подвергались болѣзнямъ и старости; враждовали другъ съ другомъ, не почитали боговъ и демоновъ и не приносили имъ жертвъ, согласныхъ ихъ достоинству. Сынъ Кроноса, Зевсъ, разгнѣванный на нихъ за все это, *низвелъ ихъ всѣхъ въ преисподнюю, и стали они тогда называться подземными, блаженными смертными, вторыми*; впрочемъ, и имъ воздаются извѣстныя посмертныя почести.

Отецъ боговъ сотворилъ затѣмъ третье поколѣніе людей, *вѣкъ мѣдный*: люди были крѣпки и быстры, одарены большою силою, жили въ мѣдныхъ домахъ, работали мѣдными орудіями и одѣвались въ мѣдные доспѣхи. Думали они только о войнахъ другъ съ другомъ и, лишенные жизни благодаря собственнымъ насиліямъ однихъ надъ другими, *всѣ сошли безславно въ пространное жилище страшнаго Плутона.*

Четвертое поколѣніе было счастливѣе и лучше предыдущаго; въ

древности называлось оно поколѣніемъ *полубоговъ, героевъ.* Бѣдственныя войны однако истребили и ихъ, когда они сражались одни близъ Ѳивъ семивратныхъ, другіе—близъ Трои и т. д. Но *Зевсъ, отдѣливши героевъ отъ другихъ людей, даровалъ имъ жизнь и обитель на предѣлахъ вселенной, недалеко отъ самихъ безсмертныхъ боговъ; ихъ царемъ является тамъ Кроносъ, а обителью служатъ острова блаженныхъ, гдѣ счастливые герои проводятъ свое безпечальное существованіе.*

Послѣдній вѣкъ, *вѣкъ желѣзный*, есть худшій изъ всѣхъ съ его безконечными бѣдствіями, печалями, трудами, болѣзнями и войнами, и *всѣ его представители нисходятъ и всѣ низойдутъ въ преисподнюю, какъ это назначено богами для каждаго.*

Оказывается, такимъ образомъ, что *представители всего перваго поколѣнія не вошли въ преисподнюю*, ибо только тѣла ихъ, по волѣ Зевса, сокрыты были въ нѣдрахъ земли, тогда какъ души сдѣлались *добрыми демонами*, хранителями людей послѣдующихъ поколѣній [1], обитающими по прежнему надъ землею. Представители второго поколѣнія хотя и *сошли въ преисподнюю*, однако *на совершенно особомъ, своеобразномъ положеніи*, «подземныхъ, блаженныхъ смертныхъ», удостаивающихся со стороны людей почитанія. Каково, именно, было это ихъ положеніе,—поэтъ не говоритъ ничего опредѣленнаго, точно такъ же, какъ и относительно положенія третьяго поколѣнія и послѣдняго, пятаго, о которыхъ поэтъ лишь кратко замѣчаетъ, что и они по смерти низведены были (или будутъ) въ царство Плутона. Наконецъ, герои, полубоги, принадлежавшіе четвертому поколѣнію, удостоились совершенно особой участи, будучи

---

[1] Демоны эти,—какъ справедливо замѣчаетъ о нихъ Rohde: Psyche, S. 91,—составляютъ у Гезіода классъ существъ, совершенно неизвѣстныхъ у Гомера. — „Гомеръ знаетъ только о нѣсколькихъ отдѣльныхъ людяхъ, которые были возвышены (одновременно съ тѣломъ) до жизни безсмертной; послѣдующій эпосъ также знаетъ только о такихъ, которые (какъ Мемнонъ, Ахиллъ), будучи по смерти вновь оживлены, только продолжаютъ нераздѣльное существованіе души и тѣла. Что душа одна сама по себѣ можетъ продолжать существованіе внѣ Эреба и дѣйствовать на живущихъ людей, объ этомъ Гомеръ не говоритъ нигдѣ. А именно это послѣднее и имѣетъ мѣсто въ произведеніи Гезіода“. — Именно, такой переходъ душъ по смерти изъ низшаго состоянія въ высшее и является у Гезіода представленіемъ новымъ и несходнымъ съ Гомеровскими, согласно которымъ души по смерти тѣла переходятъ въ низшее состояніе безсознательнаго бытія въ преисподней.

избавлены отъ преисподней и унесены далеко отъ нея на острова блаженныхъ, которые и служатъ ихъ вѣчнымъ жилищемъ. Болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о загробной жизни поэтъ не даетъ и мы напрасно старались бы отыскать ихъ вообще въ его произведеніяхъ.— Въ виду такого положенія дѣла, въ виду отсутствія у Гезіода сколько нибудь положительныхъ и ясныхъ указаній на состояніе человѣческихъ душъ послѣ смерти, и въ то же время необычайной спутанности всѣхъ образовъ въ описаніи самаго внѣшняго вида преисподней, которое могло бы служить матеріаломъ для воспроизведенія въ живописи, уже заранѣе можно было бы сказать, что вліяніе всѣхъ вышеприведенныхъ представленій на живопись окажется крайне ничтожнымъ. И дѣйствительно обращаясь къ самымъ памятникамъ вазовой живописи и внимательно пересматривая ихъ съ цѣлью отыскать среди нихъ такого рода произведенія, въ которыхъ можно было бы видѣть непосредственное вліяніе вышеизложенныхъ представленій, мы таковыхъ естественно не находимъ. Можно сказать съ увѣренностью, что только два изъ всѣхъ этихъ представленій удержались въ послѣдующее время и, въ связи съ другими позднѣйшими, сдѣлались впослѣдствіи достояніемъ вазовой живописи; это, именно, представленія: 1) *о широковратныхъ чертогахъ Плутона*, гдѣ живетъ самъ властитель преисподней со своею супругой; 2) о той *страшной многоголовой собакѣ*, которая исполняетъ обязанности стража у входа въ обитель Плутона и которую поэтъ, называя въ другомъ мѣстѣ (Θεογ. 306) по имени, Керберомъ, и придавая ей 50 головъ, считаетъ порожденіемъ Ехидны и Тифона.—Этимъ немногимъ исчерпывается, сколько мы знаемъ, все вліяніе вышеприведенныхъ представленій на вазовую живопись, показывая этою самою скудостью своего вліянія, что спутанныя и неясныя представленія поэта по указаннымъ вопросамъ такъ и остались только его собственными измышленіями, не вошедшими, за указанными двумя исключеніями, въ народное сознаніе, которое вообще легко усваиваетъ и перерабатываетъ лишь ясные конкретные образы.

ГЛАВА II.

Очеркъ развитія представленій греческаго народа о загробной жизни послѣ Гомера.

Характеръ дальнѣйшаго нашего изложенія въ отношеніи распредѣленія имѣющихся у насъ матерьяловъ необходимо измѣняется сравнительно съ предыдущимъ, — необходимо потому, что къ принятію именно такого распредѣленія ихъ, какое предлагаемъ мы далѣе, обязываютъ насъ самыя особенности содержанія, становящагося предметомъ послѣдующаго изложенія. Здѣсь, въ этомъ дальнѣйшемъ изложеніи, становится уже неудобнымъ, даже неумѣстнымъ разсмотрѣніе каждаго отдѣльнаго поэтическаго сказанія, каждаго отдѣльнаго миѳа или какого-либо изъ иныхъ источниковъ, изъ которыхъ черпаемъ мы свѣдѣнія о народныхъ воззрѣніяхъ грековъ различныхъ эпохъ на загробную жизнь,—*разсмотрѣніе всякій разъ параллельно съ тѣми отдѣльными произведеніями вазовой живописи, въ которыхъ можно было бы усмотрѣть вліяніе того или иного отдѣльнаго сказанія*, той или иной изъ отдѣльныхъ разнообразныхъ версій народной легенды по интересующимъ насъ вопросамъ, столь различныхъ въ различныя эпохи. Неудобнымъ и неумѣстнымъ оказывается такое разсмотрѣніе потому, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ *крупныхъ* произведеній вазовой живописи, (довольно значительныхъ по числу), ни одно мы не можемъ указать, какъ *непосредственное воспроизведеніе какого-либо одного опредѣленнаго сказанія*, какъ *точную иллюстрацію какого-либо одного извѣстнаго описанія преисподней* подобно тому, какъ это можно было сдѣлать по отношенію къ Гомеровской νεκυία. Художники пишутъ эти свои картины (какъ увидимъ впослѣдствіи) уже подъ вліяніемъ *одновременно самыхъ разнообразныхъ сказаній*, переплетающихся въ ихъ сознаніи въ одно

нераздѣльное цѣлое и представляющихъ собою въ результатѣ лишь сложный конгломератъ тѣхъ самыхъ элементовъ, которые были заимствованы ими по частямъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Вслѣдствіе этого, разсматривая содержаніе каждой большой картины загробной жизни, изслѣдователь, который слѣдовалъ бы обычному методу интерпретаціи таковыхъ [1],—долженъ былъ бы *по поводу каждой отдѣльной группы*, составляющей цѣлое, обращаться всякій разъ къ указанію тѣхъ многоразличныхъ источниковъ, изъ которыхъ могло быть заимствовано художникомъ представленіе о таковой, какъ о составной части разсматриваемаго сложнаго цѣлаго,— представленіе, въ силу котораго именно такая, а не иная группа, и притомъ въ такомъ а не иномъ видѣ, должна была найти для себя мѣсто въ композиціи данной картины. Этимъ путемъ достигается, правда, частичное истолкованіе отдѣльныхъ группъ и фигуръ, которое столь часто является единственною цѣлью изслѣдователя; однако важнѣйшее: все цѣлое картины, внутренній смыслъ такой или иной ея композиціи, самый, наконецъ, характеръ всего того міросозерцанія, воплощеніемъ котораго является каждая изъ этихъ крупныхъ картинъ,— все это остается при такомъ способѣ ихъ истолкованія необъясненнымъ, запутаннымъ, непонятнымъ, равно какъ остается невыясненнымъ и весь тотъ внутренній процессъ развитія народныхъ представленій относительно загробной жизни, который успѣлъ совершиться въ этихъ послѣднихъ со времени Гомера и который поднялъ ихъ, особенно въ эпоху Платона, на такую поразительную высоту сравнительно съ элементарными представленіями древнѣйшаго времени, извѣстными намъ изъ предыдущаго.

Поставивши для нашего изслѣдованія задачи болѣе широкія, чѣмъ простое узнаніе и поименованіе каждой изъ фигуръ, участвующихъ въ композиціи картины,—задачи, которыя были уже разъяснены нами въ своемъ мѣстѣ (см. введеніе), — мы не можемъ, въ силу этого, опустить въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи все то обширное, но

---

[1] А такъ, именно, поступали обыкновенно изслѣдователи до послѣдняго времени; см. ст. Welcker: Die griechische Unterwelt (въ Arch. Zeit. 1843, S. 177—190); Gerhard: die Unterwelt auf Gefässbildern (въ Arch. Z. 1843, S. 193–202, и 1844, S. 225–227); Hartwig: neue Unterweltsdarstellungen auf griech. Vasen (въ A. Z. 1884, S. 260—271); Winkler: die Darstellungen der Unterwelt auf unteritalischen Vasen, Breslau 1888, и др.

совершенно необходимое для пониманія послѣдующихъ типовъ картинъ преисподней [1], содержаніе, которое то однѣми, то другими своими сторонами естественно и незамѣтно вошло въ цѣлое этихъ картинъ и которое остается неуловимымъ, непонятнымъ изъ частичнаго анализа каждой фигуры и группы, какъ бы подробенъ и глубокъ ни былъ этотъ анализъ. Чтобы понять общій характеръ содержанія этихъ картинъ преисподней, писанныхъ согласно позднѣйшимъ представленіямъ о ней, столь сильно разнящимся отъ древнѣйшихъ; чтобы ясно представить себѣ весь этотъ длинный путь, который успѣло пройти народное сознаніе прежде, чѣмъ подняться на ту высоту пониманія, на какой стоятъ позднѣйшія сложныя представленія о загробномъ бытіи сравнительно съ простыми и наивными вѣрованіями Гомеровской эпохи [2],—*оказывается необходимымъ предпослать описанію фактическаго матерьяла,—описанію самыхъ произведеній вазовой живописи,—хотя бы краткій очеркъ развитія въ сознаніи греческаго народа тѣхъ самыхъ представленій о загробной жизни, которыхъ конкретнымъ живописнымъ воспроизведеніемъ въ тѣхъ или иныхъ, наиболѣе характерныхъ чертахъ, являются эти многочисленныя картины на вазахъ.*

Такъ, именно, поступаемъ и мы въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи: мы представляемъ здѣсь прежде всего этотъ необходимый въ нашихъ цѣляхъ краткій очеркъ развитія, послѣ Гомера и Гезіода, народныхъ представленій о загробномъ существованіи, поскольку они раскрываются намъ изъ произведеній греческой поэзіи, изъ миѳа и иныхъ источниковъ; и только затѣмъ уже, имѣя въ содержаніи этого очерка достаточный объяснительный матерьялъ для пониманія внутренняго общаго содержанія всѣхъ имѣющихся картинъ преисподней на вазахъ, обращаемся къ самому описанію отдѣльныхъ этихъ картинъ во всѣхъ составныхъ ихъ частяхъ, уже не будучи, благодаря этому, вынуждены по поводу каждой отдѣльной группы или фигуры всякій разъ удаляться въ широкую область народныхъ вѣрованій по указанному предмету, чтобы найти для нея въ этихъ вѣрованіяхъ болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе.

[1] Мы разумѣемъ группы 2-ю и слѣдующія нашего описанія.

[2] А соотвѣтственно этому и сложныя картины преисподней, писанныя согласно позднѣйшимъ представленіямъ о ней, сравнительно съ простѣйшими воспроизведеніями подлинной Гомеровской νεκυία.

Мистеріи Элевзинскія и Орфическія.

Тѣ безотрадныя, безрадостныя представленія о загробномъ бытіи, какія мы видѣли господствующими въ эпоху Гомера, еще надолго переживаютъ эту эпоху своего появленія и продолжаютъ жить въ фантазіи греческаго народа въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Въ теченіе долгаго времени и послѣ Гомера загробная жизнь представляется античному греку столь же безотрадною, мрачною, столь же внушающею къ себѣ его ужасъ и отвращеніе, какою казалась она и современникамъ Гомера,—и это, какъ было показано выше, отнюдь не изъ страха передъ ожидающимъ его по смерти будущимъ, не изъ боязни передъ строгимъ возмездіемъ въ этомъ загробномъ бытіи за каждую ошибку, совершенную на землѣ, за каждый проступокъ и преступленіе,—боязни, чуждой еще ему, незнакомому въ ту эпоху съ идеей загробнаго воздаянія, но только въ силу всеобщаго и твердаго убѣжденія, столь ясно выраженнаго въ Гомеровскомъ эпосѣ,—убѣжденія, что вмѣстѣ съ прекращеніемъ тѣлеснаго существованія уничтожается и самая личность человѣка, его чувствующее и мыслящее «я», — что въ преисподней продолжаетъ свое бытіе лишь жалкій призракъ прежняго человѣка, его εἴδωλον, лишенный всякаго сознанія собственнаго своего бытія, всякихъ радостей, въ полномъ духовномъ ничтожествѣ. Никакой надежды и утѣшенія не могли доставить ему также и повѣствованія Гезіода о посмертной судьбѣ человѣческихъ поколѣній, говорящія о сплошномъ, безразличномъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, положеніи цѣлаго человѣческаго поколѣнія той или иной эпохи, потому что нужно было только принадлежать по рожденію своему къ тому или другому поколѣнію, чтобы неизбѣжно раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ и его посмертную участь... А между тѣмъ стремленіе отыскать или создать представленія о загробной жизни болѣе утѣшительнаго, свѣтлаго характера, съ надеждами на лучшее посмертное существованіе для справедливыхъ и благочестивыхъ людей, хотя бы при этомъ и съ наказаніями для грѣшныхъ и нечестивыхъ,—это стремленіе становится съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сильнымъ, все болѣе настоятельно требуетъ для себя удовлетворенія,—и вотъ этому-то, именно, настоятельному стремленію пытаются дать возможное удовлетвореніе

прежде всего мистеріи,— главнымъ образомъ, мистеріи Элевзинскія и Орфическія.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на содержаніи всего того, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему предмету,— на разсмотрѣніи обрядовыхъ сторонъ этихъ мистерій, времени и мѣстъ ихъ празднованія и т. п.; разсмотримъ ихъ кратко лишь въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стояли онѣ болѣе или менѣе близко къ вѣрованіямъ въ загробную жизнь человѣка, оказывая существенное воздѣйствіе на представленія всего греческаго народа относительно таковой, а вмѣстѣ съ этимъ, стало быть, и на выраженіе этихъ представленій въ античномъ искусствѣ.

Каково было внутреннее содержаніе и смыслъ Элевзинскихъ мистерій?...—Preller въ статьѣ своей «Eleusinia» [1] даетъ въ немногихъ словахъ превосходную общую характеристику всего этого содержанія ихъ.—«Кругъ относящихся сюда религіозныхъ представленій, говоритъ онъ, — представляетъ собою культъ хтоническихъ божествъ, одинъ изъ древнѣйшихъ, развившихся въ Греціи и наиболѣе распространенныхъ культовъ, въ которомъ *идея благословеннаго плодородія матери—земли и идея ужаса смерти, которой мѣсто также въ глубинахъ земли, удивительнымъ образомъ переплетаются другъ съ другомъ*, и притомъ такъ, что уже съ самаго начала оно (это сплетеніе идей) не поддавалось ясному и опредѣленному пониманію и потому само собою должно было привести къ мистическимъ, ищущимъ объясненія въ сокровенномъ и прикрытымъ символикой, представленіямъ [2].—Сначала пониманіе этихъ божествъ было по преимуществу *устрашающимъ*; а именно, силы смерти, Аидоней и Персефона, представлялись, какъ абсолютно ужасныя непримиримыя божества, и самое *царство умершихъ вообще противополагалось свѣтлому надземному міру, какъ царство мрака безъ надеждъ и утѣшенія*. Однако постепенно представленіе о нихъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе мягкія краски: *они не только устрашаютъ, но и благословляютъ*, принимаютъ умершихъ въ свое лоно, какъ зерно, и *посылая умершее зерно во вновь оживьшемъ*,

[1] Pauly's Real-Encyclopädie d. class. Alterth., III, S. 106 и сл.

[2] Ср. Demeter und Persephone, S. 183—238.—Bäumlein въ Zeitschr. für Alt 1839, № 147—150.

выросшемъ стебле вновь на светъ, они темъ самымъ подаютъ радостныя надежды и всему отданному имъ посеву умершихъ. Таковы представленія, которыя выступаютъ тутъ все яснѣе и яснѣе и столь опредѣленно примыкаютъ къ религіозному аттическо-элевзинскому культу, отвѣчая лежащей въ основѣ его миѳологіи, что можно съ полною увѣренностью отыскивать ихъ источникъ, именно въ Элевзинскихъ мистеріяхъ. *Что представленія посвященія въ нихъ относились къ смерти и преисподней, къ ужасамъ и радостямъ послѣдней,—это доказано»...*—Въ самомъ дѣлѣ, что смыслъ и содержаніе Элевзинскихъ мистерій были таковы, въ этомъ убѣждаютъ насъ многочисленныя свидѣтельства древнихъ авторовъ, единогласно указывающихъ громадность того значенія въ показанномъ сейчасъ смыслѣ, какое имѣли мистеріи на воззрѣнія греческаго народа относительно загробнаго бытія. Такъ, между прочимъ, Исократъ (IV, 28) высказывая свое мнѣніе о значеніи таковыхъ (мистерій), замѣчаетъ что Деметра дала человѣчеству два великія блага: одно—хлѣбныя зерна, при помощи которыхъ она освободила людей отъ животной жизни и привела ихъ къ нравственной; а другое—посвященіе въ мистеріи, посредствомъ котораго всѣ, принимающіе въ нихъ участіе, получали прекрасныя надежды относительно какъ самой смерти, такъ и послѣдующей, загробной жизни. — Цицеронъ (Legg. II, 14, 36) называетъ мистеріи самымъ лучшимъ изъ всего того, чѣмъ обладалъ греческій народъ, за то, что онѣ раскрывали ему истинные принципы человѣческой жизни и тѣмъ самымъ давали каждому посвященному возможность не только счастливо жить, но и умереть съ надеждою на лучшее будущее, и т. д.—Въ чемъ, именно, заключались эти надежды по отношенію къ загробной жизни, на это находимъ указанія у другихъ древнихъ авторовъ. Такъ, въ Гомеровскомъ гимнѣ къ Деметрѣ, v. 480 и сл., блаженнымъ называется тотъ изъ людей, кто видѣлъ мистеріи и былъ посвященъ въ ихъ тайны; напротивъ, несчастнымъ долженъ быть тотъ, кто не удостоился посвященія въ нихъ, потому что *онъ осужденъ по смерти лежать въ мракѣ подземнаго мрачнаго царства.* У Софокла (по Plut. de leg. poet. fragm. 719, Dindorf) читаемъ слѣд. мѣсто относительно посвященныхъ: «трижды блаженны тѣ изъ смертныхъ, которые узрѣли посвященіе въ мистеріи, когда они нисходятъ въ царство Аида: *для нихъ только однихъ существуетъ жизнь въ преисподней, тогда*

какъ для остальныхъ тамъ только нужда и бѣдствія». — Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ E. Spiess [1], — въ то время какъ Гомеровскіе герои, для которыхъ настоящее было все, печально проводятъ свое существованіе въ преисподней, — посвященные въ мистеріи нисходятъ въ царство Аида съ сохраненіемъ своей личности и со всѣми способностями къ воспріятію тѣхъ радостей, которыя суждены для нихъ тамъ. Тамъ, гдѣ Гомеръ зналъ только мракъ и печаль, теперь даже въ этомъ царствѣ мрака появляется свѣтъ солнца, лучи котораго радуютъ посвященныхъ въ ихъ невозмутимомъ блаженствѣ. Теперь уже міръ надземный становится отчасти какъ-бы царствомъ тѣней, тогда какъ жизнь по ту сторону, жизнь за гробомъ, представляется для посвященныхъ вѣчно сіяющимъ днемъ. Такъ успѣваютъ развиться и просвѣтлѣть представленія о посмертномъ существованіи послѣ Гомера.

Однако то важное обстоятельство, что и ученіе мистерій обѣщало человѣку блаженство не за жизнь его, согласную справедливости и законамъ, не за его добродѣтели, а загробное наказаніе не за злыя его дѣянія на землѣ, но единственно только за посвященіе его въ эти мистеріи или за пренебреженіе таковымъ, — это обстоятельство обращало на себя вниманіе самихъ уже грековъ позднѣйшаго времени, когда съ точки зрѣнія значительно болѣе развитыхъ представленій о справедливости и о воздаяніи каждому на землѣ, какъ и по смерти, такія обѣщанія мистерій всѣмъ посвященнымъ сами по себѣ уже казались явною несправедливостью. Такъ, напр., смотрѣлъ на эти обѣщанія Діогенъ, который говорилъ (см. Diog. Läert. VI, 39), что не желаетъ принимать посвященія въ Элевзинскія мистеріи потому, что не хочетъ встрѣтиться въ будущей жизни съ посвященными вообще, если такіе люди, какъ Эпаминондъ и Агезилай, должны будутъ лежать тамъ въ грязи за то только, что они не были посвящены въ мистеріи [2].

Что касается, наконецъ, драматическихъ представленій, имѣвшихъ мѣсто въ Элевзинскихъ мистеріяхъ и относившихся вообще къ кругу сказаній о Деметрѣ и Корѣ, а въ связи съ ними и другихъ хтони-

[1] E. Spiess: Entwickelungsgeschichte der Vorstellungen vom Zustande nach dem Tode, etc. Iena. 1877, S. 312.

[2] Cp. E. Müller: Parallelen und Typen zu d. messian. Weissag., Leipz. 1875, s. 129.

ескихъ божествъ, то изъ всѣхъ нихъ (каковы, между прочимъ: похищеніе Персефоны Плутономъ, поиски Деметры за исчезнувшей дочерью, вадьба Персефоны и Плутона, возвращеніе Деметры на Олимпъ т. д.) наиболѣе важною для насъ является та часть ихъ, въ которой посвященные нагляднымъ образомъ проводились какъ бы ерезъ Тартаръ, мѣсто мученій непосвященныхъ, въ Элизіумъ, въ ѣсто вѣчнаго блаженства для удостоившихся посвященія. Содерзаніе этихъ дѣйствій въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ моменовъ описывается въ интересномъ фрагментѣ у Плутарха (de anima, ragm. VI, 2, p. 270. Hutten) слѣдующимъ образомъ.— «Сначала рудное, утомительное хожденіе и блужданіе; наводящее ужасъ безонечное странствованіе во мракѣ; затѣмъ непосредственно передъ аключительнымъ дѣйствіемъ всевозможные ужасы и страшилища, рожаніе и оцѣпенѣніе отъ страха. Наконецъ, появляется внезапый удивительный свѣтъ,—приходятъ въ чистое мѣсто, въ долину, дѣ можно слышать пѣніе и видѣть танцы и различные возвышенные предметы и священныя явленія. Здѣсь-то, наконецъ, ходитъ юсвященный совершенно свободно и увѣнчанный празднуетъ торжество вмѣстѣ съ святыми и чистыми мужами, причемъ онъ видитъ, акъ непосвященная толпа лежитъ въ глубокой нечистотѣ и туманѣ вслѣдствіе невѣрія своего въ загробныя блага остается всегда юдверженной страху передъ смертью». Таково было содержаніе того, по должны были раскрывать относительно загробной жизни эти раматическія представленія и церемоніи. Къ сожалѣнію, изъ этихъ бщихъ и слишкомъ краткихъ указаній, обусловливающихся тою бязательною для посвященныхъ тайною, подъ которой содержаніе истерій скрывалось отъ непосвященныхъ, оказывается невозможымъ сдѣлать болѣе точные и опредѣленные выводы относительно ого, напр., какіе именно ужасы картинно представлялись посвященымъ; а также, было-ли положеніе посвященныхъ въ послѣдніе моенты указ. выше дѣйствія и то пріятное, что видѣли они и слыали въ это время, непосредственнымъ прообразомъ того загробнаго блаженства, которое обѣщали имъ мистеріи, и т. д. Послѣднее, по крайней мѣрѣ, опираясь на описаніе положенія посвященныхъ въ царствѣ Плутона у Аристофона (Ranae, v. 154—163 и 327—422), можно принять, какъ весьма вѣроятное.

Относительно содержанія мистерій *Орфическихъ* до насъ дошло

не более опредѣленныхъ свѣдѣній по интересующимъ насъ вопросамъ, чѣмъ и относительно мистерій Элевзинскихъ. Содержаніе это, поскольку оно выяснено критикой,—особенно въ капитальномъ трудѣ Lobeck'а: Aglaophamus [1],—сводится къ слѣдующему. По словамъ египетскихъ жрецовъ (Diodor. Sic. I, 96), Орфей внесъ въ свое ученіе о загробной жизни многое такое, что онъ прямо позаимствовалъ у египтянъ, таково, напр., ученіе о наказаніи нечестивыхъ въ преисподней; о лугахъ, гдѣ обитаютъ по смерти благочестивые, посвященные; о водительствѣ душъ Гермесомъ, представленіе о которомъ онъ, будто бы, перенесъ непосредственно съ такого же представленія египтянъ о водителѣ Аписа, и т. д.; отсюда, именно, т. е. уже со словъ Орфея, будто бы внесены были и въ Гомеровскія произведенія извѣстныя мѣста о Гермесѣ-Психопомпѣ, о скалѣ Левкада и проч.

Было-ли это дѣйствительно такъ, трудно сказать; можно думать что въ позднѣйшее время египетскіе жрецы, разсказывавшіе Діодору подобныя вещи, старались приписать слишкомъ уже большое значеніе вліянію своей древней религіи на греческую, и что дѣло не обошлось въ данномъ случаѣ безъ значительныхъ преувеличеній. Таково же, повидимому, и мнѣніе Lobeck'а, который называетъ этотъ разсказъ египет. жрецовъ неудачною баснею (misera fabula).—«Все это, равно какъ и то, что слѣдуетъ затѣмъ относительно берега Океана, скалы Левкада, воротъ Геліоса и луга, на которомъ обитаютъ души умершихъ,—замѣчаетъ Lobeck,—Орфей, какъ они, жрецы, хотятъ доказать, перенесъ съ различныхъ мѣстъ Египта въ преисподнюю; ибо въ Египтѣ, по ихъ словамъ, было и Ахеронтово озеро—болото, и ворота въ храмѣ Гекаты, изъ которыхъ одни назывались воротами Кокита, а другія—Леты. Вся эта неудачная басня, которую повторяетъ и Tzetze (Exeg. p. 152), представляетъ для насъ только ту пользу, что изъ нея мы узнаемъ всѣ наиболѣе важныя мѣста въ царствѣ Плутона, о которыхъ говорили Орфическія стихотворенія, особенно если присоединить сюда еще свидѣтельство Олимпіодора, изъ котораго мы узнаемъ имена четырехъ рѣкъ преисподней [2]».

[1] *Lobeck*: Aglaophamus, sive de theologiae mysticae graecorum causis, 1829, преимущ. т. II, глава „de rebus inferis".

[2] Ad Phaedon. c. 61, p. 474, Fisch. et Wyttenbach, p. 816; а также Gesner: fragm.

Такимъ образомъ, независимо отъ вопроса о заимствованіяхъ Орфея и орфиковъ изъ Египта, который остается открытымъ, мы можемъ сдѣлать по крайней мѣрѣ тотъ выводъ изъ вышеприведенныхъ указаній, что Орфическое ученіе сообщало своимъ послѣдователямъ всѣ перечисленныя жрецами свѣдѣнія: *относительно Гермеса-Психопомпа* [1], *скалы Левкада и воротъ Геліоса, четырехъ рѣкъ преисподней, относительно полей блаженныхъ и наказаній непосвященныхъ* и т. д.

Каково было положеніе душъ умершихъ въ преисподней Орфиковъ?.,—Здѣсь, какъ и въ той преисподней, которую обѣщали Элевзинскія мистеріи, существуетъ то же различіе положеній не для праведниковъ и грѣшниковъ, но для посвященныхъ и непосвященныхъ: только для первыхъ изъ нихъ и по смерти продолжается вѣчное блаженство, тогда какъ непосвященные осуждены лежать тамъ въ грязи. Объ этомъ, именно, свидѣтельствуетъ извѣстное мѣсто у Платона (Phaedon., p. 69 ε), указывающее на то, что согласно древнему ученію Орфиковъ [2], «ὅς ἂν ἀμύητος καὶ ἀτέλεστος εἰς ᾅδου ἀφίκηται, ἐν βορβόρῳ κείσεται, ὁ δὲ κεκαθαρμένος τε καὶ τετελεσμένος ἐκεῖσε ἀφικόμενος μετὰ θεῶν οἰκήσει».—Раздѣленіе однѣхъ душъ умершихъ отъ другихъ и здѣсь, какъ и въ преисподней, обѣщанной Элевзинскими мистеріями, существуетъ, но существуетъ *не въ силу загробнаго суда*, о которомъ тутъ нѣтъ еще рѣчи, *а только въ силу простого факта посвященія въ мистеріи или отверженія ихъ*. На это послѣднее прямо указываютъ, съ оттѣнкомъ ироніи, уже древніе авторы, и яснѣе всего тотъ-же Платонъ (Republ. II, p. 364 e).—«Предсказыватели,—читаемъ мы здѣсь,—показываютъ многія книги Орфея и Мусея и по этимъ книгамъ совершаютъ свои священные обряды; при этомъ они увѣряютъ не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыя общества, что *посредствомъ такихъ жертвоприношеній и игръ какъ*

---

ined., p. 410, гдѣ говорится, что, согласно Орфею, четыре рѣки преисподней наполнены были: Пирифлегетонъ—огнемъ, Кокитъ — грязью, Ахеронъ — воздухомъ, а Океанъ—водою.

[1] О Гермесѣ-Психопомпѣ говоритъ и орфическій гимнъ къ этому богу, въ которомъ онъ называется водителемъ вѣчно живущихъ душъ, исполняющимъ эту свою обязанность по приказанію владычицы преисподней, Персефоны. См. Furtwängler: die Idee des Todes, S. 313.

[2] Что рѣчь идетъ у Платона, именно, объ ученіи орфиковъ, указываетъ уже Олимпіодоръ (Gesner, fragm. ined. p. 409).

живущіе, такъ и умершіе получаютъ будто-бы разрѣшеніе и очищеніе отъ грѣховъ; и это они называютъ посвященіемъ, которое должно избавить насъ отъ загробныхъ мученій; напротивъ, людей, не совершающихъ этихъ жертвоприношеній, ожидаютъ тамъ, по ихъ словамъ, всякіе ужасы».—Въ другомъ мѣстѣ (Republ. II, p. 363 c) тотъ же авторъ поясняетъ еще ближе, въ чемъ состояло, по ученію орфиковъ, блаженство посвященныхъ и наказаніе непосвященныхъ. Мусей и сынъ его въ своемъ разсказѣ о загробной жизни,—по словамъ Платона,—*«ведутъ посвященныхъ въ преисподнюю, приготовляютъ для нихъ возлежанія и пиршества и, увѣнчавши ихъ цвѣтами, заставляютъ все время проводить въ пьянствѣ, думая, что такое вѣчное пьянство является лучшею наградой за добродѣтели.* Другіе же въ описаніи наградъ, назначенныхъ посвященнымъ, идутъ еще далѣе, утверждая, что боги будутъ сохранять также и дѣтей, и все поколѣніе человѣка благочестиваго. Напротивъ, *людей нечестивыхъ и неправедныхъ они закапываютъ въ преисподней въ глубокую грязь или заставляютъ ихъ вѣчно носить тамъ воду* [1]».

Можно думать въ то же время, что согласно Орфическимъ или смѣшаннымъ Орфико-Пиѳагорейскимъ представленіямъ, *воздаяніе за всѣ дѣла, совершенныя во время земнаго существованія человѣка, находило себѣ мѣсто не столько въ загробной жизни, въ преисподней, сколько въ той новой жизни опять таки на землѣ, которая, по этимъ представленіямъ, смѣняетъ по прошествіи извѣстнаго срока прежнюю,* такъ что душа безъ конца мѣняетъ тѣла, переходя изъ однихъ въ другія и продолжая періодически существованіе свое на землѣ. Какъ на доказательства въ пользу такого предположенія можно было бы указать довольно многочисленныя свидѣтельства древнихъ авторовъ [2], изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь только три нижеслѣдующія, достаточныя для подтвержденія сказаннаго. Въ схол. Олимпіодора [3]) относительно періодическаго рожденія человѣка читаемъ слѣд.: «весьма древнимъ оказывается разсказъ Орфиковъ и Пиѳагорейцевъ, кото-

---

[1] Плутархъ (C. Cimon. et Lucull. p. 346, T. III) приписываетъ первую часть этого отрывка не Мусею, а самому Орфею. „Платонъ,—замѣчаетъ онъ,—насмѣхается надъ тѣми послѣдователями *Орфея*, которые говорили, что людямъ, жившимъ благочестиво, предстоитъ получить, какъ награду въ преисподней, вѣчное пьянство"...

[2] См. Lobeck: Aglaophamus, pag. 795—806.

[3] Columna ad Enn. p. 6; Gesner. fragm. Orph. p. 510.

приводитъ души снова въ тѣла и затѣмъ опять выводитъ ихъ тѣлъ, и это въ постоянномъ кругѣ»...—Подобнымъ же обра-и у Hieronym adv. Rufin. (L. III. 410. T. IV. Martian.) на-мъ слѣдующее краткое замѣчаніе по этому вопросу: «Пиѳагоръ ый пришелъ къ мысли, что души—безсмертны и что онѣ пере-ются изъ однихъ тѣлъ въ другія»... Наконецъ, изъ Платона edon. p. 70 c) узнаемъ подобное же: «древне то слово,—гово-я здѣсь,—согласно которому души наши явились сюда откуда снова уйдутъ туда-же и что онѣ рождаются изъ умершихъ»,—аковому мѣсту Олимпіодоръ дѣлаетъ такое поясненіе: «что жи-ее и умершее рождаются другъ изъ друга, явствуетъ изъ древ-ъ Орфическихъ поэтовъ».—*Цѣлью* такого безконечнаго періоди-аго рожденія и жизни на землѣ,— причемъ душа человѣческая лялась нерѣдко и въ тѣла животныхъ [1],—служило именно усо-ленствованіе души и искупленіе грѣховъ каждаго предшествую-о земного существованія, такъ какъ таковое искупленіе не счи-сь, повидимому, достаточнымъ въ преисподней. Самый способъ азанія души на землѣ за грѣхи прежней жизни состоялъ, со-но воззрѣніямъ Орфиковъ, не только въ страданіяхъ, связанныхъ ще съ тѣлеснымъ существованіемъ на землѣ, но и въ томъ енномъ его видѣ для каждаго, которое,—по свидѣтельству Пла-а [2], заключалось въ томъ, что каждый человѣкъ долженъ былъ еносить въ послѣдующемъ существованіи отъ другихъ тѣ же даніи, какія самъ онъ причинялъ кому-либо въ предшествующемъ, аже самую жизнь свою окончитъ такъ, какъ прежде заставилъ кого-либо закончить его существованіе; напр., отцеубійца дол-ъ самъ быть убитъ своимъ сыномъ и т. п.—Таковы, вкратцѣ, представленія относительно загробной жизни, которыя составляли ою важнѣйшую часть внутренняго содержанія мистерій Элевзин-хъ и Орфическихъ.

Вліяніе мистерій на вазовую живопись была весьма значительно: жно было бы указать [3] длинный рядъ произведеній ея, въ кото-

---

[1] Cyprianus Exeg. in symb. Apost. p. CCXXV. Baluz.
[2] Legg. IX, 870 e.
[3] Какъ это дѣлаетъ, напр., Gerhard: Vases grecs relatifs aux mystères, Stutt-. 1839.

рыхъ находили себѣ непосредственное воспроизведеніе разнообразные моменты какъ внѣшнихъ, обрядовыхъ ихъ сторонъ, такъ и тѣхъ разнородныхъ представленій, которыя составляли ихъ внутреннее содержаніе. Что касается, въ частности, представленій о загробной жизни, имѣвшихъ тутъ мѣсто, то значеніе вліянія ихъ на картины загробной жизни на вазахъ сводится, на нашъ взглядъ, къ слѣдующему. Было бы заблужденіемъ истолковывать (какъ этотъ сдѣлалъ, напр., Creuzer [1]) въ своемъ объясненіи картины на вазѣ Canosa-München № 849; подр. см. въ наш. опис. этой вазы) какую либо изъ сложныхъ картинъ преисподней на вазахъ всю цѣликомъ, какъ воспроизведеніе этихъ представленій въ ихъ совокупности: такія «мистическія» истолкованія давно уже справедливо отвергнуты критикой, какъ исполненныя произвола и фантазіи толкователя, и несостоятельность ихъ сдѣлалась нынѣ очевидною, благодаря вновь открытымъ памятникамъ, гдѣ надписи и иныя данныя ставятъ вопросъ объ истинномъ ихъ содержаніи внѣ всякихъ сомнѣній. Тѣмъ не менѣе, вліяніе мистерій на эти картины можно считать безусловно доказаннымъ: въ цѣломъ рядѣ этихъ картинъ, какъ будетъ показано нами впослѣдствіи, мы находимъ несомнѣнные слѣды этого вліянія, съ одной стороны, *въ самомъ фактѣ помѣщенія въ композицію этихъ картинъ группы посвященныхъ*, въ отличіе отъ непосвященныхъ и преступныхъ; а съ другой, въ той замѣчательной *мягкости*, съ которою трактуются эти картины преисподней на вазахъ и въ которой мы видимъ, на ряду съ другими факторами, проявленіе именно этого благотворнаго вліянія мистерій.

Пиндаръ [2].

Прогрессъ, который успѣлъ совершиться въ воззрѣніяхъ греческаго народа на загробную жизнь ко времени Пиндара, нашелъ себѣ достаточно ясное выраженіе въ произведеніяхъ этого послѣдняго. Соотвѣтственно однако самому характеру этихъ его произведеній самыя свѣдѣнія, почерпаемыя отсюда, являются болѣе или менѣе

---

[1] Creuzer: Abbildungen zur Symbolik und Mythologie, Leipzig, 1819, S. 84 и сл.
[2] *Pindari opera* quae supersunt. Textum in genuina metra restituit etc. Aug. Boeckhius. Lipsiae. 1811—21.

односторонними: поэтъ, воспѣвающій побѣды различныхъ лицъ на общественныхъ празднествахъ, понятнымъ образомъ не останавливается въ своихъ пѣсняхъ съ большими подробностями на мрачныхъ сторонахъ загробнаго бытія, на загробныхъ мученіяхъ; его муза предпочитаетъ картины свѣтлыя, радостныя, и потому поэтъ, несмотря на то, что могъ-бы, по собственнымъ его словамъ (Ol. II, 150 и сл.), разсказать о загробномъ существованіи весьма многое, ограничивается изображеніемъ только свѣтлыхъ его сторонъ,—счастливой жизни блаженныхъ, и только по необходимости кратко упоминаетъ о мрачныхъ его сторонахъ, о мученіяхъ грѣшниковъ... Важнѣйшія и наиболѣе подробныя свѣдѣнія по нашему предмету мы узнаемъ изъ II Olymp. v. 104—149, гдѣ поэтъ касается почти всѣхъ существенныхъ пунктовъ посмертнаго бытія.

Для тѣхъ изъ умершихъ,—говоритъ тутъ поэтъ,—которые здѣсь, на землѣ, имѣя преступную душу, совершали злодѣянія, *скоро получается наказаніе тамъ, въ преисподней*. Ибо *всякое нечестивое преступленіе*, сдѣланное здѣсь, въ царствѣ Зевса, *судитъ Нѣкто въ преисподней*, произнося свой судъ согласно справедливости суроваго рока. Напротивъ, *всегда одинаково, въ дни и ночи равно освѣщаемые солнечнымъ свѣтомъ, живутъ тамъ праведники безпечальною жизнью*: не взрываютъ они ни земли при помощи силы рукъ своихъ, ни волнъ морскихъ ради пропитанія, но у служителей боговъ живетъ тотъ, кто здѣсь свято держалъ клятву вѣрности,—живетъ жизнью, стоящею выше слезъ и печалей, тогда какъ злые претерпѣваютъ тамъ мученія ужаснаго вида. Однако тѣ, которые во время трехкратнаго повторенія жизненнаго пути твердо сохраняли духъ свой свободнымъ отъ всякаго преступленія, переселяются, наконецъ, къ замку Кроноса, гдѣ островъ блаженныхъ обвѣваютъ прохладныя дуновенія Океана, гдѣ золотые цвѣты сіяютъ, показываясь изъ почвы или съ блестящихъ деревьевъ, тогда какъ вода питаетъ другіе. Вѣнками и букетами изъ нихъ оплетаютъ они свои локоны и руки... Таковъ жребій блаженныхъ, согласно справедливымъ рѣшеніемъ Радаманта, котораго отецъ—Кроносъ избралъ себѣ въ дѣятельные помощники,—Кроносъ, супругъ Реи, которая между всѣми богинями одна сидитъ на высочайшемъ тронѣ. Пелей и Кадмъ заботливо воспитываются тамъ же, и Ахилла перенесла туда его мать, послѣ того какъ своими просьбами успѣла пріобрѣсти благо-

расположеніе Зевса для него, который ниспровергъ опору Трои, Гектора, и предалъ смерти Кикна и сына Авроры, Эѳіопа...—Такъ рисуетъ поэтъ загробную жизнь, столь различную для праведниковъ и грѣшниковъ.

Что-же существенно новаго успѣло войти въ эти представленія сравнительно съ предшествующими?..—Основываясь на только что приведенномъ описаніи, должно отмѣтить, какъ наиболѣе существенный здѣсь пунктъ, *возникновеніе представленія о загробномъ судѣ и соединенномъ съ нимъ справедливомъ возмездіи за личныя дѣянія каждаго*,—моментъ особенной важности, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ и ясное представленіе *о различіи участи каждаго по смерти въ силу такого или иного загробнаго приговора*. Пиндаръ указываетъ положительно, что дѣянія каждаго будутъ подвержены послѣ смерти суду строгому и справедливому, хотя и называетъ загробнаго судью неопредѣленнымъ именемъ «Нѣкто», подъ которымъ можно разумѣть и Радаманта, рѣшающаго, по словамъ поэта, участь блаженныхъ, и Кроноса, для котораго Радамантъ являлся только помощникомъ, и самого, наконецъ, Аида, которому Эсхилъ приписываетъ уже опредѣленно такую, именно, дѣятельность загробнаго судьи и царя преисподней. Существованіе такого суда необходимо влечетъ за собою и дальнѣйшее различіе участи душъ въ ихъ загробномъ существованіи: въ то время какъ грѣшники отсылаются въ преисподнюю для наказанія, праведникамъ назначается вѣчно счастливая, безпечальная и безболѣзненная жизнь на островахъ блаженныхъ близъ замка самого Кроноса.

Соотвѣтственно такому ученію о безсмертіи, въ которомъ выражено столь же твердое упованіе на загробныя награды за праведную жизнь, какъ и увѣренность въ наказаніи всякаго преступнаго дѣянія, долженъ былъ существовать и иной, чѣмъ прежде взглядъ на самую смерть человѣка,—взглядъ болѣе свѣтлый и утѣшительный, чѣмъ въ ту древнѣйшую эпоху, когда для всѣхъ безъ различія, какъ бы ни были велики заслуги или преступленія каждаго въ отдѣльности, ожидалось равно ничтожное существованіе въ преисподней, или когда впослѣдствіи различіе посмертной участи обусловливалось случайнымъ фактомъ посвященія въ мистеріи, доступнаго лишь очень немногимъ. И мы видимъ, что такой, именно, взглядъ дѣйствительно существуетъ въ эпоху Пиндара, о чемъ свидѣтельствуетъ между

прочимъ и самъ поэтъ въ одномъ изъ фрагментовъ, приведенныхъ у Schneider [1]: «всегда утѣшительная надежда на будущее,— говорится здѣсь,—живетъ въ душѣ того, кто благочестиво и праведно проводитъ свою жизнь,—надежда, услаждающая его сердце, поддерживающая его старость, направляющая, какъ прочнымъ мѣднымъ рулемъ, вѣчно колеблющіяся мысли и дѣянія смертныхъ и бросающая, наконецъ, ихъ якорь въ гавани вѣчности».—Эта надежда не отнималась даже уже людей, совершившихъ въ періодъ земной своей жизни какія-либо тяжкія преступленія, потому что даже для нихъ обѣщается (Ol. II, 123 и сл.) въ далекомъ будущемъ очищеніе отъ ихъ преступленія послѣ того, какъ они въ теченіи трехкратнаго прохожденія жизненнаго пути останутся вѣрными законамъ справедливости и свободными отъ преступленій. Указанное выше мѣсто, Ol. II, 123 и сл., подтверждается также и въ «θρῆνοι» fragm. 4, гдѣ поэтъ говоритъ: «души тѣхъ, отъ которыхъ Персефона уже приняла очищеніе древняго грѣха, посылаетъ она въ девятомъ году снова къ надземному солнцу, на землю; изъ нихъ возрастаютъ тогда благородные князья, высокоодаренные мудростью и силою люди; впослѣдствіи называютъ ихъ святыми героями».

Что касается происхожденія этого послѣдняго представленія, то здѣсь,—какъ это вѣрно замѣчаетъ Nägelsbach [2],—«мы имѣемъ передъ собою не что иное, какъ отголосокъ орфико-пиѳагорейскаго ученія о метемпсихозѣ, облеченнаго въ одежды народныхъ вѣрованій: души идутъ въ Аидъ, наказываются здѣсь Персефоной, которая вообще является активною силой въ преисподней; затѣмъ, очищенныя посредствомъ наказанія, посылаются снова на землю, чтобы здѣсь во вновь начавшейся жизни сдѣлаться выдающимися по своимъ способностямъ людьми, а впослѣдствіи изъ нихъ—святыми героями».—Равнымъ образомъ и Gurlitt [3] видитъ тутъ прямое вліяніе Пиѳагорейской школы, «Пиндаръ подтверждаетъ здѣсь,—говоритъ онъ,—предположеніе Климента Александрійскаго (Stromat. IV. p. 633. ed. Potteri) о томъ, что онъ принадлежалъ къ школѣ Пиѳа-

---

[1] I. G. Schneider Versuch über Pindar's Leben und Schriften. Strasburg, 1774. S. 58

[2] Nägelsbach: Die nachhomerische Theologie des griech. Volksglaubens bis auf. Alexander d. Gr. Nürnberg. 1857, S. 406.

[3] I. Gurlitt: Pindar's Olymp. und Pythisch. Siegsgesänge. Hamburg. 1807—10. S. 11.

гора, ибо онъ принимаетъ вмѣстѣ съ Эмпедокломъ, что души людей трижды возвращаются изъ преисподней на землю въ тѣла и послѣ того, какъ трижды онѣ проведутъ жизнь свою праведно, достигаютъ, наконецъ, острововъ блаженныхъ».

Извѣстное вліяніе оказали на поэта и мистеріи Элевзинскія съ упованіемъ на блаженную жизнь за гробомъ для посвященныхъ въ нихъ; такъ въ 8-мъ фрагм. «θρῆνοι» поэтъ говоритъ: «счастливъ тотъ, кто не сходитъ подъ землею, не узрѣвши этихъ (т. е. мистерій); ибо онъ знаетъ цѣль жизни—обѣщанное посвященнымъ блаженство по смерти; онъ знаетъ также и полученное отъ Зевса душею происхожденіе».—Въ Пиндаровской преисподней, (представленія о которой еще находятся такимъобразомъ подъ вліяніемъ мистерій, хотя и подвинулись сравнительно съ этими послѣдними значительно впередъ въ указанныхъ выше отношеніяхъ),—въ этой преисподней и посвященные пользуются, повидимому, блаженствомъ, одинаковымъ съ блаженствомъ праведниковъ, получившихъ его за свои добродѣтели; и можно думать, что къ тѣмъ и другимъ въ равной мѣрѣ относится описаніе загробнаго вѣчно блаженнаго существованія, которое даетъ поэтъ въ фрагментѣ, цитированномъ у Schneider, S. 55 [1], и которое оказывается весьма близкимъ къ описанію блаженства праведниковъ, извѣстному уже изъ Ol. II.—«Имъ только свѣтитъ,—говорится въ этомъ фрагментѣ,—блестящее солнце внизу во время нашей ночи. Луга съ пурпурными розами и благовонными деревьями украшаютъ тутъ входъ. Кругомъ простирается поле, покрытое цвѣтами и тѣнистыми деревьями съ золотыми плодами,—поле, по которому протекаютъ тихія, не причиняющія слезъ рѣки. Здѣсь забавляются они—одни конными состязаніями, другіе—игрою, третьи—пѣніемъ съ аккомпаниментомъ киѳары. Потомъ предаются они сладкимъ воспоминаніямъ о своихъ великихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ на землѣ. Здѣсь цвѣтетъ богатство и полное счастье, и самыя жилища ихъ проникнуты постояннымъ благоуханіемъ ѳиміама, который смѣшиваютъ они на алтаряхъ боговъ съ далекоосвѣщающимъ пламенемъ».—Такова эта жизнь посвященныхъ и праведныхъ, согласно Пиндару.

[1] По Plutarch. Consolat. ad Apollon., 120,—de dicto Epicuri λάθε βιώσας, S. 113

Эсхилъ [1].

Греческія трагедіи, по крайней мѣрѣ сохранившіяся для насъ, вляются по вопросу о представленіяхъ греческаго народа относиельно загробной жизни источниками весьма скудными. Въ самомъ ѣлѣ, во всѣхъ этихъ сохранившихся для насъ трагедіяхъ, сюжеомъ которыхъ, сколько мы знаемъ, ни разу не является преисподяя съ такою или иною жизнью въ ней, гдѣ, стало быть, можно ыло бы видѣть выраженіе народныхъ представленій о таковой, мы, тыскивающіе въ нихъ именно этихъ послѣднихъ, имѣемъ дѣло ишь съ отрывочными и притомъ немногочисленными выраженіями, ъ которыхъ герои трагедій высказываются относительно будущей изни,—выраженіями, изъ которыхъ и самые выводы могутъ быть, о необходимости, лишь частичными, относящимися только къ тѣмъ ли другимъ отдѣльнымъ моментамъ загробнаго существованія, имоходомъ упоминаемымъ у поэта. Мы не встрѣчаемъ здѣсь и одного описанія преисподней, подобнаго тѣмъ, какія видимъ, апр., у Гомера, Гезіода, позже у Платона и даже у Аристофана Іукіана, хотя у послѣднихъ и съ своеобразной, отрицательной очки зрѣнія...—Вотъ почему и изслѣдователь, не имѣя возможности оспроизвести изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній картину полную и ѣльную, долженъ довольствоваться тутъ только простою группиовкою ихъ по нѣсколькимъ, наиболѣе существеннымъ, пунктамъ.

По разлученіи съ своимъ тѣломъ,—согласно Эсхилу,—душа калго изъ умершихъ отводится въ преисподнюю Гермесомъ, представленіе о которомъ, какъ о водителѣ душъ, можно считать уже олнѣ установившимся въ трагедіяхъ, равно какъ и самые эпитеты го: πομπός, πομπαῖος [2] и т. п., указывающіе на эту его обязанность. Мѣсто, въ которое приводятся души и въ которомъ остаются нѣ на вѣчное пребываніе, носитъ у Эсхила названія Ἀΐδης или Ἀΐδης νεκροδέγμων (Prometh. 152) и представляется находящимся одъ землею и проходящимъ подъ моремъ. Кромѣ того, однако, сушествуетъ еще одно мѣсто, находящееся ниже Аида: неизмѣримый

---

[1] *Aeschyli tragoediae*. Ed. altera, G. Hermann. Berolini 1859.

[2] Aeschyl. Eumen. 94; также и у Sophocl. Oed. Col. 1545 sq.; Ai. 812; и Eurip Ied. 759 и др.

въ своихъ глубинахъ Тартаръ (Τάρταρος ἀπέραντος), который не только лишенъ всякаго свѣта, но и наполненъ густымъ туманомъ (Prometh. 1054 и др.). Въ мрачныя бездны его сбрасываются великіе противники самихъ безсмертныхъ боговъ, подобные Прометею, осужденные тамъ на вѣчное наказаніе. (Prometh. 154, 221 и сл., 1055 и др.). Изъ рѣкъ преисподней Эсхилъ упоминаетъ только три, уже извѣстныя ранѣе: Стиксъ (Pers. 669), Кокитъ (Sept. c. Theb. 671) и Ахеронъ (Sept. c. Th. 834); однако въ то время какъ, напр., въ Гомеровскомъ эпосѣ всѣ эти рѣки не играютъ никакой роли по отношенію къ душамъ умершихъ, у Эсхила Ахеронъ является уже тою рѣкою, черезъ которую всѣ души обязаны были переѣзжать въ лодкѣ старца Харона, чтобы попасть въ назначенное для нихъ въ преисподней мѣсто, (Sept. c. Theb. 834 и сл.),—представленіе совершенно новое, о которомъ не сообщаетъ намъ еще никто изъ предшественниковъ Эсхила.

Надъ прибывшими въ преисподнюю душами немедленно же производится судъ за совершенныя ими въ земной жизни дѣянія, добрыя и злыя, причемъ представленіе это о загробномъ судѣ оказывается тутъ уже вполнѣ опредѣленнымъ, ибо поэтъ указываетъ уже прямо и самое имя судьи, говоря, что обязанность эту исполняетъ не иной кто, какъ самъ Аидъ, какъ царь преисподней, котораго поэтъ называетъ здѣсь «вторымъ Зевсомъ среди умершихъ». (Supplic. 218). Судъ его справедливъ и безошибоченъ, потому что онъ, этотъ Ζεὺς ἄλλος ἐν καμοῦσιν, великій Аидъ знаетъ всѣ прегрѣшенія душъ и читаетъ въ нихъ все, какъ если бы это было написано на нихъ буквами. (Eumen. 270 и сл.).—Въ силу такого суда необходимо различается и дальнѣйшая участь душъ въ преисподней. Эсхилъ прямо и ясно указываетъ, что всякій изъ смертныхъ, кто совершилъ при жизни такія или иныя преступленія, получаетъ за нихъ неизбѣжное наказаніе въ преисподней; этого мало: онъ перечисляетъ сверхъ того, и въ отдѣльности важнѣйшія изъ тѣхъ категорій преступленій, за которыя совершившій ихъ осуждается на вѣчное наказаніе въ будущей жизни, это именно: убійство; нечестіе по отношенію къ богамъ; неуваженіе къ гостю, связанное съ нарушеніемъ основныхъ законовъ гостепріимства; преступленія противъ родителей; презрѣніе къ просящимъ и т. д. (Eumen. 264—270. Supplic. 215, 400 и др.).—Что касается исполненія приговора Аида надъ пре-

ступниками, то обязанность эту исправляютъ,—по Эсхилу,—Эринiи, эти «древнiя дщери Ночи, съ которыми ни изъ боговъ, ни изъ людей никто добровольно не хочетъ имѣть сношенiй; которыя рождены вслѣдствiе существованiя зла и обитаютъ въ мрачныхъ безднахъ преисподней, равно ненавистныя и богамъ, и смертнымъ». (Eumen. 72—76). Онѣ наказываютъ вообще за всякое преступленiе; но ихъ преимущественное, такъ сказать, назначенiе состоитъ въ мщенiи за убiйство, въ силу чего, съ 1-й стороны, люди отягченные этимъ преступленiемъ, еще при жизни своей стараются умилостивить ихъ жертвоприношенiями, (какъ дѣлаетъ, напр., Клитемнестра послѣ убiенiя своего мужа); а съ другой,—онѣ же и призываются, какъ мстительницы за убiйство, (напр., εἴδωλον той же Клитемнестры, убитой Орестомъ, призываетъ ихъ отмстить этому послѣднему за ея смерть). (Eumen. 97—120). Какъ исполнительницы проклятiя надъ преступными, онѣ называютъ сами себя (Eum. 409)—'Αραί, т.-е. «проклятiями»; нерѣдко одна изъ нихъ носитъ также названiе Δίκη или Δίκα; Sept. c Th. 415, 646, Agam. 249, и др.), какъ представительница божеской справедливости. Вообще отношенiе Эринiй къ живымъ и умершимъ таково, что «онѣ не посѣщаютъ жилища тѣхъ, изъ рукъ которыхъ боги принимаютъ жертвоприношенiя, (т. е. незапятнанныхъ преступленiемъ); для всякаго же, кто, преступный, имѣетъ руки, оскверненныя убiйствомъ, онѣ являются истинными свидѣтельницами убитыхъ и мстительницами за ихъ кровь». (Sept. c Th. 680 и сл.). Гнѣвъ Эриннiй противъ преступныхъ людей выражается нерѣдко уже при жизни этихъ послѣднихъ. съ одной стороны, въ тѣхъ ужасныхъ нравственныхъ мученiяхъ, которыя онѣ насылаютъ на преступниковъ въ видѣ угрызенiй совѣсти, а съ другой,—въ тѣхъ несчастьяхъ, которыя одни за другими обрушиваются на нихъ и, ведя отъ однихъ преступленiй къ другимъ, какъ бы рождающимся изъ прежнихъ, быстро приводятъ ихъ самихъ къ погибели и ускоряютъ путь ихъ въ преисподнюю, гдѣ души ихъ, по строгому суду Аида, отдаются уже въ вѣчную власть этихъ мстительницъ за всякое злодѣянiе (Eumen. 921 и сл.). Такова судьба людей преступныхъ.

Относительно положенiя въ загробномъ мiрѣ праведниковъ можно сказать лишь весьма немногое, ибо во всѣхъ произведенiяхъ Эсхила мы не встрѣчаемъ ни одного опредѣленнаго упоминанiя объ Эли-

зіумѣ или островахъ блаженныхъ, [1] которые были бы назначены праведникамъ въ видѣ награды за добрую жизнь; можно думать такимъ образомъ, что жилищемъ всѣхъ умершихъ, согласно Эсхилу служила одна и та же преисподняя. Въ то же время однако всѣ различаются явственно по своему положенію здѣсь, а праведники и герои по степени почета и значенія, какое имѣютъ они у подземныхъ боговъ. Не говоря уже объ избавленіи праведныхъ отъ всякихъ наказаній въ преисподней, (въ отличіе отъ преступниковъ), значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно царей, являвшихся у поэта героями трагедій, выражается всего болѣе въ той силѣ воздѣйствія на живущихъ на землѣ, которую сохраняютъ они, по волѣ Аида, и въ преисподней. Таковъ, напр., персидскій царь Дарій, который и послѣ смерти остается «μακαρίτας ἰσοδαίμων βασιλεύς» (Pers. 636) и душу котораго вызываетъ на землю хоръ, надѣляя его при этомъ эпитетами, указывающими на царственное его могущество и въ самой преисподней [2]. Таковъ и Агамемнонъ, которому не только приносятся послѣ смерти его умилостивительныя возліянія по приказанію Клитемнестры, но котораго также призываютъ Орестъ и Электра на-ряду съ подземными богами, будучи увѣрены, что душа его и принимаетъ возліянія, и слышитъ ихъ призывъ и имѣетъ достаточно силы, чтобы помочь имъ (Choeph. 132 и сл.). Таково, повидимому, положеніе и состояніе и всѣхъ вообще царей и героевъ въ этой преисподней Эсхила, отличающее ихъ отъ вѣчно наказуемыхъ здѣсь преступниковъ.

Что касается, наконецъ, людей, не отличавшихся при жизни ни великими добродѣтелями, ни великими злодѣяніями, то для нихъ смерть является только освободительницей отъ земныхъ несчастій, которыя столь часто посѣщаютъ человѣка въ періодъ земной его жизни (Supplic. 795 и сл.); а самая преисподняя куда переселяются по смерти тѣла ихъ души, является для нихъ только мѣстомъ успокоенія,—νεκρῶν σωτήρ (Agam. 1347), не представляющимъ для нихъ ничего ужаснаго. Тѣла, по неизбѣжнымъ законамъ природы, обращаются въ землю, ибо,—по словамъ Электры (Choeph. 129 и сл.),

---

[1] См. Fr. Winiewscki: de animarum post mortem statu... secundum Aeschylum. Monaster. 1857, pag. 14.

[2] Напр., δαίμων μεχαυχής, ibid. 644; ἄκακος θεῖος ἄναξ, ib. 654 и др.

— земля, которая родила все живущее и есть праматерь всего чеѣчества, снова принимаетъ въ себя все жившее, когда срокъ ного существованія для каждаго заканчивается; напротивъ, души хъ людей нисходятъ въ преисподнюю къ могучему Аиду, кото- радушно принимаетъ въ свое царство всѣхъ, кто только не ершилъ великихъ преступленій, и для всѣхъ нихъ находится ище въ обширной обители этого «гостепріимнаго Зевса умеръ». (Ζεὺς τῶν κεκμηκότων πολυξενώτατος, какъ наз. онъ въ pl. 139.).

Софоклъ[1].

Іредставленія о загробной жизни, съ которыми знакомимся мы въ гедіяхъ другого великаго представителя греческой драмы, Софокла, многихъ отношеніяхъ являются весьма сходными съ тѣми, кото- только что были извлечены нами изъ трагедій Эсхила. Сущеуетъ однако между ними въ тоже время и важное различіе, — и различіе, которое мы указываемъ здѣсь прежде всего, вытекаетъ внымъ образомъ изъ отношенія обоихъ поэтовъ къ *мистеріямъ*, учившимъ въ ихъ время столь широкое распространеніе. Въ саъ дѣлѣ, въ то время какъ вліяніе мистерій на Эсхила, поскольку ло оно выразиться въ его трагедіяхъ, является ничтожнымъ, но сказать, сводится къ нулю, ибо нигдѣ въ его произведеніяхъ не находимъ слѣдовъ таковаго; — вліяніе ихъ на Софокла напроъ оказывается значительнымъ, обнаруживаясь съ наибольшею остью въ такихъ существенныхъ пунктахъ эсхатологіи, какъ дставленія о загробномъ судѣ и о различіи положенія душъ ихъ загробномъ существованіи. Софоклъ, повидимому, совершенно раняетъ идею загробнаго суда, до которой возвысились уже его шественники (Эсхилъ и Пиндаръ) и которая должна была быть хорошо извѣстною, и примыкаетъ къ тому самому ученію коое проповѣдывалось мистами: о спасеніи душъ человѣческихъ нственно посвященіемъ въ мистеріи. Нигдѣ не упоминаетъ онъ агробномъ судѣ или судьяхъ, которые рѣшали бы участь умер-

[1] *Sophocles.* Tragoed. with annotations and introduction by Ed. Wunder. London. —68.

шихъ въ будущей жизни, и единственное мѣсто, изъ котораго возможно сдѣлать заключеніе относительно основанія, въ силу котораго,—согласно Софоклу,—должно было различаться посмертное положеніе душъ, указываетъ, какъ таковое основаніе, именно, фактъ посвященія въ мистеріи. Мы говоримъ о цитированномъ уже раньше фрагментѣ 719 по Plutarch. de leg. poet.: «трижды блаженны тѣ изъ смертныхъ, которые узрѣли посвященіе въ мистеріи, когда нисходятъ они въ царство Аида: для нихъ только однихъ существуетъ жизнь въ преисподней, тогда какъ для остальныхъ тамъ существуетъ только нужда и бѣдствія.»—Такимъ образомъ и у Софокла, (какъ и въ ученіи мистовъ), нѣтъ загробнаго суда надъ умершими, нѣтъ и раздѣленія посмертнаго положенія душъ въ силу такого или иного характера земной дѣятельности каждаго человѣка, а существуетъ только различіе между посвященными и непосвященными,—моментъ, въ которомъ поэтъ оказывается стоящимъ ниже своего великаго предшественника и въ которомъ мы усматриваемъ наиболѣе существенный пунктъ различія между обоими.

Въ другихъ отношеніяхъ сходство между свѣдѣніями, которыя даютъ по намѣченнымъ нами вопросамъ оба поэта, весьма велико, и указанія, находимыя у одного изъ нихъ, только подтверждаютъ и пополняютъ то, что отыскиваемъ у другого.

По смерти тѣла душа человѣка,—согласно Софоклу,—отправляется въ царство Аида въ сопровожденіи того же Гермеса — водителя душъ, о которомъ мы слышали уже раньше; въ Эдипѣ Колон. (1546 и сл.) онъ указываетъ Эдипу дорогу, ведущую въ преисподнюю; онъ же упоминается и Oed. Col. 1661, и въ Ai. 832, сохраняя и здѣсь тѣже названія, какія извѣстны уже изъ Эсхила: Ἑρμῆς ὁ πομπός; πομπαῖος Ἑρμῆς χθόνιος и т. п. Самое царство умершихъ носитъ у Софокла разнообразныя имена: въ однихъ случаяхъ оно получаетъ свое названіе отъ именъ своихъ властителей и упоминается, какъ жилище Аида и Персефоны [1]; въ другихъ случаяхъ оно обозначается просто, какъ область, лежащая подъ землею, безъ собственнаго имени [2]; чаще всего называется обычными именами Ἅϊς, Ἀΐδης и Ἅιδης. Что Софоклу были извѣстны и рѣки подземнаго царства,

[1] El. 110: δῶμα Ἀΐδου καὶ Περσεφόνης.

[2] El. 839: ὑπὸ γαίας; Oed. tyr. 968: κάτω γῆς, и др.

по крайней мѣрѣ двѣ, видно изъ тѣхъ выраженій, гдѣ преисподняя обозначается описательно посредствомъ именъ Ахеронта и Стикса [1]. Извѣстенъ былъ поэту и стражъ преисподней, трехголовый Керберъ (Tr. 1097 и сл.), лежащій въ пещерѣ у многопосѣщаемыхъ воротъ, ведущихъ въ царство Аида.

Каково было отношеніе героевъ и другихъ дѣйствующихъ лицъ Софокловыхъ трагедій къ преисподней?..—

Это вѣчное посмертное жилище душъ, въ которое громадное большинство умершихъ,—всѣ непосвященные должны были низойти безъ всякой надежды на справедливое воздаяніе и счастье за гробомъ, какъ бы ни были велики добродѣтели ихъ и заслуги передъ человѣчествомъ, естественно должно было казаться для такого большинства лишь ненавистнымъ мѣстомъ вѣчной печали и мрака. И мы видимъ, дѣйствительно, что надѣляя царство Аида эпитетами, опредѣляющими наиболѣе близко характеръ его, дѣйствующія лица Софокловыхъ трагедій пользуются постоянно названіями, указывающими именно такое ихъ отношеніе къ преисподней,— называютъ это царство Аида: чернымъ, ненавистнымъ, мрачнымъ, обильнымъ слезами и стонами [2] и т. п.—Только для такихъ несчастнѣйшихъ изъ страдальцевъ человѣчества, какимъ былъ, напр., царь Эдипъ, смерть и нисхожденіе въ эту преисподнюю могли представляться не въ столь уже мрачныхъ краскахъ и только такіе страдальцы могли, подобно Эдипу (Oed. Col. 1520 и сл.), охотно ожидать приближенія смерти, которая должна была, по крайней мѣрѣ, прекратить тѣ колоссальныя несчастья, которыя преслѣдовали ихъ на землѣ. Но и для Эдипа и подобныхъ ему нисхожденіе въ преисподнюю является благомъ лишь отрицательнымъ, состоящимъ только въ прекращеніи, отсутствіи прежнихъ страданій, а не тѣмъ положительнымъ счастьемъ, которое имѣло бы свою собственную цѣнность, безотносительно къ этимъ земнымъ страданіямъ. А между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Nägelsbach [3],—«гдѣ можно было бы ожидать встрѣтить *надежду на загробное блаженство* скорѣе, чѣмъ въ Эдипѣ Коло-

[1] Antig. 815; Ἀχέροντι νυμφεύσω, Oed. Col. 1568: Στύγιος δόμος, и т. п.

[2] Trach. 501: ἔννυχος Ἅιδας; Oed. Col. 1702: ὁ ἀεὶ κατὰ γᾶς σκότος; Oed. tyr.: μέλας Ἅιδης στεναγμοῖς καὶ γόος πλουτίζεται, и др.

[3] Nägelsbach: die nachhomerische Theologie, S. 412.

нейскомъ?..—Очищенный своими ужасными страданіями и примирившійся съ богами, отходитъ Эдипъ удивительнымъ образомъ въ область Аида, чтобы тамъ сдѣлаться для Аѳинъ благодѣтельнымъ героемъ; и тѣмъ не менѣе во всей трагедіи нѣтъ ни одного указанія на то, что онъ самъ для себя или другіе для него надѣются тамъ на блаженство; самый хоръ, призывая (Oed. C. 1556 и сл.) подземныя силы, проситъ для него только легкой, безболѣзненной смерти и пощады со стороны Эриній и Кербера»...

Можно сказать, принимая за основаніе свѣдѣнія, сообщаемыя у Софокла относительно положенія въ преисподней нѣсколькихъ отдѣльныхъ душъ, что поэтъ даетъ своимъ героямъ и царямъ *вмѣсто блаженства*: въ царствѣ Аида лишь *силу и власть*, необычныя для другихъ. Такъ, напр., относительно Амфіарая, который сошелъ въ преисподнюю, будучи поглощенъ землею у Ѳивъ, утверждается положительно, что онъ и тамъ продолжаетъ «царствовать надъ всѣми душами» или (слѣдуя иному переводу) продолжаетъ «оставаться царемъ, сохраняя всѣ прежнія силы души» [1]. Подобнымъ образомъ и Эдипъ, который даже своими колоссальными страданіями не могъ снискать для себя блаженства, является однако въ преисподней обладателемъ той силы, которая даетъ ему возможность и по смерти оставаться помощникомъ Аѳинянъ и, напротивъ, быть вреднымъ для Ѳиванцевъ. (Oed. Col. 457 и сл.).—Такъ, и Аяксъ послѣ смерти своей сохраняетъ достаточно могущества для того, чтобы помогать своимъ близкимъ, живущимъ на землѣ, и потому не напрасно призывается ими, какъ сильный защитникъ (Ai. 1172 и сл.). Души такихъ героевъ сохраняютъ по смерти и тѣ *симпатіи и антипатіи къ живущимъ*, какія имѣли герои при жизни. Кромѣ приведенныхъ уже примѣровъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и другіе; такъ, напр., въ Electr. 482 и сл. хоръ прямо утверждаетъ относительно Агамемнона, что онъ никогда и въ преисподней не забудетъ о томъ униженіи, которое нанесла ему собственная его супруга,—ея измѣны и мужеубійства; въ Ai. 1395 и сл., Тевкръ упрашиваетъ Одиссея

---

[1] Electr. 841: „ὑπὸ γαίας πάμψυχος ἀνάσσειν», Въ первомъ смыслѣ переводитъ это выраженіе G. Hermann и нѣк. др., замѣняя πάμψυχος посредствомъ πασῶν ψυχῶν. Во второмъ переводитъ его F. Winlewscki: de animarum post mortem statu, secundum Sophoclem, 1857, pag. 17, принимая πάμψυχος равно значущимъ выраженію ὁ διασώσας πᾶσαν τὴν ἑαυτοῦ ψυχήν.

не принимать никакого участія въ погребеніи Аякса, потому что прикосновеніе его, какъ ненавистнаго Аяксу при жизни, должно было оскорбить этого послѣдняго и по смерти.

Что касается вопроса о томъ, сохраняютъ-ли вообще всѣ души умершихъ и въ преисподней сознаніе настоящаго и память о прошедшемъ, то у Софокла разрѣшается онъ совершенно иначе, чѣмъ это видѣли мы, напр., у Гомера. Если въ преисподней, какою является она въ Гомеровскомъ описаніи, души всѣхъ вообще умершихъ, за единственнымъ исключеніемъ Тирезія, представляются лищенными всякаго сознанія и памяти, пока не напьются жертвенной крови; то согласно Софоклу не только души царей и героевъ сохраняютъ въ преисподней свое царственное значеніе, свои склонности и познанія, но и души обыкновенныхъ смертныхъ не лишены тамъ сознанія и извѣстныхъ чувствъ, остающихся имъ въ наслѣдіе отъ земной ихъ жизни. Это можно заключить, напр., изъ словъ Антигоны (Antig. 71 и сл.), гдѣ эта послѣдняя выражаетъ надежду, что по смерти она дружественно встрѣтится въ преисподней съ любимымъ своимъ братомъ, тогда какъ Исмена, которая не исполнила относительно него долга благочестія, будетъ ему и умершему ненавистна (Ant. 93 и сл.); а также изъ высказаннаго ею же въ другомъ мѣстѣ (Ant. 925 и сл.) упованія, что, находясь въ преисподней, она лучше, чѣмъ при жизни, пойметъ законность или незаконность поступковъ, совершенныхъ ею на землѣ, и т. д.

Что касается, наконецъ, представленій о *внѣшнемъ видѣ* душъ умершихъ, то представленія эти у Софокла остаются такими же, какими были они еще въ эпоху Гомера: εἴδωλα умершихъ и въ преисподней сохраняютъ внѣшній видъ подобный тому, какой имѣло передъ смертью самое тѣло. Отсюда объясняется, между прочимъ, желаніе Эдипа—ослѣпить самого себя, чтобы и въ преисподнюю прійти лишеннымъ зрѣнія и такимъ образомъ не видѣть тамъ никогда своихъ несчастныхъ родителей, противъ которыхъ онъ совершилъ при жизни столь ужасныя преступленія (Oed. tyr. 1371 и сл.).— Такова у Софокла преисподняя и таково положеніе находящихся тамъ душъ.

Кромѣ душъ умершихъ, но уже въ совершенно иномъ положеніи,— въ положеніи властвующихъ надъ ними, обитаютъ въ преисподней и другія существа, высшаго, божественнаго порядка. Царемъ и гос-

подиномъ преисподней является Аидъ, Аидоней или Гадесъ, который называется также подземнымъ Зевсомъ, царемъ умершихъ и т. д. (Tr. 1087; Oed. Col. 1606 и др.). Однако власть его въ отличіе отъ той дѣятельной, проявляющейся въ отправленіи судебныхъ функцій, власти, которую приписываетъ ему Эсхилъ, здѣсь, у Софокла, представляется скорѣе существующею какъ бы только номинально, причемъ, никакихъ болѣе или менѣе близкихъ сношеній съ подвластнымъ ему міромъ человѣческихъ душъ этотъ царь не имѣетъ. Вмѣстѣ съ нимъ царствуетъ въ преисподней и супруга его Персефона или Персефасса, которая называется также подземной и невидимой богиней. (Ant. 854; Oed. Col. 1548, 1556 и др.). Далѣе идутъ помощники и служители подземныхъ властителей, отправляющіе въ царствѣ умершихъ опредѣленныя обязанности. Сюда относится кромѣ названнаго уже Гермеса, сопровождающаго души умершихъ въ преисподнюю и служащаго посредникомъ между міромъ надземнымъ и царствомъ Аида, прежде всего Θάνατος—Смерть, порожденіе Геи и Тартара, которую призываетъ Аяксъ вмѣстѣ съ Гермесомъ (Ai. 854 и сл.); далѣе, Δίκη—справедливость, которая обитаетъ вмѣстѣ съ подземными богами (Ant. 451); 'Αρά—проклятіе, (El. 110 и сл.); 'Ερινύες—фуріи, которыя являются мстительницами за убійство и другія тяжкія преступленія (El. 112, 488 и сл.; Ai, 837 и сл. и др.) и исполнительницами родительскаго проклятія (Oed. Col. 1298, 1434 и др.). У Софокла впрочемъ онѣ носятъ еще и другое названіе—Εὐμενίδες, которое, какъ и эпитетъ ихъ Θεαὶ σεμναι (Oed. Col. 42, 90 и др.), характеризуетъ ихъ и съ иной уже стороны, представляя ихъ уже не столь неумолимыми, какъ обыкновенно, но способными и къ болѣе мягкому отношенію къ тѣмъ, кто особыми священнодѣйствіями и всѣмъ своимъ поведеніемъ съумѣетъ заслужить этого съ ихъ стороны. (Oed. Col. 469—492.).—

Эврипидъ [1].

Если у двухъ предшественниковъ Эврипида мы не отдѣляли ихъ собственныхъ воззрѣній на загробную жизнь отъ чисто народныхъ вѣрованій, считая тѣ и другія вообще совпадающими другъ съ дру-

[1] Euripidis tragoediae, ex recensione Ad. Kirchhoffii, Berolini 1855.

гомъ, такъ что поэты пользуются только матерьялами, какіе даются народными вѣрованіями, и слѣдують за ними; то теперь по отношенію къ трагедіямъ Эврипида сдѣлать такое раздѣленіе является необходимымъ, ибо оказывается, что въ этихъ трагедіяхъ тѣ основные принципы, на которыхъ покоятся, несомнѣнно, субъективныя воззрѣнія самого поэта въ нѣкоторыхъ случаяхъ идутъ прямо въ разрѣзъ съ чисто народными. Слѣдуя здѣсь за Nägelsbach'омъ [1], мы отмѣтимъ одинъ, наиболѣе существенный моментъ въ воззрѣніяхъ самого поэта на загробную жизнь,—моментъ, который, являясь у него такимъ основнымъ принципомъ, обусловливаетъ собою и всѣ остальныя различія между его личными и чисто народными представленіями. Мы говоримъ относительно взгляда поэта на *безсмертіе* человѣка. Самъ Эврипидъ далекъ отъ признанія безсмертія человѣческаго существа въ общепринятомъ его пониманіи у народа; подъ вліяніемъ различныхъ философскихъ теорій, господствовавшихъ въ эту эпоху (особенно философскаго ученія Анаксагора), онъ высказываетъ по этому вопросу взглядъ, съ народнымъ ничего общаго не имѣющій. Согласно этому взгляду, душа человѣка по разлученіи я съ тѣломъ уже не существуетъ болѣе, какъ индивидуумъ, но возвратившись въ безсмертный эѳиръ, изъ котораго она и произошла, существуетъ затѣмъ уже только какъ частица этого необъятнаго цѣлаго, теряя въ немъ прежнюю личность безслѣдно (Helen. 013 и сл.). Что касается тѣла, то оно, какъ происшедшее изъ земли, вновь обращается въ землю по смерти (Suppl. 532 и сл.). Такая участь человѣка по смерти и самому поэту не представляется страдною: уничтоженіе тѣлесной и духовной индивидуальности понятнымъ образомъ является въ его глазахъ полнымъ уничтоженіемъ того, кто назывался прежде человѣкомъ, и тотъ, кто до рожденія своего былъ ничто, умирая—по словамъ поэта,—снова въ смыслѣ вѣчнаго существованія есть не болѣе, какъ ничто: τὸ μηδὲν εἰς οὐδὲν ῥέπει. (Meleag. fr. 537, ed. Wagner). И тѣмъ не менѣе даже такое исчезновеніе личности въ безконечной вселенной поэтъ все же предпочитаетъ тому пребыванію человѣческихъ душъ въ преисподней, о которомъ говорило народное преданіе и которое, повиди-

[1] Nägelsbach: die nachhomerische Theologie, S. 459 и сл.

мому, казалось ему еще болѣе жалкимъ, ничтожнымъ, чѣмъ даже самое исчезновеніе; оттого-то выражая этотъ свой взглядъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ Heraclid. (590—595), онъ прямо высказываетъ здѣсь пожеланіе, чтобы со смертью человѣка для него все прекращалось, чтобы никакого продолженія существованія въ преисподней для него не было: εἴη γε μέντοι μηδέν!.. — Въ этомъ пониманіи загробной судьбы человѣка, явственно отличающемся отъ тѣхъ народныхъ воззрѣній, которымъ самъ Эврипидъ слѣдуетъ во многихъ другихъ случаяхъ, мы имѣемъ передъ собою повторяемъ, чисто субъективный взглядъ поэта, являющійся отраженіемъ извѣстныхъ фисософскихъ ученій его эпохи о безсмертіи. Не останавливаясь на другихъ подробностяхъ въ воззрѣніяхъ самого поэта, стоящихъ въ зависимости отъ этого принципіальнаго взгляда его на безсмертіе, скажемъ только, что всѣ тѣ отдѣльныя выраженія относительно загробнаго бытія, которыя имѣютъ у него характеръ *отрицательный*, являются отнюдь не воззрѣніями общенародными, но лишь плодомъ философскаго мышленія самого поэта, проникнутаго въ значительной степени тѣмъ духомъ отрицанія, разрушительному дѣйствію котораго подверглись въ эту эпоху самыя разнообразныя области религіозной, умственной и политической жизни греческаго народа.

Обращаясь теперь къ тѣмъ представленіямъ о загробной жизни, гдѣ и Эврипидъ, подобно своимъ предшественникамъ, слѣдуетъ наиболѣе распространеннымъ въ его время народнымъ вѣрованіямъ, мы, естественно, находимъ во многихъ отношеніяхъ сходство между свѣдѣніями, сообщаемыми у него и тѣми, какія мы раньше видѣли уже у двухъ другихъ представителей греческой драмы, такъ что одни изъ нихъ только дополняютъ или видоизмѣняютъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ другія.

Эврипидъ неоднократно упоминаетъ о водительствѣ душъ по смерти въ преисподнюю; но онъ называетъ уже не одного исполнителя этой обязанности, а цѣлыхъ трехъ: 1) Гермеса, который носитъ у него, между проч., названія—«Μαίας πομπαῖος ἄναξ» (Med. 754), «Ἑρμῆς χθόνιος» (Alc. 755 и др.) и т. п.; 2) Харона, который или называется у поэта собственнымъ именемъ, или обозначается разнообразными эпитетами, указывающими на отправляемыя имъ обязан-

ности [1]; наконецъ, 3) Θάνατος, которая, хотя и упоминается уже у Эсхила и Софокла, однако на сцену выводится впервые у Эврипида, какъ служительница Аида, которая отводитъ въ преисподнюю души умершихъ въ назначенный каждому срокъ; причемъ ея внѣшними аттрибутами служатъ острый мечъ и черная одежда [2].

Относительно самой преисподней Эврипидъ не сообщаетъ, повидимому, никакихъ новыхъ свѣдѣній сравнительно съ предшествующимъ временемъ; только по богатству и разнообразію названій для преисподней, въ которыхъ онъ характеризуетъ ее въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, онъ превосходитъ своихъ предшественниковъ [3].—Весьма любопытно однако при этомъ одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить здѣсь вниманія: между различными именами, которыя даетъ поэтъ супругѣ Аида, царствующей вмѣстѣ съ нимъ въ преисподней (χθόνια, Jon. 609; Ἅιδου νύμφη, Alc. 763; Δήμητρος κόρη, Heracl. 409 и т. д.), встрѣчается одно совершенно оригинальное и раньше неизвѣстное: «πυρὸς δέσποινα» —владычица огня [4], которое едва-ли возможно объяснить какъ либо иначе, чѣмъ такъ, что поэтъ, называя эту царицу преисподней «владычицей огня», указываетъ этимъ самымъ и на существованіе таковаго въ преисподней; ниже, въ Платоновскихъ миѳахъ, мы увидимъ это представленіе о существованіи огня въ преисподней еще болѣе ясно выраженнымъ, причемъ для исполненія наказаній надъ величайшими преступниками создаются и особенныя огненныя существа.

Что касается представленій о посмертномъ состояніи душъ, то здѣсь Эврипидъ (въ отличіе отъ вышеуказаннаго личнаго его взгляда на этотъ предметъ) видимо слѣдуетъ за Гомеромъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что и у него души умершихъ представляются вообще не болѣе, какъ ἀφανὲς εἴδωλον, νέκυν ἔνερθεν, σκιά и т. п. (Phoeniss, 1543 и сл.; Meleag. fr. 537 и др.).—Отсюда жизнь громаднаго большинства душъ въ преисподней справедливо показывается

---

[1] Alc. 455: γέρων νεκροπομπός; Alc. 372: ψυχοπομπός Χάρων; Alc. 261: νεκύων πορθμεύς и т. д.; впрочемъ ни откуда не видно, чтобы Харономъ эта обязанность исполнялась внѣ предѣловъ самой преисподней.

[2] Alc. 24 и сл.: „Θάνατον εἰσορῶ, ἱερῆ θανόντων, ὅς νιν εἰς Ἅιδου δόμους μέλλει κατάξειν".—Alc. 47, 74, 1144 и др.

[3] См. Winiewscki: de animarum post mortem statu secundum Euripidem, Monasteriens. 1860, pag. 5, гдѣ этими именами для преисподней наполнена цѣлая страница.

[4] Phaeton. fragm. 15, 59 и сл. по изд. Wagner.

героямъ Эврипидовыхъ трагедій, какъ и героямъ Гомеровскаго эпоса, безотраднымъ существованіемъ, отнюдь не могущимъ для нихъ замѣнить радостей земного бытія, и они говорятъ о ней вообще въ самомъ пессимистическомъ тонѣ [1].—Отсюда же у Эврипида вполнѣ естественнымъ кажется то мѣсто (Orest. 1515—1532), гдѣ рабъ Phryx на увѣщанія Ореста не бояться смерти, потому что она освободитъ его, жалкаго раба, отъ всякихъ страданій, отвѣчаетъ ему что и для раба, какъ для всякаго человѣка, отрадно смотрѣть на свѣтъ и что, поэтому, жить на землѣ, будучи даже рабомъ, все же лучше, чѣмъ сойти въ преисподнюю, хотя бы она и освобождала человѣка отъ всѣхъ земныхъ страданій. Отвѣтъ совершенно въ духѣ Гомерова Ахилла, желавшаго быть лучше поденщикомъ на землѣ, нежели царемъ надъ всѣми душами умершихъ.

Впрочемъ для героевъ и царей и Эврипидъ, подобно своимъ предшественникамъ, принимаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ положеніе, преимущественное передъ остальными: и у него они сохраняютъ въ преисподней въ значительной степени свое прежнее могущество и имѣютъ силу помогать живущимъ на землѣ, отчего эти послѣдніе нерѣдко призываютъ ихъ, уповая на вѣрную ихъ помощь; [2] а для Алцесты, въ видѣ награды за ея высоко-геройскій подвигъ самопожертвованія, обѣщается, что по смерти она будетъ находиться въ преисподней подлѣ самой Персефоны. (Alc. 758).—Вообще же наградой за добрыя дѣянія человѣка, за жизнь, проведенную согласно законамъ божескимъ и человѣческимъ, служитъ не столько загробное блаженство въ преисподней, на которое для такихъ людей мы не знаемъ прямыхъ указаній у Эврипида, сколько въ доброй памяти и усердномъ почитаніи ихъ со стороны остающихся въ живыхъ, которые въ цѣломъ рядѣ подробностей погребальнаго культа стараются представить умершимъ доказательства такого почитанія [3],—и это тѣмъ болѣе, что душамъ тѣхъ изъ умершихъ, которые не были удостоены обычныхъ погребальныхъ почестей,—согласно вѣ-

[1] См. Troad. 191 и сл.; Orest. 188 и сл.; 376, 1075 и сл.; Alc. 392 и др.

[2] Herc. fur. 488 и сл.; Troad. 460 и сл.; 1222 и сл.; Electr. 683 и сл.; Suppl. 497 и сл.; Phoen. 1116 и сл. и др.

[3] См. Alc. 97 и сл., 434 и сл.; 623 и сл.; Hec. 565 и сл.; 606 и сл.; Suppl. 972 и сл., и др.)

рованіямъ и этой эпохи, подобно древнѣйшей,— возбранялся вообще самый доступъ въ царство Аида. (Suppl. 538 и сл.).

Наконецъ относительно тѣхъ, кто запятналъ себя при жизни великими преступленіями, изъ трагедій Эврипида мы узнаемъ слѣдующее. Уже самая земля, послѣ погребенія ихъ тѣлъ, является для нихъ тяжелымъ и твердымъ покровомъ, давящимъ ихъ, какъ ярмо (Helen. 851 и сл.). Въ самой преисподней души ихъ претерпѣваютъ вѣчныя наказанія, исполнительницами которыхъ являются Эриніи, называемыя у поэта также μελαγχρῶτες Εὐμενίδες, Βάκχαι Ἅιδου и др. именами (Or. 238, 264; Hec 1054, и др.). Изъ одного, хотя и посторонняго источника, (именно, Schol. Aristophan. ad v. 478, «Ranae»), мы узнаемъ сверхъ того, что тѣ же самые ужасы, которые представляются въ преисподней Аристофаномъ [1], были описаны уже Эврипидомъ съ тѣмъ только различіемъ, что впослѣдствіи Аристофанъ представилъ все это въ комическомъ видѣ, тогда какъ Эврипидъ передалъ это въ своей трагедіи «Тезей» совершенно серьезно, какъ дѣйствительно существующее, согласно народнымъ вѣрованіямъ, въ преисподней. Ужасы эти, которыми Эакъ старается устрашить мнимаго Геракла, состояли въ томъ, что, по словамъ Эака, обращеннымъ къ этому послѣднему,— въ этой преисподней, находятся: «страшная, съ чернымъ сердцемъ скала Стикса, кровоточивый утесъ Ахеронта и бѣгающіе псы Кокита, которые не дозволятъ ему (Гераклу) выйти оттуда; стоглавая эхидна, которая растерзаетъ его внутренности; Тартезскій угорь, который въ его легкія вонзитъ свои зубы, и Титразскія Горгоны, которыя раздерутъ его почки и обольютъ ихъ кровью его же внутренностей»...—Если въ «Тезеѣ» Эврипида дѣйствительно находилось такое описаніе, то положеніе преступниковъ въ преисподней, наполненной всѣми этими чудовищами, должно было быть, согласно такимъ представленіямъ, гораздо болѣе тяжелымъ, болѣе устрашающимъ фантазію народа, чѣмъ согласно всѣмъ предшествующимъ представленіямъ о ней.— Изъ отдѣльныхъ, извѣстныхъ уже раньше, великихъ преступниковъ противъ самихъ боговъ, упоминаются у Эврипида два: Танталъ съ угрожающей ему скалою, висящей надъ его головой (Orest. 5), и Сизифъ съ его вѣчной работой надъ камнемъ (Σισύφειον πέτρον,

---

[1] Aristophanis Ranae. Ed. H. Blaydes Halis Saxonum. 1889, v. 470—478.

Her. fur. 1090).—Сверхъ того, въ числѣ обитателей преисподней называются Керберъ (Her. fur. 24. 610 и др.); Эриніи (ук. выше м.); Эхидна съ своею дочерью Сфинксомъ (Phoen. 810 и 1022); наконецъ, изъ героевъ—Тезей и Пейриѳой, которые спускались въ преисподнюю, были наказаны тамъ за свою попытку похитить Персефону и впослѣдствіи освобождены оттуда Геракломъ [1].

Платонъ [2].

Мы обращаемся теперь къ тому моменту въ исторіи развитія представленій греческаго народа о загробной жизни, когда, будучи переданы намъ устами величайшаго изъ философовъ древности въ разсказахъ, столь же глубокихъ по содержанію, сколько прекрасныхъ по формѣ, эти представленія проходятъ передъ умственнымъ взоромъ нашимъ въ видѣ цѣлаго ряда полножизненныхъ, яркихъ картинъ, совокупность которыхъ является для насъ самымъ полнымъ и яснымъ отраженіемъ народнаго міросозерцанія этого времени въ одной изъ наиболѣе важныхъ его частей. Мы говоримъ о тѣхъ трехъ миѳахъ о загробномъ бытіи, которые переданы намъ Платономъ въ «Федонѣ», «Государствѣ» и «Горгіасѣ», и которые, подобно описаніямъ преисподней въ 11 и 24 рапсод. Одиссеи, извѣстны вообще подъ именемъ Платоновскихъ «νεκυία».

Всѣ тѣ многовѣковыя усилія религіозной творческой фантазіи греческаго народа, которымъ на помощь приходятъ съ своей стороны поэты, философы, жрецы и мисты, являющіеся какъ бы руководителями и направителями этой творческой дѣятельности,—всѣ эти усилія достигаютъ здѣсь, въ этихъ миѳахъ высшей ступени своего развитія, высшаго пункта, далѣе котораго, сколько мы знаемъ, языческій міръ уже не идетъ.—Каково было участіе самого Платона въ созданіи этихъ миѳовъ?.. Передаетъ-ли онъ тутъ только тѣ изъ ходившихъ въ его время среди народа разсказовъ о загробной жизни, которые, будучи созданы уже до него, казались ему особенно со-

---

[1] Her. fur. 618 и 1168; Pirith. fr. 591—598, ed. Wagner.

[2] *Platonis opera.* Ex recens. R. B. Hirschigii. Graece et lat. I—II. Parisiis. 1856. Didot. T. I. Phaedo. Gorgias. T. II. Civitas. Axiochus.

вершенными по своему содержанію и достойными сообщенія и распространенія, и притомъ въ томъ самомъ видѣ и съ тѣми подробностями, съ какими они сдѣлались извѣстны ему самому? Или же роль его здѣсь была гораздо болѣе широкою, чѣмъ роль простого разсказчика отъ лица другихъ, и творческая дѣятельность его самого, этого философа—поэта, имѣла въ созданіи этихъ миѳовъ значеніе не менѣе важное, чѣмъ таковая же дѣятельность самого народа?..— Вопросъ, требующій разрѣшенія прежде всего остальнаго, однако представляющій большія трудности и до послѣдняго времени получавшій для себя самые разнообразные отвѣты [1]. Разрѣшеніе наиболѣе удачное, на нашъ взглядъ, даетъ извѣстный H. C. Sigwart въ своей «исторіи философіи» [2]—«Вслѣдствіе сознанія,—говоритъ онъ здѣсь,—что нѣкоторые предметы спекулятивнаго мышленія не могутъ быть охвачены, разъяснены однимъ только чистымъ разсужденіемъ, Платонъ долженъ былъ сознательно и намѣренно призывать въ этихъ случаяхъ на помощь миѳы. Но главный мотивъ для такого пользованія миѳами заключается въ томъ, что Платонъ этимъ облеченіемъ въ миѳологическую форму философскихъ идей и мыслей *желалъ поставить свое ученіе въ ближайшую связь съ общественной религіей народа*,—не въ томъ смыслѣ, правда, какъ если бы онъ хотѣлъ въ полной мѣрѣ подтвердить ее въ ея тогдашнемъ видѣ (ибо поскольку она коренится въ Гомеровской миѳологіи, онъ высказывается нерѣдко противъ нея), но въ слѣдующемъ смыслѣ: онъ признаетъ, что *абстрактное понятіе, по скольку оно доказывается только въ области спекулятивнаго мышленія, не можетъ быть элементомъ и содержаніемъ народныхъ вѣрованій, народной религіи, но что для того, чтобы сдѣлаться таковымъ, всякое понятіе должно быть введено въ область наглядныхъ представленій при помощи воспроизведенія всего въ лицахъ, дѣйствіяхъ и событіяхъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ признаетъ, что для народной религіи и въ ея интересахъ всякая мысль должна быть въ то же время

---

[1] См. *L. H. Müller*: die Eschatologie Platon's und Cicero's in ihrem Verhältnisse zum Christenthume. Jever. 1854, S. 16 *Ast*: Platon's Leben und Schriften, S. 165 и сл. *Stallbaum*: praefatio ad Phaedon., p. 16.—*Zeller*: die Philosophie der Griech. II, S. 260 -66 и пр.

[2] *H. C. W. Sigwart*: Geschichte der Philosophie vom allgemeinen wissenschaft lichen und geschichtlichen Standpunkt. Stuttg. u. Tubing. 1844, I, S. 182 и сл.

истинной, а воспроизведенiе ея должно быть *прекраснымъ и благороднымъ*. А такъ какъ онъ не всегда находилъ въ народныхъ религiозныхъ миѳахъ истину, особенно нравственную, равно какъ и благородныя, прекрасныя формы, то онъ желалъ такимъ образомъ показать, *какъ до жно трактовать эти миѳы*, а можетъ быть и надѣялся посредствомъ созданiя этихъ миѳовъ, облекающихъ тѣ же истинныя мысли въ прекрасныя и благородныя формы, скорѣе и вѣрнѣе всего подѣйствовать на религiозное пониманiе народа».— Мы лично склонны видѣть въ созданiи этихъ миѳовъ о загробной жизни участiе народнаго творчества въ большей даже степени, чѣмъ самого Платона; и если основываться на показанiяхъ самого же Платона, то доказательства въ пользу такого мнѣнiя являются достаточно убѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ, желая указать источникъ этихъ разсказовъ о загробной жизни, онъ предваряетъ каждый изъ нихъ весьма яснымъ указанiемъ на то, что авторство въ каждомъ данномъ случаѣ не принадлежитъ лично ему и что онъ передаетъ лишь то, что слышалъ самъ отъ другихъ. Такъ, разсказъ свой въ «Федонѣ» (107 D) Сократъ начинаетъ слѣдующими словами: «разсказываютъ относительно этого такъ,» [1] и т. д.; миѳъ, переданный въ «Горгiасѣ (523 А), онъ предваряетъ такимъ выраженiемъ: «выслушай теперь прекрасный разсказъ, который ты, быть можетъ, сочтешь за выдумку, я же признаю истиннымъ повѣтствованiемъ; ибо все то, что я намѣренъ тебѣ разсказать, я передаю тебѣ, какъ истинное» [2].— Въ «Государствѣ» (X, 614 В) онъ ведетъ весь разсказъ отъ лица Эра, правдивость котораго онъ выставляетъ здѣсь на видъ: «я передаю тебѣ не басню Алкиноя, а повѣствованiе Эра, сына Арменiя, мужа высокой добродѣтели», [3] и т. д. Наконецъ, чтобы показать вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное отношенiе къ слышанному имъ отъ другихъ и разсказанному, онъ заканчиваетъ свой разсказъ въ «Государствѣ» (X, 621 В) такимъ образомъ: «такъ-то сохранился этотъ разсказъ и не погибъ, и онъ спасетъ и

---

[1] Phädo 107 D: „λέγεται δ' οὕτως, ὡς ἄρα" etc.

[2] Gorgias 523 A: „ἄκουε δή μάλα καλοῦ λόγου, ὃν σὺ μὲν ἡγήσει μῦθον, ὡς ἐγῷμαι, ἐγὼ δὲ λόγον. ὡς ἀληθῆ γὰρ ὄντα σοι λέξω ἃ μέλλω λέγειν".

[3] Republ. X, 614 B: „ἀλλ' οὐ μέντοι σοι, ἦν δ'ἐγώ, 'Αλκίνου γε ἀπόλογον ἐρῶ, ἀλλ' ἀλκίμου μὲν ἀνδρὸς 'Ηρὸς, τοῦ 'Αρμενίου τὸ γένος Παμφύλου", etc.

„, если мы будемъ имѣть къ нему вѣру»; [1] а къ миѳу передан-
г въ «Федонѣ», прибавляетъ слѣдующее заключеніе (114 D):
» все это существуетъ совершенно такъ, какъ я разсказалъ, на
ъ настаивать, конечно, не станетъ никто изъ благоразумныхъ
й; но что все, относящееся къ нашимъ душамъ и ихъ жилищу,
ствуетъ или такъ или подобнымъ образомъ,—это по моему мнѣ-
достойно вѣры, ибо несомнѣнно, что душа есть нѣчто безсмерт-
» [2].—Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ миѳовъ,—какъ должно
ючить изъ словъ самого Платона, – представляетъ собою не иное
какъ воспроизведеніе тѣхъ самыхъ разсказовъ о загробной жизни,
рые въ его время существовали въ средѣ самого народа, однако
роизведеніе не неуклонное во всѣхъ подробностяхъ, нерѣдко,
, можетъ, казавшихся ему недостойными вѣры. Слѣдуя за этими
казами лишь въ общемъ, въ ихъ важнѣйшихъ и существенныхъ
яхъ, Платонъ пользуется здѣсь народными представленіями въ
совокупности, какъ канвою, на которой можно ткать разноцвѣт-
и шелками такіе или иные узоры, смотря по способу ихъ со-
нія; при этомъ однако и самые эти узоры онъ сплетаетъ такимъ
зомъ, чтобы его собственная работа не была рѣзко отлична
работы самого народа для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и легче
картины, въ которыхъ столь трудно различить результаты на-
наго творчества отъ индивидуальнаго, могли быть усвоены вооб-
еніемъ, по возможности, всего народа и прочно закрѣплены въ
ь, какъ картины, наиболѣе яркія по своимъ краскамъ и наиболѣе
ршенныя по своимъ формамъ и содержанію.

акова, думается намъ, степень участія въ созданіи этихъ пре-
одныхъ миѳовъ самого народа и передающаго ихъ философа.
еходимъ теперь къ изложенію самаго ихъ содержанія, высокая
ность котораго требуетъ передачи его здѣсь съ наибольшею пол-
ю и связностью.

Republ. X, 621 B: „καὶ οὕτως μῦθος ἐσώθη καὶ οὐκ ἀπώλετο, καὶ ἡμᾶς ἂν σώσειεν
ειθώμεθα αὐτῷ“.

Phädo 114 D: „τὸ μὲν οὖν ταῦτα διισχυρίσασθαι οὕτως ἔχειν, ὡς ἐγὼ διελήλυθα,
ρέπει νοῦν ἔχοντι ἀνδρί. ὅτι μέντοι ἢ ταῦτ' ἐστὶν ἢ τοιαῦτ' ἄττα περὶ τὰς ψυχὰς
ι καὶ τὰς οἰκήσεις, ἐπείπερ ἀθάνατόν γ' ἡ ψυχὴ φαίνεται οὖσα, τοῦτο καὶ πρέπειν
δοκεῖ καὶ ἄξιον κινδυνεῦσαι οἰομένῳ οὕτως ἔχειν“.

Изъ трехъ разсматриваемыхъ нами миѳовъ важнѣйшимъ столько же по полнотѣ сообщаемыхъ тутъ свѣдѣній, сколько и по простотѣ и ясности изложенія, является тотъ, который передаетъ Сократъ своимъ слушателямъ въ «Федонѣ» (107 D—114 D.). — Уходя по смерти тѣла въ преисподнюю,—разсказываетъ тутъ Сократъ, душа не уноситъ съ собою ничего, кромѣ образованія своего,—кромѣ того, чѣмъ питалась она при жизни; а это оказывается тамъ для каждаго изъ умершихъ или очень полезнымъ, или вреднымъ. Разсказываютъ же относительно этого слѣдующее. Душу каждаго изъ умершихъ немедленно принимаетъ тотъ *духъ покровитель*, которому онъ достался при жизни, и отводитъ его въ то мѣсто, гдѣ всѣ собравшіяся души умершихъ подвергаются *предварительному суду* и идутъ затѣмъ въ преисподнюю,—каждая съ своимъ проводникомъ, которому назначено перевести ее отсюда туда. Достигнувши назначеннаго мѣста и пробывши тамъ опредѣленное время, каждая изъ нихъ идетъ далѣе подъ руководствомъ уже новаго проводника, и это совершается въ долгіе періоды. Однако, замѣчаетъ Сократъ, шествіе это не похоже на то, которое упоминается Эсхиловымъ Телефомъ, который говоритъ, что въ преисподнюю ведетъ простая дорога; въ дѣйствительности эта дорога и не проста, да и не одна, иначе не было бы надобности и въ проводникѣ, такъ какъ тамъ, гдѣ дорога одна, никто и безъ проводника не заблудится. Напротивъ, эта дорога должна имѣть множество перекрестковъ и обходовъ, какъ это можно вывести изъ священныхъ церемоній и уставовъ. Итакъ, душа благонравная и разумная вступаетъ на этотъ путь и предстоящее новое не вполнѣ незнакомо ей, идущей въ преисподнюю легко и радостно; напротивъ, душа пристрастная къ тѣлу долго витаетъ около него и около гробницъ и склеповъ [1], и только послѣ долгой борьбы и страданій насильно уводится приставленнымъ къ ней духомъ. Когда же она является туда, гдѣ собрались уже другія души, тогда отъ нея нечистой и совершившей при жизни множество грѣховъ, оскверненной убійствами, несправедливостями

---

[1] Относительно блужданія такихъ душъ возлѣ гробницъ Платонъ говоритъ также и въ другомъ мѣстѣ, (Федонъ 80 D—82 B), ссылаясь при этомъ на свидѣтельства людей, будто бы видѣвшихъ тѣнеобразныя явленія душъ умершихъ подлѣ ихъ могилъ.

иными преступленіями, всѣ сторонятся съ отвращеніемъ, никто хочетъ быть ни спутникомъ ея, ни проводникомъ, и она блуж-этъ тамъ въ самомъ ничтожномъ состояніи, пока не пройдетъ ѣстный срокъ, послѣ котораго уже сама необходимость влечетъ въ назначенное для такихъ душъ жилище. Описавши затѣмъ ройство цѣлой вселенной въ ея общемъ, Сократъ обращается въ стности къ описанію преисподней, назначенной служить посмерт-й обителью грѣшныхъ. Подъ землею,—разсказываетъ онъ,—су-ствуетъ необозримое множество рѣкъ, вѣчно текущихъ холодной теплой водою; существуютъ также великія огненныя рѣки и рѣки, иныя грязи; все это вѣчно движется вверхъ и внизъ, какъ будто землѣ существуетъ какое-то непрерывное качаніе. Кромѣ того ѣ подъ землею много большихъ ущелій, изъ которыхъ одно осо-нно велико и проходитъ насквозь черезъ всю землю; ему-то поэты ютъ вообще названіе *Тартара* и въ него то вливаются и опять ливаются всѣ эти рѣки. Что касается рѣкъ, протекающихъ въ еисподней, то изъ всего великаго множества ихъ выдѣляются осо-нно четыре. Величайшій изъ всѣхъ четырехъ есть потокъ, теку-й водою, *Океанъ*, обтекающій землю снаружи. Прямо противъ го въ противоположномъ направленіи течетъ *Ахеронъ*, пробѣгаю-й сначала по многимъ пустыннымъ мѣстамъ, а потомъ уходящій дъ землю; здѣсь-то онъ изливается въ озеро *Ахерусію*, куда при-дятъ души умершихъ и гдѣ многія изъ нихъ поселяются на пре-предѣленное для нихъ время. Третья рѣка идетъ между ними и, гунивши въ большое пространство, горящее великимъ пламенемъ, разуетъ огромное озеро, кипящее водою и грязью. Оттуда, мут-я и грязная, совершаетъ она свое теченіе, обходитъ различныя ста и достигаетъ послѣднихъ предѣловъ Ахерусіи, однако не смѣ-шается съ ея водами и, наконецъ, сдѣлавши множество изворо-въ подъ самой землею, изливается въ глубочайшія мѣста Тартара. у-то рѣку называютъ *Пирифлегетономъ* и изъ нея-то огненные токи, появляющіеся иногда на землѣ, заимствуютъ свое вещество. ямо противъ нея, наконецъ, выходитъ четвертая рѣка и направ-ется въ мѣсто дикое и страшное; она имѣетъ цвѣтъ сапфира и зывается *Стигійскою*, а озеро, образуемое ею при впаденіи,—*икисомъ*. Впадая въ него и обладая чрезвычайною силой, она те-тъ подъ землею, идетъ противъ Пирифлегетона и встрѣчается съ

нимъ, но вода ея не смѣшивается ни съ какою другою и совершивши свой кругъ, вливается въ Тартаръ; поэты даютъ ей названіе *Кокита*.—При такомъ-то устройствѣ преисподней, души умершихъ приходятъ въ то мѣсто, куда каждую изъ нихъ приводитъ ея геній, и прежде всего подвергаются здѣсь *суду*, рѣшающему дальнѣйшую ихъ судьбу, смотря по тому, кто какъ жилъ на землѣ. При этомъ тѣ, которыхъ жизнь оказалась *посредственною*, идутъ къ Ахерону и на колесницахъ отправляются къ озеру. Тамъ онѣ обитаютъ опредѣленное время, постепенно очищаются и, вытерпѣвши наказанія за свои неправды, становятся, наконецъ, свободными отъ своихъ прежнихъ грѣховъ, а за сдѣланное ими при жизни добро, получаютъ по заслугамъ награды. Души-же людей, оказавшихся по великости грѣховъ ихъ *неисцѣлимыми*, или многократно осквернившихъ себя святотатствомъ, или совершившихъ многія убійства и иныя по важности подобныя преступленія, — души такихъ людей судьба ввергаетъ въ Тартаръ, откуда онѣ уже не выходятъ. Подобнымъ же образомъ и души людей, *совершившихъ грѣхи, хотя и исцѣлимые, однако великіе*, напр.: сдѣлавшихъ въ порывѣ гнѣва насиліе отцу или матери, или убившихъ человѣка, и проживешихъ остальную жизнь въ раскаяніи,—эти души также необходимо низвергаются въ Тартаръ; однако по прошествіи годичнаго пребыванія ихъ тамъ, волна выбрасываетъ человѣкоубійцъ въ Кокитъ, а согрѣшившихъ противъ родителей—въ Пирифлегетонъ. И когда онѣ бываютъ приносимы въ озеро Ахерусію, тогда онѣ кричатъ и зовутъ—однѣ тѣхъ, кого онѣ бывши людьми убили; другія—тѣхъ, кого оскорбили; призвавши же ихъ, онѣ просятъ и умоляютъ, чтобы тѣ соизволили войти къ нимъ въ озеро и вывести ихъ оттуда. И если имъ удастся упросить тѣхъ, то онѣ выходятъ и избавляются отъ золъ и мученій Тартара, если же нѣтъ, то онѣ снова уносятся въ Тартаръ и изъ него опять въ рѣки, и такъ до тѣхъ поръ, пока не успѣютъ умолить обиженныхъ ими о прощеніи; только тогда прекращаются ихъ страданія, ибо такъ опредѣлено имъ судьями. Напротивъ, души тѣхъ людей, *которые провели жизнь свою согласно законамъ справедливости и добра*, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ съ ихъ страданіями и прибываютъ въ жилища чистыя и свободныя отъ всякихъ золъ, гдѣ онѣ и обитаютъ. Впрочемъ и между ними только души, вполнѣ очистившіяся философіей, живутъ вовсе безъ

ѣлъ цѣлую вѣчность и притомъ въ жилищахъ, безконечно прекраснѣйшихъ, чѣмъ земныя,—въ жилищахъ, красота которыхъ превосходитъ все, что мы можемъ только представить себѣ въ воображеніи.

Таково содержаніе этого перваго, наиболѣе обширнаго изъ трехъ интересующихъ насъ миѳовъ: другой изъ нихъ передаваемый Сократомъ въ «Государствѣ», (X, 614 B—621 C), отъ лица нѣкоего Эра, сына Арменія, по существу стоитъ весьма близко къ первому, хотя въ отличіе отъ него и останавливается съ бо́льшими подробностями на иныхъ сторонахъ загробнаго бытія, на которыя въ первомъ мы видѣли только намеки.

Жилъ нѣкогда Эръ, сынъ Арменія, — разсказываетъ здѣсь Сократъ,—который былъ убитъ на войнѣ. Когда черезъ нѣсколько дней стали собирать тѣла убитыхъ для погребенія, то тѣло Эра найдено было неповрежденнымъ и принесено домой для сожженія. Здѣсь однако, пролежавши на кострѣ 12 дней, онъ вдругъ ожилъ и разсказалъ окружающимъ его, что онъ успѣлъ видѣть въ загробной жизни за этотъ періодъ. Какъ только душа его покинула тѣло,— говорилъ онъ,—она вмѣстѣ со многими другими отправилась въ какое-то удивительное мѣсто, гдѣ земля имѣетъ двѣ разсѣлины, соединенныя другъ съ другомъ, а противъ нихъ вверху—двѣ разсѣлины въ небѣ. Между ними сидѣли *судьи*, которые судили умершихъ, и окончивши судъ, приказывали *праведникамъ* идти направо вверхъ черезъ небо, причемъ налагали имъ особые знаки на лбу, тогда какъ *грѣшниковъ* отсылали налѣво внизъ, налагая на нихъ сзади знаки, указывающіе ихъ преступленія. Потомъ они подошли къ душѣ Эра и, рѣшивши послать ее вѣстницей къ людямъ, живущимъ на землѣ, приказали ей внимательно слушать и наблюдать все происходящее тутъ, чтобы разсказать потомъ обо всемъ людямъ. И вотъ видитъ онъ послѣ того, какъ души по окончаніи суда отправились однѣ вверхъ, другія внизъ, что въ это же время изъ другихъ разсѣлинъ выходятъ изъ подъ земли души грязныя, запыленныя, а съ неба—души чистыя. И всѣ прибывшія вышедши на лугъ, образовали большое собраніе: знакомыя привѣтствовали другъ друга; небесныя разспрашивали пришедшихъ снизу о томъ, что было съ ними, а тѣ—небесныхъ о томъ, что было съ ними. Пришедшія изъ-подъ земли со слезами и стонами разсказывали о томъ, что сами онѣ испытали и какія страданія видѣли въ этомъ своемъ путеше-

ствіи подъ землею, которое продолжалось болѣе тысячи лѣтъ; тогда какъ небесныя описывали свои наслажденія тамъ и чудныя по красотѣ зрѣлища. Затѣмъ со словъ говорившихъ въ его присутствіи душъ Эръ представляетъ картину тѣхъ страданій, которыя претерпѣваютъ въ преисподней преступники за свои беззаконія. Сколько бы неправдъ кто ни сдѣлалъ кому, за все воздается ему тамъ въ десять разъ и это по столѣтіямъ, ибо такимъ періодомъ опредѣляется человѣческая жизнь, чтобы наказаніе за неправду было дѣйствительно десятикратнымъ. Что касается величайшихъ преступниковъ, такъ называемыхъ «*неисцѣлимыхъ*», то судьба ихъ тамъ поистинѣ ужасна. «Когда вытерпѣвши уже свои наказанія, — разсказывала одна изъ душъ, —мы находились подлѣ самого устья разсѣлины и готовились выйти оттуда, вдругъ увидѣли мы тиранна Ардея, убившаго своего отца и брата, и съ нимъ многихъ еще другихъ подобныхъ ему тиранновъ, а также иныхъ умершихъ, совершившихъ при жизни наиболѣе тяжкія преступленія. И вотъ, когда и они намѣревались также выйти, устье разсѣлины не дозволяло имъ этого, а когда кто-либо изъ нихъ все-таки пробовалъ уйти, оно издавало ревъ. Тогда-то являлись существа ужасныя, по виду огненныя, брали ихъ каждаго отдѣльно и уводили назадъ, а тиранна Ардея и нѣкоторыхъ другихъ, связавши по рукамъ и ногамъ, бросили на землю и, содравши съ нихъ кожу, тащили ихъ у окраины дороги по колючимъ кустарникамъ; при этомъ они объясняли мимо идущимъ душамъ, за что они такъ наказываютъ тѣхъ и прибавляли при этомъ, что намѣрены бросить ихъ снова въ Тартаръ». Таковы-то тамъ наказанія, ожидающія грѣшниковъ; соотвѣтственны имъ также и награды для праведниковъ...—Души проведшія на лугу семь дней, должны были на восьмой идти далѣе и черезъ четыре дня прибыть въ то мѣсто, съ высоты котораго онѣ увидятъ свѣтъ, простирающійся черезъ все небо и землю въ видѣ столпа, а среди свѣта висящіе концы небесныхъ связей и восемь блестящихъ вращающихся сферъ, съ сидящей сиреной на каждой, которыхъ голоса составляютъ одну небесную гармонію изъ восьми тоновъ. Около же нихъ на трехъ престолахъ сидятъ три дочери Необходимости,— Парки, и воспѣваютъ: Лахеса — прошедшее, Клото—настоящее и Атропа будущее... Души, пришедшія сюда, должны были подойти къ Лахесѣ. Здѣсь какой-то порицатель поставилъ ихъ въ порядокъ и,

объяснивши имъ, что каждой предоставляется выбрать новый жизненный жребій по ея желанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго генія-покровителя, бросилъ передъ ними жребіи самыхъ разнообразныхъ видовъ жизни, и каждая изъ душъ взяла себѣ жребій по желанію и выбрала себѣ генія. Затѣмъ всѣ души подходили къ Лахесѣ, которая посылала каждой душѣ того генія, котораго она себѣ избрала. Геній отводилъ душу сперва къ Клото, которая утверждала избранную каждой душею судьбу; а потомъ къ Атропѣ, которая дѣлаетъ невозвратнымъ прошедшее.—Наконецъ, всѣ души, перешедши черезъ престолъ Необходимости, отправлялись въ долину Леты и напивались воды изъ рѣки Амеллиссы, которая уничтожала изъ ихъ памяти все прошедшее. Когда же всѣ онѣ, кромѣ души Эра, напившись этой воды, уснули, раздался ночью громъ и всѣ онѣ разсыпались, какъ падающія звѣзды, по мѣстамъ своего рожденія. Эръ-же, котораго душа вошла въ прежнее тѣло, очнувшись увидѣлъ себя лежащимъ на кострѣ.

Что касается третьяго миѳа, который мы узнаемъ изъ «Горгіаса» (523 A—526 D), то онъ посвященъ только одному, но важнѣйшему изъ всѣхъ, моменту загробнаго бытія: описанію суда надъ умершими, самаго его происхожденія, обстановки, при которой онъ совершается, внѣшняго вида самихъ судей, и проч.—При Кроносѣ,—такъ начинаетъ Сократъ этотъ разсказъ, признаваемый имъ самимъ за истинное сказаніе,—относительно людей былъ такой законъ, который дѣйствовалъ постоянно: люди проведшіе жизнь справедливо и благочестиво, покидая эту жизнь, должны были переселяться на острова блаженныхъ и жить тамъ въ полномъ счастьи, вдали отъ всякихъ страданій; тѣ же, которые жили на землѣ неправедно, совершая много зла, должны были отправляться въ мѣсто наказаній и справедливаго возмездія, называемое вообще преисподней. Судьями ихъ и при Кроносѣ, и впослѣдствіи въ началѣ управленія Зевса, были жившіе тогда судьи живыхъ, судившіе ихъ въ тотъ самый день, въ который каждый долженъ былъ умереть. Потому и судили они несправедливо. Тогда Плутонъ и управители (οἱ ἐπιμεληταὶ) съ острововъ блаженныхъ, явившись къ Зевсу, заявили ему, что къ нимъ въ то и другое мѣсто,—въ преисподнюю и на острова блаженныхъ, приходятъ люди, недостойные назначенной имъ участи. «Я прекращу это,—отвѣтилъ имъ Зевсъ. Теперь

судъ производится несправедливо, потому что онъ производится надъ одѣтыми, т. е. судятся люди еще будучи живыми. Поэтому многіе изъ нихъ, имѣя испорченныя души, являются однако на судъ прикрытыми прекраснымъ тѣломъ, благороднымъ происхожденіемъ и богатствомъ, и когда наступаетъ судъ, къ нимъ является множество свидѣтелей, утверждающихъ, будто тѣ прожили свою жизнь на землѣ благочестиво и праведно. Все это происходитъ тѣмъ болѣе естественно, что и сами судьи при этомъ увлекаются, такъ какъ и сами они производятъ свой судъ, будучи одѣтыми, т.-е. имѣя глаза, уши и все тѣло, облекающее душу; а это препятствуетъ имъ угадывать истину. Въ виду этого должно прежде всего сдѣлать такъ, чтобы люди не могли предузнавать смерти, ибо теперь они предвидятъ ее. Относительно этого мною уже сдѣлано повелѣніе Прометею. Затѣмъ, судимы всѣ должны быть обнаженными,—послѣ смерти и безъ тѣлъ; равнымъ образомъ и судьи сами должны быть нагими, т.-е. умершими, разсматривая души душею же тотчасъ по смерти каждаго; причемъ чтобы судъ былъ вполнѣ справедливъ, умершіе должны быть лишены всѣхъ своихъ родственниковъ и оставлять на землѣ всѣ свои украшенія. Я-же, который предвидѣлъ все это раньше васъ, дѣлаю отнынѣ постоянными судьями моихъ сыновей: двухъ изъ Азіи — Миноса и Радаманта, а одного изъ Европы — Эака [1]). Они то будутъ судить умершихъ на лугу, на распутіи, откуда одна дорога ведетъ на острова блаженныхъ, а другая—въ Тартаръ. Азійцевъ будетъ судить Радамантъ, а европейцевъ—Эакъ; Миносу-же я вмѣняю въ обязанность помогать имъ, когда кто-либо изъ нихъ обоихъ будетъ нуждаться въ помощи, чтобы судъ этотъ относительно дальнѣйшей судьбы умершаго былъ какъ только возможно болѣе справедливъ»...—Такъ говорилъ Зевсъ и такъ онъ дѣйствительно устроилъ. Что касается самыхъ душъ умершихъ, то подобно тому, какъ тѣло въ первое время послѣ смерти сохраняетъ свой внѣшній видъ почти неизмѣннымъ (напр.: величину, тучность, слѣды ранъ, если онѣ были, формы тѣла и т. п.)—подобно этому и онѣ, когда освобождаются отъ тѣлъ, въ первое время ясно показываютъ тѣ свойства, хорошія и дурныя, которыя онѣ пріобрѣли втеченіи земной своей жизни. Поэтому, когда онѣ подходятъ къ судьѣ, то онъ

[1]) Въ „Апологіи Сократа" (р. 41 А) къ нимъ присоединяется еще Триптолемъ.

ставитъ ихъ подлѣ себя и разсматриваетъ каждую. Не зная при этомъ, чья душа стоитъ передъ нимъ, а между тѣмъ нерѣдко принимая на судъ душу великаго царя или иного властелина, онъ не отыскиваетъ въ ней ничего здороваго, но видитъ, что вся она какъ-бы избита, что отъ несправедливостей и преступленій своихъ она покрылась какъ бы язвами, которыя напечатлѣваетъ на каждой ея дурная жизнь на землѣ; тогда судья немедленно отсылаетъ ее съ безчестіемъ въ мѣсто ея заключенія для заслуженнаго ею наказанія. Изъ наказуемыхъ же одни посредствомъ этихъ наказаній и страданій постепенно очищаются, совершенствуются; тогда какъ другіе, такъ называемые «неисцѣлимые», тягчайшіе преступники сами уже никогда не получаютъ ни освобожденія оттуда, ни облегченія наказаній, но претерпѣвая ужаснѣйшія мученія (какъ, напр., Танталъ, Сизифъ, Титій и др.), вѣчно наказуются въ преисподней, служа для другихъ примѣромъ и устрашающимъ урокомъ для будущаго... Отсылаютъ-же всѣхъ ихъ сюда судьи, налагая на каждую душу знакъ, считаютъ-ли они ее «исцѣлимою» или «неисцѣлимою», и соотвѣтственно этому каждая претерпѣваетъ тутъ по заслугамъ, тогда какъ праведники отправляются на острова блаженныхъ. Судятъ-же оба они,—Радамантъ и Эакъ съ жезлами въ рукахъ, а Миносъ, наблюдая, сидитъ отдѣльно отъ нихъ, держа въ рукахъ золотой скипетръ, какъ говоритъ о немъ Одиссей у Гомера: «я видѣлъ его, имѣющаго золотой скипетръ и произносящаго умершимъ свои рѣшенія [1]».

Наконецъ, въ эту же серію миѳовъ считаемъ возможнымъ включить и еще одинъ, который хотя, въ противоположность первымъ тремъ, и имѣетъ мѣсто въ произведеніи сомнительномъ, повидимому не принадлежащемъ Платону, (а именно въ діал. Axiochus 371 A—372), тѣмъ не менѣе оказывается интереснымъ для насъ въ томъ смыслѣ, что не давая никакихъ существенно новыхъ свѣдѣній о загробной жизни сравнительно съ первыми тремя миѳами, является какъ бы простымъ резюмэ всего важнѣйшаго изъ того, что составляло ихъ содержаніе, съ прибавленіемъ немногихъ малозначительныхъ подробностей.

---

[1] Od. λ, 575 и сл.: „ἴδεῖν αὐτὸν
χρύσεον σκῆπτρον ἔχοντα, θεμιστεύοντα νέκυσσιν“.

Разсказъ и здѣсь, какъ тамъ, ведется Сократомъ не отъ себя лично, а отъ имени другого лица,—со словъ нѣкоего мага, по имени Гобрія. —Послѣ разлученія своего съ тѣломъ,—по словамъ этого мага,—душа отправляется въ тѣ неизвѣстныя мѣста, въ подземное царство, гдѣ находится въ центрѣ дворецъ Плутона, по виду своему не уступающій жилищу самого Зевса; ведущій въ него входъ охраняется желѣзными замками и засовами. Того изъ умершихъ, для кого этотъ входъ открывается, принимаетъ сначала рѣка Ахеронъ, а затѣмъ Кокитъ, которыя онъ долженъ переплыть для того, чтобы достигнуть Миноса и Радаманта и, такъ называемаго, «поля истины» (πεδίον ἀληθείας). Здѣсь-то сидятъ эти судьи, которые спрашиваютъ каждаго приходящаго, какую жизнь онъ велъ на землѣ и какія стремленія господствовали въ немъ во время этой жизни, причемъ обманъ тутъ совершенно невозможенъ. Тѣмъ изъ умершихъ, которыхъ поступками управлялъ всегда добрый духъ, назначаются они мѣстомъ пребыванія жилища праведныхъ, гдѣ всѣ времена года изобилуютъ плодами всевозможныхъ родовъ, гдѣ бьютъ ключемъ источники чистой воды, а луга покрыты цвѣтнымъ ковромъ пестрыхъ весеннихъ растеній; гдѣ хороводы и музыка наполняютъ воздухъ пріятными звуками, гдѣ имѣютъ мѣсто прекрасно устроенныя пиршества и безмятежныя радости всякаго рода,—словомъ, жизнь, полная вѣчнаго блаженства. Здѣсь-то посвященные имѣютъ какъ-бы предсѣдательство (προεδρία), а также исполняютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и таинство посвященія въ мистеріи; такъ говоритъ преданіе, напр., относительно Геракла и Діониса съ ихъ спутниками, которые были здѣсь посвящены передъ тѣмъ, какъ должны были спуститься въ царство Аида, и благодаря этому получили для того достаточно бодрости духа... Напротивъ души тѣхъ, которые провели всю свою жизнь порочно, уводятся Эриніями въ глубокія бездны Тартара съ его мракомъ и ужасами, гдѣ находится мѣстопребываніе безбожниковъ, гдѣ наказуется и вѣчно жаждущій Танталъ, и Данаиды съ ихъ никогда не наполняющейся бочкой, и Титій съ его терзаемыми внутренностями, и Сизифъ съ его скалой, никогда не достигающей своей цѣли, для котораго новыя усилія начинаются всякій разъ, когда цѣль уже почти достигнута. Тутъ-то онѣ, терзаемыя укушеніями страшныхъ животныхъ, непрерывно опаляемыя горящими факелами наказующихъ богинь и получающія всевозмож-

ныя поношенія, претерпѣваютъ вѣчныя наказанія за свои преступленія...

Обозрѣвая теперь содержаніе вышеизложенныхъ миѳовъ о загробной жизни въ ихъ совокупности и сопоставляя одни съ другими свѣдѣнія, передаваемыя въ каждомъ изъ нихъ сравнительно съ остальными, мы останавливаемся здѣсь на указаніи нѣсколькихъ моментовъ особенной важности, въ которыхъ съ наибольшею ясностью сказывается какъ внутренняя связь этихъ миѳовъ съ народными воззрѣніями прежняго времени, такъ и прогрессъ, совершившійся въ нихъ сравнительно съ этими послѣдними.

Представленіе о *водительствѣ душъ* уходитъ теперь значительно впередъ въ сравненіи съ прежними: обязанность водителя душъ исполняется,—согласно Платоновскимъ миѳамъ,—уже не однимъ для всѣхъ Гермесомъ (или Ѳанатосъ, или Харономъ), а отдѣльнымъ для каждой души проводникомъ, ея духомъ — покровителемъ, ея демономъ, который сопровождалъ ее и въ періодъ земной ея дѣятельности. И въ этой замѣнѣ прежняго представленія новымъ нельзя не видѣть удачнаго пользованія тѣмъ весьма древнимъ представленіемъ о демонахъ, покровителяхъ каждаго человѣка, которое впервые находитъ себѣ мѣсто еще въ «Трудахъ и дняхъ» Гезіода, съ тѣмъ однако отличіемъ, что тамъ эти геніи—покровители имѣютъ отношеніе только къ земной жизни человѣка, тогда какъ въ это позднѣйшее время имъ приписывается и новая обязанность — сопровождать покровительствуемыя ими души также и по смерти тѣла въ мѣсто загробнаго суда надъ ними.

Представленіе о *загробномъ судѣ* выработалось теперь уже въ своей окончательной формѣ, представляющей послѣднюю ступень развитія его, дальше которой оно уже не подвигается. Будучи еще совершенно неизвѣстнымъ,—какъ мы видѣли,—въ эпоху Гомера и Гезіода; начавшись только въ эпоху Пиндара съ неопредѣленнаго «Нѣкто», который долженъ былъ, по словамъ поэта, судить каждаго изъ умершихъ въ преисподней, причемъ этотъ «Нѣкто» названъ былъ у Эсхила уже и по имени (Аидъ),—представленіе это смѣняется теперь, въ этихъ миѳахъ, инымъ болѣе яснымъ и полнымъ,—цѣлой сложной картиной загробнаго суда, въ которой опредѣлены малѣйшія детали: опредѣлено число судей, ихъ происхожденіе, самый ихъ внѣшній видъ, мѣсто, гдѣ происходитъ судилище, способъ

судейской ихъ дѣятельности, положеніе каждаго изъ нихъ относительно другихъ въ образуемой ими группѣ, и т. д. И что, именно, это сложное, но яркое и картинное представленіе сохранилось и укрѣпилось въ сознаніи народа, убѣдительнѣе всего показываетъ тотъ фактъ, что именно такая группа трехъ судей находитъ себѣ неоднократное воспроизведеніе на греческихъ вазахъ въ общей картинѣ загробнаго царства.

Но самымъ важнымъ моментомъ въ разсматриваемыхъ нами миѳахъ является въ непосредственной связи съ предыдущимъ,—въ связи съ идеей загробнаго суда,—наивысшее развитіе представленія о *различіи посмертнаго положенія всѣхъ душъ въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ земною дѣятельностью каждой изъ нихъ.* Теперь уже не остается и слѣда тѣхъ наивно элементарныхъ представленій объ одинаковомъ для всѣхъ безъ исключенія душъ умершихъ,—равно безотрадномъ и безсознательномъ положеніи въ одной и той же преисподней, которыя господствовали въ эпоху Гомера; здѣсь нѣтъ слѣда и тѣхъ болѣе искусственныхъ, но отнюдь не болѣе глубокихъ и развитыхъ представленій о сплошномъ осужденіи цѣлыхъ человѣческихъ поколѣній на ту или иную посмертную участь, независимо отъ личныхъ достоинствъ и недостатковъ каждаго изъ умершихъ въ отдѣльности, съ которыми мы знакомимся въ произведеніяхъ Гезіода. Сравнительно съ первыми моментами развитія идеи загробнаго воздаянія, какою мы видимъ ее у Пиндара въ связи съ только что возникшимъ представленіемъ о загробномъ судѣ, а затѣмъ у Эсхила, эти въ высшей степени сложныя представленія, которыя мы узнаемъ по тому же предмету изъ разсматриваемыхъ нами миѳовъ, являются такою же послѣднею, высочайшею ступенью всего этого развитія, какою оказывалось и представленіе о трехъ загробныхъ судьяхъ Платоновскихъ миѳовъ по отношенію къ неопредѣленному Пиндаровскому «Τις», судящему души умершихъ. Теперь, въ этихъ миѳахъ *дифференціація положеній* всѣхъ душъ умершихъ, для которой прежде существовали только зачатки, доведена до крайнихъ своихъ предѣловъ. Указывается длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ положеній въ самой преисподней и внѣ ея для душъ добрыхъ, злыхъ и посредственныхъ изъ умершихъ,—цѣлая градація ихъ, въ которой помѣщеніе того или другого разряда умершихъ на той или иной ступени ея должно было удовлетворять самому высо-

кому, самому изысканному и строгому чувству справедливости, которому столь мало удовлетворяли прежде, напр., ученія мистовъ, не говоря уже о представленіяхъ обоихъ эпическихъ поэтовъ. Только одни *«неисцѣлимые»*, совершившіе слишкомъ многочисленныя преступленія и не раскаявшіеся въ нихъ, или преступники противъ самихъ безсмертныхъ боговъ (какъ Титій, Сизифъ, Танталъ), — согласно Платоновскимъ миѳамъ,—не могутъ разсчитывать на прощеніе и на освобожденіе свое изъ глубины преисподней, гдѣ души ихъ осуждаются на вѣчныя мученія. Участь всѣхъ остальныхъ уже не представляется безнадежною, потому что загробное страданіе, вынесенное душею за каждое страданіе, причиненное ею на землѣ другимъ, является элементомъ всеочищающимъ. И какъ бы ни была велика вина согрѣшившихъ, имъ дается, если только они покаялись въ своихъ преступленіяхъ, вѣрная надежда на то, что съ теченіемъ лѣтъ, претерпѣвши заслуженное наказаніе, душа каждаго изъ нихъ получитъ, наконецъ, освобожденіе изъ мѣстъ своего наказанія: души великихъ, но *«исцѣлимыхъ»* преступниковъ, если успѣютъ умолить о прощеніи тѣхъ, противъ кого они согрѣшили; а души умершихъ *«посредственной жизни»*, получивши десятикратное воздаяніе за каждый свой грѣхъ.

Столь же строгая градація соблюдается и въ награжденіи умершихъ за совершенное ими при жизни добро. Награды за добрыя дѣла свои получаютъ уже души умершихъ «посредственной жизни» по отбытіи ими срока временныхъ ихъ наказаній; ибо онѣ не осуждаются ради немногихъ совершенныхъ ими преступленій на наказаніе вѣчное, но и за грѣхи свои, какъ и за добрыя дѣла получаютъ согласно справедливости воздаяніе пропорціональное, послѣ чего снова должны продолжать свое существованіе на землѣ уже въ иныхъ тѣлахъ и иныхъ положеніяхъ,— моментъ, продолжающій ученіе орфико-пиѳагорейцевъ о переселеніи душъ въ цѣляхъ совершенствованія. Далѣе, души умершихъ, проведшихъ жизнь свою согласно законамъ справедливости и добра, освобождаются вовсе отъ преисподней, полной всякихъ ужасовъ и страданій, и отправляются на острова блаженныхъ, гдѣ жизнь ихъ, чуждая всякихъ золъ и исполненная невозмутимаго счастья служитъ имъ наградой за добрыя ихъ дѣла. Наконецъ, наивысшею степенью награжденія, возможнаго для человѣческихъ душъ, является положеніе умершихъ, не только

проведшихъ жизнь свою праведно, но и очистившихся отъ всего земного философіей: души этихъ людей достигаютъ, наконецъ, того идеала, къ которому ведетъ весь этотъ безконечный процессъ совершенствованія душъ посредствомъ многократныхъ перерожденій и страданій,—достигаютъ идеальнаго состоянія вѣчно-неизмѣннаго, безтѣлеснаго и исполненнаго блаженства существованія вмѣстѣ съ богами въ небесныхъ жилищахъ.

На такой-то высотѣ развитія находятся въ эту эпоху представленія о загробной жизни, поскольку выраженіемъ ихъ являются эти превосходныя сказанія, сохранившіяся для насъ въ произведеніяхъ Платона.

Отрицательное отношеніе къ народнымъ вѣрованіямъ.

Аристофанъ и Лукіанъ.—Платоновскими миѳами заканчивается, строго говоря, исторія развитія представленій греческаго народа о загробной жизни, достигая здѣсь,—какъ было сказано,—своего наивысшаго выраженія. Во все послѣдующее время существованія языческой Греціи ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ литературныхъ источниковъ уже не сообщаетъ по этому предмету никакихъ существенно новыхъ свѣдѣній, не рисуетъ ни одной картины посмертнаго бытія, которая отличалась бы какими-либо существенными чертами отъ того, что раскрывается намъ уже изъ всего предшествующаго, и которая была бы болѣе, чѣмъ простымъ заимствованіемъ изъ сокровищъ прежняго времени. Однако если мы видимъ, что простой народъ въ его цѣломъ и во все послѣдующее время вплоть до паденія язычества въ Греціи продолжаетъ оставаться вѣрнымъ преданіямъ прежняго времени, продолжаетъ вѣрить тому же, чему вѣрили и прежнія его поколѣнія; то, съ другой стороны, начиная съ той же эпохи Платона мы встрѣчаемся на ряду съ этимъ уже и съ инымъ явленіемъ, (зачатки котораго замѣчаются еще у Эврипида), видимъ совершенно иное отношеніе къ этимъ народнымъ вѣрованіямъ со стороны отдѣльныхъ представителей того самаго скепсиса, который, проникая постепенно во всѣ области религіозной, нравственной и соціальной жизни греческаго народа, разрушалъ мало по малу самыя основы ея. Значеніе этихъ послѣднихъ для нашего изслѣдова-

нія — понятно: возставая рѣзко противъ всего того въ области религіозныхъ вѣрованій народа, что казалось имъ грубымъ суевѣріемъ, достойнымъ безпощаднаго осмѣянія, они даютъ намъ въ то же самое время въ своихъ описаніяхъ этихъ суевѣрій весьма интересный и важный матерьялъ для ознакомленія съ таковыми въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они распространены были въ средѣ народа въ эту позднѣйшую эпоху. Въ силу такого положенія дѣла мы не заканчиваемъ изложенія этой части труда нашего Платоновскими миѳами, несмотря на указанное ихъ значеніе, но какъ на моментѣ *заключительномъ*, останавливаемся еще кратко на изображеніи преисподней и жизни въ ней, какою она рисуется, согласно народнымъ представленіямъ, въ произведеніяхъ двухъ типичнѣйшихъ, хотя и принадлежащихъ различнымъ эпохамъ, представителей вышеназваннаго *отрицательнаго* направленія, — въ произведеніяхъ Аристофана и Лукіана.

Весьма обстоятельное описаніе преисподней и всего происходящаго въ ней даетъ *Аристофанъ* въ своей комедіи «Ranae», гдѣ поэтъ изображаетъ въ комическомъ видѣ путешествіе Діониса во дворецъ Плутона ради рѣшенія вопроса о первенствѣ въ драматическомъ искусствѣ между Эсхиломъ и Эврипидомъ [1]. —

Когда Діонисъ разспрашиваетъ тутъ Геракла относительно того пути, которымъ этотъ послѣдній спускался нѣкогда въ царство Плутона, Гераклъ представляетъ его въ слѣдующемъ видѣ (v. 38—165). Сначала должно прійти къ огромному бездонному болоту, черезъ которое возможно переѣхать въ лодкѣ Харона за два обола платы за перевозъ, каковая плата введена была еще Тезеемъ. Далѣе Діонисъ долженъ былъ увидѣть множество змѣй и различныхъ звѣрей самаго ужаснаго вида; еще дальше — цѣлыя массы грязи и нечистотъ, гдѣ валяются тѣ изъ умершихъ, которые при жизни или били отца и мать, или оскорбили гостя, или приносили ложныя клятвы и т. п. Пройдя и эти мѣста, онъ долженъ былъ, наконецъ, услышать звуки флейтъ и громкое хлопанье въ ладоши, а также узрѣть блистающій свѣтъ и веселые хороводы мужей и женъ въ миртовыхъ рощахъ; эти-то мужи и жены, святые мисты, живущіе у са-

---

[1] *Aristophanis Ranae*. Annotatione critica, comment. exeget. et scholiis graecis instruxit Fred. H. M. Blaydes. Halis Saxon., 1889. v. 38—478

мой дороги близъ входа въ жилище Плутона, могли показать Діонису путь въ самый дворецъ царя преисподней... Поступивъ согласно указаніямъ Геракла, Діонисъ дѣйствительно подходитъ къ огромному болоту, черезъ которое и переѣзжаетъ въ лодкѣ Харона; (спутнику Діониса, Ксантію, какъ рабу, не сражавшемуся на морѣ, Харонъ отказываетъ въ перевозѣ, вслѣдствіе чего онъ оказывается вынужденнымъ самъ пѣшкомъ обойти все болото). По переѣздѣ на другой берегъ болота Діонисъ съ своимъ спутникомъ встрѣчаетъ ту грязь и нечистоты, о которыхъ говорилъ Гераклъ, и въ нихъ множество грѣшниковъ. Затѣмъ, подошедши къ тому мѣсту, гдѣ,—по словамъ Геракла, они должны были встрѣтиться съ различными страшилищами, они дѣйствительно замѣчаютъ ужасное чудовище, которое принимаетъ самые разнообразные виды: то быка, то осла, то ужасной женщины, то собаки, и т. д.; чудовище это была Эмпуса, лицо которой горѣло огнемъ, а изъ ногъ одна была мѣдная, а другая — навозная. Слѣдуя далѣе, они слышатъ, наконецъ, звуки флейтъ и пѣніе посвященныхъ, призывающихъ Іакха, въ священной пляскѣ мистовъ, прійти на этотъ свѣтлый, цвѣтистый лугъ плясать среди нихъ и, шествуя съ миртовымъ вѣнкомъ, потрясаемымъ надъ головою, и съ свѣтильникомъ въ рукѣ, управлять тутъ ихъ веселымъ пляшущимъ хороводомъ [1]... Изъ распросовъ, обращенныхъ Діонисомъ къ мистамъ относительно мѣстонахожденія жилища самого Плутона, оказывается, что всѣ они находятся въ это время у самаго входа въ него и что роль привратника исполняетъ тутъ Эакъ, который, въ отвѣтъ на высказанную мнимымъ Геракломъ (Діонисомъ) просьбу впустить его во дворецъ, разражается цѣлымъ рядомъ угрозъ противъ него страшилищами преисподней (v. 470—478, содержаніе которыхъ уже приведено нами въ главѣ объ Эврипидѣ) и только послѣ долгихъ испытаній впускаетъ, наконецъ, его и спутника его Ксантія во дворецъ царя преисподней.

Таково содержаніе этой комедіи Аристофана въ интересующихъ насъ частяхъ ея, если отбросить комическій тонъ изложенія у са-

---

[1] При этомъ хоръ посвященныхъ высказываетъ въ концѣ своей пѣсни (449—459) убѣжденіе, что только имъ однимъ солнце свѣтитъ здѣсь ярко въ воздаяніе за то, что они провели всю свою жизнь по отношенію къ своимъ и чужимъ такъ, какъ повелѣли боги, и лучшей наградой имъ за это служатъ веселыя празднества на цвѣтистомъ лугу близъ святой обители самой подземной богини.

кого поэта. Какъ видимъ, во всей этой картинѣ преисподней и жизни въ ней почти ничто не измѣнилось сравнительно съ картинами предшествующаго времени: и здѣсь то же озеро и лодка Харона, какъ у Эсхила и Эврипида; та же грязь, въ которой валяются грѣшники, и тѣ же луга съ пляшущими хороводами посвященныхъ, какъ и въ изображеніяхъ преисподней въ мистеріяхъ и отчасти у Платона; тѣ-же звѣри, страшилища преисподней, какъ и у Эврипида, къ которымъ прибавлено здѣсь одно чудовище Эмпуса, въ существованіе которой твердо вѣрилъ простой народъ. Только роль Эака измѣнена тутъ въ роль привратника вмѣсто судьи загробнаго царства, (какъ и впослѣдствіи у Лукіана, гдѣ мы видимъ Эака въ такой же роли привратника, и только Миноса и Радаманта, исполняющими обязанность судей). Въ общемъ и главномъ воззрѣнія народа на загробную жизнь, такимъ образомъ, раскрываются намъ изъ комедіи Аристофана въ томъ же видѣ, какъ и изъ другихъ источниковъ, подтверждая тѣмъ самымъ еще разъ ихъ чисто народное происхожденіе.

Но едва-ли не важнѣйшимъ изъ всѣхъ источниковъ позднѣйшаго времени для ознакомленія съ народными представленіями о загробной жизни являются свѣдѣнія, сообщаемыя у *Лукіана*,—важнѣйшими столько же ради ихъ полноты и ясности, сколько особенно потому, что авторъ прямо и опредѣленно заявляетъ въ началѣ разсказа, что передаетъ тутъ читателю исключительно только то, что составляетъ предметъ вѣрованій простого народа, и такимъ образомъ ставитъ вопросъ о происхожденіи этихъ вѣрованій внѣ какихъ бы то ни было сомнѣній. Свѣдѣнія эти сообщаются Лукіаномъ въ его извѣстномъ діалогѣ: «de luctu» [1], 2—10.

— Народная толпа, которую ученые называютъ обыкновенно толпою глупцовъ,—разсказываетъ здѣсь Лукіанъ,—вѣруетъ въ загробную жизнь согласно Гомеру, Гезіоду и другимъ стихотворцамъ. Ихъ измышленія эти люди считаютъ какъ бы священными законами и потому полагаютъ, что преисподняя есть большое и пространное мѣсто, мрачное и лишенное солнца, причемъ однако, (не понимаю, какимъ образомъ они это представляютъ себѣ), оно настолько освѣщено, что все находящееся тамъ, возможно все таки видѣть. Безд-

---

[1] Λουκιάνου τοῦ Σαμοσάτεως τὰ σωζόμενα. Gr. et lat. edit. G. Dindorfii. Parisiis. 1867. „Περὶ πένθους“, 2—10.

ною этой управляетъ Плутонъ, братъ Зевса, который имя это (какъ сообщилъ мнѣ одинъ знающій человѣкъ) носитъ потому, что онъ богатъ умершими [1].—Этотъ-то Плутонъ которому господство надъ мертвыми досталось по жребію, устроилъ свое царство и жизнь въ немъ такимъ образомъ: принявши къ себѣ кого-либо изъ умершихъ, онъ заключаетъ его въ такое общество, изъ котораго ему уже невозможно удалиться, и никогда не дозволяетъ кому бы то ни было уйти оттуда. Исключеніе составляютъ лишь нѣсколько умершихъ, слишкомъ немногіе изъ всѣхъ, которые въ незапамятныя времена и по причинамъ высочайшей важности получили такое позволеніе. Царство это омываютъ большія и даже по названіямъ своимъ страшныя рѣки, каковы: Кокитъ, Пирифлегетонъ и др.; но что особенно важно, такъ это то, что впереди находится огромное Ахеронтово озеро, которое встрѣчается умершимъ прежде всего и черезъ которое безъ перевозчика невозможно перебраться, такъ какъ оно и слишкомъ глубоко, чтобы можно было перейти его вбродъ, и слишкомъ широко, чтобы можно было его переплыть, коротко говоря, таково, что смертное крыло не имѣетъ достаточно силы, чтобы перелетѣть черезъ него. У входа и самыхъ воротъ, сдѣланныхъ изъ адаманта, стоитъ Эакъ, племянникъ царя преисподней, которому поручена ихъ охрана, и при немъ трехголовая ужасная собака, которая приходящихъ принимаетъ очень ласково и радушно, тогда какъ тѣхъ, которые осмѣливаются думать о бѣгствѣ, устрашаетъ своимъ лаемъ и ужасною пастью... Послѣ того, какъ умершіе уже переѣхали черезъ озеро и прибыли въ самое царство, отправляются они на большой лугъ, поросшій асфодилломъ; здѣсь протекаетъ ручей, убивающій память обо всемъ прежнемъ, который называется Летою. Такъ разсказываютъ тѣ, которые оттуда возвратились, согласно преданію, на землю; а именно, Алцеста и Протезилай, оба Ѳессалійцы,—Тезей, сынъ Эгея, и Гомеровъ Улиссъ,—свидѣтели очень почтенные и заслуживающіе довѣрія, которые однако,—какъ я полагаю (прибавляетъ Лукіанъ),—не пили изъ этого источника, ибо въ послѣднемъ случаѣ они не помнили бы обо всѣхъ, разсказанныхъ ими вещахъ. По ихъ сообщеніямъ, такимъ образомъ, здѣсь господствуютъ Плутонъ и Персефона, которые и имѣютъ высшую

[1] „Πλούτωνα κεκλημένον... διὰ τὸ πλουτεῖν τοῖς νεκροῖς“.

власть надъ всей преисподней; служатъ же имъ и помогаютъ многіе: Ἐρινύες, Ποιναί, Φόβοι и Гермесъ, который однако не всегда здѣсь присутствуетъ. Кромѣ нихъ есть тутъ также двое судей: Миносъ и Радамантъ, оба съ острова Крита и сыновья Зевса. Они-то посылаютъ добрыхъ, честныхъ и справедливыхъ вмѣстѣ съ другими такими-же въ царство растеній на поля Елисейскія, чтобы тамъ проводили они вѣчно блаженное существованіе. Напротивъ, злыхъ и преступныхъ посылаютъ они въ страну безбожныхъ съ тѣмъ, чтобы тамъ они наказаны были каждый соотвѣтственно своей винѣ. И здѣсь-то какихъ только ужасовъ не приходится имъ вытерпѣть!..— Ихъ и истязаютъ, и жгутъ; ихъ терзаютъ коршуны; ихъ вертятъ на колесѣ; они катятъ камни на гору, и несчастный Танталъ стоитъ въ водѣ съ сухимъ ртомъ и, умирая отъ жажды, никогда не можетъ утолить ея. Тѣ же изъ умершихъ, которые жили на землѣ, какъ принято вообще жить обыкновенно,—а такихъ огромное большинство,—блуждаютъ безъ тѣлъ на лугу, какъ тѣни, и исчезаютъ, какъ дымъ, если дотронуться до нихъ. Они питаются нашими жертвенными возліяніями и тѣмъ, что мы вообще приносимъ на ихъ могилы; такъ что тотъ, кто не имѣетъ на землѣ ни друзей, ни родственниковъ, остается послѣ смерти безъ пищи и блуждаетъ голоднымъ среди остальныхъ умершихъ... И все это чрезвычайно многіе изъ народа такъ твердо держатъ въ своихъ головахъ, что когда кто-либо умираетъ въ ихъ домѣ, они прежде всего кладутъ умершему въ ротъ одинъ оболъ, какъ плату за перевозъ Харону, не изслѣдуя при этомъ напередъ, какая именно монета принимается тамъ, и ходитъ-ли у мертвыхъ монета аттическая, или македонская, или эгинская. Они не думаютъ также и о томъ, что гораздо лучше было-бы вовсе не давать никакихъ денегъ за перевозъ, потому что такимъ образомъ тѣ изъ умершихъ, которыхъ перевозчикъ не хотѣлъ бы безплатно принять въ свою лодку, могли бы возвратиться опять къ земной жизни.

Сличая содержаніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, передаваемыхъ намъ греческимъ авторомъ, жившимъ почти пятью вѣками позднѣе Платона и его современниковъ, со всѣми тѣми представленіями, какія мы видѣли существующими нѣсколькими столѣтіями раньше, и отмѣчая при этомъ почти полное тождество тѣхъ и другихъ, мы невольно изумляемся этой живучести народныхъ вѣрованій, оста-

ющихся въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій по существу неизмѣнными, переживающихъ десятки человѣческихъ поколѣній и остающихся въ своемъ содержаніи, передаваемомъ отъ предковъ къ потомкамъ, какъ-бы внѣ всякаго вліянія времени. Эта неизмѣнность содержанія народныхъ представленій о загробной жизни, эта ихъ стойкость передъ всякими нововведеніями въ разъ установленный кругъ представленій простираются до того, что всю совокупность переданныхъ у Лукіана свѣдѣній относительно вѣрованій его современниковъ (2 в. по Р. Х.) можно признать по существу какъ бы простымъ *суммированіемъ* всего того, что̀ успѣла выработать въ этомъ отношеніи народная фантазія въ теченіе всѣхъ предшествующихъ вѣковъ, остановившись затѣмъ на все послѣдующее время на разъ выработанномъ содержаніи и формахъ;—можно назвать *заключительнымъ словомъ* язычества по отношенію къ изслѣдуемому нами предмету.. Вотъ почему и мы (не входя болѣе въ разсмотрѣніе частностей этого содержанія, уже разсмотрѣнныхъ нами ранѣе въ соотвѣтствующихъ частяхъ нашего труда, гдѣ мы встрѣчались съ такими же представленіями), заканчиваемъ сообщеніями этого древняго автора наше изслѣдованіе въ области вѣрованій греческаго народа по вопросамъ о загробномъ существованіи, какъ такимъ, именно, послѣднимъ, заключительнымъ словомъ.

ГЛАВА III.

Картины загробной жизни на вазахъ, писанныя согласно представленіямъ греческаго народа, извѣстнымъ изъ иныхъ, кромѣ Гомеровскаго эпоса, источниковъ.

Въ изложенномъ выше краткомъ очеркѣ исторіи развитія народныхъ воззрѣній на загробную жизнь мы старались раскрыть то обширное и разнообразное внутреннее содержаніе, которое служило богатѣйшимъ матерьяломъ для воспроизведенія въ античномъ искусствѣ,—(въ частности въ вазовой живописи)—тѣхъ или иныхъ важнѣйшихъ его моментовъ и знакомство съ которымъ, хотя бы въ главныхъ, существенныхъ его чертахъ, являлось необходимымъ для яснаго пониманія послѣдующаго. Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію самыхъ памятниковъ вазовой живописи, въ которыхъ тѣ или другіе изъ этихъ моментовъ, единичныхъ или нѣсколькихъ въ совокупности, нашли себѣ непосредственное воспроизведеніе. При этомъ, слѣдуя плану, указанному нами во введеніи, начинаемъ съ описанія картинъ преисподней, наиболѣе сложныхъ по содержанію, чтобы перейти затѣмъ къ простѣйшимъ изъ нихъ, а въ отношеніи распредѣленія картинъ однороднаго содержанія принимаемъ уже приведенное нами тамъ же дѣленіе всѣхъ ихъ на самостоятельныя характерныя группы. Что касается, наконецъ, содержанія немногихъ миѳическихъ сказаній о тѣхъ событіяхъ, съ которыми связаны въ разсматриваемыхъ ниже картинахъ изображенія самой загробной жизни и свѣдѣнія о которыхъ, понятнымъ образомъ, не вошли въ предшествующій очеркъ, то мы излагаемъ ихъ далѣе отдѣльно для каждой изъ группъ всякій разъ, когда ознакомленіе съ такимъ сказаніемъ, неизвѣстнымъ изъ всего предыдущаго, оказывается необходимымъ для пониманія послѣдующаго.

Группа II. Картины жизни въ преисподней въ моментъ посѣщенія ея Орфеемъ и Геракломъ.

Содержаніе перваго изъ двухъ миѳовъ, — съ воспроизведеніемъ которыхъ связано въ картинахъ разсматриваемой группы изображеніе самой преисподней со всею, наполняющею ее жизнью, вкратцѣ таково.

Когда юная Эвридика, супруга Орфея, убѣгая отъ преслѣдованій Аристея, была укушена змѣею и сдѣлалась жертвою преждевременной смерти, неутѣшный въ своей горести Орфей рѣшился проникнуть въ преисподнюю, чтобы упросить ея повелителей о возвращеніи ему любимой супруги. И дѣйствительно, съ помощью чарующаго своего пѣнія и игры на киѳарѣ онъ съумѣлъ не только смягчить свирѣпаго Кербера и Эринній, но и достигнуть исполненія своей просьбы передъ властителями преисподней, Аидомъ и Персефоной, которые и возвратили ему Эвридику съ единственнымъ условіемъ не смотрѣть на нее до выхода изъ преисподней на землю. Мучимый однако желаніемъ возможно скорѣе увидѣть свою супругу и въ то же время отчасти не вѣря тому, что боги дѣйствительно возвратили ему его Эвридику, Орфей оглянулся назадъ, чтобы посмотрѣть на слѣдовавшую за нимъ супругу, но въ тотъ же моментъ она исчезла отъ него снова и на этотъ разъ уже навсегда [1].

Что касается сказанія о нисхожденіи въ преисподнюю Геракла съ цѣлью похищенія оттуда Кербера, то въ различныя эпохи оно передавалось различно. Согласно древнѣйшему преданію, когда Гераклъ, по приказанію Эврисѳея, отправился въ преисподнюю, его сопровождали туда Гермесъ и Аѳина, изъ которыхъ послѣдняя спасла героя въ тотъ моментъ, когда рѣка преисподней Стиксъ грозила поглотить его. (Od. κ. 623; Il. Θ. 367). Явившись въ самую преисподнюю, Гераклъ вступилъ въ битву съ самимъ Аидомъ и, ранивши его въ этой борьбѣ стрѣлою, насильно увелъ изъ преисподней стража ея Кербера. (Il. E. 395, и др.) - Иначе объ этомъ разсказываетъ позднѣйшая сага. Прежде чѣмъ спуститься въ пре-

---

[1] О нисхожденіи Орфея въ преисподнюю говорятъ уже весьма древнія сказанія (см. κατάβασις ἐς ᾅδου у Lobeck: Aglaophamos, 873; также Eurip. Alk. 857; Plato: Sympos. 179c—180b, и др.), хотя съ значительными подробностями разсказываютъ объ этомъ событіи только александрійскіе и римскіе поэты. (См. Ovid. Met. X, 1—85; Virgil. Georg. 4,454 и сл.; Seneca: Herc. f. 569 и сл. и др.).

исподнюю, Гераклъ предварительно принялъ посвященіе въ аттическія Элевзиніи (Eurip. Her. f. 613; Ps.-Plat. Axioch. 371 D). При вступленіи въ царство Аида онъ былъ немедленно перевезенъ черезъ подземное озеро Харономъ, который изъ страха принялъ его въ свою лодку, за чтò и былъ впослѣдствіи наказанъ подземными богами (Serv. V. A. 6, 392); всѣ тѣни умершихъ, встрѣчавшіяся ему на пути, съ ужасомъ бѣжали отъ него, и для того чтобы напоить ихъ кровью животнаго, онъ убиваетъ одну изъ коровъ, принадлежащихъ самому Аиду, ради чего и вступаетъ въ борьбу съ пастухомъ ихъ Меноитомъ. Среди многочисленныхъ обитателей преисподней Гераклъ увидѣлъ между прочимъ Тезея и Пейриѳоя, которые, спустившись ранѣе въ преисподнюю съ цѣлью похищенія оттуда Персефоны, въ наказаніе за дерзкій свой поступокъ оставлены были тамъ, по приказанію подземныхъ боговъ, приросшими къ скалѣ. Когда Гераклъ въ отвѣтъ на мольбы обоихъ героевъ поспѣшилъ къ нимъ съ намѣреніемъ освободить ихъ отъ печальной ихъ участи, ему удалось сдѣлать это лишь относительно Тезея, котораго онъ силою оторвалъ отъ скалы; что касается Пейриѳоя, то онъ долженъ былъ навсегда остаться тамъ приросшимъ къ скалѣ, потому что когда Гераклъ попытался освободить и его, то земля задрожала настолько сильно, что герой долженъ былъ оставить свою попытку, показавшуюся очевидно неугодною богамъ. Достигнувши, наконецъ, властителей преисподней, Гераклъ, благодаря главнымъ образомъ вышеуказанному посвященію, равно какъ и мягкому своему обращенію, ласково былъ принятъ этими послѣдними и ему разрѣшено было увести изъ преисподней Кербера на томъ условіи, чтобы онъ овладѣлъ имъ безъ помощи оружія, чтò ему и удалось исполнить; впослѣдствіи Керберъ былъ приведенъ имъ обратно въ преисподнюю [1]).

Такова сущность сказаній о тѣхъ двухъ событіяхъ, съ изображеніемъ которыхъ на цѣломъ рядѣ нижеслѣдующихъ вазъ связаны картины самой загробной жизни. Ограничиваясь вышесказаннымъ, переходимъ теперь къ самому описанію разсматриваемыхъ картинъ преисподней въ указанной уже послѣдовательности.

№ III. ***Ваза Неаполитанскаго музея № 3222, изъ Altamura.*** Большая нижнеиталійская амфора съ волютообразными ручками;

---

[1] Apollod. 2, 5, 12; Paus. X, 29, 4; Diod. 4, 25 и слѣд.; Plut. Thes. 35; Schol. ad Arist. Eq. 1368 и др. Ср. Preller: griech. Mythol. ed. 3, II, S. 222—223.

выс. = 1,47 м.: окр. = 2,27 м.; красн. фиг. съ бѣл. и лилов. частями [1].

Центръ всей картины, согласно обычному принципу распредѣленія фигурныхъ композицій на большихъ нижнеиталійскихъ вазахъ, занимаетъ обширное зданіе,— дворецъ Плутона,— вокругъ котораго въ три ряда расположена вся многофигурная композиція преисподней. Строеніе дворца весьма просто и вмѣстѣ весьма оригинально: въ то время какъ сзади крыша его поддерживается двумя іоническими колоннами, со стороны фасада она опирается на двѣ каріатиды въ видѣ нагихъ человѣческихъ фигуръ, имѣющихъ одну руку, приподнятую до высоты плечъ, а другую, опущенную вдоль бедеръ; обѣ фигуры въ свою очередь помѣщены на колоннахъ, подымающихся изъ массы аканѳовыхъ листьевъ. Самая крыша дворца украшена акротеріями въ видѣ растительныхъ орнаментовъ (пальметтъ), тогда какъ въ центрѣ фронтоннаго треугольника помѣщена голова Горгоны съ двумя фигурами тритоновъ по сторонамъ; подъ крышей прикрѣплены три предмета различной величины, имѣющіе видъ тимпановъ (или плоскихъ блюдъ и щита; рисунокъ недостаточно ясенъ).

---

[1] Опублико в.: Bulletino dell' Instituto di corrisp. arch., Roma, 1848, p. 23 (*Braun*); ibid. 1851, p. 24 (*Brunn*) и p. 38—43 (*Minervini*); Archäolog. Anzeig. 1851, S. 89—90 (*Gerhard*); *Fiorelli*: scavi archeolog., p. 23; *Welcker*: alte Denkmäler III, S. 122 и сл.; Annalli dell'Instit. 1864, p. 283 и сл. (*Köhler*) и Monum. dell'Instit. VIII, tav. 9; *Valentin*: Orpheus und Heracles in der Unterwelt, Berlin 1865, s. 5 и сл. и рис. № 4; *Heydemann*: die Vasensammlungen des Museo Nazionale zu Neapel, Berl. 1872, s. 510—516; Wiener Vorlegeblätter für arch. Uebungen, Serie E, Taf. II; *Baumeister*: Denkmäler d. Klass. Alterthums, s. 1928 и рис. № 2042; *Winkler*: die Darstellungen der Unterwelt auf unteritalischen Vasen, Breslau 1888, S. 18 и сл.; *Kuhnert*: unteritalische Nekyien (въ Jahrbuch d. Kais. Deutsch. Arch. Inst. 1893, Heft II, s. 104 и сл.). Надписи, имѣющіяся на вазѣ, помѣщены у *Heydemann*, ук. соч., Taf. IX, подъ № 3222.—Амфора эта найдена была въ видѣ нѣсколькихъ фрагментовъ, (Braun въ 1848 г. говоритъ еще объ „alcuni frammenti di un magnifico vaso"), которые впослѣдствіи соединены были въ одно цѣлое извѣстнымъ Raf. Gargiulo; этотъ послѣдній реставрировалъ при этомъ многочисленныя части не только въ самомъ рисункѣ, но и въ находившихся надъ многими фигурами пояснительныхъ надписяхъ. (См. Bull d. Inst. 1851, p. 24). Это послѣднее обстоятельство, уничтожая въ значительной степени силу доказательности какъ самаго рисунка отдѣльныхъ фигуръ, такъ и надписей, которыя при условіи отсутствія реставраціи имѣли бы самое рѣшающее значеніе, заставляетъ насъ отнестись къ тѣмъ и другимъ съ особенною осторожностью и даже внести въ нихъ нѣкоторыя поправки, относящіяся къ ошибочнымъ, на нашъ взглядъ, домысламъ реставратора.

Внутри самаго дворца возвышается большой четыреугольный базисъ, украшенный растительнымъ орнаментомъ; а на длинной скамьѣ, стоящей на этомъ базисѣ, представлены сидящими въ положеніи пирующихъ оба властителя преисподней. Аидъ, изображенный въ видѣ величественнаго бородатаго мужа, одѣтаго до бедеръ въ широкую со звѣздами мантію, съ крепидами на ногахъ и теніей на головѣ, обращается непосредственно къ Персефонѣ, подымая правой рукою

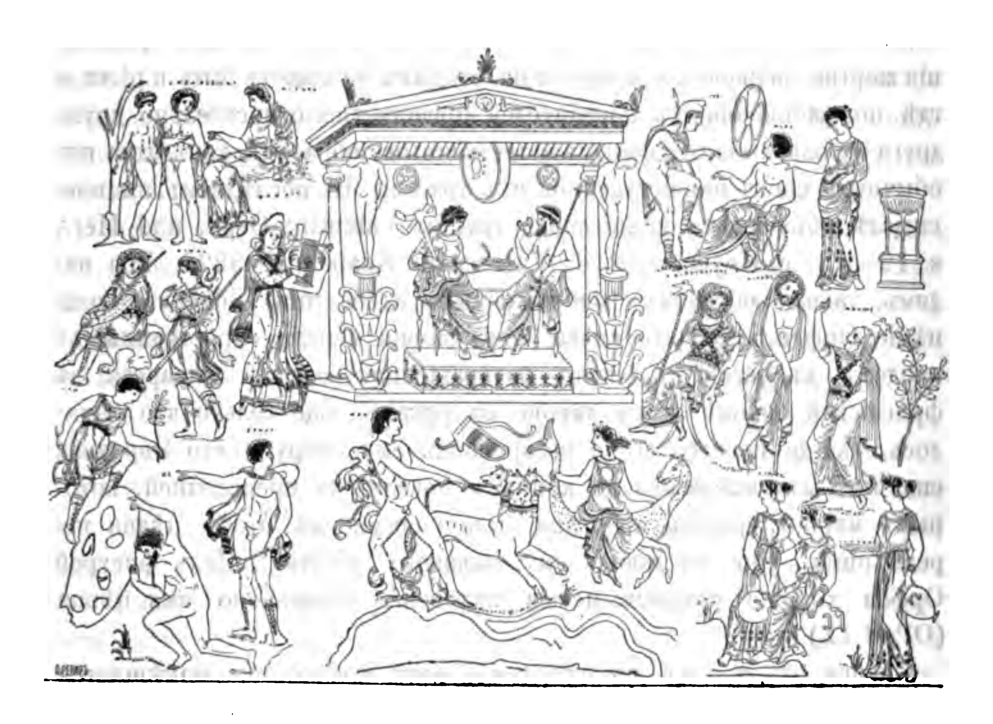

Рис. № 8.

свой кубокъ, а лѣвой удерживая царскій свой скипетръ. Персефона богато одѣтая въ мантію и хитонъ, украшенная ожерельемъ, браслетами, серьгами и вѣнкомъ, также дружески обращается въ сторону своего супруга, имѣя въ лѣвой рукѣ большое блюдо съ плодами, которые она, повидимому, предлагаетъ послѣднему, а въ правой — обычный свой четырехконечный горящій факелъ.

Winkler, (ук. соч., стр. 20), старается доказать, будто Персефона представлена здѣсь приносящею жертву своему мрачному супругу,

желая этою жертвою умолить его—согласиться на просьбу Орфея, стоящаго передъ входомъ во дворецъ; тогда какъ Аидъ, подымающій кубокъ, тѣмъ самымъ показываетъ ей, что принимаетъ ея жертвоприношеніе. Такія отношенія обоихъ властителей преисподней другъ къ другу не соотвѣтствуютъ ни народнымъ о нихъ представленіямъ, согласно которымъ Персефона считается равноправною со своимъ супругомъ владычицею преисподней, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обладающею даже болѣе активною силою, чѣмъ этотъ послѣдній [1]; ни самой композиціи обѣихъ фигуръ въ разсматриваемой картинѣ, гдѣ о принесеніи жертвы первою и о принятіи ея вторымъ не можетъ быть и рѣчи, и гдѣ положеніе обоихъ повелителей преисподней относительно другъ друга истолковывается самымъ естественнымъ образомъ, какъ одна изъ обычныхъ сценъ пиршественной ихъ трапезы. Въ послѣднемъ, именно, смыслѣ объясняютъ композицію группы Valentin: Orph. und Her., s. 12—13, и Heydemann: d. Vasens. zu Neapel, № 3222. Мы видимъ, такимъ образомъ, изображеннымъ здѣсь тотъ моментъ, когда пѣніе Орфея, стоящаго слѣва отъ дворца передъ «пространнымъ» входомъ въ него, въ богато изукрашенной одеждѣ киѳареда, въ фригійской шапкѣ и съ лирою въ рукахъ, еще только что началось,—когда просьба его о возвращеніи ему супруги его Эвридики еще не была высказана до конца и повелители преисподней, которыхъ мирная трапеза прервана была появленіемъ этого пѣвца передъ ними, еще не даютъ ему никакого отвѣта [2]. Надъ фигурой Орфея хорошо сохранившеюся надписью обозначено имя пѣвца (ΟΡΦΕΥΣ).

Справа отъ дворца въ среднемъ ряду композиціи помѣщается группа трехъ судей загробнаго царства, имена которыхъ обозначены тутъ надписями: двое изъ нихъ,—Эакъ (ΑΙΑΚΟΣ) и Радамантъ

[1] Такъ, напр., Одиссей высказываетъ опасеніе, чтобы Персефона (а не Аидъ) не выслала противъ него изъ преисподней ужасной Горгоны; Персефона называется обыкновенно „могучей владычицей", „страшной" и т. п., но мы не знаемъ ни одного намека на подчиненное ея отношеніе къ Аиду; напротивъ, на нѣсколькихъ вазахъ (Karlsruhe № 388, Santangelo № 709 и др.) мы видимъ именно ее, а не Аида, изображенной на тронѣ въ видѣ царствующей владычицы преисподней.

[2] Ниже, въ картинахъ на нѣсколькихъ другихъ вазахъ, мы увидимъ воспроизведеніе уже позднѣйшихъ моментовъ этого событія,—моментовъ, когда дѣйствіе просьбы пѣвца на властителей преисподней выражено уже съ полною ясностью.

(...MANΘΥΣ),—стоять въ положеніи бесѣдующихъ другъ съ другомъ; первый, одѣтый въ длинный гиматіонъ, покрывающій его голову, спину и бедра, стоитъ, скрестивши спокойно обутыя въ крепиды ноги, и опершись на длинный свой посохъ, выслушиваетъ рѣчь своего собесѣдника; Радамантъ, въ видѣ старца, одѣтаго въ опоясанный хитонъ и мантію, лѣвой рукою удерживаетъ свой жезлъ, увѣнчанный птицею, тогда какъ жестомъ правой руки, приподнятой вверхъ, выражаетъ обращеніе съ рѣчью къ Эаку. Третій судья загробнаго царства, Триптолемъ, (ΤΡΙΟΠΤΟΛΕΜΟΣ), одѣтый также въ хитонъ и мантію, сидя позади Эака на высокомъ креслѣ, съ длиннымъ, увѣнчаннымъ птицей жезломъ въ правой рукѣ, внимательно прислушивается къ совѣщанію первыхъ двухъ судей, къ которымъ обратилъ онъ свое лицо.

Должно отмѣтить здѣсь относительно этой группы одно любопытное обстоятельство. Судьи названы тутъ не обычными именами Миноса, Эака и Радаманта, а отмѣчены надписями, какъ Эакъ, Радамантъ и Триптолемъ, что оказывается въ согласіи не съ наиболѣе распространеннымъ представленіемъ греческаго народа, (съ которымъ знакомитъ насъ сказаніе въ «Горгіасѣ», переданное выше, и согласно которому судьями загробнаго царства были, именно, Миносъ, Эакъ и Радамантъ), но съ представленіемъ болѣе рѣдкимъ, мѣстнымъ аттическимъ, ибо Триптолемъ упоминается, какъ судья загробнаго міра только въ Платоновой «Апологіи Сократа», p. 41 A, и у Цицерона, Tuscul. quaest. I, 41.—Какой мотивъ могъ руководить художникомъ при такой замѣнѣ одного судьи другимъ?...—Въ то время какъ Minervini (въ Bullet. d. Inst. 1851, p. 40—41) думаетъ видѣть причину этой замѣны Миноса Триптолемомъ въ отношеніи послѣдняго къ Элевзинскимъ мистеріямъ, указывая при этомъ на костюмъ Триптолема, какъ іерофанта,—E. Rohde [1] предлагаетъ иное, болѣе удачное, на нашъ взглядъ, объясненіе. «Очевидно,—говоритъ онъ,—что здѣсь воспроизведено чисто аттическое сказаніе. Платонъ называетъ Триптолема рядомъ съ Миносомъ и другими судьями; но для аѳинянъ указаніе Миноса, котораго комедія ихъ изображала врагомъ ихъ страны (см. Plut. Thes. 16), — указаніе

[1] E. Rohde Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen, Freiburg 1890 I, s. 286, Anm. 1.

Миноса въ числѣ образцовъ высочайшей справедливости было бы весьма неудобно, и потому они замѣнили его въ числѣ трехъ судей своимъ Триптолемомъ. Такимъ образомъ, Триптолемъ находится уже не подлѣ Миноса, но на мѣстѣ его самого въ картинѣ преисподней на вазѣ изъ Altamura и на аналогичной картинѣ амфоры въ Karlsruhe, (гдѣ изобр. Эакъ, Триптолемъ и слѣва, на отбитомъ фрагментѣ, конечно, Радамантъ)».—Это объясненіе Rohde, повидимому, стоитъ весьма близко къ истинѣ, ибо дѣйствительно, упоминая Триптолема въ числѣ загробныхъ судей, Сократъ не указываетъ рѣшительно никакихъ его отношеній къ мистеріямъ и включаетъ его въ число этихъ судей только ради его высочайшей справедливости. Напротивъ, замѣна Миноса Триптолемомъ совершенно естественна и понятна у художника аттическаго происхожденія съ его мѣстными аттическими симпатіями и антипатіями,—у художника, который долженъ былъ считать своею нравственною обязанностью—изобразить въ своей картинѣ преисподней на погребальной вазѣ въ числѣ трехъ судей, судящихъ души умершихъ, во всякомъ случаѣ не завѣдомаго и непримиримаго врага своего народа, въ справедливость суда котораго аѳинянинъ едва-ли могъ вѣрить.—Въ томъ же среднемъ ряду композиціи, но съ противоположной стороны, позади Орфея, представлена группа двухъ Эринній, служительницъ подземныхъ боговъ: одна изъ нихъ въ короткомъ хитонѣ съ рукавами, въ высокихъ башмакахъ, со шкурой пантеры на спинѣ и копьемъ въ лѣвой рукѣ, правой рукою указываетъ въ сторону Орфея, какъ бы приглашая другую прислушаться къ пѣнію этого послѣдняго. Эта вторая Эринній, одѣтая также въ короткій хитонъ съ рукавами и обутая въ высокіе башмаки, сидитъ на шкурѣ пантеры, положивши обѣ руки, удерживающія копье, на скрещенныя спокойно ноги и обратившн лицо въ сторону поющаго Орфея. Надпись надъ ними ΟΙΝΑΙ, которая совершенно правильно дополнена была уже въ Bull. dell' Inst. 1851, p. 25, какъ ΠΟΙΝΑΙ, подтверждаетъ истолкованіе ихъ, какъ фигуръ Эринній, очевидное уже при первомъ взглядѣ на самые ихъ типы,—тѣхъ самыхъ Эринній, которыя, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, подъ именемъ ΠΟΙΝΑΙ являлись между прочимъ олицетвореніемъ нравственнаго наказанія въ видѣ угрызеній совѣсти.— Ниже этой группы изображена третья женская фигура, одѣтая въ короткій безрукавный хитонъ и высокіе башмаки и держащая въ

лѣвой рукѣ вѣтвь, а въ правой—какъ бы плеть. Надпись надъ нею NAN одни считаютъ возможнымъ дополнить, какъ MANIA [1]; тогда эта фигура можетъ имѣть отношеніе не только къ Сизифу, катящему подлѣ нея въ гору свой камень, но и къ Гераклу, уводящему изъ преисподней Кербера, какъ намекъ на будущее сумасшествіе этого героя, для чего можно указать аналогію на вазѣ, изображенной въ Monum. dell' Inst. VIII, tav. 10, въ той фигурѣ MANIA (обозначенной полною надписью), которая присутствуетъ при этой позднѣйшей сценѣ бѣшенаго неистовства Геракла, когда этотъ послѣдній избиваетъ своихъ дѣтей. Другіе (по Winkler'у Christ.) дополняютъ это имя, какъ ANANKH (?), которая вѣчно понуждаетъ Сизифа къ его непрерывной работѣ. Согласно Павзанію (VIII, 34, 1), MANIAI по своему значенію тождественны съ Эвменидами, или Эринніями, и мы не видимъ препятствій къ принятію, именно, этого имени для данной фигуры, которая служитъ какъ бы соединительнымъ звеномъ между среднимъ и нижнимъ рядами всей этой сложной композиціи.

Подобно среднему, и нижній рядъ раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Слѣва, непосредственно подъ группой Эринній и въ связи съ послѣднею изъ нихъ, пресловутый мученикъ преисподней, Сизифъ, въ видѣ нагого бородатаго мужчины, съ остатками хламиды на лѣвой рукѣ, съ большимъ напряженіемъ катитъ обѣими руками вверхъ свой огромный камень. Надъ головой сохранился остатокъ его имени (ΟΣ).

На противоположномъ концѣ того же нижняго ряда помѣщается группа, состоящая изъ трехъ женщинъ,—группа Данаидъ: всѣ три одѣты въ длинные хитоны съ короткими рукавами, украшены ожерельями, браслетами и головными уборами оригинальнаго вида; одна изъ нихъ, держащая въ правой рукѣ гидрію, составляетъ болѣе тѣсную группу съ другою, которая сидитъ на своей гидріи и которой она положила свою руку на плечо; тогда какъ третья, стоящая позади первыхъ двухъ, держитъ въ лѣвой рукѣ такую же гидрію, а въ приподнятой правой—блюдо съ фруктами. Всѣ три обращены лицами къ центру нижняго ряда, наблюдая происходящее тамъ дѣйствіе. Всѣ три фигуры реставрированы во многихъ частяхъ.

---

[1] Köhler въ Annal. dell'Inst. 1864, ук. м.

Центральная группа этого ряда является наиболѣе сложною Средоточіемъ ея и важнѣйшею фигурой служитъ Гераклъ (надпись надъ нимъ ΗΡΑ), уводящій Кербера. Герой, въ видѣ нагого безбородаго юноши, съ одною только львиною шкурой за спиною, съ силою увлекаетъ назадъ съ помощью цѣпи трехголоваго Кербера, змѣиный хвостъ котораго кусаетъ правую ногу Геракла

Въ отличіе отъ фигуры Геракла на нѣсколькихъ другихъ вазахъ съ тѣмъ же сюжетомъ (Karsruhe 388, München 849, Santangelo 709 и др.), Гераклъ не имѣетъ здѣсь никакого оружія, и его лукъ и колчанъ со стрѣлами висятъ въ пространствѣ надъ Керберомъ [1].

Слѣва отъ Геракла находится фигура Гермеса (надпись надъ нимъ ΕΡΜΑΣ) въ обычномъ его одѣяніи: въ короткой хламидѣ, падающей съ плечъ на спину, въ петазосѣ, крепидахъ и съ обычнымъ kerykeion въ лѣвой рукѣ; правой рукою онъ указываетъ Гераклу путь изъ преисподней. У ногъ Геракла и Кербера изображены, повидимому, двѣ рѣки преисподней, соединяющіяся въ концѣ въ одно общее теченіе [2].

Наибольшія трудности представляетъ въ этой части композиціи картины объясненіе фигуры, находящейся направо отъ Геракла: мы видимъ здѣсь женскую фигуру, одѣтую подобно Данаидамъ, съ тѣмъ же головнымъ уборомъ, съ башмаками на ногахъ, которая сидитъ на фантастическомъ животномъ, имѣющемъ переднюю часть лошади а остальную — рыбы, причемъ одною рукою она удерживается за хвостъ этого животнаго, а другою—за его шею, обративши въ то же время свою голову и корпусъ въ сторону Геракла Фигурѣ этой давали самыя разнообразныя толкованія. Такъ, Gerhard въ A. Z. 1851, S. 90, замѣчаетъ о ней кратко слѣд.: «возлѣ Геракла находится необыкновенная въ этомъ мѣстѣ фигура, а именно, сидящая на морскомъ конѣ Нереида, повидимому, для обозначенія острововъ блаженныхъ».—Подобное же мнѣніе высказываетъ и Minervini, ibid. p. 43, видящій въ этой фигурѣ Нереиду, плывущую по водамъ одной изъ рѣкъ преисподней. Полная непригодность такого истолкованія очевидна,

---

[1]) Можно утверждать, что изображеніе этого оружія, непонятнымъ образомъ висящаго въ пустомъ пространствѣ преисподней, является не болѣе, какъ неудачнымъ, домысломъ самого реставратора, ибо вся эта средняя часть нижняго ряда оказывается весьма сильно пострадавшею и видоизмѣненною.

[2] Minervini въ Bull. dell'Jnst. 1851 p. 42 называетъ ихъ Ахеронтомъ и Стиксомъ.

такъ какъ оно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ основнымъ представленіемъ о самой природѣ Нереидъ, какъ существъ, имѣющихъ непосредственное и притомъ исключительное отношеніе къ морю, и напротивъ никакихъ отношеній къ преисподней...—Небольшую вѣроятность имѣетъ и то объясненіе, которое даетъ, отъ имени неизвѣстнаго своего друга, Hartvig въ Arch. Zeit. 1884, S. 259, Anm. 9: «весьма удачной,—говоритъ онъ,—кажется мнѣ догадка одного изъ моихъ друзей, что эта фигура представляетъ собою Гипермнестру, т. е. ту Данаиду, которая одна осталась ненаказанною изъ всѣхъ сестеръ, терпящихъ тутъ наказаніе, и которая направляетъ теперь свой путь на острова блаженныхъ».—Догадка, столь же мало основательная, какъ и предшествующая, ибо никогда освобожденная отъ участи своихъ сестеръ Гипермнестра не появлялась въ преисподней подлѣ этихъ послѣднихъ для того только, чтобы удалиться затѣмъ оттуда на фантастическомъ животномъ на острова блаженныхъ, столь же далекія отъ преисподней, какъ и отъ Олимпа съ его безсмертными обитателями. (См. выше, гл. о Пинд., Платонѣ и др.). Baumeister [1] ставитъ эту фигуру въ непосредственную связь съ Геракломъ и видитъ въ ней душу умершаго, которая, благодаря подвигу этого героя, освобождается изъ этихъ мѣстъ загробнаго наказанія и уносится на острова блаженныхъ. Столь же произвольное, какъ и оба предыдущія, истолкованіе это находится сверхъ того въ разногласіи со всѣми версіями сказанія о посѣщеніи Геракломъ преисподней, гдѣ мы не встрѣчаемъ ни одного намека на освобожденіе при этомъ какой-либо души умершаго изъ царства Аида. — Наконецъ, Valentin [2] не болѣе удачно видитъ въ этой убѣгающей на гиппокампѣ фигурѣ желаніе художника выразить тотъ паническій ужасъ, который господствуетъ среди обитателей преисподней при видѣ смѣлаго подвига Геракла, отважившагося похитить отсюда страшнаго охранителя входа въ царство Аида.

Только въ послѣднее время благодаря изслѣдованію D-r. Studniczka [3], который указалъ существованіе въ этой части картины весьма

[1] Baumeister: Denkmäler d. klass. Alterth., III, S. 1928.

[2] Valentin: Orpheus und Heracles in d. Unterwelt, S. 16.

[3] Изслѣдованіе состоянія этой вазы, самаго рисунка и надписей, произведенное въ Неаполѣ доктор. Studniczka, цитировано полностью у Winkler, ук. соч., стр. 19 и сл. Провѣрка данныхъ этого изслѣдованія передъ самымъ оригиналомъ Неап. му-

значительныхъ реставрацій, сильно измѣнившихъ рисунокъ обѣихъ этихъ фигуръ, Winkler'у удалось отыскать объясненіе, которое онъ высказываетъ съ большою нерѣшительностью въ видѣ догадки, но которое представляется намъ единственно возможнымъ и прочнѣе всѣхъ другихъ обоснованнымъ.—«Аналогія,—говоритъ онъ, (S. 43),—въ остальныхъ четырехъ картинахъ преисподней на вазахъ (Canosa-München 849, Ruvo-Karlsruhe 388, Santangelo 709 и 11), гдѣ всегда на этомъ самомъ мѣстѣ является Геката, дѣлаетъ возможнымъ подозрѣніе въ неправильной реставраціи; въ тоже время однако голова животнаго, которая несомнѣнно антична и можетъ быть только головою лошади, препятствуетъ принятію такого предположенія».—Мы лично считаемъ, напротивъ, возможнымъ рѣшительно настаивать на этомъ предположеніи, усматривая въ обѣихъ этихъ фантастическихъ фигурахъ лишь *ошибочную реставрацію прежде бывшихъ на этомъ мѣстѣ фигуръ Гекаты съ факеломъ и пантеры справа подлѣ нея,* въ пространствѣ между этой богиней и Данаидами. Въ самомъ дѣлѣ, внимательное изслѣдованіе обѣихъ этихъ фигуръ (женщины и гиппокампа) показываетъ намъ съ полною очевидностью, что именно всѣ тѣ части рисунка ихъ, которыя измѣнили фигуры Гекаты съ факеломъ и пантеры въ эту необъяснимую группу, были только позднѣйшимъ добавленіемъ реставратора. Уже D-r Studniczka пишетъ относительно реставраціи этихъ фигуръ слѣдующее: «въ фигурѣ женщины можно принять за достовѣрно античныя части только четыреугольный кусокъ съ шеей, плечами и грудью, тогда какъ у животнаго античны только голова и шея, а также часть груди и часть правой ноги». — Многократное разсмотрѣніе рисунка этихъ фигуръ на самомъ оригиналѣ убѣдило насъ, что въ дѣйствительности и голова животнаго почти вся, особенно въ передней ея части, также дополнена реставраторомъ и что только часть шеи его, покрытая пятнами, и линія груди до ногъ могутъ быть признаны несомнѣнно античными. Такимъ образомъ, если сохранить на рисункѣ только перечисленныя несомнѣнно античныя части, то сходство ихъ съ соотвѣтствующими частями фигуръ Гекаты съ факеломъ (на вазахъ München 849, Karlsruhe 388 и др.) и пантеры (какъ на в. Santa-

---

зея, показало намъ, что данныя эти (за самыми рѣдкими исключеніями, см. ниже) соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

gelo 709) окажется очевиднымъ. Недостающія античныя части этихъ двухъ фигуръ, будучи дополнены въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, измѣняютъ эту, неимѣющую нынѣ смысла, группу, измышленную самимъ реставраторомъ, въ иныя, характерныя для данной сцены фигуры, которыхъ значеніе въ этомъ мѣстѣ оказывается уже совершенно понятнымъ [1].

Наконецъ, верхній рядъ композиціи состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ группъ, размѣщенныхъ по обѣ стороны отъ дворца Плутона. Слѣва отъ дворца находится группа изъ трехъ фигуръ: женщины и двухъ юношей. Сидящая женщина, въ длинномъ хитонѣ, въ мантіи, покрывающей голову, и башмакахъ, протягиваетъ съ жестомъ обращенія правую руку къ стоящимъ передъ нею двумъ юношамъ, изъ которыхъ одинъ, съ короткой хламидой на спинѣ и перевязью на груди, положилъ ей на колѣна свою лѣвую руку, тогда какъ другой, съ такой же хламидой на спинѣ и повязкой на головѣ, опирается лѣвой рукою на стоящее подлѣ него дерево.

Надписи надъ всѣми тремя фигурами (ΜΕΓΑΡΑ и ΗΡΑΚΛΕ·ΔΑΙ) показываютъ, что здѣсь представлена супруга Геракла, Мегара, съ двумя своими сыновьями, юными Гераклидами; рисунокъ, равно какъ и надписи сохранились тутъ превосходно, почти вовсе не подвергнувшись реставраціи, и благодаря этому обстоятельству, какъ увидимъ далѣе, такая же группа на вазахъ München 849 и Karlsruhe 388, которую толковали, до времени отысканія вазы изъ Altamura, самыми разнообразными способами, получаетъ для себя вполнѣ опредѣленное и достовѣрное истолкованіе.

Что касается, наконецъ, послѣдней группы, находящейся справа отъ дворца Плутона, то рѣшеніе вопроса объ истинномъ ея значеніи оказывается весьма затруднительнымъ, несмотря на то, что двѣ фигуры изъ трехъ, находящихся въ группѣ, обозначены надписями. Ближайшая къ дворцу фигура изображаетъ юношу, одѣтаго въ ко-

---

[1] Геката, какъ одна изъ служительницъ подземныхъ боговъ, вмѣстѣ съ посвященнымъ ей животнымъ, присутствуетъ при похищеніи Геракломъ Кербера.—По мнѣнію *Kuhnert*: unteritalische Nekyien, въ Jahrb. d. A. Inst. 1893 ,S. 108, по винѣ реставратора Геката получила въ руки вмѣсто факела—хвостъ гиппокамна, шкура пантеры превратилась въ пятнистое тѣло гиппокамна, а лошадиная голова взята изъ верхняго ряда композиціи, помѣщенной на горлышкѣ вазы, гдѣ изображена битва грековъ съ амазонками.

роткую хламиду, съ крепидами на ногахъ и фригійской шапкой на головѣ; обратившись всею фигурой къ центру группы и поставивъ лѣвую ногу на возвышеніе, онъ протягиваетъ правую руку, въ положеніи разговаривающаго, къ сидящему передъ нимъ другому юношѣ, въ то время какъ лѣвой рукой удерживаетъ на плечѣ свое копье. Сидящій въ центрѣ группы юноша одѣтъ до пояса въ длинную мантію; лѣвая рука его положена на стоящее подлѣ него колесо, тогда какъ правую онъ протягиваетъ къ своему собесѣднику; другое колесо виситъ надъ его головою. Третья фигура, направо отъ средней, представляетъ собою женщину въ длинномъ безрукавномъ хитонѣ и мантіи; склонившись къ сидящему передъ нею юношѣ, она положила ему на плечо свою правую руку. Сзади всей группы на высокомъ базисѣ стоитъ треножникъ [1]. Надъ первымъ изъ юношей надпись ΠΕΣ, надъ вторымъ ΜΙΡΤ.

Если основывать истолкованіе этой группы на надписяхъ и рисункѣ въ настоящемъ его видѣ, то единственно возможнымъ является объясненіе ея, какъ группы Пелопса, Миртила и Гипподаміи. Тѣмъ не менѣе, въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ объясненіе это не можетъ быть признано несомнѣннымъ и окончательнымъ. Уже Heydemann: d. Vasensammlung etc., S. 515, Anm. 4, замѣчаетъ, что надписи эти имѣютъ видъ не античныхъ, а новыхъ, несмотря на то, что то же самое значеніе этихъ фигуръ, какъ Пелопса и Миртила, указываютъ будто бы античныя части колесъ подлѣ средней фигуры [2]. Изслѣдованіе того же Studniczka, съ которымъ въ данномъ случаѣ сходятся и наши собственныя наблюденія, еще болѣе усиливаетъ подозрѣніе относительно сохранности въ этой группѣ первоначальнаго, античнаго рисунка и надписей. «Группа эта,—говоритъ Studniczka, ibid. S. 23,—весьма сильно реставрирована, да и вообще вся правая сторона картины чрезвычайно пострадала. За достовѣрно античныя могутъ быть признаны лишь немногія части, а

[1] Рисунокъ треножника отличается многими неправильностями; такъ, напр., невѣрно изображены перекладины, соединяющія ножки треножника; форма базиса, на которомъ онъ помѣщается и т. д.; самыя линіи рисунка, повидимому, новы.

[2] Minervini въ Bull. d. Inst. 1851, p. 40, и Gerhard въ Arch. Anz. 1851, S. 89 указываютъ также на подозрительность рисунка и надписей, причемъ оба они считаютъ возможнымъ назвать женскую фигуру въ этой группѣ скорѣе Медеей, ради стоящаго подлѣ нея треножника, чѣмъ Гипподаміей.

именно: нижняя часть правой ноги стоящаго юноши, часть живота и верхній кусокъ ноги сидящей фигуры, верхняя половина ея головы съ присоединенными сюда буквами MIPT и небольшой кусокъ съ ногою и нижнею частью одежды женщины. Но можно предположить, что реставраторъ воспользовался для возстановленія этой группы также и другими небольшими частицами античнаго рисунка. Въ надписи ΠΕΣ буква Σ уступаетъ ногтю и, слѣдовательно, нова. Треножникъ весь окрашенъ въ бѣлую краску и, такъ какъ показываетъ различныя грубыя ошибки, есть, конечно, добавленіе реставратора».—Можемъ прибавить къ этому, что и обѣ надписи ΠΕΣ и MIPT не точно соотвѣтствуютъ именамъ Пелопса (ΠΕΛΟΨ) и Миртила (ΜΥΡΤΙΛΟΣ), и что такимъ образомъ ни самый рисунокъ всѣхъ трехъ фигуръ, ни надписи надъ ними не могутъ служить неоспоримыми доказательствами въ пользу объясненія этой группы въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Далѣе, если аналогіи на другихъ вазахъ съ тѣмъ же сюжетомъ принимать за доказательства въ пользу такого или иного истолкованія этой группы, то должно будетъ и здѣсь отмѣтить, что аналогіи эти всѣ говорятъ противъ допущенія вышеуказаннаго объясненія, такъ какъ на вазахъ München 849, Karlsruhe 388, Santangelo 709 и на фрагментѣ вазы Karlsruhe 258, на этомъ самомъ мѣстѣ представлено наказаніе въ преисподней Пейриѳоя въ присутствіи или Тезея, или Дике, или обоихъ ихъ вмѣстѣ, и притомъ въ положеніяхъ, обнаруживающихъ ясное и, конечно, не случайное сходство другъ съ другомъ и съ разсматриваемой группой. Въ виду всего этого мы считаемъ возможнымъ и здѣсь, какъ въ группѣ Гекаты, допустить существованіе ошибочной реставраціи, благодаря которой *эти три фигуры замѣнили собою прежнюю группу оригинала, состоявшую изъ Тезея, Пейриѳоя*, (сидящаго въ центрѣ) *и Дике*, стерегущей обоихъ героевъ [1].

---

[1] Весьма вѣроятно, что самое видоизмѣненіе это реставраторъ совершилъ подъ вліяніемъ извѣстной ему картины того же Неаполит. музея на вазѣ № 3227, гдѣ изображена группа Пелопса, Миртила и Гипподаміи, въ которой Миртилъ удерживаетъ лѣв. рукою на плечѣ одно колесо, положивъ правую на другое, а подлѣ него находятся Пелопсъ, въ лѣвой рукѣ держащій мечъ, а правую протягивающій къ Миртилу, и Гипподамія съ вѣнкомъ и блюдомъ плодовъ въ рукахъ. См. Heydemann, ibid. S. 524, и Winkler, S. 42, Anm. 1.

Что касается предположенія, что уже античный рисунокъ оригинала представлялъ въ данномъ мѣстѣ группу Пелопса, Миртила и Гипподаміи, то въ пользу таковаго можно было бы привести лишь немногія и притомъ недостаточно убѣдительныя основанія. Уже Valentin, ibid. S. 40—41, по поводу стоящаго подлѣ группы треножника замѣчаетъ, что указаніемъ на этотъ треножникъ, возлѣ котораго совершилась предательская измѣна всѣхъ троихъ по отношенію къ Эномаю,—измѣна, причинившая погибель этому послѣднему,— этимъ указаніемъ художникъ желалъ напомнить каждому изъ грековъ и о всѣхъ тѣхъ послѣдующихъ преступленіяхъ, которыя возникли изъ этого перваго нарушенія святости клятвы и которыя сообщили всему роду Тантала столь своеобразный характеръ въ греческой сагѣ во все послѣдующее время.—Но если и не принимать во вниманіе этого весьма сомнительнаго треножника, присутствіе группы Пелопса, Миртила и Гипподаміи на мѣстѣ обычной на другихъ 4 вазахъ группы, изображающей наказаніе Пейриѳоя, могло бы быть объяснено на данной вазѣ въ томъ смыслѣ, что художникъ. писавшій эту картину, будучи свободнымъ въ дѣлѣ выбора тѣхъ или иныхъ извѣстныхъ миѳологическихъ персонажей для соотвѣтствующихъ частей композиціи, легко могъ замѣнить одни изъ нихъ другими, при томъ однако условіи, чтобы на мѣстѣ, отведенномъ на другихъ картинахъ съ тѣмъ же сюжетомъ для лицъ, представленныхъ терпящими здѣсь наказаніе, была изображена группа иныхъ, но также претерпѣвающихъ наказаніе. Предположеніе это имѣло бы тѣмъ большую вѣроятность, что на вазѣ München 849, обнаруживающей наибольшее сходство съ вазой Altamura, на мѣстѣ Данаидъ, которыхъ мы видимъ на этой послѣдней, представлено наказаніе Тантала; поэтому для художника, желавшаго отмѣтить на в. Altamura печальную участь того же Танталова рода, весьма подходящею должна была бы казаться мысль о замѣнѣ группы Тезея, и Пейриѳоя, наказуемыхъ въ преисподней (на в. München 849 и др.), группою, изображающей сына Танталова, Пелопса, и двухъ его сообщниковъ по преступленію, получающими за это свое преступленіе возмездіе въ томъ же самомъ мѣстѣ загробнаго наказанія.

Если сопоставить теперь всѣ части этой картины преисподней, въ указанномъ сейчасъ истолкованіи ихъ, въ одно цѣлое, то характеристика, данная этому цѣлому Baumeister'омъ, (въ Denkmäler,

S. 1928), окажется явно несоотвѣтствующею тому внутреннему духу, которымъ проникнута въ дѣйствительности вся эта композиція.— «Мы видимъ здѣсь, —говоритъ онъ,—рѣзкую противоположность сравнительно съ воззрѣніями болѣе древняго времени, какъ они изложены у Гомера и отражаются еще въ картинѣ Полигнота, у котораго мягкія, дружественныя черты почти совершенно отсутствуютъ. Эта картина на вазѣ учитъ насъ, что только тяжкіе грѣшники терпятъ тутъ наказаніе (Сизифъ); другіе получили уже прощеніе и обрѣли здѣсь покой (Данаиды); герой (Гераклъ) побѣждаетъ здѣсь ужасы смерти, и прекрасная женщина подлѣ него переносится поэтому на острова блаженныхъ. Справедливые судьи рѣшаютъ здѣсь участь умершихъ. Передъ благочестивымъ пѣніемъ Орфея смягчаются мученія совѣсти. Невинно пострадавшіе (Мегара съ сыновьями) дѣлаются блаженными, а жизненный трудъ увѣнчивается спокойствіемъ (Пелопсъ). Но въ особенности самъ повелитель преисподней и его супруга являются уже отнюдь не мрачными существами: онъ услаждаетъ себя вакхическими забавами: она свѣтитъ своимъ факеломъ и во мракѣ смерти..»—Изъ всей этой характеристики справедливой оказывается лишь весьма незначительная ея часть. Мы показали раньше, каковъ былъ истинный характеръ представленій о преисподней въ эпоху Гомера и какими могли быть картины ея, писанныя согласно этимъ представленіямъ: сравненіе тѣхъ и другихъ съ позднѣйшими представленіями о преисподней и ея изображеніями въ искусствѣ, и въ частности на разсматриваемой вазѣ, можетъ привести только къ выводу, противоположному тому, какой даетъ намъ приведенная характеристика Baumeister'a Столь же ошибочно, какъ характеристика цѣлаго, и толкованіе частностей. Въ дѣйствительности, Данаиды не получаютъ прощенія (ибо согласно миѳу онѣ наказуются вѣчно) и не обрѣтаютъ здѣсь вѣчнаго спокойствія: ихъ остановка—мгновенна подъ вліяніемъ невольнаго вниманія къ происходящему передъ ними смѣлому похищенію Кербера, или (что еще вѣроятнѣе) къ тому чарующему пѣнію Орфея, которое, по словамъ поэтовъ [1], обладало достаточнымъ могуществомъ, чтобы остановить на время даже ихъ никогда не прерывающуюся работу. Гераклъ не

[1] Horat. carm. III, 11, 21.—Ovid. Metamorph. X, 43.—Cp. Welcker: Arch. Zeit. 1843, S. 181.

символически побѣждаетъ здѣсь ужасы смерти, но совершаетъ одинъ изъ 12 своихъ подвиговъ, значеніе которыхъ чуждо символики, и впослѣдствіи самъ подвергается смерти, общей всему человѣчеству; а самый подвигъ его ни для кого изъ умершихъ, сколько извѣстно, не измѣняетъ пребыванія въ преисподней на счастливую жизнь на островахъ блаженныхъ. Равнымъ образомъ, не спокойствіемъ въ награду за земные труды,—какъ думаетъ Baumeister,—увѣнчивается здѣсь дѣятельность Пелопса и его сообщниковъ по предательству, а напротивъ преступныя дѣянія (будетъ-ли это относиться къ Пелопсу, Миртилу и Гипподаміи, или Тезею и Пейриѳою) находятъ себѣ въ этомъ мѣстѣ достойное возмездіе... Только относительно другихъ частей этой картины характеристика Baumeister'а остается справедливою, и въ сравненіи съ ужасами преисподней, описываемыми въ сказаніяхъ позднѣйшаго времени, (а не въ Гомеровскомъ подлинномъ эпосѣ), характеръ этой, какъ и другихъ большихъ картинъ преисподней на вазахъ, можетъ быть названъ, дѣйствительно, свѣтлымъ и радостнымъ.

№ *IV*. *Ваза Мюнхенскаго музея* № *849*. Большая нижнеиталійская амфора съ волютообразными ручками; красныя фигуры съ бѣлыми и желтыми частями; выс.=42,2 д.; діам.=22,4; найдена въ Canosa; изъ собр. Lipona [1].

Съ того самаго времени, какъ ваза эта сдѣлалась впервые извѣстною, (ваза найдена была въ 1813 г.), разсматриваемой нами картинѣ преисподней, расположенной на лицевой ея сторонѣ, данъ былъ длинный рядъ истолкованій, которыя отличались одни отъ другихъ

---

[1] *Millin*: Description des tombeaux de Canosa, Paris, 1816, pag. 5, pl. 3 (картина преисподней воспроизведена дважды въ краскахъ и въ контурахъ).—*Welcker*: Göttingische gelehrte Anzeigen 1817, S. 17.—*Braun* въ Annali dell'Instit. 1837, p. 280 и сл., tav. J.—Arch. Zeit. 1843, S. 177 и сл. (*Welcker*) и 193 и сл. (*Gerhard*) Taf. XII I.-*Creuzer*: Abbildungen zur Symbolik und Mythologie, Leipzig 1819, S. 34—42, Taf. 42 и сл.—*Müller-Wieseler*: Denkm. d. alt. Kunst, I. Taf. 56 и S. 51 и сл.—*Iahn*: Beschrebiung d. Vasensammlung König Ludwigs in d. Pinacotek zu München: Münch. 1854, S. 273—276.—*Furtwängler*: die Idee des Todes in den Mythen und Kunstdenkmälern der Griechen, Freiburg 1860, S. 403 и сл.; Taf. V.—*Valentin*-Orpheus und Heracles in d. Unterwelt, Berlin 1865, S. 5 и сл., табл. рис. № 1.—*Baumeister*: Denkmäler d. klass. Alterth., S. 1928, Abb. 2042 B. C.—Wiener Vorlegeblätter, серія E. табл. I.—*Winkler*: die Darstellungen der Unterwelt auf unteritalischen Vasen, Breslau 1888, S. 4—13. *Kuhnert*: unteritalische Nekyien ibid.—Рисунокъ весьма тщателенъ и сохранился превосходно.

не только въ отдѣльныхъ частяхъ, но и во всемъ своемъ цѣломъ, причемъ картина эта получала у однихъ изслѣдователей совершенно иной смыслъ и значенiе, чѣмъ у другихъ. Демонстрируемъ здѣсь сказанное однимъ примѣромъ, показывающимъ наиболѣе ясно, на сколько мало общаго съ нынѣ принятыми и, въ виду вновь открытыхъ матерьяловъ, единственно возможными истолкованiями имѣли нѣкоторыя изъ этихъ первыхъ объясненiй ея, которыя въ свое время пользовались весьма большимъ распространенiемъ. Мы говоримъ о томъ, всецѣло построенномъ на самыхъ произвольныхъ домыслахъ автора, *символическомъ* толкованiи этой картины, какое представилъ въ свое время извѣстный Fr. Creuzer въ своемъ соч.: «Abbildungen zur Symbolik und Mythologie der alten Völker», S. 34—42.—Своеобразный методъ объясненiя произведенiй вазовой живописи вообще, въ силу котораго изслѣдователь этотъ въ каждой картинѣ на вазѣ усматривалъ выраженiе чрезвычайно сложной символики, дополняя всякiй разъ дѣйствительно существующее въ картинѣ своими собственными, искусственно комбинируемыми и полными произвола догадками,—этотъ методъ приводитъ его по отношенiю въ частности къ картинѣ на Мюнхенской вазѣ къ слѣдующимъ выводамъ.

Принимая во вниманiе прежде всего какъ разъ самую маловажную частицу всей композицiи, а именно—часть небольшаго зданiя вмѣстѣ съ находящейся въ немъ львиною головою, изъ которой льется вода (въ верхнемъ ряду налѣво отъ дворца Плутона), онъ беретъ ее за исходный пунктъ для истолкованiя всего содержанiя этой картины. Въ ряду всевозможныхъ существующихъ символовъ левъ, или львиная голова,—разсуждаетъ названный авторъ,—знаменуетъ собою омывающiй Нилъ и свѣжую, очищающую воду; [1] а потому въ картинѣ этой должно видѣть солнечнаго льва (Sonnenlöwen), который вмѣстѣ съ Ниломъ приноситъ чистую воду, здоровье и очищенiе, тѣлесное и духовное. У вышедшихъ изъ храма вновь посвященныхъ юношей въ рукахъ находятся символы очищенiя и видны на тѣлѣ капли, какъ символъ посвященiя водою. Одинъ изъ этихъ юношей есть camillus, прислуживающiй въ храмѣ; другой юноша есть сынъ Египта, Линкей. Сидящая подлѣ нихъ Libera—Proserpina принимаетъ ихъ обоихъ подъ свою защиту и беретъ ихъ

[1] Въ доказательство онъ ссылается на свою же „Symbolik" I, S. 502—508, Anm. 1.

на воспитаніе въ духѣ мистики. Остальныя сцены являются продолженіемъ той же Аргосской саги о Данаидахъ. Линкей пощадилъ невинность Гипермнестры, одной изъ Данаидъ, доставшейся ему въ жены; за это и она пощадила ему жизнь, въ то время какъ остальныя ея сестры умертвили своихъ мужей. Отсюда вторая сцена, справа отъ дворца, объясняется, какъ сцена совѣщанія Гипермнестры, Линкея и его слуги передъ бѣгствомъ, причемъ Гипермнестра держитъ въ рукѣ мечъ, которымъ она должна была убить своего супруга, но которымъ она не воспользовалась. Третья сцена, въ среднемъ уже ряду композиціи, изображаетъ событіе, имѣющее мѣсто нѣсколькими годами позже предшествующаго: Линкей и его супруга вмѣстѣ съ ихъ сыномъ (Abas), родившимся впослѣдствіи, направляются въ находящійся передъ ними храмъ спасающаго Вакха, передъ ними шествуетъ пѣвецъ Филаммонъ, сынъ Аполлона, который своимъ пѣніемъ увеличиваетъ торжество этого праздника любви Линкея и Гипермнестры, ведущихъ своего сына въ храмъ, чтобы представить его божествамъ. Изъ этихъ послѣднихъ впереди съ факеломъ въ рукахъ стоитъ побѣдоносная Афродита, а на богатомъ тронѣ сидитъ самъ спасающій Вакхъ, поднимающій правую руку въ знакъ посвященія приближающейся къ нему группы.—Наконецъ, группа направо отъ дворца въ среднемъ ряду воспроизводитъ событіе, которое отдѣляется отъ предыдущаго опять нѣсколькими годами. Здѣсь тотъ же Линкей, оставившій свое царство сыну и окончившій земное свое существованіе, стоитъ уже передъ Кроносомъ и Радамантомъ, чтобы получить отъ нихъ рѣшеніе, опредѣляющее его загробную участь. Относительно нижняго ряда композиціи Creuzer кратко замѣчаетъ, что здѣсь представлены, (какъ это уже ранѣе объяснилъ Millin: Descr. des tombeaux de Canosa, p. 5 и сл.), сцены имѣющія мѣсто въ преисподней.—

Таково это фантастически-символическое истолкованіе въ духѣ мистики, которое не нуждается нынѣ ни въ какихъ комментаріяхъ, будучи давно уже всецѣло отвергнуто позднѣйшими изслѣдователями, (см. Gerhard и Welcker ук. м.), какъ сплошной рядъ произвольныхъ домысловъ толкователя, и содержаніе котораго интересно для насъ лишь въ вышеуказанномъ смыслѣ,—лишь постольку, поскольку оно является однимъ изъ первыхъ моментовъ въ исторіи истолкованія разсматриваемой картины.

Эбращаемся теперь къ интерпретацiи этой картины, какою она жетъ быть въ настоящее время на основанiи какъ имѣющихся нѣ матерьяловъ, такъ и результатовъ предшествующихъ изслѣдоній. Центръ всей композицiи и здѣсь, какъ на предыдущей картѣ, занимаетъ дворецъ Плутона съ находящимися въ немъ влателями преисподней; архитектура дворца представляетъ нѣкоторыя

Рис. № 4.

ичія отъ таковой же на вазѣ Altamura: крыша его поддерживается стью іоническими колоннами; фронтонъ украшенъ только кругмъ щитомъ въ центрѣ и акротеріями въ видѣ растительныхъ аментовъ; подъ крышей привѣшены два колеса. Внутри дворца утонъ въ видѣ бородатаго мужа въ богато украшенномъ хитонѣ гантiи, съ башмаками на ногахъ и съ жезломъ, увѣнчаннымъ щею, въ лѣвой рукѣ, сидитъ на высокомъ тронѣ, котораго спинка ашена фигурами Викторій, ручки—фигурами сфинксовъ, осталья части—разнообразными растительными орнаментами; скрещен-

ныя ноги Плутонъ поставилъ на находящуюся передъ трономъ скамью; правую руку онъ протягиваетъ съ жестомъ разговаривающаго къ стоящей передъ нимъ Персефонѣ. Послѣдняя, одѣтая въ хитонъ, мантію и башмаки, и украшенная ожерельемъ, браслетами и короной съ покрываломъ, спускающимся на спину, держитъ обѣими руками свой оригинальный четырехконечный факелъ; лицо ея обращено въ сторону Плутона, говорящаго къ ней, тогда какъ корпусъ повернутъ въ видимомъ движеніи ко входу. Мотивомъ такой постановки обѣихъ фигуръ служитъ появленіе передъ входомъ во дворецъ пѣвца въ длинной роскошной одеждѣ киѳареда, опоясанной широкимъ поясомъ, въ фригійской шапкѣ и съ лирой въ рукахъ, съ которой падаютъ внизъ двѣ широкія ленты и на которой пѣвецъ беретъ аккорды съ помощью плектрона, находящагося у него въ правой рукѣ, и пальцевъ лѣвой руки. Мѣсто, постановка, рисунокъ и отношеніе этой фигуры, сходныя до очевидности съ соотвѣтствующей фигурой на вазѣ Altamura, обозначенной именемъ ΟΡΦΕΥΣ, дѣлаютъ несомнѣннымъ, что и здѣсь представленъ тотъ же пѣвецъ, который явился въ преисподнюю, чтобы просить обоихъ ея властителей о возвращеніи ему супруги.

Справа отъ дворца въ томъ же среднемъ ряду находится группа, состоящая изъ трехъ фигуръ, которыхъ типы до очевидности сходны съ таковыми же на соотвѣтствующемъ мѣстѣ вазы Altamura и которыя, несмотря на нѣкоторую модификацію въ ихъ группировкѣ сравнительно съ этими послѣдними, тѣмъ не менѣе не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и здѣсь представлены тѣ же трое судей загробнаго царства, какъ и въ предшествующей картинѣ. Одинъ изъ нихъ, находящійся ближе другихъ къ дворцу Плутона, одѣтый въ длинный хитонъ съ рукавами и мантію, перепоясанную на—крестъ двумя перевязами на груди, съ фригійской шапкой на головѣ и скиптромъ въ правой рукѣ, стоитъ, обернувшись въ профиль къ сидящимъ передъ нимъ двумъ другимъ судьямъ и положивши лѣвую руку на спинку кресла ближайшаго изъ нихъ. Этотъ второй судья сидитъ, со скрещенными и поставленными на скамью ногами, на креслѣ, покрытомъ звѣриною шкурою; одѣтъ въ мантію спускающуюся съ головы на спину и окутывающую его ниже пояса; въ лѣвой рукѣ держитъ жезлъ; лицо обращено къ стоящему позади него первому судьѣ. Наконецъ, третій въ видѣ старца, (въ отличіе

отъ первыхъ двухъ), одѣтаго въ мантію и сидящаго на низкомъ креслѣ, въ правой рукѣ держитъ жезлъ, тогда какъ лѣвую приподнялъ вверхъ, какъ бы убѣждая въ чемъ-либо обоихъ своихъ слушателей. Что касается именъ этихъ трехъ судей, то принимая во вниманіе, съ одной стороны, азіатскій костюмъ перваго изъ нихъ, а съ другой, сохранившіяся надписи на вазѣ Altamura и фрагментѣ вазы въ Karlsruhe № 258, можно назвать стоящаго судью Радамантомъ, которому, согласно Платоновскому миѳу, поручено было судить умершихъ азійцевъ; а двухъ другихъ—Триптолемомъ и Эакомъ, по причинамъ, указаннымъ уже выше [1].

Соотвѣтствующая группа на противоположной сторонѣ отъ дворца является единственною во всей картинѣ, для которой до послѣдняго времени не было найдено вполнѣ достовѣрнаго объясненія, и хотя фигурамъ, ее составляющимъ, давались самыя разнообразныя наименованія, однако ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано несомнѣнно правильнымъ и безспорнымъ, благодаря, главнымъ образомъ отсутствію поясняющихъ ихъ значеніе надписей и какихъ либо характерныхъ, миѳически опредѣленныхъ для нихъ чертъ. Отмѣтимъ тутъ нѣсколько важнѣйшихъ изъ всѣхъ предложенныхъ ранѣе истолкованій этой группы.—Millin, объяснявшій эту картину однимъ изъ первыхъ, усматривалъ въ этихъ трехъ фигурахъ группу посвященныхъ подъ видомъ Адониса, Афродиты и Эрота [2].—Creuzer, какъ мы видѣли выше, признавалъ ее за группу Линкея, Гипермнестры и Абаса, шествующихъ въ храмъ спасающаго Вакха.—Valentin называетъ эту группу дружественнымъ собраніемъ представителей различныхъ человѣческихъ возрастовъ и родовъ на поляхъ блаженныхъ [3]. «Мужъ и жена,—говоритъ онъ,—во цвѣтѣ юности и красоты,—онъ, увѣнчивая свою голову,—пользуются здѣсь блаженнымъ общеніемъ въ то время, какъ мальчикъ, въ живой игрѣ слѣдующій за своею матерью, поспѣшаетъ за ними и подобающее ему блаженство находитъ себѣ мѣсто въ наивной игрѣ его въ мячъ».—Furtwängler называетъ эти фигуры именами Мусея, жены его Антіопы

[1] Gerhard въ Arch. Zeit. 1843, S. 202, ошибочно называетъ ихъ Миносомъ и Радамантомъ, окружающимъ Кроноса; а Winkler, указ. соч., S. 10,—Миносомъ, Эакомъ и Радамантомъ.—

[2] Millin: description des tombeaux de Canosa, p. 19 и сл.

[3] Valentin: Orpheus und Heracles in d. Unterwelt, S. 81.

(или Діопы) и сына ихъ Эвмолпа, какъ представителей служенія и участія въ мистеріяхъ [1].—Gerhard въ Arch. Zeit. 1843, S. 202, видитъ тутъ группу посвященныхъ, соотвѣтствующихъ, по его мнѣнію, группѣ непосвященныхъ, носящихъ воду, въ картинѣ Полигнота, но не даетъ отдѣльнымъ фигурамъ никакихъ опредѣленныхъ именъ, равно какъ и O. Jahn [2], который ограничивается лишь внѣшнимъ описаніемъ всѣхъ трехъ фигуръ, добавляя при этомъ, что опредѣленныя имена для нихъ до сихъ поръ еще не найдены. Наконецъ, Winkler, ук. соч., S. 11 и сл., объясняетъ мужскую фигуру, какъ Діониса, женскую—какъ Аріадну, для мальчика не находитъ никакого имени.—

Внѣшняя композиція этой группы представляетъ всѣ три фигуры въ тѣсномъ соотношеніи другъ къ другу и въ несомнѣнномъ движеніи впередъ. Изъ нихъ первая представляетъ юношу съ длинными разсыпающимися по плечамъ волосами, одѣтаго только въ мантію, закрывающую спину и плечи, и держащаго надъ головою миртовый вѣнокъ. За нимъ слѣдуетъ женщина, въ длинномъ хитонѣ и мантіи, украшенная ожерельемъ и браслетами; лѣвой рукой она приподнимаетъ край мантіи надъ плечомъ, а правой ведетъ за собою мальчика, въ короткой хламидѣ, переброшенной черезъ плечо на спину и удерживаемой перевязью; правой рукой мальчикъ катитъ за собою небольшую дѣтскую повозочку своеобразнаго устройства (или, быть можетъ, мячъ), оглядываясь при движеніи назадъ на эту, привлекающую его вниманіе, игрушку...—Чтобы рѣшить вопросъ о значеніи этихъ трехъ фигуръ, должно вспомнить слѣдующее. Въ картинѣ преисподней, писанной Полигнотомъ въ Дельфахъ,—согласно описанію Павзанія (X, 31, 11),—надъ скалою Сизифа изображена была группа непосвященныхъ, различныхъ возрастовъ и половъ, носившихъ воду въ пиѳосъ; группа эта,—по словамъ Павзанія,—обозначала души именно тѣхъ людей, которые при жизни остались чуждыми посвященію въ мистеріи. Если предположить, что художникъ, писавшій картину преисподней на вазѣ Canosa, замѣнилъ эту группу непосвященныхъ, наказуемыхъ за пренебреженіе къ мистеріямъ, группою посвященныхъ, которымъ обѣщано вѣчное блажен-

[1] Furtwängler: die Idee des Todes, S. 409 и сл.
[2] O Jahn: Beschreibung d. Vasensammlung, S. 278 и сл.

ство въ царствѣ Аида, (а такая замѣна вполнѣ естественна въ картинахъ на вазахъ, поставлявшихся съ опредѣленными цѣлями въ гробницы умершихъ; см. заключеніе), тогда положеніе этой группы въ композиціи на вазѣ Canosa окажется вполнѣ соотвѣтствующимъ тому положенію мистовъ обоихъ половъ близъ дворца Плутона, о которомъ разсказываетъ Діонису Гераклъ у Аристофана (Ranae, 154—163). При этомъ, какъ показываетъ аналогія въ картинѣ Полигнота, гдѣ среди всей массы фигуръ съ извѣстными миѳическими именами, группа непосвященныхъ одна только остается безымянною, — нѣтъ нужды пріискивать опредѣленныя миѳическія имена и для фигуръ, составляющихъ разсматриваемую нами группу [1].

Истолкованіе остальныхъ группъ въ этой картинѣ уже не представляетъ большихъ трудностей и каждая изъ нихъ находитъ для себя вполнѣ опредѣленное разъясненіе.

Центръ нижняго ряда и здѣсь, какъ на вазѣ Altamura, занимаетъ сцена похищенія Кербера Геракломъ въ присутствіи Гермеса и Гекаты. Гераклъ въ видѣ безбородаго юноши съ львиною шкурой, перекинутой черезъ плечо на спину, и съ палицею въ правой рукѣ, съ силою увлекаетъ при помощи цѣпи трехголоваго Кербера по направленію къ идущему передъ нимъ Гермесу. Этотъ послѣдній одѣтъ въ обычную короткую хламиду, застегнутую спереди пряжкою и обутъ въ окрыленныя сандаліи; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ kerykeion, тогда какъ правою указываетъ Гераклу путь изъ преисподней. Геката въ короткомъ хитонѣ, опоясанномъ поясомъ и двумя пересѣкающимися на груди перевязями, въ высокихъ башмакахъ и украшенная ожерельемъ, серьгами, браслетами и головнымъ уборомъ, держитъ въ обѣихъ рукахъ по горящему факелу, протягивая ихъ по направленію къ Гераклу.—

Двѣ боковыя части композиціи нижняго ряда расположены симметрично относительно другъ друга. Слѣва Сизифъ, — бородатый мужъ въ хламидѣ, переброшенной черезъ правое плечо, поддержи-

[1] Всѣ эти три фигуры, помимо своего общаго значенія, могли имѣть отношеніе и къ семьѣ самого заказчика картины для данной вазы, желавшаго видѣть себя изображеннымъ здѣсь вмѣстѣ съ женою и сыномъ въ положеніи посвященныхъ, подобно тому какъ на христіанскихъ иконахъ нерѣдки изображенія донаторовъ въ положеніи молящихся и получающихъ благословеніе отъ изображаемыхъ на этихъ иконахъ святыхъ.

ваетъ на значительной высотѣ обѣими руками большую скалу; подлѣ него Эриннія съ волосами, перевитыми змѣями, въ короткомъ опоясанномъ хитонѣ, въ высокихъ башмакахъ, съ копьемъ и звѣриной шкурой на лѣвой рукѣ, понуждаетъ Сизифа къ работѣ своимъ змѣинымъ бичемъ, который находится у нея въ правой рукѣ. Справа, въ противоположномъ концѣ этого ряда,—Танталъ въ роскошномъ азіатскомъ костюмѣ, въ фригійской шапкѣ, хитонѣ, мантіи и сандаліяхъ; въ правой рукѣ онъ держитъ большой жезлъ, увѣнчанный птицею, тогда какъ лѣвую протягиваетъ вверхъ, по направленію къ висящей надъ нимъ скалѣ, покрытой, повидимому, растительностью; вся фигура его находится въ сильномъ движеніи. Жестъ, который онъ дѣлаетъ лѣвой рукою, можетъ быть объясняемъ различно: или мучимый вѣчнымъ голодомъ, онъ протягиваетъ свою руку по направленію къ растущимъ надъ его головою плодамъ, которые тотчасъ же удаляются отъ него, какъ повѣствуетъ одна версія саги о наказаніи Тантала; или подъ вліяніемъ страха передъ нависшей надъ нимъ скалою, которая, по другой версіи сказанія, вѣчно грозитъ ему своимъ паденіемъ, онъ поднимаетъ вверхъ руку, какъ бы стараясь защитить себя отъ угрожающей ему опасности, отъ которой онъ въ то же время стремится поспѣшно уйти. Самый рисунокъ дѣлаетъ равно возможными оба объясненія.

Ниже группы Геракла изображены различныя болотныя растенія и плавающіе лебеди, повидимому для обозначенія водъ преисподней, а также необычной формы сосудъ съ отверстіями въ крышкѣ [1]; подлѣ Сизифа видны его мечъ, шляпа и палица. — Въ верхнемъ ряду слѣва отъ дворца находится группа, какъ въ этомъ же мѣстѣ на вазѣ Altamura, состоящая изъ трехъ фигуръ: супруги Геракла, Мегары, и двухъ ея сыновей, юныхъ Гераклидовъ. Мегара, одѣтая въ длинный хитонъ и мантію, покрывающую голову, плечи и спину, сидитъ на возвышеніи, обратившись всею фигурой къ своимъ сыновьямъ и положивши свою правую руку на плечо ближайшаго изъ нихъ. Оба юные сына Геракла имѣютъ короткія хламиды на плечахъ, широкія перевязи на груди и повязки на головахъ. Ближайшій къ матери, стоя съ спокойно скрещенными ногами, держитъ

---

[1] Форма сосуда весьма близка къ той, какую мы видимъ на сосудахъ, изобр. у De-Witte: collection de Durand, pl. I, 13, и Collection de Beugnot, pl. I, 13.

въ правой рукѣ два копья, положивши лѣвую на колѣна матери, къ которой обращено и его лицо; второй сходитъ къ ней со ступеней небольшого храмика, (отъ котораго видны только: колонна, часть крыши и основанія, и львиная голова на стѣнѣ съ текущей изъ нея водою); въ лѣвой рукѣ онъ держитъ фіалъ, а въ правой—висящій на шнурѣ алабастръ и стригиллъ; на лѣвой ногѣ его видна повязка въ видѣ тройной полосы. Надъ группою, какъ и далѣе надъ самымъ дворцомъ Плутона, видны орнаменты въ видѣ розеттокъ и звѣздъ, очевидно не имѣющихъ никакого внутренняго отношенія къ самымъ фигурамъ и заполняющихъ лишь пустое пространство въ манерѣ, обычной на нижнеиталійскихъ вазахъ этого стиля.—

Послѣдняя группа верхняго ряда, справа отъ дворца, состоитъ также изъ трехъ фигуръ и расположена симметрично по отношенію къ предыдущей. Сидящей фигурѣ Мегары здѣсь соотвѣтствуетъ сидящая фигура женщины, одѣтой въ опоясанный хитонъ и мантію, окутывающую ее поверхъ хитона до бедеръ; въ правой рукѣ она держитъ мечъ, въ лѣвой—ножны; вся фигура ея обращена въ сторону двухъ, находящихся передъ нею юношей. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ, съ короткой хламидой на лѣвой рукѣ и петазосомъ на головѣ, сидитъ подлѣ женской фигуры, опираясь обѣими руками на свою палицу и обернувшись къ сидящей подлѣ него женщинѣ. Другой, живописно одѣтый въ хламиду, проходящую черезъ спину, плечи и правую руку и ниспадающую впереди ниже пояса, и съ петазосомъ за плечами, стоитъ передъ двумя первыми фигурами, протягивая къ нимъ лѣвую руку съ жестомъ говорящаго, а правою опираясь на длинный суковатый жезлъ. Въ группѣ этой видѣли прежде одни—Аѳину съ Тезеемъ и Пейриѳоемъ (Millin); другіе—Медею съ тѣми же двумя героями, причемъ Медея, по этому толкованію, держитъ здѣсь свой мечъ, которымъ она совершила убійство своихъ дѣтей, (Braun и Gerhard); третьи—Ореста, Пилада и Электру, изъ которыхъ послѣдняя побуждаетъ первыхъ двухъ къ убійству преступной Клитемнестры, (O. Müller), и т. д. Въ настоящее время, когда мы знаемъ уже аналогичную группу на фрагментѣ вазы Karlsruhe № 258, обозначенную надписями, какъ ΔΙΚΗ и ΠΕΙΡΙΘΟΟΣ, и другую подобную же на вазѣ Santangelo № 709 [1],

[1] Подробное описаніе картинъ на обѣихъ указ. вазахъ см. ниже.

относительно разсматриваемой группы уже не остается сомнѣній, что и здѣсь, какъ тамъ, женская фигура изображаетъ собою ту самую Dike, которая извѣстна уже изъ предыдущаго (главнымъ обр. изъ трагедій), какъ одна изъ служительницъ Персефоны и Аида, являющая между прочимъ и исполнительницей наказанія надъ преступниками въ преисподней; тогда какъ фигуры двухъ юношей представляютъ собою Тезея и Пейриѳоя, подвергшихся наказанію въ преисподней за дерзкую попытку похитить оттуда Персефону [1].

№ V. *Ваза музея въ Карлсруэ* № *388*. Большая нижнеиталійская амфора съ волютообразными ручками; красныя фигуры съ бѣлыми, желт. и черными частями; выс.=1, 155 м.; окружн.=1, 9 м.; найдена въ Ruvo. Ваза составлена изъ нѣсколькихъ большихъ фрагментовъ; реставраціи рисунка—незначительны [2].

Центромъ всей композиціи, расположенной въ три ряда, является и здѣсь, какъ на предыдущихъ вазахъ, дворецъ Плутона своеобразной архитектуры: крыша дворца, открытаго со всѣхъ сторонъ, поддерживается здѣсь сзади двумя іоническими колоннами, тогда какъ впереди на двухъ іоническихъ же колоннахъ меньшей величины помѣщены сверхъ капителей фигуры двухъ сфинксовъ, поддерживающихъ архитравъ; въ центрѣ фронтоннаго треугольника, украшеннаго акротеріями изъ растительныхъ орнаментовъ, помѣщенъ горгонейонъ. Внутри дворца, въ отличіе отъ двухъ предшествующихъ картинъ, мы видимъ находящимися уже не двѣ, а три фигуры: Аида, Персефоны и Эринніи. Отличіе отъ картинъ на вазахъ Altamura и Canosa замѣчается здѣсь и въ постановкѣ самыхъ фигуръ, видоизмѣняющей до нѣкоторой степени отношеніе ихъ другъ къ

---

[1] Подробности см. въ описаніи картины на вазѣ собр. Jatta № 1094.

[2] Annali dell'Instituto, 1837, p. 219 и сл. (*Braun*) и Monumenti dell'Instit., t. II tav. 49. Archäolog. Zeitung 1843, S. 177 и сл. (*Welcker*) и S. 194 и сл. (*Gerhard*), Taf. XI.—Archäolog. Anzeig. 1851, S. 35 (*Gerhard*).— *Welcker*: alte Denkmäler, III, S. 105 и сл.— *Creuzer*: Archäologie III, S. 212 и сл.—*Fröhner*: Vasen und Terracotten d. Grossherz. Kunsthalle zu Karlsruhe, S. 6 и сл.—*Valentin*: Orpheus und Heracles in d. Unterwelt, S. 5 и сл., табл. рис. № 3.—Berichte d. sächs. Gesellschaft d. Wissenschaft 1869, S. 10 (*O. Jahn*).—*Winnefeld:* Grossherzogl. vereinigte Sammlungen zu Karlsruhe. Beschreibuug d. Vasensammlung, Karlsruhe, 1887. № 388, S. 99 и сл.—Wiener Vorlegeblätter, серія E, табл. III, 1.—*Baumeister:* Denkmäler d. Klass. Alterthums, III, S. 1929.—*Winkler*: d. Darstellungen d. Unterwelt, S. 13 и сл.—*Kuhnert*: unteritalische Nekyien, ibid.—

угу: важнѣйшей изъ трехъ является тутъ фигура Персефоны, занимающей центральное положеніе въ группѣ и представленной здѣсь въ видѣ владычицы, царицы преисподней, сидящей на высокомъ тронѣ со сфинксами и разнообразными растительными орнаментами одѣтой въ богатый, расшитый хитонъ, мантію и покрывало, па-

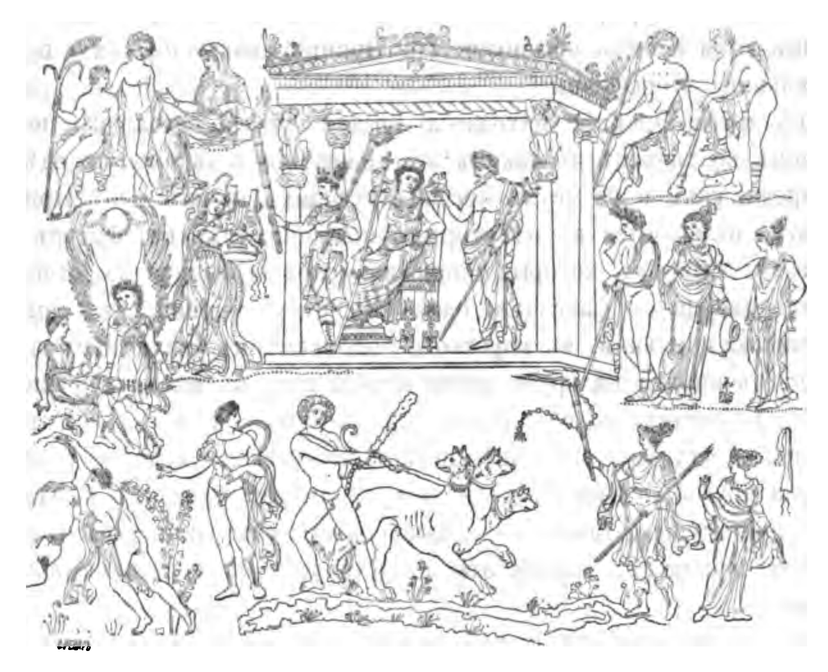

Рис. № 5.

ющее внизъ съ головы, украшенной короною. Поставивши свои ноги на невысокую скамью и держа въ правой рукѣ длинный скипетръ, а лѣвую положивши на ручку трона, она обратила свое лицо къ стоящему справа отъ нея и говорящему къ ней супругу, имѣющему только длинную, окутывающую его до пояса, хламиду, корону на головѣ и скипетръ въ лѣвой рукѣ. Съ другой стороны влѣво отъ Персефоны стоитъ женская фигура въ короткомъ опоясанномъ хитонѣ съ накинутой поверхъ него звѣриною шкурой, въ высокихъ башмакахъ, съ браслетами, ожерельемъ и серьгами;

въ обѣихъ рукахъ держатъ она по горящему факелу, обратившись всею фигурой къ стоящему передъ дворцомъ Орфею. Фигура эта представляетъ собою не Гекату, какъ думаетъ Winkler, S. 14, принимающій ее за таковую потому, что въ рукахъ она держитъ факелы [1], но Эриннію, какъ одну изъ многочисленныхъ прислужницъ Персефоны, исполняющую здѣсь роль факелоносицы, какъ и на вазѣ Santangelo № 709 [2], ибо каждая изъ подробностей въ изображеніи этой фигуры, равно какъ и положеніе ея въ данномъ мѣстѣ оказываются вполнѣ обычными для Эринній, какъ θηρευταί и служительницъ Персефоны [3].

Двѣ другія Эринніи находятся позади Орфея, стоящаго передъ входомъ во дворецъ въ такомъ же положеніи и такомъ же одѣяніи киѳареда, какъ и на двухъ предшествующихъ вазахъ. Обѣ Эринніи замѣтно отличаются въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ фигуръ ихъ на вазѣ Altamura, которыя напротивъ сходны съ первою, стоящею внутри дворца съ факелами: одна изъ этихъ Эринній съ высоко поднятыми крыльями, въ короткомъ опоясанномъ хитонѣ съ перекрещивающимися на груди двумя перевязями, въ высокихъ шнурованныхъ башмакахъ, со змѣями въ волосахъ и на лѣвой рукѣ, стоитъ, скрестивши спокойно ноги и положивши правую руку на колѣна другой, сидящей подлѣ нея на звѣриной шкурѣ и одѣтой, какъ предыдущая, также со змѣями въ волосахъ и на лѣвой рукѣ, но безъ крыльевъ; группа эта представлена въ состояніи полнаго покоя.—

Группа направо отъ дворца, соотвѣтствующая только что разсмотрѣнной, объяснялась до сихъ поръ различными авторами различно, хотя въ извѣстной степени сходно если не по названіямъ, то по внутреннему значенію. Такъ, Braun въ Annali dell'Inst.,

---

[1] Двукратное повтореніе Гекаты въ одной и той же картинѣ,—ибо она представлена тутъ уже на своемъ обычномъ мѣстѣ подлѣ Геракла, уводящаго Кербера, въ нижнемъ ряду композиціи, — допустить невозможно уже по той причинѣ, что вся композиція картины является воспроизведеніемъ единаго цѣлаго, происходящаго въ одно и то же время въ одной и той же преисподней, что дѣлаетъ очевидно немыслимымъ существованіе какой-либо фигуры одновременно въ двухъ различныхъ частяхъ этой композиціи.

[2] Эринніей совершенно правильно называютъ ее Winnefeld, S. 100; Welcker въ Arch. Zeit. 1843, S. 180 и др.

[3] Ср. Hartwig: Arch. Zeit. 1884, S. 256.

p. 225, видѣлъ въ нихъ одного изъ слушателей Орфея, указанныхъ у Павзанія на картинѣ Полигнота (X, 30,8), а именно, Schedios, съ двумя Данаидами; Winnefeld, S. 101, принималъ ихъ за группу Триптолема съ двумя Данаидами; Welcker, въ A. Z. 1843, S. 181, усматривалъ тутъ освобожденную отъ наказанія Данаиду междудвумя, также свободными отъ наказанія, обитателями преисподней; Winkler, S. 16,—Протезилая съ двумя Данаидами и т. д.—Мы думаемъ, что въ дѣйствительности и здѣсь, какъ на вазѣ Мюнхен. муз. № 849, должно видѣть не какія-либо опредѣленныя миѳическія лица, на которыя тутъ не находимъ никакихъ ясныхъ указаній, а группу безымянныхъ посвященныхъ, живущихъ, въ силу дарованной имъ привиллегіи, близъ входа во дворецъ Плутона. Тогда женская фигура, стоящая въ центрѣ группы съ гидріей въ рукѣ, будетъ означать на какую-либо изъ Данаидъ, напр., Гипермнестру, освобожденную отъ наказанія, а вообще каждую изъ посвященныхъ въ мистеріи, которыя именно, благодаря посвященію въ мистеріи, (согласно представленному у насъ выше ученію мистерій), избавляются отъ участи непосвященныхъ, обязанныхъ вѣчно лить воду въ бездонную бочку; такова же и рядомъ стоящая женская фигура; равнымъ образомъ и фигура юноши съ хламидою на плечахъ, увѣнчаннаго миртовымъ вѣнкомъ и стоящаго, опираясь на посохъ, будетъ означать собою ни Протезилая, ни Триптолема, ни кого-либо изъ другихъ миѳическихъ личностей, (всѣ подобныя наименованія совершенно произвольны), но, какъ показываетъ миртовый вѣнокъ на головѣ, вообще одного изъ многочисленныхъ посвященныхъ, обитающихъ въ преисподней у вратъ дворца Плутона [1].—Въ нижнемъ ряду композиціи повторяются тѣ фигуры, которыя всѣ извѣстны уже изъ ранѣе разсмотрѣнныхъ двухъ картинъ преисподней (на в. Altamura и Canosa). Центральную часть ея занимаетъ группа, состоящая изъ Геракла, уводящаго Кербера, Гермеса и Гекаты. Гераклъ, въ видѣ нагого безбородаго юноши съ лукомъ и колчаномъ за плечами и съ палицею въ рукахъ, увлекаетъ съ помощью цѣпи Кербера по направленію, которое указываетъ ему рукою Гермесъ, идущій слѣва отъ него въ своемъ обычномъ костюмѣ и съ керюкейономъ въ рукѣ.

[1] Таково же, какъ и на Мюнхенской вазѣ № 849, можетъ быть здѣсь и отношеніе этой группы посвященныхъ къ заказчикамъ самой картины.

Геката, въ короткомъ опоясанномъ хитонѣ и мантіи и въ высокихъ шнурованныхъ башмакахъ, держитъ въ лѣвой рукѣ два копья, а въ правой—горящій факелъ; вся фигура повернута въ сторону Геракла. Въ лѣвомъ углу этого нижняго ряда помѣщается обычная фигура Сизифа, представленнаго тутъ въ видѣ юноши съ короткой хламидой, перекинутой черезъ лѣвую руку, и съ мечемъ на перевязи; обѣими руками съ большимъ напряженіемъ катитъ онъ въ гору свой камень Въ противоположномъ углу въ соотвѣтствіи съ Сизифомъ изображена женская стоящая фигура въ длинномъ хитонѣ и мантіи, наброшенной сверхъ хитона: обративши свое лицо въ сторону средней группы (Геракла), по направленію къ которой она протягиваетъ приподнятую правую руку, она повернулась въ то же время всею фигурой въ противоположную сторону, какъ бы уходя отъ совершающагося въ центрѣ; въ лѣвой рукѣ она держитъ гидрію, (которую иные изслѣдователи, вслѣдствіе неясности реставрированнаго здѣсь рисунка ошибочно принимали за складки мантіи) указывающую на то, что и здѣсь, какъ на вазѣ Altamura, изображена одна изъ Данаидъ [1].

Что касается верхняго ряда композиціи, то и тутъ мы видимъ двѣ уже ранѣе извѣстныя группы. Группа налѣво отъ дворца представляетъ собою, подобно соотвѣтствующей группѣ на двухъ предшествующихъ вазахъ, Мегару съ двумя Гераклидами, чрезвычайно сходныхъ съ вышеразсмотрѣнными. Мегара, сидящая въ длинномъ хитонѣ и мантіи, покрывающей плечи и голову, протягиваетъ правую руку къ находящимся передъ нею двумъ сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый въ хламиду, стоитъ передъ нею съ спокойно скрещенными ногами, тогда какъ другой, съ растеніемъ въ видѣ тростника въ правой рукѣ, сидитъ подлѣ него на разостланной одеждѣ, повернувши лицо къ своей матери. Наконецъ, группа, находящаяся въ противоположномъ концѣ этого ряда, состоитъ изъ фигуръ двухъ юношей. Изъ нихъ ближайшій къ дворцу Плутона, совершенно нагой, сидитъ на своей одеждѣ, положенной на скалу, лѣвой рукою опираясь на эту послѣднюю, а въ правой держа два копья и обративши лицо къ своему товарищу; этотъ послѣдній стоитъ подлѣ него, (въ хламидѣ, въ высокихъ шнурованныхъ башмакахъ и съ па-

---

[1] См. Winnefeld, S. 103; Jahn въ Berichte d. Sächs. Ges. d. Wiss. 1869, S. 11 и др.

щей въ лѣвой рукѣ), поставивши правую ногу на возвышеніе и протягивая къ первому правую руку съ жестомъ говорящаго. Группа эта, какъ вполнѣ правильно объясняли ее уже первые толкователи (Braun, S. 229 и др.), несомнѣнно представляетъ Тезея и Пейриѳоя въ обычномъ мѣстѣ ихъ наказанія въ преисподней (Пейриѳой изображенъ приросшимъ къ скалѣ, на которую онъ присѣлъ для отдыха) и отличается отъ соотвѣтствующей группы на вазѣ Canosa только тѣмъ, что подлѣ обоихъ героевъ не находится стерегущая ихъ Dike.—

№ VI. *Ваза музея въ Карлсруэ* № *258*. Фрагменты большой нижнеиталійской амфоры; красныя фигуры съ бѣл. частями; 1-й фрагментъ: выс. = 0,26 м.; шир. = 0,2 м.; 2-й фрагм.: выс. = 0,12; шир. = 0,28 м.; изъ собр. Clarke во Фрейбургѣ. Сюда же относится рисунокъ третьяго фрагмента этой вазы, сохранившійся у прежняго владѣльца ея Clarke и воспроизведенный въ Jahrb. d. K. deutsch. Arch. Instituts, 1889, Taf. VII [1].

Центръ всей композиціи, какъ это видно изъ сохранившихся на фрагментахъ частей зданія съ іоническими колоннами [2], занимаетъ обычный въ этомъ мѣстѣ дворецъ Плутона. Слѣва отъ дворца на томъ же мѣстѣ, гдѣ на вазѣ Altamura мы видѣли надпись—ΟΡΦΕΥΣ, сохранился остатокъ такой-же надписи—ΦΕΥΣ; тогда какъ внутри самаго дворца подъ его крышей начало другой надписи—ΦΕΡ, которая должна быть дополнена, какъ—ΦΕΡΣΕΦΟΝΗ [3].—Такимъ образомъ, въ центрѣ всей композиціи мы находимъ и здѣсь такую же сцену, какъ и на предыдущихъ трехъ вазахъ, а именно: Орфея, стоящаго передъ Персефоной (и, конечно, Плутономъ) и просящаго властителей преисподней объ освобожденіи своей супруги.

Двѣ фигурныя группы, сохранившіяся на другомъ фрагментѣ [4], воспроизводятъ сцены, имѣющія мѣсто на вазахъ Canosa и Altamura

---

[1] Опублик. *Winnefeld*: Grossherz. verein. Sammlungen zu Karlsruhe. Beschreibung d. Vasensammlung, Karlsruhe, 1887, № 258 (Inv. № 1549 и 1550), S. 62 и сл.— Archäolog. Zeitung 1884, Taf. 19, S. 262 и сл. (*Hartwig*) и S. 295—296.—Wiener Vorlegeblätter, серія E, табл. VI, 3.—Arch. Zeitung 1885, S. 71—72 (*Fränkel*).—*Winkler*: d. Darstellungen der Unterwelt, S. 35—37.—Jahrbuch d. Kaiserl deutsch. Archäolog. Instituts Bd. IV (1889), Taf. VII, S. 227—228 (*Schumacher*).

[2] См. Arch. Z. 1884, Taf. 19, a, и Jahrbuch d. k. d. Inst., 1889, Taf. VII.

[3] Надписи сохранились на рис. Clarke въ Jarb. d. k. Inst., ibid.

[4] См. Arch. Zeit. 1884, Taf. 19, a.

направо отъ дворца въ верхнемъ и среднемъ рядахъ композиціи; всѣ фигуры обозначены тутъ надписями, являясь такимъ образомъ наилучшимъ подтвержденіемъ вышеприведеннаго истолкованія соотвѣтствующихъ группъ на указанныхъ вазахъ. Въ верхней изъ этихъ

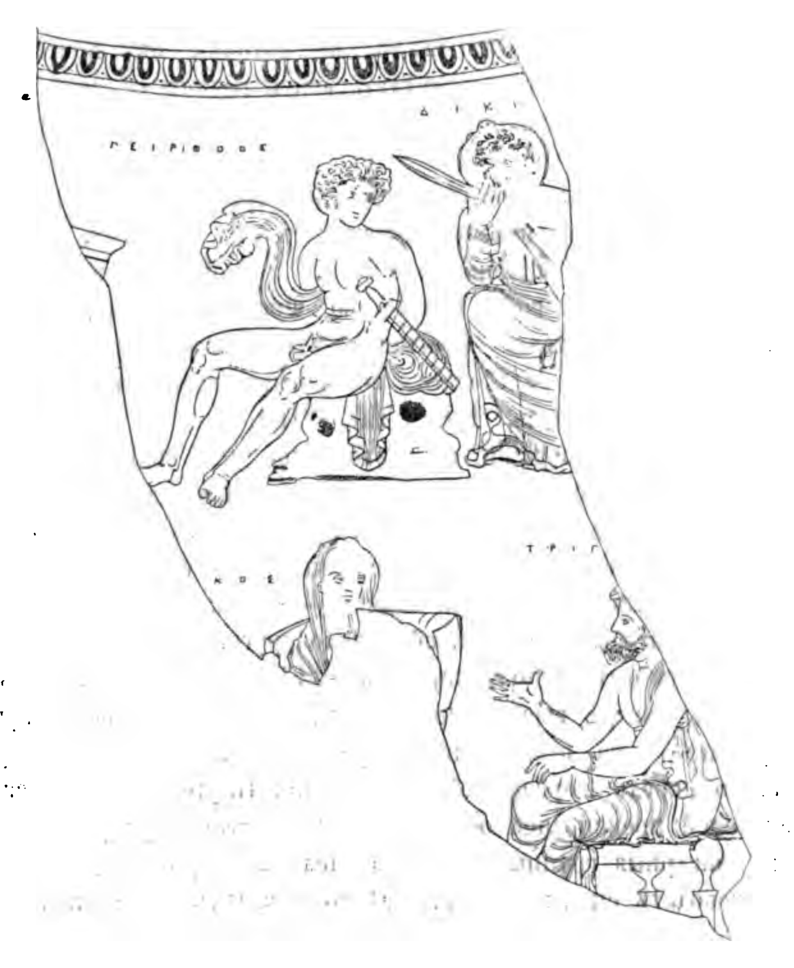

Рис. 6 а.

двухъ группъ представлены Пейриѳой (ΠΕΙΡΙΘΟΟΣ) и Dike (ΔΙΚΗ): первый съ мечемъ, висящимъ на лѣвомъ боку и хламидой, положенной на скалу, сидитъ на этой скалѣ со связанными за спиною руками, обративши лицо свое въ сторону Dike. Эта послѣдняя изображена тутъ въ видѣ женщины, одѣтой въ длинный хитонъ съ рука-

вами и мантію, покрывающую ея голову, спину и плечи; правую ногу она поставила на возвышеніе, опираясь на нее локтемъ правой же руки, въ которой она держитъ мечъ Что касается второй группы, находящейся непосредственно подъ первой, то въ сохранившейся части она состоитъ изъ фигуръ двухъ судей загробнаго царства (фигура третьяго отбита), а именно, Эака и Триптолема, какъ показываютъ остатки надписей надъ ними: ΚΟΣ и ΤΡΙΠ. Отъ фигуры Эака на фрагментѣ сохранилась только голова, покрытая мантіей, правое плечо съ шеей и верхняя часть кресла, на которомъ онъ сидитъ; отъ Триптолема напротивъ существуетъ почти вся фигура, представляющая его въ видѣ бородатаго мужа въ длинной мантіи, закрывающей его до пояса и перекинутой черезъ лѣвое плечо; сидя на низкомъ креслѣ и положивши лѣвую руку на колѣна, онъ дѣлаетъ правой рукою жестъ обращенія къ сидящему передъ нимъ Эаку.

Третій фрагментъ, опубликованный Hartwig'омъ въ Arch. Zeit. 1884, Taf. 19 b, и въ Jahrb. d. k. d. Arch. Inst. 1899, Taf. VII,

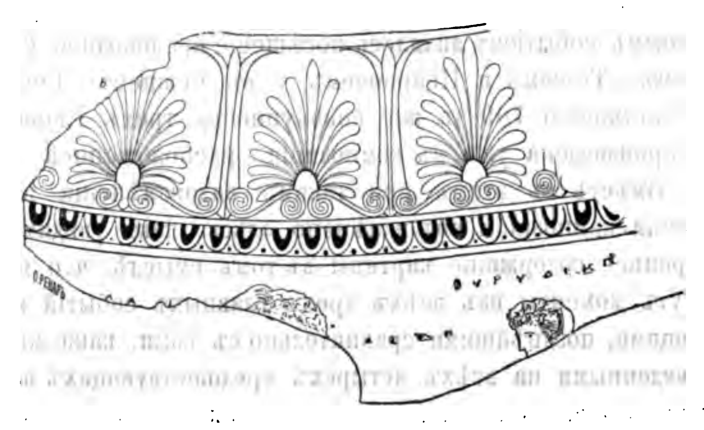

Рис. 6 b.

съ сохранившимися на немъ частями мужской и женской головъ и съ надписями подлѣ первой ΛΑ! и Α'ΩΝ, а подлѣ второй ΕΥΡΥΔΙΚΗ, относится въ дѣйствительности не къ картинѣ преисподней, къ которой принадлежатъ вышеописанныя группы [1], но представляетъ

[1] Какъ это напрасно старался доказать Hartwig въ ст. „Neue Unterwelts darstellungen auf griech. Vasen“ въ Arch. Zeit. 1884, S. 263 и сл., и какъ это принялъ затѣмъ Winnefeld, S. 62—63.

собою фрагментъ хотя и этой же самой вазы, однако изъ картины на другой ея сторонѣ, гдѣ, какъ это можно заключить изъ надписей [1], изображена была сцена изъ сказанія объ Антигонѣ, повидимому, сходная съ тою, которую мы видимъ на вазѣ, опубликованной въ Arch. Zeit. 1870, Taf. 40.

Такимъ образомъ, судя по сохранившимся частямъ композиціи преисподней на разсматриваемой вазѣ, она распредѣлена была здѣсь весьма сходно съ композиціями того же сюжета на предыдущихъ трехъ вазахъ, особенно на в. Canosa, и отличается отъ нихъ въ отдѣльныхъ фигурахъ лишь несущественными деталями, нисколько не измѣняющими ихъ внутренняго значенія.—

№ VII. *Ваза Неаполитанскаго музея, коллекціи Santangelo*, № *709*. Большая нижнеиталійская амфора съ волютообразными ручками; красныя фигуры съ бѣл. частями; выс. = 0,91 м.; окружн. = 1,64 м.; найдена въ Armentum [2].

Въ отличіе отъ предшествующихъ четырехъ картинъ преисподней на вазахъ, гдѣ каждая изъ этихъ картинъ представлена была въ композиціи, состоящей изъ трехъ рядовъ, (причемъ въ среднемъ ряду главнымъ событіемъ являлось посѣщеніе преисподней Орфеемъ, въ верхнемъ—Тезеемъ и Пейриѳоемъ, и въ нижнемъ—Геракломъ), на вазѣ Santangelo 709 та же совокупность трехъ главныхъ событій воспроизведена уже въ композиціи, расположенной лишь въ два ряда. Вмѣстѣ съ этимъ при такомъ видоизмѣненіи внѣшняго расположенія композиціи видоизмѣнено здѣсь, какъ увидимъ, и самое внутреннее содержаніе картины въ томъ смыслѣ, что представленные тутъ моменты изъ всѣхъ трехъ главныхъ событій являются послѣдующими, позднѣйшими сравнительно съ тѣми, какіе мы видѣли воспроизведенными на всѣхъ четырехъ предшествующихъ вазахъ.—

Центральную часть въ композиціи верхняго изъ двухъ рядовъ

---

[1] Надписи эти дополняются какъ: ΛΑΙΟΣ (Отецъ Эдипа), ʼΑΙΜΩΝ (мужъ Антигоны) и ΕΥΡΥΔΙΚΗ (жена Креона),—имена, извѣстныя изъ сказанія объ Антигонѣ. Доказательства за и противъ такого предположенія см. въ ст. Fränkel въ A. Z. 1885 S. 71—72; ср. Schumacher въ Jahrb. d. k. d. Arch. Inst. 1889, S. 227—228.

[2] Опубл.: Archäolog. Zeitung 1843, S. 191 (*Schulz*), 1848, S. 220 (*Panofka*), 1884, S. 253 и сл., Taf. XVIII (*Hartwig*).—Revue archéologique, II, p. 476 (*Vinet*).—*Müller—Wieseler*: Denkmäler d. alt. Kunst, I, S. 55. — *Heydemann*: die Vasensammlungen d. Museo Nazionale zu Neapel. Berlin 1872, S. 816 и сл. Wiener Vorlegeblätter Серія E, табл. III, 2.—*Winkler*: d. Darstellungen d. Unterwelt, S. 27 и сл.

анимаетъ группа изъ трехъ фигуръ: Аида, Персефоны и Эринніи ъ соотношеніяхъ ихъ другъ къ другу, весьма близко напоминаюихъ соотвѣтствующую группу на в. Karlsruhe 388.—Персефона ь длинномъ хитонѣ, мантіи и башмакахъ, украшенная короной, керельемъ и браслетами, сидитъ на высокомъ тронѣ со скипетмъ въ лѣвой рукѣ, поставивши ноги на небольшую скамью и ернувши голову въ сторону Орфея, къ которому она протягиетъ свою правую руку. Справа подлѣ нея стоитъ Аидъ въ видѣ

Рис. № 7.

іичественнаго бородатаго мужа, одѣтаго въ длинную мантію, рывающую его до пояса, и со скипетромъ въ рукѣ; вся фигура обращена въ сторону Персефоны и Орфея.—Эринніа, стоящая ѣва отъ Персефоны, изображена въ обычномъ короткомъ хитонѣ поясомъ и двумя перекрещивающимися на груди перевязями, высокихъ шнурованныхъ башмакахъ, съ двумя горящими факе-

лами въ рукахъ; голова ея вмѣстѣ съ верхнею частью корпуса, повернута къ Орфею; подлѣ нея находится пантера. Обычный на другихъ вазахъ дворецъ Плутона здѣсь не изображенъ, и только два колеса и предметъ, подобный сосуду, висящія въ томъ же мѣстѣ, гдѣ подобные предметы мы видѣли на вазахъ Karlsruhe 388 и Altamura висящими подъ крышей дворца, служатъ намекомъ на то, что описанная сейчасъ группа находится также во дворцѣ.—

Группа налѣво отъ центра состоитъ также изъ трехъ фигуръ: Орфея, Эвридики и Эрота (или Pothos). Орфей и здѣсь одѣтъ въ обычный костюмъ киѳареда и фригійскую шапку: удерживая лѣвой рукою киѳару и обративши свое лицо въ сторону повелителей преисподней, которыхъ онъ только что передъ тѣмъ просилъ о возвращеніи ему супруги, онъ въ то же самое время дѣлаетъ движеніе въ противоположную сторону, по направленію къ возвращенной уже ему Эвридикѣ, которую онъ беретъ за руку, чтобы увести отсюда, однако не глядя на нее, согласно запрещенію Аида и Персефоны, которымъ было, какъ извѣстно, обусловлено это возвращеніе ему Эвридики. Эта послѣдняя въ расшитомъ хитонѣ и мантіи, падающей съ головы на спину, и въ низкой коронѣ, стоитъ подлѣ Орфея, обративши къ нему свое лицо и приподнявши лѣвой рукою надъ плечомъ край мантіи. Вверху между обоими супругами представленъ летящій Эротъ, какъ намекъ на ту горячую любовь ихъ другъ къ другу, которая привела Орфея въ самую преисподнюю. Сравнительно съ воспроизведеніемъ того же сюжета на другихъ вазахъ мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, моментъ болѣе поздній, когда Орфей изображенъ уже не излагающимъ въ пѣніи свою просьбу къ подземнымъ властителямъ, а уже получившимъ удовлетвореніе и принимающимъ свою супругу, чтобы вмѣстѣ съ нею возвратиться изъ преисподней на землю.—

Въ противоположномъ концѣ того же верхняго ряда находится группа Dike и Пейриѳоя, уже извѣстная намъ ранѣе и особенно близко сходная съ таковою же на фрагментѣ в. Karlsruhe № 258.— Пейриѳой, въ видѣ нагого юноши съ петазосомъ за спиной, сидитъ со связанными назади руками на камнѣ, сверхъ котораго брошена его одежда; передъ нимъ слѣва, также на камнѣ, сидитъ Dike въ хитонѣ и мантіи, съ ожерельемъ и браслетами; въ лѣвой рукѣ она держитъ мечъ, а правою указываетъ на Пейриѳоя. Выше этой группы

висятъ мечъ и щитъ; ниже нея—фіалъ и гидрія, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ отношеніе къ находящейся подъ нею въ нижнемъ ряду женской фигурѣ.—

Въ композиціи нижняго ряда срединную, главную часть его занимаютъ обычныя фигуры: Геракла, уводящаго Кербера; Гермеса [1], указывающаго ему путь изъ преисподней, и Гекаты съ факеломъ и копьемъ, присутствующей при похищеніи стража преисподней; всѣ три фигуры поражаютъ особеннымъ сходствомъ съ таковыми же на вазѣ Karlsruhe 388.—Почва у ногъ всѣхъ трехъ покрыта разнообразными болотными растеніями для обозначенія близъ находящихся подземныхъ водъ.

Въ правомъ углу мы видимъ женскую фигуру, весьма близко напоминающую собою Данаиду, помѣщенную въ такомъ же мѣстѣ на вазѣ Karlsruhe 388 и, подобно этой послѣдней, одѣтую въ длинный хитонъ, мантію и сандаліи, съ браслетами на рукахъ и ожерельемъ: обернувшись въ сторону центральной группы, она спокойно наблюдаетъ происходящее тамъ, скрестивши ноги и облокотившись лѣвой рукою на край большого сосуда, обвитаго виноградными листьями (на вазѣ изображена только одна половина сосуда; ср. ниже в. Британ. музея F. 370).—Фигура эта, которую называли прежде разнообразными, произвольно принятыми именами [2],—представляетъ собою въ дѣйствительности, какъ правильно истолковываетъ ее уже Heydemann, (Vasensammlung, S. 819, Anm. 8), Данаиду, на что указываютъ, съ одной стороны, висящая надъ ея головою гидрія и стоящій подлѣ нея сосудъ (бочка Данаидъ); а съ другой, самое ея мѣсто въ композиціи и самая ея фигура, которыя какъ было уже замѣчено, таковы же, какъ и на вазѣ Karlsruhe 388.—

Наконецъ, въ противоположномъ углу, слѣва отъ центральной группы, изображена на мѣстѣ обычной фигуры Сизифа иная фигура стоящая въ непосредственной внутренней связи съ находящимися въ центрѣ: нагой юноша, съ короткой развѣвающейся отъ движенія хламидой и висящимъ за спиной петазосомъ, въ высокихъ шну-

[1] Отъ kerykeion Гермеса сохранились на вазѣ лишь незначительные слѣды истершейся краски.

[2] Schulz и Gerhard Алцестой; Panofka и Winkler—нимфою Стикса; Welcker—одною изъ душъ умершихъ, и т. д.

рованныхъ башмакахъ и съ мечомъ на перевязи, быстро идетъ впереди Гермеса, указывая правой рукою по направленію своего движенія и обративши лицо къ находящимся позади него Гермесу и Гераклу. Художникъ, который уже въ верхнемъ ряду композиціи сдѣлалъ значительное измѣненіе въ передачѣ извѣстнаго событія посѣщенія Орфеемъ преисподней, изобразивши здѣсь моментъ уже послѣдующій за тѣмъ, какой представленъ былъ на предшествующихъ четырехъ вазахъ, вполнѣ послѣдовательно внесъ соотвѣтствующее измѣненіе и въ композицію этого нижняго ряда. Онъ совершенно устранилъ отсюда фигуру Сизифа и вмѣсто нея представилъ тутъ Тезея [1], (въ образѣ только что описаннаго юноши), въ тотъ самый моментъ, когда онъ, согласно легендѣ, освобожденъ былъ изъ преисподней Геракломъ при посѣщеніи ея этимъ послѣднимъ для похищенія Кербера. Желая возможно скорѣе освободиться изъ страшнаго мѣста своего заключенія, онъ спѣшитъ пройти впереди своего освободителя и даже Гермеса, указывающаго путь обоимъ героямъ, и соотвѣтственно этому моменту дѣйствія фигуры всѣхъ трехъ участвующихъ въ немъ лицъ пріобрѣтаютъ живое и естественное движеніе; а вся композиція этого нижняго ряда, связывая всѣ пять фигуръ единымъ дѣйствіемъ, получаетъ благодаря этому глубокую внутреннюю связность и цѣльность всѣхъ отдѣльныхъ ея частей.—

Группа III. Картины преисподней, связанныя съ посѣщеніемъ ея Орфеемъ.

На трехъ послѣдующихъ вазахъ нашего описанія (№№ VIII—X) событіе посѣщенія преисподней Орфеемъ является уже отдѣльнымъ самостоятельнымъ предметомъ картины, съ которымъ (независимо отъ двухъ другихъ сюжетовъ, входившихъ въ картины предшествующей группы) связывается изображеніе самой преисподней.—

№ VIII. *Ваза Императорскаго Эрмитажа. № 498.*—Амфора съ овальнымъ туловищемъ; красныя фигуры на черн. фонѣ съ бѣл.,

---

[1] Какъ правильно объясняли эту фигуру юноши уже Gerhard, S. 186. Heydemann, S 818, Hartwig, . 259, и др.

желт. и коричн. частями; высота = 1 арш. 3⅓ верш.; изъ коллекціи Campana XIV, 24 [1].

Сцена появленія Орфея въ преисподней передъ ея властителями помѣщена здѣсь на туловищѣ амфоры подъ растительнымъ орнаментомъ, отдѣляющимъ нижнюю часть сосуда отъ шейки. Въ центрѣ картины на высокомъ тронѣ, котораго широкая спинка украшена по угламъ летящими Викторіями, представленъ сидящій Аидъ, одѣтый въ широкую мантію, закрывающую его до пояса и перекинутую черезъ плечо; ноги спокойно поставлены на небольшую скамью, стоящую передъ трономъ; скипетръ, увѣнчанный птицею, онъ держитъ въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правую съ приподнятыми тремя пальцами протягиваетъ въ знакъ обращенія къ стоящему передъ нимъ Орфею. Фигура пѣвца и здѣсь такова же, какою мы видѣли ее на предыдущихъ вазахъ: онъ одѣтъ въ костюмъ киѳареда и фригійскую шапку; въ лѣвой рукѣ держитъ лиру, а въ правой—плектронъ въ формѣ лебединой шеи съ головою. Позади Аида, направо отъ него, сидитъ, опершись на высокій сосудъ въ видѣ бассейна, молодая женщина,—Персефона, (какъ совершенно вѣрно называютъ ее Gerhard, S. 380, и Welcker, S. 190), въ длинномъ рукавномъ хитонѣ, въ богатомъ головномъ уборѣ, ожерельѣ и браслетахъ, съ сандаліями на ногахъ; вся фигура ея, какъ и Аида, обращена въ сторону Орфея; въ правой рукѣ она держитъ блюдо, а въ лѣвой—вонтикъ. Съ противоположной стороны, позади Орфея, представлена другая молодая женщина,—Эвридика, (по правильному толкованію тѣхъ же двухъ авторовъ), одѣтая подобно первой и съ вѣеромъ въ правой рукѣ: сидя на низкомъ креслѣ безъ спинки и ручекъ и обратившись всею фигурой налѣво, она повернула свою голову въ сторону остальныхъ трехъ дѣйствующихъ въ сценѣ фигуръ, наблюдая происходящее [2]. Между Аидомъ и Персефоной помѣщенъ ѳиміа-

---

[1] *E. Gerhard*: Vases grecs relatifs aux mystères, Stuttgart 1839 pl. III—IV, Text zu Gerhards antiken Bildwerken, S. 379—380.—Arch. Zeit. 1843, S. 190 (*Welcker*).—*L. Stephani*: die Vasensammlung der Kaiserlichen Ermitage, Petersburg 1869, № 498, S, 256—260.—Wiener Vorlegeblätter серія E, табл. V, 2.—*Winkler*: die Darst. d. Unterwelt, S. 54—56.

[2] Stephani: d. Vasensammlung, № 498, не указывая никакихъ основаній для своего объясненія, называетъ эти фигуры (впрочемъ, поставляя подлѣ каждаго имени знакъ вопроса) именами: Зевса (фиг. сидящаго на тронѣ), Афродиты (фиг. женщины позади перваго) и Peitho (фиг. женщины съ вѣеромъ), тогда какъ стоящему съ лирой юношѣ не даетъ никакого наименованія.

теріемъ; вверху надъ фигурами висятъ два сосуда (прохусъ и гидрія) и мячъ.—

Если сравнимъ картину посѣщенія Орфеемъ преисподней на этой вазѣ съ воспроизведеніемъ этого же сюжета на другихъ, описанныхъ выше вазахъ, то увидимъ, что отъ картинъ на вазахъ Altamura, Canosa и Karlsruhe 388 она отличается, (кромѣ выдѣленія сцены, посѣщенія преисподней Орфеемъ въ самостоятельную картину) тѣмъ, что здѣсь появляется фигура Эвридики, которой нѣтъ на перечисленныхъ трехъ вазахъ. Съ другой стороны, отъ картины на вазѣ Santangelo 709 она отличается тѣмъ, что на этой послѣдней воспроизведенъ моментъ событія уже послѣдующій за тѣмъ, какой мы видимъ на разсматриваемой вазѣ Эрмитажа: тамъ представленъ моментъ, когда Орфей уже получилъ удовлетвореніе своей просьбы и намѣревается увести изъ преисподней свою супругу, возвращенную ему подземными богами; здѣсь Орфей изображенъ только что закончившимъ свое пѣніе, въ которомъ выражена была его просьба къ богамъ, въ то самое время какъ Аидъ, обращаясь къ пѣвцу, даетъ ему свое согласіе на исполненіе этой просьбы, а Эвридика, обративши свое лицо въ энергичномъ движеніи въ сторону говорящаго, почти привстала съ своего кресла, на которое она оперлась лѣвой рукою, какъ бы готовясь по первому слову царя преисподней послѣдовать отсюда за своимъ супругомъ.—

№ IX. *Ваза музея въ Lentini (въ город. ратушѣ).* Колоколообразный кратеръ (oxybaphon), найденный близь Lentini; красныя фигуры на черномъ фонѣ съ бѣлыми, желт. и фіолет. частями [1].

Во всѣхъ перечисленныхъ нами въ примѣчаніи публикаціяхъ картина на разсматриваемой вазѣ ошибочно истолковывалась, какъ свадебная сцена,—въ частности, какъ свадьба Зевса съ Герой, на которой, согласно легендѣ [2], присутствовалъ между прочимъ игравшій на лирѣ Аполлонъ. Внимательное разсмотрѣніе композиціи этой картины и сравненіе ея съ другими сценами, представляющими подобную же композицію, показываетъ намъ ошибочность этого истол-

---

[1] Опублик.: Archäolog. Intelligenzblatt 1834, S. 60 (*Gerhard*).—Archäolog. Anzeiger 1867, S. 116 и сл. (*O Benndorf*).—Bulletino dell'Instituto di corr. arch. 1870, p. 70, (*Förster*).—*O. Benndorf*: griechische и sicilische Vasenbilder, S. 85 и сл., Taf XL.—

[2] Lukian: Jcaromen. 27.

кованія, въ правильности котораго, повидимому, сомнѣвались уже сами же его авторы [1], и которое мы считаемъ возможнымъ замѣнить другимъ, объясняя разсматриваемую картину, какъ *воспроизведеніе извѣстнаго намъ уже событія посѣщенія Орфеемъ преисподней.*

Рис. № 8.

Центръ всей композиціи картины занимаетъ сидящая на тронѣ женская фигура (Персефона), одѣтая въ богатый хитонъ съ короткими рукавами и расшитую мантію; на ногахъ — сандаліи; руки украшены браслетами, шея—ожерельемъ, уши—серьгами; на головѣ—роскошный полосъ въ видѣ короны, удерживающей ея разсыпавшіеся по плечамъ волосы. Корону на ея головѣ поддерживаетъ сзади, повидимому, только что надѣвшая ее на Персефону молодая женщина съ короткими волосами, въ безрукавномъ хитонѣ, мантіи и сандаліяхъ, (Эвридика). Позади обѣихъ женщинъ представлена величественная фигура бородатаго мужа (Плутонъ), одѣтаго въ гиматіонъ и украшеннаго головною повязкой; [2] онъ стоитъ въ спокойной позѣ, скрестивши ноги и опираясь лѣвой рукой на скипетръ,

[1] См. Archäolog. Anzeig. 1867, S. 117 и Benndorf: gr. und sic. Vasenbilder, S. 86.
[2] Сравненіе съ рис. на в. Jatta 1094 даетъ возможность также объяснять этотъ головной уборъ, какъ своеобразную *„шапку Аида“*.

(отъ скиптра сохранились лишь незначит. слѣды), тогда какъ правой рукою онъ указываетъ на Эвридику, равно какъ и Персефона, которая, опершись лѣвой рукою на тронъ, правою также дѣлаетъ жестъ обращенія къ Эвридикѣ, которая такимъ образомъ является средоточіемъ всего совершающагося въ картинѣ дѣйствія. Передъ всею, описанной сейчасъ группой, непосредственно подлѣ Персефоны помѣщена фигура стоящаго юноши въ костюмѣ киѳареда, съ вѣнкомъ на головѣ и съ лирой и плектрономъ въ рукахъ (Орфей). Наконецъ, позади Орфея мы видимъ Гермеса, одѣтаго въ гиматіонъ и съ сандаліями на ногахъ; петазосъ виситъ за спиной; въ лѣвой рукѣ, которою онъ опирается, въ положеніи отдыхающаго, на лѣвую ногу, онъ держитъ kerykeion, тогда какъ правой указываетъ, подобно Плутону и Персефонѣ, въ сторону Эвридики.

Что въ дѣйствительности здѣсь изображена не сцена свадьбы Зевса съ Герою, передъ которыми поетъ Аполлонъ, видно прежде всего изъ того, что согласно повѣствованію о свадьбѣ Зевса съ Герою во время этого празднества Аполлонъ пѣлъ вмѣстѣ съ Музами, (см. Welcker: alte Denkmäler V, S. 361), тогда какъ на разсматриваемой вазѣ мы видимъ не Музъ, а Гермеса. Далѣе, при прежнемъ истолкованіи оказывается вполнѣ непонятнымъ то обстоятельство, что вниманіе всѣхъ участвующихъ въ сценѣ лицъ, какъ показываютъ ихъ жесты, устремлено на одну фигуру въ группѣ, которую прежніе толкователи называли прислужницей Геры, и такимъ образомъ внутреннимъ центромъ всей композиціи оказываются фигуры не жениха и невѣсты, а именно этой второстепенной по своей роли прислужницы, что несомнѣнно противорѣчитъ законамъ художественной композиціи, въ силу которыхъ такимъ внутреннимъ центромъ дѣлается лицо, наиболѣе значительное по отношенію къ воспроизводимому въ картинѣ событію.—

При истолкованіи сюжета картины въ предлагаемомъ нами смыслѣ всѣ эти противорѣчія совершенно устраняются и какъ цѣлое, такъ и отдѣльныя его части находятъ себѣ вполнѣ удовлетворительное объясненіе. Моментъ, представленный на данной вазѣ, есть тотъ, когда Орфей только что закончилъ свою пѣсню, въ которой онъ просилъ властителей преисподней о возвращеніи ему супруги: правую руку съ плектрономъ онъ уже опустилъ внизъ, тогда какъ лѣвою беретъ еще заключительные аккорды на лирѣ; Персефона и

Плутонъ жестами показываютъ удовлетвореніе просьбы пѣвца, отпуская ему Эвридику; наконецъ Гермесъ, который долженъ затѣмъ вывести обоихъ супруговъ изъ преисподней на землю, уже протягиваетъ правую руку по направленію къ Эвридикѣ и Орфею, какъ бы приготовляясь въ слѣдующій моментъ вывести ихъ обоихъ отсюда... Что касается въ частности каждой отдѣльной фигуры въ этой картинѣ, то относительно нихъ можемъ замѣтить слѣдующее. Фигура Персефоны, какъ по своему типу, такъ и въ отношеніи разнообразныхъ деталей костюма и украшеній, обнаруживаетъ особенно близкое сходство съ таковою же на вазахъ Karlsruhe и München; тогда какъ фигура Плутона въ тѣхъ же отношеніяхъ стоитъ особенно близко къ изображеніямъ его на вазахъ Altamura, Santangelo 709 и др.—Орфей на этой вазѣ является сходнымъ съ фигурой этого пѣвца на всѣхъ вышеразсмотрѣнныхъ вазахъ и только фригійская шапка его замѣнена тутъ вѣнкомъ [1].—Наконецъ, если на всѣхъ предшествующихъ вазахъ съ изображеніемъ Орфея въ преисподней мы нигдѣ не видѣли рядомъ съ нимъ Гермеса, тогда какъ находимъ его присутствующимъ здѣсь, то обстоятельство это естественно объясняется тѣмъ, что на всѣхъ предыдущихъ вазахъ посѣщеніе преисподней Орфеемъ изображено одновременно съ посѣщеніемъ ея Геракломъ, и Гермесъ представленъ поэтому находящимся въ нижнемъ ряду композиціи подлѣ Геракла.—На разсматриваемой вазѣ такого совмѣщенія двухъ событій нѣтъ и Гермесъ является уже тутъ, согласно легендѣ, проводникомъ Орфея и Эвридики изъ преисподней, какимъ мы видимъ его, (въ послѣдующій за изображеннымъ здѣсь моментомъ,—когда Гермесъ уже отводитъ изъ преисподней обоихъ супруговъ), между прочимъ, на трехъ извѣстныхъ рельефахъ—въ Луврскомъ и Неаполитанскомъ музеяхъ и въ Villa Albani; причемъ фигуры Неаполитанскаго рельефа поясняются надписями (Orpheus, Eurydike, Hermes), [2] не оставляя сомнѣнія въ ихъ настоящемъ значеніи.—

---

[1] Изображенія Орфея съ вѣнкомъ на головѣ вмѣсто фригійской шапки находятъ мѣсто также на вазахъ: Arch. Zeitung. 1884, S. 272; 1868, Taf. 3.—Gerhard: Trinkschalle und Gefässe, I, 1. 2. S. 55 и сл. Baumeister: Denkmäler, рис. № 1319, и др. Въ картинѣ Полигнота въ Дельфахъ Орфей изображенъ былъ также не въ фригійскомъ одѣяніи и шапкѣ, а въ греческомъ и съ вѣнкомъ на головѣ. (Pausan. X. 30,6) ed. Schubart.

[2] См. *Zoega*: bassirilievi, I, 42.—*Winkellmann:* Monum. ined. 85.—Welcker: alte

№ X. *Ваза Императорскаго Эрмитажа* № 426. Большая нижне-италійская амфора съ волютообразными ручками; выс. = 1 арш. 7¼ верш.; красныя фигуры на черн. фонѣ съ бѣл., желт. и коричн. частями; изъ коллекціи Campana XIV, 9 [2].—

Центральную группу верхняго изъ двухъ рядовъ этой композиціи

Рис. № 9.

составляютъ обычныя фигуры Аида и Персефоны въ постановкѣ особенно близкой къ той, какая имѣетъ мѣсто на вазѣ Британскаго музея F. 276 (см. ниже.).—Аидъ въ длинномъ расшитомъ хитонѣ съ рукавами, опоясанномъ зубчатымъ поясомъ, въ мантіи и сандаліяхъ, съ вѣнкомъ на головѣ и скиптромъ, увѣнчаннымъ птицею,

---

Denkm. II, 819, Anm.—Arch. Zeit. 1853, S. 84; *Friederichs:* Bausteine zur Gesch, d. gr.—rom. Plastik. I, S. 175 и сл.—*Baumeister*. Denkmäler, S. 1121, и др.

[2] Опублик.: Bulletin. Arch. Napolit. Nuova Ser., T. III, tav. 8, pag. 49 и сл. (*Minervini*).—Compte—Rendu de la Commiss. arch. p. l'ann. 1860, p. 78; 1863, p. 14, 91 и 268 (L. Stephani).—*L: Stephani*: die Vasensammlung der Kais. Ermitage, Petersburg 1869, № 426, S. 233—239.—Wiener Vorlegeblätter серія E. табл. VI, 2.—*Winkler*: d. Darstellungen d. Unterwelt, S. 58—62.

ь лѣвой рукѣ, сидитъ на высокомъ тронѣ безъ спинки и ручекъ; ??ги поставлены на небольшую скамью; правую руку онъ протягиваетъ съ жестомъ обращенія по направленію къ стоящему вдали ?ъ него юношѣ. Слѣва отъ Аида представлена Персефона въ бо?то расшитомъ хитонѣ и мантіи, украшенная короной, ожерельемъ браслетами; спокойно скрестивши ноги, она опирается лѣвой ру?ю на четырехконечный факелъ, поставленный на землю, а пра?й рукою приподнимаетъ край своей мантіи надъ плечомъ; лицо ея ?вернуто въ сторону Аида.—Слѣва отъ Персефоны сидитъ молодая ?енщина въ хитонѣ, мантіи и сандаліяхъ, украшенная вѣнкомъ, ?керельемъ и браслетами; въ лѣвой рукѣ она держитъ мячъ, по?женный на колѣно; вся фигура ея обращена въ сторону Аида Персефоны, тогда какъ голова повернута къ стоящему подлѣ нея ?ношѣ. Этотъ послѣдній одѣтъ только въ хламиду, переброшенную ?резъ лѣвое плечо и руку; на головѣ у него вѣнокъ; опираясь лѣ?й рукою на посохъ, онъ поднимаетъ правую съ жестомъ обраще?я къ обоимъ властителямъ преисподней. Надъ головой его виситъ ?оара; надъ сидящею женскою фигурой — вѣеръ, а у ногъ ея— ?ша; между Аидомъ и Персефоной вверху—мечъ и петазосъ.

Направо отъ центральной группы въ верхнемъ же ряду пред?авлены двѣ Эринніи (или Геката и Эриннія): изъ нихъ одна, сто?щая ближе къ Аиду, одѣта въ короткій опоясанный хитонъ съ ру?вами и мантію; ноги обуты въ высокіе шнурованные башмаки; въ ?равой рукѣ она держитъ горящій факелъ, лѣвою приподнимаетъ ?ай своей мантіи; другая въ такомъ же одѣяніи, но съ крыльями, ?дитъ, обратившись направо и повернувши голову влѣво, по на?равленію къ центру; въ ея волосахъ и на лѣвой рукѣ—змѣи, въ ?равой рукѣ—вложенный въ ножны мечъ.

Композицію нижняго ряда составляютъ фигуры пяти Данаидъ, ?ъ которыхъ каждая одѣта въ длинный опоясанный хитонъ, (три ?анаиды имѣютъ сверхъ хитона мантію), обута въ сандаліи и укра?ена ожерельемъ и браслетами. Положеніе каждой изъ нихъ, напро?въ, различается отъ положенія остальныхъ: только одна изъ нихъ ?рава, представлена съ гидріей въ рукахъ, изъ которой она выли?етъ воду (подобно Данаидѣ на вазѣ Британ. музея F. 370, см. ?же) въ стоящій подлѣ нея большой пиѳосъ, видимый на картинѣ ?лько до половины. Вторая Данаида, слѣва отъ первой, сидитъ на

своей гидріи, обратившись лицомъ и протягивая правую руку по направленію къ третьей, стоящей передъ нею съ пустою гидріей на головѣ; между обѣими виситъ ручное зеркало. Двѣ послѣднія Данаиды налѣво составляютъ особую группу: одна изъ нихъ, сидящая справа, спокойно смотрится въ зеркало, которое она держитъ въ лѣвой рукѣ, опирающейся на гидрію; въ опущенной правой рукѣ у нея—чаша; другая, стоящая передъ нею, указываетъ первой ея отраженіе въ зеркалѣ; ея гидрія поставлена позади нея. У ногъ Данаидъ изображены подземныя рѣки съ растительностью по берегамъ и фигурками лебедей.

Различные изслѣдователи, соглашаясь другъ съ другомъ относительно значенія всѣхъ фигуръ въ этой картинѣ за исключеніемъ двухъ, слѣва отъ центра въ верхнемъ ряду (юноши и сидящей женщины), даютъ на основаніи такого или иного истолкованія этихъ двухъ фигуръ и различныя объясненія главнаго сюжета самой этой картины.—Minervini, который впервые опубликовалъ и описалъ эту вазу, (въ Bullet. Arch. Napol., ук. м.,) видѣлъ въ двухъ этихъ фигурахъ Линкея и Гипермнестру,—ту счастливую пару пощадившихъ другъ друга жениха и невѣсты, которая одна изъ всѣхъ 50 паръ пресловутыхъ новобрачныхъ была награждена блаженствомъ въ царствѣ Аида, тогда какъ всѣ остальныя Данаиды осуждены были тамъ на вѣчное наказаніе. Поэтому и главный сюжетъ этой картины онъ толкуетъ, какъ воспроизведеніе, именно, сказанія объ этомъ наказаніи Данаидъ въ противоположность блаженству названной пары, не запятнавшей себя преступленіемъ.

Stephani, (die Vasensammlung, ук. м.), не отрицая объясненія Minervini, считаетъ однако возможнымъ предложить и иное толкованіе, полагая, что въ этихъ двухъ фигурахъ можно видѣть столько же и Афродиту съ Адонисомъ, сколько и Линкея съ Гипермнестрой причемъ главными фигурами тогда были бы въ этой картинѣ не Данаиды (или Линкей съ Гипермнестрой), а эта группа Афродиты и Адониса, связанныхъ любовью другъ къ другу даже по смерти послѣдняго.

Jahn, (въ Arch. Zeit. 1867, S. 41), не называетъ ихъ никакими опредѣленными именами, считая эту группу лишенною опредѣленнаго миѳическаго содержанія. Наконецъ, Winkler, (S. 61—62), отвергая всѣ предшествующія объясненія, видитъ тутъ Афродиту и

Іротезилая, а всю картину объясняетъ, какъ воспроизведеніе сказанія о возвращеніи Протезилая изъ преисподней на землю,—въ астности, воспроизведеніе того момента, когда Протезилай проситъ ластителей преисподней о дозволеніи ему возвратиться на землю.— Если истолкованія Minervini и Stephani представляются намъ несоотвѣтствующими дѣйствительной композиціи этой картины, ибо фигура юноши, на котораго обращены взоры всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ тутъ лицъ, можетъ представлять собою въ данномъ положеніи только путника, появившагося въ этотъ моментъ въ преисподней и обращающагося съ рѣчью къ Аиду и Персефонѣ, (что е находитъ себѣ объясненія при принятіи истолкованія обоихъ азванныхъ ученыхъ), то ошибочнымъ и несогласнымъ съ легендой вляется, на нашъ взглядъ, и истолкованіе Winkler'а. По наиболѣе аспространенному сказанію, Протезилай, который, какъ извѣстно зъ Гомера [1], первый изъ грековъ высадился на берегъ близъ Трои, о и первый же былъ убитъ Гекторомъ,—былъ отпущенъ подземными богами на время изъ преисподней, *благодаря мольбамъ передъ огами супруги его Лаодаміи* [2]. Только согласно одной версіи, передаваемой у Лукіана [3], Протезилай *самъ* упросилъ подземныхъ боговъ отпустить его на одинъ день на землю къ супругѣ,—и Winkler (въ примѣч. къ 62 стр.) ссылается именно на этотъ діалогъ Лукіана въ подтвержденіе своего объясненія. Въ дѣйствительности однако діалогъ этотъ даетъ указанія, которыя совершенно расходятся съ тѣмъ, что мы видимъ на самой картинѣ: у Лукіана Протезилай обращается съ просьбой къ Аиду и Персефонѣ *въ присутствіи Гермеса*, которому Аидъ приказываетъ въ заключеніе, согласно желанію Персефоны, отвести Протезилая изъ преисподней на землю; а существованіе въ преисподней богини любви, Афродиты, нѣтъ и малѣйшаго намека; на вазѣ Эрмитажа 426 Гермесъ отсутствуетъ, сѣ жители преисподней, находящіеся въ этотъ моментъ подлѣ ея ластителей, совершенно иные, а постановка фигуры юноши въ дорожной хламидѣ, съ посохомъ въ рукахъ и съ вѣнкомъ на головѣ, казываетъ непостояннаго жителя преисподней, но, какъ было ска-

---

[1] Iliad. B, 695 и сл.
[2] Hygin. fab. 103.—Philostr. Her. II, 15.
[3] Lukian. dialogi mortuorum, № 23.

зано, путника, только что явившагося у входа во дворецъ Аида и о чемъ-то просящаго. Аналогичныя картины на другихъ вазахъ, воспроизводящія сказаніе о посѣщеніи преисподней Орфеемъ въ композиціяхъ весьма близкихъ къ разсматриваемой, даютъ намъ основаніе утверждать, что и на данной вазѣ воспроизведенъ тотъ же самый сюжетъ, причемъ спорная женская фигура представляетъ собою не Афродиту или Гиперменестру, но Эвридику, а фигура просящаго юноши—самого Орфея, на значеніе котораго между прочимъ указываетъ и киеара, висящая надъ его головою и не имѣющая никакого отношенія ни къ Протезилаю, ни къ Линкею, ни къ Адонису или Афродитѣ. То обстоятельство, что Орфей представленъ здѣсь не въ обычномъ фригійскомъ одѣяніи, а въ хламидѣ и съ вѣнкомъ на головѣ, не можетъ служить, какъ было уже показано выше, доказательствомъ противъ предлагаемаго нами толкованія, такъ какъ на цѣломъ рядѣ другихъ памятниковъ [1] мы видимъ этого пѣвца также въ греческомъ одѣяніи и съ вѣнкомъ на головѣ. Что касается, наконецъ, самаго момента изъ сказанія объ Орфеѣ, воспроизведеннаго на разсматриваемой вазѣ Эрмитажа, то онъ здѣсь таковъ же, какъ и въ большихъ картинахъ преисподней на вазахъ №№ III—VI нашего описанія,—моментъ, когда Орфей еще не высказалъ до конца свою просьбу къ властителямъ преисподней и окончательное удовлетвореніе ея со стороны послѣднихъ еще не получено.—

Группа IV. Наказаніе въ преисподней Тезея и Пейриеоя и картины преисподней, связанныя съ этимъ событіемъ.

№ XI. *Ваза собранія Jatta № 1094.* — Нижнеиталійская амфора съ волютообразными ручками; красныя фиг. съ черн. и бѣл. частями; выс. = $2^1/_2$ фут.; найдена въ Ruvo; пріобрѣт. для колл. Jatta въ Неаполѣ [2].

---

[1] Сверхъ указ. выше памятниковъ см. также вазы, опубл. въ Monum. dell'Inst. I, 52; cabinet Durand, № 258; Gerhard: Trinkschale und Gef. I, 3. S. 56,5. и др.

[2] Archäolog. Zeit. 1844, S. 227, Taf. XV (*Gerhard*).—Bullet. archeol. Napolit., T. IV, p. 75 и сл. (*Minervini*); ibid. V, p. 58 (*Cavedoni*).—*Minervini*: descriz. dialcuni vasi fitt. della coll. Jatta. I, p. 92 и сл.—*Müller-Wieseler*: Denkmäler d. a. K., II, Taf. 68, № 862, S. 88.—*Jatta*: catalogo del Museo Jatta, Napoli 1869, p. 493—502, Wiener Vorlegeblätter, сер. E, табл. VI, 4.—*Winkler*: d. Darstellungen d. Unterw. S. 57—58.

Сцена наказанія въ преисподней Тезея и Пейриѳоя расположена ѣсь,—вопреки обычной манерѣ распредѣленія фигурныхъ сценъ нижнеиталійскихъ вазахъ,—въ композиціи, лишенной симметріи, притомъ такимъ образомъ, что главный интересъ всего происходящаго дѣйствія сосредоточивается не въ центрѣ композиціи, а въ ухъ боковыхъ ея частяхъ, между которыми этотъ интересъ и спредѣляется. Важнѣйшими по своему значенію въ совершаю-

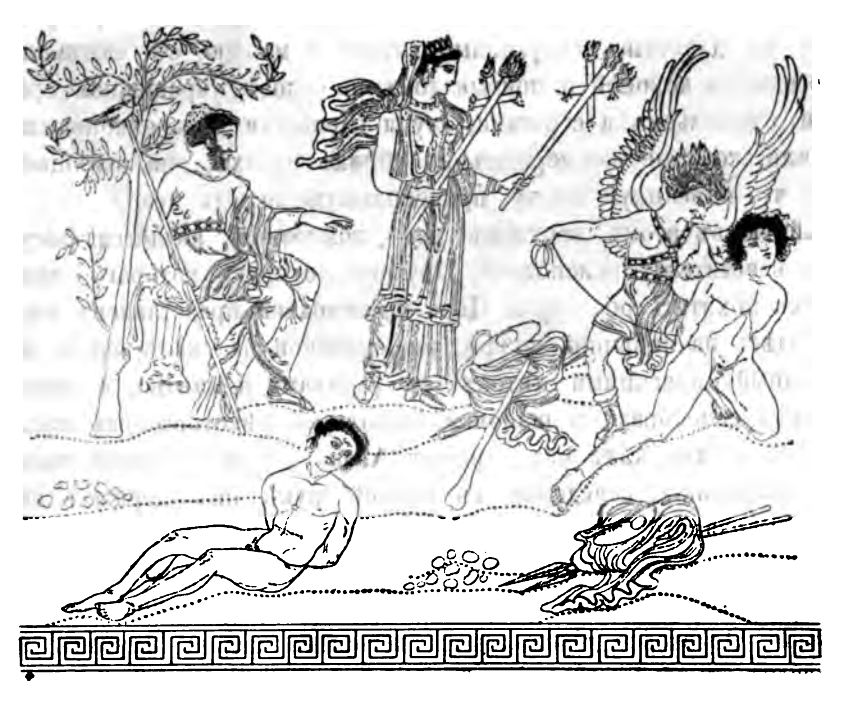

Рис. № 10.

емся тутъ дѣйствіи являются: группа Тезея съ Эринніей и фигура ейриѳоя. Послѣдній, помѣщенный вдали отъ всѣхъ остальныхъ игуръ, представленъ здѣсь въ видѣ совершенно нагого юноши со язанными за спиною руками, полулежащаго въ напряженномъ поженіи на землѣ; голова его повернута въ сторону товарища его о путешествію; справа, вдали отъ него лежатъ два копья, ему придлежащія, хламида и петасосъ. Группа Тезея съ Эринніей помѣщается въ картинѣ справа въ верхнемъ ряду: Эриннія въ видѣ безобразной женщины съ стоящими вверхъ и перепутавшимися по-

добно змѣямъ волосами, съ крыльями, отъ которыхъ идутъ двѣ пересѣкающіяся на груди перевязи, въ короткомъ хитонѣ, закрывающемъ ея бедра и поддерживаемомъ съ помощью пояса, и въ высокихъ башмакахъ, длиннымъ шнуромъ связываетъ Тезею за спиною руки. Этотъ послѣдній, подобно Пейриѳою совершенно нагой, упалъ на одно колѣно, безсильно протягивая другую ногу; его одежда, (хламида и петазосъ), и оружіе, — (два копья и палица), лежатъ тутъ же подлѣ него. Сзади этой группы стоитъ Персефона, одѣтая въ длинный безрукавный хитонъ и мантію, съ сандаліями на ногахъ, съ короной и покрываломъ на головѣ, украшенная браслетами, ожерельемъ и серьгами; двумя горящими четырехконечными факелами, которые она держитъ въ обѣихъ рукахъ, она освѣщаетъ только что описанную сцену, происходящую передъ нею.

Крайнею въ этомъ верхнемъ ряду композиціи является фигура самого властителя преисподней, Плутона, супругу котораго намѣревались похитить оба героя. Царь преисподней представленъ сидящимъ здѣсь на звѣриной шкурѣ, разостланной на скалѣ; одѣтъ онъ въ длинный опоясанный хитонъ съ рукавами и мантію, и имѣетъ на головѣ своеобразную шапочку, въ которой нѣкоторые изъ изслѣдователей видятъ, такъ наз., «шапку Аида» [1], нѣчто въ родѣ нашей сказочной шапки—невидимки; въ правой рукѣ онъ держитъ скипетръ, увѣнчанный птицею, тогда какъ лѣвую протягиваетъ впередъ по направленію къ находящимся передъ нимъ фигурамъ, какъ бы приказывая Эринніи совершить надъ Тезеемъ назначенное для него наказаніе. Оливковое дерево, подъ которымъ сидитъ Плутонъ, заканчиваетъ всю композицію этой картины, которая если и не отличается красотою внѣшняго построенія и изяществомъ рисунка, то имѣетъ передъ многими другими картинами преимущество простоты и ясности въ воспроизведеніи даннаго сюжета, такъ что ни одна изъ фигуръ не возбуждаетъ тутъ сомнѣній относительно внутренняго ея значенія.—

№ XII. *Ваза собранія Feoli № 63.* Гидрія, черныя фигуры на красн. фонѣ съ бѣлыми и фіолет. частями; въ собр. Feoli № 63 [2].

[1] Ἄϊδος κυνέη: Il. E, 845; Arist. Arch. 390; Plat. Republ. X, 612 B.—Ср. Robert: archäologische Märchen aus alter und neuer Zeit, Berlin 1886, S. 177—178.

[2] Опублик.: *S. Campanari*: antichi vasi dipinti della collezione Feoli, Roma 1837 № 63, pag. 122—125. *J. de Witte*: cabinet etrusque, p. 74 и сл.—*Gerhard*: auserle-

Композиція этой картины воспроизводитъ уже позднѣйшій моментъ изъ сказанія о Тезеѣ и Пейриѳоѣ,—моментъ освобожденія изъ преисподней перваго изъ героевъ, причемъ событіе это связано здѣсь, какъ и на вазѣ Santangelo 709, съ событіемъ посѣщенія преисподней Геракломъ. Въ центрѣ композиціи представленъ Гераклъ въ львиной шкурѣ, съ колчаномъ за плечами и палицею въ рукахъ,

Рис. № 11.

уводящій за собою двухголоваго Кербера съ змѣинымъ хвостомъ. Справа, впереди него и обернувшись лицомъ въ его сторону идетъ Гермесъ въ обычной хламидѣ и петазосѣ, въ окрыленныхъ сандаліяхъ и съ керюкейономъ въ рукѣ. Еще далѣе направо стоитъ Аѳина въ длинномъ хитонѣ, сверхъ котораго видна эгида, въ шлемѣ и съ копьемъ въ лѣвой рукѣ; правую она протягиваетъ по направленію къ покровительствуемому ею герою. Сзади Аѳины сидитъ на складномъ креслѣ бородатый мужъ въ хитонѣ и мантіи и со скиптромъ въ рукѣ, причемъ вся фигура его обращена въ сторону происходящаго въ центрѣ. Съ другой стороны, налѣво отъ Кербера, изображенъ поспѣшающій вслѣдъ за Геракломъ юноша, одѣтый въ короткую хламиду, съ теніей на головѣ; въ правой рукѣ онъ держитъ копье, тогда какъ лѣвую протягиваетъ по направленію къ Гераклу. Наконецъ, позади этого юноши мы видимъ женскую фигуру

---

sene griech. Vasenbilder, Berlin, 1839—58, I, S. 162—165. Taf. 40. Картина расположена на плечахъ гидріи.

также въ быстромъ движеніи; одѣта она въ хитонъ и мантію; голова украшена калатосомъ; обѣ руки она протягиваетъ по направленію къ уходящимъ изъ преисподней Гераклу и его спутникамъ. Позади нея—колонна, служащая тутъ для обозначенія дворца Плутона.

Campanari, въ ук. м., называетъ сидящую мужскую фигуру—Аидомъ; юношу позади Геракла—Іолаемъ, а вышедшую изъ дворца женскую фигуру — Персефоной; Gerhard видитъ въ нихъ также Аида, Іолая и Персефону (или Гекату). Въ виду того однако, что о посѣщеніи преисподней Іолаемъ вмѣстѣ съ Геракломъ не говоритъ ни одинъ изъ варіантовъ сказанія объ этомъ подвигѣ Геракла [1] упоминающихъ только Гермеса и Аѳину, какъ спутниковъ героя; а съ другой стороны, въ виду несомнѣннаго соотвѣтствія этой сцены съ сказаніемъ объ освобожденіи Геракломъ Тезея при этомъ посѣщеніи преисподней, мы считаемъ возможнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ истинѣ—объяснять эту фигуру идущаго за Геракломъ юноши не какъ Іолая, но какъ Тезея, уходящаго вмѣстѣ съ своимъ освободителемъ изъ преисподней,—сцена, аналогичное воспроизведеніе которой мы видѣли уже на вазѣ Santangelo 709. Что касается остальныхъ двухъ фигуръ, то первую изъ нихъ (мужскую) возможно назвать, вмѣстѣ съ указанными авторами, Аидомъ (или Эакомъ, какъ привратникомъ во дворцѣ Плутона), тогда какъ слѣдующую за похитителемъ Кербера женскую фигуру — Гекатой, которая на цѣломъ рядѣ вазъ является обычной фигурой въ сценахъ похищенія Геракломъ Кербера, или, по аналогіи съ картинами на нѣкоторыхъ другихъ вазахъ (напр. на чер. фиг. амф. Московск. Унив. № 6, на кр. фиг. чашѣ въ Altenburg, и нѣк. др., см. слѣд. группу), самой Персефоной.—

№ XIII. *Ваза опубликованная у Gerhard*: Auserlesene griech. Vasenbilder, II, Taf. 130, S. 155—156.—Тирренская амфора; черныя фигуры на желтокрасномъ фонѣ съ бѣлыми и фіолет. частями.

Сцена, воспроизведенная на этой амфорѣ, по своему содержанію почти не отличается отъ только что разсмотрѣнной, соединяя и тутъ въ одну цѣльную картину посѣщеніе Геракла преисподней съ освобожденіемъ оттуда Тезея. Гераклъ и здѣсь, какъ тамъ, въ льви-

---

[1] Ср. Preller: griech. Mythologie II, S. 222—223; Metzger: Hercules въ Pauly's Real—Encyclop. S. 1168. и др.—

і шкурѣ, съ колчаномъ за плечами и палицею въ рукахъ уво-
ъ за собою двухголоваго Кербера съ змѣинымъ хвостомъ; рядомъ
Кerберомъ стоитъ Аѳина въ шлемѣ, хитонѣ съ эгидой и съ
пемъ въ правой рукѣ; впереди Геракла направо идетъ Гермесъ
короткомъ хитонѣ, хламидѣ, окрыленныхъ сандаліяхъ, петасосѣ
ъ керюкейономъ въ рукѣ, обратившись лицомъ въ сторону Ге-
ла. Слѣва отъ Аѳины изображена фигура идущаго юноши въ

Рис. № 12.

откомъ хитонѣ, съ теніей на головѣ, съ лукомъ въ лѣвой рукѣ
колчаномъ за плечами. Gerhard, въ ук. м., называетъ его Апол-
ломъ; мы думаемъ, что и здѣсь, какъ на предыдущей вазѣ и на
юваніи тѣхъ же соображеній, (не говоря уже о томъ, что допу-
ніе присутствія Аполлона, какъ бога свѣта и разума, въ преис-
дней, противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ представленіямъ о самой
› природѣ), должно видѣть Тезея въ моментъ освобожденія его
ь преисподней Геракломъ.—

уппа V. Похищеніе Геракломъ Кербера и картины преисподней, связанныя съ воспроизведеніемъ этого событія.

№ *XIV. Ваза Неаполитанскаго музея, коллекціи Santangelo 11.*—Большая нижнеиталійская амфора съ волютообразн. ручками;

красныя фигуры съ бѣлыми частями; выс.=0,56 м.; окружн.=1,04. м.; найдена въ Armentum [1].

Среднюю часть всей картины, композиція которой распредѣлена здѣсь въ два ряда, занимаетъ дворецъ Плутона, состоящій изъ фундамента и четырехъ іоническихъ колоннъ, поддерживающихъ крышу съ простымъ фронтономъ, лишеннымъ всякихъ орнаментовъ. Внутри

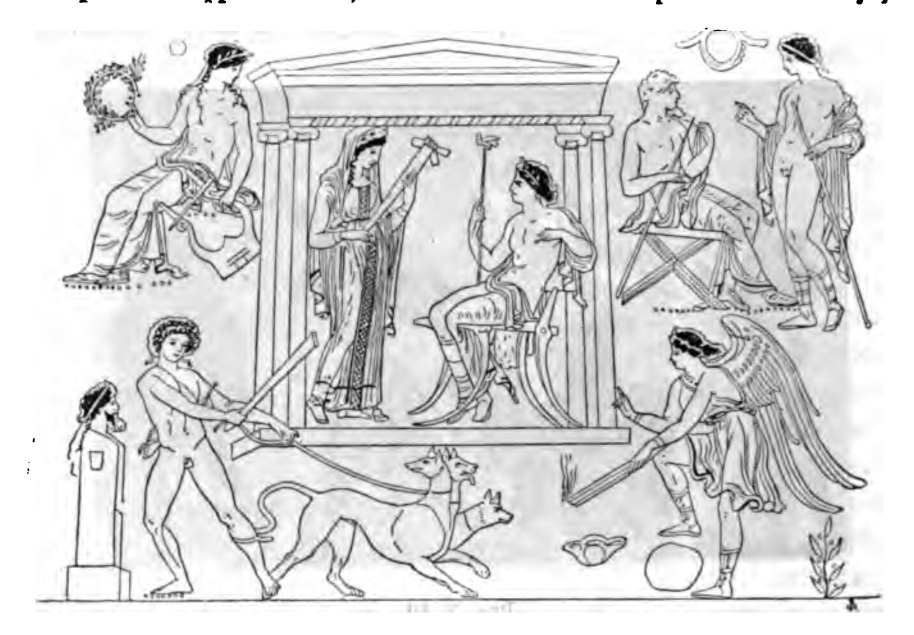

Рис. № 13.

дворца находятся двѣ фигуры: первая представляетъ юношу съ вѣнкомъ на головѣ и скиптромъ, увѣнчаннымъ сфинксомъ, въ правой рукѣ, сидящаго на тронѣ поверхъ разостланной на немъ шкуры и одѣтаго въ хламиду, закрывающую его до пояса; вторая, стоящая

[1] *Panofka*: Musée Blacas, monuments grecs et etrusques, Paris 1830, p. 23,4 и 127; *Gerhard*: Hyperbor. Römisch. Studien I, S. 186.—*Wélcker*: alte Denkmäler, III, S. 225 и сл.,—Archäolog. Zeitung 1843, S. 191 и сл. (*Schulz*); 1848, S. 223, 23 (*Panofka*); 1867, S. 33 и сл. и 120,56 (*Jahn*); тамъ же S. 97 и сл., Taf. 220 и 221 (*Forchhammer*).—Revue archéologique II, p. 476 (*Vinet*). *Kekulé*: Strenna festosa offerta al S. G. Henzen, Roma 1867 (съ рисунк.)—*Heydemann*: die Vasensammlungen d. Museo Nazionale zu Neapel, Berl. 1872. Santangelo № 11, S. 629 и сл.—Bullet. arch. Napolit., nuova ser., T. VIII, tav. 6,7,8.—Wiener Vorlegeblätter сер. E, табл. VI, 5.—*Winkler*: d. Darstell. d. Unterwelt, S. 50—52.

подлѣ, изображаетъ молодую женщину въ длинномъ хитонѣ и мантіи, съ короной на головѣ и съ четырехконечнымъ факеломъ въ рукахъ; обѣ фигуры обращены другъ къ другу въ положеніи бесѣдующихъ. Относительно женской фигуры всѣ изслѣдователи сходятся въ истолкованіи ея, какъ Персефоны, и такое именно значеніе ея въ виду очевиднаго сходства ея съ изображеніями Персефоны на другихъ вазахъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Что касается фигуры юноши, то мнѣнія относительно его значенія—различны: одни изслѣдователи [1] принимаютъ его за Іакха, который поставленъ тутъ на мѣсто Аида, какъ супругъ Персефоны; другіе [2]) видятъ въ немъ самого Аида и юношескій типъ его лица объясняютъ здѣсь вліяніемъ тѣхъ воззрѣній на Аида, которыя приводили къ смѣшенію его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ Діонисомъ. Что касается вѣнка на его головѣ и звѣриной шкуры на тронѣ, то аналогичныя изображенія мы видимъ на вазахъ Altamura и Canosa (гдѣ Аидъ представленъ съ вѣнкомъ на головѣ) и на вазѣ Iatta 1094, (гдѣ онъ изображенъ сидящимъ на звѣриной шкурѣ).

Въ нижнемъ ряду композиціи слѣва, подлѣ бородатой гермы, представленъ юный Гераклъ, совершенно нагой, съ лукомъ и колчаномъ за плечами и съ палицей въ правой рукѣ: съ помощью веревки (или цѣпи) онъ старается увести за собою трехголоваго Кербера, который хвостомъ своимъ обвилъ его ногу. Фигурѣ Геракла соотвѣтствуетъ на другой сторонѣ фигура Гекаты (или Эринніи) въ видѣ крылатой женщины въ короткомъ хитонѣ и высокихъ шнурованныхъ башмакахъ, съ змѣинообразной повязкой на головѣ и опущеннымъ факеломъ въ лѣвой рукѣ; поставивши правую ногу на возвышеніе, она протягиваетъ къ похитителю Кербера свою правую руку. Стоящая подлѣ Геракла герма обозначаетъ здѣсь входъ въ преисподнюю

По обѣ стороны отъ дворца Плутона, въ верхнемъ ряду композиціи, расположены фигуры трехъ юношей: одинъ изъ нихъ, сидящій отъ дворца налѣво, одѣтъ до пояса въ длинную мантію, имѣетъ на головѣ вѣнокъ и держитъ въ лѣвой рукѣ лиру, а въ правой—

---

[1] Panofka, S. 361 (въ Kunstblatt, 1825); Kekulé, S. 16; Winkler, S. 51, Heydemann, S. 630 и др.

[2] Jahn: Arch. Zeit. 1867, S. 43, и др.

другой большой вѣнокъ; лицо его обращено къ центру картины. Два другіе, направо отъ дворца, представляютъ собою группу бесѣдующихъ: оба одѣты въ хламиды и сандаліи и имѣютъ въ рукахъ жезлы; головы ихъ также украшены вѣнками; большой вѣнокъ виситъ и между ними обоими; изъ нихъ одинъ, стоящій вдали отъ дворца, обращается къ другому съ рѣчью, дѣлая правой рукою жестъ убѣжденія; другой, сидящій подлѣ дворца на креслѣ, приподнявши край одежды надъ лѣвымъ плечомъ, внимательно его слушаетъ. Опредѣленное, не оставляющее сомнѣній, истолкованіе этихъ трехъ фигуръ до сихъ поръ еще не найдено. Юношу съ лирой одни (Heydemann, S. 630) называютъ Орфеемъ, другіе (Panofka, S. 361, Winkler, S. 51 и др.) Аполлономъ; третьи (Jahn, S. 45) утверждаютъ, что фигура эта не можетъ быть названа никакимъ опредѣленнымъ миѳическимъ именемъ; группу двухъ другихъ юношей одни принимаютъ за Тезея и Пейриѳоя (Heydeman, ibid., Winkler), тогда какъ другіе (Kekule, S. 45; Iahn, ibid.) считаютъ болѣе правильнымъ не настаивать ни на одномъ изъ извѣстныхъ миѳическихъ именъ, ибо, по справедливому замѣчанію Iahn, при отсутствіи надъ ними надписей можно избирать для такихъ юношескихъ фигуръ любыя имена изъ всей массы миѳическихъ обитателей преисподней. И дѣйствительно, не называя никого изъ нихъ какимъ-либо опредѣленнымъ миѳическимъ именемъ, мы будемъ, думается намъ, гораздо ближе къ истинѣ, если объяснимъ всѣ эти три фигуры, какъ фигуры посвященныхъ, пользующихся привилегіей жить у самаго входа во дворецъ Плутона [1], которые, согласно Пиндару, по смерти забавляются въ преисподней—одни пѣніемъ съ аккомпаниментомъ киѳары (какъ юноша налѣво отъ дворца), другіе—пріятными бесѣдами, въ которыхъ они вспоминаютъ о совершенныхъ ими при жизни дѣяніяхъ (какъ группа направо), и которые въ своей блаженной жизни за гробомъ «вѣнками и букетами оплетаютъ свои локоны и руки» [2].

Устанавливая такое объясненіе, мы видимъ такимъ образомъ, что художникъ воспроизвелъ въ своей композиціи, какъ главный сю-

---

[1] Aristophan. Ranae 154—и сл.; Axiochos 371. Ср. также группы посвященныхъ на вазахъ Canosa (Мюнх. м.) и Ruvo (Карлсруэ).

[2] Ср. привед. у насъ выше фрагментъ изъ Пиндара по Schneider, S. 55, и Pind. Ol. II, 136.

жетъ,—похищеніе Геракломъ Кербера, и присоединивши сюда сверхъ того изображеніе только одной, важнѣйшей части преисподней, а именно, жилища властителей преисподней вмѣстѣ съ ними самими и группой близъ живущихъ посвященныхъ, опустилъ совершенно въ своей картинѣ всѣ тѣ боковыя группы обитателей преисподней, (Сизифъ, Данаиды, Танталъ, Мегара съ Гераклидами и т. д.), которыя въ такой значительной степени расширяли и усложняли композицію преисподней на другихъ большихъ нижнеиталійскихъ вазахъ.

№ XV. *Ваза, изображенная у Millin*: gallerie mythologique, (Paris 1811), pl. CXXV, № 467, pag. 37 [1].

Картина, имѣющая мѣсто на разсматриваемой вазѣ, воспроизводитъ въ отличіе отъ остальныхъ иной моментъ изъ сказанія о посѣщеніи Геракломъ преисподней, а именно, моментъ, предшествующій уводу Кербера изъ преисподней. Композиція картины состоитъ изъ трехъ только фигуръ: Аида, Персефоны и Геракла, составляющихъ здѣсь одну цѣльную группу. Въ центрѣ ея на тронѣ сидитъ величественный бородатый мужъ, одѣтый до пояса въ мантію и держащій обѣими руками большой рогъ изобилія; свой длинный скипетръ, увѣнчанный птицею, онъ удерживаетъ лѣвой рукой. Непосредственно передъ нимъ стоитъ нагой, опирающійся на палицу юноша съ львиною шкурой на спинѣ, причемъ львиная голова, которою заканчивается эта шкура, служитъ ему какъ-бы шлемомъ; правую руку онъ протягиваетъ по направленію къ находящемуся передъ нимъ властителю преисподней. Послѣдняя фигура, находящаяся по другую сторону отъ средней, представляетъ собою молодую женщину въ длинномъ опоясанномъ хитонѣ, въ мантіи, въ сандаліяхъ и съ короной на головѣ; она стоитъ, обернувшись всею фигурою къ центру и положивши правую руку на спинку стоящаго передъ нею трона.

Изъ всѣхъ трехъ фигуръ только относительно Геракла съ самаго начала не возникало никакихъ сомнѣній; что касается двухъ остальныхъ, то въ первое время ихъ объясняли (Millin, p. 37), какъ фи-

---

[1] Она же опублик. у *Tischbein:* peintures des vases etrusques d'Hamilton, 1791, T. IV, pl. 25 (35). *Welcker*: alte Denkmäler, Göttingen 1849—64, III, S. 305—309.— Winkler: d. Darstell. d. Unterwelt, S. 53—54. (Форма и мѣстонахожденіе этой вазы не указаны).

гуры Зевса, держащаго въ рукахъ рогъ Ахелоя и супруги его Юноны. Велькеру однако удалось доказать (Alte Denkm., ук. м.) несостоятельность такого толкованія и замѣнить его инымъ, соотвѣтствующимъ, повидимому, истинному содержанію этой картины, а именно, истолкованіемъ, согласно которому здѣсь представлена сцена изъ сказанія о посѣщеніи Геракломъ преисподней въ тотъ моментъ, когда герой, явившись передъ властителями преисподней, проситъ ихъ о дозволеніи вывести изъ преисподней Кербера. Показавши несостоятельность истолкованія фигуры съ рогомъ изобилія, какъ Зевса, названный авторъ даетъ рядъ убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу своего объясненія и указываетъ рядъ памятниковъ съ подобными же изображеніями Плутона, изъ которыхъ слѣдуетъ, что фигура съ рогомъ изобилія на разсматриваемой вазѣ можетъ быть только фигурой Плутона [1].

Разъ установлено такимъ образомъ значеніе средней фигуры, какъ Плутона, — становится понятнымъ и содержаніе всей изображенной здѣсь группы, ибо тогда молодая женщина, стоящая сзади Плутона, можетъ быть только Персефоной, съ которой она дѣйствительно весьма сходна по своему типу, одеждамъ и самой постановкѣ, какія мы видѣли на другихъ вазахъ. Самое же дѣйствіе, воспроизведенное въ этой картинѣ, совершенно удовлетворительно объясняется въ указанномъ у Welcker смыслѣ согласно тому варіанту легенды объ уводѣ Геракломъ Кербера [2], по которому Гераклъ, прежде чѣмъ спуститься въ преисподнюю, принялъ посвященіе въ Элевзинскія мистеріи и, явившись къ Аиду и Персефонѣ, съумѣлъ обойтись съ ними такъ искусно, что они согласились разрѣшить ему увести изъ преисподней Кербера. Этотъ, именно, моментъ обращенія Геракла съ просьбой къ царю преисподней и изображенъ на разсматриваемой вазѣ, и притомъ такимъ образомъ, что кромѣ этихъ трехъ лицъ художникъ не представилъ уже ни одного изъ обитателей преисподней.

Что касается другихъ картинъ, воспроизводящихъ сказаніе о посѣщеніи преисподней Геракломъ и относящихся къ моменту самаго

---

[1] См. Welcker: A. D. II, Taf. IV,7 и стр. 85—89; III, S. 306, примѣч. 9; также Élite ceramogr. T. III, pl. 58; Gerhard: Trinkschale und Gefässe II, табл. и стр. 54, пр. 11 и др.

[2] См. Preller: griechische Mythologie. Berlin 1872, II, S. 222 и сл.

хищенія Кербера, то картины эти дошли до насъ въ значитель-ымъ количествѣ. Въ виду однако, съ одной стороны, простоты и ности ихъ содержанія, уже извѣстнаго изъ описанія этого сюжета предшествующихъ вазахъ и потому не требующаго подробнаго исанія, а съ другой, существеннаго ихъ однообразія, мы только атко перечислимъ здѣсь эти картины, подраздѣливши ихъ на нѣ-олько разрядовъ по числу участвующихъ въ изображаемомъ со-ітіи лицъ.

№№ *XVI—XXXII. Ваза Неаполитанскаго музея № 3378*. Гидрія; рныя фигуры съ бѣл. част.; выс.=0,25; окр=0,52 м. Опис. у *eydemann*: d. Vasensammlung d. Museo Nazionale zu Neapel, S.)9.—*Jahn*: Archäolog. Beitrage S. 43 и сл.—Revue archeologique 868, p. 376 и сл. (De-Witte).—*Гераклъ* обычнаго на чернофиг. вазахъ типа уводитъ двухголоваго Кербера въ присутствіи *Гекаты*, ѣтой въ хитонъ и мантію, съ теніей на головѣ, и протягивающей ѣ руки къ герою; какъ помощники Геракла, въ сценѣ участвуютъ бородатый *Гермесъ* и *Аѳина*, одѣтая въ хитонъ съ эгидой на груди имѣющая шлемъ на головѣ и щитъ и копье въ обѣихъ рукахъ [1].

Ваза, изображенная у Gerhard: *auserlesene griech. Vasenbilder*, *I*, *Taf. 131*.—Гидрія, черныя фигуры на кр. фонѣ съ бѣл. частя-и. Дѣйствующія лица тѣ же, что́ и на предыдущей вазѣ: Гераклъ, екатa, Гермесъ и Аѳина; послѣдняя стоитъ передъ четверкою ло-адей.

Ваза *Неаполитанскаго музея № 267*. Гераклъ похищаетъ двух-оловаго Кербера въ присутствіи *Гермеса и Аѳины*, обозначенныхъ адписями. Ваза описана Heydemann: d. Vasensammlung, S. 692; адписи, имѣющія мѣсто на этой вазѣ у него же Taf. XVIII, № 267 зобр. въ Jahrb. d. k. A. J. VIII, 3, S. 157. Ч. ф. на кр. фонѣ.

Сцена похищенія Кербера Геракломъ въ присутствіи *Гермеса и Аѳины* изображена также на вазахъ: *чернофиг. амфоръ собр.*: *Feoli* № *87*, описан. у Campanari: antichi vasi dipinti della collezione

[1] На кр. фиг. чашѣ, наход. въ Altenburg, опубл. у Hartwig: d. Heraufholung d. erberos auf rothfigurigen Schalen, въ Jahrb. d. k. d. A. Inst. 1893, H. III, S. 157 сл., сходная сцена происходитъ, по объясн. автора ст., въ присутствіи *Аѳины*, *ерсефоны* и *Плутона*. (Ваза эта упом. также въ Bull. 1842, p. 80; Arch. Z. 1854, 500. и Journ. of. Hell. Stud. 1883, 107). Рисунокъ у Hartwig, S. 168.

Feoli, № 87; *на вазѣ собранія Durand* № *65*, описан. у De-Witte: description des antiquites de cabinet d. M. Durand, Paris 1836, № 65; *На вазѣ того-же собр. Durand* № *309*, опис. тамъ же

Рис. № 14.

№ 309 и изобр. у Gerhard: auserles. griech. Vasenbilder, II, Taf. 129; *на вазѣ собранія Beugnot* № *48*, описан. у De-Witte: description des antiquites de la collect. de Beugnot № 48, и нѣк. др.

Та же сцена, происходящая въ присутствіи *Гермеса и Гекаты*, изобр. *на чернофиг. амфорѣ собр. Basseggio*, опублик. у Gerhard: auserles. gr. Vasenbilder, II, S. 156; и въ прис. *Гермеса* и *Персефоны* на *ч.—фиг. амфорѣ Моск. Каб. из. иск.* № *6*, опис. въ Bull. dell'Inst. 1859, p. 131, и въ каталогѣ Моск. мюнцъ-кабинета (сост. проф. А. Н. Шварцемъ), подъ № 6. Та же сцена похищенія, при которой присутствуютъ *Аеина и Геката*, представлена *на вазѣ собр. Durand* № *310*, опубл. у De Witte: descr. d. ant Durand № 310.

Наконецъ, въ картинахъ на нѣкоторыхъ вазахъ событіе совершается при участіи въ немъ (кромѣ Геракла) какого-либо одного изъ названныхъ божествъ: или *Аѳины, какъ на чернофиг. амфорѣ Императ. Эрмитажа № 122*, описан. у Stephani: d. Vasensammlung d. Kais. Er-

Рис. № 15.

itage № 122; *на вазѣ собр. Durand № 311*, опис. у De-Witte, id. № 311; или *Гекаты, какъ на чернофиг. амфорѣ Берлинскаго музея*, описан. у *Gerhard*: Berlins *antike Bildwerke*, № *657*, и н. др.; или *Гермеса, какъ на тиренской амфорѣ*, описанной у Gerhard: Auserles. griech. Vasenbilder, S. 156, пр. 23-е; и на трехъ кр. фиг.

вазахъ, опубл. въ Jahrbuch d. k. d. Arch. Inst. 1893, Heft III, подъ № 2, 3 и 4, въ ст. *Hartwig: d. Heraufholung d. Kerberos auf rothfigurigen Schalen, S. 162, 159 и сл., и 165, и сл.*, гдѣ указана и относ. сюда литература.

Группа VI. Изображенія преисподней въ связи съ событіемъ истребованія отъ Аида Персефоны.

Сущность сказанія объ истребованіи Персефоны изъ преисподней, воспроизведеннаго на нижеслѣдующихъ трехъ вазахъ, вкратцѣ такова. Когда, послѣ похищенія Коры Аидомъ, Деметра отказывалась давать производительность землѣ и возвратиться на Олимпъ ранѣе, чѣмъ ей будетъ возвращена ея дочь, Зевсъ напрасно посылалъ къ ней различныхъ боговъ съ предложеніемъ смягчить ея гнѣвъ. Тогда, наконецъ, царь безсмертныхъ боговъ отправилъ своего вѣстника, Гермеса, къ самому Аиду въ преисподнюю съ требованіемъ о возвращеніи Персефоны ея матери, каковое требованіе властитель преисподней и долженъ былъ исполнить, обязавши однако Персефону каждый годъ на четыре мѣсяца возвращаться къ нему въ преисподнюю. (См. Homer. Hymn. in Cer.; Pyndar. Ol. 6, 160; Apollod. 1, 5, 3; Hygin. fab. 146; Preller: gr. Myth., ed. 3, I, S. 627 и др.)

№ *XXXIII. Ваза собранія Durand № 202, впослѣдствіи въ собраніи* Beugnot № *28.*—Амфора въ видѣ канделябра, съ узкимъ и высокимъ туловищемъ, расширяющимся книзу, съ высокимъ горлышкомъ и змѣинообразными ручками; красныя фигуры съ бѣлыми и фіолет. частями; найдена въ Ruvo [1].

Простѣйшею изъ трехъ извѣстныхъ намъ картинъ, воспроизводящихъ сказаніе объ истребованіи Персефоны изъ преисподней Гермесомъ, является та, которая имѣетъ мѣсто на разсматриваемой амфорѣ коллекціи Beugnot, гдѣ сцена эта помѣщена въ нижнемъ изъ двухъ рядовъ фигурныхъ композицій, раздѣленныхъ одинъ отъ другого орнаментомъ и не имѣющихъ между собою ничего общаго.

[1] Опубликов. *De-Witte*: description des antiquités et objets d'art, qui comp. le cab. de feu M. le Chev. Durand, Paris 1836, № 202 (p. 60—61); и его же description de la collection d'antiquités de M. Beugnot, Paris 1840, № 28 (p. 23—24, и примѣч. p. 24—28) —*Winkler*: die Darstellungen d. Unterwelt, S. 71—73, не давая собственнаго описанія этой картины, цитируетъ цѣликомъ (по франц.) описаніе De Witte.

Композиція картины состоитъ только изъ трехъ фигуръ: Аида, Персефоны и Гермеса.

Уже въ первомъ своемъ описаніи этой картины (въ опис. колл. Durand) de Witte, не давая объясненія внутренняго содержанія изображенной здѣсь сцены, тѣмъ не менѣе называетъ вполнѣ правильно всѣ три фигуры ихъ настоящими именами (Аида, Персефоны и Гермеса), оговариваясь впрочемъ при этомъ, что фигура Аида можетъ быть также истолкована, какъ изображеніе Юпитера Немейскаго, а имя Персефоны можетъ быть замѣнено именемъ Гекаты или Немезиды. Во второмъ описаніи этой вазы (въ колл. Beugnot) онъ уже рѣшительно принимаетъ имена обоихъ властителей преисподней и Гермеса для участвующихъ въ этой сценѣ фигуръ, и это наименованіе ихъ по нынѣ остается въ полной силѣ, такъ какъ отыскано и истинное значеніе воспроизведеннаго тутъ событія, именно, какъ истребованія Персефоны изъ преисподней.

Въ центрѣ группы представленъ Аидъ въ видѣ бородатаго мужа, сидящаго на высокомъ тронѣ со скиптромъ въ лѣвой рукѣ и одѣтаго въ богато расшитый хитонъ. Слѣва отъ него стоитъ его молодая супруга, одѣтая въ хитонъ и мантію; въ одной рукѣ она держитъ свой оригинальный четырехконечный факелъ, а въ другой — вѣнокъ изъ миртовыхъ листьевъ. Гермесъ помѣщается направо отъ Аида: на немъ надѣта обычная хламида, сандаліи и петазосъ, висящій за спиной; голова украшена вѣнкомъ; въ правой рукѣ онъ держитъ керюкейонъ. Между Аидомъ и Персефоной находится ѳиміатеріонъ, надъ Аидомъ—два колеса; позади Персефоны видна часть дерева. Моментъ, воспроизведенный въ этой картинѣ есть тотъ, когда Гермесъ, высказавши царю преисподней волю самого Зевса относительно возвращенія Персефоны, ожидаетъ рѣшенія обоихъ, совѣщающихся между собою, подземныхъ боговъ.

№ XXXIV. *Ваза Британскаго музея F. 276 (залъ четвертый).* Амфора съ овал. туловищемъ; красн. фигуры съ бѣл. и желт. частями; весьма тщательнаго рисунка; выс.=33 дюйм.; найдена въ Basilicata; перешла въ Британ. музей изъ колл. Blacas, куда въ свою очередь перешла ранѣе изъ колл. Durand (№ 203) [1].

[1] Опублик.: *De-Witte*: description des antiquités...... Durand, № 203, p. 61 и сл.— *Winkler*: d. Darstellungen d. Unterwelt, S. 69—71, и рисунокъ у него же на прилож. таблицѣ, исполненный Lambert'омъ.

Въ центрѣ картины,—помѣщенной въ верхнемъ изъ двухъ имѣющихся на вазѣ рядовъ фигурныхъ композицій, раздѣленныхъ одинъ отъ другого широкою полосою геометрическаго орнамента,—на богато изукрашенномъ тронѣ сидитъ бородатый величественный мужъ, одѣтый въ хитонъ, опоясанный зубчатымъ поясомъ, и въ мантію; скрещенныя ноги, обутыя въ сандаліи, онъ поставилъ на небольшую скамью, находящуюся передъ трономъ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ скипетръ, увѣнчанный птицею, а въ правой—блюдо, которое онъ протягиваетъ къ стоящей передъ нимъ молодой женщинѣ. Эта послѣдняя, одѣтая въ хитонъ и мантію и украшенная головною короною съ спускающимся отъ нея покрываломъ, ожерельемъ, серь-

Рис. № 16·

гами и браслетами, обратила къ нему свое лицо, приподнимая правой рукою край покрывала надъ плечомъ, а лѣвой рукою, въ которой она держитъ вѣнокъ, опираясь на свой оригинальный, четырехконечный факелъ, поставленный на землю. Позади нея слѣва помѣщается большой сосудъ въ формѣ бассейна на высокой ножкѣ; а подлѣ него, прислонившись къ нему лѣвой рукою, сидитъ на складномъ креслѣ молодая женщина въ длинномъ хитонѣ и мантіи, съ двойнымъ ожерельемъ на шеѣ и браслетами на рукахъ; въ то время какъ вся фигура ея обращена влѣво, лицо ея повернуто въ сторону центральной группы; въ правой рукѣ она держитъ открытый туалетный ящикъ и предметъ въ формѣ мяча; въ лѣвой зонтикъ; подлѣ бассейна внизу видно ручное зеркало. Наконецъ, направо отъ центральной группы стоитъ, прислонившись къ большому сосуду въ формѣ бассейна, нагой юноша съ короткой хламидой на плечахъ, съ петазасомъ за спиной и керюкейономъ въ лѣвой рукѣ; спокойно скрестивши ноги, обутыя въ окрыленныя сандаліи, онъ

протягиваетъ къ находящейся предъ нимъ группѣ правую руку съ поднятыми вверхъ тремя пальцами, какъ знакъ обращенія къ нимъ съ рѣчью Вверху надъ фигурами видны: мечъ съ петазосомъ (или щитомъ?) и прохусъ; а внизу — сосудъ для благовонныхъ куреній (θυμιατήριονъ) и широкая чаша на низкой ножкѣ и съ ручками.

Согласно первому объясненію De Witte, фигура сидящаго на тронѣ мужа означаетъ собою Плутона (или Юпитера Немейскаго). женская фигура съ факеломъ—Гекату (или Адрастею); фиг. юноши съ керюкейономъ—Гермеса-Психопомпа, а фиг. сидящей женщины—Афродиту. Winkler принимаетъ имена Плутона, Гермеса и Афродиты, замѣняя только имя Гекаты именемъ Персефоны, ради которой явился сюда Гермесъ. Необходимо однако внести сюда поправку относительно фигуры, названной у обоихъ авторовъ именемъ Афродиты. Только согласно одному сказанію объ Адонисѣ, эта богиня красоты и любви, постоянная обитательница Олимпа, спускалась *однажды* въ преисподнюю въ роли *соперницы* Персефоны, оспаривая у нея умершаго Адониса; въ картинѣ на данной вазѣ отношеніе между обѣими женскими фигурами не имѣетъ ничего общаго съ сейчасъ указаннымъ и роль сидящей молодой женщины можетъ быть по отношенію къ царицѣ преисподней только ролью прислужницы, держащей въ рукахъ назначенные для ея госпожи предметы. Что касается опредѣленнаго наименованія этой фигуры, то и здѣсь, какъ было уже не разъ замѣчено выше, каждое такое наименованіе будетъ до нѣкоторой степени произвольно въ виду того обстоятельства, что существуетъ возможность назвать ее любымъ изъ нѣсколькихъ именъ миѳическихъ персонажей, о которыхъ можно съ большимъ или меньшимъ основаніемъ предполагать (какъ, напр., относительно Эвридики, Алцесты и н. др.), что значеніе ихъ по смерти въ преисподней соотвѣтствуетъ такому почетному положенію подлѣ самой владычицы преисподней.

№ XXXV. *Ваза Императорскаго Эрмитажа* № *424*. Большая нижнеиталійская амфора съ волютообразными ручками; красныя фигуры на черн. фонѣ съ бѣл., желт. и коричн. частями; выс.=1 арш. 8¼ верш.; найдена въ Ruvo; изъ колл. Campana, XIV, 8. [1].

---

[1] *Raoul-Rochette*: monuments inedits d'antiquité figurée grecque, etr. et rom., Paris 1833, pl. XLV, pag. 179, прим. 3.— *Gerhard*: Vases grecs, relatifs aux mystères, Stuttg. 1839, pl. I—III; и Text zu Gerhard's Antiken Bildwerken, S. 375—379.—

Картина на вазѣ Эрмитажа № 424 является наиболѣе обширной изъ трехъ, изображающихъ сцену истребованія Персефоны изъ преисподней, причемъ сложная композиція ея, состоящая изъ 14 фигуръ, расположена тутъ въ два ряда. Центральная группа всей композиціи, состоящая изъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Аида, Персефоны и Гермеса, помѣщается внутри дворца, крыша котораго поддерживается четырьмя іоническими колоннами. Аидъ, въ длинномъ рукавномъ хитонѣ и мантіи, съ вѣнкомъ на головѣ и скипетромъ, увѣнчаннымъ птицею, въ лѣвой рукѣ, сидитъ на высокомъ тронѣ со спинкою, обернувшись въ сторону Гермеса, къ которому онъ, дѣлая жестъ правой рукою, обращается съ рѣчью. Гермесъ, стоящій направо отъ Аида, представленъ въ обычной хламидѣ, съ петазосомъ за спиной и керюкейономъ въ приподнятой правой рукѣ. Наконецъ, Персефона въ видѣ молодой женщины, одѣтой въ хитонъ и мантію, стоитъ подлѣ Аида слѣва, обративши къ нему свое лицо и приподнимая правой рукой надъ плечомъ край своей мантіи.

Группа верхняго ряда слѣва отъ дворца состоитъ изъ двухъ фигуръ: Эриннiи и посвященнаго въ положеніи бесѣдующихъ. Первая, въ такомъ же одѣяніи, въ какомъ является она и на вазахъ Altamura (подлѣ Орфея) и Canosa (подлѣ Сизифа), сидитъ на шкурѣ пантеры, (какъ на в. Altamura), держа въ лѣвой рукѣ копье, а правою дѣлая жестъ обращенія къ стоящему передъ нею посвященному. Этотъ послѣдній — совершенно нагой, съ одною хламидой на плечахъ, украшенъ вѣнкомъ; въ правой рукѣ держитъ двѣ миртовыя вѣтви; подлѣ него виситъ тенія: вѣнокъ на головѣ, миртовыя вѣтви въ рукахъ и тенія, изображенная подлѣ, ясно указываютъ на то, что юноша этотъ представляетъ собою посвященнаго въ мистеріи, и вся фигура его дѣйствительно оказывается близко напоминающею подобную же фигуру и на соотвѣтствующемъ этому мѣстѣ на в. Canosa.

Archäolog. Zeit. 1843, S. 199; 1844, S. 225, Taf. XIII.—*Wieseler*: a. Denkmäler, II, № 864.—*De-Witte*: Elite céramogr., IV, pl. 2;—*Panofka*: Zufluchtsgottheiten, Taf. 4,7.—*Iahn*: Sitz.-Ber. d. Kön. Sachs. Ges. d. Wissensch. 1856, S. 282.—*Stephani*: d. Vasensammlung d. kais. Ermitage № 424; Compte—Rendu de la Comm. arch. 1862, p. 157; 1863, p. 265 и 268.—Wiener Vorlegeblätter für arch· Ubung., серія E табл. IV.—*Baumeister*: Denkmäler, S. 1930.—W*inkler*: d. Darstellungen d. Unterwelt, S. 65—69.

Другая группа посвященныхъ, помѣщенная направо отъ дворца, стоитъ изъ юноши и молодой женщины, между которыми изобраінъ летящій Эротъ, (какъ на вазѣ Santangelo 709 между Орфеѣ и Эвридикой), для обозначенія соотвѣтствующихъ эротическихъ ношеній между обоими. Молодая женщина въ безрукавномъ хи-

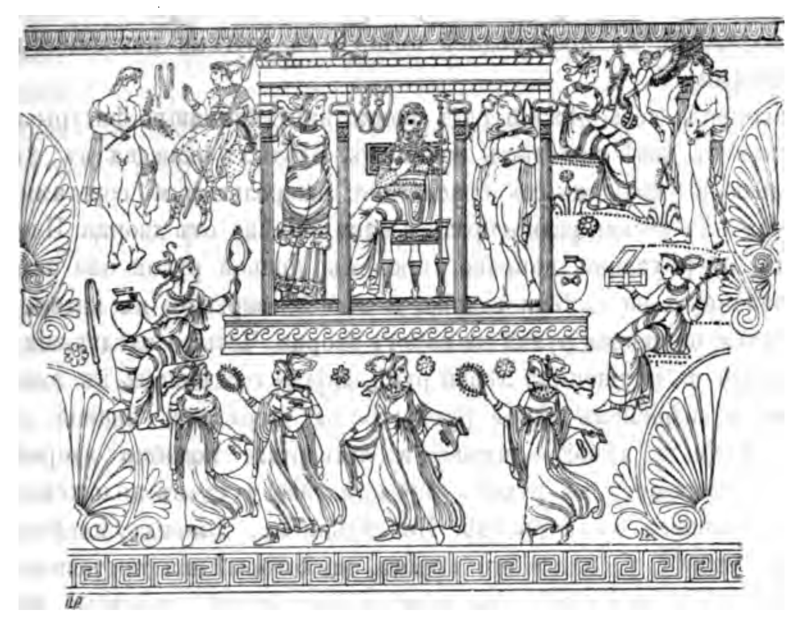

Рис. № 17.

нѣ и мантіи, украшенная браслетами, ожерельемъ и серьгами, дитъ, обратившись къ стоящему передъ нею юношѣ и смотрясь › зеркало, которое она держитъ въ лѣвой рукѣ. Юноша, совер-энно нагой, опирается лѣвой рукою на посохъ, сверхъ котораго ıложена его хламида; голова его украшена миртовымъ вѣнкомъ, ва конечныхъ листа этого вѣнка большинство изслѣдователей, :агодаря неточности рисунка у Raoul-Rochette и въ Arch. Zeit., ıвершенно ошибочно принимало за два рожка на лбу Пана; въ ıйствительности, такихъ рожковъ нѣтъ даже на несомнѣнномъ :ображеніи козлоногаго Пана на oxybaphon Blacas Британ. музея , 116); въ правой рукѣ онъ держитъ сиринксъ, на которомъ, поıдимому, играетъ; въ общемъ вся фигура его близко напоминаетъ игуру посвященнаго въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ композиціи на

вазѣ Karlsruhe 388. — Что касается опредѣленныхъ миѳическихъ именъ для этихъ посвященныхъ, то мы и здѣсь, какъ и въ предшествующихъ случаяхъ, считаемъ излишнимъ настаивать на какихъ-либо изъ нихъ, хотя съ большою вѣроятностью ихъ можно было бы назвать именами Линкея и Гипермнестры, которыхъ взаимная любовь спасла отъ кроваваго преступленія и заслужила имъ почетное положеніе въ преисподней вмѣстѣ съ другими посвященными и блаженными [1].

Наконецъ, весь нижній рядъ композиціи занимаютъ фигуры шести Данаидъ въ видѣ молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ каждая въ хитонъ и мантію и украшенныхъ браслетами, ожерельями и серьгами. Положенія ихъ весьма разнообразны: одна, налѣво отъ дворца Плутона, сидитъ, обернувшись направо, причемъ правой рукой она держитъ поставленную на колѣна гидрію, а лѣвой—зеркало, въ которое она смотрится, опершись рукой на порогъ дворца. Четыре слѣдующія: одна съ гидріей въ опущенной лѣвой рукѣ, другая съ вѣнкомъ въ поднятой правой и гидріей въ лѣвой рукѣ, третья удерживая правой рукою край мантіи, а лѣвою—гидрію, и четвертая, подобно второй, съ вѣнкомъ и гидріей въ рукахъ, представлены тутъ въ положеніи какъ бы танцующихъ въ хороводѣ. Послѣдняя изъ Данаидъ, направо отъ дворца, сидитъ у самаго его порога, на который она поставила свою гидрію; въ правой рукѣ она держитъ раскрытый туалетный ящикъ, а въ лѣвой—зеркало.

Какъ видимъ, не только посвященные и праведные изображены въ этой картинѣ пользующимися безмятежнымъ блаженствомъ, но и самыя Данаиды, осужденныя на вѣчно безплодную работу ношенія

[1] Истолкованіе пяти фигуръ, находящихся по обѣ стороны отъ дворца въ верхнемъ ряду композиціи, какъ Артемиды, Аполлона, Афродиты, Эрота и Пана, присутствующихъ при свадьбѣ Аида съ Персефоной,—истолкованіе, принимаемое до послѣдняго времени всѣми изслѣдователями, которые основывались при этомъ на случайныхъ и совершенно несущественныхъ признакахъ, представляется намъ въ полной мѣрѣ несостоятельнымъ, ибо оно находится въ прямомъ противорѣчіи какъ съ сказаніемъ о похищеніи Персефоны и истребованіи ея изъ преисподней, согласно которому это похищеніе ея и самая свадьба съ Аидомъ совершены были *тайно отъ всѣхъ боговъ* и даже самой ея матери, (въ силу чего о присутствіи на этой свадьбѣ Олимпійскихъ боговъ не можетъ быть и рѣчи), такъ и съ представленіемъ о самой природѣ названныхъ выше боговъ, съ преисподнею ничего общаго не имѣющихъ. (Сравн. свѣдѣнія относительно обитателей преисподней, согласно воззрѣніямъ различныхъ эпохъ, въ нашемъ историч. очеркѣ этихъ воззрѣній).

воды въ бездонную бочку, представлены тутъ художникомъ не въ моментъ своей тяжелой работы, (какъ это имѣетъ мѣсто на нѣк. другихъ вазахъ; см. ниже опис. картинъ, воспроизв. наказаніе Данаидъ), а въ моментъ временнаго освобожденія ихъ отъ этого наказанія по поводу великаго празднества въ преисподней,—празднества первыхъ дней брачной жизни царя преисподней съ юною Персефоной, въ которомъ принимаютъ участіе и всѣ обитатели преисподней и которое прерывается внезапно появленіемъ Зевсова посланника Гермеса, объявляющаго волю царя всѣхъ боговъ относительно юной супруги Аида.

Группа VII. Наказаніе Данаидъ.

Содержаніе миѳа о Данаидахъ, сдѣлавшагося въ одной своей существенной части предметомъ воспроизведенія (сверхъ нѣсколькихъ вышеопис.) на нижеслѣдующихъ трехъ вазахъ, вкратцѣ таково. Будучи противъ своего желанія отданы въ замужество сыновьямъ Египта, пятьдесятъ дочерей Даная поклялись своему отцу, находившемуся въ непримиримой враждѣ съ Египтомъ, умертвить—каждая доставшагося ей супруга въ первую же брачную ночь. И дѣйствительно, всѣ онѣ за исключеніемъ одной Гипермнестры, назначенной въ супруги Линкею, исполнили данную клятву: только Гипермнестра пощадила Линкея за то, что тотъ, съ своей стороны, пощадилъ ея дѣвическую невинность; въ наказаніе за свой поступокъ Гипермнестра была заключена отцомъ въ заточеніе. Окончательный жребій Данаидъ оказался однако инымъ; всѣ сестры Гипермнестры были умерщвлены впослѣдствіи Линкеемъ и *по смерти осуждены были въ наказаніе за свое преступленіе вѣчно носить въ преисподней воду въ бездонную, никогда не наполняющуюся бочку* [1].

Превосходное истолкованіе внутренняго содержанія миѳа о Данаидахъ и значенія типа этихъ послѣднихъ въ историческомъ его развитіи даетъ *J. Bachofen* въ своемъ извѣстномъ соч.: Versuch über die Gräbersymbolik der Alten, Basel 1859, S. 396

---

[1] См. *Pyndar.* Pyth. 9, 117 и Schol. ad Nem. 10, 7; *Aesch.* Suppl. и Danaid.; *Hygin.* fab. 168; *Eusthat.* 37, 10; Fr. epic. gr. (ed. K.) 1, 78; *Ovid.* Met. 4, 462; *Hor.* c. 3; 11, 25, Tibull. 1, 3, 79 и др.; а также *Roscher's* Lexikon, artik. Aigyptos (S. 155 и сл.) и Danaiden (8, 949 и сл.) и др.

и сл.—«Въ бочкѣ Данаидъ,—говоритъ онъ,—при совпаденіи миѳа съ символомъ, въ основѣ наказанія лежитъ фактъ опредѣленнаго преступленія, и такимъ образомъ наказаніе послѣ смерти опредѣляется совершеннымъ при жизни кровавымъ дѣяніемъ. Миѳъ о Данаидахъ распадается на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ великую драму ихъ борьбы противъ принудительнаго брака ихъ съ сыновьями Египта, которая закончилась на берегу Инаха кровавымъ убійствомъ во время свадебной ночи; вторая содержитъ въ себѣ уголовный судъ, по которому онѣ посланы были въ царство умершихъ для наказанія... Понятна природа той борьбы, которая велась между двумя родственными линіями (Даная и Египта) и которая была въ полномъ согласіи съ гинайкократической природой амазонокъ—Данаидъ. По всѣмъ версіямъ саги право было на сторонѣ этихъ дѣвушекъ, которыя пытались, хотя бы съ помощью ненавистнаго богамъ преступленія, избавиться отъ своихъ жениховъ. По основному закону гинайкократіи ихъ послѣднимъ и высшимъ долгомъ должно было быть господство надъ самими собою и надъ мущиной. Если Гипермнестра пощадила своего жениха, то этимъ самымъ она совершила преступленіе противъ своего рода. По праву гинайкократіи она должна была быть поставлена передъ судомъ ея сестеръ, пролившихъ кровь жениховъ, потому что не только ихъ правомъ, но и обязанностью было—сохранять свято право женщины передъ насилующими ихъ мущинами и омыть ихъ преступленіе ихъ собственною кровью. Съ этой точки зрѣнія никто не былъ преступенъ кромѣ одной Гипермнестры, которая, оказавши пощаду своему жениху, охотнѣе слѣдовала влеченію своего сердца, чѣмъ послужила своему долгу. Слѣдовательно, этой первоначальной точкѣ зрѣнія не могла принадлежать идея наказанія. Чтобы увидѣть поступокъ дѣвушекъ въ свѣтѣ преступленія, для этого необходимо было паденіе права и всего міросозерцанія древнѣйшаго времени; только когда это паденіе совершилось, явилось отвращеніе къ кровавому дѣянію мужеубійцъ; только тогда Гипермнестра явилась одна невиновной, а всѣ остальныя представлялись какъ бы погрязшими въ убійствѣ преступницами. Такимъ образомъ, опредѣленіе для нихъ вѣчныхъ мученій въ царствѣ мрака покоится на предположеніяхъ, которыя получили мѣсто лишь съ теченіемъ времени, а слѣдовательно вторая половина этого миѳа не можетъ быть признана столь же древ-

ней, какъ первая. Однако представленіе о самомъ родѣ наказанія, на которое осуждены были Данаиды, отнюдь не было произвольнымъ. Между нимъ и самымъ преступленіемъ существуетъ полное соотвѣтствіе, которое связываетъ обѣ части миѳа въ одно гармоническое цѣлое. Слѣдуя закону гинайкократіи амазонокъ, Данаиды тѣмъ самымъ нарушили афродизіастическій законъ, согласно которому на женщину возлагается самопожертвованіе и любовь въ цѣляхъ материнства (Mutterthum). Гипермнестра одна осталась вѣрна закону Афродиты и потому богиня приняла на себя ея защиту. Въ прекрасномъ фрагментѣ Эсхиловыхъ Данаидъ, (Hermann, vol. I, p. 320, cp. Euripid. Hippol. 445—452 и 1257—1271), Афродита выставляетъ на видъ, что тѣлесное единеніе и производительныя объятія служатъ высшимъ закономъ и для нея самой, и для всякой женщины, и этимъ самымъ объясняетъ, въ чемъ заключалась вина сестеръ—Данаидъ. Это-то нарушеніе естественнаго закона природы и выражается въ представленіи о бочкѣ съ пробитымъ дномъ, которая вѣчно снова и снова принимаетъ живительную влагу, не удерживая ея внутри себя, и такимъ образомъ этотъ миѳъ, осуждая преступницъ на такую работу, слѣдуетъ основанію, по которому преступленіе и наказаніе должны соотвѣтствовать другъ другу. Ненавидящія мущинъ амазонки исполняютъ отнынѣ вѣчно то дѣло, которое служитъ естественнымъ изображеніемъ того смѣшенія родовъ, какое онѣ такъ преступно отвергли... Бездонная бочка, окруженная Данаидами, обращается въ свидѣтельство нескончаемыхъ мученій въ мрачномъ подземномъ царствѣ: идея благодѣтельнаго, вѣчно повторяющагося оплодотворенія обращается въ идею вѣчной тщетности всякаго усилія. Но въ этомъ превращеніи натуральнаго символа въ выраженіе вѣчнаго наказанія развитіе этого представленія еще не достигло послѣдней своей цѣли: мученіе Данаидъ пріобрѣло еще дальнѣйшее преобразованіе. *Оно вошло въ связь съ мистеріями и сдѣлалось прообразомъ того печальнаго жребія, который претерпѣваютъ послѣ смерти всѣ непосвященные*: такимъ образомъ *вѣчное осужденіе непосвященныхъ* является послѣднею мыслью, къ которой пришло развитіе представленія о бездонной бочкѣ Данаидъ»...—Такова исторія развитія идеи о наказаніи Данаидъ въ преисподней.

Воспроизведеніе сцены наказанія Данаидъ находило себѣ мѣсто

въ картинахъ на многочисленныхъ вазахъ, изъ которыхъ, кромѣ извѣстныхъ уже изъ предыдущаго, для насъ сохранилось нѣсколько другихъ, принадлежащихъ различнымъ періодамъ, причемъ въ этихъ послѣднихъ, меньшихъ по своимъ размѣрамъ картинахъ сцена наказанія Данаидъ или сопоставляется съ наказаніемъ другихъ непосвященныхъ и преступныхъ, или противопоставляется блаженству посвященныхъ въ мистеріи и праведныхъ,

№ XXXVI. *Ваза музея въ Палермо изъ собранія principe della Trabia.*— Лекиѳъ; черныя фигуры на красн. фонѣ; выс.=0,18 м.; окр.= 0,28 м.; найденъ въ могилѣ Monte Saraceno близъ Alicata; изъ собр. pr. della Trabia перешла въ Палермскій музей [1].

Композиція, расположенная на туловищѣ лекиѳа, состоитъ изъ двухъ рядовъ. Центральнымъ пунктомъ, около котораго происходитъ

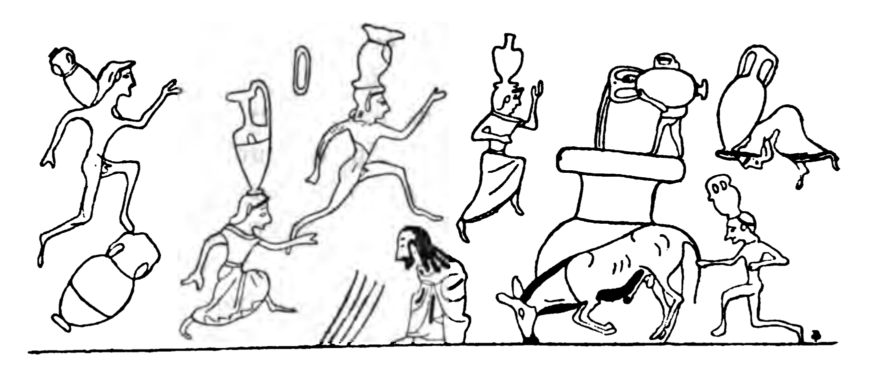

Рис. № 18.

все дѣйствіе, является огромный пиѳосъ, до половины видимый надъ поверхностью земли и представляющійся разбитымъ въ нижней своей части. На верхнемъ, широкомъ краю его горла помѣщается фигура мальчика, одѣтаго въ короткій хитонъ и держащаго въ наклоненномъ положеніи большую амфору, изъ которой онъ выливаетъ воду внутрь пиѳоса. Позади него, направо, стоитъ, изогнувшись почти до земли, женская фигура, одѣтая въ длинную тунику и съ теніей на головѣ; обѣими руками она старается взвалить себѣ на спину большую амфору. Съ противоположной стороны къ пиѳосу

[1] Опублик.: Archäolog. Zeitung 1848, S. 284—288 (Panofka), 1870, S. 42—43, Taf. 31, 22 (Heydemann).

приближается въ быстромъ движеніи другая женская фигура въ эопоясанной туникѣ и украшенная теніей; на головѣ она несетъ гидрію; обѣ руки свободно приподняты вверхъ. За нею слѣдуютъ въ еще болѣе сильномъ движеніи двѣ мужскія нагія фигуры: обѣ несутъ сосуды, одинъ на головѣ, другой—на плечахъ не придерживая ихъ отъ паденія руками.

Нижній рядъ композиціи состоитъ изъ четырехъ фигуръ. Въ центрѣ его изображенъ сидящій старецъ съ длинными, бѣлыми, разсыпающимися по плечамъ волосами и съ бородою; передъ нимъ—четыре черныя почти параллельныя полосы, подобныя нитямъ на прядильномъ станкѣ; позади него, направо, представленъ упавшій на переднія ноги и упирающійся головою въ землю оселъ, сзади котораго помѣщается нагая мужская фигура съ амфорой на головѣ. Наконецъ, на противоположной сторонѣ въ томъ же ряду находится еще одна женская фигура, въ такомъ же одѣяніи, какъ и первыя двѣ, и съ гидріей на головѣ; въ быстромъ движеніи она приближается къ сидящему старцу; позади нея лежитъ на землѣ большая амфора.

Panofka (S. 285 и сл.), указывая комическій характеръ воспроизведенія всей этой сцены, видитъ здѣсь пародію на извѣстную картину Полигнота въ Дельфахъ въ той ея части, въ которой, согласно описанію Павзанія (X, 31,2 и сл. и X, 29,2) представлены были двѣ группы: въ одномъ мѣстѣ—состоящая изъ старика, мальчика и женщинъ, носящихъ воду въ пиѳосъ, и изображающая собою непосвященныхъ въ мистеріи и отвергающихъ святость этихъ послѣднихъ, а въ другомъ мѣстѣ группа Окна съ ослицею, непрестанно пожирающею сплетаемую имъ веревку. Соотвѣтственно этому Panofka объясняетъ фигуру старца, какъ Окна; стоящую передъ нимъ женщину, какъ его жену, которая, бросивши позади себя большую, тяжелую амфору, несетъ теперь на своей головѣ болѣе легкую гидрію; осла позади Окна, какъ его символическаго осла, пожирающаго въ преисподней плоды его непрерывающагося труда подобно тому, какъ во время земной его жизни его легкомысленная жена уничтожала всѣ результаты его усердной работы. Наконецъ, во всѣхъ остальныхъ фигурахъ онъ видитъ безымянную группу непосвященныхъ, какая была изображена и въ картинѣ По-

лигнота, съ тѣмъ только отличіемъ, что здѣсь, на вазѣ, она превращена въ пародію.

Подобнымъ образомъ и Heydemann, въ ук. м., усматриваетъ въ этой картинѣ не иное что, какъ пародію на сказанія о Данаидахъ и Окнѣ, а присутствіе тутъ мужскихъ фигуръ на ряду съ Данаидами объясняетъ желаніемъ художника присоединить къ фигурамъ женщинъ-убійцъ своихъ родственниковъ (Ovid. Metam. 4,462) также и фигуры мужчинъ-убійцъ такого же вида.—Принимая истолкованіе названныхъ авторовъ въ томъ его смыслѣ, что картина эта является воспроизведеніемъ сказанія о Данаидахъ и Окнѣ, причемъ къ Данаидамъ присоединены тутъ и непосвященные мужскаго пола, мы отрицаемъ однако характеръ пародіи въ этомъ воспроизведеніи по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, потому что пародія на вазахъ этого древнѣйшаго стиля еще не находитъ себѣ мѣста, сколько мы знаемъ, ни въ одномъ случаѣ, и перечисленные у Panofka четыре примѣра таковой совершенно неудачны, будучи лишены въ дѣйствительности всякой доказательной силы. Во-вторыхъ, потому что та чрезмѣрная рѣзкость движенія всѣхъ фигуръ, носящихъ тутъ воду, которую (рѣзкость) Heydemann считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ указаній на то, что здѣсь имѣемъ дѣло съ пародіей, въ дѣйствительноств есть явленіе весьма обычное на ч.-фиг. вазахъ древнѣйшаго времени вообще при изображеніи движенія, и потому никакъ не можетъ служить аргументомъ въ пользу истолкованія этой картины, какъ пародіи.

№ XXXVII. *Ваза Мюнхенскаго музея № 153.* Амфора; черн. фигуры съ бѣл. и коричн. частями; выс.=12,6 д.; діам.=9,4 д.; изъ собр. Canino [1].

Бочка Данаидъ представлена тутъ въ видѣ огромнаго пиѳоса, который возвышается надъ поверхностью земли только своею верхнею половиной. По обѣ стороны этого пиѳоса изображены всходящія на него четыре крылатыя женскія фигуры (Данаиды), одѣтыя—каждая въ короткій хитонъ и несущія вверхъ свои гидріи; двѣ

[1] Опублик.: *Inghirami*: vasi fittilili, 135.136 A; его же Galleria Omerica III, 86 *Gerhard*: über die Flugelgestalten, Taf. I, 8.—*O. Jahn*: Beschreibung d. Vasensammlung K. Ludwigs in d. Pinakotek zu München, 1854, № 153.—*Baumeister*: Denkmäler, III, S. 1924, рис. № 2040.

ь нихъ, находящіася вверху, уже выливаютъ изъ гидрій воду въ ірокое устье пиѳоса. Слѣва отъ пиѳоса помѣщается фигура нагого

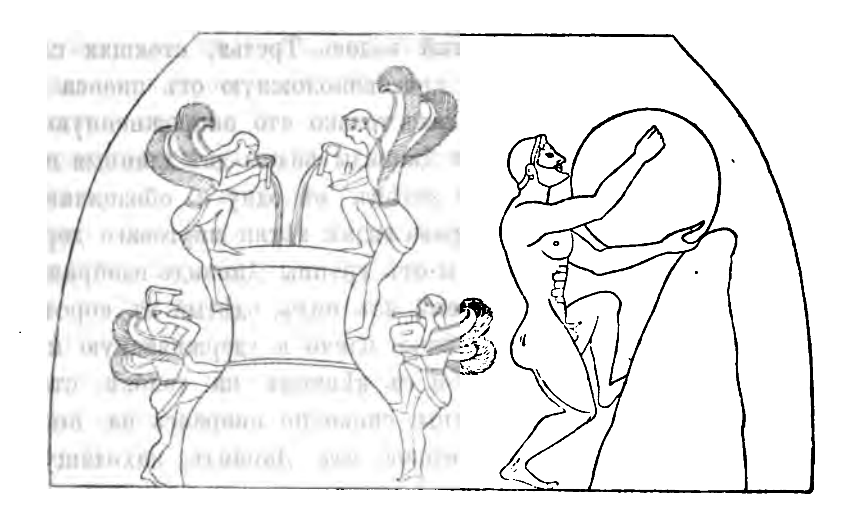

Рис. № 19.

ородатаго мужа (Сизифъ), который, упираясь лѣвой ногою въ скалу, ѣими руками катитъ вверхъ большой круглый камень.

№ XXXVIII. *Ваза Британскаго музея F. 370.*—Гидрія (а не фора, какъ наз. ее Winkler); красныя фигуры съ бѣл. и желт. стями; найдена въ Кориноѣ; изъ собр. Blacas [1].

Центромъ, около котораго группируются фигуры Данаидъ, и здѣсь, къ на предыдущей вазѣ, является огромный пиѳосъ, котораго лько верхняя половина возвышается надъ поверхностью земли жняя представлена отбитой). Справа, слѣва и внизу отъ пиѳоса змѣщены фигуры трехъ Данаидъ: всѣ три одѣты въ длинные безкавные, опоясанные хитоны, (стоящая слѣва сверхъ того, еще и мантію), и украшены браслетами и ожерельями. Одна изъ нихъ, оящая направо отъ пиѳоса, съ большимъ напряженіемъ удержиетъ обѣими руками гидрію, подъ тяжестью которой она согнулась іередъ по направленію къ устью пиѳоса, куда она готовится вы-

[1] Опублик.: *Panofka*: musée Blacas. Vases peints. Paris 1830, I, pag. 29—30, pl. .—*Winkler*: d. Darstellungen d. Unterwelt, S. 79—82.

лить изъ гидріи воду. Другая, стоящая ниже пиөоса, съ большимъ усиліемъ обѣими руками поднимаетъ вверхъ свою гидрію, какъ бы предлагая первой, къ которой обращено ея лицо, взять у нея этотъ тяжелый сосудъ, уже наполненный водою. Третья, стоящая слѣва отъ пиөоса, уже повернулась въ противоположную отъ пиөоса сторону, свободно удерживая въ рукахъ только что опорожненную отъ воды гидрію. Внизу у ногъ одной Данаиды видны двѣ длинныя извивающіяся полосы, соединяющіяся затѣмъ въ одну и обозначающія собою подземныя рѣки; далѣе справа видны вѣтви миртоваго дерева, а слѣва—собака. По обѣ стороны отъ группы Данаидъ изображены фигуры юноши и мальчика. Первый изъ нихъ, одѣтый въ короткую хламиду, перекинутую черезъ лѣвое плечо и удерживаемую перевязью, съ петазосомъ за спиной и съ вѣнкомъ на головѣ, стоитъ налѣво отъ вышеописанной группы, спокойно опираясь на посохъ и указывая правой рукою на среднюю изъ Данаидъ, находящуюся передъ нимъ. Справа отъ группы Данаидъ совершенно нагой мальчикъ, сидящій на разостланной мантіи, съ вѣнкомъ на головѣ, съ перевязью на груди и браслетами на рукахъ, держитъ въ правой рукѣ большой вѣнокъ, который онъ протягиваетъ впередъ, какъ бы показывая его стоящей передъ нимъ Данаидѣ.

Что касается истолкованія содержанія этой картины, то мнѣнія изслѣдователей расходятся относительно только одной ея части, именно, относительно значенія фигуръ юноши и мальчика. Panofka, который первый далъ объясненіе этого содержанія полагалъ, что въ женскихъ фигурахъ тутъ нужно видѣть Данаидъ, занятыхъ своею работой въ преисподней; въ фиг. мальчика—Линкея, въ фиг. юноши—одного изъ эпоптовъ, смотрящаго на наказаніе Данаидъ (ср. Lukian: Philopseudes, 2.), а въ фиг. собаки—стража преисподней, Кербера.—Winkler, называя женщинъ, носящихъ воду въ пиөосъ, также Данаидами, предлагаетъ однако измѣнить имена двухъ остальныхъ фигуръ, утверждая, что юношу, котораго Panofka считаетъ безымяннымъ эпоптомъ, должно назвать Протезилаемъ, ибо на всѣхъ вазахъ съ изображеніями преисподней помѣщаются, по его мнѣнію, только такія лица, которыя, согласно преданію, возвратились изъ преисподней на землю; а такимъ лицомъ былъ, между прочими, Протезилай, котораго фигура здѣсь подобна тѣмъ, какія на вазахъ Эрмитажа,

№ 426 и Karlsruhe 388, онъ (Winkler) признаетъ также за изображенія Протезилая. Сидящаго же мальчика, въ которомъ онъ усматриваетъ эротическій характеръ, онъ предлагаетъ назвать, если не самимъ Эротомъ, то Гименеемъ, который, какъ богъ брачнаго союза, протягиваетъ Протезилаю вѣнокъ въ знакъ того, что вѣрная любовь, нарушеніе которой повело за собою для Данаидъ вѣчное наказаніе въ преисподней, даетъ ему возможность побѣдить самую смерть и возвратиться къ любимой супругѣ.

Нашъ личный взглядъ на значеніе этихъ фигуръ и здѣсь таковъ же, какимъ онъ былъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ при истолкованіи предыдущихъ картинъ преисподней (см. в. Мюнх. муз. № 849, в. Karlsruhe, № 388 и др.), а именно: придавая женскимъ фигурамъ, носящимъ воду въ пиѳосъ, имя Данаидъ, ибо типъ ихъ установленъ въ кр.-фиг. вазовой живописи уже вполнѣ опредѣленно, мы не настаиваемъ ни на одномъ изъ извѣстныхъ миѳическихъ именъ для фиг. юноши и мальчика въ виду отсутствія въ этихъ фигурахъ какихъ бы то ни было положительныхъ указаній на значеніе ихъ, какъ миѳическихъ персонажей. Напротивъ, принимая во вниманіе, что обѣ эти фигуры изображены здѣсь съ вѣнками на головахъ, (а мальчикъ, сверхъ того, съ вѣнкомъ въ рукахъ и перевязью на груди) и притомъ въ сопоставленіи съ Данаидами, можно утверждать за достовѣрное, что оба они представляютъ собою, въ противоположность Данаидамъ, посвященныхъ въ мистеріи. И дѣйствительно, тотъ жестъ, которымъ юноша указываетъ мальчику на вѣчно и безплодно носящихъ воду Данаидъ, какъ бы приглашая его посмотрѣть на поучительное зрѣлище ихъ наказанія, достаточно ясно выражаетъ желаніе художника показать зрителю, именно эту противоположность въ загробномъ жребіи непосвященныхъ и посвященныхъ; а вѣчность, непрерывающееся теченіе самой этой безплодной работы Данаидъ превосходно представлены здѣсь въ самой компановкѣ ихъ группы, гдѣ въ тѣсной близости ихъ другъ къ другу, одна черпаетъ гидріей воду изъ подземной рѣки, чтобы передать ее затѣмъ слѣдующей; другая занята выливаніемъ этой воды въ огромный разбитый сосудъ, тогда какъ третья, опорожнивши уже свою гидрію, готовится снова затѣмъ наполнить ее, продолжая такимъ образомъ непрерывно свою безконечную работу.

Группа VIII. Наказаніе Сизифа.

Причины извѣстнаго наказанія Сизифа въ преисподней въ различныхъ сказаніяхъ объясняются различно [1]. — Согласно однимъ изъ этихъ сказаній, онъ былъ наказанъ за то, что измѣннически нападалъ на проѣзжающихъ и, захватывая ихъ въ плѣнъ, давилъ ихъ огромнымъ камнемъ. Согласно другимъ версіямъ, болѣе распространеннымъ, онъ былъ наказанъ по повелѣнію Зевса за то, что выдалъ тайну царя боговъ рѣчному богу Азопу, у котораго Зевсъ похитилъ дочь (Эгину). Когда разгнѣванный Зевсъ послалъ противъ Сизифа смерть, тотъ связалъ ее крѣпкими узами, такъ что никто изъ людей не умиралъ до тѣхъ поръ, пока Аресъ не освободилъ ее, отдавши самого Сизифа въ ея распоряженіе. Однако Сизифъ, заранѣе приказавши своей супругѣ Меропѣ не совершать въ честь его посмертныхъ жертвоприношеній, упросилъ Аида и Персефону временно отпустить его на землю, какъ бы для наказанія супруги. Впослѣдствіи, будучи отпущенъ на землю, онъ уже не хотѣлъ возвращаться въ преисподнюю, пока, наконецъ, не былъ насильно приведенъ туда Гермесомъ и подвергнутъ пресловутому наказанію.—

№ XXXIX. *Ваза Неаполитанскаго музея (Museo Borbonico) № 2490.*—Амфора; черн. фигуры съ бѣл. и коричн. частями; выс. = 0,38 м.; окр. = 0,81 м.; найдена въ Этруріи [2].

Сизифъ, въ видѣ нагого бородатаго мужа съ теніей на головѣ, обѣими руками съ усиліемъ поддерживаетъ большой круглый камень, который онъ катитъ въ гору; лѣвое колѣно его упирается въ скалу. Позади Сизифа на креслѣ, спинка котораго заканчивается головою лебедя, сидитъ Персефона, одѣтая въ хитонъ и мантію и съ вѣнкомъ на головѣ; въ лѣвой рукѣ она держитъ пять колосьевъ, тогда какъ правую подняла вверхъ. Между обѣими фигурами видны подымающіеся изъ почвы растенія, а подлѣ нихъ помѣщены непонятныя надписи.

---

[1] Theogn. 703; Pherekydes: Scol. Il. 7, 153; Eusth. Il. 631,37; Od. 1701,50; Schol. Pind. Ol. 1,97; ср. Preller: gr. Myth., 3 ed. II, 75 и сл.; Seemann: d. Götter und Heroend. Gr., S. 261 и др.

[2] Опис.: *Heydemann:* die Vasensammlungen d. Museo Nationale zu Neapel, № 2490, S. 317—318.—Надписи имѣющія мѣсто на вазѣ, воспроизведены тамъ же табл. V, № 2490.

№ XL.—*Ваза Берлинскаго музея*, № *1844*.—Амфора; черн. фиг. съ бѣлыми и коричн. частями; выс. = 0,432 м.; окр. = 0,925; найдена въ Vulci; изъ собр. Dorow—Magnus [1].—

Сцена состоитъ изъ тѣхъ же двухъ лицъ, какъ и на предыдущей картинѣ. Направо представленъ Сизифъ, одѣтый только въ короткую хламиду, накинутую на плечи, и вскатывающій на гору обѣими руками и колѣномъ огромный камень. Налѣво Персефона, сидящая на тронѣ въ особомъ зданіи, обозначенномъ колонною и архитравомъ; одѣта она въ хитонъ и мантію; въ лѣвой рукѣ держитъ скипетръ, тогда какъ правую протягиваетъ впередъ. Подлѣ нея изъ почвы показываются вѣтви съ круглыми плодами, повидимому, гранатовыми яблоками; возлѣ Сизифа помѣщены непонятныя надписи.

№ XLI. *Ваза Мюнхенскаго музея* № *7:8*.—Амфора, черн. фи-

Рис. № 20.

гуры съ бѣл. и кр. частями; выс.=16 д.; діам.=10,5 д.; изъ собр. Candelori [2].

[1] Опис.: *Gerhard*: auserlesene gr. Vasenbilder, II, S. 23,17.—*Furtwängler*: Beschreibung der Vasensammlung im Antiquarium. Berlin 1885, № 1844.

[2] Опубл.: *Gerhard*: auserlesene gr. Vasenbilder, II, Taf. LXXXVII, S. 22ff.—*Jahn*: Beschreibung d. Vasensammlung, № 728, S. 226.

Въ центрѣ картины, состоящей изъ трехъ фигуръ, изображенъ Сизифъ, въ видѣ бородатаго мужа, одѣтаго въ короткую хламиду, и съ вѣнкомъ на головѣ; обѣими руками онъ старается удержать на вершинѣ скалы огромный камень, упираясь при этомъ въ скалу лѣвой ногою. Справа отъ него сидитъ Аидъ съ теніей на головѣ и скиптромъ въ рукѣ; одѣтъ онъ въ широкую мантію, закрывающую все тѣло. Слѣва отъ Сизифа представлена сидящая на камнѣ, (какъ и Аидъ), Персефона, одѣтая въ длинный хитонъ и мантію и съ повязкой на головѣ; правой рукою она держитъ край своей мантіи, тогда какъ лѣвую, въ которой находится нѣсколько хлѣбныхъ колосьевъ, она протягиваетъ по направленію къ Сизифу. Та же самая сцена повторяется и на обратной сторонѣ этой амфоры.—

№ XLII. *Ваза Британскаго музея B. 261 (2 vases room)*.—Амфора; черн. фиг. съ бѣл. и фіолет. частями; выс. = 1 ф. 5,6 д.; ваза составлена изъ нѣсколькихъ фрагментовъ [1].

Слѣва на высокомъ камнѣ сидитъ Аидъ въ видѣ старца съ бѣлыми волосами и бородою, въ хитонѣ и мантіи, со скиптромъ въ рукѣ и съ повязкой на головѣ; вся фигура его обращена въ сторону трехъ остальныхъ, участвующихъ въ сценѣ лицъ: Гермеса, Персефоны и Сизифа. Первый изъ нихъ, стоящій ближе другихъ къ Аиду, имѣетъ хламиду на плечахъ, петазосъ и окрыленныя сандаліи; въ поднятой правой рукѣ онъ держитъ керюкейонъ. Подлѣ Гермеса стоитъ Персефона въ длинномъ расшитомъ хитонѣ и мантіи, съ ожерельемъ на шеѣ и теніей на головѣ; въ правой рукѣ она держитъ три колоса; голова повернута въ сторону Сизифа. Этотъ послѣдній одѣтъ въ короткую хламиду и имѣетъ въ головѣ петазосъ; обѣими руками и лѣвымъ колѣномъ онъ катитъ въ гору огромный круглый камень.—

№ XLIII. *Ваза, опублик. у Gerhard: auserles. gr. Vasenbilder, II, Taf. LXXXVI.*—Киликсъ; коричнев. фигуры на желт. фонѣ [2].

Въ предѣлахъ окружности внутренняго поля килика изображены другъ противъ друга двѣ нагія мужскія фигуры въ различныхъ по-

---

[1] Опис.: Catalogue of the Greck and Etruscan vases in the British Museum. London 1851, № 550.

[2] Опубликов.: Bulletino dell Instituto 1835, p. 41—43 (*Capranesi*).—*Gerhard:* auserlesene griech. Vasenbilder, II, Taf. LXXXVI, S. 20—22.—*Baumeister:* Denkmaler d Klass Alterthums, S. 1411, рис. № 1567 (подъ имен. „Атласа и Прометея“).

ложеніяхъ. Одна изъ нихъ представляетъ мужа болѣе зрѣлаго возраста съ большою бородою и длинными волосами, доходящими до пояса и удерживаемыми повязкою; своею головой, плечами и лѣвой

Рис. № 21.

рукою онъ поддерживаетъ огромный, неправильной формы камень, подъ тяжестью котораго его спина и ноги согнулись. Позади него въ видѣ длинной спирали извивается змѣя. Другая фигура болѣе юнаго, безбородаго мужа съ длинными волосами, удерживаемыми повязкою, изображена противъ первой въ полулежачемъ положеніи; обѣ руки и ноги привязаны къ дорической колоннѣ съ птицею на-

верху; сидящій на его колѣнахъ коршунъ терзаетъ тѣло привязаннаго, изъ котораго сочится обильными каплями кровь.

Capranesi (въ Bull. d. Inst., p. 41) называетъ первую изъ этихъ двухъ фигуръ Сизифомъ, претерпѣвающимъ свое наказаніе въ преисподней, и змѣю, находящуюся позади него, принимаетъ за символъ, обозначающій преисподнюю; вторую фигуру онъ объясняетъ, какъ фигуру Прометея, печень котораго пожираетъ орелъ, утверждая въ то же время, что истолкованіе ея, какъ фигуры наказуемаго въ преисподней Титія, которому, по Гомеру, коршунъ пожираетъ печень, было бы неправильно, ибо фигура Титія должна была бы быть, по его мнѣнію, гигантскихъ размѣровъ и кромѣ того наказаніе долженъ былъ бы исполнять не орелъ (котораго онъ видитъ здѣсь), а коршунъ. Gérhard, въ ук. м., повторяетъ истолкованіе Capranesi, прибавляя при этомъ, что фигура, удерживающая камень, не можетъ быть объясняема, какъ изображеніе Атласа, поддерживающаго небо, ибо неправильная форма камня дѣлаетъ невозможнымъ такое предположеніе; что, сверхъ того, на Сизифа указываютъ и царская повязка, и трактовка волосъ, и змѣя позади него, какъ символъ той хитрости, за которую именно и наказывается въ преисподней Сизифъ [1].

Соглашаясь съ истолкованіемъ обоихъ названныхъ авторовъ въ первой его части, мы не считаемъ возможнымъ принять его во второй: если фигура бородатаго мужа, поддерживающаго камень,—какъ справедливо замѣчено обоими истолкователями,—можетъ обозначать собою только Сизифа, а значитъ, сцена представлена здѣсь происходящею въ преисподней, (на послѣднее указываетъ кромѣ присутствія Сизифа также черная полоса въ видѣ полукружія надъ обѣими фигурами, поясняющая, что дѣйствіе происходитъ подъ землею),—то и вторая фигура можетъ представлять собою только миѳическое лицо, наказуемое также въ преисподней, (ибо совмѣщеніе сцены, происходящей въ преисподней, со сценой, совершающейся надъ земною поверхностью въ одной картинѣ невозможно); а такимъ именно лицомъ является не Прометей, наказаніе котораго, какъ извѣстно имѣло мѣсто на горахъ Кавказа, а Титій, который претерпѣвалъ,

---

[1] Baumeister., ук. м., называетъ эти фигуры (не приводя однако въ пользу такого наименованія достаточныхъ основаній) именами Атласа и Прометея.—

согласно интерполированной части XI рапс. Od., въ преисподней свое наказаніе, состоявшее въ томъ, что коршунъ непрестанно клевалъ его печень... Если такое истолкованіе справедливо, то картина, имѣющая мѣсто на разсматриваемой вазѣ тѣмъ болѣе достойна вниманія, что она является, насколько мы знаемъ, единственною дошедшею до насъ иллюстраціей (ср. сцену наказанія Титія, въ картинѣ Полигнота въ Дельфахъ, опис. у Павзанія, X, 29,3 ed. Schubart) къ указанной части XI-й рапсодіи.—

Группа IX. Сцены загробнаго суда надъ душею умершаго.

№ XLIV. *Ваза коллекціи Durand № 204.*—Киликсъ; красн. фигуры на черн. фонѣ; выс.=5,2 д.; діам.=11.9 д.; изъ Vulci [1].

Рис. № 22.

Согласно истолкованію Gerhard и de Witte, на разсматриваемой вазѣ представлены два момента загробнаго суда надъ душею умершаго, слѣдующихъ одинъ за другимъ.

A) *Моментъ появленія души умершаго въ преисподней передъ судьями въ сопровожденіи Гермеса-Психопомпа.* Душа умершаго

[1] Опублик.: *J. de Witte*: description des antiquites. de M. le Ch. E. Durand, № 204 p. 63—64.—*Gerhard*: auserlesene griech. Vasenbilder, III, Taf. 239, S. 162—165., Содержаніе самыхъ представленій о загробномъ судѣ въ различныя эпохи приведено нами уже выше.

изображена здѣсь въ видѣ эфеба съ повязкой на головѣ, закутаннаго въ мантію, которая оставляетъ открытымъ только его лицо съ переднею частью головы; вся фигура его наклонена впередъ и нѣсколько внизъ. Подлѣ него на складномъ креслѣ сидитъ бородатый Гермесъ въ короткомъ хитонѣ и мантіи, въ шнурованныхъ башмакахъ и петазосѣ и съ керюкейономъ въ рукахъ. Какъ Гермесъ, такъ и находящійся позади него эфебъ обращены въ сторону двухъ сидящихъ передъ ними мужскихъ фигуръ: бородатаго старца съ повязкой на головѣ, одѣтаго въ хитонъ и мантію и держащаго въ лѣвой рукѣ жезлъ, и бородатаго мужа въ такомъ же одѣяніи и съ жезломъ въ правой рукѣ; оба они сидятъ другъ противъ друга въ положеніи совѣщающихся. По мнѣнію Gerhard, въ сѣдомъ старцѣ нужно видѣть самого Аида, а въ его собесѣдникѣ—одного изъ судей загробнаго міра; по мнѣнію de Witte, первый представляетъ собою Ianitor Orci, второй—Oceanus; правильнѣе, думается намъ, назвать ихъ обоихъ именами загробныхъ судей, которыхъ въ числѣ двухъ называетъ и авторъ Axiochus и Лукіанъ въ приведенныхъ у насъ выше описаніяхъ преисподней. Оба судьи представлены въ этотъ моментъ еще совѣщающимися о будущей судьбѣ умершаго.

Б) Другая картина на томъ же киликсѣ представляетъ, по толкованію обоихъ названныхъ авторовъ, моментъ болѣе поздній, чѣмъ

Рис. № 23.

только что описанный.—Душа умершаго изображена тутъ въ видѣ

эфеба, одѣтаго въ мантію, закутывающую его до подбородка; открытая голова его украшена повязкой. Судьи загробнаго царства, въ количествѣ трехъ, сидятъ противъ умершаго на креслахъ со спинками; всѣ трое одѣты въ мантіи (средній кромѣ того и въ хитонъ) и имѣютъ на головахъ: ближайшій къ умершему — миртовый вѣнокъ, а два другіе — повязки. Одинъ изъ нихъ представленъ въ положеніи размышляющаго (правой рукою онъ касается своего лба), тогда какъ ближайшій къ умершему, сколько можно судить по жесту лѣвой его руки, обращается съ рѣчью къ послѣднему. Такимъ образомъ, здѣсь воспроизведенъ тотъ моментъ загробнаго суда, когда эти судьи уже постановили свой приговоръ относительно души умершаго, и одинъ изъ нихъ уже обращается къ этой послѣдней, изрекая постановленное относительно нея рѣшеніе [1].—

№ XLV. Что касается *сцены на черно-фигурной амфорѣ Берлинскаго музея № 1726*, которую Furtwängler: Beschreibung d. Vasensammlung im Antiquarium, S. 271, объясняетъ, какъ сцену совѣщанія двухъ загробныхъ судей, то истолкованіе ея въ этомъ смыслѣ лишено на нашъ взглядъ, достаточныхъ основаній, ибо оно не подтверждается ни композиціей цѣлаго, ни какими-либо характерными чертами въ изображеніи отдѣльныхъ, участвующихъ тутъ лицъ. Сцена эта, въ которой дѣйствующими лицами являются только два спокойно сидящихъ другъ противъ друга мужа съ посохами въ рукахъ, представляетъ собою въ дѣйствительности лишь одну изъ тѣхъ многочисленныхъ *жанровыхъ* сценъ, въ которыхъ изображаются бесѣдующими то старцы, то мужи, то юноши съ дѣвушками и т. д., и которыя не имѣютъ никакого отношенія къ представленію о загробномъ судѣ и судьяхъ.

Группа X. Харонъ и души умершихъ въ моменты, предшествующіе переправѣ черезъ подземное озеро.

Представленіе о Харонѣ, какъ перевозчикѣ душъ умершихъ черезъ подземное озеро, будучи еще совершенно неизвѣстнымъ въ

[1] Впрочемъ для этой второй картины возможно и иное истолкованіе, а именно, какъ сцены изъ земной, а не загробной жизни эфеба.—Тогда мужскія фигуры могутъ быть объяснены уже не какъ фиг. загробныхъ судей, а какъ изображенія педагоговъ или скорѣе жрецовъ какихъ-либо мистерій, подготовляющихъ юношу къ посвященію.—

Гомеровскомъ эпосѣ, впервые появляется только въ позднеэпическихъ Миніяхъ [1]. Впослѣдствіи поэты, начиная съ Эсхила, неоднократно упоминаютъ о немъ, какъ было показано выше, въ однихъ случаяхъ называя его прямо по имени, въ другихъ—говоря о немъ описательно и обозначая его помощью тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ для него эпитетовъ (νεκύων πορθμεύς, ψυχοπομπός и т. д.). Постоянною и неизмѣнною его обязанностью было—перевозить въ своемъ челнокѣ души умершихъ черезъ подземное озеро, слишкомъ широкое и глубокое для того, чтобы онѣ могли переправиться черезъ него безъ помощи опытнаго перевозчика. Платой за перевозъ Харону служилъ одинъ оболъ, каковая плата установлена была, согласно преданію, еще Тезеемъ и впослѣдствіи полагалась въ ротъ умершему для своевременной отдачи ея Харону [2].

Что касается представленія о Гермесѣ—водителѣ душъ, изображенія котораго встрѣчаются на нѣсколькихъ, описанныхъ ниже вазахъ, то историческое развитіе этого представленія было выяснено, думается намъ, съ достаточными подробностями уже въ предшествующихъ частяхъ нашего изложенія.

Несмотря на всю простоту несложнаго представленія о роли Харона въ загробномъ царствѣ,—въ картинахъ, сюда относящихся и дошедшихъ до насъ въ сравнительно значительномъ количествѣ, замѣчается извѣстное варьированіе этой несложной темы, дающее возможность подраздѣлить ихъ всѣ на нѣсколько разрядовъ. Разрядовъ этихъ въ предѣлахъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ, можно указать три [3]: къ первому изъ нихъ относятся тѣ картины, которыя изображаютъ сцену прибытія души умершаго (или нѣсколькихъ) къ подземному озеру съ находящимся у берега Харономъ, причемъ Гермесъ-Психопомпъ не сопровождаетъ умершаго; ко второму—тѣ картины, въ которыхъ воспроизводится тотъ-же моментъ, какъ и на предыдущихъ, но въ сценѣ присутствуетъ и Гер-

---

[1] Μινύα ποίησις, по Pausan. X, 28. 1 и др.

[2] См. Aeschyl. Sept. c. Th. 834 и сл.; Eurip. H. f. 432; Alc. 255 и др.; Aristoph. Ran. 182; Eusth. 16,34; Diod. 1,92. 96; Lys. 606; Ath. 13,597; Pausan. X, 28,1 и сл., Lucian: de luctu 2—10; Preller: gr. Myth., S. 672 и сл.; Jacobi. Handwörterbuch d. gr. u. r. Myth, S. 205; Baumeister: Denkmäler, I, 378 и сл.; Roscher's Lexikon, S. 884 и сл.

[3] Ср. Von-Duhn въ Arch. Zeit. 1885. S. 6 и сл.

месъ, сопровождающій душу умершаго; наконецъ, къ третьему—тѣ, въ которыхъ дѣйствіе, происходящее между Харономъ и душею умершаго, изображается происходящимъ близъ погребальной стелы, подлѣ которой Харонъ принимаетъ душу умершаго, чтобы перевести ее на другой берегъ озера.—

Разрядъ I. № *XLVI.* Лекиѳъ бывш. музея Varvakeion въ Аѳинахъ [1], опубликов. въ Bullet. de Corresp. hellénique I, p. 39,1 (*Mylonas*), *Collignon*: Catalogue d. vases peints du M. d. l. S. A. d'Athénes, 1878. № 632; *Pottier*: étude sur les lecythes blancs, 1883, № 6.— Харонъ, одѣтый въ короткую тунику и имѣющій оригинальную, съ опущенными внизъ краями, шапку на головѣ, стоитъ въ своей лодкѣ съ весломъ въ рукахъ. Направо отъ него душа умершей, въ видѣ женщины, приближающейся къ лодкѣ Харона съ небольшимъ ящикомъ въ рукахъ. Изображенный вокругъ лодки тростникъ обозначаетъ берегъ озера.—

№ XLVII. *Лекиѳъ въ министерствѣ исповѣданій въ Аѳинахъ*, опублик. въ Bullet. de corr hellén. I, p. 40,3, pl. II (*Mylonas*); Archäolog. Zeit. 1870, S. 15,12; *Collignon*: catalogue, p. 183 d; *Pottier*: étude sur les lecythes blancs № 9.—Бородатый Харонъ, въ короткой туникѣ и шапкѣ, сидитъ въ своей лодкѣ съ весломъ въ рукахъ. Къ лодкѣ приближается душа умершей въ видѣ одѣтой въ мантію женщины съ приподнятой къ лицу лѣвой рукою. Лодка окружена тростникомъ и болотными растеніями.

№ XLVIII. *Лекиѳъ Луврскаго музея*, опублик. у *Pottier*: étude etc, № 5; Appendice № 75.—Харонъ въ короткой туникѣ, шапкѣ и съ весломъ въ рукахъ сидитъ въ своей лодкѣ, окруженной тростникомъ. Слѣва къ лодкѣ приближается душа умершей въ видѣ женщины, одѣтой въ длинный хитонъ и протянувшей назадъ свою правую руку.

№ XLIX. *Лекиѳъ національнаго центр. музея въ Аѳинахъ*, опублик. въ Bullet. de corr. hellen. I, 41,4 (*Mylonas*); Collignon: catalogue, p. 184, g.—Харонъ въ короткой туникѣ и съ повязкой на головѣ сидитъ въ своей лодкѣ, окруженной тростникомъ. На бе-

---

[1] Здѣсь, какъ и ниже, мы указываемъ *прежнее* мѣстонахожденіе описыв. у насъ лекиѳовъ, находившихся въ Аѳинскихъ коллекціяхъ, въ виду того, что въ послѣднее время они переносятся постепенно изъ различныхъ коллекцій въ Національный центральный музей Аѳинъ.

регу стоитъ одѣтый въ тунику юноша (изобр. душу умершаго) съ повязкой въ лѣвой рукѣ; правая рука его поднята вверхъ, приближаясь къ лицу.

№ L. *Лекиѳъ въ минист. испов. въ Аѳинахъ*, опублик. въ Bullet. de corr. hellén I, p. 40, pl. I (*Mylonas*): Archäolog. Zeit. 1870 S. 15,10; *Collignon*: catalogue, p. 183 c; *Pottier*: étude, № 8.—Харонъ въ короткой туникѣ, въ шапкѣ и съ весломъ въ рукахъ стоитъ въ своей лодкѣ, находящейся среди тростника. Душа умершей изображена здѣсь въ видѣ одѣтой женщины подвигающейся впередъ съ опущенной внизъ головой.—

№ LI. *Лекиѳъ въ частной коллекціи въ Аѳинахъ*, опублик. въ Bull. de corr. hellen III, p. 177,1 (*Mylonas*); *Pottier*: étude, № 11.—Харонъ въ короткой туникѣ и шапкѣ сидитъ съ весломъ въ рукахъ въ своей лодкѣ, къ которой направляется душа умершей въ видѣ женщины, идущей съ опущенной головой и придерживающей правой рукою покрывало.—

№ LII.—*Лекиѳъ въ собраніи Ecole francaise въ Аѳинахъ*, найденный близь монумента Лизикрата и опублик. въ Bullet. de corr. hellén. II, p. 414—415 и у *Pottier*: étude, № 16.—Харонъ въ туникѣ и шапкѣ и съ весломъ въ рукахъ стоитъ въ своей лодкѣ; слѣва къ нему приближается душа умершаго, изображенная въ видѣ юноши, идущаго съ опущенной головой и держащаго въ лѣвой рукѣ два копья.

№ LIII. *Лекиѳъ въ минист. испов. въ Аѳинахъ.* опублик. въ Arch. Zeitung 1870, S. 15,11; у *Collignon*: catalogue, p. 183 f. *Pottier*; étude, № 7.—Бородатый Харонъ въ обычномъ одѣяніи и съ весломъ въ рукахъ сидитъ въ своей лодкѣ, окруженной тростникомъ; налѣво изображена идущая къ нему душа умершей въ видѣ одѣтой женщины, держащей въ правой рукѣ ящичекъ, а лѣвую приближающей къ лицу.

№ LIV. *Лекиѳъ въ частной коллекціи въ Аѳинахъ*, опублик. въ Bullet. de corr. hellén. I, p. 42,5 (*Mylonas*); *Collignon*: catalogue, p. 183, c; *Pottier*: étude, № 12.—Бородатый Харонъ въ туникѣ и шапкѣ стоитъ съ весломъ въ рукахъ въ своей лодкѣ; къ нему приближаются души умершихъ въ видѣ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна, съ повязкой въ рукахъ, идетъ впереди, тогда какъ другая, повидимому также съ повязкой въ рукахъ, слѣдуетъ за нею.

№ LV.—*Лекиѳъ въ частной коллекціи въ Аѳинахъ*, опублик. у *Pottier*: étude, № 17.—Бородатый Харонъ въ туникѣ и шапкѣ и съ весломъ въ правой рукѣ, стоитъ въ своей лодкѣ, протягивая лѣвую руку къ стоящей передъ нимъ душѣ умершей въ видѣ одѣтой женщины; двѣ другія приближаются также къ лодкѣ Харона.

№ LVI. *Лекиѳъ Берлинскаго музея* (по инвентарю № 3137), изъ прежней коллекціи M. Rollin въ Парижѣ, опублик. у *Pottier*: étude, № 21; Appendice, № 99; *Hirsch*: de animarum apud antiquos imaginibus, Lips. 1889, S. 17.—Бородатый Харонъ въ туникѣ, шапкѣ и съ весломъ въ лѣвой рукѣ стоитъ въ своей лодкѣ, протягивая правую руку къ душѣ умершей, въ видѣ одѣтой женщины съ покрываломъ на головѣ, приближающейся къ нему. Другая душа умершаго изображена тутъ въ видѣ юноши, одѣтаго въ гиматіонъ и держащаго въ лѣвой рукѣ небольшой ящичекъ, а въ правой алабастронъ. Кромѣ этихъ трехъ большихъ фигуръ въ картинѣ изображены также три маленькія крылатыя фигурки, представляющія собою также души умершихъ: изъ нихъ двѣ фигурки представлены летящими вверху, тогда какъ третья помѣщается какъ бы на кормѣ самой лодки Харона.—

Разрядъ II. № *LVII. Лекиѳъ Мюнхенскаго музея* № *209*, опублик. у *Stackelberg*: die Gräber der Hellenen, Taf. 47; *Jahn*: Beschreibung d. Vasensammlung zu München, № 209; *Pottier*: étude, № 2; *Benndorf*. griechische und sicil. Vasenbilder, Taf. 27,1; Bullet. de corr. hellén. I, p 42,6 (Mylonas).—Бородатый Харонъ, одѣтый въ короткую тунику и хламиду и съ шапкой на головѣ, стоитъ, опираясь на весло, въ своей лодкѣ, украшенной большимъ глазомъ на ея передней части. Гермесъ, одѣтый въ короткую тунику и хламиду, съ окрыленнымъ петазосомъ на головѣ и съ керюкейономъ въ рукѣ держитъ за руку одѣтую женщину, представляющую собою душу умершей, и указываетъ ей на Харона.—

№ LVIII. *Лекиѳъ Луврскаго музея*, опублик. у *Stackelberg*: d. Gräber d. Hellenen, Taf. 48; Bullet. de corr. hellén. I, p. 43,7 (*Mylonas*); *Muller-Wieseler* Denkmäler d. alten Kunst II, № 869; *Collignon*: catalogue, p. 183 a; Pottier; étude № 4.—Бородатый Харонъ въ обычномъ одѣяніи, стоя съ весломъ въ лѣвой рукѣ въ своей лодкѣ, протягиваетъ правую руку къ приближающемуся къ нему бо-

родатому Гермесу, за которымъ слѣдуетъ душа умершей въ видѣ одѣтой женщины.

№ LIX. *Лекиѳъ въ коллекціи Louriotis въ Аѳинахъ*, опублик. въ Bullet. de corr. hellen. III, p. 177,4 (*Mylonas*); *Pottier*: étude, № 3,

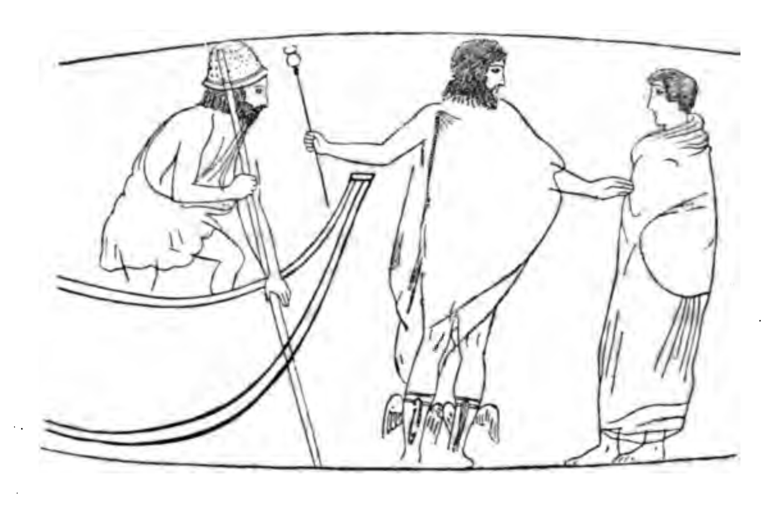

Рис. № 24

pl. III; Arch. Zeit., 1885, S. 18 Харонъ, обычнаго типа и въ обычной одеждѣ, стоитъ въ своей лодкѣ, опираясь на весло; бородатый Гермесъ въ хламидѣ, окрыленныхъ сандаліяхъ и съ керюкейономъ въ рукѣ, ведетъ за собою душу умершаго, въ видѣ юноши, одѣтаго въ гиматіонъ, которому онъ указываетъ на Харона.

№ LX. *Лекиѳъ въ частной коллекціи въ Аѳинахъ*, опублик. въ Bull. de corr. hellén. IV, p. 372,3 (*Mylonas*); *Pottier*: étude, № 15.— Бородатый Харонъ въ обычномъ одѣяніи стоитъ въ своей лодкѣ, положивши лѣвую руку на колѣно и обернувшись назадъ по направленію къ приближающимся къ нему Гермесу, (отъ котораго сохранилась только рука), и слѣдующей за нимъ душѣ умершей въ видѣ одѣтой женщины.

Разрядъ III. № *LXI*. *Лекиѳъ въ Polytechneion въ Аѳинахъ*. № *2968*, опублик. въ Bullet. de corr. hellén. IV, p. 372,2 (*Mylonas*); *Pottier*: étude, № 14; Arch. Zeit. 1885, S. 19,5 (*von Duhn*); Jahrbuch d. k. d. Arch. Inst. 1887. S. 240 и сл. (von Duhn) —Харонъ въ короткой туникѣ и шапкѣ, съ весломъ въ лѣвой рукѣ, стоитъ въ своей лодкѣ, протягивая правую руку къ душѣ умершаго, въ видѣ

ıтаго ребенка, встающаго со ступеней стелы, увѣнчанной листьями украшенной повязкой; къ стелѣ направляется одѣтая женщина ›видимому одна изъ родственницъ умершаго), несущая въ рукахъ ичекъ, изъ котораго виситъ повязка, и корзину съ сосудомъ для ла, чтобы украсить стелу и совершить возліяніе на могилѣ ершаго.—

№ LXII. *Лекиѳъ въ Polytechneion въ Аѳинахъ № 2967*, изъ колл. ssynesis, опублик. въ Bull. d. corr. hell. IV, 371,1 (*Mylonas*); ttheil. d. archäolog. Institut, V, S. 181,3 (*Milchhöfer*); Archäolog. it. 1885, S. 19,1 (*von Duhn*); Jahrbuch d. k. Arch. Institut, 1887, 240 и сл. (von Duhn).—Харонъ обычнаго типа стоитъ въ своей дкѣ съ весломъ въ рукахъ. Душа умершаго изображена въ видѣ юши, одѣтаго до пояса въ мантію и сидящаго на ступеняхъ стелы, рашенной пальметтами и листьями; въ правой рукѣ онъ держитъ олъ, который долженъ служить платой за перевозъ Харону. Къ елѣ приближается женщина съ распущенными волосами, несущая ичекъ, изъ котораго виситъ повязка.

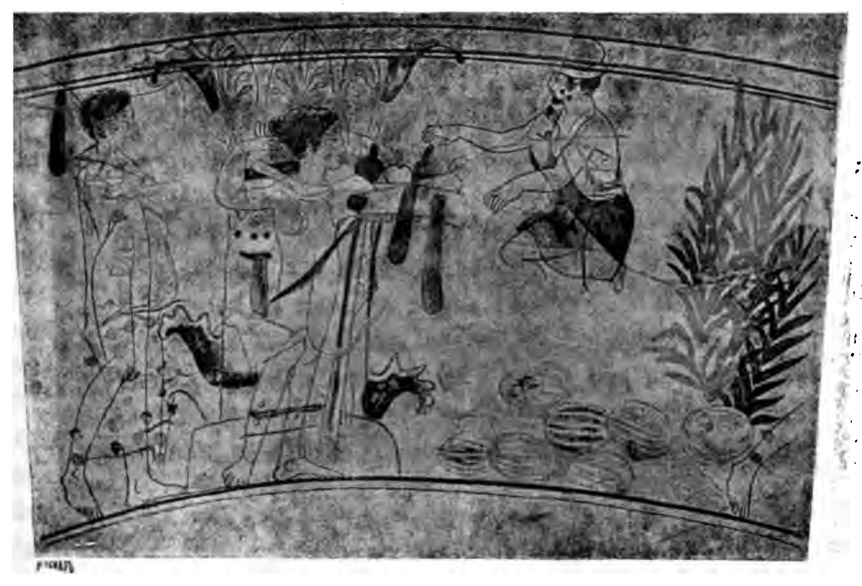

Рис. № 25.

№ LXIII. *Лекиѳъ Британскаго музея*, опублик. въ Academy 1874, 57. и въ Archäolog. Zeit. 1885, S. 19,3 (von Duhn).—Харонъ

обычнаго типа и въ обычномъ одѣяніи стоитъ съ весломъ въ рукахъ въ своей лодкѣ; подлѣ погребальной стелы изображена душа умершей въ видѣ стоящей одѣтой женщины.

№ LXIV. *Лекиѳъ Берлинскаго музея № 2680*, опублик. въ Archäolog. Zeit. 1881, S. 259; *Pottier*: étude № 20; *Furtwängler*: Beschreibung d. Vasensammlung in Antiquarium, № 2680; Arch. Zeit. 1885, S. 18 и сл., Taf. III.—Харонъ обычнаго типа стоитъ въ своей лодкѣ, протягивая впередъ свою руку по направленію къ корзинѣ съ гранатами, которую держитъ одѣтая женщина; позади этой первой женщины стоитъ вторая, (или мож. быть юноша), въ короткой мантіи; въ центрѣ сцены находится стела, украшенная пальметами.

№ LXV. *Лекиѳъ въ частной коллекціи въ Аѳинахъ*, опублик. въ Arch. Zeit. 1870, S. 15,13 (*Heydemann*); *Pottier*: étude, № 18; Arch. Zeit. 1885, S. 19,1 (von Duhn). Харонъ въ короткой туникѣ и шапкѣ и съ весломъ въ рукахъ стоитъ въ своей лодкѣ; къ нему приближаются двѣ одѣтыя женщины (души умершихъ), изъ которыхъ каждая приподнимаетъ правой рукою свое покрывало; подлѣ нихъ помѣщается стела.—

№ LXVI. *Лекиѳъ Берлинскаго музея № 2681*, опублик. въ Arch.

Рис. № 26.

Zeit. 1881, S. 259; *Pottier*: étude, № 19; *Furtwängler*: Beschreib. d. Vasensammlung № 2681; Arch. Zeit. 1885, S. 18 и сл., Taf. II. (*von Duhn*.)—Харонъ обычнаго типа стоитъ въ своей лодкѣ съ вес-

ломъ въ рукахъ; душа умершей представлена въ видѣ женщины, сидящей у подножія стелы и обращающей свое лицо къ Харону; подлѣ нея находится другая одѣтая женщина.—

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ нижеслѣдующемъ отдѣльномъ приложеніи мы предлагаемъ краткое описаніе нѣсколькихъ картинъ на вазахъ (№№ LXVII—LXXIV), которыя мы, въ противоположность толкованіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, выдѣляемъ изъ общаго описанія картинъ загробной жизни на вазахъ въ силу того, что однѣ изъ нихъ съ большою вѣроятностью, а другія съ полною опредѣленностью должно признать за картины, имѣющія предметомъ изображенія сцены и событія, происходящія *не* въ преисподней и относящіяся *не* къ загробной жизни, а потому, естественнымъ образомъ, подлежащія исключенію изъ предѣловъ нашего изслѣдованія.—

№ LXVII. *Фрагменты вазы изъ собранія Hamilton*, опублик у *Tischbein*. Recueil de gravures d'après des vases antiques d'un ouvrage grec, tirées du cabinet de M. le Ch. Hamilton, Naples 1791, pl. I—II, pag. 15—18, и опис. у *Winkler:* d. Darstellungen d. Unterwelt, № XI, S. 62—64.

Уже Tischbein р. 15 и сл., представилъ въ свое время для фигурной композиціи, помѣщенной на обоихъ большихъ фрагментахъ этой вазы, вполнѣ ясное и не оставляющее сомнѣній истолкованіе, согласно которому въ верхнемъ ряду композиціи изображено собраніе Олимпійскихъ боговъ, состоящее изъ Зевса, Геры, Гермеса, Афродиты, Аѳины, Аполлона и, повидимому, Артемиды (отъ послѣдней сохранилась на фрагментѣ только нога); тогда какъ въ нижнемъ ряду представлена битва грековъ съ амазонками.—Winkler совершенно неудачно замѣнилъ это простое, ясное и соотвѣтствующее дѣйствительной композиціи картины объясненіе новымъ истолкованіемъ, явно ошибочнымъ и построеннымъ столько же произвольно, сколько и неправильно, а именно: изъявши изъ четырехъ группъ этой единой композиціи одну группу Зевса, Геры и Гермеса и совершенно игнорируя всѣ остальныя, противорѣчащія его объясненію, фигуры (Афродиты, Аѳины, Аполлона, Артемиды и сражающихся

грековъ и амазонокъ), онъ истолковываетъ ее, какъ группу Аида, Персефоны и Гермеса, къ которымъ, по его предположенію, должна была присоединяться въ композиціи цѣлаго еще фигура Протезилая или Орфея, явившагося передъ властителями преисподней. Въ дѣйствительности, присутствіе всѣхъ перечисленныхъ выше фигуръ, несомнѣнныхъ по ихъ значенію, лишаетъ догадку Winkler'а всякаго правдоподобія, оставляя напротивъ истолкованіе Tischbein'а въ полной силѣ.—

№ LXVIII. *Ваза Императорскаго Эрмитажа № 424* [1]. Сцена наказанія Иксіона выдѣлена здѣсь самимъ художникомъ изъ общей картины преисподней, имѣющей мѣсто на туловищѣ этой амфоры, и помѣщена на горлышкѣ ея, какъ событіе, происходящее *не внутри преисподней, но внѣ ея*, согласно наиболѣе древнимъ версіямъ сказанія объ Иксіонѣ. Въ центрѣ картины изображено висящее въ воздухѣ большое колесо съ огненными спицами, къ которому пригвожденъ Иксіонъ, одѣтый въ короткій хитонъ и мантію. Подлѣ колеса стоятъ: съ одной стороны Гефестъ, (котораго называли одни (Raoul-Rochette) Харономъ, другіе (Iahn) Эакомъ), въ видѣ бородатаго мужа въ гиматіонѣ, держащаго въ правой рукѣ молотокъ, съ помощью котораго онъ только, что пригвоздилъ Иксіона къ колесу. Съ другой стороны, Эринія, въ хитонѣ и хламидѣ, со змѣями на головѣ, готовящаяся повернуть колесо и такимъ образомъ положить начало его вѣчному движенію. При совершающейся въ центрѣ сценѣ наказанія присутствуютъ: направо женская фигура въ короткомъ хитонѣ, съ большими крыльями, держащая въ лѣвой рукѣ керюкей онъ (Ирида или Nike); налѣво, позади Эриніи, сидящій на тронѣ величественный бородатый мужъ, одѣтый въ мантію, съ вѣнкомъ на головѣ и скипетромъ, увѣнчаннымъ птицею, въ правой рукѣ, представляющій собою, какъ совершенно вѣрно называли его уже Gerhard (A. Z. 1845, S. 226), Panofka (Zufl., S. 37) и Winkler (d. Durst. d. Unterw., S. 92), самого царя боговъ, отдающаго приказаніе исполнить надъ Иксіономъ заслуженное имъ наказаніе.

№ LXIX. *Ваза Берлинскаго музея № 3023*, опублик. въ Annali dell' Insititato 1873, tav. I. K., p. 93 (*Klügmann*); *Furtwängler*.

---

[1] Литература, сюда относящаяся, уже указана выше; см. описаніе преисподней на туловищѣ этой самой амфоры № 424.

Beschreib. d. Vasensammlung im Antiqu., № 3023, S. 840 и сл.; *Baumeister*: Denkmäler d. klassisch. Alterthums, I, S. 767, рис. № 821; *Winkler*: d. Darst. d. Unterwelt, S. 91.—Картина на этой вазѣ, воспроизводящая сцену наказанія Иксіона,— по справедливому толкованію перечисленныхъ авторовъ, — происходящею *не въ преисподней, а въ воздушномъ надземномъ пространствѣ*, т. е. согласно древнѣйшимъ версіямъ сказанія объ Иксіонѣ, какъ и предыдущая, также должна быть исключена изъ числа картинъ, составляющихъ непосредственный предметъ нашего изслѣдованія. Въ сценѣ этой,—замѣтимъ кратко,—дѣйствующими лицами являются, кромѣ Иксіона, Эринія съ горящимъ факеломъ въ рукѣ; двѣ крылатыя фигуры, объясняемыя, какъ Nephelai («Облака»); Гермесъ съ керюкейономъ въ рукахъ и Гефестъ съ молотомъ.

№ LXX. Что касается картины *на вазѣ прежняго собранія Pourtalès*, перешедшей затѣмъ въ Британскій музей и опубликов. у *Panofka*: Musée Pourtalès, pl. VII, p. 39; *Roul-Rochette*: Monuments inédits, pl. XL, p. 212—215, Winkler: d. Darst. d. Unterw., S. 91,—то она воспроизводитъ въ дѣйствительности не наказаніе Иксіона, какъ то утверждаетъ въ ук. м. Winkler, а одинъ изъ моментовъ сказанія объ Орестѣ. По мнѣнію R.-Rochette, здѣсь изображенъ Орестъ, котораго начальникъ скиѳовъ Thoas и Гермесъ приводятъ къ Ифигеніи, причемъ въ сценѣ этой присутствуетъ и Аѳина. По толкованію Panofka: lettre à M. Welcker (въ Rheinisch. Museum III, zweit. Iahrg. S. 452—453), Ореста приводятъ тутъ Гермесъ и Аресъ къ Dike, какъ представительницѣ справедливости ареопага, а Аѳина присутствуетъ при этомъ, какъ освободительница Ореста отъ его вины. Объясненія, если и не вполнѣ несомнѣнныя, то имѣющія тѣмъ большее правдоподобіе, что и на другой сторонѣ этой же вазы изображена сцена изъ сказанія объ Орестѣ.

№ LXXI. *Ваза Британскаго музея F. 116* (*4 vase room*).—Кратеръ въ формѣ oxybaphon изъ Апуліи; красн. фигуры съ бѣл., черн. и желт. частями; составл. изъ большаго числа фрагментовъ, причемъ во многихъ мѣстахъ существующіе въ фигурахъ дефекты незаполнены, въ другихъ реставрированы; рисунокъ грубый и небрежный; въ Британ. музей ваза перешла изъ собр. Blacas [1].

---

[1] *Panofka*: Musée Blacas. Monum. grecs et etrusques, Paris 1830, p. 23—29, pl. VII и VIII.—Archäolog. Zeit. 1843, S. 188—190 (*Welcker*); 1844, S. 226, Taf. XIV

Содержаніе картины, имѣющей мѣсто на лицевой сторонѣ этой вазы, до послѣдняго времени не разъяснено удовлетворительно, и вопросъ какъ о мѣстѣ, гдѣ происходитъ изображаемое тутъ дѣйствіе, такъ и о внутреннемъ смыслѣ этого дѣйствія остается спорнымъ. Композиція этой картины, состоящая изъ двухъ рядовъ, раздѣляется высокимъ, находящимся въ центрѣ картины деревомъ на двѣ почти равныя части. Въ верхнемъ ряду, слѣва отъ дерева, на хламидѣ, разостланной на камнѣ, сидитъ нагой юноша съ окрыленными сандаліями на ногахъ и съ керюкейономъ въ лѣвой рукѣ; голова его повернута направо; правой рукою онъ держитъ собаку, положившую переднія лапы къ нему на колѣна. Относительно этой фигуры можно утверждать за несомнѣнное, что она представляетъ собою Гермеса. Слѣва отъ него помѣщается Панъ (значеніе этой фигуры также несомнѣнно) съ козлиными ногами и тѣломъ сатира, со шкурой на лѣвой рукѣ и сиринксомъ въ правой, протянутой по направленію къ Гермесу; лѣвой рукою онъ опирается на свой пастушій узловатый посохъ.

Значеніе двухъ другихъ фигуръ верхняго ряда, направо отъ дерева, также достаточно ясно и едва-ли можетъ возбуждать споры. Крайняя изъ нихъ представляетъ Афродиту, которая сидитъ, опираясь на подушку, съ вѣеромъ въ лѣвой рукѣ и съ лебедемъ на колѣнахъ; одѣта богиня въ длинный безрукавный хитонъ и мантію; на ногахъ—сандаліи; шея украшена ожерельемъ, руки—браслетами. Передъ нею стоитъ съ теніей въ лѣвой рукѣ крылатый Эротъ, имѣющій браслеты на лѣвой рукѣ и правой ногѣ.

Иначе дѣло стоитъ съ истолкованіемъ фигуръ и самаго дѣйствія въ нижнемъ ряду композиціи. Въ центрѣ этого ряда, налѣво отъ дерева, помѣщается на тройномъ базисѣ герма неизвѣстнаго бога (Gerhard считаетъ ее гермой Аполлона Agyieus, Welcker—гермой Зевса-Діониса и т. д.) съ короной на головѣ и длинными, падающими на плечи, волосами. Направо отъ гермы стоитъ юноша въ длинной хламидѣ, перекинутой черезъ лѣвое плечо и закрывающей тѣло до пояса; на головѣ у него вѣнокъ, на ногахъ сандаліи; опи-

---

(*Gerhard*): 1867, S. 48 и сл. (*Jahn*): *C. O. Müller*: kleine Schriften II, S. 498.—Wiener Vorlegeblätter, сер. E табл. VI, 1.—*Baumeister*: Denkmäler, S. 1930.—*Winkler*: d. Darst. d. Unterw., S. 73—79, № XV.

раясь на посохъ, онъ держитъ въ правой рукѣ лиру, которую онъ протягиваетъ къ гермѣ, тогда какъ лѣвой рукою удерживаетъ, при помощи цѣпи, трехголоваго Кербера, поставившаго свои передніе лапы на подножіе гермы. Тѣло, руки и одежда юноши покрыты точками въ видѣ капель. Съ противоположной стороны подлѣ гермы стоитъ другой юноша, совершенно нагой, съ висящимъ за спиною петазосомъ и съ двумя копьями въ лѣвой рукѣ, обернутой въ хламиду; въ правой рукѣ, поднятой на высоту головы гермы, онъ держитъ фіалъ, какъ бы готовясь совершить возліяніе передъ гермой [1].— Двѣ крайнія фигуры по обѣ стороны отъ этой центральной группы составляютъ дополненіе къ первымъ. Слѣва, позади юноши съ фіаломъ и копьями въ рукахъ находится старецъ въ одеждѣ педагога, держащій въ правой рукѣ изогнутый посохъ, а лѣвую протягивающій впередъ по направленію къ юношѣ. Надъ его фигурой сохранился остатокъ надписи ꟷ [2].—Наконецъ, въ противоположномъ концѣ этого ряда изображена женская фигура, окутанная до шеи въ длинную мантію и украшенная ожерельемъ; сидя на возвышеніи подъ лавровымъ деревомъ и обратившись всею фигурой направо, она повернула свою голову влѣво, по направленію къ находящейся въ центрѣ этого ряда вышеописанной группѣ.

Истолкованія отдѣльныхъ фигуръ этого ряда давались различными авторами различныя Panofka, въ ук. м., видѣлъ тутъ Орфея, удерживающаго Кербера для того, чтобы помѣшать ему сдѣлать нападеніе на педагога и эфеба, спѣшащихъ на поля Елисейскія; а въ фигурѣ женщины позади Орфея видѣлъ жену его Эвридику.— Welcker объяснялъ главную фигуру юноши съ Керберомъ также, какъ фигуру Орфея, примѣняя къ нему стихи Горація, (Od. III, 11,15), относительно укрощенія имъ Кербера посредствомъ игры на лирѣ и пѣнія; далѣе, фигуру юноши съ копьями, онъ объяснялъ какъ

[1] Рисунокъ правой руки юноши съ фіаломъ, равно какъ и нѣкоторыя части въ рисункѣ другихъ фигуръ воспроизведены неправильно у Panofka, Taf. VII и Gerhard Taf. XIV, гдѣ всѣ въ дѣйствительности недостающія на оригиналѣ части рисунка переданы въ произвольной реставраціи.

[2] Надпись эта, если относить ее къ фигурѣ старца, можетъ быть дополнена, какъ ΤΡΟΦΕΥΣ (см. Winkler, S. 75, прим.); если же относить ее къ фигурѣ одного изъ юношей,—ибо фрагментъ съ надписью можетъ быть перемѣщенъ и въ другую часть картины,—то она можетъ быть дополнена, какъ ΟΡΦΕΥΣ или какъ-либо иначе...

фиг. вновь посвященнаго; обѣ крайнія — какъ фигуры отца и матери этого посвященнаго.—По Gerhard, здѣсь изображена сцена передачи киѳары Орфеемъ—Мистагогомъ вновь посвященному юношѣ въ присутствіи педагога этого послѣдняго и Эвридики. Въ пояснительной надписи, помѣщенной подъ этой вазой въ Британскомъ музеѣ, принято, именно, это послѣднее истолкованіе всѣхъ фигуръ.

O. Jahn. ссылаясь на аналогичное изображеніе на вазѣ Santangelo № 11, гдѣ Гераклъ, уводящій Кербера, представленъ подлѣ гермы, предлагаетъ и здѣсь имя Орфея замѣнить именемъ Геракла. O. Müller объясняетъ эту сцену, какъ состоящую изъ Ипполита въ его охотничьемъ костюмѣ, сопровождаемаго педагогомъ; Орфея, намѣревающагося повѣсить свою киѳару на герму; и сидящей въ сторонѣ Федры, мучимой любовью къ Ипполиту.—Наконецъ, Winkler, исходя изъ того предположенія, что изображеніе здѣсь Кербера, гермы и фантастическаго дерева указываетъ на то, что дѣйствіе происходитъ въ преисподней. объясняетъ эту сцену слѣдующимъ образомъ: юноша съ лирой и Керберомъ можетъ быть только Эакомъ, который служитъ привратникомъ у входа въ преисподнюю и хранителемъ Кербера; юношу съ копьями въ рукѣ должно назвать Адонисомъ, съ которымъ въ связи объясняются тогда и всѣ фигуры верхняго ряда; сцена изображаетъ такимъ образомъ появленіе Адониса въ преисподней въ сопровожденіи своего педагога и принятіе его Эакомъ на поля Елисейскія, гдѣ представлена уже находящейся одна изъ душъ умершихъ, въ видѣ сидящей подъ лавровымъ деревомъ женщины. Таково разнообразіе истолкованій внутренняго содержанія разсматриваемой картины.

Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ насъ думать, что въ дѣйствительности вся сцена, воспроизведенная въ этой картинѣ. представляетъ собою не событіе. происходящее внутри преисподней, а лишь одинъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ актовъ, заимствованныхъ изъ обрядовыхъ мистическихъ церемоній. Однимъ изъ указаній на это со стороны самого художника является то обстоятельство, что въ верхнемъ ряду этой единой и цѣльной по существу композиціи онъ помѣстилъ фигуры Афродиты съ Эротомъ и Пана, которыя (особенно послѣдняя) служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что мѣстомъ, гдѣ происходитъ все дѣйствіе, можетъ быть не преисподняя, а только надземный міръ. Тоже же самое

нужно сказать и относительно фигуры педагога, ибо, конечно неумѣстно говорить здѣсь о роли педагога, какъ водителя души умершаго Адониса въ преисподнюю, (какъ это дѣлаетъ, напр., Winkler),— роли, которой исполненіе является постоянной обязанностью сидящаго тутъ въ верхнемъ ряду Гермеса. Наконецъ, помѣщеніе здѣсь фигуры юноши съ Керберомъ и лирой въ рукахъ, служившее до сихъ поръ наиболѣе сильнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что изображаемое здѣсь дѣйствіе происходитъ въ преисподней, теряетъ для насъ силу несомнѣнной доказательности, если мы вспомнимъ, что и на вазѣ собр. Durand № 157 изъ Vulci, (опубликов. у J. de Witte: description des antiquités et objets d'art, qui comp. le cab. de Feu M. Durand, Paris 1836, № 157), представленъ Керберъ, привязанный къ лирѣ, которую держитъ въ рукахъ юноша, идущій въ мистической (или вакхической) процессіи. По аналогіи съ этой послѣдней картиной можно заключить, что и сцена на разсматриваемомъ oxybaphon Британ. музея, которая *не* можетъ быть отнесена къ числу сценъ, имѣющихъ мѣсто въ преисподней, воспроизводитъ одинъ изъ разнообразныхъ моментовъ, относящихся къ обрядовой сторонѣ столь распространенныхъ въ Греціи мистерій, описанныхъ древними авторами, къ сожалѣнію, съ недостаточной ясностью.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Обозрѣвая содержаніе вышеизложеннаго во всей его совокупности съ цѣлью пріобрѣтенія болѣе или менѣе опредѣленныхъ выводовъ изъ этого обозрѣнія, мы имѣемъ возможность сдѣлать тутъ нѣсколько заключительныхъ общихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ насъ, съ одной стороны, *сравнительное разсмотрѣніе, по содержанію и формѣ, всѣхъ вышеописанныхъ картинъ загробной жизни между собою*, а съ другой, *изученіе содержанія этихъ самыхъ картинъ на вазахъ сравнительно съ тѣми представленіями греческаго народа по тому же предмету*, *которыя нашли себѣ въ описанныхъ выше картинахъ болѣе или менѣе полное выраженіе.*

I. Миѳическій элементъ въ картинахъ преисподней на вазахъ.

Казалось бы, что въ художественномъ воспроизведеніи народныхъ представленій о загробной жизни въ виду всеобщности смертнаго жребія. неизбѣжнаго для *всего* живущаго, а слѣдовательно, и вытекающей отсюда неопредѣленности *безконечнаго* содержанія,—казалось бы въ виду этого, что и въ самомъ выполненіи этой темы художниками слѣдовало ожидать столь же *безконечнаго разнообразія* воспроизводимыхъ сценъ соотвѣтствующаго содержанія и въ то же время столь же *неопредѣленнаго*, общаго, такъ сказать, безличнаго изображенія загробной жизни, подобнаго тѣмъ, какія мы видимъ, нерѣдко, напр., въ картинахъ преисподней («геены огненной») христіанскихъ художниковъ, гдѣ массы грѣшниковъ безъ опредѣленныхъ именъ и въ самыхъ причудливыхъ положеніяхъ, обязанныхъ своимъ созданіемъ только фантазіи художника, наполняютъ назначенное для нихъ мѣсто вѣчнаго наказанія. Въ дѣйствительности однако, пере-

сматривая изображенія загробной жизни въ памятникахъ античнаго искусства и, въ частности, въ произведеніяхъ вазовой живописи, мы видимъ тутъ явленіе прямо противоположнаго характера, - замѣчаемъ и въ этихъ изображеніяхъ ту самую ясность, опредѣленность, стройность, которыя проникаютъ собою въ большей или меньшей степени и всѣ вообще сферы дѣятельности античнаго грека. Чуждый стремленію къ неопредѣленной символикѣ, которое нерѣдко старались приписывать ему позднѣйшіе интерпретаторы, *греческій художникъ не создаетъ*, какъ мы видѣли, *ни одной картины загробной жизни въ ея безличномъ*, *общемъ содержаніи*, -- общемъ въ томъ смыслѣ, что подъ каждымъ изъ дѣйствующихъ тамъ лицъ можно было бы разумѣть любого изъ представителей умершаго человѣчества, такъ что ни одинъ изъ участвующихъ въ картинѣ персонажей не могъ бы быть отнесенъ къ опредѣленному по своему миѳологическому содержанію и внѣшнимъ формамъ типу. Чтобы достигнуть желанной опредѣленности, онъ избираетъ средство простое и вѣрное: *онъ примыкаетъ непосредственно къ тѣмъ миѳамъ, которые извѣстны всему народу*; *пишетъ свои картины согласно тѣмъ, хорошо извѣстнымъ каждому изъ народа представленіямъ, которыя составляютъ въ то же время и его собственныя воззрѣнія на данный предметъ* и которыя, не расплываясь въ неопредѣленной и отвлеченной отъ извѣстныхъ отдѣльныхъ предметовъ безконечности, ограничиваются гораздо болѣе узкимъ, но за то яснымъ и опредѣленнымъ кругомъ, гдѣ *каждое изъ дѣйствующихъ лицъ имѣетъ свое ясно установленное миѳологическое содержаніе*, *играетъ въ цѣломъ свою строго опредѣленную роль*, *а съ внѣшней стороны получаетъ въ воображеніи народа*, *а затѣмъ и въ искусствѣ*, *свои болѣе или менѣе точно обозначенныя формы*, *по которымъ всякій имѣетъ возможность легко узнать это лицо среди всей массы другихъ*. Отсюда, на всѣхъ извѣстныхъ намъ картинахъ загробной жизни мы видимъ дѣйствующими лицами и участниками изображаемыхъ здѣсь событій длинный рядъ персонажей, для которыхъ (за исключеніемъ, быть можетъ, одной лишь группы посвященныхъ, повидимому, безымянной) не только установлено миѳологически ихъ внутреннее значеніе, самихъ по себѣ и по отношенію къ остальнымъ участвующимъ въ событіи лицамъ, но установлены также и весьма опредѣленные по внѣшнимъ формамъ типы,

даже определены мѣсто и положеніе каждой фигуры въ цѣлой картинѣ.

Но этого мало Греческіе художники, писавшіе разсматриваемыя нами картины загробной жизни, не довольствуются указанною сейчасъ опредѣленностью ихъ содержанія и устойчивостью типовъ дѣйствующихъ въ нихъ персонажей. Въ своемъ стремленіи къ опредѣленности они идутъ еще далѣе: они хотятъ, чтобы и самый *художественный мотивъ*, въ силу котораго они избираютъ для каждой изъ своихъ картинъ тѣхъ, а не другихъ лицъ, —ту, а не иную композицію и художественныя детали,—чтобы и самый мотивъ этотъ не былъ произвольнымъ и неопредѣленнымъ; другими словами, чтобы выборъ лицъ и положеній для каждой данной композиціи являлся не дѣломъ простого произвола каждаго художника, но законнымъ результатомъ самой необходимости, поскольку эта необходимость выражается въ болѣе или менѣе близкомъ слѣдованіи художника за тѣмъ основнымъ содержаніемъ, которое даетъ ему миѳъ, усвоенный цѣлымъ народомъ или извѣстное всему же народу поэтическое сказаніе. Отсюда, какъ прямое слѣдствіе, мы наблюдаемъ здѣсь слѣдующее явленіе; только на тѣхъ картинахъ преисподней, которыя оказываются наименьшими по объему своего содержанія и относятся, какъ мы видѣли, къ картинамъ болѣе сложнымъ, какъ части къ своему цѣлому, изображенія отдѣльныхъ сценъ изъ жизни въ преисподней являются вполнѣ *самостоятельнымъ* предметомъ воспроизведенія, такъ что художникъ изображаетъ здѣсь эти сцены ради интереса ихъ самихъ по себѣ, помимо всякаго, такъ сказать, «миѳологическаго мотива» для воспроизведенія ихъ въ данной картинѣ. Иное должно сказать относительно всѣхъ наиболѣе значительныхъ по содержанію картинъ преисподней (группы I—VI наш. оп.): здѣсь такой мотивъ играетъ весьма важную роль, имѣетъ опредѣляющее значеніе. Подобно тому какъ, напр., у Гомера, Платона, Лукіана и др., для того *чтобы придать разсказу о загробной жизни видъ наибольшей вѣроятности и убѣдительности для слушателя, сообщенія относительно этой жизни дѣлаются отъ лица или на основаніи разсказовъ якобы самихъ очевидцевъ всего происходившаго въ преисподней* (отъ лица Одиссея, Эра, Тезея, Алцесты и др.),—такъ и здѣсь, *въ картинахъ на вазахъ съ такою же цѣлью: художникъ беретъ, какъ главный предметъ для своего воспроизведенія, тотъ или*

иной, *распространенный въ народѣ и пользующійся его довѣріемъ разсказъ о посѣщеніи преисподней извѣстнымъ лицомъ* (напр. Одиссеемъ, Орфеемъ, Иракломъ, Тезеемъ и Пейриѳоемъ и др., нерѣдко соединяя при этомъ нѣсколько такихъ разсказовъ вмѣстѣ, въ одну композицію), *и затѣмъ рисуетъ передъ глазами зрителя картину самой преисподней и жизни въ ней уже какъ нѣчто дополнительное по отношенію къ такому главному сюжету, но за то пріобрѣтающее для зрителя значеніе величайшаго правдоподобія или даже несомнѣнной дѣйствительности*, ибо и здѣсь, въ этихъ картинахъ, воспроизводится лишь то изъ всего существующаго въ преисподней, что должно было,—по убѣжденію вѣрующаго грека,— дѣйствительно имѣть тамъ мѣсто въ моментъ посѣщенія ея тѣмъ или другимъ героемъ (или богомъ) и могло быть видимо тамъ этимъ послѣднимъ. Результатомъ этого является то, что хотя по замыслу художника самый фактъ посѣщенія преисподней тѣмъ или инымъ миѳическимъ лицомъ составляетъ здѣсь какъ бы главное обстоятельство, однако *для зрителя рисуемыя имъ въ тѣхъ же картинахъ сцены самой жизни умершихъ въ этой преисподней, совпадающія со временемъ такого посѣщенія, являются въ дѣйствительности ближайшимъ и важнѣйшимъ предметомъ вниманія, интересующимъ его своимъ содержаніемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ самое миѳическое событіе*, ибо это послѣднее не имѣетъ къ нему (зрителю) отношенія столь непосредственнаго, какъ изображеніе загробной жизни умершихъ въ преисподней, гдѣ и ему,—какъ каждому изъ представителей человѣчества,—суждено по смерти занять такое или иное изъ указываемыхъ въ картинѣ положеній. *Самое же изображеніе загробной жизни, благодаря указанному пріему художника, получаетъ*,—какъ было сказано,—*значеніе какъ бы не подлежащей сомнѣнію дѣйствительности*, ибо свидѣтелями того, что загробная жизнь существуетъ въ такомъ именно видѣ, въ какомъ изображается она въ картинахъ греческихъ художниковъ, (какъ и въ народномъ преданіи), являются лица, заслуживающія со стороны каждаго вѣрующаго грека самаго полнаго довѣрія.

II. Характеръ изображеній загробной жизни въ картинахъ на вазахъ сравнительно съ изображеніями ея въ поэзіи и миѳѣ.

Если въ стремленіи къ опредѣленности и достовѣрности народное преданіе, съ одной стороны, и художественное воспроизведеніе его

въ картинахъ на вазахъ, съ другой, являлись, какъ только что было показано, по существу своему весьма сходными; то, напротивъ, въ самомъ характерѣ изображенія цѣлаго, въ общей, такъ сказать, окраскѣ картинъ загробной жизни здѣсь и тамъ, — въ народномъ преданіи и вазовой живописи,—должно отмѣтить значительное различіе.

Пересматривая одно за другимъ всѣ описанныя выше многочисленныя изображенія преисподней и происходящаго въ ней, съ цѣлью опредѣлить общій внутренній характеръ каждаго изъ нихъ, мы не встрѣчаемъ въ композиціи хотя бы одного изъ нихъ того содержанія, которое производило бы на зрителя впечатлѣніе *ужаса* подобнаго тому, о какомъ говоритъ, напр., Одиссей у Гомера (Od. λ, 633): «Ужасомъ блѣднымъ тогда я весь былъ охваченъ»... и т. д.—Нигдѣ на всѣхъ этихъ картинахъ преисподней на вазахъ мы не видимъ также и тѣхъ многочисленныхъ *страшилищъ преисподней*, о которыхъ говоритъ намъ одинъ изъ переданныхъ выше миѳовъ Платона: «тогда-то являлись существа страшныя, по виду огненныя и, повинуясь реву устья, брали грѣшниковъ по одиночкѣ и уводили, а Аридея и нѣкоторыхъ другихъ, связавши по рукамъ и ногамъ, бросали на землю и, содравши съ нихъ кожу, волокли ихъ у окраины дороги по колючему кустарнику» и т. д.—Не находимъ также существованія какого-либо изъ тѣхъ разнообразныхъ *чудовищъ* которыхъ, какъ находящихся въ преисподней, перечисляетъ Діонису Эакъ въ комедіи Аристофана «Ranae» (470—478), угрожая Діонису, что кровоточивый утесъ Ахеронта, страшная скала Стикса и бѣгающіе тамъ псы Кокита не выпустятъ его оттуда; что стоглавая Эхидна растерзаетъ его внутренности; что въ его легкія вонзитъ свои зубы Тартезскій угорь, а Титразскія горгоны раздерутъ его почки и т. д.

Изображенія загробной жизни на вазахъ имѣютъ характеръ, чуждый какихъ бы то ни было устрашающихъ цѣлей: всѣ элементы, подобные вышеназваннымъ, которыми столь легко могло быть запугиваемо воображеніе вѣрующаго во всѣ эти ужасы грека, совершенно устранены изъ этихъ картинъ на вазахъ, и изображенія здѣсь загробной жизни являются для большей части участвующихъ лицъ какъ бы простымъ отраженіемъ земного существованія. Даже загробныя наказанія представляются здѣсь такимъ образомъ, что если

для воспроизведенія не избранъ моментъ временнаго или даже полнаго освобожденія отъ наказанія въ связи съ изображаемымъ въ картинѣ миѳическимъ событіемъ (каково, напр., временное прекращеніе наказанія Данаидъ на вазахъ №№ III, V, VII, X, XXXV наш. оп., или полное освобожденіе Тезея изъ преисподней на вазахъ № VII, XII и XIII наш. оп.), то самыя наказанія изображаются въ такомъ видѣ, что болѣе всего остальнаго они указываютъ здѣсь лишь тщетность, безплодность вѣчныхъ усилій наказуемаго (Сизифъ, Танталъ, Окнъ, Данаиды) достигнуть одной какой-либо важнѣйшей для него цѣли, — безплодность, видимо намекающая на подобную же тщетность и суетность всѣхъ вообще усилій и стремленій человѣка въ періодъ земного его существованія... И это отсутствіе въ картинахъ на вазахъ какихъ бы то ни было устрашающихъ элементовъ, эта спокойная и мягкая трактовка изображеній загробной жизни оказывается здѣсь вполнѣ понятной и естественной. Украшая такими картинами вазы, поставляемыя въ гробницы умершихъ,—въ тѣ самыя гробницы, подлѣ которыхъ, согласно вѣрованію грековъ (см. выше діал. Платона Phäd. 80 D—82 и 108), души многихъ умершихъ блуждаютъ долгое время по смерти тѣла, художники и не могли трактовать эти свои картины иначе, какъ со всею возможною мягкостью: раздѣляя съ народомъ указанное сейчасъ вѣрованіе въ посмертное блужданіе душъ подлѣ тѣлесныхъ своихъ останковъ, они должны были и самыя эти картины преисподней писать такимъ образомъ, какъ если бы онѣ предназначались для созерцанія не только оставшихся въ живыхъ друзей и родственниковъ умершаго, которымъ эти мягкія картины загробной жизни должны были подавать успокоительныя надежды относительно посмертной судьбы ихъ близкихъ, но и для созерцанія самихъ душъ умершихъ въ тѣ моменты блужданія ихъ подлѣ прежнихъ своихъ человѣческихъ тѣлъ, когда, не будучи еще вполнѣ очищены отъ прежнихъ тѣлесныхъ элементовъ и страшась преисподней, онѣ остаются подлѣ своихъ тѣлъ до тѣхъ поръ, пока не уводятся насильно приставленными къ нимъ духами (Phäd, 108). Этимъ-то душамъ умершихъ, мятущимся въ страхѣ передъ преисподней, созерцаніе такихъ картинъ загробной жизни должно было, какъ и живымъ, доставлять и вѣрное успокоеніе, и вмѣстѣ твердое упованіе на то, что и для нихъ, какъ для большинства участвующихъ въ этихъ кар-

тинахъ лицъ, возможно въ преисподней существованіе, не заключающее въ себѣ ничего ужаснаго, ничего слишкомъ тяжкаго сравнительно съ прежнимъ ихъ существованіемъ на землѣ; а если умершій удостоился принять при жизни посвященіе въ мистеріи, то даже существованіе и безконечно болѣе счастливое, чѣмъ это послѣднее.

Можно думать, сверхъ того, что и основанія чисто *эстетическія* были однимъ изъ важнѣйшихъ (на ряду съ вышеуказанными) факторовъ, обусловливавшихъ различіе въ трактовкѣ однихъ и тѣхъ же сюжетовъ съ одной стороны, въ вазовой живописи, а съ другой, въ поэзіи и миѳѣ.

Въ исторіи эстетики успѣло уже достаточно выясниться то различіе, которое существуетъ между поэзіей и живописью въ самыхъ способахъ выраженія при изображеніи даже одинаковыхъ предметовъ и явленій, не говоря уже о значительномъ различіи самыхъ областей проявленія творческой дѣятельности поэта и художника, столь основательно разъясненномъ въ «Лаокоонѣ» Лессинга. Если предметомъ и содержаніемъ поэзіи служитъ весь міръ видимый, сколько и невидимый, а средствомъ выраженія является слово, то *для воспроизведенія всего этого содержанія въ поэзіи нѣтъ никакихъ ограничивающихъ принциповъ, ибо слово способно описать все и притомъ въ любыхъ формахъ*. Напротивъ, для живописи (какъ и вообще изобразительныхъ искусствъ) предметомъ и содержаніемъ является только міръ видимый, а средствомъ выраженія служатъ рисунокъ и краски, способныя къ воспроизведенію только внѣшнихъ, видимыхъ формъ, въ силу чего *для живописи необходимо устанавливается цѣлый рядъ принциповъ, ограничивающихъ способы живописнаго изображенія извѣстными предѣлами*, за которые художникъ не можетъ выходить безнаказанно, и *принципъ красоты выраженія*, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ античнаго искусства, справедливо можетъ быть признанъ изъ нихъ наиболѣе важнымъ и господствующимъ.

Отсюда, въ примѣненіи къ разсматриваемымъ нами изображеніямъ загробной жизни на вазахъ является указанное выше слѣдствіе: строгое примѣненіе въ вазовой живописи названнаго принципа красоты выраженія не могло допустить изображенія въ этихъ картинахъ какихъ бы то ни было страшилищъ загробнаго міра съ ихъ чудовищными формами, внушающими зрителю ужасъ и отвращеніе. Только поэзія и

міею. въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ, могли свободно рисовать для вѣрующихъ изъ народа картины всевозможныхъ загробныхъ ужасовъ и чудовищныхъ явленій въ преисподней, потому что воображеніе человѣка нуждается въ самыхъ яркихъ, потрясающихъ образахъ для того, чтобы описываемыя картины произвели на него достаточно сильное впечатлѣніе. Въ произведеніяхъ живописи, гдѣ всѣ изображенія дѣйствуютъ уже не на воображеніе, а непосредственно на глазъ зрителя передаваясь затѣмъ его чувству, появленіе разнообразныхъ чудовищъ преисподней производило бы, правда, впечатлѣніе еще болѣе сильное, но оно оказывалось бы въ то же время явленіемъ стоящимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ упомянутымъ основнымъ принципомъ красоты выраженія, который былъ бы грубо нарушенъ введеніемъ въ эти картины чудовищныхъ и уродливыхъ формъ. И именно эти основанія на ряду съ указанными выше, должны были, думается намъ, заставлять художниковъ, украшавшихъ погребальныя вазы картинами загробной жизни, трактовать эти картины съ такою необыкновенною мягкостью, спокойствіемъ и вмѣстѣ изяществомъ, рѣшительно устраняя изъ нихъ все то, что могло бы внушить зрителю столько же ужасъ своимъ содержаніемъ, сколько и отвращеніе своими формами.

III. Отношеніе картинъ загробной жизни на вазахъ къ изображеніямъ ея въ произведеніяхъ стѣнной живописи.

Однимъ изъ существенныхъ по важности вопросовъ, возникающихъ при сравнительномъ изученіи картинъ загробной жизни на вазахъ, является вопросъ о томъ, *имѣли-ли, если не всѣ онѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя ихъ группы болѣе или менѣе близкое отношеніе къ какому либо одному (для каждой изъ этихъ группъ) крупному оригиналу,— произведенію стѣнной живописи, подъ вліяніемъ котораго онѣ могли быть созданы?*

Уже самая возможность подраздѣленія всѣхъ извѣстныхъ намъ картинъ загробной жизни на вазахъ на цѣлый рядъ вполнѣ самостоятельныхъ группъ указываетъ на то, что между отдѣльными произведеніями, выдѣляемыми въ каждую изъ такихъ группъ, существуютъ болѣе или менѣе многочисленныя черты сходства какъ въ самомъ содержаніи, такъ и во внѣшнихъ формахъ, благодаря которымъ именно и оказывается возможнымъ такое выдѣленіе ихъ въ

группы. Тѣмъ не менѣе, говоря о причинахъ такого сходства между картинами, составляющими ту или другую группу и, изслѣдуя въ частности вопросъ о значенiи въ этомъ отношенiи влiянiя на нихъ какого-либо крупнаго образца, должно отмѣтить тутъ существенное различiе въ возможномъ объясненiи таковыхъ причинъ, съ одной стороны, для нѣсколькихъ картинъ, составляющихъ группу вторую нашего описанiя, наиболѣе сложныхъ изъ всѣхъ по своему содержанiю, а съ другой, для всѣхъ остальныхъ.

По отношенiю къ послѣднимъ причины такого сходства уже выяснены были нами въ § I-мъ нашего заключенiя: стремленiе художниковъ, расписывавшихъ эти вазы, *къ мотивированiю каждаго воспроизведенiя загробной жизни тѣмъ или инымъ миѳическимъ событiемъ* (каковы: посѣщенiе преисподней въ отдѣльности Одиссеемъ, Орфеемъ, Тезеемъ и Пейриѳоемъ, Геракломъ; истребованiе изъ преисподней Персефоны черезъ посредство Гермеса) ради достиженiя возможно большей опредѣленности и впечатлѣнiя несомнѣнной для зрителя достовѣрности изображаемаго,—это стремленiе въ связи съ близкимъ по возможности слѣдованiемъ художниковъ за самымъ народнымъ преданiемъ и поэтическими сказанiями достаточно объясняетъ тѣ черты сходства, которыя мы видимъ между отдѣльными картинами, принадлежащими къ группамъ первой, третьей, четвертой, пятой и шестой нашего описанiя, тогда какъ встрѣчающiяся въ нихъ въ то же время черты различiя находятъ себѣ объясненiе въ болѣе или менѣе свободной (при отсутствiи какого либо одного для каждой изъ этихъ группъ большого оригинала) трактовкѣ одного и того же сюжета различными художниками [1].

Иначе дѣло стоитъ съ истолкованiемъ причинъ вполнѣ необычнаго сходства однѣхъ съ другими картинъ, относящихся ко второй группѣ нашего описанiя, т.-е. картинъ преисподней на вазахъ: Altamura

---

[1] Что касается картинъ, относящихся къ группамъ VII—X-й, то по отношенiю къ нимъ не возникаетъ даже и вопроса о влiянiи на каждую изъ нихъ какого-либо крупнаго оригинала сколько потому, что черты различiя между отдѣльными произведенiями каждой изъ этихъ группъ слишкомъ многочисленны для того, чтобы могла возникнуть самая мысль о возможности такого влiянiя, столько и потому, что содержанiе всѣхъ этихъ картинъ слишкомъ несложно для того, чтобы существующiя между ними черты сходства можно было объяснять чѣмъ либо инымъ, нежели одинаковостью трактуемыхъ въ нихъ сюжетовъ.

Неаполит. муз. № 3222: Canosa Мюнхен. муз. № 849; Ruvo-музея Karlsruhe № 388 и того же музея № 258; Santangelo Неполит. муз. № 709. Картины эти, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, отличаются наибольшею сложностью и разнообразіемъ своего содержанія сравнительно со всѣми остальными, и потому существующее между ними внутреннее, равно какъ и внѣшнее сходство является тѣмъ болѣе достойнымъ вниманія. Самый фактъ этого сходства, и притомъ въ частяхъ, казалось бы наиболѣе случайно нашедшихъ себѣ мѣсто въ композиціи цѣлаго, дѣлается очевиднымъ уже изъ простого сравненія однѣхъ съ другими всѣхъ картинъ, составляющихъ эту вторую группу. Центромъ композиціи всѣхъ этихъ картинъ является *группа властителей преисподней, Аида и Персефоны*, къ которымъ на вазѣ Karlsruhe 388 и Santangelo 709 присоединяется еще Эриннія и вокругъ которыхъ группируются всѣ остальныя фигуры. Въ верхнемъ ряду композиціи, налѣво отъ дворца, на ваз. Неапол. м. 3222, Мюнхен. 849 и Karlsruhe 388 (фрагментъ в. Karlsruhe 258 съ соотвѣт. частью композиціи не сохранился) изображена одна и та же группа *Мегары съ двумя Гераклидами*. Направо отъ дворца въ томъ же верхнемъ ряду на всѣхъ пяти вазахъ представлено *наказаніе Пейриѳоя* въ присутствіи или Тезея и Dike, или одной Dike, или одного Тезея. Въ среднемъ ряду композиціи, состоящей изъ трехъ полосъ на ваз. Неап. 3222, Мюнхен. 849, Karlsruhe 388 и 258, равно какъ и въ верхнемъ изъ двухъ рядовъ, составляющихъ композицію картины на в. Santangelo 709, слѣва отъ дворца изображенъ поющій передъ властителями преисподней *Орфей*, подлѣ котораго на ваз. Неап. 3222 и Karlsruhe 388 находятся двѣ Эринніи, на вазѣ Мюнхен. муз. 849—группа посвященныхъ, и на в. Santangelo 709—возвращенная ему супруга его Эвридика.—Группа, находящаяся въ среднемъ ряду композиціи направо отъ дворца Плутона, изображаетъ на трехъ вазахъ (Неап., Мюнхен. и Karlsruhe 258) *судей загробнаго міра*, тогда какъ на вазѣ Karlsruhe 388 мѣсто ея занимаетъ группа *посвященныхъ*. Наконецъ, въ нижнемъ ряду композиціи на всѣхъ четырехъ принадлежащихъ сюда вазахъ (фрагментъ в. Karlsruhe 258 съ соотвѣт. частью композиціи не сохранился) воспроизведена въ центрѣ *сцена похищенія Кербера Геракломъ въ присутствіи Гермеса и Гекаты*, причемъ слѣва отъ этой сцены на ваз. Неап., Мюнхен. и Karlsruhe 388

представлено *наказаніе Сизифа* (на в. Santangelo — *освобожденіе изъ преисподней Тезея*), тогда какъ направо отъ нея на трехъ вазахъ: Неап. 3222, Karlsruhe 388 и Santang. 709, помѣщены *фигуры Дикиръ*, вмѣсто которыхъ на в. Мюнхен. изображено *наказаніе Тантала*. Таковы многочисленныя черты сходства между отдѣльными картинами, принадлежащими къ этой группѣ.

Каковы могутъ быть причины этого сходства?—Когда нѣсколькими годами позднѣе опубликованія впервые сдѣлавшейся извѣстной картины преисподней на вазѣ Canosa (Мюнхен. муз. 849), отысканъ былъ второй экземпляръ картины съ тѣмъ же сюжетомъ на вазѣ Ruvo (послѣдствіи перешедшей въ м. Karlsruhe подъ № 388), тогдашній владѣлецъ этой послѣдней Sign. Lamberti, не задумался высказать мнѣніе, что она представляетъ собою не что иное, какъ копію первой [1]. Ближайшее разсмотрѣніе обѣихъ показало однако что при многочисленныхъ чертахъ сходства обѣ эти картины имѣютъ въ то же время и нѣкоторые пункты различія, дѣлающіе невозможнымъ допущеніе мысли о томъ, что одна изъ нихъ является простою копіей другой. Вслѣдствіе этого Braun съ своей стороны сдѣлалъ попытку (въ Annali dell'Inst. 1837, p. 219—242) объяснить существующія между обѣими картинами черты сходства уже иначе, а именно *соотношеніемъ ихъ обѣихъ къ одному и тому же большому оригиналу*, которымъ могла служить, по мнѣнію автора, знаменитая картина Полигнота въ Lesche въ Дельфахъ.

Однако уже Welcker [2] рѣшительно указалъ, что попытка такого сравненія этихъ картинъ на вазахъ съ картиной Полигнота въ Дельфахъ ведетъ въ дѣйствительности только къ тому, что необходимымъ оказывается признать самое существенное и рѣзкое *различіе между первыми и послѣдней какъ въ главной идеѣ изображаемаго, такъ и въ самой композиціи и почти во всѣхъ участвующихъ здѣсь и тамъ лицахъ*. Въ то время, какъ Полигнотъ,—по мнѣнію Welcker,—тѣсно примыкаетъ къ Гомеровскому эпосу, (и притомъ,—прибавимъ мы,—не выдѣляя подлинныхъ его частей отъ интерполированныхъ), включаетъ въ свою картину сверхъ того отдѣльныя черты, заимствованныя изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, а также указываетъ въ

[1] См. Braun въ Annali dell'Inst di corrisp. arch. 1837, p. 220.
[2] Въ Archäolog. Zeit. 1848, S. 177—179.

одной части своей картины различіе между посвященными профанами, — картины на разсматриваемыхъ вазахъ ничего общаго съ Гомеровскимъ (подлиннымъ) эпосомъ не имѣютъ, получая напротивъ черезъ Орфея и нѣкоторыхъ другихъ лицъ ближайшее отношеніе къ мистеріямъ.

Нѣсколькими годами позже, V. Valentin [1], указывая въ свою очередь необычность соединенія на разсматриваемыхъ вазахъ двухъ столь разновременныхъ событій (посѣщеніе преисподней Орфеемъ и Геракломъ), о связи которыхъ между собою не говоритъ ни одно народное преданіе и ни одинъ разсказъ поэта, усматриваетъ въ этомъ фактѣ лишь пользованіе со стороны художника тѣмъ правомъ свободы изображенія, какое даетъ ему искусство, ибо правомъ искусства, — говоритъ онъ, — является между прочимъ полная отмѣна всякаго различія во времени, позволяющая художнику и разновременныя событія изображать, согласно его цѣлямъ, совершающимися какъ бы единовременно. Что касается этой ближайшей цѣли, которую долженъ былъ преслѣдовать художникъ, соединяя въ одно цѣлое столь разновременныя событія, то она состояла, по мнѣнію автора, въ томъ чтобы показать зрителю черты различія и сходства между героями обоихъ изображаемыхъ тутъ событій. Орфей спускается въ преисподнюю, побуждаемый своею любовью къ Эвридикѣ, и достигаетъ побѣды съ помощью своего искусства но побуждаемый тою же любовью и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ узнать, не обманутъ ли онъ подземными богами, онъ теряетъ снова свою супругу, не успѣвши даже увидѣть ея образа вслѣдствіе чего пѣвецъ остается на всю свою жизнь безнадежно несчастнымъ, а въ душѣ зрителя соотвѣтственно этому получается также болѣзненное чувство безнадежности при видѣ того, какъ даже высочайшія стремленія человѣка и притомъ поддерживаемыя чистѣйшими средствами, остаются безуспѣшными передъ силою смерти. Гераклъ обращается для достиженія своей цѣли уже не къ помощи искусства, а къ простой физической силѣ; самое его посѣщеніе преисподней является у него не дѣломъ его личнаго сердечнаго стремленія, а лишь результатомъ внѣшняго для него самого принужденія; причемъ въ то время какъ Орфей совершаетъ свой подвигъ безъ всякой посторонней помощи, у Геракла помощникомъ является самъ родитель

[1] *V. Valentin*: Opheus und Heracles in d. Unterwelt, Berlin. 1865, S. 51 и сл.

душъ ермесъ, дающій герою возможность достигнуть поставленной имъ цли. Но несмотря на то, что благодаря помощи этого бога самый п:тупокъ Геракла получаетъ освященіе и законность, тѣмъ не менѣе ерой несетъ за него впослѣдствіи тяжелое наказаніе, искупая его свімъ временнымъ сумасшествіемъ, во время котораго онъ убиваетъ юихъ дѣтей и жену (Hygin. fab. 32). И въ этомъ, именно, печальмъ конечномъ результатѣ заключается, несмотря на различіе во ємъ прочемъ, внутреннее сходство между обоими, соединенными ѣсь подвигами героевъ [1].

Интесныя соображенія по занимающему насъ вопросу приводитъ F Hartwig въ своей статьѣ: «neue Unterweltsdarstellungen auf grchischen Vasen». помѣщенной въ Arch. Zeit. 1884, S. 269—21.—Всѣ картины преисподней, относящіяся къ размативаемойіами группѣ,—по мнѣнію этого изслѣдователя,—являются не болѣе, къ *компиляціями изъ одного или нѣсколькихъ великихъ образцовъ*. Е спрашивается, каковъ, именно, былъ этотъ образецъ?...— Что вс эти фигуры и группы, составляющія цѣлое каждой картины, по'рпнуты были художниками изъ какихъ либо спеціальныхъ учебниівъ (aus Vorlegebüchern), въ которыхъ могли быть указаны отдѣльне типы и цѣлыя группы этого рода, невозможно.—думаетъ авторъ,-допустить потому, что на всѣхъ дошедшихъ до насъ экземплярахътихъ картинъ сходство какъ въ содержаніи, такъ и во внѣшнихъ фмахъ слишкомъ велико и существенно. чтобы быть объясненнымъ простымъ пользованіемъ такими теоретическими указаніями. Съ другой стороны, однако и противъ принятія предположенія объ одимъ какомъ либо великомъ оригиналѣ, изъ многофигурной композиціи котораго были бы эксцерпированы картины преисподней въ томъ иъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ на разсматриваемыхъ вазахъ, оворятъ, по мнѣнію Hartwig, слѣдующія соображенія. Художникъ мгъ бы воспользоваться изображеніемъ путешествія въ преисподнюю одного Орфея или одного Геракла для того, чтобы представить при этомъ и самую преисподнюю, какъ это сдѣлали, напр,

[1] Дальнѣйшія соображенія Valentin'a не заслуживаютъ вниманія, ибо исходятъ изъ ложнаго, нынѣ опровергнутаго надписями, мнѣнія, будто группы верхняго ряда композиціи картинъ на разсматриваемыхъ вазахъ (по обѣ стороны отъ дворца Плутона) являются сценами не жизни въ преисподней, а жизни надземной.

Полигнотъ и Никій, воспользовавшись для того путешествіемъ въ преисподнюю Одиссея. Но соединеніе въ одной картинѣ одновременно двухъ приключеній (Орфея и Геракла), представляющихся вполнѣ законченными уже каждое въ отдѣльности, по меньшей мѣрѣ мѣшало бы цѣльности впечатлѣнія при разсмотрѣніи картины. Въ виду этого необходимо предположить, думаетъ названный авторъ, — или что *самый оригиналъ, отъ котораго зависѣли эти картины на вазахъ, дѣйствительно имѣлъ указанный недостатокъ*; или что *въ основаніи всѣхъ ихъ лежитъ компиляція въ какихъ либо спеціальныхъ цѣляхъ вазовой живописи, одновременно изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ въ древности оригиналовъ,* о существованіи которыхъ можно сдѣлать заключеніе изъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ[1].

Что касается имени художника или художниковъ, создавшихъ такіе образцы для вазовой живописи, то, по справедливому замѣчанію автора,—отыскивать ихъ было бы, при ничтожныхъ литературныхъ свѣдѣніяхъ по этому вопросу, напраснымъ трудомъ: можно сказать только, что ни картина преисподней, писаная Полигнотомъ въ Дельфахъ, ни [illegible] Никія [2] не служили непосредственно тѣми оригиналами, изъ которыхъ художники, писавшіе картины на вазахъ, могли заимствовать свои композиціи, такъ что наибольшее, что́ возможно допустить въ этомъ случаѣ, могло быть лишь отдаленнымъ, косвеннымъ вліяніемъ первыхъ картинъ на эти послѣднія. Таково разностороннее освѣщеніе разсматриваемаго нами вопроса различными авторами.

При такомъ положеніи дѣла, если,—какъ справедливо указывается уже предшествующими изслѣдователями,—существующее между отдѣльными картинами этой группы сходство не можетъ быть объяснено непосредственнымъ на нихъ вліяніемъ какого либо изъ извѣстныхъ намъ оригиналовъ стѣнной живописи, равно какъ и теоретическими указаніями какихъ-либо учебниковъ, а изъ миѳовъ ни одинъ не говоритъ о единовременномъ посѣщеніи преисподней Орфеемъ и Геракломъ,—то не могутъ-ли быть причины этого сходства отысканы въ источникахъ иного рода, чѣмъ вышеуказанные?...—Одинъ

---

[1] Какъ, напр., изъ первой рѣчи противъ Аристогитона (Ps. Demosth. 25,5 (p. 786, 13): „μεθ' ὧν δ' οἱ ζωγράφοι τοὺς ἀσεβεῖς ἐν Ἅιδου γράφουσιν μετὰ τούτων... περιέρχεται". Ср. Plaut. Capt. 5,41: „vidi ego multa saepe picta, quae Acherunti fierent cruciamenta".

[2] См. Pausan. X, 25—31 *ed. Schubart*; Plin. 35,132 *ed. Sillig*; Antip. Anth. Pal. IX, 792.

изъ возможныхъ источниковъ этого рода, объясняющихъ это загадочное явленіе сходства между разсматриваемыми картинами, можетъ быть, думается намъ, указанъ съ большою вѣроятностью: мы говоримъ о *возможности созданія всѣхъ* ***пяти***, *относящихся къ разсматриваемой группѣ картинъ если* ***не однимъ и тѣмъ*** *же художникомъ, то по крайней мѣрѣ художниками* ***одной и той*** *же мастерской*, изъ которой вазы эти впослѣдствіи разошлись по различнымъ мѣстамъ ближайшимъ къ мѣсту самого ихъ производства. Предположеніе это имѣетъ за себя доводы, которые во всякомъ случаѣ нельзя не признать заслуживающими извѣстнаго вниманія. Сравненіе всѣхъ относящихся сюда вазъ однѣхъ съ другими показываетъ 1) что *форма* всѣхъ ихъ является одинаковой (всѣ онѣ представляютъ собою большія нижнеиталійскія амфоры своеобразнаго устройства съ волютообразными ручками); 2) что одинаковы на всѣхъ этихъ вазахъ и самый *стиль и техника* украшающей ихъ живописи (ср. Winkler: d. Darstellungen d. Unterwelt. S.): 3) *мѣстонахожденіе* всѣхъ этихъ вазъ, (изъ которыхъ ваза Неапол. м. 3222 найдена была въ Altamura, в. Мюнхен. м. № 849—въ Canosa, в. м. Karlsruhe—въ Ruvo, в. Santangelo—въ Armentum), указываетъ самымъ сосѣдствомъ пунктовъ, гдѣ онѣ были отысканы, что и мѣстомъ ихъ производства долженъ былъ служить если не какой-либо изъ самыхъ этихъ пунктовъ, то иной, ближайшій къ нимъ въ той же Нижней Италіи. Наконецъ, 4) и это особенно важно, *самый характеръ тѣхъ модификацій въ отдѣльныхъ частяхъ при очевидномъ и существенномъ сходствѣ въ цѣломъ*, которые допущены были въ однѣхъ картинахъ разсматриваемой группы сравнительно съ другими, свидѣтельствуютъ о томъ, что художнику или художникамъ, писавшимъ эти картины на вазахъ, настолько ясно и опредѣленно извѣстенъ былъ самый замыселъ ихъ, внутреняя идея, проникающая всѣ подробности самаго ихъ содержанія, насколько она можетъ быть вообще извѣстною только оригинальному ихъ творцу, а не какому-либо изъ тѣхъ многочисленныхъ копировальщиковъ ремесленниковъ, которые, копируя въ произведеніяхъ своей мелкой подѣлки какой либо извѣстный великій оригиналъ нерѣдко лишь съ самымъ поверхностнымъ знаніемъ его настоящаго содержанія, имѣютъ тѣмъ менѣе возможности удаляться отъ даннаго образца въ область свободнаго творчества и связанныхъ съ нимъ модификацій самаго оригинала, чѣмъ болѣе

крупнымъ, общеизвѣстнымъ и совершеннымъ по содержанію и формѣ является этотъ послѣдній. Это, именно, соображеніе является особенно важнымъ при рѣшеніи вопроса о зависимости разсматриваемыхъ картинъ вообще отъ какого-либо (хотя бы и неизвѣстнаго намъ) оригинала стѣнной живописи, ибо несомнѣнно, что наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ копированія всякаго крупнаго и пользующагося большою извѣстностью оригинала въ произведеніяхъ мелкой подѣлки оказывается *возможно болѣе близкое, лишенное всякой свободы, безусловное слѣдованіе за его содержаніемъ и притомъ именно въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ оно выразилось въ самомъ оригиналѣ, при отсутствіи какихъ бы то ни было попытокъ отступиться отъ даннаго образца хотя бы въ малозначительныхъ деталяхъ*. Если такія отступленія существуютъ, если въ однѣхъ изъ этихъ картинъ сравнительно съ другими не только видоизмѣняются одинаковыя по значенію группы (напр., по числу и положенію отдѣльныхъ фигуръ въ группѣ, какъ это мы видимъ въ гр. Данаидъ, загробныхъ судей, Пейриѳоя и др.), но и вовсе замѣняются однѣ группы другими [1] или изображаются различные моменты одного и того же событія, (послѣднее особенно ясно видно по отношенію къ Орфею и Тезею), то именно *въ этой свободѣ трактовки одного и того же содержанія*, разъ въ своемъ первоначальномъ замыслѣ оно получило столь необычное, своеобразное сочетаніе двухъ (или даже трехъ) разновременныхъ событій, и *является наиболѣе убѣдительное на нашъ взглядъ, свидѣтельство въ пользу того, что всѣ существующія тутъ модификаціи* (въ отдѣльныхъ частяхъ композиціи однѣхъ изъ этихъ картинъ сравнительно съ другими), *обязаны своимъ происхожденіемъ тому же самому художнику* (*или художникамъ*), *которому принадлежитъ и первоначальный, оригинальный замыселъ этого сложнаго сюжета* [2], свободно трактованнаго затѣмъ на всѣхъ, относящихся къ разсматриваемой группѣ, большихъ нижнеиталійскихъ амфорахъ.—

Каковъ, именно, былъ внутренній смыслъ и значеніе этого оригинальнаго замысла и какія, именно, идеи должно было вызывать

---

[1] См. выше сравнит. обзоръ содержанія всѣхъ картинъ этой группы.

[2] Хотя, быть можетъ, и стоящій въ нѣкоторой зависимости отъ какого-нибудь неизвѣстнаго намъ крупнаго оригинала стѣнной живописи.

въ умѣ зрителя это на первый взглядъ странное сочетаніе событій и лицъ,—сказать вполнѣ опредѣленно современный изслѣдователь, конечно, не имѣетъ возможности. Но изъ сопоставленія содержанія всѣхъ этихъ сложныхъ картинъ можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе о существѣ этого самаго замысла,—можно утверждать, что художникъ, создавшій этотъ послѣдній, стремился здѣсь столь необычнымъ сочетаніемъ лицъ и событій выразить одну оригинальную идею, указать зрителю одно, значительное для него по своей важности обстоятельство: глубокое и существенное различіе въ отношеніи подземныхъ боговъ, съ одной стороны, къ тѣмъ немногимъ смѣлымъ героямъ народнаго сказанія, которымъ еще *при жизни*,—согласно этому послѣднему,—удавалось проникнуть въ царство Плутона, а съ другой, ко всѣмъ представителямъ *умершаго* человѣчества, которые, нисходя въ преисподнюю по волѣ судьбы, остаются тамъ ея постоянными обитателями. Онъ показываетъ зрителю въ каждой изъ своихъ картинъ подвиги смѣлаго нисхожденія въ преисподнюю различныхъ миѳическихъ лицъ, которыя проникали туда, *оставаясь живыми:* одинъ — подъ дѣйствіемъ неудержимой тоски по умершей супругѣ (Орфей); другой—въ силу чисто внѣшняго для него принужденія (Гераклъ); остальные два—побуждаемые лишь собственною дерзкою отвагой (Тезей и Пейриѳой). Но избирая для каждой изъ своихъ картинъ именно названныхъ сейчасъ лицъ, онъ имѣлъ въ виду,—должно думать,—показать этимъ самымъ, что ни одно посѣщеніе преисподней живущими, не рѣшившимися для этого умереть и, стало быть, нарушившими законъ природы и боговъ о нисхожденіи въ преисподнюю однихъ лишь умершихъ, не остается безнаказаннымъ,—все равно, ради какихъ бы мотивовъ оно не совершалось: Геракла постигаетъ впослѣдствіи бѣшенство, приводящее его къ новому преступленію, и трагическая смерть; Пейриѳой и Тезей (или одинъ первый) въ наказаніе за дерзкую свою попытку оставляются приросшими къ скалѣ внутри преисподней: Орфей высылается изъ преисподней лишь съ призракомъ своей супруги, безслѣдно исчезающимъ при первомъ же взглядѣ на него пѣвца, а впослѣдствіи и самъ погибаетъ отъ женщинъ, за то, именно,—какъ поясняетъ намъ извѣстное мѣсто Платон. діалога «Пиръ» (179 с—180 В),—что онъ не рѣшился изъ любви къ Эвридикѣ умереть, какъ Алцеста умерла ради своего мужа, но ухитрился проникнуть въ преисподнюю живымъ.

Но если сурово и неумолимо отношеніе подземныхъ боговъ къ такимъ и подобнымъ нарушителямъ божескаго закона о допущеніи въ преисподнюю однихъ лишь умершихъ, то отношеніе ихъ къ этимъ послѣднимъ,—къ представителямъ умершаго человѣчества, (показываютъ зрителю тѣ же картины), оказывается, здѣсь совершенно инымъ. Каждый изъ умершихъ, кто бы онъ ни былъ при жизни, находитъ для себя, нисходя въ преисподнюю, воздаяніе за свою земную дѣятельность—воздаяніе справедливое и въ то же самое время милостивое, ибо жребій каждаго изъ нихъ опредѣляется тамъ судьями всевѣдущими и нелицемѣрными, рѣшающими посмертную участь каждаго столь же нелицепріятно и безошибочно, сколько и милостиво. Въ силу этого и въ самой той преисподней, которую рисуютъ разматриваемыя картины передъ глазами зрителя, вѣчныя наказанія претерпѣваютъ только тягчайшіе преступники противъ самихъ безсмертныхъ боговъ (подобно Сизифу и Танталу) или законовъ божескихъ и человѣческихъ (подобно человѣкоубійцамъ Данаидамъ, являющимся въ то же время за отверженіе мистерій и преступницами противъ боговъ). Судьба всѣхъ остальныхъ умершихъ въ этой преисподней уже не заключаетъ въ себѣ ничего ужаснаго, ничего тяжелаго въ сравненіи даже съ прежнимъ земнымъ существованіемъ, относительно котораго оно представляется какъ-бы простымъ его продолженіемъ: самая дѣятельность наказующихъ Эриній не находитъ себѣ приложенія по отношенію ко всѣмъ такимъ умершимъ обыкновенной (средней) жизни, ни доброй, ни злой, оказавшимися по суду ни праведниками, ни великими грѣшниками. Что касается, наконецъ, людей высокой добродѣтели, проведшихъ земную жизнь согласно законамъ божескимъ и человѣческимъ, особенно если передъ смертью они удостоились посвященія въ мистеріи, то для нихъ,—свидѣтельствуютъ эти картины,—загробное существованіе является благомъ безконечно высшимъ, чѣмъ самая жизнь на землѣ, ибо только тамъ, въ преисподней, получаютъ они вѣчно невозмутимое, вѣчно блаженное и полное безконечныхъ радостей существованіе вмѣстѣ съ самими подземными богами, дарующими имъ, въ награду за добрую жизнь и благочестіе, высокое право—жить на вѣчно прекрасныхъ лугахъ подлѣ самой своей священной обители.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДМЕТА.

The *Academy* 1874, p. 57 (оп. лек. Брит. муз. съ изобр. Харона).

Aeschyli tragoediae. Ed. altera, G. Hermann. Berolini, 1859—*Aeschyli* fabulae cum lect. et schol. etc. ab H Vitelli d. c. ed. N. Wecklein. 1—2 Berolini, 1885-93.

Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica. Roma-Parigi-Berolini, 1837, pag. 219—242 (оп. в. Carlsruhe 388 и Münh. 849); 1864, p. 283 sqq. (в. Neap. 3222); 1873, p. 93, tav. J. K. (в. Берлин. муз. 3023).

Apollodori bibliotheca, ex rec. R. Hercheri. Berolini, 1874.

Aristophanis Ranae. Ed. H. Blaydes. Halis Sax., 1889.

Archäologisch. Anzeiger 1851, S. 89 — 90 (в. Neap. 3222); S. 35 (в. Karlsruhe 388); 1867, S. 116 ff. (в. Lentini).

Archäolog. Intelligenzblatt 1834, S. 60 (в. Lentini).

Archäolog. Zeitung 1843, S. 177—190 (*F. Welcker*: die griechische Unterwelt); ibid. S. 191 (в. Santangelo 11 и 709); ibid. S. 193—202, Taf. XI—XII; 1844, S. 225—227, Taf. XIII—XV (*E. Gerhard*: die Unterwelt auf Gefässbildern); 1844, S. 289—294, Taf· XVIII (крат. изъ Pisticci); 1848, S. 220 (Santang.709); 1848, S. 284 ff. и 1870, S. 42--43, Taf. 31, 22 (лек. собр. pr. della Trabia); 1870, S.15 (лек. Аѳин. собр. съ изобр Харона), 1884, S. 253 ff., Taf. 18 — 19 (*Hartwig*: neue Unterweltsdarstellungen auf griechischen Vasen); 1885, S. 1—24 (*Fr. von Duhn*: die Charondarstellungen); 1885, S. 71 (в. Karlsruhe 258).

Bachofen J: Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel, 1859.

Baumeister: Denkmäler des klassisch. Alterthums 1885 — 1888. Artik. «Unterwelt», S. 1926 ff., и др.),

Bellinger: Quae Homeri de Orci natura et animarum post mortem conditione fuerit sententia commentatio [Помѣщ. въ Programm d. herzogl. Nassauischen Hymnasiums zu Hadamar, 1847].

Benndorf Otto: griechische und sicilische Vasenbilder. Berlin. 1869—83.

Bulletin de Correspond. hellénique I, p. 39, 1: I. p. 42, 5—6; I. p. 40, 3, pl. I—II; I, p. 41, 4; II, p. 414—415; III, p. 177; IV, p. 371—372 (оп. лекиѳовъ Аѳин. собр. съ изобр. Харона).

Bulletino Archeologico Napoletano 1843, p. 100—102, tav. v. (кр. изъ Pisticci); Nuova serie T. III, p. 49 sqq. 3. (в. Эрмитажа 426); IV, p. 75 и V, p. 58 (Jatta 1094); VIII, tav. 6, 7, 8 (в. Santang. 11).

Bulletino dell'Instituto dĭ corrispondenza archeologica. Roma, 1848, p. 23—24, 38—43 (в. Neap. 3222); 1859, p. 131 (в. Моск. Мюнцъ-Каб. № 6), 1870, p. 70 (в. Lentini).

Buttmann Ph.: Lexilogus oder Beitrage zur griech. Worterklärung etc. Berlin, 1818—25.

Campanari: antichi vasi dipinti della collezione Feolī. Roma, 1837.

Catalogue of the Greck and Etruscan vases in the Britisch Museum London. 1851.

Collignon: catalogue des vases peints du M. d. l. S. A. d'Athènes, 1878.

Compte-Rendu de la Commlss. arhéolog. p. l'ann. 1860, p. 73; 1863, p. 14, 91 и 268 (в. Эрмит. 426); 1862, p. 157; 1863, p. 265, и 268 (в. Эрмит. 424).

Creuzer Fr.: Abbildungen zur Symbolik und Mythologie. Leipzig. 1819.

Creuzer Fr.: Deutsche Schriften. Leipzig, 1836—47.

Dieterich A.: Nekyia. Beiträge zur Erklärung d. neuentdeckten Petrusapokalypse. Leipzig, 1893.

Ettig: Acheruntĭca sive descensuum apud veteres ennaratio [пом. въ Leipzig. Studien 1891, XIII, H. 2, S. 251—410].

Euripidis tragoediae, ex recens. Ad. Kirchhoffii. Berolini, 1855.— Jd. rec. Dindorfii Oxonii, 1865.

Fröhner: Vasen und Terracotten d. Grossherz. Kunsthalle zu Karlsruhe. Geidelberg, 1860.

Furtwängler A.: Beschreibung d. Vasensammlung im Antiquarium. Berlin, 1885.

Furtwängler W.: die Idee des Todes in d. Mythen und Kunstdenkmälern d. Griechen. Freiburg. 1860.

Gerhard Ed.: auserlesene griechische Vasenbilder. I — III. Berlin, 1839—58.

Gerhard Ed.: Vases grecs relatifs aux mystères. Stuttgart, 1839.

Gurlitt J.: Pindar's Olymp. und Pythische Siegsgesänge Hamburg, 1807—10.

Helbig: Untersuchungen über die Campanische Wandmalerei. Leipzig, 1873.

Hesiodi carmina [Ἡσιόδου ποιήματα]. Gr. et. lat. Parisis, 1840. F. Lehrs.—*Hesiodea* quae feruntur carmina etc. recens. Arm. Koechly, lect. var. subscr. G. Kinkel. Lipsiae, 1870.

Heydemann: die Vasensammlungen des Museo Nationele zu Neapel. Berlin, 1872.

Hirsch: de animarum apud antiquos imaginibus dissertatio. Jena, 1889.

Homeri carmina et cycli epici reliquiae [Ὁμήρου ποιήματα καὶ τὰ τοῦ κύκλου λείψανα]. Gr. et. lat. Parisiis. 1862. Didot. — *Homeri carmina*, rec. Arth. Ludwich. Odyssea, Lipsiae, 1889—91 2 vol.

Jahrbuch d. Kaiserl. Deutsch. Archäolog. Institut 1887, S. 240 (лек. съ изобр. Харона); 1889, S. 227 ff., Taf. VII (фр. в. Karlsruhe 258); 1893, S. 104 — 113 (*Kuhnert*: unteritalische Nehyien); 1893, S. 157 ff. (*Hartwig*: d. Heraufholung d. Kerberos auf rothfigur. Schalen).

Jahn O.: Beschreibung d. Vasensammlung König Ludwigs in d. Pinacotek zu Müuchen. Münch., 1854.

Jatta: catalogo del Museo Jatta. Napoli, 1869.

Journal of Hellen. Studies 1883 p. 107 (в. Neap. 3378).

Kekulé: strenna festosa, offerta al S. Henzen. Roma, 1867.

Lehrs K.: de Aristarchi studiis Homericis. Regimontii Prussorum, 1833.

Lobeck: Aglaophamus, sive de theologiae mysticae graecorum causis, 1829.

Λουκιάνου τοῦ Σαμοσάτεως τά σωζόμενα. Gr. et lat. Parisiis, 1867. G. Dindorfii.

Mensel: die vorchristliche Unterblichkeitslehre. Leipzig, 1872.

Millin: description des tombeaux de Canosa. Paris, 1816.

Millin: gallerie mythologique. Paris, 1811.

Minervini: descrizone di alcuni vasi fittili della collez. Jatta. Napoli.

Monumenti inediti publicati dall'Instituto di corrispondenza archeologica. Roma-Parigi. T. II, 49 (в. Karlsruhe 388); IV, 19 (кр. изъ Pisticci); VIII, 9 (в. Neap. 3222).

Müller E.: Parallelen und Typen zu d. messian. Weissag. Leipzig, 1875.

Müller L. H: die Eschatologie Platon's und Cicero's in inhrem Verhältnisse zum Christenthume. Jever, 1854.

Müller K. O.: prolegomena zur wissenschaftlich. Mythologie. Göttingen 1825.

Müller-Wieseler: Denkmäler d. alten Kunst. I — II. Göttingen, 1854—56.

Nägelsbach C. Fr.: die homerische Theologie. Nürnberg, (2 Aufl) von. G. Autenrieth, 1861; id. (3 Aufl.), 1884.

Nägelsbach C. Fr.: die nachhomerische Theologie des griechisch. Volksglaubens bis auf Alexander d. Gr. Nürnberg, 1857.

Nitzsch: erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee. Bd. III. Hannover, 1840.

Panofka. Musée Blacas, monuments grecs et etrusques, Paris, 1830.

Pauly's Real-Encyclopädie d. class. Alterthumswissenschaft. Stuttgart, 1839 и сл. (III, S. 108 ff. Preller: Eleusinia; S. 1168 ff. Metzger: Hercules и др.).

Pindari opera quae supersunt. Textum in genuina metra rest. etc., Aug. Boeckhius. Lipsiae 1811 — 21.— *Pindari* carmina, ed. Tycho Mommsen. Berolini (ap. Weidmannos) 1866.

Platonis opera Ex recens. K. B. Hirschigii. Gr. et lat. I—II. Parisiis. 1856—62. Didot.

Pottier: étude sur les lécythes blancs attiques. Paris, 1883.

Preller: griechische Mythologie. Berlin, 1881—83 (3 Aufl.) von Jordan, id. 1-er Bd. (4 Aufl.) 1887—94 (Robert).

Raoul-Rochette: monumens inedits d'antiquité figurée grecque etrusque et romaine. Paris, 1833.

Revue archéologique II, p. 476 (в. Santang. 709 и 11); 1868, p. 376 sqq. (в. Neap. 3378).

Rocher's Lexikon... Artik.: Aegyptos (S. 155 ff): Charon (S. 884 ff.); Dainaiden (S. 949 fl), Kerberos (S. 1119 ff.), и др.

Robert: archäologische Märchen aus alter und neuer Zeit. Berlin. 1886.

Rohde E.: Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. 1—2 Freibung, 1890—94.

Schneider J. G.: Versuch über Pindar's Leben und Schriften. Strassburg, 1774.

Шварцъ А. Н.: краткое описаніе древне-греч. сосудовъ; принадлежащихъ Императ. Московск. Университету. Москва, 1890.

Sigwart H. C. W.: Geschichte der Philosophie vom allgem. wissensch. und geschichtlich. Standpunkt. Stuttg. und Tübingen, 1844.

Sitzungs-Berichte d. König. Sachs. Gesellsch. d. Wissenschaft, 1856. S. 282 (Эрмит. 424); 1869, S. 10 (в. Karlsruhe 388).

Sophocles. Tragoed. with annotations and introduction by Ed. Wunder. London 1860—68. Id. erkl. von F. Schneidewin, bes. von. A. Nauck. 1884—94. Berlin (Weidmann).

Spiess. E.: Entwickelungsgeschichte der Vorstelungen vom Zustande nach dem Tode, Jena, 1877.

Stackelberg: die Gräber der Hellenen. Berlin, 1837.

Stephani L: die Vasensammlung der Kaiserlich. Ermitage, Petersburg, 1869.

Teuffell W. S.: Studien und Charakteristiken zur griech. und römisch., sowie zur deutsch. Litteraturgeschichte. Leipzig, 1871.

Tischbein: peintures des vases etrusques d Hamilton. Paris, 1791.

Tischbein: recueil de gravures d'aprés des vases antiques d'un ouvrage grec, tirées du cab. de M. le Ch. Hamilton. Naples, 1791.

Трубецкой С. кн.: метафизика въ древней Грецiи. Москва, 1890.

Valentin V.: Orpheus und Heracles in der Unterwelt. Berlin, 1865.

Völcker: über die Bedeutung von ψυχή und εἴδωλον in d. Ilias und Odyssee. Giessen, 1825.

I. H. Voss: kritische Blätter nebst geograph. Abhandlungen. Stuttgart. 1828.

Welcker F. G.: alte Denkmäler. 1—5. Göttingen, 1849—64.

Welcker: Göttingische gelehrte Anzeigen. Götting, 1817.

Wiener Vorlegeblätter für archäologische Uebungen, Serie E, Taf. I—VI (1886, herausg. von O. Bendorf).

Wilamowitz-Moellendorf: Homerische Untersuchungen. Berlin, 1884. (Weidmann).

Winiewsky Fr.: de animarum post mortem statu, qualis apud tragicos Graecorum poëtas investigari possit: secundum Aeschylum, Sophoclem, Euripidem. [Пом въ Index lectionum auspiciis Aug. ac Potent. Reg. Fr. Guil. IV in Acad. theolog. et philos. Monasteriensi publ. priv.-que habendarum, 1857—1861].

Winkler A.: die Darstellungen der Unterwelt auf unteritalischen Vasen [Пом. въ Breslauer philolog. Abhandlungen. Bd. III, Heft. 5, 1880].

Winnefeld: Grossherzogl. vereinigte Sammlungen zu Karlsruhe. Beschreibung der Vasensammlung. Karlsruhe, 1887.

De-Witte: description des antiquités et objets d'art qui comp. le cab. de M. Durand. Paris. 1836.

De-Witte: description des antiquites de la coll. de M. Beugnot. Paris, 1840.

Woermann: die antiken Odysseelandschaften. München, 1876.

Zeller Ed. d. Philosophie der Griechen in ihrer gesch. Entwicklung (4-te Aufl.) Leipzig, 1889.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

№ XIII (стр. 164). Карт. на н.-ит. амфорѣ изъ Armentum, Неапол. муз. (колл. Santangelo) № 11. [По Arch. Zeit. 1867, Taf. 220].

№ XIV (стр. 170).—Похищеніе Геракломъ Кербера. Карт. на ч.-фиг. вазѣ Неаполит. муз. № 267. [По Jahrb. d. k. d. A. Inst. VIII, 3. S. 157].

№ XV (стр. 171). Похищеніе Геракломъ Кербера. Карт. на кр.-фиг. чашѣ, изобр. въ Jahrb. d. k. d. A. Inst. VIII, 3. S. 159.

№ XVI (стр. 174). Истребованіе Персефоны изъ преисподней Гермесомъ. Карт. на кр.-фиг. амфорѣ Британ. муз. F. 276. [По Winkler: d. Darst. d. Unterwelt, табл.].

№ XVII (стр. 177). Карт. преисподней на н.-ит. амфорѣ изъ Ruvo, Императ. Эрмитажа № 424. [По Arch. Zeit. 1844, Taf. XIII].

№ XVIII (стр. 182). Карт. на лекиѳѣ Палермскаго музея изъ собр. princ. della Trabia. [По Arch. Zeit. 1870, Taf. 31, 22].

№ XIX (стр. 185). Сизифъ и Данаиды. Карт. на ч. фиг. амфорѣ Мюнхен. муз. № 153. [По Baumeister: Denkmaler, рис. № 2040].

№ XX (стр. 189). Наказаніе Сизифа. Карт. на ч.-фиг. амфорѣ Мюнхен. музея № 728. [По Gerhard: auserl. gr. Vasenb. II, Taf. LXXXVII].

№ XXI (стр. 191). Картина на килликсѣ, опубл. у Gerhard: aus serles. griech. Vasenbilder, II, Taf. LXXXVI.

№ XXII—XXIII (стр. 193—194). Картины загробнаго суда на вазѣ, опубл. у *Gerhard*: auserl. griech. Vasenb. III, Taf. 239 a—b.

№ XXIV (стр. 200). Картина на лекиѳѣ собр. Louriotis въ Аѳинахъ. [По Arch. Zeit. 1885, S. 18].

№ XXV (стр. 201). Картина на лекиѳѣ Берлин. музея № 2680. [По Arch. Zeit. 1885, Taf. III].

№ XXVI (стр. 202). Картина на лекиѳѣ Берлин. муз. № 2681. [По Arch. Zeit. 1885, Taf. II.].

Date Due

